

Современная практика православного благочестия. Том II профессор Николай Евграфович Пестов

[Том I →](#)

[Аудио](#)

Пятая, шестая и седьмая части фундаментального труда Пестова: «Взаимоотношения с миром», «В отчем доме», «Христианское воспитание детей».

Продолжение четвертой части

Непрестанная молитва

Глава 13. Различные формы непрестанной молитвы

Должно всегда молиться. Лк. 18, 1

Непрестанно молитесь. 1Фес. 5, 17

Можно наблюдать, что часто молитва и жизнь христианина не связаны в одно целое. Человек уделяет молитве время утром и вечером, а в остальное время дня забывает и о молитве, и о Боге, и об учении Христа, и об Его заповедях.

Молитва в этом случае как бы обособляется и не проникает в жизнь. От этого жизнь христианина в таких случаях мало чем отличается от жизни живущих вне Бога: человек легко поддается действию страстей, его возмущают бури душевные, и он чувствует себя незащищенным и покинутым при житейских невзгодах.

Это случается потому, что человек не умеет постоянно владеть могучим оружием христианина – непрестанною молитвою. Он как бы примеряет оружие утром и вечером, а на день снимает его и выходит на ежедневную битву с врагом без оружия.

«Кроме непрестанной молитвы, мы приблизиться к Богу не можем», – говорит прп. Исаак Сириянин.

А св. Григорий Палама пишет:

«Нам надлежит не только самим молиться всегда, но и других всегда учить тому же, всех вообще: и монахов, и мирян, и мудрых, и простых, и мужей, и жен, и детей – и побуждать их молиться непрестанно».

Св. Симеон Новый Богослов учит:

«Тот, кто непрестанно молится, – в этом одном все доброе соединяет».

Св. отцы говорят также, что «если ты молишься только тогда, когда встал на молитву, – то ты никогда не молишься».

Надо понимать также, что мы подвергаемся действию непрестанного потока искушений: в мыслях и в чувствах, при

работе, отдыхая, в постели и т. д. Поэтому и основное средство борьбы с искушениями – молитва – также должна быть непрестанной. Отсюда привычка к непрестанной молитве есть самая важная, самая необходимая из всех привычек, и для приобретения ее христианин не должен жалеть усилий.

Есть несколько форм непрестанной молитвы. Одной из них так учит св. Василий Великий:

«Молиться надобно всегда, при всяком случае... Вкушая хлеб, воздай благодарение Давшему его. Надеваешь одежду – благодари Даровавшего нам покровы... Пришел ли день – благодари Даровавшего нам солнце... Когда смотришь на небо и увидишь красоту звезд, молись Владыке видимого и поклонись наилучшему Художнику Богу, Который «вся Премудростию сотворил еси» (Пс. 103, 24). Когда увидишь, что вся природа объята сном, опять поклонись Тому, Кто посредством сна разрешает нас от непрерывности трудов... Таким образом, непрестанно будешь молиться, не в словах заключая молитву, но через все течение жизни приближаясь к Богу, чтобы жизнь твоя была непрерывною и непрестанною молитвою».

Как видно из приведенной выдержки, св. Василий Великий понимает под непрестанной молитвой непрекращающееся состояние богомыслия, т. е. постоянной памяти о Боге и зависимости нас и всех наших дел и всей природы от нашего Создателя и Промыслителя.

Как пишет прп. Иоанн Лествичник:

«Нужно возвращать наш ум к Богу не только стоя на молитве, но приготовляться к ней весь день, всю жизнь – и это само по себе уже будет молитва».

О такой же форме непрестанной молитвы пишет в своих трудах и великий молитвенник о. Иоанн С:

«Везде и всегда, иду ли я, еду ли, сижу или лежу, мысль о Боге никогда не покидает меня. Я молюсь Ему духом, мысленно предстою Ему и созерцаю Его пред собою».

Несколько другая форма непрестанной молитвы излагается в поучениях епископа Феофана Затворника:

«Надо в продолжение дня чаще к Богу из сердца взывать краткими словами, судя по нужде души и текущим делам. Начинаешь что, например, говори: «Благослови, Господи». Кончаешь дело, говори: «Слава Тебе, Господи», – и не языком только, но и чувством сердца. Страсть какая поднимается, говори: «Спаси, Господи, погибаю». Находит тьма помышлений сомнительных – взывай: «Изведи из темницы душу мою». Предстоят неправые дела, и грех влечет к ним – молись: «Наста-ви мя, Господи, на путь»; грехи подавляют и влекут в отчаяние – возопи мытаревым гласом: «Боже, милостив буди мне грешному». Так и во всяком случае. Или просто часто говори: «Господи, помилуй», «Владычице Богородице, помилуй мя!», «Ангел Божий, хранителю мой святой, защити меня», или другим каким словом взывай. Только, сколько можно чаще делай эти взывания, всегда стараясь, чтобы они из сердца исходили».

Здесь, как мы видим, еп. Феофан предлагает нам в течение всего дня непрестанно возносить краткие молитвы, в зависимости от наших дел и состояния, с просьбами о помощи, защите и укреплении нас.

Здесь уместно вспомнить, как привычка к памяти о Боге и непрестанной молитве три раза спасала старца Силуана от смертельной опасности.

Прямо на него бежала бешеная собака – бежать от нее было уже невозможно. Силуан успел лишь помолиться: «Господи, помилуй». И какая-то сила отшвырнула собаку в сторону, и она пробежала мимо. В другой раз на него катилось с высокой горы большое бревно. Опять он воззвал к Господу о помощи, и бревно остановилось, зацепившись за что-то.

В третий раз в его дыхательное горло попала рыбная кость. Тотчас же он обратился в молитве к великомученику и целителю Пантелеимону, и ему было внушено сильно кашлянуть – и кость вышла из гортани с большим количеством крови.

Мы слышали также рассказ про одного кавказского старца-пустынника, непрестанно творившего молитву. Как-то случайно, когда он шел по горам, у него прервалась молитва. Внезапно он поскользнулся и полетел под откос в пропасть. Падая, он

возобновил молитву, и тотчас же его падение прекратилось, и он оказался стоящим твердо на своих ногах.

Особый образец непрестанной молитвы дает нам прп. Макрина – сестра св. Василия Великого. К непрестанному богомыслию и молитве преподобная приучила себя уже с детства путем не прекращающегося в ее устах священного песнопения. В жизнеописании преподобной написано:

«Вставала ли она (еще девочкой) с постели или принималась за какое-либо дело, садилась ли обедать или вставала из-за стола, полдень и вечер – она не пропускала без пения псалмов».

Какова бы ни была форма непрестанной молитвы, она приводит христианина к тому, что он находится в непрестанном общении с Богом, черпает в Нем силу, сохраняет свое духовное устройство и этим достигает цели своей жизни – всегдашнего пребывания в Духе Святом.

Прп. Иоанн Лествичник так говорит о необходимости постоянного бодрствования молитвенного:

«Помни, что надо и после молитвы сохранять себя, и ты должен знать, что толпы бесов, побежденных тобою, вновь осаждают тебя».

Для приближения себя к непрестанной молитве необходимо утренние и вечерние правила дополнять молитвами в течение самого дня.

Как известный минимум прп. Серафим предлагает мирянам совершать молитвенное правило три раза в день – утром, среди дня и вечером. В течение дня преподобный допускает совершение правила среди дела – на ходу, если нельзя выбрать времени для уединения.

Его правило для погруженных в суету дня мирян состоит из чтения: три раза «Отче наш», три раза «Богородице» и один раз «Верую». Тот, кто читает утром и вечером обычные церковные правила, может для середины дня брать хотя бы правило прп. Серафима.

Помимо кратких воззваний к Господу среди дня, как это учит делать еп. Феофан Затворник, можно рекомендовать

произнесение (вслух или в уме) определенных молитв, предлагаемых Церковью при различных обстоятельствах.

Так, в молитвеннике можно найти молитвы, совершаемые перед началом всякого нового дела и после него, перед дорогой, перед учением, благодарение Бога за Его благодеяния, которые мы непрерывно получаем от Господа, и т. д.

Горе нам, если мы будем пренебрегать вовремя помолиться: это сразу же отразится на деле и на самочувствии нашем. Совершение подобных молитв в течение дня также приблизит христианина к выполнению завета о непрестанной молитве.

При непрестанной молитве не следует смущаться никакими внешними занятиями или положением и никогда не переставать молиться. Об этом так говорят прпп. Варсонофий Великий и Иоанн:

«Сидишь ли ты, занят ли чем, ешь ли, или иное что делаешь ради потребности телесной, к востоку ли или к западу случится быть обращенным – не сомневайся молиться, ибо мы получили заповедь делать сие непрестанно и на всяком месте... Когда и голова у тебя покрыта, не оставляй молитвы, но соблюдай лишь то, чтобы делать это не с пренебрежением... Итак, стоишь ли ты или сидишь, или лежишь – пусть бодрствует сердце твое в твоём псалмослужении. Предавайся молитве, непрестанно прибегая к Богу днем и ночью, и тогда враги, борющиеся душу, отступят, постыженные... Совершенные отцы наши не имели определенного правила, но в течение целого дня... несколько упражнялись в псалмопении, несколько читали изустно молитвы, несколько испытывали помыслы; мало, но заботились и о пище».

При этом прп. Варсонофий пишет, что «если ты непрестанно молишься, по слову апостола (1Фес. 5, 17), то не нужна продолжительность, когда встаешь на молитву, ибо ум твой весь день пребывает в ней».

Следует отметить, что непрестанное внутреннее общение человека с Богом может совершаться не только при физическом

труде, но и при всех видах умственного труда. Об этом так говорится во 2-й части «Откровенных рассказов странника».

Профессор спрашивает схимника: «Когда должен я заниматься чем-либо исключительно умственным, как то: внимательным чтением, или обдумыванием глубокого предмета, или сочинения, то как могу при этом молиться умом и устами?» Схимник отвечает:

«Представь, что строгий и взыскательный царь повелел тебе сочинять рассуждения на данную им глубокую тему в его присутствии – у подножия его трона: как бы ты ни был совершенно занят твоим предметом, однако же сознание присутствия царя, в руке которого жизнь твоя, овладевая тобою, не попустит тебя ни на малое время забыть о нем. Это-то ощущение и живое чувство близости царя очень ясно выражает возможность заниматься непрестанною внутреннею молитвою и при умственных упражнениях».

Великое дело христианина – приучить себя к непрестанной молитве.

Как говорил старец Силуан:

«Господь славословится во всех храмах, а истинные христиане славят Бога в сердцах своих. Сердце христианина – храм, а ум его служит престолом, ибо Господь любит обитать в сердце и уме человека. Когда же непрестанная молитва утвердится в глубине сердца, тогда весь мир превращается в храм Божий».

Кроме перечисленных выше форм непрестанной молитвы ниже будет говориться отдельно (в гл. 13) об особой и наиболее важной ее форме – так называемой молитве Иисусовой.

Приложения к главе 13-й

Ниже приводится пример молитвы-богомыслия священномученика Петра Дамаскина, исполненной величайшего смирения и покорности воле Божией.

«Хочешь ли ради смирения попустить на меня искушения – я также не отойду от Тебя и ничего не буду делать самовластно. Без Тебя я не произошел бы из небытия, и не могу ни жить, ни спастись. Что Ты хочешь, то и твори с созданием Твоим. Но верую, что, будучи Благ, Ты устроишь

лишь благое, хотя я и не познаю, что это полезно; но я недостойн знать и не прошу научиться, чтобы получить спокойствие: может быть, это мне не полезно. Не смею просить и облегчения какой-либо брани (искушения): хотя я и немощен и во всем отягощен, но не знаю, что мне полезно. Ты ведаешь все: как ведаешь – сотвори, только бы мне не погрешить, что бы ни случилось; но хочу или не хочу, спаси меня. Однако и это – если Тебе угодно. Мне вовсе не подобает думать об этом. Я перед Тобою как бы бездушный... Ты всем хочешь блага. Это ясно из всех благодеяний, которые Ты оказал и постоянно нам оказываешь по благодати, явно и неявно, которые мы знаем и которых не знаем, из самого превышающего ум снисхождения Твоего к нам. Кто я, что осмеливаюсь извещать Тебя о себе, Сердцеведец? Но говорю это для того, чтобы и мне самому, и врагам моим знать, что я прибегаю к Тебе, Пристанищу спасения моего. Через благодать Твою познал я, что Ты – мой Бог, и уже не смею много говорить, но только хочу представить Тебе мой ум свободный от всего (мирского), глухой и немой ко всему (мирскому). Не знаю, делал ли я когда-либо что доброе, но всегда много злого, за которое в виде раба повергаюсь пред Тобою, прося о том, чтобы Ты сподобил меня каяться. Не попусти меня, Господи Иисусе Христе Боже мой, делать, или говорить, или мыслить неугодное Тебе. Довольно для меня множества стольких прежде бывших грехов моих; но – как Ты хочешь – помилуй меня. Велико для меня, что я ношу имя христианина. Как сказал Ты, Господи, одному из рабов Твоих: «Велико для тебя, что ты наречен Моим именем»; и для меня это более всех царств земных и неба"...

Чада мои, старайтесь приобрести постоянную молитву. Крепко просите о том Неусыпающую за нас Молитвенницу Матерь Божию, как я уже не раз повторял вам...

Навыкайте ни одного дела без молитвы не начинать. Работаешь ли ты по специальности твоей – прежде всего возьми благословение у Царицы Небесной. Перед Ее лицом произнеси молитву Иисусову.

А во время службы сердцем чувствуй присутствие Господа. Он все видит, даже мысли и чувства твои. Старайтесь каждое движение ваше, каждое прикосновение к предмету соединять с молитвой. Молитва рождает смирение, а без смирения нет спасения.

Окончив работу, вознесите благодарение Господу и Царице Небесной.

Чада мои, даже когда по лесенке поднимаетесь или спускаетесь, на каждой ступеньке говорите (про себя, в себе) по словечку из постоянной молитвы. Не благословляю иначе ходить по лестнице.

Неспешно творите молитву – и для души это оздоровление, и для сердца польза. «Не задаром воздух бьем». Каждое слово святое – это великая творческая сила. Каждое слово молитвы приближает нас к Богу. Мы опустошили наши слова, оторвав их от Господа.

Даже если нужно что житейское сказать, надо в сердце держать молитву. А кто еще не привык держать молитву при разговоре, то пусть хоть помнит, что говорит он в присутствии Господа и все, что он скажет, что почувствует – все видит Он, Отец наш Небесный, находясь здесь. Никогда нельзя забывать о вездеприсутствии Божиим. Забывать это – грех.

Для водворения в сердце постоянной молитвы требуется, чтобы молящийся не говорил ничего лишнего, праздного, а также чтобы не мечтал, не беспокоился и необдуманно не делал ничего, что ему захочется, а старался бы во всем творить волю Божию.

Беседуйте же, чада мои, как можно чаще с Господом в молитвах домашних. Это очищает сердце, укрепляет ум, дает силу в действиях исполнять волю Божию.

Вот вы обратились благодатными словами святых к Богу; но, может быть, это для вас и все?

Нет. После прочтения молитв с великим вниманием, в безмолвии мыслей и чувств нужно постоять хоть несколько минут, ожидая сердцем своим ответа, вразумления и т. д. Эти несколько минут вас многому научат – сначала 3 минуты, 5 минут, а потом... сами увидите, кому сколько нужно.

Прошу вас это исполнить и благословляю. Это усилит вашу постоянную молитву и отречение от своей воли и даст жажду получить (стяжать) в сердце Духа Святого.

Глава 14. Хранение ума и Молитва Иисусова

Именем Моим будут изгонять бесов. Мк. 16, 17

Берегите ум... О. Иоанн С.

Как пишет преподобный Макарий Великий:

«Как скоро удалишься от мира и начнешь искать Бога и рассуждать о Нем, должен будешь бороться со своей природой, с прежними нравами и с тем навыком, который тебе прирожден. А во время борьбы с этим навыком найдешь противящиеся тебе помыслы и борющиеся с умом твоим. Так как души, оставшиеся в естестве своем, по земле пресмыкаются помыслами, о земле помышляют, и ум их на земле имеет жительство свое. Сами по себе они думают, что принадлежат Жениху, но, не приняв елєя радости, не возродились они Духом свыше... Ибо князь мира сего, будучи некоею мысленною тьмою греха и смерти, каким-то сокровенным, жестким ветром волнует, наполняет и кружит непостоянными, вещественными, суетными помыслами всякую душу, не рожденную свыше и умом и мыслью не переселившуюся в иной век, по сказанному: «Наше житие на небесах есть» (Флп. 3, 20). И помыслы эти повлекут тебя и станут кружить тебя в видимом, от чего ты бежал. Тогда ты начнешь борение и брань, восстанавливая помыслы против помыслов, ум против ума, душу против души, дух против духа. Этим же истинные христиане и отличаются от человеческого рода. Ибо отличие христиан состоит не во внешнем виде и не в наружных образах, как многие думают, что в этом вся разность. От всех людей в мире отличается новая тварь – христианин – обновлением ума, умирением помыслов, любовью и небесной приверженностью ко Господу... Все богоугождение и служение Богу зависит от помышлений».

Прп. Исихий добавляет к этому:

«Ум с умом невидимо сцепляются на борьбу – ум демонский с нашим, и тогда у нас появляется нужда каждое

мгновение из глубины души взывать ко Христу Спасителю, чтобы Он отогнал ум демонский, растлевающий мечтанием наш ум, и победу даровал нам как Человеколюбец».

«Будь осторожен, береги свой ум», – говорил и о. Иоанн С.

А Н. в своей работе «О внутреннем христианстве» пишет так:

«Душа, воспринявшая в свое естество благодать Святого Духа, кружиться помыслами не может, это для нее не свойственно, она непрестанно погружает свой ум в волны молитвенной благодати и не носится в вихре кружений. Ум входит в небесную тишину благодатных помыслов. Но это дается не сразу: нужен труд внимательной молитвы. Таково просвещенное учение св. отцов о возрождении души свыше и таков благодатный, неоспоримый признак возрожденной души... Потому св. отцы с таким жаром устремлялись из этой смертной тьмы мысленного кружения на путь возрождения своей души от Духа Божия, на путь покаяния, устремлялись от кружения в помыслах в благодатную тишину ума, устремлялись трезвением, вниманием и умной молитвой. Внимательная молитва творила с ними чудо: помогала им отыскивать свою умерщвленную душу, оживотворяла ее, снимала с нее пелены страстей, выводила из мрака смертного демонского кружения, озаряла немерцающим светом Божества и вводила ум в Божественную тишину, из земных человек соделывала их небесными, бессмертными ангелами».

Так начинается наша борьба с духами бестелесными, злыми, коварными, которые ведут с нами неустанную борьбу посредством помыслов, вожделений и мечтаний.

Как пишет еп. Феофан Затворник:

«В движениях порочных сердца и помыслах средство истребить все это – непрестанная память о Господе и молитва к Нему».

Итак, для возрождения души необходима внимательная умная и, очевидно, непрестанная молитва.

Для этой цели, по многовековому опыту многочисленного сонма св. отцов, наиболее совершенной формой молитвы

является краткая Иисусова молитва: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного». При наиболее сокращенной форме ее произносят: «Господи Иисусе Христе, помилуй мя».

А прп. Серафим Саровский советовал во вторую половину дня присоединять к ней и молитву к Богородице: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, молитвами Богородицы помилуй меня грешного».

Вместе с тем следует знать, что легче приучить себя к непрестанной молитве, если постоянно повторять лишь одну ее форму, никогда не изменяя ее.

Творение Иисусовой молитвы приносит овладевшему ею освобождение от суетных помыслов – умирение ума, обильные духовные плоды – и очищает душу от страстей. Вот как об этом говорит прп. Варсонофий Великий:

«Непрестанно призывать имя Божие есть врачевание, убивающее не только страсти, но и самое действие их. Ибо от призывания имени Божия враги обессиливаются; а зная это, не перестанем призывать имя Божие на помощь. Как врач изыскивает (приличное) врачевание или пластырь на рану страждущего, и они действуют, причем больной и не знает, как это делается, так точно и имя Божие, будучи призываемо, убивает все страсти, хотя мы и не знаем, как это совершается».

«Имя Иисуса Христа страшно для демонов, для душевных страстей и недугов. Им украсим, им оградим себя», – говорит и св. Иоанн Златоуст.

Схиархимандрит Софроний пишет:

«Через молитву Иисусову приходит в сердце благодать Святого Духа, и призывание Божественного имени Иисуса освящает всего человека, покаяняя в нем страсти».

Как говорит св. Афанасий Александрийский:

«Имя Господне Иисуса Христа из всех имен, из всего любимого под небесами, – оно самое любимейшее и на земле и в мире горнем, ибо в нем мы познали Того, Кто нас возлюбил вечной любовью и начертал нас на дланях Своих, украсил Свое Божество нашим человечеством, ум наш создал Своим

престолом (св. Макарий Великий) и тело – Своим храмом (ап. Павел – 1Кор. 6, 19)».

Значение Иисусовой молитвы так характеризуется Симеоном, архиепископом Солунским:

«Она есть исповедание веры, подательница Духа Святого и Божественных даров, сердца очищение, бесов изгнание, Иисуса Христа вселение, духовных разумений и Божественных помыслов источник, грехов отпущение, душ и телес врачевание, милости Божией источник, единая спасительница как имя Спасителя нашего Бога в себе носящая».

«Носить со вниманием непрестанно в уме своем не пустомыслие, а великое и святое имя Божие, – пишет Н., – значит быть умной колесницей херувимской, где восседает Бог Слово. Носить святое имя Святого Бога – и значит самому освящаться и быть освященным Его Именем. Носить имя Бога бессмертного и блаженного – значит и самому приобщаться Божьему бессмертию и блаженству».

Как и всякую, Иисусову молитву по ее способу творения можно подразделить на устную, умную и сердечную с переходами между этими тремя ее ступенями. Притчу о Царстве Небесном и о закваске, которую «женщина положила в три меры муки» (*Мф. 13, 33*), св. отцы объясняют так.

Царствие Небесное, которое «внутри нас есть» (*Лк. 17, 21*), достигается преображением нас непрестанной молитвой так же в три ступени.

На первой ступени христианин осваивает привычку непрестанной Иисусовой молитвы лишь устами.

На второй ступени молитва утверждается уже в уме с непрерывным вниманием к ней.

На третьей ступени размягчается и умиляется сердце, и молитва непрестанно творится, питая христианина миром и радостью.

Приучать себя к Иисусовой молитве, конечно, лучше всего под руководством опытных в ней молитвенников. Но таких так трудно найти. Тогда при отсутствии их можно руководствоваться

соответствующей литературой по ней, которая довольно обширна.

Много места уделяется Иисусовой молитве в 5-м томе «Добротолюбия». Учение о ней изложено также в сочинениях Преосвященного Игнатия (Брянчанинова) и о. Валентина Свенцицкого. Увлекательное повествование о ней имеется в двух частях «Откровенных рассказов странника духовному отцу своему».

Первая часть была выпущена несколькими изданиями Михаило-Архангельским Черемисским монастырем; рукопись второй была найдена в бумагах старца о. Амвросия Оптиного и издана Оптиной пустыней.

Обычно для начала молящимся рекомендуют включение в вечернее, а кто может, то и в утреннее правило по 100 молитв Иисусовых, отсчитывая их по четкам. В дальнейшем число их постепенно увеличивают. В Оптиной пустыни и в некоторых других монастырях монахи обязаны были в вечерней келейной молитве читать «пятисотницу», т. е. выполнять ее 500 раз.

При этом всегда рекомендуется читать молитву в течение дня, когда для этого бывает возможность, – за работой, на ходу, в постели и т. д.

В «Откровенных рассказах» странник вначале, по указанию своего старца, совершал ежедневно 3000 молитв. Потом старец увеличил это число до 6000 и наконец до 12 000.

Странник был совершенно свободен от всяких житейских обязанностей и смог, хотя и с трудом, устно выполнять эти 12 000 молитв.

Так овладел он вначале устной молитвой, а под конец получил и дар непрерывной сердечной молитвы. (Выдержки из его рассказа приводятся ниже в приложении к гл. 13).

«Как навыкнуть молитве Иисусовой?» На этот вопрос еп. Феофан Затворник дает такой совет:

«Стать пред иконами в молитвенное положение (можно сесть) и, низведши внимание туда, где место сердца, творить неспешно Иисусову молитву при памятовании присутствия Божия.

Так полчаса, час и больше. Сначала трудновато, а когда навык приобретется, – это будет совершаться как бы натурально, как дыхание».

Для христиан, живущих в миру, в качестве руководства при начале чтения Иисусовой молитвы устами можно иметь следующие наставления о ней старца о. Алексия М.:

«Молитву Иисусову – Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного (грешную) – читать надо, но читать просто. Совсем, совсем просто. В простоте вся ее сила. Нельзя думать ни о каком «творении» или «сердечном делании» молитвы, как это было у св. отцов и у пустынников. Последнее является действительно трудным и великим подвигом, опасным для новоначальных и невозможным в миру. Чувство является уже от простого повторения великих слов молитвы, и через него появляется и молитвенное настроение. Одно имя Иисуса, произносимое с горячей любовью, будет само по себе очищать всего внешнего и внутреннего человека и само творить в душе его молитву, невзирая на окружающее. Как о любимом предмете всегда думает человек, так о Господе должен он думать, носить Его в себе, находиться перед Его лицом и как бы в постоянной беседе с Ним. Вначале наибольшее внимание надо обращать на слова «помилуй мя грешного». Эти слова надо читать в покаянии, простоте, с которой молитва должна читаться, и чувство покаяния предохранит душу от различных и подчас очень тонких и опасных искушений (прелести). Молитву надо читать без счета – как можно чаще, где только возможно: на улице, у себя дома, в гостях, за едой, в постели, за работой и т. п. Дело не в обстановке, а в чувстве, с которым произносится великое имя Иисуса Христа. Читать молитву можно про себя или в уме. Надо читать ее в храме, когда не слышно, что читают, или непонятно, что поют. С течением времени внимание со слов «помилуй мя грешного» переносится на слова «Господи Иисусе Христе», произносимые с любовью. Господь Иисус Христос – второе Лицо Пресвятой Троицы – является нам наиболее близким и понятным. Спустя уже долгое время, чувства и мысли

переходят на слова «Сыне Божий». Эти слова приобретают в душе чувство исповедания и любви к Иисусу Христу как к Сыну Божию. В конце концов все эти чувства соединяются в одно и получается полностью вся молитва Иисусова – в словах и чувствах. Через Иисусову молитву будут освещаться Христом все житейские дела: как хорошо и радостно бывает, когда солнышко светит, – точно так же хорошо и радостно будет на душе, когда Господь при непрестанной молитве будет все сердце освещать».

Эти наставления давались о. Алексием М. одной из его духовных дочерей, которая по своей обстановке дома не могла вслух читать молитву. Для начинающих привыкать к молитве Иисусовой надо (кто только может) говорить ее устно, вполголоса, или хотя бы шепотом.

Прп. Варсонофия Великого спросили: «Как может человек непрестанно молиться?» Старец ответил: «Когда кто бывает наедине, то должен молиться устами и сердцем. Если же кто будет на торгу и вообще вместе с другими, то не следует молиться устами, но одним умом. При сем надлежит соблюдать глаза для избежания рассеяния помыслов и сетей вражиих».

О. Александр Стефановский рекомендует Иисусову молитву произносить очень медленно, вникая в смысл каждого слова и делая паузы между отдельными молитвами, для собранности.

Молитву он рекомендует выполнять по четкам, беря для начала не более 100 молитв на один раз.

По мнению архиеп. Варлаама (Ряшенцева):

«Молитва Иисусова, как и всякая другая молитва, получает силу не от механического произнесения святых слов, а от чувства смирения и сокрушения, от покаянного припадания к Господу за помилованием».

О том же пишет и епископ Вениамин (Милов):

«Произношение имени Господнего всяким человеком должно быть напряженно-внимательным, теплым, чистым, искренним, богобоязненным и благоговейным».

Как видно из всего сказанного, особое значение при Иисусовой молитве имеет чувство, с которым произносится имя

Господа Иисуса Христа.

Непрестанному чтению молитвы Иисусовой учил своих духовных детей и старец о. Алексий Зосимовский. Одной духовной дочери он говорил так:

«Говори молитву Иисусову всегда, что бы ты ни делала».

Приучать себя к непрестанной Иисусовой молитве настолько важно, по мнению Оптинского старца Варсонофия, что он рекомендовал своим духовным детям из иноков никогда не ложиться спать без четок.

Следует упомянуть также, что, по свидетельству того же старца, Иисусова молитва является вернейшим лекарством при излечении души от сильного душевного волнения.

Его послушник однажды спросил старца, как поступает он, когда мрак и скорбь со всех сторон охватят душу.

«А вот, – отвечал старец, – сяду на этот стул и смотрю в сердце. А там полный мрак и буря. Я и начну повторять: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного». И что же? Полчаса не пройдет, смотришь в сердце, а там тишина... Враг ненавидит молитву Иисусову».

Можно считать, что к творению Иисусовой молитвы могут приучать себя не только иноки, но и миряне. Известно, что в творении ее преуспели, например, константинопольский царедворец Константин – отец святителя Григория Солунского – и русский государственный деятель начала прошлого века Сперанский.

Следует вместе с тем всех предупредить, что чтение молитвы Иисусовой не исключает обычных утренних и вечерних молитв, усилий христианина по исполнению всех заповедей Божиих, своевременного покаяния при каждом грехе и стяжанию любви, смирения, послушания, милосердия и всех других добродетелей. Если нет таких усилий, то одно, хотя бы и непрестанное, творение молитвы Иисусовой будет бесплодным.

И еще одно предупреждение необходимо сделать. Нельзя желать через творение Иисусовой молитвы сладостных, благодатных переживаний и не это надо ставить себе целью, приучая себя к непрестанной молитве.

Об этом пишет так архиеп. Варлаам (Ряшенцев):

«Услаждаться подвигами, хотя бы и молитвой Иисусовой, есть духовное сластолюбие и погрешительное, так как источник сластолюбия кроется в похоти. Правильный путь таков: всячески подвизайся, ищи через это не сладости, а мира и очищения совести от болячек и ран. Проси у Бога исцеления, сокрушения, слез, но не веселия, не высоких экстазов, как у сектантов. Трепещи общения с Господом в Святых Тайнах и моли Его о даровании тебе познания твоих немощей, спасительного страха, любви к ближнему, терпения и т. п., но не высокой радости, говоря себе: я этого недостоин. Кроме того, все указанные смиренные чувства сами по себе заключают радость... Ищи через духовную жизнь просветления ума и сердца, но не приятных ощущений, хотя бы и в молитве... Не останавливайся на них, если они будут, а укрой себя от них».

«Количество молитвы переходит в качество», – говорит прп. Максим Исповедник. Иначе говоря, и здесь имеет место приложение духовного закона: «через внешнее к внутреннему».

Поэтому, при нашем усердии в отношении количества молитвы, можно ожидать от Господа и благодатной помощи в отношении качества молитвы, внимания в ней ума, т. е. постепенного перехода от устной к молитве «умной».

При этой форме ум уже способен молиться сосредоточенно, не отвлекаясь от молитвы посторонними мыслями. Так достигается возможность молиться, не открывая уст, т. е. молча, при всякой обстановке и в присутствии других.

По мере упражнения в такой молитве начинается постепенно раскрываться последняя, благодатная форма – сердечная молитва.

Молящийся начинает замечать рост в себе при молитве благоговения, страха Божия, теплоты сердечной, умиления и теплых благодатных слез, согревающих сердце.

Про переход от «умной» к сердечной молитве Иисусовой так говорил инокам прп. Серафим Саровский:

«Сначала день, два и более твори молитву эту одним умом, раздельно, внимая каждому слову особо. Потом, когда Господь согреет сердце твое теплотой благодати Своя и

соединит в тебе ее в один дух, тогда потечет в тебе молитва эта непрестанно и всегда будет с тобой, наслаждая и питая тебя».

Такая форма непрестанной молитвы требует, однако, предварительного напряженного труда, сосредоточенности и уединенной обстановки.

По словам одного великого старца:

«Имеющему внутреннюю (сердечную) молитву молитва так же свойственна и естественна, как дыхание. Что бы он ни делал, молитва у него идет самодвижно, внутренне. Так и за службой в церкви молитва у него идет, хотя он в то же время слушает, что поют и читают».

А вот как характеризует состояние овладевшего сердечной молитвой прп. Исаак Сириянин:

«Тогда и в сонном, и в бодрственном состоянии человека молитва не пресекается в душе его, но ест ли, пьет ли, делает ли что, даже и в глубоком сне, без труда издаются сердцем его благоухания и испарения молитвы. Тогда молитва не отлучается от него, но всякий час, хотя и не обнаруживается в нем внешне, однако в то же время совершает в нем службу Божию втайне. Ибо молчание чистых один из христоносных мужей называет молитвою, потому что помыслы их суть Божественные движения, а движения чистого сердца и ума суть кроткие гласы, которыми сокровенно воспевают Сокровенного».

Совершенно очевидно, что наибольших успехов при борьбе с праздными помыслами и для приобретения навыка непрестанной молитвы Иисусовой могут достигнуть те, кто имеет возможность жить в уединении (молясь, однако, не только о себе, но и за больных, ближних, страждущих и за гибнущий во грехах мир).

Для живущих в семьях, естественно, это будет значительно труднее. Они, конечно, не могут уклониться от забот о ближних, от служения им и от переживания с ними всех событий их жизни.

Но если христианин, живя в миру, все же стремится от всей души возобладать над своими помышлениями и приобщиться в

какой-то мере к непрестанной молитве, то ему потребуется развить в себе добродетель воздержания.

Ему необходимо будет проявить возможно большую полноту воздержания в следующих отношениях [1]:

1) от чтения по возможности светской литературы, журналов, газет;

2) от посещения общественных мест развлечения (возможно большего), просмотра телевизора, если полностью невозможно от него отказаться;

3) ограничить себя при слушании радио (опять-таки при невозможности почему-либо полностью отказаться от него);

4) от пристрастия к науке и светскому искусству во всех его видах, что не исключает, однако, работы в области науки и искусства без пристрастия к ним;

5) от посещения близких и знакомых, если только не требует этого его совесть как исполнения его долга как христианина;

6) по возможности уклоняться от приема тех близких и знакомых, посещение которых не вызвано духовной и житейской необходимостью и не связано с общностью духовных интересов.

Очевидно, что выполнение этих правил о воздержании будет по силам в должной мере далеко не всем христианам, живущим в миру. Здесь приложима заповедь Господня: «Кто может вместить, да вместит» (Мф. 19, 12).

В заключение следует упомянуть и о следующем предупреждении архиеп. Арсения (Чудовского) делателям Иисусовой молитвы:

«Правда ли, что некоторые из-за Иисусовой молитвы расстраивали свой ум и впадали в духовную прелесть? По свидетельству св. отцов и как говорит жизненный опыт, возможно и это. Всякое духовное делание может иметь неправильный ход и развитие. То же нужно сказать и относительно молитвы Иисусовой. Так, когда ты займешься этой молитвою, можешь приобрести навык в ней, и у тебя прекратятся дурные мысли и желания. И вот тут-то является опасность возомнить о себе как о делателе молитвы Иисусовой, как о чистом, безгрешном человеке.

Чтобы этого не случилось, нужно всегда иметь в виду, что не приобретение навыка молитвы Иисусовой и не прекращение внутреннего борения должно быть целью, а достижение от молитвы Иисусовой совершенных результатов, каковыми можно назвать – тихое, умирительное соединение нашего сердца с Господом, при глубоком покаянном, смиренном о себе мнении. Без этого всегда может быть опасность духовного самообольщения. Иначе говоря, всегда надо бояться духовной гордости, ибо она приводит в ничто всю нашу внутреннюю работу, все наши подвиги».

Приложения к главе 14-й

Интересно описание последствий творения непрестанной молитвы Иисусовой, которое дано тем странником, о котором упоминалось выше.

Странник овладел вначале навыком лишь устного и умного непрестанного творения Иисусовой молитвы. Вот как описывает он свое состояние в это время:

«Все лето проводил я в беспрестанной устной Иисусовой молитве и был очень покоен. Во сне почасту грезилось, что творю молитву, а в день, если случалось с кем встретиться, то все без исключения представлялись мне так любезны, как бы родные, хотя я и не занимался с ними.

Помыслы сами собою совсем стихли, и ни о чем я не думал, кроме молитвы, к слушанию которой начал склоняться ум, а сердце само собой по временам начало ощущать теплоту и какую-то приятность.

Когда случалось приходить в церковь, то длинная пустынная служба казалась короткою и уже не была утомительна для сил, как прежде.

Вот теперь так и хожу да беспрестанно творю Иисусову молитву, которая мне драгоценнее и слаще всего на свете. Иду иногда верст по семидесяти и более в день, и не чувствую, что иду, а чувствую только, что творю молитву.

Когда сильный холод прохватит меня, я начну напряженнее творить молитву и скоро весь согреюсь. Если голод начинает меня одолевать, я стану чаще призывать имя Иисуса Христа и забуду, что хотелось есть. Когда сделаюсь болен, начинается

ломота в спине и ногах – стану внимать молитве и боли не слышу.

Когда кто оскорбит меня или прибьет, я только вспомню, как насладительна Иисусова молитва, – то тут же и оскорбление и сердитость пройдет, и все забуду...

Нет у меня ни о чем заботы, ничто меня не занимает; ни на что суетливое не глядел бы и был бы все один в уединении; только по привычке одного хочется – чтобы беспрестанно творить молитву, и когда ею занимаюсь, то мне бывает очень весело. Бог знает, что такое со мной делается».

А вот описание странником ощущений того периода, когда он стал преуспевать в сердечном творении молитвы:

«Я начал чувствовать разные повременные ощущения в сердце и уме. Иногда бывало, что как-то насладительно кипело в сердце, в нем чувствовалась такая легкость, свобода и утешение, что я весь изменялся и предавался восторгу.

Иногда чувствовалась пламенная любовь к Иисусу Христу и ко всему созданию Божию. Иногда сами собой лились сладкие слезы благодарения Господу, милующему меня, окаянного грешника. Иногда прежнее глупое понятие мое так уяснялось, что я легко понимал и размышлял о том, о чем прежде не мог и вздумать.

Иногда сердечная сладостная теплота разливалась по всему составу моему, и я умиленно чувствовал при себе вездеприсутствие Божие.

Иногда ощущал внутри себя величайшую радость от призывания имени Иисуса Христа и познавал, что значит сказанное Им: «Царство Божие внутри вас есть».

Наконец я почувствовал, что молитва уже сама собою, без всякого с моей стороны побуждения производится и изрекается в уме моем и сердце, не только в бодрствованном состоянии, но даже и во сне действует точно так же и ни от чего не прерывается, не перестает ни на малейшую секунду, что бы я ни делал.

Душа моя благодарила Господа, и сердце истаявало в непрестанном веселии».

Ниже приводится пояснение о сущности и действии Иисусовой молитвы, которое дано было пустынником схимонахом Иларионом («На горах Кавказа» или «Душеполезное чтение», 1906, с. 251.).

«Память Божия и молитва есть одно и то же. Почти 15 лет я единственно творил устную молитву, потом она сама собою перешла в умную, т. е. когда ум стал сам собою держаться в словах молитвы.

А затем открылась милостью Божией и сердечная, существо которой есть теснейшее действительное соединение нашего сердца или слияние всего нашего духовного существа с именем Господним, или, что то же, – с Самим Господом.

Имя Господне как бы воплощается, и вместо голого, бессодержательного слова, как это обыкновенно бывает между нами, человек ясно ощущает внутренним чувством своей души в имени Божиим Самого Господа, точнее, в имени «Господи Иисусе Христе» собственным сердцем своим прикасается как бы к самому естеству Христову, сущности Его и Божественной Его природе, бывает с Ним один дух, приобщается Христовых свойств: Его благодати, святости, любви, мира, блаженства и проч.; ощутительно вкушает, что Благ Господь.

А от этого, без сомнения, и сам делается, по образу Создавшего его, благим, кротким, смиренным, носит в сердце своем несказанную любовь ко всем. И это естественно и в порядке, как и быть должно, потому что такой человек приобщился святине Божией и вкусил Его благодати собственным чувством, а потому и знает опытом достоинство и блаженство этих пренебесных качеств. В этом, конечно, смысле и сказано, что мы бываем общниками Божественного естества.

По словам св. отцов, нет единения ближе того, какое бывает между Богом и душою.

Человек, неся в себе имя Божие, или, что то же, – Самого Христа, в собственном смысле имеет в себе вечную жизнь, самым делом пия ее из неоскудевающего источника – Жизнодавца, Сына Божия, и есть богоносец.

Ум в это время весь бывает внутри сердечного храма или еще далее – в Божественной природе Сына Божия – и, будучи

удерживаем страшным событием, не смеет что-нибудь и помыслить земное, но бывает духовен и просвещен Божиим светом.

Трудно представить себе, какая честь и какое величие даны человеку, и он небрежет, а почасту не имеет о том и малой заботы: в вышних Живый Вседержитель Господь, страшный в могуществе и бесконечный в милосердии, имеет в нем место покоя Своего, восседает в сердце его, как на престоле славы, непостижимо таинственно, но, тем не менее, существенно и ощутительно. Действенность молитвы Иисусовой состоит в преискреннем соединении сердца с Господом, когда Господь Иисус Христос творит в нас обитель Свою, ощутительно и действительно вселяется в сердце, и слышится Его Божественное присутствие ясно и осязательно – что называется, по словам св. отцов, живым богообщением.

Тогда Христос Господь наш... нисходит в человека Своим благодатным даром, соединяется с ним Своими Божественными силами, давая «все потребное для жизни и благочестия» (2Пет. 1, 3), и как бы творит в нем для Себя постоянную обитель (Ин. 14, 23) так, что человек становится уже храмом Духа Божия (1Кор. 3, 16), церковью Бога Живого (2Кор. 6, 16), «един дух с Господом» (1Кор. 6, 17), «а что живет, то живет для Бога» (Рим. 6, 10), «не ктому себе» живет, но живет в нем Бог (Гал. 2, 20).

Вот в этом-то воистину блаженном и достожелательном состоянии молитва чувствуется в сердце, как скала, занимает господствующее положение и покоряет себе все прочие склонности и душевные расположения; человек явственно переходит на духовную сторону, а все земное становится в подчиненное состояние; он входит в свободу духа и покоится в Боге, носит в сердце своем источник жизни – Самого Господа Бога, и это есть несомненная надежда вечного спасения.

При такой внутренней настроенности человек поступает под власть молитвы и делается как бы ее рабом, всегда молясь Господу своему, хотя бы и не хотел, потому что не может противиться преобладающей силе молитвенной.

Сам Дух молится в нем воздыханиями неизглаголаннкими, и Он же спослушествует духови его, яко чадо есть Божие...

Плодом молитвы являются плоды Духа Святого – «любовь, радость, мир» и пр. (*Гал. 5, 22*), а главное – надежда спасения, ибо в чувстве сердечном слышится несомненный начаток жизни вечной...

Когда молитва, по благоволению Божию, водворится в наше сердце, то мы прежде всего заметим, что она властно прекращает ток нечистых помыслов.

Лишь только ум наш прикоснется к Господу Иисусу Христу в пресвятом Его имени – тотчас останавливаются брожение мыслей и неудержимая стремительность ума, что, как всякому известно по опыту, всего более смущает подвижника.

Молитва Иисусова водворяет в сердце несказанную любовь к Богу и ближнему – вернее, она есть самое существо любви, ее свойство и качество. Она все сердце пережигает огнем Божиим, претворяя его естественную дебелость в духовную природу: по слову Священного Писания, «Бог наш огонь есть».

Для такого человека самым большим несчастьем в жизни этой служит то, что если придется ему волею или неволею нанести оскорбление ближнему. До тех пор он не найдет мира душе своей, пока действительно не умиротворит сего брата своего.

Упражнение Иисусовой молитвой отторгает человека от всего земного, так что не хотелось бы ему помыслить что-либо, к жизни сей относящееся, и не желал бы он престать от дела этого молитвенного вовеки.

Яснейший же признак молитвенного плода, более других ощущаемый, есть именно чувство вечной жизни, слышимое сердцем в Божественном имени Христа, Спасителя мира.

Питаясь молитвой и по возможности стараясь пребывать в ней как можно большее время, я иногда действительно вкушал радость небесную и был как бы на царской трапезе, успокаиваясь в неисповедимой тишине, духовной радости и восторжении духа в горний мир...

Враг – диавол не имеет никакой возможности даже приступить к тому человеку, а не только вложить скверный помысл. Его опаляет Божественная сила, от имени Иисусова исходящая, как бы нестерпимый пламень. Не имея возможности

приступить сам, он вооружает ненавистью людей, а потому молитвенники по большей части бывают гонимы и ненавидимы».

К словам схимонаха Илариона (защитника «имяславцев») можно добавить слова о. Иоанна С:

«Имя Божие есть Он Сам – единый Дух в трех Лицах, простое Существо, в одном слове изображающееся и заключающееся, и в то же время незаключимое, т. е. не ограничиваемое ничем сущим».

Глава 15. Молитва в храме

По молитве их поколебалось место, где они были собраны. Деян. 4, 31

Сверх молитвы личной каждый христианин должен принимать посильное участие и в молитве церковной при посещении храма. Московский митрополит Трифон повторял:

«Дети мои, любите храм Божий. Храм Божий – это земное небо».

Нам надо помнить всегда, что общая молитва действеннее одиночных молитв, так как Господь сказал: «Если двое из вас согласятся на земле просить о всяком деле, то, чего бы ни попросили, будет им от Отца Моего Небесного, ибо, где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них» (Мф. 18, 19–20).

Очевидно, что всем здоровым христианам надо посещать церковные богослужения по мере возможности и, в особенности, праздничные всенощные бдения и литургии.

Старец Варсонофий Оптинский указывает на ответ прп. Иоанна Лествичника на вопрос: «По каким верным признакам можно узнать, приближается ли душа к Богу или удаляется от Него?»

Преподобный ответил: «Верный признак омертвления души есть уклонение от церковных служб».

«Трудно стоять, жарко, душно, тесно, и служба длинная, и многое не понимаешь», – жаловался один из прихожан храма св. Николая на Маросейке настоятелю храма старцу о. Алексию Мечеву.

«А ты все-таки ходи, терпи и стой», – говорил старец. Кто имеет опыт, тот знает, как такое терпение всегда вознаграждается. Как бы тяжело ни было телу на длительном богослужении, но потом христианин чувствует себя бодро, с духовным веселием на сердце. А от бодрости духовной забывается и не чувствуется усталость тела.

Одна из духовных дочерей епископа Михаила Таврического смущалась длительностью церковных богослужений. Епископ ответил ей так в письме:

«Относительно излишка в службах у нас – частью с вами согласен. Конечно, лучше бы поменьше, но посознательнее, поинтенсивнее в чувстве. Но только смущаться особенно нет оснований... Всякий вам скажет, что одна коротенькая молитва, сказанная от всего сердца, стоит всех молитв, произнесенных механически. Но я обратил бы ваше внимание на то, что многочисленность молитв имеет свою хорошую сторону: дело в том, что мы страшно рассеянны. Дайте нам коротенькую молитву – и мы через несколько минут будем произносить ее без внимания, и так как по правилам будем ограничиваться все ею одной, то мы, собственно, останемся без молитвы. Теперь же, сквозь всю суету мысли, мы в продолжение, положим, часа все же выберем несколько фраз, несколько мгновений, когда сможем молиться... В одном месте мы прозевали: вдруг то же повторяется в другом – и мы уже слышим. Я сам знаю это по себе. Я читаю утренние молитвы. Их несколько. Я рассеян, но все же, прозевавши одно, я воспринимаю другое, часто вдруг глубоко действует то, чего прежде не замечал. Судя по логике, одна молитва повторяет другую, и следовательно, излишек. А судя по живому опыту – это благотельно, потому что не здесь, так там придешь в себя и помолишься... Так и в церкви... Сделайте богослужение только из молитвы Господней – и поверьте, что, кроме вреда, ничего не выйдет... А что нужно делать все более ясным и понятным, читать раздельно, со смыслом – это само собой разумеется».

Чтобы бороться с рассеянностью при молитве в храме, про которую пишет еп. Михаил, можно вспомнить совет прп.

Серафима – будучи в храме, держать глаза закрытыми во время молитвы и открывать лишь при нужде, например когда при стоянии в храме будет одолевать дремота.

Считаясь с указаниями святых отцов, христианин до присутствия на литургии не должен принимать пищи. Не рекомендуется вообще при всяком богослужении стоять с наполненным пищей желудком. Об этом так пишет о. Иоанн С:

«Те, которые идут к богослужению покушавши, добровольно налагают на себя ненужную и вредную тяжесть и заблаговременно заглушают сердце свое для молитвы, презграждая к нему доступ святых помыслов и святых ощущений. Крайне надо остерегаться, чтобы не кушать перед богослужением. Помнить надо, что «Царствие Божие не есть пища и питье» (Рим. 14, 17), т. е. не может царствовать Бог в твоём сердце, которое отягощено объеданием и питием».

Смягчение вышеуказанного возможно лишь для больных или престарелых, которые при длительном напряжении тела от стояния в храме могут обессилеть.

То же надо сказать и о длительности пребывания на церковном богослужении. Оно зависит от наличия сил – здоровья, возраста и свободного времени (от обязанностей перед ближними).

Старцы – духовные отцы – размеряли эту длительность своим духовным детям и сокращали полноту выстаивания службы в храме для немощных телесно.

Следует упомянуть о мнении старца Силуана со Старого Афона о церковной и общей молитве. Старец сказал, что «церковные, общественные богослужения отличаются великолепием и красотой и хорошим пением и установлены по дару благодати Святого Духа.

Однако по форме своей они являются несовершенною молитвою и даны народу верующих как посильные и полезные для всех... Но лучше, когда сердце наше становится храмом Господним, а ум – престолом Его. Господь любит обитать в сердце и уме человека».

Можно думать, что предпочтение личной молитвы перед общей было у старца Силуана потому, что личная молитва

может твориться так медленно и с остановками, чтобы молящийся всецело погружался и в слова молитвы, и глубоко переживал их.

По свидетельству схиархимандрита Софрония, именно так молился старец Силуан. При церковных и общих молитвах слова их следуют обычно довольно быстро (за исключением ряда песнопений) и, конечно, без всяких остановок, отчего далеко не все может запечатлеваться в умах и сердцах молящихся.

На это указывает и великий молитвенник и подвижник благочестия о. Иоанн С, который пишет:

«Иногда в продолжительной молитве только несколько минут бывают истинно угодны Богу и составляют истинную молитву и служение Богу».

Вместе с тем очевидно, что никакая домашняя молитва не может заменить для молящегося торжественного праздничного богослужения и присутствия на литургии.

Как пишет о. Иоанн С:

«Нет ничего на свете святее, выше, величественнее, торжественнее, животворнее литургии. Храм в это время бывает земным небом, священнослужители изображают Самого Христа, ангелов, херувимов, серафимов и апостолов. Литургия – постоянно повторяющееся торжество любви Божией к роду человеческому и всесильное ходатайство о спасении всего мира и каждого человека в отдельности».

С какою приготовленною, чистою, возвышенною душою нужно всегда присутствовать на литургии, чтобы не оказаться в числе тех людей, которые, не имея «одеяния брачного», а имея оскверненную одежду страстей, связаны были по рукам и ногам и выброшены вон из брачного чертога во тьму кромешную (Мф. 22, 11).

Есть и такое пастырское мнение: «За литургией Господь служит нам, а за всенощной мы служим Господу».

Когда христианин сам участвует в богослужении в качестве чтеца, то следует подчеркнуть разницу в чтении молитв только для себя или также и для других. В последнем случае чтение

должно быть ровным, спокойным и бесстрастным и, конечно, также неторопливым и отчетливым.

Проявленное чувство может не согласовываться с чувствами других молящихся и поэтому смущать последних: в одних будет более потребности в плаче о грехах, а у других на сердце может господствовать радость о Господе.

Как пишет о. Александр Ельчанинов:

«Надо избегать нервов и декламации в церковном чтении. Уставное чтение – монотонность, модуляции, ничего не подчеркивающие; чтение, ставящее слушателей лицом к лицу со святыми словами, – это все та же православная свобода: чтец, священник никого никуда не тянет, не дает своей интерпретации, которых ведь может быть бесконечное множество».

Из этого правила могут быть, однако, исключения. Иные из чтецов обладают даром вкладывания в молитву такого религиозного чувства, которое увлекает всех слушающих их.

Так, о. Иоанн С. имел всегда обыкновение сам читать канон на утрени. Он читал его так, что многие присутствующие плакали.

Про чтение молитвы в храме о. Иоанн С. писал так:

«Глаголы Святого Духа, дышащего в молитвословиях Таинств и церковных служб... при настоящем тщании и радении служат источником пресладкого мира, радости в Духе Святом и даже источником здравия телесного, ибо слова молитв при службах и Таинствах, читаемые с верою, благоговением, страхом Божиим, спокойно и с горящим духом, имеют несомненное и чудное свойство вместе с душою оживотворять, укреплять и исцелять самое тело наше. Это дознано опытом».

А вот другой пример. В г. Петракове в городском соборе в начале этого столетия был псаломщик, еще не старый человек. При чтении первого часа на всенощном бдении он выходил на середину собора и читал его так, что большинство из присутствовавших молились с ним со слезами.

К моменту чтения первого часа не только никто не уходил из собора, но многие из прихожан приходили к концу всенощной

специально для того, чтобы прослушать его чтение.

Следует подчеркнуть, что помимо общей храмовой или семейной молитвы каждому из христиан непременно надо иметь и свою личную молитву: каждому надо приучать себя к личному общению с Господом. Вместе с тем у каждого могут быть и даже должны быть и свои личные просьбы к Господу, которые возможно принести лишь при личной отдельной молитве.

Глава 16. Бдение

Это – ночь бдения Господу. Исх. 12, 42

Евангелист Лука пишет про Господа: «В те дни взошел Он на гору помолиться и пробыл всю ночь в молитве к Богу» (Лк. 6, 12). Итак, пример ночной молитвы дан нам Самим Господом. Молились ночью и апостолы.

Апостол Павел пишет про свой образ жизни: «в трудах, и бдениях, и постах»; «часто в бдении, в голоде и жажде» (2Кор. 6, 5; 11, 27).

В письмах к Тимофею ап. Павел так характеризует вдову-христианку: «Истинная вдовица и одинокая надеется на Бога и пребывает в молениях и молитвах день и ночь» (1Тим. 5, 5).

Обычай молиться по ночам был широко распространен среди первых христиан. Они собирались на ночную молитву вместе и посвящали ей большую часть ночи.

Отголоски этих молитвенных бдений сохранились и в нашем теперешнем богослужении. На утрени перед великим славословием священник возглашает: «Слава Тебе, показавшему нам свет». Это соответствовало в древности тому моменту, когда после ночного моления христиане встречали утренний рассвет и первые лучи солнца.

В чине богослужения имеется полунощница, которую полагается справлять в полночь.

Ночная молитва – одна из особенностей, отличающая иноческую жизнь от жизни мирян. Ночная молитва характерна для многих подвижников во Христе.

Ночной молитве (или перед утром) св. отцы придают особое значение, считая ее одной из самых могучих средств

для очищения и просветления души. Прп. Исаак Сириянин пишет:

«Не думай, человек, чтобы во всем иноческом делании было какое-либо занятие важнее ночного бдения. Всякая ночная молитва полезнее тебе всех дневных подвигов. Ночью ум в краткое время воспаряет как бы на крыльях и возносится до услаждения Богом, скоро приидет в славу Его и по своей удобоподвижности и легкости плавает в ведении, превышающем человеческую мысль. Поэтому избери себе делание усладительное – непрестанное бдение по ночам, во время которого все отцы совлекались ветхого человека и сподоблялись обновления ума. В эти часы душа ощущает бессмертную жизнь, и ощущением ее совлекается грешных одеяний, и приемлет в себя Духа Святого. Духовный свет от ночной молитвы порождает радость в течение дня».

Святая мирянка Иулиания Лазаревская, жена муромского воеводы и мать 13-ти детей, вставала на ночную молитву даже тогда, когда была больна, собирая для нее последние силы. И прп. Серафим многим из мирян, относящихся к нему, советовал вставать на молитву и ночью.

Почему же именно ночью надо молиться? Не противоречит ли это законам природы, которая спит и отдыхает в это время? Да и сам человек не требует ли отдыха после трудового дня и не будет ли быстро ослабевать, если будет лишен необходимого сна по ночам?

Для пояснения зададимся вопросом: полезно ли организму лекарство? Здоровому – конечно нет, а больному оно возвращает здоровье. А мы все душевно больны, и больны, очень серьезно, и душа наша требует усиленного и длительного лечения. Наиболее верное из лекарств – это молитва, а ночная молитва – это самый лучший и действенный вид этого лекарства.

Почему это так? Не будем забывать, что в мире мы живем не одни. Мы связаны, слиты очень тесно с окружающим нас миром. Этот мир угнетает нашу душу, засоряет наш мозг праздными мыслями, наше воображение – своими образами,

нашу волю – своими побуждениями, наше сердце заражает своими страстями и пристрастиями.

Мир трясется в решетке сатаны(Лк. 22, 31), и мы трясемся вместе с миром. И чаще всего нет у нас силы и возможностей отделить себя от мира днем, в этом вихре суеты; наш ум занят мирскими мыслями и сердце – мирскими впечатлениями и переживаниями.

Многие ли могут найти возможность утром, днем и вечером для уединения? А если даже и найдется такая возможность, то мы можем защищать себя только от звуков мира, но не от свежих мирских впечатлений и воспоминаний и нервных волн бушующего вокруг мира. Здесь существует взаимное влияние людей, как бы нервная «индукция», которая связывает сильно в явлениях гипнотизма, внушениях на расстоянии и т. д.

Все это говорит за то, что наиболее доступная возможность для полноты отрыва нашей души от мира представляется нам ночью или ранним утром, когда мир еще спит и еще не бушуют его волны звуков, чувств и мыслей.

Про некоторые особенности ночного времени говорит и о. Иоанн С:

«Ночью наша душа свободна от суеты мирской, и потому свободно может на нее действовать мир духовный, и она свободно может принимать его впечатления, так что мысли и расположения сердечные у человека бывают мыслями и расположениями добрыми, если человек праведен, и мыслями и расположениями суетными и лукавыми, если он грешник нераскаянный».

Молитва – это таинство, таинство единения духа с Духом Господа. Это таинство не может совершаться где-нибудь и как-нибудь. «Молитва – это пища души, а пищу надо принимать в покое», – говорил один св. отец.

Молитва – это не вычитывание правила, часто без восприятия мыслей не только сердцем, но и умом. Такая молитва отличается от истинной так же, как образ в зеркале от живого человека.

Для молитвы все должно быть в человеке подготовлено: собрано и бодро тело, устремлена к Богу воля, очищена

покаянием совесть, освобожден ум от суеты, очищено сердце от страстей и пристрастий. И когда из храма души будут изгнаны все «торгующие», в него входит при молитве Святой Дух.

Тот, кто имеет опыт, знает всю разницу молитвы дневной и ночной (или раннеутренней), когда все и всё кругом еще спят.

Ночью ум легко сосредоточивается и постигает всю глубину слов молитвы, сердце начинает принимать в ней участие, и в нем зарождаются и вырастают облагораживающие сердце чувства – нищета духа, смирение, покаяние, благодарность, любовь и умиление. Такая молитва очищает, питает, умягчает и успокаивает сердце.

Человек отходит от нее обновленным, умиротворенным, окрепшим духовно, готовым на преодоление всех трудностей предстоящего дела. И если он встал на молитву один, то теперь он вступает в жизнь дня не один – его душа исполнена Святым Духом.

Что в основном отличало жизнь первых христиан от жизни современных? Это, прежде всего, постоянные ночные молитвы и ежедневное принятие Тела и Крови Христовых в Таинстве Евхаристии. Это давало древним христианам горение духа и сподобляло многих из них тех духовных даров, которые утрачены современностью, – дара пророчества, особого дара «языков» (1Кор. 13, 8), дара узнавать волю Духа Святого(Деян. 16, 6).

Все св. отцы поэтому единодушно говорят, что бдение, ежедневная ночная молитва – это необходимая основа настоящей духовной жизни, которая быстро и верно ведет к созиданию в душе христианина храма Духа Святого – единственно законной цели жизни всякого христианина.

Как практически подойти к решению этой задачи – приучению себя к ночному бодрствованию?

Конечно, у разных людей с разной обстановкой их жизни будут и разные решения. Так, этого можно достигнуть сдвигом начала времени ночного сна на более ранний срок с возможно более ранним сроком подъема. Так, хорошо ложиться в 9–10 часов, вставая около 4–5 часов, а когда имеется возможность и необходимость, то спать еще днем 1–1,5 часа.

Таким образом, молитва будет совершаться в очень ранние часы утра, когда все и домашние еще обычно спят. Такая раннеутренняя молитва заменит ночную. У кого есть возможность и достаточная крепость, можно прерывать под утро свой ночной сон и вставать на молитву, чтобы после окончания ее дать себе еще несколько времени сна и отдыха.

Следует заметить, что для новоначальных в молитве и еще не окрепших духовно даже следует предпочитать раннеутреннюю молитву ночной. Последняя бывает более трудна.

По непостижимым для нас законам во время ночи (преимущественно от 12 до 2 часов утра) темная сила имеет наибольшую власть над миром и иногда мешает в молитве различными «страхованиями» (наведение чувства боязни, страха, ужаса, непонятными звуками, стуками и, наконец, различными явлениями и видениями).

Может быть, для того чтобы приучить себя к очень раннему подъему, потребуются усилия, потребуются терпение и настойчивость. В жизни даром ничто доброе не дается; путь христианина – тесный путь, путь бодрствования, усилий и трезвения.

Но то, что получает христианин от этих усилий, неизмеримо ценно – ценно потому, что соприкасается с вечностью и прокладывает путь к духовным сокровищам Царства Небесного.

«Ревнуйте о дарах больших, и я покажу вам путь еще превосходнейший», – говорит апостол Павел (*1Кор. 12, 31*).

Приложения к главам о молитве

Молитва есть внутренний акт нашего духа. Выразиться он может в самых различных формах. Нередко, и даже, быть может, особенно часто в молчании нашем перед Богом.

Молчим, потому что Бог ведает всю глубину нашей мысли, все чаяния нашего сердца, а выражать их словами мы не всегда способны. Бог же понимает тайные движения сердца нашего и отвечает на них.

Я немного боюсь, что ты не учишь именно этого, т. е. сказанного выше; что ты склонна, как очень многие, понимать молитву, как стояние перед иконами с произношением веками

установленных формул (утренних и вечерних молитв или псалмов и подобное).

Конечно, и к этой форме молитвы можно привыкнуть с детства и выполнять ее на каждый день. Но этого совсем недостаточно, и такая молитва вовсе не исчерпывает вопроса о молитве.

Я замечаю, что современные люди становятся все менее способными именно к такому виду молитвы. Это явление я объясняю усилением интеллектуальной деятельности людей. Умы наши находятся почти в постоянном возбуждении от множества поступающих к нам за день впечатлений всякого рода: «видимых» и «слышимых».

С утра начинается включение людей в городах (а теперь и в деревнях) в мировую жизнь, вовлекая наш ум и представление в ход событий и чувства наши в соучастие в них.

Итак, как же достигнуть того покоя ума и ревности сердца, которые так потребны для молитвы? Вот вопрос. К нему мы еще вернемся когда-нибудь, если Бог соизволит, а сейчас перейду несколько к другому, к частному твоему случаю.

Ты говоришь, что, заметив свою неспособность найти молитву, когда «становишься на молитву», в этом почувствовала твою ничтожность. И это тебя удручает.

Не удручайся. Не очень беспокойся этим обстоятельством. Предстать перед Богом вовсе не значит «стоять перед иконами», но чувствовать Его в своем глубоком сознании как наполняющего Собою все.

Жить Богом – это воспринимать Его как воистину Первую Реальность, после которой следует мир в порядке низшей, второй, производной тварной реальности. Для этого может быть пригодно всякое положение тела: лежащее, ходячее, сидячее, стоячее и т. д. Если твой ум и сердце испытывают молитвенное настроение при чтении Священного Писания, то ты оставайся в этом, доколе не прекратится это молитвенное настроение.

Правило такое: всякое слово, всякое положение, при котором ум и сердце соединяются в единой жизни – памяти Божией, не должно изменять, пока не утомится ум, или сердце, или тело.

Мои наблюдения над современными людьми приводят меня к выводу, что наиболее удобно для них молиться в храмах, особенно на литургии.

Литургическая молитва с частым причащением – полнота. Правда, для этого необходимо ею жить и разуметь.

Тогда откроется, что литургия объемлет всю жизнь нашу: в ней заключены все планы нашего бытия в его обращенности к Богу.

Литургия, если только она переживается всем нашим существом, дает нам жить ею. Она есть воистину Божественный акт, вмещающий не только весь этот видимый мир, но и выходящий безмерно за его пределы.

Не углубляя своих познаний в этой области, человек легко может впасть в привычку, мертвящую и опустошающую. Необходимо непрестанно возрастать в познании Божиим и не допускать, чтобы литургия превратилась в деталь нашего благочестивого быта.

Именно от того, что она стала вместо литургии «обеднею», был пережит всеми нами глубокий кризис. Люди стали с большим удовольствием обращаться ко всякого рода чтению или развлечениям, предпочитая их литургии.

Они, таким образом, лучше отдыхали и даже удовлетворяли свою потребность возрастать в своих познаниях. Это вполне понятно и оправдано. Человек – по натуре своей существо, устремленное к совершенству, к познанию и даже абсолютному познанию и полноте бытия.

И вот парадокс: в силу этой устремленности к абсолютному совершенству, свойственной человеческой природе, люди уходят от того «места», которое и было дано Богом для стяжания познания и этой жизни.

Именно скажу о том, что, к сожалению, веками установившиеся формы церковной жизни и богослужения не совсем отвечают исканиям и нуждам современных людей. И это понятно: формы эти создавались не нашими эпохами, для людей иного интеллектуального и психического развития, иного и опыта житейского... Но вопрос этот чрезвычайно сложен в

Церкви, и поэтому пока частные случаи решаются таким порядком.

Не получая в церковных службах храмового богослужения ответов на все свои нужды, некоторые люди вынуждаются к тому, чтобы ценою большой затраты сил и времени восполнить этот недостаток дома.

Епископ Игнатий (Брянчанинов) сто лет тому назад писал, что в его уже время даже монахи, не получая в монастырях через личное руководство всего, что им было потребно, должны много читать Писание и творения св. отцов. Без этого они не могли преуспевать.

Тем более приходится сказать все это для наших современников, живущих в миру, притом в миру не молящемся и забывающем о Боге.

Итак, не беспокойся своею «неспособностью сосредоточиться», когда «становишься» на молитву. Сохраняй прежде всего память о Боге и мир сердца. Последнее особенно важно для тебя, так как оно у тебя некрепкое. Смотри, не надрывай без пользы малых сил твоего тела.

Чтобы найти верный путь, лучше всего просить об этом Бога в молитве: «Господи, Ты Сам научи меня всему... Дай мне радость познания воли Твоей и путей Твоих... Научи меня воистину любить Тебя всем своим существом, как Ты заповедал нам... Устрой мою жизнь так, как Сам Ты в предвечном совете Твоем мыслил о мне... да, даже о мне, ибо Ты никого не забыл и никого не создал на погибель... Я безумно растратила данные Тобою мне силы, но теперь, при конце моей жизни, Ты все Сам исправь и Сам всему научи меня... Но так, чтобы действительно Твоя воля совершалась в жизни моей, разумею я о том или не разумею до времени... Непусти меня ходить чужими путями, ведущими во тьму... Но, прежде чем усну я смертным сном, дай мне, недостойной, увидеть Свет Твой, о Свете мира...»

И так своими словами молись все о том же. Пройдет некоторое время – и сила слов этих проникнет вовнутрь существа твоего, и тогда потечет жизнь сама собою именно так, как хочет Господь. А внешне рассуждая, ничего мы не решим.

Ведь весь смысл жизни в том, чтобы ум наш и сердце жили Богом; чтобы Бог стал нашей жизнью. Этого Он только и ищет. Для этого мы и созданы, чтобы жить Его жизнью, и притом во всей ее беспредельности. Это слово может нас пугать, когда мы видим наше настоящее жалкое состояние, но это так, и веру эту не надо терять.

Одна из наибольших опасностей – снизить и умалить замысел Божий о человеке. Всякое наше страдание, даже неправое, знает Бог. Знает и сострадает нам. С Ним необходимо установить «личные» отношения: почти «человеческие».

Я надеюсь, что ты меня понимаешь. Понимаешь, что под этим я разумею внутреннюю, интимную связь с Богом. Ибо к жизни в Нем призван весь человек, т. е. не только его высшая способность созерцания – «дух», но и чувство – «душа», и даже «тело».

Как молиться? Этот вопрос исходит из уст почти всех верующих, и это – ужасающее свидетельство, что их молитва не свидетельствует им того, что она должна свидетельствовать сама: о своей истине.

И те, кто не чужд, если не молитвы, то ее ощущения, те чувствуют фальшь внешнего «отправления» отношений к своему Творцу, и что какая-то сила, связывая их внешним авторитетом, толкает на безжизненный холодный путь неистинного предстояния Богу...

Чин молитвы (церковной), конечно, возможен и для личных молитвословий, и этот чин может вылиться в форму правила, но правила сыновнего, свободного, при котором человек и нудит себя (а это существенно при лживости нашего тела), но нудит себя на молитву, а не на правило. Различие очень существенное...

Какой камень свалится с бедной и слабой совести человека, когда он поймет, что он ничем не «обязан», ничего не «должен» «вычитывать» перед Богом. Пусть он изольет перед Богом свое сердце, как может... И детски-просто, детски-доверчиво и детски-смирненно идет к своему Отцу Небесному, в Святых Тайнах являющемуся его человеческим глазам...

Безумный человек думает, что, прожужжав полтора-два часа перед своим правильником, он делается достойным вкушать Бессмертия. Пусть он лучше потрудится над тем, чтобы сказать два истинных слова Богу и отразить эти слова на духе своей жизни и своих помыслов...

Законническое выполнение внешнего служения даже теперь, после 1900 лет Христова Благовестия, пытается заслонить собою истинное служение Богу... Из-за (невыполненного) правила лишают себя Чаши. Евхаристическое общение ушло из тела верующих...

Но разве для иерея пламенно, горящим духом проведенная литургия – не достаточное «правило ко Причащению»?

Надо снять все бремена неудобноносимые, которые «не могли понести... отцы наши» (*Деян. 15, 10*). Надо освободить человека (его совесть) от «отцеживания» внешних соблюдения, надо обратить его всецелое внимание на славу соблюдения духа Христова, на блаженство усыновления Богу.

Надо сказать ясно и открыто: «Чтобы доброе дело твое было не вынужденно, а добровольно» (*Фил. 14*), «сын Мой, отдай сердце твое Мне» (см. *Притч. 23, 26*).

В углу твоей комнаты, в углу твоей подушки, на перекрестках твоих улиц дай все, что можешь. И знай, что если все отдашь (до тысячи смертей), – ничего не сделаешь перед океаном благодати Божией. И можешь все отдать в одном дыхании... Обилие младенцев в вере, не умерших для себя (и для своих дел) людей, а то и совершенно чуждых духу Евангелия, но считающих себя «верующими», узаконило как бы правило для всех.

Души, не знающие, чем себя связать с Богом, связывают себя внешними делами «долга», и «исполнения».

Но как же – спросят нас – молитвы св. отцов, «положенные» на тот или иной случай личных молитвословий?

Что такое: «молитвы св. отцов»? Где они? На бумаге? В правильнике? В правильнике ведь их мертвая оболочка! А сама молитва – у Престола Божия. Оболочка их оставлена Церкви как мысленное руководство, как пример слов, исшедших от святого молитвенного сердца. Оболочка эта нам дана, чтобы

мы знали характер угодной Богу молитвы и настроили бы сердце соответственно, если не знаем, о чем нам просить Бога, если Дух еще не ходатайствовал в нас, за нас. И мы теперь должны молиться либо от себя – соответственно этим молитвам Церкви, либо читать слова этих молитв, наполняя их безжизненную оболочку своим духом, своим горением, своей молитвой. Без этого своего содержания – чужие слова (даже Господни) будут шелухой для нашего сердца и слуха Господня. Они возвратятся к нам такими же тощими, какими мы их послали на небо...

Теплой, как свежесвеженный хлеб, «дышащей» (выражение о. И. Сергиева) должна быть истинная молитва, все равно – наша ли она (внешними словами своими), или наставника нашего ли она. Слова книжного молитвенника должны стать всецело нашими словами. На страницах они лежат, как сухое дерево. Их нужно зажечь своим огнем, и тогда этот огонь согреет душу и пережжет ее.

Потому что, кто тепло, со слезами, с любовью к Богу молится в Духе, тому решительно все равно: говорить ли, молчать ли языком, водить ли глазами по строчкам, или не видеть ничего; читать ли Божью молитву, делать ее своею или свою читать, делая ее Божией...

Св. отцы учат простоте обращения к Богу. Один, прославленный Богом, сказал, что «верующий» человек – это тот, кто «с Богом говорит, как с человеком», не в вольности, конечно, беседы своей, но в простоте младенческой. «Если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царствие» небесной молитвы...

Вся жизнь есть Правило Божие – для человека. Всегда человек должен быть готов к причастию Святых Таин и к исходу в другую жизнь.

Каждую минуту, во всех своих мыслях, чувствах, настроениях, словах, делах он должен выполнять это Правило Приготовления. И нести все жизненное покаяние лишь за неисполнение этого правила.

Глубоки мысли, изложенные выше, и справедливо и сурово обличение владыки Иоанна многих тех христиан, которые не

понимают разницы между внешним обрядом и отдачностью Богу своего сердца.

Владыка хочет от всех христиан глубины, теплоты, слез и даже огня в молитве.

А в наших сердцах так часто холодно и суетно, и любовь к Богу занимает место не в сердце, а более в рассудке. Нас обличают рассеянность мысли в молитве, грехи, холодность к ближним, прегрешения и нерадения.

Но не надо унывать и тем более отчаиваться от обличений владыки. Сознаем себя лишь младенцами во Христе и нищими духом.

Священник С. Щукин пишет:

«Сектанты говорят моей прихожанке: «Зачем ты ставишь свечи в церкви? Какой от них толк?» А у нее восемь человек детей, и время она никак выбрать не может, чтобы не только сосредоточиться, а даже просто помолиться. И всего-то ее хватает, чтобы по дороге зайти в храм да там свечку поставить. Она поистине этим отдает две лепты вдовы (Лк. 21, 2). И, верно, похвалит ее Господь за это и в пример поставит ее многим».

И мы имеем (т. е. это в нашей власти) лишь внешний духовный труд, а огонь в молитве есть дар благодати. Иметь горячую любовь, гореть духом, владеть своими мыслями и иметь дар непрестанной молитвы – это все великие дары Божией благодати, заслужить которые возможно лишь после многих лет внешних трудов для Господа и «невидимой брани» в душе христианина.

В наших силах лишь творить то «внешнее», за которое Господь дарует и «внутреннее». Весь опыт Церкви говорит о том, что к духовным высотам христиане приближались через внешние труды и подвиги. «Дай кровь и прими дух», – говорили св. отцы. Они утверждали также, что «молитва, пусть еще холодная, но вынужденная, творящаяся с усилием, с напряжением, очень угодна Богу».

Но, делая внешнее, будем помнить слова владыки Иоанна и не будем обольщаться, что мы чего-то уже достигли или приблизились к боголюбию, к богообщению или горению духа.

Мы пока духовно нищие и отдаем Богу, как евангельская вдова, лишь то, что имеем, – лишь наше усердие во внешнем.

Выдержки из книги «Молитва и жизнь» митрополита Антония (Блюма), изданной на английском языке в Лондоне в 1966 г. (Журн. Патр., 1967, №№ 3, 4, 5 и 6)

«Из опыта человеческих отношений все мы знаем, что любовь и дружба глубоки тогда, когда мы можем молчать вместе. Если же для поддержания контакта нам необходимо говорить, мы с уверенностью и грустью должны признать, что взаимоотношения все еще остаются поверхностными; так, если мы хотим воздать молитву Богу, то должны прежде всего научиться испытывать радость от молчаливого пребывания с Ним. Это легче, чем может показаться сначала: для этого нужно некоторое время, доверие и решимость начать. Только с чувством страха, богопочитания, глубочайшего благоговения можем мы приступить к риску молитвенного делания, и мы должны дорасти до него в своей внешней жизни настолько полно и определенно, насколько это возможно. Недостаточно устроиться удобно в кресле, говоря: я приступаю к благоговейному предстоянию пред Богом. Мы должны помнить, что если бы Христос стоял перед нами, мы держали бы себя иначе, и мы должны научиться держаться так в присутствии Господа, как держались бы в присутствии Господа, ставшего для нас видимым. Прежде всего это предполагает определенное состояние ума, которое отражается и на состоянии тела... Современный мир в большой мере утратил чувство молитвы, и дисциплина тела стала в представлении людей чем-то второстепенным, тогда как она далеко не второстепенная. Мы забываем, что мы – не душа, обитающая в теле, а человеческое существо, состоящее из тела и души, и что, по апостолу Павлу, мы призваны прославлять Бога и в телах наших и в душах наших; наши тела, как и наши души, призваны к славе Царствия Божия(1Кор. 6, 20). Приближение к Богу всегда бывает открытием и красоты Божией, и расстояния, которое лежит между Ним и нами. «Расстояние» – слово не точное, ибо оно не

определяется тем фактом, что Бог Свят, а мы грешны. Расстояние это определяется отношением грешника к Богу. Мы можем приближаться к Богу, только если делаем это с сознанием, что приходим на суд. Если мы приходим, осудив себя; если мы приходим, потому что любим Его, несмотря на нашу собственную неверность; если мы приходим к Нему, любя Его больше, чем благополучие, в котором Его нет, – тогда мы для Него открыты и Он открыт для нас; Господь приходит совсем близко, в любви и страдании. Но если мы стоим перед Богом в брони своей гордости, своей самоуверенности, если мы стоим перед Ним так, как будто имеем на это право, если мы стоим и требуем от Него ответа, то расстояние, отделяющее творение от Творца, становится бесконечным...»

Автор далее пишет, что от постоянного пребывания в присутствии Божиим рождается благодарность, рождается беспощадность к собственному лукавству, рождается сознание величия человека, призванного во Христе быть чадом Божиим, рождается чувство ответственности за это постоянно попираемое нами сыновство, рождается крестная радость становления.

Заключение

Из всех великих благодеяний Господа человеку особо важными для нас являются вера христианская и дар молитвы.

При вере Господь дарует христианам величайший и непостижимый дар могущества, говоря, что «ничего не будет невозможного для вас» (Мф. 17, 20).

История Церкви полностью подтверждает это. Христианские прошения исполняются при полноте веры всегда. Они исполнялись даже тогда, когда были бесполезны христианам. Господь при этом часто указывал (например, через сонные видения святых), что прошения неразумны, но при настоянии христианина Он все же исполнял эти прошения, верный Своим словам: «Просите, и дано будет вам» (Мф. 7, 7). Так, часто были исполняемы прошения матерей о выздоровлении своих детей, хотя впоследствии жизнь этих детей была великим несчастьем для них и для их матерей.

Итак, не будем же пренебрегать этим великим даром нашего всемогущества, посвящая свои силы прежде всего и более всего молитве.

Но, зная свои слабости, пристрастия и ограниченность разума, всегда будем заканчивать все свои прошения словами Самого Господа: «Впрочем, не как Я хочу, но как Ты» (Мф. 26, 39).

Духовное чтение

Глава 17. Священное Писание

Не хлебом единым будет жить человек, но всяким словом Божиим. Лк. 4, 4

Истина сделает вас свободными. Ин. 8, 3

Слово Божие проникает до разделения души и духа. Евр. 4, 12

Истина – благая и радостная – есть пища души, без нее душа умирает. Душе нужны мысли бодрящие, согревающие, возвышающие и окрыляющие ее.

Благо тем, кто умеет постоянно питать себя ими. С ними легко жить, с ними легко преодолевать все искушения, приражения тоски, уныния, лености и нерадения.

Вместе с тем глубоко воспринятая истина не может оставаться бездейственной: она заставляет не только иначе думать, но и иначе жить.

Душа может питаться молитвой от окружающих ее людей, в которых живет Святой Дух. Но такие люди редки. Гораздо доступнее для всех другой источник истины – Священное Писание.

Как в драгоценном сосуде, истина более всего собрана в Священных Писаниях Нового Завета и особенно в Святом Евангелии. И кто хочет освящения своей души, очищения сердца и просвещения ума, тот должен прильнуть жадными устами к этому сосуду, чтобы постоянно питать себя истиною. Трудно объяснить, рассказать словами о значении для нас Святого Евангелия.

Это кристально чистый источник для умирающей от жажды души; это огонь, пополающей нечистоту сердца; это светоч, озаряющий окружающий нас греховный мрак. Прп. Серафим Саровский, который в течение каждой недели прочитывал все Евангелие, Деяния и Послания апостолов, так говорил про чтение Священного Писания:

«Через это не только душа моя, но и самое тело услаждается и одухотворяется. При чтении Священного

Писания я беседую с Господом, содержу в памяти моей жизнь и страдания Его, и день и ночь славословлю, хвалю и благодарю Исккупителя моего за все Его милости, изливаемые к роду человеческому и ко мне, недостойному».

Как пишет еп. Игнатий (Брянчанинов):

«Раскрывая для чтения книгу – Святое Евангелие, вспомни, что она решит твою вечную участь. По ней мы будем судимы и, смотря по тому, каковы были здесь, на земле, по отношению к ней, получим в удел или вечное блаженство, или вечные казни» (Ин. 12, 48).

Сам Христос присутствует в Святом Евангелии и говорит из него с нашей душой. Поэтому Церковь почитает Евангелие как Самого Христа: пред ним несут зажженные свечи, а священнослужители снимают камилавки и митры, приступая к его чтению.

Некоторые из христиан (включая преподобного Серафима) считали возможным читать Евангелие только стоя или на коленях. Но это, конечно, необязательно. Архиепископ Арсений (Чудовской) считал непредосудительным читать Евангелие и сидя.

По существу благоговейное чтение Евангелия нельзя отличать от молитвы. Старец Парфений Киевский так рассказывал про себя:

«Однажды в продолжение сорока дней читал я Евангелие о спасении одной благотворившей мне души, и вот вижу во сне поле, покрытое тернием. Внезапно спадает огонь с небес, пополяет терние, покрывающее поле, – и поле остается чистым. Недоумевая об этом видении, я слышу голос: терние, покрывающее поле, – грехи благотворившей тебе души; огонь, пополивший его, – слово Божие, тобою за нее читаемое».

Через чтение Евангелия в человеке зарождается благодатный ум. Об этом так пишет архиепископ Иоанн (Шаховской):

«Вникание в Евангелие и проверка себя и своей совести его светом и молитва просвещают малый человеческий разум и открывают в человеке Высший Разум, который обычно

бывает в человеке закрыт, засыпан мелким практическим рассудком. Истина Христова освобождает человека от зла и неведения, очищает и воспитывает внутреннюю глубину в человеке, его сердце, дух».

От одной рабы Божией я слышал такое суждение:

«Когда я вхожу в новый для меня дом, я смотрю – есть ли там Святое Евангелие и как оно там почитается и хранится? И если оно есть и хранится бережно и лежит на почетном месте – то я спокойно сближаюсь с новыми для меня людьми».

И эта раба Божия не ошибалась, следуя такому признаку.

Однако горе тем из христиан, которые будут только хранить или чтить Святое Евангелие, но не читать его – не общаться постоянно через него со Христом.

Это то же, что ставить около себя пищу и лишь смотреть на нее: результатом будет неизбежная в обоих случаях духовная или физическая смерть.

Но мало сказать, что Святое Евангелие надо читать, и читать ежедневно, обновлять истину в своей памяти. Чтение чтению рознь, и многие из людей, читавших Святое Евангелие, не получили от него для себя никакой пользы. Мало пользы и для тех, кто Святое Евангелие будет читать только умом. Как пишет о. Александр Ельчанинов:

«В нашем восприятии слова Божия различны следующие моменты – слышание, разумение его, принятие сердцем и, наконец, употребление его к жизни. Проверьте себя – в какой из этих стадий вы находитесь? Всегда ли вы хоть просто слышите его или часто ли берете в руки, чтобы прочесть? Слыша, читая, даете ли себе труд вникнуть и понять его? Доходит ли оно до вашего сознания, сердца, будит ли оно их? Если да, то есть ли плоды этого, сдвигает ли оно вас хоть немного с мертвой точки успокоенности обычной нашей жизнью? Проверьте себя – и медленно и упорно начните свой подъем по этим ступеням».

Итак, Евангелие постигается разумом, сердцем и жизнью, а у кого разум не развит, то только сердцем и жизнью. Последним надо с детской доверчивостью относиться к евангельским

истинам. А по отношению ко всему, не постигаемому умом, надо ждать времени, когда созреет разум, способный проникнуть в Божественные тайны.

Задумывались ли вы, почему Господь в поучении Своем часто применял притчи, непонятные в ряде случаев даже для апостолов? И почему в Священном Писании так много иносказательного – образов, символов и аллегорий? Не лучше ли было прямо возвещать понятную всем истину?

Этот вопрос был задан Господу Его учениками: «Для чего притчами говоришь им?»

Господь на этот вопрос дал такой ответ: «Для того, что вам дано знать тайны Царствия Небесного, а им не дано, ибо кто имеет, тому дано будет и приумножится, а кто не имеет, у того отнимется и то, что имеет; потому говорю им притчами, что они видя не видят, и слыша не слышат, и не разумеют; и сбывается над ними пророчество Исаии, которое говорит: слухом услышите – и не уразумеете, глазами смотреть будете – и не увидите, ибо огрубело сердце людей сих и ушами с трудом слышат, и глаза свои сомкнули, да не увидят глазами и не услышат ушами, и не уразумеют сердцем, и да не обратятся, чтобы Я исцелил их. Ваши же блаженны очи, что видят, и уши ваши, что слышат, ибо истинно говорю вам, что многие пророки и праведники желали видеть, что вы видите, и не видели, и слышать, что вы слышите, и не слышали. Вы же выслушайте значение притчи" (*Мф. 13, 10–18*).

Итак, разъяснение тайного, сокровенного смысла притчи было открыто не всем, слышавшим ее, а только ученикам. И все Евангелие, его «благая весть», хотя и читается всеми, но истина и тайные красоты его открываются лишь избранным сердцам.

Кто же может попасть в число этих избранных? Здесь мы подходим к третьему условию чтения Святого Евангелия. Чтения жизнью.

В чем была разница между учениками Господа и теми, которым Господь не счел нужным объяснить значение притчи? Были ли ученики понятливее всех других евреев? Нет. Даже,

скорее, менее понятливы, ведь они были неученые рыбаки, а среди прочих слушавших были ученые книжники.

Но апостолы «оставили все» (*Мф. 19, 27*) и пошли с детской верою, смирением и любящими сердцами за Христом. Они делом доказали свою преданность Христу, и за это были удостоены постижения сокровенного смысла учения Христа. И если «они имели» смирение, любовь, усердие и ревность, то им и «дано было» дополнительно постижение тайн.

Это постижение есть драгоценнейший дар от Господа, и этот дар дается только избранным, «оставившим все» и пошедшим за Христом.

Но этого дара не удостаиваются те, у кого «огрубело сердце» духовное, у кого «сомкнутые» внутренние глаза и уши. От них «отнимается» и то, что они имеют: они или совсем не понимают, или забывают прочитанные истины, и души их умирают.

Итак, к чтению Святого Евангелия и многих книг Священного Писания надо приступать с молитвой о даровании разумения его.

Читать Священное Писание должно, как и молиться, по возможности в уединении, с успокоенными чувствами, с очищенной совестью, с примиренным сердцем с Богом и ближними.

В тех случаях, когда при чтении какие-либо места из Священного Писания остаются неясными, не надо стараться тотчас же их понять.

Смысл Священного Писания раскрывается не сразу, а постепенно, по мере духовного роста христианина. Старец Парфений Оптинский так говорил об этом:

«Священное Писание все тайнами повито. Там глубина, там смысл неисчерпаемый. Всего уразуметь нельзя. Подобно тому, как можно снимать с луковицы одну чешуйку, затем другую, третью и т. п., – вот то же и в Священном Писании: уразумевает человек один смысл, за этим смыслом есть другой глубокий, за вторым – третий и т. д. Вот так Господь и просвещает разум своих подвижников. В Библии кроме внешней стороны есть еще и внутренняя, т. е. помимо голых

фактов есть глубокий преобразовательный смысл этих же самых фактов. Этот смысл открывается по мере очищения ума человека».

Поэтому перед чтением Священного Писания всегда надо молиться о том, чтобы Господь послал его разумение. Господь исполнит эту просьбу, и тогда сразу же или в свое время ранее темные места становятся ясными и понятными.

Как пишет прп. Исаак Сириянин:

«К словам таинств, заключенным в Божественном Писании, не приступай без молитвы и испрошения помощи у Бога, но говори: дай мне, Господи, принять ощущение заключающейся в них силы».

А преподобный Симеон Новый Богослов пишет:

«То, что написано об иных мирских делах, читающие могут понимать и сами, но вещей Божественных и спасительных никому невозможно понять или понимать без просвещения от Святого Духа».

Надо ли повторять, что Евангелие следует читать ежедневно.

Святые так часто и много читали Святое Евангелие, что некоторые из них (например прп. Пахомий Великий и многие из его учеников) знали его наизусть.

Однако при чтении Евангелия дело не в количестве прочитанного. Можно прочесть много и ничего не усвоить, и можно одним отрывком напитать надолго свою душу Божественною духовной пищей.

Прп. Никодим Святогорец дает такой совет:

«Когда читаешь Божественное Писание, то не имей в виду, чтобы только прочитывать лист за листом, но с размышлением вникай в каждое слово. И когда какие слова заставят тебя углубиться в себя, или произведут движение сокрушения, или радостью духовною и любовью исполнят сердце твое, остановись на них. Это Бог приближается к тебе; смиренно прими Его отверстым сердцем, так как Он Сам хочет, да приобщись Его».

И св. Исаак Сириянин пишет:

«Если хочешь насладиться чтением Божественного и постигнуть его смысл, отложи в сторону количество и норму, да углубится же ум твой в изучение слов Духа, пока душа твоя не возбудится удивлением перед домостроительством Божиим и через глубокое размышление не подвигнется к славословию или душеполезной печали».

Святое Евангелие содержит ответы на все вопросы, которые могут встретиться в жизни христианской души. И эти ответы идут от Самого Бога – Начальника и Законодателя всей жизни. Поэтому Святое Евангелие – наш путеводитель и советник, и вместе с тем – друг и утешитель.

Не надо думать, что, познав до некоторой степени евангельскую истину, можно успокоиться, считая ее прочно себе усвоенной, и более не читать Святое Евангелие. Во-первых, память сохраняет у нас в уме лишь то, что мы постоянно повторяем и чем всегда интересуемся. Во-вторых, истина неисчерпаема так же, как неисчерпаемо познание Бога. Как пишет прп. Исаак Сириянин:

«Пути премудрости нет конца, она шествует выше и выше, пока не соединит последователя своего с Богом. То и составляет ее признак, что постижение ее беспредельно, потому что Премудрость есть Сам Бог».

И чем более богатеет человек истиною, тем свободнее он становится от греха, тем светлее его разум и тем чище его сердце, тем ближе он становится к Богу уже в этом мире.

Как говорит тот же св. Исаак Сириянин:

«Чтение Божественных Писаний укрепляет ум, побуждает к молитве, помогает бдению, с которым оно тесно соединено, и подает свет разумению. Чтение удерживает ум от рассеянности, напоминая о Боге, указывает пути святых и делает то, что ум приобретает тонкость и мудрость».

А схимонах Силуан пишет:

«Не может душа иметь мира, если она не будет поучаться в законе Божиим день и ночь, ибо закон сей написан Духом Божиим, а Дух Божий от Писания переходит в душу, и душа чувствует в этом наслаждение и приятность и уже не

хочет любить земное, потому что любовь к земному опустошает душу, и тогда она бывает унылая и дичает и не хочет молиться Богу. Враг же, видя, что душа не в Боге, колеблет ее и свободно влагает в ум, что хочет, и перегоняет душу от одних помыслов к другим, и так целый день душа проводит в этом беспорядке и не может чисто созерцать Бога».

Кто знаком с историей Христовой Церкви, тот знает о могуществе действия Святого Евангелия на сердце человеческое. Имеется много рассказов о том, как чтение Святого Евангелия преображало душу, отвращало людей от греха, исцеляло от пороков.

Вот что переживал, читая Святое Евангелие, о. Иоанн С:

«Духовный восторг охватывает мое сердце, так мне ощутительно присутствие благодати в Слове Божием: мне даже представляется, что я читаю и вливаю в себя благодать Божию».

К сожалению, мы, рядовые христиане, далеко отстоим от о. Иоанна С. и почти всегда воспринимаем при чтении мысли лишь умом. Но, как говорят св. отцы, что если хотя одно Божие слово упадет в сердце, то может дать жизнь душе на всю вечность.

Приложения к главе 17-й

Ниже приводится выдержка из сочинения схиархимандрита Софрония «Старец Силуан», дающая глубокую характеристику значения Евангелия для мира.

«Всякая человеческая мысль, всякое слово человеческое есть энергия – сила. И если это верно по отношению к мысли и слову человеческому, то тем более верно по отношению к слову Божию, слову Христа.

Когда мы слышим евангельское слово Христа – благоуханное, тихое, сладкое «блаженны чистые сердцем, ибо они узрят Бога» или «научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем», – тогда не забываем, что это кроткое слово Христа есть та непостижимая, беспредельная сила, которая вызвала из тьмы небытия к свету жизни все сущее, все бесчисленные миры, все неисчислимы в своем разнообразии твари разумные и неразумные. Слово Христа, облеченное в смиренную,

чувственно воспринимаемую форму человеческого тварного слова, могущего быть зафиксированным даже графически, оно, это слово, в своей глубине, в основе своей есть энергия Великого Всемогущего Всетворца Бога.

О нем должно сказать то же, что сказано в Писании о Самом Боге, т. е. что оно есть «огнь поядающий», приближаться к которому земнородный должен с величайшим благоговением и страхом (*Евр. 12, 28–29*).

«Разжжено слово Твое зело» (*Пс. 118, 140*), – говорит псалмопевец.

Слово Христа – самое таинственное слово; оно неприступно, непостижимо для величайших умов, и в то же время оно так просто, что доступно даже и малым детям.

Слово Христа так нам близко, так оно понятно, естественно, так глубоко родственно нашему человеческому сердцу и вместе, несомненно, оно бесконечно превышает силы тварного естества: оно Божественное, непостижимое, вышнееестественное и, как говорит ап. Павел, не от человека оно и не по человеку (*Гал. 1, 11–12*).

Слово Христа, обращенное к свободному человеку, краткое и безнасильственное, и в то же время оно беспредельно, совсем не по-человечески, властно, как слово абсолютного авторитета, как слово беспредельного Владыки всего бытия.

«Небо и земля прейдут, но слова Мои не прейдут» (*Мф. 24, 35*), – говорит Христос.

Слово Христа, воспринятое глубокою верою, ведет человека к вечной жизни по такому пути, на котором он встретит много необычного, неведомого. На этом высоком пути все, что может переживать и познавать человек в своем бытии, откроется ему.

Свет слова Христа достигает последних пределов темной бездны, выявляя природу множества признаков истины, во мраке влекущих к себе человека.

Слово Христа есть огонь, испытующий все, что есть в человеке и вообще в бытии мира, ибо, как свидетельствует ап. Павел «нет твари, сокровенной от Него» (*Евр. 4, 13*).

Слово Христа есть дух и жизнь вечная, полнота любви и радость небес. Слово Христа есть несозданный Божественный свет. Обращается оно не к поверхностному логическому рассудку, но к глубокому сердцу человека.

И тот, кто навстречу ему отверзает свое сердце до последней глубины, чтобы достойно воспринять сей Божественный свет, чтобы слиться с ним воедино, становится богоподобным. Слово Христа, воспринятое в жизнь, Богом творит человека».

Приводим мнения русских поэтов и писателей о значении Священного Писания для души человеческой.

В час полночный близ потока
Ты взгляни на небеса,
Совершаются далеко
В горнем мире чудеса.
Ночи вечные лампы
Невидимы в блеске дня.
Стройно ходят там громады
Негасимого огня.
Но впивайся в них очами
И увидишь, что вдали
За ближайшими звездами
Тьмами звезды в ночь ушли.
Вновь взглядишь, и тьмы за тьмами
Утомят твой робкий взгляд –
Все звездами, все огнями.
Бездны синие горят.
В час полночного молчанья,
Отгнав обманы снов,
Ты взгляни душой в Писанье
Галилейских рыбаков.
И в объеме книги тесной
Развернется пред тобой
Бесконечный свод небесный
С лучезарной красотой.
Узришь – звезды мыслей водят
Тайный хор свой вокруг земли,

Вновь взглядишь – другие всходят,
Вновь взглядишь – и там, вдали,
Звезды мыслей тьмы за тьмами
Всходят, всходят без конца,
И зажжется их огнями
Сердца дремлющая мгла.

А. Хомяков

Измученный жизнью суровой,
Не раз я себе находил
В глаголах Предвечного Слова
Источник покоя и сил.
Как дышат святые их звуки
Божественным чувством любви
И сердца тревожного муки
Как скоро смиряют они!
Здесь все в чудно-сжатой картине
Представлено Духом Святым,
И мир, существующий ныне,
И Бог, управляющий им,
И сущего в мире значенье,
Причина, и цель, и конец,
И вечного Сына рожденье,
И крест, и терновый венец.
Как сладко читать эти строки,
Читая, молиться в тиши,
И плакать, и черпать уроки
Из них для ума и души.

И. Никитин

Пусть эта книга священная
Спутница вам неизменная
будет везде и всегда.
Пусть эта книга спасения
Вам подает утешение
в годы борьбы и труда.
Эти глаголы чудесные,
Как отголоски небесные
в грустной юдоли земной,

Пусть в ваше сердце вливаются,
И небеса сочетаются с чистою вашей душой.
Возьми, читай святую книгу Бога,
Пойми душой спасенья словеса,
И всякая пройдет в тебе тревога,
И сердцем ты увидишь небеса.
Поверь, когда преклонны будут лета,
Душевных бурь прокатится волна,
Покинешь ты все книги, только эта –
С тобой навек останется одна.
И в ней найдешь, чего нигде дотоле
Не обретал в пространном мире сем,
И ничего просить не станешь боле:
Тут полнота всех благ, тут все во всем.
П. А. Валув

Глава 18. Духовные книги

Занимайся чтением. 1Тим. 4, 13

Перед каждым чтением молись и умоляй Бога, чтобы Он тебе открылся. Прп. Ефрем Сирин

Чтение писаний отеческих – родитель и царь всех добродетелей. Еп. Игнатий (Брянчанинов)

Св. апостол и евангелист Иоанн Богослов, заканчивая свое Евангелие, пишет, что «многое и другое сотворил Иисус; но, если бы писать о том подробно, то, думаю, и самому миру не вместить бы написанных книг» (*Ин. 21, 25*).

Что это – художественное преувеличение? Но таких нет в Священном Писании.

Действительно, дела Иисуса Христа – Слова – Логоса – и Сына Божия – совершались от начала творения мира через все века и совершаются и доньше. Они раскрываются в истории Церкви Христовой, и кто хочет вполне познать Христа, пусть изучит историю Его Церкви.

Однако под историей Церкви не надо понимать лишь историю внешнего ее устройства – историю патриархов и пап, ересей, религиозных войн и крестовых походов, инквизиции, расколов, разделения Церквей, сект и т. п.

Знакомство со всем этим может охладить ревность христианина и даже поколебать его веру при картинах смут и расколов и неприглядного образа тех, кто называл себя христианами, стоял во главе Церквей и в то же время не имел ничего общего с духом Христа.

Под историей истинной Церкви в первую очередь надо понимать описание жизни тех, кто был вместилищем Святого Духа и был преисполнен Христовой любви, Его смирения и кротости и прочих христианских добродетелей, иначе говоря – жизнеописания святых и подвижников благочестия, которые составляют мистическую Церковь и «Тело Христово» (1Кор. 12, 27).

Не будет полно знать Христа тот, кто не даст себе труда изучить Его, пребывающего в сердцах истинных христиан всех времен. Поэтому изучение жизни святых и их творений также служит полноте сближения со Христом души христианской.

Так мы познакомимся с теми членами Церкви Христовой, которых мы некогда увидим в ином, горнем мире, если только будем достойны этого. Вместе с тем как говорит один пастырь, «жизнь святых так хороша именно тем, что в ней находишь прекрасное сочетание самого высокого учения, когда-либо преподанного людям, с самой яркой добродетелью и с таким счастьем, которому едва верится».

Надо знать, кроме того, что при глубоком восприятии образов сердцем душа читающего таинственно объединяется с этими образами – пленяется ими и отдается им. И эти нити единения и любви уходят в иной мир и вызывают ответную любовь святых душ того мира.

Так при чтении мы приобретаем друзей, покровителей и молитвенников за себя из мира Церкви торжествующей. А старец Варсонофий из Оптиной пустыни добавляет, что при этом «каждый святой (или святая) даст частицу своей крепости читающему с верою житие и поможет при прохождении мытарств». Как говорит епископ Феофан Затворник: «Дух писателя сообщается тому, кто читает его с полным вниманием».

Вместе с тем как пишет прп. Исаак Сириянин:

«Чтение Священного Писания и житий святых открывает путь тонкости созерцания, чтением душа просвещается, чтобы всегда молиться неленостно и несмущенно».

Совершенно очевидно, что Священное Писание является основой для определения пути спасения человеческой души.

Однако на практике жизни мы видим, что определение сущности этого пути разнится как у различных христианских конфессий, так и внутри каждой конфессии, где часто встречаются разногласия.

Причиной этого являются испорченность сердца, слабость человеческого разума и, главное, наличие в людях гордости и самоутверждения.

Как же избежать ошибок в понимании Священного Писания?

Святые отцы – величайшие из учеников Христовых – отвечают на это вполне определенно: правильное постижение Священного Писания и пути Господня достигается чтением писаний св. отцов Церкви, просвещенных Духом Святым.

Отсюда – изучение творений св. отцов и следование их мнениям является главной гарантией правильности пути спасения христианина.

Вся история ересей, лжеучений, расколов и заблуждений явилась следствием нарушения этого пути и слепого индивидуального подхода к решению основных положений в христианской религии. Как пишет епископ Игнатий (Брянчанинов):

«Чтение писаний отеческих – родитель и царь всех добродетелей. Из чтения отеческих писаний научаемся истинному разумению Священного Писания, вере правой, жителъству по заповедям евангельским, глубокому уважению, которое должно иметь к евангельским заповедям, словом сказать, – спасению и христианскому совершенству. По умалении духоносных наставников чтение отеческих писаний соделалось главным руководителем для желающих спастись. Посредством их чтения причащаемся живущему в св. отцах Святому Духу».

Итак, наибольшую пользу душе (после Священного Писания Нового Завета) дают книги, написанные св. отцами о пути ко спасению и об очищении сердца. Прп. Варсонофий Великий дал такой совет одному из своих учеников: *«Не хотел бы я, чтобы ты занимался догматическими книгами, потому что они возносят ум горе, но лучше поучайся в словах старцев, которые смиряют ум долу. Я сказывал это не с тем, чтобы унижать догматические книги, но лишь даю тебе совет, ибо пища бывает различна»*.

Передают совет одного старца архиепископу Антонию (Блюму), при начале его духовной жизни:

«Изучай 12 лет святых отцов, а потом можешь читать и богословские книги».

Но когда архиепископ Антоний (ныне митрополит Сурожский) так поступил по его совету, то богословские книги оказались уже ненужными.

Очевидно, что не только Священное Писание Нового Завета нам надо систематически перечитывать, но и наиболее важные для нас книги из творений св. отцов. Так, например, старец Макарий Оптинский через каждые три года перечитывал творения аввы Дорофея и «Лествицу» и находил при этом в них все новое и новое.

Духовное чтение нам необходимо каждый день, подобно молитве. «Без чтения душно и душа голодает», – говорит епископ Феофан Затворник.

Хорошие духовные книги – это наши лучшие друзья, наши руководители, воспитатели и наставники. Их надо читать, перечитывать, изучать, делать из них выписки. Через такие книги мы беседуем со святыми – носителями Духа Святого Божия.

Поэтому книги надо всегда предпочитать пустым разговорам. Хорошая духовная библиотека – это наиболее ценное на земле сокровище, на приобретение которого не надо жалеть ни средств, ни времени.

Когда христианин замечает свое духовное ослабление, угасание ревности, охлаждение молитвы, то одно из наилучших средств для своего ободрения и восстановления ревности есть

чтение хорошей духовной книги: обаяние духовной красоты святых, их ревность, высота духа и высокие духовные переживания невольно побуждают и нас в какой-то мере следовать за ними.

Вместе с тем надо помнить и истину, заключающуюся в словах пословицы, что «бочку меда портит ложка дегтя».

И если иногда почему-либо, может быть, по небрежности, нам случится подвергнуться духовной отраве от чтения неподходящей для христианина литературы, то здесь мы должны вспомнить слова прп. Петра Дамаскина, который пишет:

«Когда Господь, говорит св. Василий Великий, найдет сердце, чистое от всех мирских вещей и учений, тогда на нем, как на чистой дощечке, надписывает Свои учения. Это говорю я для того, чтобы не читал кто-либо не служащего к угождению Богу. И если кто когда-либо прочитает по неведению, то пусть подвизается скорее изгладить памятование о сем духовным чтением Божественных Писаний и более того, что служит ему к спасению души, смотря по устроению, какого он достоин. Помимо же Божественных Писаний да не читает отнюдь чего-либо. Какая надобность принимать духа нечистого вместо Святого Духа? Ибо в каком слове кто упражняется, того дух и усваивает себе, хотя и не видится ему это дело противным, как видят опытные».

К сожалению, последний совет смогут исполнить в наше время, вероятно, лишь иноки и те немногие христиане, которые будут иметь возможность вести нерассеянную жизнь.

Но всем надо помнить следующее наставление о. Иоанна С:

«Ты следишь за событиями во внешнем мире, читая светские сочинения, журналы и газеты. Не упускай же из виду и твоего внутреннего мира, твоей души: она ближе к тебе и дороже тебе. Читай же наипаче и научаще Евангелие и писания св. отцов, ибо грешно христианину не читать богодухновенных писаний. Все мирское с миром и кончится – «И мир проходит, и похоть его» (1Ин. 2, 17)».

Чтение можно сравнить с лекарством, но излечивает это лекарство не тело, а душу. Но как тело, так и душа бывают больны различными болезнями. А для каждой болезни показаны свои особые лекарства и для каждой души должна быть подобрана такая духовная литература, которая соответствовала бы ее болезни.

Литература, подходящая для людей созерцательного типа (евангельской Марии), не так подходяща для людей деятельного типа (евангельской Марфы), и наоборот.

Не для всех подходящи книги старинного стиля. Некоторым «младенцам во Христе» будут интересны лишь духовные рассказы и т. д. Как пишет еп. Игнатий (Брянчанинов):

«Непременно нужно чтение, соответствующее образу жизни. Иначе будешь наполняться мыслями, хотя и святыми, но неисполнимыми самим делом, возбуждающими бесплодную деятельность только в воображении и желании; дела благочестия, приличествующие твоему образу жизни, будут ускользать из рук твоих. Мало того, ты сделаешься бесплодным мечтателем, мысли твои, находясь в беспрестанном противоречии с кругом действий, будут непременно рождать в твоём сердце смущение, а в поведении неопределённость, тягостные, вредные для тебя и для ближних».

Поэтому тем, кто духовно еще молод и мало сведущ в литературе, надо искать указаний у духовно опытных людей при выборе книг для чтения.

Духовное чтение помогает нам и в молитвенном подвиге; когда молитва становится холодной и рассеянной, тогда духовное чтение помогает ее оживить. Об этом пишет так прп. Исаак Сириянин:

«В то время, когда ум твой рассеян, предпочитай духовное чтение молитве, так как чтение – источник чистой молитвы».

Если сумеем мы поставить себя в здоровую обстановку людей живых духовно и питающих душу духовной литературой, то наш разум будет пребывать в Божественных истинах, в

светлых мыслях, обогащающих нас мудростью, верой, надеждой, любовью, смирением и другими добродетелями.

Тогда разум и сердце наше погрузятся в созерцание истины и предвечной красоты Сына Божия Иисуса Христа и Его Невесты – Вселенской Церкви. Истина заполнит наш разум, а красота захватит наше сердце.

Тогда как бы само собой исполнится и повеление ап. Павла, чтобы нам мыслить – «что только истинно, что честно, что справедливо, что любезно, что достославно, что только добродетель и похвала» (Флп. 4, 8).

В заключение, однако, следует предупредить, что одним только чтением духовной литературы христианин не спасется. Об этом так пишет о. Александр Стефановский:

«От чтения духовных книг без применения их в жизни скоро создается самообман, что духовное возрастание началось. Духовная жизнь подменяется воображением. От чтения надо переходить к жизни, начиная сейчас же и духовный подвиг с первых ступеней».

Как говорит о том же прп. Симеон Новый Богослов:

«Для людей, надежду спасения своего полагающих в одном изучении Божественного Писания, без мистического опыта, недоступна сила Божественных Писаний».

«Духовное чтение не заменяет внутренней деятельной духовной жизни, – пишет и архиепископ Иоанн, – знание об истине – это не то, что знание истины. Кроме содержания есть Дух Слова. Лишь Духом водимые (Рим. 8, 14) открывают вечно новое в истине».

Приложения к главе 18-й

Значение знакомства (через чтение) с жизнью святых и подвижников христианства хорошо раскрывается в предисловии ко 2-й части книги Е. Поселянина «Пустыня».

«Род людской все тот же. Меняется обстановка, меняются условия жизни, но так же все стремятся к счастью, и лишь ничтожная во все времена кучка людей сознательно отворачивается от этого счастья ради великих загробных целей. Станные люди, непонятные для большинства людей. Однако в этой их странности есть какое-то непостижимое обаяние.

Когда вчитываешься в рассказы об этих столь тихо, неслышно, незаметно проживших свою жизнь людях, тогда как современники их наполняли раскатами громов вселенную, – спрашиваешь себя: почему это память о них могла победить сглаживающую силу стольких веков?

И почему это доселе и среди высококультурных людей, и среди людей почти первобытных заботливо берегутся рассказы о том, как «спасались» эти странные люди.

Если иногда трудно бывает в суете мирской присест за книгу, говорящую исключительно о подвигах духа, то так же трудно бывает и оторваться от такой книги, когда в нее вчитаешься.

Точно на ковре-самолете поднялся над землей, близко-близко к миру вечных чудес, и душу охватило предчувствие такого счастья, какого не дает душе ни одна чисто земная радость. Многим приходилось испытывать то необыкновенное впечатление, какое переживаешь, когда вдруг до души, измученной житейской тревогой, издали донесутся тихие, бесстрастные, отрадные и счастливо-спокойные, как сама вечность, звуки церковного пения.

Кто это испытал, тот поймет, что подобное впечатление переживаешь и тогда, когда после долгого забвения высших интересов души, долгого периода, во время которого уста от полноты сердца не шептали молитвы, – развернутся вдруг перед глазами правдивые сказания о подвигах былых людей христианства, тех вольных мучеников, которые с такою последовательностью стремились взять и взяли от жизни лишь одну духовную ее сторону.

Какою бы пропастью ни была отделена наша беззаконная жизнь от их светлых «житий», но раз мы вызовем изнутри себя те сокровища, то лучшее содержание нашей души, которое отчасти раскрадено, отчасти затоптано гнетом жизни, но ростки которого никогда не погибают в человеке совершенно, пока он дышит, – то этою лучшею стороною нашего существа мы и поймем этих дальних и странных людей.

Мы поймем, что, полные искренности, они, памятуя о светлом рае, которого лишились, не могли, сыны неба, стать

сынами земли.

Не могли среди мира, задышающегося от горя, слез и насилий, спокойною рукою брать то счастье жизни, какое многим из них так обильно послала судьба. И предпочли более всех страдать, чем более всех ликовать.

Их лики озарены отсветом той кровавой зари, какая светила на Голгофе, когда солнце в ужасе померкло.

И дико было бы нам ждать раскатов смеха и всплесков радости от людей, которые ежеминутно были проникнуты невыразимою значительностью этого голгофского часа.

Прекрасны они целостностью своих могучих характеров, тою великою сосредоточенностью, с какой провели свой земной век, не отходя от ног Христа-Учителя, «слушая слово Его».

И вот теперь, когда их так уже давно нет на земле и они так давно ликуют в «радости исполненной», – какое-то обаяние идет на нас от их имен, от тех загадочных пустынь, откуда рвался к Богу пламень их молитвы.

И как доселе мы с восхищением смотрим на воспроизведение обломков римских и эллинских зданий – тем более восторженно мы созерцаем и творчество этих великих духовных зодчих могучих и цельных эпох.

Творчество же их, которым они занимались и которым себя обессмертили, имело своей высокой целью по идеалу, завещанному Христом, – воссоздать себя в формы высшей и непреходящей душевной красоты».

Я убедился, что ежедневное чтение св. отцов и житий в наших условиях – главнейшее и действительнейшее средство для поддержания нашей веры и любви.

Это чтение конкретно рисует нам области, куда мы стремимся, дает нашей вере образцы, идеи, чувства, указывает пути, обнадеживает описанием ступеней, этапов внутреннего движения, согревает сердце влечением к блаженной жизни святых подвижников. Как можно любить то, чего не видишь, от чего не имеешь постоянных впечатлений? Первые христиане оттого и горели такой верой-любовью, что слышали, видели своими очами, осязали руками (*1Ин. 1, 1*).

Эту возможность – иметь прямые впечатления от Божественного света – дает нам или общение с живыми святыми, или общение с ними же через проникновение, путем чтения, в их внутреннюю жизнь.

Естественный, казалось бы, путь к тому – через чтение Евангелия. Конечно, для тех, кто способен читать его с пользой. Есть множество людей, которым Евангелие ничего не говорит, – или оттого, что оно с детства «зачитано», или свет евангельский слишком ярок для слабых глаз, и не все способны воспринять его и нуждаются в смягченной среде жизни святых, в которых тот же свет евангельский, но в более доступном нам виде.

Нужно постоянно читать то, что питает твою душу, указывая цель, единственную цель жизни. Здесь нужны своего рода аскетизм, самоограничение, самопринуждение. Всякий христианин – подвижник.

Запомни это: человеческая природа так искривлена, что на нее приходится жестоко нажимать, если хочешь выравнять себя по евангельским меркам, и выравнивать приходится каждый день, каждый час.

Не всеми одинаково серьезно создается важнейшее в наших духовных путях значение созерцания жизненного пути святых. Есть даже речи: «У меня есть Евангелие, у меня есть Христос – мне не нужны посредники». Иные, может быть, не скажут этих самоуверенных слов, но фактически не прибегают к помощи святых в периоды (а у кого их не бывает?) духовного упадка.

Ведь что такое всякий святой? Тот же человек, но который, пойдя по правильному пути, нашел То, Чего ищем мы все, – Бога. Как же нам не вглядываться в них и не брать пример с них, не идти за ними? Собственно, «святость» – задача каждому из нас в меру его сил.

Отчего так важно чтение житий святых?

Среди бесконечного спектра путей к Богу, раскрытого в различных житиях, мы можем найти свой путь, получить помощь и указание, как из дебрей нашей человеческой запутанной греховности выйти на путь к свету.

Вы жалуетесь на то, как трудно и даже просто скучно чтение св. отцов. Но попробуйте поставить вопрос так, что трудны и скучны не они, а что, может быть, ваша душа не готова еще увидеть тот свет, который видят же в них другие.

Все же не оставляйте это чтение, пытайтесь согреть свою душу теплом их веры, прикоснуться к их духовному опыту. Вы скажете, что слишком несоизмерима их высота и вся мелкая будничность, которая держит нас в своем плену. Но присмотритесь к себе – не может быть, чтобы всегда это было только трудно и скучно.

В редкие минуты жизни – в испытаниях и горе или в большой радости – душа ищет подняться, и тогда, может быть, иначе звучат слова, которые раньше не доходили до вас.

А в обычное время нужны труд и некоторое насилие над собой, чтобы разбудить свою косность. И будьте уверены – эти усилия дадут свой плод, и невидимое пока для вас накопление духовных богатств проявится в нужную минуту, может быть, спасет вас в настоящей беде.

Тут же вы пишете о своем одиночестве и покинутости. Конечно, вам нужны живое общение с людьми и их близость. Но подумайте: уже в тех же св. отцах – какое «избранное общество» вы имеете, какие сокровища лучших душ, веками накопленные, дают они вам и всем нам в полное владение.

В этом и радость церковного общения – что все мы живы и все братья Церкви, и не может, не должно быть чувства своей покинутости у живого члена Церкви.

Отчего слаба наша любовь к Богу? – Оттого, что слаба вера. А вера слаба от равнодушия к Божественным вещам. От познания, изучения их явится вера, от веры – любовь.

В Церковь вошли праведники всех времен начиная от сотворения мира. Поэтому можно было бы думать, что изучение истории Церкви нужно начинать с книг Ветхого Завета. Однако здесь надо сделать иной вывод.

Многие законы Моисея уже не имеют значения для христианина.

Так, в них написано: «Перелом за перелом, око за око, зуб за зуб: как он сделал повреждение на теле человека, так и ему

должно сделать» (Лев. 24, 20). Христос же повелевает: «Кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую» (Мф. 5, 39).

А когда ученики Христа хотели в подражание пророку Илии свести огонь с неба на самарян, не принявших Христа, то услышали от Господа запрещение и слова: «Не знаете, какого вы духа» (4Цар. 1, 10–12; Лк. 9, 55).

Словом, заповеди Ветхого Завета часто совсем иные, чем для Нового.

В канонических книгах Ветхого Завета имеется «Песнь песней» Соломона. Эта книга аллегорически повествует о силе любви Новозаветной Церкви к своему Жениху – Господу Иисусу Христу.

Но эта любовь изображена как реалистическая любовь Суламиты к своему возлюбленному, что соблазняет некоторых, недостаточно утвержденных в вере.

Кроме Песни песней в Библии имеются и многие другие места, которые также будут непонятны или бесполезны для чтения некоторых духовно молодых христиан.

Указанное относится в особенности к неканоническим книгам Ветхого Завета ((Следует сделать различие между каноническими и неканоническими книгами Ветхого Завета. Соборы не считают последние в полной мере богодухновенными, как 22 канонические книги. К неканоническим книгам относят книги: Товита, Иудифь, Вторая и Третья книги Ездры, три книги Маккавейские, Премудрости Иисуса, сына Сирахова, Премудрости Соломона, пророка Варуха, Послание Иеремии. прим. авт.)).

В последних имеются места или труднопонимаемые (например, в книгах Второй и Третьей Ездры), или места апокрифического характера (например, в Книге Товита).

И хотя ап. Павел писал, что «все Писание богодухновенно» (2Тим. 3, 16), но надо помнить и другие слова ап. Павла, что лишь «для чистых – все чисто» (Тим. 1, 15).

А многие ли из числа тех, кто считает себя христианином, могут быть вполне уверены в своей духовной чистоте?

Поэтому всем рядовым христианам можно рекомендовать читать и изучать преимущественно священные книги Нового Завета и Псалтирь. Книги же Ветхого Завета в оригинале надо изучать лишь богословам. А прочим христианам надо знакомиться с ними не в первые годы своей сознательной духовной жизни, и лучше – в хороших сокращенных пересказах.

Ты утаил сие от мудрых и разумных и открыл то младенцам.

Мф. 11, 25

Необходимо отметить, что далеко не вся литература, посвященная вопросам религии, имеет одинаковое значение для души христианской и ее цели в жизни – стяжания Святого Духа Божия.

Можно питать мыслями ум, не затрагивая чувств сердца, и тогда мало пользы для христианина в отношении очищения его сердца от страстей и пристрастий и возвращения в нем христианских добродетелей.

Надо помнить слова ап. Павла, что «знание надмевает, а любовь назидает» (1Кор. 8, 1).

Поэтому следует предупредить тех христиан, которым импонирует богатство богословской эрудиции, и они забывают о значении сердца, – здесь опасность жизни чисто умозрительной.

О частой бесплодности такого труда для души христианской так говорит схииархимандрит Софроний в своей книге о старце Силуане:

«Богослов-интеллектуалист о писаниях старца, возможно, скажет: я не вижу здесь богатства богословской мысли; я не вижу здесь догматического ведения. Так скажет он потому, что его духовность принадлежит иному плану религиозной жизни.

Богослов-рационалист занят множеством проблем и ищет разрешения их на путях рассудочного умозрения. Его подлинный религиозный опыт невелик, главный опыт его принадлежит сфере рассудка, а не живого богообщения.

Свою научную эрудицию и рассудочный опыт он считает духовным богатством и ставит его настолько высоко, что всякий другой опыт в его глазах отступает на второстепенный план.

Для человека подлинно религиозного, ищущего живого богообщения, живущего Богом, очевидна наивность увлечения рационалиста. Он недоумевает в каком-то смысле – не понимает, как может умный человек удовлетворяться своими домыслами и отвлеченными построениями».

Здесь надо вспомнить и о том, как сурово отзывался старец Варсонофий Оптинский о тех богословских науках, которые преподавались в его время (начало XX столетия) в семинариях и духовных академиях.

Он говорил: «Держитесь духа. Смотрите, в семинариях и духовных академиях какое неверие, нигилизм, мертвечина, а все потому, что только одна зубрежка без чувств и смысла.

Семинаристу странно, непонятно пойти в церковь одному, стать в стороне, поплакать, умилиться, ему это дико» (Дневник иером. Никона Оптин. пуст. 1907–1908 гг.).

Пост

Глава 19. Сущность и значение поста

Сей же род изгоняется только молитвою и постом. Мф. 17, 21

Когда вы постились... для Меня ли вы постились? Зах. 7, 5

Указания христианину о посте могут сильно разниться в зависимости от состояния здоровья тела христианина. Оно может быть в полном здоровье у молодого человека, не совсем здорово у пожилого или при серьезной болезни. Отсюда и указания Церкви о соблюдении постов (по средам и пятницам) или в периоды многодневных постов (Рождественского, Великого, Петрова и Успенского) могут сильно разниться в зависимости от возраста и физического состояния здоровья человека. Все указания в нижеприведенной 19-й главе о посте в полной мере относятся лишь к физически здоровому человеку. При физических болезнях или для престарелых следует внимательно отнестись к указаниям, изложенным в главе 20-й о «Рассудительности в посте».

Как часто и у тех, кто считает себя христианином, можно встретить пренебрежение к посту, непонимание его значения и сущности.

Пост рассматривается ими как дело, обязательное только для монахов, опасное или вредное для здоровья, как пережиток из старой обрядности – мертвая буква устава, с которым пора покончить, и, во всяком случае, как нечто неприятное и обременительное.

Следует заметить всем думающим так, что они не понимают ни цели поста, ни цели христианской жизни. Может быть, напрасно они именуют себя христианами, так как живут своим сердцем вместе с безбожным миром, имеющим культ свое тело и самоугодие.

Христианин же в первую очередь должен думать не о теле, а о своей душе и беспокоиться о ее здоровье.

И если бы он действительно стал думать о ней, то он радовался бы посту, в котором вся обстановка направлена на

исцеление души, как в санатории – на исцеление тела.

Время поста – это время особенно важное для духовной жизни, это «время благоприятное, это день спасения» (2Кор. 6, 2).

Если душа христианина тоскует по чистоте, ищет душевного здоровья, то она должна постараться как можно лучше использовать это полезное для души время.

Вот почему среди истинных боголюбцев принято взаимное поздравление с наступлением поста.

Но что такое пост по существу? И не бывает ли самообмана среди тех, кто считает нужным исполнять это лишь по букве, но не любит его и тяготится им в сердце своем?

И можно ли назвать постом только соблюдение одних правил о невкушении скоромного в постные дни?

Будет ли пост постом, если, кроме некоторого изменения в составе пищи, мы не будем думать ни о покаянии, ни о воздержании, ни об очищении сердца через усиленную молитву?

Нужно полагать, что это не будет постом, хотя все правила и обычаи поста будут соблюдены. Прп. Варсонофий Великий говорит:

«Пост телесный ничего не значит без духовного поста внутреннего человека, который состоит из предохранения себя от страстей. Сей пост внутреннего человека приятен Богу и вознаградит для тебя недостаток телесного поста» (если ты не можешь соблюдать последний, как бы хотел). О том же говорит и св. Иоанн Златоуст: «Кто ограничивает пост одним воздержанием от пищи, тот весьма бесчестит его. Не одни уста должны поститься – нет, пусть постятся и око, и слух, и руки, и ноги, и все наше тело».

Как пишет о. Александр Ельчанинов:

«В общежитиях существует коренное непонимание поста. Важней не сам по себе пост как неядение того-то и того-то или как лишение себя чего-то в виде наказания – пост есть лишь испытанный способ достигнуть нужных результатов – через истощение тела дойти до утончения духовных мистических способностей, затемненных плотью, и

тем облегчить свое приближение к Богу... Пост не есть голод. Голодают и диабетик, и факир, и йог, и заключенный в тюрьме, и просто нищий. Нигде в службах Великого поста не говорится о посте только в нашем обычном смысле, т. е. как о неядении мяса и проч. Всюду один призыв: «постимся, братие, телесно, постимся и духовно». Следовательно, пост только тогда имеет религиозный смысл, когда он соединен с духовными упражнениями. Пост равен утончению. Нормальный, биологически благополучный человек недоступен влияниям высших сил. Пост расшатывает это физическое благополучие человека, и тогда он делается доступнее воздействиям иного мира, идет духовное его наполнение».

Как говорилось ранее, душа человека тяжело больна. Церковь отводит в году определенные дни и периоды времени, когда внимание человека должно быть особенно устремлено на исцеление от душевной болезни. Это пост и постные дни.

По словам еп. Германа:

«Пост есть сугубое воздержание, чтобы восстановить утраченное равновесие между телом и духом, чтобы вернуть нашему духу его главенство над телом и его страстями».

У поста есть, конечно, и другие цели (о них будет говориться ниже), но основная из них – изгнание из души своей лукавого духа – древнего змия. «Сей же род изгоняется только молитвою и постом», – сказал Господь Своим ученикам. Господь показал нам Сам пример поста, постившись 40 дней в пустыне, откуда «возвратился в силе Духа» (Лк. 4, 14).

Как говорит св. Исаак Сириянин:

«Пост есть оружие, уготованное Богом... Если постился Сам Законоположник, то как не поститься кому-либо из обязанных соблюдать закон?.. До поста род человеческий не знал победы и диавол никогда не испытывал поражений... Господь наш был вождем и первенцем этой победы... И как скоро диавол видит это оружие на ком-нибудь из людей, этот противник и мучитель тотчас приходит в страх, помышляя и вспоминая о поражении своем в пустыне Спасителем, и сила его сокрушается... Кто пребывает в посте, у того ум непоколебим»

(Слово 30).

Совершенно очевидно, что подвиг покаяния и молитвы в посте должен сопровождаться мыслями о своей греховности и, конечно, воздержанием от всяких развлечений – хождения в театры, кино и гости, легкого чтения, веселой музыки, просмотра телевизора для развлечения и т. п. Если все это еще влечет сердце христианина, то пусть он сделает усилие, чтобы оторвать от него свое сердце, хотя бы в дни поста.

Здесь нужно вспомнить, что по пятницам прп. Серафим не только постился, но и пребывал в этот день в строгом молчании.

Как пишет о. Александр Ельчанинов:

«Пост – период духовного усилия. Если мы не можем отдать Богу всю свою жизнь, то посвятим Ему безраздельно хотя бы периоды постов – усилим молитву, умножим милосердие, укротим страсти, примиримся с врагами».

Здесь приложимы слова премудрого Соломона: «Всему свое время, и время всякой вещи под небом... время плакать, и время смеяться; время сетовать, и время плясать... время молчать, и время говорить» и т. д. (*Еккл. 3, 1–7*).

Для физически здоровых людей основой поста считается воздержание в пище. Здесь можно различать пять степеней физического поста:

- 1) Отказ от мяса.
- 2) Отказ от молочного.
- 3) Отказ от рыбы.
- 4) Отказ от масла.
- 5) Лишение себя пищи вообще на какие-то сроки.

Естественно, что на последние степени поста могут идти лишь здоровые люди. Для больных и престарелых более соответствует правилам первая степень поста, о чем подробнее будет говориться ниже в главе 4-й.

Сила и действенность поста могут оцениваться по силе лишения и жертвы. И, естественно, что не только формальная замена скоромного стола на постный стол составляет истинный пост: можно готовить изысканные блюда и из постной пищи

и таким образом в какой-то мере удовлетворять и свое сластолюбие, и свою алчность к ней.

Надо помнить, что кающемуся и скорбящему о своих грехах неприлично есть постом сладко и обильно, хотя бы и (формально) постные блюда.

Можно сказать, что поста не будет, если человек будет вставать из-за стола с вкусными постными блюдами и чувством преобременения желудка. Здесь мало будет жертв и лишений, а без них не будет и истинного поста.

«Почему мы постимся, а Ты не видишь?» – взывает пророк Исаия, обличая иудеев, лицемерно соблюдавших обряды, но сердцем далеких от Бога и Его заповедей(Ис. 58, 3).

В некоторых случаях больные христиане заменяют себе (сами или по совету духовников) воздержание в пище постом «духовным». Под последним часто понимают более строгое внимание к себе: удержание себя от раздражительности, осуждения, ссор. Все это, конечно, хорошо, но разве в обычное время христианин может позволять себе грешить, или раздражаться, или осуждать? Совершенно очевидно, что христианин должен всегда «трезвиться» и быть внимательным, предохраняя себя от греха и всего того, что может оскорблять Духа Святого. Если же он не в силах удержать себя, то, вероятно, это будет иметь место в равной степени как в обычные дни, так и в посту. Отсюда замена поста в пище на подобный «духовный» пост – это чаще всего самообман.

Поэтому в тех случаях, когда по болезни или по большому недостатку в продуктах питания христианин не может соблюдать обычные нормы поста, то пусть сделает в этом отношении все, что сможет, например: откажется от всяких развлечений, от сластей и лакомых блюд, будет поститься хотя бы в среду и пятницу, будет стараться, чтобы наиболее вкусная пища подавалась лишь по праздничным дням. Если же христианин по старческой немощи или по нездоровью не сможет отказаться от скоромной пищи, то следует хотя бы несколько ограничить ее в постные дни, например не есть мясного – словом, в той или иной мере все же приобщиться к посту.

Некоторые отказываются от поста из-за боязни ослабить свое здоровье, проявляя при этом болезненную мнительность и маловерие, и стремятся всегда обильно питать себя скоромной пищей для достижения хорошего здоровья и для поддержания «упитанности» тела. И как часто они-то и страдают всякими заболеваниями желудка, кишечника, почек, зубов...

Кроме проявления своего чувства покаяния и ненависти ко греху пост имеет и другие стороны. Время поста – не случайные дни.

Среда – это предание Спасителя, наивысший из моментов падения и позора человеческой души, идущей в лице Иуды предавать за 30 сребреников Сына Божия.

Пятница – это терпение издевательств, мучительные страдания и крестная смерть Искупителя человечества. Вспоминая о них, как может христианин не ограничить себя путем воздержания?

Великий пост – это путь Богочеловека к Голгофской жертве.

Человеческая душа не имеет права, не смеет, если только она христианка, проходить равнодушно мимо этих величественных дней – знаменательных вех во времени.

Как она дерзнет потом, на Страшном Суде, стать одесную Господа, если она будет равнодушна к Его скорби, крови и страданиям в те дни, когда Вселенская Церковь – Земная и Небесная – вспоминает их?

В чем должен состоять пост? Здесь нельзя дать общей меры. Она будет зависеть и от состояния здоровья, от возраста и условий жизни. Но здесь надо непременно задеть за живое свое плотоугодие и сластолюбие.

В настоящее время – время ослабления и падения веры – нам кажутся недостижимыми те уставы о посте, которые в старину строго выполнялись благочестивыми русскими семьями.

Вот, например, из чего состоит Великий пост по церковному уставу, обязательность которого распространялась в равной мере как на инок, так и на мирянина.

По этому уставу в Великий пост полагается: полное неядение в течение целого дня понедельника и вторника первой

седмицы и пятницы Страстной седмицы.

Лишь для более слабых возможно вкушение пищи во вторник вечером первой седмицы. Во все остальные дни Великого поста, кроме суббот и воскресений, полагается только сухоядение и лишь однажды в день – хлеб, овощи, горох – без масла и воды.

Вареная пища с постным маслом полагается лишь в субботы и воскресенья. Вино разрешается только в дни церковных воспоминаний и при длинных службах (например в четверг на пятой седмице). Рыба – лишь в Благовещение Пресвятой Богородицы и Вербное воскресенье.

Хотя такая мера нам и кажется чрезмерно суровой, она, однако, достижима для здорового организма.

В быту старой русской православной семьи можно видеть строгое выполнение постных дней и постов. Даже князья и цари постились так, как теперь не постятся, может быть, и многие из монахов.

Так, царь Алексей Михайлович Великим постом обедал лишь три раза в неделю – в четверг, субботу и воскресенье, а в остальные дни съедал только по кусочку черного хлеба с солью, по соленому грибу или огурцу, запивая квасом.

Некоторые египетские иноки в древности практиковали в Великий пост полное сорокадневное воздержание от пищи, следуя в этом отношении примеру Моисея и Самого Господа.

Сорокадневные посты проводил два раза один из братьев Оптиной пустыни – схимонах Вассиан, живший там в середине прошлого столетия. Этот схимник, между прочим, так же как и прп. Серафим, в значительной мере питался травой «снатью». Он прожил до 90 лет.

37 дней не вкушала ни пищи, ни питья (кроме одного причастия) инокиня Любовь Марфо-Мариинской обители. Следует отметить, что во время этого поста она не чувствовала никакого ослабления сил и, как про нее говорили, «голос ее гремел в хору как будто бы еще сильнее прежнего».

Этот пост она совершила перед Рождеством; он кончился в конце Рождественской литургии, когда она внезапно почувствовала непреодолимое желание поесть. Не в силах

более владеть собою, она тотчас же пошла в кухню для принятия пищи.

Необходимо заметить, однако, что описанная выше и рекомендованная Церковью норма для Великого поста не считается теперь всеми так строго обязательной для всех. Церковь рекомендует как известный минимум лишь переход постом на постную пищу в согласии с ее указаниями для каждого из постов и постных дней.

Выполнение этой нормы для вполне здоровых людей считается обязательным. Все же большее она предоставляет ревности и усердию каждого христианина: «Милости хочу, а не жертвы», – говорит Господь (*Мф. 9, 13*). Вместе с тем надо нам помнить, что пост необходим не Господу, а нам самим для спасения нашей души. «Когда вы постились... для Меня ли вы постились?» – говорит Господь устами пророка Захарии (7, 5).

Есть и еще одна сторона у поста. Вот кончилось его время. Церковь торжественно справляет праздник, завершающий пост.

Может ли достойно встретить и пережить сердцем этот праздник тот, кто в какой-то мере не приобщился этому посту? Нет, он почувствует себя так, как тот дерзкий в Господней притче, что осмелился на пир прийти «не в брачной одежде», т. е. не в духовной одежде, очищенной покаянием и постом.

Хотя бы человек по привычке и пошел на праздничное богослужение и сел бы за праздничный стол, он при этом ощутит лишь беспокойство совести и холод на сердце. А его внутренний слух услышит грозные слова Господа, обращенные к нему: «Друг, как ты вошел сюда не в брачной одежде?» И душа его будет «брошена во тьму внешнюю», т. е. останется во власти уныния и печали, в атмосфере духовного голода – «плача и скрежета зубов».

Пожалейте же сами себя те, кто пренебрегает, чуждается и бежит от поста.

Пост есть воспитание способности духа человеческого бороться против своих поработителей – сатаны и разнеженного и избалованного тела. Последнее должно быть послушно духу, но на деле чаще всего является господином души.

Как пишет пастырь о. Иоанн С:

«Кто отвергает посты, тот отнимает и у себя и у других оружие против многострастной плоти своей и против диавола, сильных против нас особенно через наше неводержание, от которого происходит всякий грех».

Истинный пост есть борьба; это в полном смысле слова «узкий и тесный путь», о спасительности которого говорил Господь.

Господь велит скрывать свой пост от окружающих(Мф. 6, 18). Но от ближних христианину, может быть, не удастся утаить свой пост. Тогда может случиться, что близкие и родные вооружатся на постящегося: «Пожалей себя, не мучь себя, не убивай себя» и т. п.

Мягкие вначале, уговоры родных затем могут перейти в раздражение и упреки. Дух тьмы восстает против постящегося через близких, приводит против поста доводы и посылает соблазны, как некогда пробовал это сделать с постящимся в пустыне Господом.

Пусть заранее предвидит все это христианин. Пусть не ждет он также, что, приступив к посту, он сразу будет получать какие-либо благодатные утешения, теплоту в сердце, слезы покаяния и сосредоточенность в молитве.

Это приходит не сразу, это надо еще заработать борьбой, подвигом и жертвами: «Служи мне, и потом ешь и пей сам», – говорится в притче рабу(Лк. 17, 8). Те, кто проходил пути сурового поста, свидетельствуют даже об ослаблении иногда в начале поста молитвы и притуплении интереса к духовному чтению.

Пост – это лечение, а последнее бывает часто нелегко. И лишь в конце его курса можно ждать выздоровления, а от поста ждать плодов Духа Святого – мира, Радости и любви. По существу своему пост есть подвиг и связан с верою и дерзновением. Пост угоден и приятен Господу как порыв души, тянущейся к чистоте, стремящейся сбросить цепи греха и освободить дух от рабства телу.

Церковь считает его и одним из действенных средств, посредством которых можно переложить гнев Божий на милость

или преклонить волю Господню к исполнению молитвенного прошения.

Так, в Деяниях апостолов описывается, как антиохийские христиане перед отправлением на проповедь свв. апп. Павла и Варнавы «совершили пост и молитву» (Деян. 13, 3).

Поэтому пост практикуется в Церкви как средство подготовки себя к какому-либо начинанию. Имея нужду в чем-либо, отдельные христиане, иноки, монастыри или церкви накладывали на себя пост с усиленной молитвой.

У поста есть кроме того и еще одна положительная сторона, на которую обратил внимание ангел в видении Ерму (см. книгу «Пастырь Ерма»).

Заменяя скоромную пищу более простой и дешевой или уменьшая ее количество, христианин может сократить издержки на себя. А это даст ему возможность больше средств обратить на дела милосердия.

Ангел дал такое указание Ерму:

«В тот день, в который постишься, ничего не вкушай, кроме хлеба и воды, и, исчисливши издержки, которые ты сделал в этот день на пищу, по примеру прошлых дней, оставшиеся от этого дня отложи и отдай вдове, сироте или бедному; таким образом ты смиришь свою душу, а получивший от тебя насытится и будет за тебя молиться Богу».

Ангел указал также Ерму и на то, что пост не есть самоцель, а лишь подсобное средство к очищению сердца. И пост того, кто стремится к этой цели и не исполняет заповедей Божиих, не может быть угодным Богу и является бесплодным.

По существу, отношение к посту является пробным камнем для души христианина в его отношении к Церкви Христовой, а через последнюю – ко Христу.

Как пишет о. Александр Ельчанинов:

«В посте человек проявляет себя: у одних проявляются высшие способности духа, другие же делаются только раздражительны и злы – пост открывает истинную сущность человека».

Душа, живущая живой верой во Христа, не может пренебрегать постом. Иначе она объединит себя с теми, кто равнодушен ко Христу и религии, с теми людьми, которые, по словам прот. Валентина Свенцицкого:

«едят все – и в Великий четверг, когда совершается Тайная вечеря и предается Сын Человеческий; и в Великую пятницу, когда слышим мы плач Богоматери у гроба распятого Сына в день Его погребения. Для таких не существует ни Христа, ни Богоматери, ни Тайной вечери, ни Голгофы. Какой же у них может быть пост?»

Обращаясь к христианам, о. Валентин пишет:

«Держи и соблюдай пост как великую церковную святыню. Каждый раз, когда ты воздерживаешься от запрещенного в дни поста, – ты со всею Церковью. Ты делаешь в полном единомыслии и единочувствии то, что делала вся Церковь и все святые угодники Божии с самых первых дней бытия Церкви. И это будет давать тебе силу и твердость в твоей духовной жизни».

Значение и цель поста в жизни христианина можно резюмировать следующими словами прп. Исаака Сириянина:

«Пост – ограждение всякой добродетели, начало борьбы, венец воздержанных, красота девства, источник Целомудрия и благоразумия, учитель безмолвия, предшественник всех добрых дел... От поста и воздержания рождается в душе плод – ведение тайн Божиих».

Глава 20. Рассудительность в посте

Милости хочу, а не жертвы. Мф. 9, 13

Покажите... в добродетели рассудительность. 2Пет. 1, 5

Все доброе в нас имеет некую черту, перейдя которую, незаметно обращается во зло. Прот. Валентин Свенцицкий

Все вышеизложенное о посте относится, однако, повторяем, лишь к здоровым людям. Как и для всякой добродетели, и для поста также нужна рассудительность.

Как пишет прп. Кассиан Римлянин:

«Крайности, как говорят св. отцы, с той и другой стороны равно вредны – и излишество поста и пресыщение

чрева. Знаем мы некоторых, которые, не быв побеждены чревоугодием, низложены были безмерным постом и впали в ту же страсть чревоугодия по причине слабости, происшедшей от чрезмерного поста. Притом неумеренное воздержание вреднее пресыщения, потому что от последнего, в силу раскаяния, можно перейти к правильному действию, а от первого нельзя. Общее правило умеренности воздержания состоит в том, что каждый сообразно с силами, состоянием тела и возрастом столько пищи вкушал, сколько нужно для поддержания здоровья тела, а не сколько требует желание насыщения. Монах так разумно должен вести дело пощения, как бы имел пробыть в теле сто лет, и так обуздывать душевные движения: забывать обиды, отрезать печаль, ни во что ставить скорби – как могущий умереть каждый день».

Следует вспомнить о том, как ап. Павел предупреждал тех, кто неразумно (самовольно и самочинно) постился: «Это имеет только вид мудрости в самовольном служении, смирennemудрии и изнурении тела, в некотором небрежении о насыщении плоти» (Кол. 2, 23).

Вместе с тем пост – не обряд, а тайна души человеческой, которую Господь велит скрывать от других.

Господь говорит: «Когда поститесь, не будьте унылы, как лицемеры, ибо они принимают на себя мрачные лица, чтобы показаться людям постящимися. Истинно говорю вам, что они уже получают награду свою. А ты, когда постишься, помажь голову твою и умой лице твое, чтобы явиться постящимся не пред людьми, но пред Отцом твоим, Который втайне и Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе явно» (Мф. 6, 16–18).

А поэтому христианину надо скрывать как свое покаяние – молитву и внутренние слезы, так и свой пост и свое воздержание в пище.

Здесь надо бояться всякого выявления своего отличия от окружающих и уметь скрывать от них свой подвиг и свои лишения.

Вот несколько примеров к тому из жизни святых и подвижников.

Прп. Макарий Великий никогда не пил вина. Однако, когда он бывал в гостях у других иноков, он не отказывался от вина, скрывая свое воздержание.

Но ученики его старались предупредить хозяев, говоря им: «Если он будет пить у вас вино, то знайте – вернувшись домой, он будет лишать себя даже воды».

Оптинскому старцу Леониду пришлось однажды прожить несколько дней у епархиального архиерея. Стол последнего был обилен рыбою и разными вкусными яствами, резко отличаясь от скромной скитской трапезы Оптиной пустыни. Старец не отказывался от вкусных блюд, но когда вернулся в Оптину, то на несколько дней лишил себя пищи, как бы наверстывая упущенное в гостях воздержание.

Во всех тех случаях, когда постник должен принимать пищу вместе с другими, более немощными братьями, он не должен, по указанию св. отцов, своим воздержанием делать им укор.

Так, св. авва Исаия пишет:

«Если ты хочешь непременно воздержаться более других, то уединись в отдельную келью и не огорчи немощного брата твоего».

Не только ради сохранения себя от тщеславия надо стремиться не выставлять на вид своего поста.

Если пост будет почему-либо смущать окружающих, вызывать их упреки, или, может быть, насмешки, обвинение в ханжестве и т. п. – и в этих случаях надо стараться хранить тайну поста, сохраняя его по духу, но отступая от него формально. Здесь имеет приложение повеление Господа: «Не мечите бисера вашего перед свиньями» (Мф. 7, 6).

Пост будет неразумен и тогда, когда он будет ставить преграды гостеприимству угощающих вас; мы этим будем укорять окружающих в пренебрежении постом.

Про Московского митрополита Филарета рассказывают такой случай: как-то он пришел к своим духовным детям как раз к обеду. По долгу гостеприимства его надо было пригласить к обеду. За столом подавали скоромное, а день был постный.

Виду не подал митрополит и, не смущая хозяев, вкусил скоромного. Так снисхождение к немощи духовных своих

ближних и любовь он ставил выше, чем соблюдение поста.

К церковным установлениям вообще нельзя относиться формально, и, следя за точным исполнением правил, не делать из последних никаких исключений. Надо помнить и слова Господа, что «суббота для человека, а не человек для субботы» (Мк. 2, 27).

Как пишет митрополит Иннокентий Московский:

«Были примеры, что даже монахи, как, например, св. Иоанн Лествичник, употребляли во всякое время всякую пищу и даже мясо. Но сколько? Столько, чтобы быть только живу, и это не мешало ему достойно причащаться Святых Таин и, наконец, не воспрепятствовало сделаться святым... Конечно, неблагоразумно без нужды нарушать пост употреблением скоромной пищи. Тот, кто может соблюсти пост разбором пищи, тот соблюдай; но, главное, соблюдай и не нарушай поста душевного, и тогда пост твой будет приятен Богу. Но кто не имеет возможности разбирать пищу, тот употребляй все, что Бог даст, но без излишества; но зато непременно строго постись душой, умом и мыслями, и тогда пост твой так же будет приятен Богу, как пост самого строгого пустынника. Цель поста – облегчить и усмирить тело, обуздывать пожелания и обезоруживать страсти. Потому Церковь, спрашивая тебя о пище, не столько спрашивает о том, какую употребляешь ты пищу, сколько о том, для чего ты употребляешь ее. Господь Сам одобрил поступок царя Давида, когда тот по нужде должен был нарушить правило и есть «хлебы предложения, которые не должно было есть ни ему, ни бывшим с ним» (Мф. 12, 4)».

Поэтому, учитывая необходимость, можно и при больном и слабом теле и преклонном возрасте делать послабления и исключения во время поста.

Св. ап. Павел так пишет своему ученику Тимофею: «Впредь пей не одну воду, но употребляй немного вина, ради желудка твоего и частых твоих недугов» (1Тим. 5, 23).

Прпп. Варсонофий Великий и Иоанн говорят:

«Что такое пост, как не наказание тела для того, чтобы усмирить тело здоровое и сделать его немощным для

страстей, по слову апостола: «Когда я немощен, тогда силен» (2Кор. 12, 10). А болезнь более сего наказания и вменяется вместо поста – ценится даже более его. Кто переносит ее с терпением, благодаря Бога, тот через терпение получает плод спасения своего. Вместо того чтобы ослабить силу тела постом, оно бывает уже ослаблено болезнью. Благодарю же Бога, что ты освободился от труда поститься. Если и десять раз в день будешь есть, не печалься: ты не будешь осужден за то, так как поступаешь так не в поборку себе».

О правильности нормы поста прпп. Варсонофий и Иоанн дают и такое указание:

«Касательно поста скажу: осяжи сердце твое, не окрадено ли оно тщеславием, и если не окрадено, осяжи вторично, не делает ли тебя пост сей немощным и в исполнении дел, ибо немощи этой не должно быть, и если и в этом не вредит тебе, пост твой правильный».

Как говорил пустынный Никифор в книге В. Свенцицкого «Граждане неба»:

«Господь требует не голода, а подвига. Подвиг – это то, что может человек сделать самого большого по своим силам, а остальное – по благодати. Силы наши теперь слабые, и подвигов больших Господь с нас не требует. Я пробовал сильно поститься, и вижу, что не могу. Истощаюсь – нет сил молиться, как надо. Однажды так ослаб от поста, встать правило прочесть не могу».

Здесь пример неправильного поста.

Еп. Герман пишет:

«Изнеможение есть признак неправильности поста; оно так же вредно, как и пресыщение. И великие старцы вкушали суп с маслом на первой седмице Великого поста. Больную плоть нечего распинать, а надо поддерживать».

Итак, всякое ослабление здоровья и трудоспособности при посте говорит уже о его неправильности и превышении его нормы.

«Мне более нравится, чтобы изнурялись более от работы, чем от поста», – говорил один пастырь своим духовным детям.

Лучше всего, когда постящиеся руководствуются указаниями опытных духовных руководителей. Следует вспомнить следующий случай из жизни прп. Пахомия Великого. В одном из его монастырей в больнице лежал монах, истощенный болезнью. Он попросил прислуживающих дать ему мяса. Те отказали ему в этой просьбе, исходя из правил монастырского устава. Больной попросил отнести себя к прп. Пахомию. Преподобный был поражен крайним истощением инока, заплакал, глядя на больного, и стал укорять больничных братьев за их жестокосердие. Он велел немедленно исполнить просьбу больного, чтобы укрепить его ослабевшее тело и ободрить унылую душу.

Мудрая подвижница благочестия игуменья Арсения так писала престарелому и больному брату епископа Игнатия (Брянчанинова) в дни Великого поста:

«Боюсь, что вы обременяете себя тяжелой постной пищей, и прошу вас забыть, что теперь пост, а кушать скоромную пищу, питательную и легкую. Разность дней дана нам Церковью, как узда здоровой плоти, а вам дана болезнь и немощь старости». [2]

Однако нарушающим пост по болезни или иной немощи все же следует помнить, что здесь может иметь место и какая-то доля маловерия и невоздержания.

Поэтому когда духовным детям старца о. Алексия Зосимовского приходилось по предписанию врача нарушать пост, то старец велел в этих случаях себя окаявать и молиться так: «Господи, прости меня, что я по предписанию врача, по своей немощи нарушил святой пост», – и не думать, что это как будто так и нужно.

Говоря о посте как о скудости и изменении состава пищи, следует заметить, что этот подвиг ни во что вменяется Господом, если христианин не будет в то же время соблюдать Господних заповедей о любви, милосердии, самоотверженного служения ближним, – словом, всего того, что спросится с него в день Страшного Суда (Мф. 25, 31–46).

Об этом с исчерпывающей ясностью говорится уже в книге пророка Исаии. Иудеи призывают к Богу: «Почему мы постимся, а

Ты не видишь? Смирняем души свои, а Ты не знаешь?» Господь устами пророка отвечает им: «Вот, в день поста вашего вы исполняете волю вашу и требуете тяжких трудов от других. Вот, вы поститесь для ссор и распрей и для того, чтобы дерзкою рукою бить других; вы не поститесь в это время так, чтобы голос ваш был услышан на высоте. Таков ли тот пост, который Я избрал, день, в который томит человек душу свою, когда гнет голову свою, как тростник, и подстиляет под себя рубище и пепел? Это ли назовешь постом и днем, угодным Господу? Вот пост, который Я избрал: разреши оковы неправды, развяжи узы ярма, угнетенных отпусти на свободу, и расторгни всякое ярмо; раздели с голодными хлеб твой, и скитающихся бедных введи в дом; когда увидишь нагого, одень его, и от единокровного твоего не укрывайся. Тогда откроется, как заря, свет твой, и исцеление твое скоро возрастет, и правда твоя пойдет пред тобою, и слава Господня будет сопровождать тебя. Тогда ты воззовешь, и Господь услышит; возопиешь, и Он скажет: «вот Я''' (Ис. 58, 3–9).

Это замечательное место из книги пророка Исаии обличает многих – как простых христиан, так и пастырей стада Христова. Обличает тех, кто думает спастись, лишь соблюдая букву поста и забывая о заповедях милосердия, любви к ближнему и служения им. Обличает тех пастырей, которые «связывают бремена тяжелые и неудобноносимые и возлагают на плечи людям» (Мф. 23, 4). Это те пастыри, которые требуют от своих духовных детей строгого соблюдения «правила» поста, не учитывая их преклонного возраста, ни их болезненного состояния. Ведь Господь говорил: «Милости хочу, а не жертвы» (Мф. 9, 13).

Приложение к главе 20-й

Когда поститесь, не будьте унылы... Помажь голову твою и умой лице твое.

Мф. 6, 16–17

Как резко может нарушаться это учение Господа о посте между христианами, говорит нижеследующий рассказ одной старицы: «Дело было в конце Страстной недели. Я стояла за чем-то в очереди и разговорила с одной гражданкой. Из

разговора выяснилось, что она неверующая, а я сообщила ей, что готовлюсь к встрече великого праздника Пасхи.

– Объясните мне, пожалуйста, следующее, – обратилась тогда ко мне моя новая знакомая. – Я живу в общей квартире с другими женщинами, которые тоже веруют и готовятся к празднику. Они обычно милые люди, но перед праздником с ними что-то случается: они все становятся в это время такими раздражительными, сварливыми, а подчас прямо злыми. Почему это?

– Простите им это, – отвечала я со вздохом неверующей соседке по очереди, внутренне сокрушаясь за своих неразумных сестер во Христе. – Ведь на Страстной седмице им приходится очень трудно. Они считают нужным усиленно поститься и слабеют силами. В то же время они стараются не пропускать продолжительных богослужений, которые в это время полагается посещать каждый день. Вместе с тем им надо произвести генеральную уборку квартиры или комнат, закупить все нужное к празднику и приготовить все пасхальные угощения – пасху, куличи, крашеные яйца и т. п. При такой нагрузке и ослаблении сил от поста у них не хватает выдержки, и они становятся раздражительными и сварливыми.

Я дала объяснение соседке, но было ли это их оправданием? Конечно, нет. В погоне за внешним обрядом они теряли самое главное в религии – мир души, а с ним и Духа Святого и роняли в глазах неверующих и себя, и христианскую религию».

Покаяние

Глава 21. Значение покаяния и примеры его

Храм носяй телесный весь осквернен. Но яко Щедр, очисти благоутробною Твоею милостию. Из великопостных песнопений

Призыв к покаянию был первым призывом, первой проповедью Христа: «Покайтесь, ибо приблизилось Царствие Божие» (Мф. 4, 17).

Но, может быть, усиленное покаяние нужно лишь для больших грешников, а не для нас?

В Евангелии есть одна, на первый взгляд, загадочная фраза. Господь сказал: «Я пришел призвать не праведников, но грешников к покаянию» (Мф. 9, 13).

И Его часто обвиняли в том, что Он более имел дело с грешниками – блудницами и мытарями, и менее с теми, которые строго исполняли закон Моисеев, – с книжниками и фарисеями.

Почему же Господь не хотел иметь дело с «праведниками»? Потому что те, кто почитали себя «праведниками», не имеющими нужды в покаянии, на самом деле были в самообольщении, были гордецами, т. е. грешили грехом, наиболее ненавистным Богу, и были душевно неизлечимы, благодаря полному отсутствию сознания своей греховности.

Вполне «праведников» вообще нет на земле. Пророк Давид говорил: «Все уклонились, сделались равно непотребными; нет делающего добро, нет ни одного» (Пс. 13, 3). А один старец (имя его осталось неизвестным) так говорил своему ученику: «Ведай, сын, что не только я и ты, мнимые монахи, нуждаемся в непрестанном трезвении и плаче, но и великие подвижники нуждаются в них. Услышь следующее духовное рассуждение: ложь от диавола; страстное воззрение на женщину вменено Богом в любодеяние. Гнев на ближнего причислен к убийству, за каждое праздное слово обетовано воздаяние. Кто же такой человек и где его найти, который бы не ведал лжи, не был искушен вожделением, никогда не прогневался на ближнего

напрасно, в котором бы не нашлось празднословия и который поэтому не нуждался бы в покаянии?»

А вот что пишет о том же о. Александр Ельчанинов:

«Вы оправдываетесь тем, что проступок ваш невелик, неважен. Но нет неважного, ничтожного в мире – ни дурного, ни хорошего. Самое незначительное действие, мимоходом брошенное слово, самое мимолетное чувство – важны и реальны, как реально все в мире. Поэтому все самое малое должно соответствовать самому главному и ничто нельзя почитать недостойным внимания или свободным от нашей ответственности».

Победим же свое горделивое сознание о своей призрачной «праведности», пожалеем свою бедную, опозоренную грехом и страстями душу, находящуюся в рабстве лукавого духа, и сознаем для себя необходимость в деятельном, глубоком покаянии.

Итак, в покаянии нуждаются все люди без исключения: все больны, все в духовных язвах.

Как пишет прп. Исаак Сириянин:

«Покаяние всегда прилично всем грешникам и праведникам, желающим улучшить спасение. И нет предела усовершению, потому что совершенство и самых совершенных подлинно несовершенно. Посему то покаяние до самой смерти не определяется ни временем, ни делами».

Этим можно объяснить духовный парадокс, который так формулирует архимандрит (впоследствии Патриарх) Сергей:

«Чем выше человек нравственно, тем сильнее в нем сознание своего недостойнства и тем обильнее его покаянные слезы. Таков, например, прп. Ефрем Сирин, творения которого – почти непрерывный плач, хотя носят на себе неизгладимые следы небесной радости, присущей всякому истинному праведнику».

Отсюда особенно больными и трудноизлечимыми надо считать тех, которые в самообольщении не считают себя больными, почитают себя если уж не «праведниками», то, во всяком случае, не какими-либо «большими» грешниками.

Таким образом, чтобы исцелиться, надо прежде всего почувствовать свою болезнь и познать нужду во враче, т. е. признать свою греховность. Без признания ее человек болен безнадежно и находится в горделивом самообольщении. Христос – Врач наших немощей. Но Он ждет обращения к Нему, ждет признания от нас в своих грехах, и тогда Он снимает их с нас и дает силу бороться с грехом. Но что такое покаяние?

Вот определение покаяния прп. Исаака Сириянина:

«Значение же слова покаяния, как дознали мы из действительного свойства вещей, таково: оно есть приближающееся к Богу неослабное прошение с исполненною сокрушения молитвою об оставлении прошедшего и мольба о хранении будущего. Покаяние есть корабль души, на котором она переплывает и спасается в мысленном море греха».

А еп. Игнатий (Брянчанинов) так определяет покаяние:

«В покаянии совмещаются все заповеди Божии. Покаяние есть сознание своего падения, соделавшего естество человеческое непотребным, оскверненным и потому постоянно нуждающимся в Исккупителе».

Таинственен процесс покаяния души. В нем мы открываем перед Богом язвы своей души и скорбным духом и болью сердечною свидетельствуем, что мы сознаем их, ужасаемся их безобразию и просим об исцелении этих язв и прощении грехов. И чем глубже сознание грехов, тем чище оmyвается душа в слезах покаяния. Таким путем шли все те, кого Церковь почитает святыми и праведниками. И лишь идя этим путем, «узким» и «тесным», путем нищеты духовной и глубочайшего покаяния, возможно спасение души.

Епископ Игнатий (Брянчанинов) так пишет об этом:

«Всякий, усиливающийся взойти на брак Сына Божия не в чистых и светлых одеждах, устраиваемых покаянием, а прямо в своем рубище, в состоянии ветхости, греховности и самообольщения, извергается вон во тьму кромешную – в бесовскую прелесть. Покаяние и все, из чего оно составляется, как то: сокрушение и болезнование духа, плач сердца, слезы, самоосуждение, памятование и предощущение смерти, Суда Божия и вечных мук, ощущение присутствия

Божия, страх Божий – все это суть дары Божию, дары высокой цены, дары первоначальные и основные, залогов даров высших и вечных. Без предварительного получения их получение последующих даров – невозможно».

«Как бы ни возвышенны были наши подвиги, – сказал св. Иоанн Лествичник, – но если бы мы не стяжали болезнующего сердца, то эти подвиги и ложны, и тщетны. При исходе души нашей мы не будем ни в чем обвиняемы так, как в том, что не плакали непрестанно о грехах своих. Ибо плач имеет двоякую силу: истребляет грех и рождает смиренномудрие».

Но из чего же составляется процесс покаяния? Ему предшествует понимание разумом нарушения нами заповедей Божиих. После этого следует испрошение прощения у Бога, а также и у человека, если грех был связан с виной перед ним. Но это еще не есть покаяние.

В дополнение к признанию своего греха мы должны понести труды покаяния – покаянные молитвы и, может быть, для физически здоровых – поклоны, пост, воздержание и т. д.

Но и это все еще не есть достаточные признаки полноты покаяния. Можно все это выполнить, а все же не покаяться, не примирить с собою Бога, не получить Его прощения и возвращения в сердце Святого Духа и полноты Его благодати.

Истинное покаяние зарождается глубоко в сердце. В нем должны появиться стыд за грех, ощущение грязи на своей духовной одежде, отвращение к своей склонности ко греху, оскверняющему душу отвратительной нечистотой и омерзительным запахом.

И вот, когда душе нашей станет тяжело от этого запаха и нечистоты, когда мы начнем презирать себя за свое душевное безобразие, когда мысленно падем перед Богом, простирая к Нему свои руки с просьбой о прощении и помощи, когда мы, по выражению старца Силуана, «сойдем во ад покаяния и действительно ощутим себя хуже всякой твари», тогда начинается наше действительное покаяние. Оно всегда не во внешних проявлениях, а в глубочайших переживаниях сердца.

«Отдай душу во ад, будешь богат», – говорил и старец Захария из Троице-Сергиевой Лавры.

Есть ли предел покаянию? Его нет и, как говорит прп. Марк Подвижник:

«Если мы будем подвизаться в покаянии и до самой смерти – и тогда не исполним должного, потому что и тогда не принесем ничего равноценного Царству Небесному».

Поищем примеры покаяния в Священном Писании и в истории Церкви Христовой.

Вот как описывается в Библии покаяние ниневитян, которое в пример ставит Сам Господь (Мф. 12, 41).

«И поверили Ниневитяне Богу, и объявили пост, и оделись во вретища, от большого из них до малого... и [царь Ниневитян] встал с престола своего, и снял с себя царское облачение свое, и оделся во вретище, и сел на пепле, и повелел провозгласить и сказать в Ниневии от имени царя и вельмож его: «чтобы ни люди, ни скот, ни волы, ни овцы ничего не ели, не ходили на пастбище и воды не пили, и чтобы покрыты были вретищем люди и скот и крепко вопияли к Богу, и чтобы каждый обратился от злого пути своего от насилия рук своих»" (Иона, 3, 5–8).

А вот покаяние согрешившего царя Давида. Когда Давид был обличен в грехе пророком Нафаном и заболело дитя его, то Давид начал молиться и поститься, а уединившись, провел ночь, лежа на земле. И вошли к нему старейшины дома, чтобы поднять его с земли, но он не хотел и не ел с ними хлеба, и так лежал на земле и плакал; и постился Давид целую неделю до самой смерти ребенка (2Цар. 12, 16–20).

В обоих случаях мы видим деятельное покаяние и суровое наказание себя кающимися. Таковы же черты покаяния, находящиеся и в евангельских рассказах.

Так, мытарь Закхей раздает половину своего имущества и в четыре раза больше раздает обиженным им.

Блудница не жалеет драгоценного мира для ног Господа и не стыдится перед всеми плакать, целовать ноги Господа и отирать их волосами своими.

Мытарь идет в храм, смиренно становится «вдали», бьет себя в грудь, не смея поднять голову, и т. д.

Все это – черты деятельного покаяния, усилия, подвига, а не одни слова и призрачные сожаления о своих грехах.

А как каялись, очищали себя от греха истинные последователи Христа – преподобные отцы Новозаветной Церкви?

Они уходили из мира в пустыни, усиленно постились, изнуряли свое тело тяжелым трудом, заключали себя в затвор, налагали на свои уста молчание, а некоторые, наиболее сильные из них, восходили на столпы, надевали на себя вериги и т. п.

Наконец, венец подвигов покаяния показали юродивые во Христе, которые сделали себя отребьем для мира и, лишив себя крова и всякого имущества и притворяясь безумными, навлекали на себя поношение и презрение мира.

Подвиги покаяния преподобных, столпников и юродивых могут показаться чрезмерными, странными, граничащими с безумием. Да, с точки зрения мира, – это безумие. Но апостол Павел говорит: «Будь безумным, чтобы быть мудрым» (1Кор. 3, 18).

В конце концов дело не в форме подвига, который самопроизвольно принимает кающаяся душа, а в той ревности к покаянию, степени ненависти к греху, в той силе внутреннего сокрушения души от нечистоты своей, которые показывают подвижники в своих подвигах покаяния.

Вот эту-то ревность и ценит Господь, в чем бы она ни проявлялась, какие бы «уродливые» формы, с точки зрения мира, не принимала.

Недаром наиболее соблазняющий людей мира, но высший и труднейший подвиг – подвиг юродства во Христе – так высоко оценивается Господом; истинные юродивые обычно бывают награждены высокими духовными дарованиями – дарами пророчества, ясновидения, чудесного исцеления.

Много примеров глубокого и действенного покаяния можно найти в дневнике великого подвижника благочестия – о. Иоанна С.

Последний часто пишет про то, как, заметив за собой грех – раздражения, внутреннего осуждения кого-либо, принятия излишнего количества пищи, суетной мысли во время

богослужения и т. п. – он начинал усиленно просить Бога о прощении ему этого греха.

И всегда он молился об этом до тех пор, пока не чувствовал прощения и возвращения к нему Святого Духа, душевного мира и любви к ближнему и обретения вновь (как он называл) «пространства сердечного».

Последнее так определяется архиепископом Арсением (Чудовским):

«Пространство сердечное – это такое состояние духа, когда не гнетет наше сердце ни уныние, ни скука, ни страх, ни какая другая страсть, и оно бывает открыто для восприятия духовных благ и переполняется ими».

Он же пишет:

«Как любезно покаяние! Оно человека, лишившегося за грехи близости благодати Божией, снова примиряет с Господом, снова привлекает благодать и – больше того: так перерождает человека грешника, что делает его удобоподвижнее к добру и смиреннее даже обыкновенного праведника. Покаяние – это необыкновенная милость Божия к человеку!»

В Рождество Христово волхвы принесли Господу золото, ладан и смирну. Как пишет архиепископ Иоанн:

«Не могущие ничего принести Богу, могут всегда принести Богу золото своей покаянности, ладан молитвы, смирну своей нищеты (духовной). Покаяние же есть освобождение своего настоящего, прошедшего и будущего от всего небожественного – оттеснение себя к блаженной вечности».

Приложение к главе 21-й

Мое представление о покаянии таково: вся наша жизнь, когда мы ее берем в ее последнем осуществлении, явится как некий единый непротяжный акт.

Иными словами, она будет «видна» сразу вся тем, у кого есть соответствующее зрение. В этом смысле всякое, даже мимолетное внутреннее движение оставляет в общей сумме нашей жизни тот или иной след.

Предположим, что я в течение всей моей жизни всего только один раз помыслил злое. Это «злое», если его не извергнуть из души актом самоосуждения, так и останется присутствующим, придавая жизни моей иной характер, внося в сферу моей жизни некое темное пятно. Присутствие этой «тьмы» будет невозможно скрыть ни от себя, ни от других в вечности.

Как сказано в Евангелии: «Нет ничего тайного, что не сделалось бы явным, и ничего потаенного, что не вышло бы наружу» (Мк. 4, 22).

Люди обычно наивно думают, что если «никто» не видел или не знает из людей о том, что мы мыслим или делаем, то, значит, все в порядке.

Но если иначе смотреть на нашу жизнь, если действительно устремиться к тому, чтобы внутри нас не было ни единой тьмы, то дело предстанет совсем иначе.

И вот что замечено в долгом опыте: все, в чем раскаялся человек, осудив себя и дело свое перед Богом и людьми (Церковью), все это словно исчезает из бытия, становится словно никогда не бывшим, и внутренний свет очищается от всякой тьмы.

Когда я исповедуюсь, то обвиняю себя во всех «зломыслиях», потому что я искренне не нахожу во всем мире такого греха, которого я не сотворил бы «мимолетным прикосновением мысли».

Самая возможность такой мысли есть уже явный показатель моего состояния. И кто из нас может быть уверен в себе окончательно, что он вне власти посещающих его страстных мыслей?

Если я на одно мгновение был во власти какой-либо недоброй мысли, то где гарантия, что это мгновение не станет вечностью?

Итак, в меру сознания нашего нужно исповедывать наши грехи, чтобы не унести их с собой по смерти. Пока человек живет, есть надежда на его исправление. Но что будет по смерти, мы еще не знаем.

Исход из мира сего можно сравнить с тем, что теперь стало всем доступно в плане материальном. Масса, получившая достаточно сильный толчок, вырвавшись из сферы притяжения земли, теоретически может с невероятной скоростью «вечно» лететь в беспредельном пространстве мира.

Так, думаю, и душа человека по исходе своем будет увлечена или в безмерную радость вечной любви, или в нескончаемые страдания обратного любви состояния.

Ведь грех, по существу своему, есть не что иное, как отступление от закона Божественной любви. И если эту любовь взять в ее полноте, то мы никогда не окажемся чистыми перед нею.

Отсюда, если человек воистину желает достигнуть неизменного с Богом пребывания, он должен очищать себя, потому что Господь чист (1Ин. 3, 3).

Глава 22. Пути к покаянию

Покаяния отверзи ми двери, Жизнодавче. Из великопостных песнопений

Как лучше исполнять призыв к покаянию? Как начать действительное деятельное покаяние, чтобы восхитить приблизившееся к нашей душе Царствие Божие?

Как достичь того, чтобы чувство покаяния, как роса духовная, сошло на наше окаменелое сердце, умягчила его, очистила, омыла, преобразила его и сделала его достойным присутствия Святого Духа?

Здесь тот же путь от внешнего к внутреннему, от внешних признаков и внешних подвигов покаяния к зарождению в сердце сокрушения и ненависти ко греху.

Как говорит прп. Исаак Сириянин:

«Если не плачешь в сердце своем, то, по крайней мере, облеку в плач лицо твое».

А еп. Игнатий (Брянчанинов) так характеризует постепенный переход от внешнего покаяния (самоукорения) к раскрытию в душе сердечных, благочестивых переживаний:

«Самоукорение имеет, при начале упражнения в нем, характер бессознательного механизма, т. е. произносится

языком без особенного сочувствия сердечного, даже в противность сердечному чувству; потом мало-помалу сердце начинает привлекаться к сочувствию словам самоукорения. Наконец самоукорение будет произноситься от всей души при обильном ощущении плача, умалит перед ними и закроет от нас недостатки и согрешения ближних, примирит со всяким человеком и обстоятельствами и соберет рассеянные по всему миру помыслы в делание покаяния, воодушевит и вооружит непреодолимою силою терпения».

Не будем обманывать себя, что мы, хотя бы с внешней стороны, уже начали деятельное покаяние.

В чем свидетельство нашего покаяния? Ведь недостаточно же того, чтобы рассеянно, но по привычке почитать с утренним правилом 50-й покаянный псалом и время от времени говорить на исповеди священнику те грехи, которые случайно сохранились в нашей памяти?

Дело не в отдельно проявившихся грехах. Дело в источниках их происхождения.

Чтобы привести горницу в чистоту и порядок, недостаточно переловить случайно набежавших тараканов. Если не будут разорены их гнезда, то никогда не перестанут появляться новые и новые тараканы.

Итак, надо устранить причину появления тараканов, обнаружить и разорить гнезда, т. е. обнаружить и искоренить наши страсти: гордость, маловерие, эгоизм, жестокость и другие пороки души. Вот чего мы должны искать в Таинстве покаяния сверх прощения сказанных духовнику грехов.

По причине нашей духовной слепоты и атрофии нашего внутреннего ока подвиг покаяния – трудное дело для души. Поэтому увидеть грехи свои и принести за них сердечное покаяние – это великое дело. Об этом так пишет прп. Исаак Сириянин:

«Восчувствовавший грехи свои лучше того, что молитвою своею воскрешает мертвых... и кто сподобился увидеть самого себя, тот лучше сподобившегося видеть ангелов».

А о. Иоанн С. добавляет к этому:

«Видеть грехи свои в их множестве и во всей их гнусности – действительно есть дар Божий».

Поэтому дело покаяния надо начинать с усиленной горячей молитвы о том, чтобы Господь благодатью Своею открыл нам наши грехи и таящиеся в нас страсти и пристрастия.

Как говорил о. Алексей Зосимовский:

«Надо особенно бояться той грязи в душе, до которой трудно докопаться, той грязи, которая гнездится в таких тайниках нашего сердца, где никакая человеческая помощь не сможет заставить ее обнаружиться во всей ее закоснелости, где может помочь лишь десница Божия».

При этом помощь Божия часто проявляется к нам в том, что, при нашей слепоте на внутреннее зрение, наши грехи и погрешности нам открывают наши близкие. «Поэтому, – пишет о. Александр Ельчанинов, – не умеющим видеть свои грехи рекомендуется обращать внимание, какие грехи видят в них близкие люди, в чем упрекают. Почти всегда это будет верное указание на наши действительные недостатки».

Как пишет архимандрит Борис (Колчев):

«Покаяние обычно есть долгий и узкий путь очищения сердца от скверны. Этот путь мучителен и труден и непосилен человеку, если благодать Божия не укрепляет его, не научает, не утешает, не орошает огонь подвига росой Духа Святого. Иначе говоря – путь непосилен, если не начинает человек стяжать среди своей невидимой брани то Царство Божие, которое он вожделеет и за которое борется до крови души. Благодать Божия, как луч солнца, открывает дверь Царства Божия внутри его».

Не по силам нам будет подражание подвигам святых и преподобных. Но таких подвигов и не требует от нас Господь. Мы так больны душой, так немощны духом, так расслаблены в наших привычках и склонности к легкой, беззаботной жизни, что должны начинать с легких ступеней самопринуждения и воздержания.

Надрыв опасен и в духовной жизни. Духовный рост Господь сравнивает с ростом растений (Мк. 4, 26), а последние

вырастают из малого зерна и растут постепенно, незаметно для глаз.

Важно начать дело деятельного покаяния, но еще важнее продолжать его неослабно, приучая себя постепенно к новым ступеням духовного подвига. В этом залог успеха и достижений. При этом у каждого должны быть свои начальные ступени духовного делания, зависящие от физических сил, обстоятельств жизни и сложившихся привычек.

К одному египетскому отшельнику зашел поселянин и заметил, что в келье подвижника было чисто, на постели лежала циновка, а в печи варился суп из овощей.

«Эге, – подумал поселянин, привыкший к неприветливой жизненной обстановке, – этим преподобным отцам подвижникам живется совсем не так уж плохо».

Но старец был прозорлив и, узнав духом мысли поселянина, спросил его:

– Как привык ты спать?

– Я обычно сплю на земле около своего поля, где работаю днем, – отвечал поселянин.

– А из чего состоит твоя обычная пища?

– Черствый хлеб, сухие финики и похлебка из зелени.

– Итак, ты, очевидно, не терпел бы лишений, живя на моем месте? – сказал старец.

– Но не думай так обо мне. До того, как стать иноком, я был царедворцем, жил во дворце, спал на пуховой постели, а здесь ты видишь глиняный пол и тонкую циновку. Там у меня было множество слуг, и я питался роскошными яствами; здесь я сам варю себе овощи. Легко ли это после моей прежней жизни?

Так и у нас: у одного вначале может быть одна мера поста, поклонов, молитвы, бодрствования и воздержания, у другого она должна быть меньшей, или, может быть, большей: назначение ее есть дело духовного руководителя.

При этом не так важна форма духовного подвига и воздержания – не на форму смотрит Господь: Он смотрит на горение нашего сердца, а силу этого горения оценивает степень наших усилий. Лишь бы не щадить себя, лишь бы

глубоко затрагивать свою лень, косность, изнеженность и дурные привычки.

При этом следует заметить, что при остановке на этом пути – тесном пути несения подвига покаяния – подвиг может постепенно прекратиться и сходить на нет.

Если мы привыкли к чему-либо и переносим внешние подвиги покаяния без всяких усилий, в силу привычки и без внутреннего сокрушения, то в выполнении этого мало заслуги, если у нас не проявляется внутреннего горения покаяния.

Прп. Варсонофий Великий говорит по этому поводу:

«Путь же сей (покаяния) состоит в том, чтобы проходимое и оставляемое нами позади не привлекало нас обратно, иначе явимся на том месте, из которого вышли, достойные осуждения, и труд наш будет напрасен».

Тот же св. отец дает такое описание настоящего духовного подвига:

«Трудно спастись, и как заблуждается тот, кто думает спастись, успокаивая себя во всем... Всякий покой телесный мерзок Господу нашему и удаляет от Него, ибо Он сказал Сам: «Тесны врата и узок путь, ведущие в жизнь» (Мф. 7, 14). Избрать этот путь – есть добрая воля, и тот, кто держится его, во всяком деле произвольно избирает себе скорбь по силе своей... и ко всякому из требуемых нуждою действий своих примешивает небольшую скорбь...

Например, могу лечь спать на мягкой, набитой пухом постели, но... по собственному желанию ложусь на рогоже, стыдясь и этого, потому что другие упокаиваются на голой земле.

И еще: нахожу ли близко воду и удобные поварни? Как делатель, должен избрать наиболее далекую из них, чтобы нанести телу небольшую скорбь.

Еще: могу ли иметь хорошую пищу и чистый хлеб? Должен предпочесть худшее, чтобы поскорбеть хотя немного, вспоминая томящихся голодом, а тем более Владыку нашего Иисуса, Который вкусил желчи и уксуса ради меня. Это-то и есть воля по Богу.

Воля же плотская состоит в противном сему, т. е. чтобы во всем иметь покой. Что говорим всякий день: «Вот, посмотри, брат, пища пригорела и я не могу ее есть» и прочее...

Братия, не помню, чтобы, найдя совершенный покой, мы когда-нибудь воспользовались им, но всячески старались примешивать отовсюду малую тесноту и скорбь, боясь Того, Кто сказал: «Чадо, вспомни, что ты уже получил доброе твое в жизни твоей» (Лк. 16, 25).

Так поступали мы и тогда, когда многие стяжания приходили в наши руки, и знает Бог, в какой нищете жили мы ради Обнищавшего для нас.

Нехорошо давать себе покой во всем. Кто ищет сего, тот живет для себя, а не для Бога, ибо такой (человек) не может отсечь свою волю».

И далее прп. Варсонофий говорит про себя: «Будучи болен, я никогда не ложился и не оставлял своего рукоделия, хотя и сильные болезни меня постигали».

К труду покаяния относится и терпеливое перенесение обид. Об этом так говорит тот же св. отец: «Также и кто постарается по своей воле понести терпеливо досады, поношения, бесчестие и лишения за сделанные им грехи, тот навывает смирению и труду, и ради их прощаются ему согрешения его, по слову Писания: «Призри на страдание мое и на изнеможение мое и прости все грехи мои» (Пс. 24, 18)».

В чем нам каяться? Св. Иоанн Златоуст учит: во-первых, в собственных грехах; во-вторых, в грехах, на которые мы навели ближних через побуждение, соблазн или дурной пример; в-третьих, в том, что мы не сделали тех добрых дел, которые мы могли бы сделать; в-четвертых, в том, что мы отвели ближнего от добрых дел, ибо о всех таких делах надо спрашивать свою совесть и память и молить Бога о просветлении их. Нам надо внимательно просмотреть нашу жизнь, наши обычаи, поступки, слова, пожелания, мечты, мысли, наше отношение к Богу, ближним и обязанностям и открыть свои пороки, страсти, дурные склонности, привычки и духовные немощи. И здесь нельзя пренебрегать никакими «мелочами», на которые мы склонны не обращать внимания.

Прпп. Варсонофий и Иоанн так говорят об этом:

«Берегитесь, как бы не облениться и не прийти в нерадение, потому что это очень опасно; но даже и в вещах, кажущихся малыми, не презирай заповеди».

В истории Церкви бывали случаи, когда Господь возвращал на землю души, уже начавшие проходить «мытарства», т. е. испытание греховности. Эти души рассказывали, что суд над душой поистине страшен; ответ надо давать за каждую напрасно убитую букашку, за каждую неправильно истраченную монету, за каждое праздное слово, за мысль осуждения, ропот в душе и т. д.

Естественно, что степень и формы покаяния будут зависеть от характера грехов. Последние прп. Серафим разделяет на три степени.

К **первым** он относит наиболее легкие прегрешения, которых, по его словам, не чужды даже праведники. («Семь раз упадет праведник и встанет» – *Притч. 24, 16*). За эти грехи Дух Святой еще не оставляет христианина.

О том же пишет прп. Исаак Сириянин:

«Сколько раз иные каждый день преступают закон и покаянием врачуют души свои, и благодать приемлет их, потому что во всяком разумном естестве перемена происходит непреодолимым образом и с каждым человеком ежечасно происходят изменения».

О характере покаяния при таких прегрешениях так пишет еп. Феофан Затворник:

«Относительно мелких греховных движений сердца, помыслов и т. п. нужно заметить следующее правило: как только замечено что-либо нечистое, тотчас следует очищать это внутренним покаянием пред лицом Господа. Можно этим и ограничиться, но если нечиста, непокойна совесть, то потом еще на вечерней молитве помянуть о том с сокрушением, и – конец. Все такие грехи этим актом внутреннего покаяния и очищаются».

Вторые по степени грехи уже удаляют от нас Духа Божия.

Как пишет прп. Иоанн Лествичник:

«Когда душа, предательски изменяя сама себе, погубит блаженную и вожденную теплоту, тогда пусть исследует прилежно, по какой причине она ее лишилась, и на эту причину да обратит весь свой труд и всю ревность. Ибо прежнюю теплоту нельзя иначе возвратить, как теми дверями, которыми она вышла».

Итак, если христианин заметил изменение своего состояния (потерю мира, радости и любви к ближним, наступление раздраженного состояния души, печали, уныния и т. п.), то он должен тотчас же искать тот грех, которым он прогневил Господа. И если христианин молится об этом, то он услышит в душе своей голос, указывающий ему на грех. Тогда надо каяться до тех пор, пока Господь не простит греха и Дух Святой снова не вернется в душу христианина.

Это познается по появлению умиления, теплоты сердечной, воцарению в душе тишины и мира. Мы всегда должны по этому проверять себя, «в духе» ли мы.

Нужно сказать, что обычная поговорка «он не в духе» имеет очень глубокий смысл, которого обычно не подозревают. Надо думать, что эта поговорка идет из старины, когда люди различали состояние человека в Духе Святом Божиим, сопровождающееся миром, спокойствием на душе, и состояние «не в духе» – когда человек раздражен, озлоблен, угнетен, печален, уныл.

В своих записях «Моя жизнь во Христе» о. Иоанн С. дает всем для этого случая такой совет:

«Если согрешишь в чем перед Богом (а мы грешим премного каждый день), тотчас же говори в сердце своем, с верою в Господа, внимающего воплю твоего сердца, со смиренным сознанием и чувством своих грехов, псалом 50-й «Помилуй мя, Боже...» и прочитай сердечно весь псалом. Если не подействует он один раз, прочитай второй еще сердечнее, еще чувствительнее и тогда тебе немедленно возсияет от Господа спасение и мир душе твоей. Так всегда сокрушайся: это верное, испытанное средство против грехов. Если же не получишь облегчения, то вини самого себя: значит, ты молился без сокрушения, без смирения сердца, без твердого

желания получить от Господа прощение грехов, значит, душа твоя не болит от греха».

К **третьему** виду греха относятся более тяжкие, так называемые смертные грехи – такие, как, например, прелюбодеяние, убийство и т. п. Эти грехи требуют длительного покаяния и за них обычно духовники накладывают епитимии и могут отлучить от причастия на некоторое, иногда длительное время. [3]

Когда кончается покаяние? Только со смертью. «Во всю жизнь твою считай себя и молись, как грешник, и будешь оправдан», – говорит прп. Исаак Сириянин.

«Тогда приидите, и рассудим... Если будут грехи ваши, как багряное, – как снег убелю. Если будут красные, как пурпур, – как волну убелю», – так покаявшимся говорит Господь устами пророка Исаии (*Ис. 1, 18*).

Приложение к главе 22-й

Что важно вспоминать в покаянных молитвах? Очевидно, свои грехи, свои наличные страсти и нерадение, и при этом помнить об искупительной жертве Христа и Его непостижимых величайших страданиях ради нас. Так именно построена нижеприведенная молитва прп. Исаака Сириянина.

«Господи Иисусе Христе, Боже наш, плакавший над Лазарем и источавший над ним слезы скорби и сострадания, прими слезы горести моей. Страданием Твоим исцели страсти мои; язвами Твоими уврачуй мои язвы. Кровию Твоею очисти мою кровь, и с телом моим сраствори благоухание Твоего животворящего тела. Та желчь, какою напоили Тебя враги, да усладит душу мою от горести, какою напоил меня сопротивник; страдания Тела Твоего, распростертого на древе крестном, к Тебе да возвысят ум мой, увлеченный демонами долу.

Глава Твоя, преклоненная на кресте, да вознесет мою главу, заушенную супостатами. Всесвятые руки Твои, пригвожденные неверными ко кресту, к Тебе да возведут меня из бездны погибели, как обетовали всесвятые уста Твои. Лице Твое, приявшее на Себя заушения и заплевания от проклятых, да озарит мое лицо, оскверненное беззакониями.

Душа Твоя, Которую, будучи на кресте, предал Ты Отцу Твоему, к Тебе да путеводит меня благодать Твою.

Нет у меня болезнующего сердца, чтобы взыскать Тебя; нет у меня ни покаяния, ни сокрушения, которыми вводятся чада в собственное свое наследие. Нет у меня, Владыко, утешительных слез.

Омрачился ум мой делами житейскими и не имеет сил с болезнованиями возвести к Тебе взор. Охладело сердце мое от множества искушений и не может согреться слезами любви к Тебе. Но Ты, Господи Иисусе Христе, Боже, Сокровище благ, даруй мне покаяние всецелое и сердце неутомимое, чтобы всею душою выйти мне на взыскание Тебя. Ибо без Тебя буду я чужд всякого блага.

Посему даруй мне, Благий, благодать Твою. Бездетно и вечно изводящий Тебя из недр Своих Отец да обновит во мне черты образа Твоего.

Оставил я Тебя, но Ты не оставь меня. Отошел я от Тебя – Ты прииди взыскать меня и введи меня на пажить Твою, сопричти меня к овцам избранного стада Твоего, пропитай меня лаком Божественных таинств Твоих вместе с теми, у которых чистое сердце их – обитель Твоя, и в нем видимо блистание откровений Твоих – это утешение и эта отрада для потрудившихся ради Тебя в скорбях и многообразных муках.

Сего блистания да сподобимся и мы по Твоей благодати и по Твоему человеколюбию, Спаситель наш Иисусе Христе, во веки веков. Аминь».

Глава 23. Признаки и плоды истинного покаяния

Если не повторим наших прежних согрешений, то уже имеем от Бога прощение их. Прп. Варсонофий Великий

Покаяние есть путь к Царству Божию в нашей душе. При этом одни внешние подвиги покаяния не имеют силы без подвига внутреннего.

Прп. Варсонофий Великий говорит:

«Внешние подвиги без внутренних ни во что вменяются человеку...»

О характере же внутренних подвигов так пишет игумен Иоанн:

*«Суд Божий на земле выражается в покаянии и уничтожении человека перед Богом. Отсюда и происходит удивительное и радостное стремление верующей души к смирению и «умертвлению» себя в Боге. Душа освобождается, обнажается от всех своих достоинств, богатств и высот – от всей **своей** правды; забывает всякую **свою** любовь. Видит лишь не-любовь свою, не-правду. Исповедует всю глубину своей не-правды, своей не-любви...»*

А о. Александр Ельчанинов дает такой анализ покаяния:

«Боль от греха, отвращение от него, признание его, исповедание, решимость и желание избавления, таинственное преобразование человека, сопровождаемое слезами, потрясением всего организма, очищением всей души, чувство облегчения, радости, мира».

Бывает и так, что оставляют грех на деле, но при воспоминании о нем сердце будет еще чувствовать его сладость и расположение к нему. Прощен ли тогда этот грех и будут ли вменяться в грех подобные воспоминания? Прп. Варсонофий Великий на подобный вопрос своего ученика дает такое пояснение: «Одно – это вспомнить сладость меда, а другое – вспомнить и вкусить его. Итак, тому, кому хотя и приходит на память греховная сладость, но кто не допускает действий сладостного, а противоречит и подвизается против него, тому прощены прежние грехи» (Отв. 234).

А о. Иоанн С. считает действительным то покаяние, которое сопровождается твердыми намерениями исправиться. Он пишет:

«Покаяние только на словах, без намерения исправиться и без чувства сокрушения, называется лицемерием».

Прп. Варсонофий Великий говорит:

«Если не повторим наших прежних согрешений, то уже имеем от Бога прощение их».

Следует, однако, заметить, что из общего этого правила могут быть исключения.

В истории Церкви был такой случай. Один разбойник раскаялся в своих грехах, пришел в монастырь, стал жить в пустыне и деятельно нести иноческие подвиги покаяния. Однажды, после многих лет жизни в пустыне, он приходит к игумену и говорит ему: «Сейчас меня уже не мучает сознание о моих старых грехах, совершенных мною в миру, и я чувствую, что Господь простил их мне ради моего покаяния. Но у меня был один грех, который я не могу забыть и воспоминание о котором продолжает мучить мою душу, несмотря на все подвиги покаяния, которые я выполнял: когда-то я убил младенца, и я сейчас вижу его как живого, когда я убивал его. Благослови меня, отец, идти мне в мой город, где меня знали как разбойника и где воздадут мне должное за дела мои».

Игумен благословил старца, и тот пошел в свой город, был узан, схвачен горожанами как бывший разбойник и казнен. Так Господь тайным голосом Сам указал душе ту меру покаяния, которая совершенно убелила бы душу, отягченную великим грехом. И в этом случае оставление греха еще не умиротворило кающуюся душу.

Действительно кающегося в грехах можно узнать еще по следующему признаку. Такой перестает уже интересоваться пороками и грехами других, судить их и осуждать за грехи.

Можно ли думать о пожаре чужих домов, если духовные очи видят пожар своего дома и все внимание поглощено тем, чтобы ликвидировать все вновь непрерывно появляющиеся очаги своего внутреннего пожара?

И вместе с тем, как говорит прп. Варсонофий Великий, «ощущающий обонянием свое (греховное) зловоние не ощущает другого зловония – от чужих грехов, если станет и на грудах трупов».

А вот еще несколько признаков наличия внутреннего раскаяния в грехах, которое дает тот же св. отец: «Признающий себя грешником и виновником многих зол никому не противоречит, ни с кем не ссорится, ни на кого не гневается, но почитает всех лучшими и разумнейшими себя».

Как пишет еп. Игнатий (Брянчанинов):

«У делателя евангельских заповедей взоры ума постоянно устремлены на свою греховность; с исповеданием ее Богу и плачем он заботится об открытии в себе новых язв и пятен. Открывая их при помощи Божией, он стремится еще к новым открытиям, влекомый желанием богоприятной чистоты. На согрешения ближних он не смотрит... Покаянием вводится христианин сначала в страх Божий, потом в Божественную любовь».

Хорошо, если сила покаяния такова, что сопровождается слезами. Но если нет у нас благодатных слез покаяния, то будем омыwać грехи наши внутренними, душевными слезами сожаления и раскаяния. Правда, эти внутренние, сухие слезы не так сладки, как наружные благодатные, но и их принимает Господь и за них в свое время подаст нам и наружные слезы, облегчающие горечь нашего греховного состояния.

Можно ли откладывать покаяние, если чувствуешь за собой нераскаянный грех?

Этого нельзя делать ни на одну минуту, мы не знаем, сколько мы еще проживем – один год, или один месяц, или, может быть, всего один час. Как говорят старцы:

«Господь обещал нам прощать грехи при покаянии(Лк. 7, 47), но никогда и никому не обещал, что тот проживет еще хотя бы один день».

Поэтому, как бы часто христианин ни исповедывался, это, однако, никогда не избавляет от необходимости немедленного принесения покаяния перед Господом во всяком грехе, как только мы его заметили.

При этом при грехах, сильно затрагивающих совесть, нужно не только сознание греха, но и самопроизвольное наказание себя за грех: степень и характер наказания (пост, поклоны, воздержание от вкусной и сладкой пищи) будут зависеть от силы укоров совести. Такое самопроизвольное наказание дает заметное облегчение мучений совести, и все подвижники благочестия старались сами наказывать себя за свои грехи. Имеется следующий рассказ про игумена одного монастыря. Он чем-то согрешил, и совесть мучила его. Чтобы избавиться от ее

мучений и обелить себя перед лицом Бога, игумен так наказал себя.

После вечернего богослужения, когда братия по обычаю подходили под его благословение, он не допустил их к себе, сказав, что недостойн более давать им благословение. Затем, вышедши на амвон, он исповедовал перед всей братией свой грех.

Видя слезы и глубокое сокрушение духа любимого ими игумена, братья стали утешать его и говорили ему, что все будут молиться за него, чтобы простил Господь ему грех. Но игумену не довольно было одного стыда себе при общественном исповедании греха, и он обратился к братии с просьбой:

«Окажите мне великую милость и сделайте мне то, о чем я буду просить вас. Я лягу при дверях церкви, и пусть каждый из вас при выходе отсюда ударит меня ногой. И чем сильнее будут эти удары, тем легче будет душе моей».

Братия исполнила просьбу своего игумена, и каждый уходящий из церкви ударял его. И когда последний брат вышел из церкви, игумен встал и почувствовал, что грех уже не мучил его совесть.

Прежде чем перейти в тот мир, для нас должен быть решен вопрос, научились ли мы истинно каяться и плакать о грехах своих и через это заслуживаем ли прощение грехов и милость от Господа.

Повторяем для этого ряд признаков истинного покаяния. Покаяние истинно, если:

1) мы возненавидим грех и более не грешим теми грехами, осуждения за которые боимся от Господа;

2) настолько смирим себя, как говорит старец Силуан, что будем осуждать себя, считать себя хуже всех и почитать себя достойным лишь вечного огня, но вместе с тем и не отчаиваться в милосердии и любви Божией и веровать в силу Его искупительной жертвы за грешный мир;

3) все наше внимание настолько поглощено своими грехами, что мы оставили привычку судить и осуждать других людей;

4) боимся слов Господа к нам на Страшном Суде: «Ты получил уже доброе твое в жизни твоей» (Лк. 16, 25), и поэтому научились благодушно терпеть все посылаемые от Господа житейские беды, неприятности, болезни, нужду, притеснения, оскорбления, клевету, а еще лучше, если за них будем благодарить Господа;

5) от всего сердца все прощаем ближнему;

6) помня, что спасение достигается лишь на «тесном» и «узком» пути, научились сами утеснять себя в жизни и проявлять в должной мере воздержание.

О других признаках и плодах покаяния так говорит священник Павел Флоренский:

«В Таинстве покаяния делаются для нас реальными слова шестопсалмия: «Как далек восток от запада, так удалил Он от нас преступления наши» (Пс. 102, 12). Святые отцы неоднократно указывали, что признаком действительности покаяния служит уничтожение притягивающей силы прощенного греха: Таинством покаяния истребляется прошлое. Всякое греховное падение кладет известную печать на душу человека, так или иначе влияет на ее устройство. Сумма греховных действий составляет, таким образом, некоторое прошлое человека, которое влияет на его поведение в настоящем, влечет его к тем или другим действиям. Таинственно свободный переворот в том и состоит, что нить жизни человека как бы прерывается, и образовавшееся в нем греховное прошлое теряет свою притягательную силу, как бы выбрасывается из души, становится чуждым для человека. Грех не забывается и не вменяется человеку в силу каких-нибудь посторонних для человека причин, и – грех в полном смысле удаляется от человека, уничтожается в нем, перестает быть частью его внутреннего содержания и относится к тому прошлому, которое пережито и зачеркнуто благодатию в момент переворота, которое, таким образом, с настоящим человеком не имеет ничего общего».

Великие подвижники в своем подвиге покаяния достигали высоких ступеней этой добродетели – так называемого

«непрестанного плача». Прп. Варсонофий Великий так говорит об этом:

«Истинный плач, соединенный с умилением, бывает рабом человека, постоянно ему подчиненным, и имеющего его не одолевает брань. Плач этот заглаживает прежние согрешения, и омывает скверны, и постоянно именем Божиим охраняет человека, который приобрел его, изгоняет смех и рассеянность и поддерживает непрестанное сетование, ибо он есть щит, отражающий все разжженные стрелы диавольские (Еф. 6, 16). Имеющий его вовсе не уязвляется бранью, если он будет и среди людей и даже с блудницами; но плач этот пребывает неотступно с нами (которые находятся вне мира и ведут брань) и ведет за нас брань. Если же плач не истинный, то он отходит от тебя и снова приходит; и это происходит оттого, что помысел твой попеременно то расслабляется, то разгорается. Когда же теплота сделается постоянною, бывает великое и постоянное умиление, а ему последует и истинный плач, о котором ты должен заботиться, понуждая себя, чтобы получить его».

Следует упомянуть вместе с тем, что покаяние никогда не должно сопровождаться отчаянием, унынием или подавленностью духа.

Прп. Никодим Святогорец пишет:

«Сокрушенное покаяние, которое только мучит и грызет сердце, никогда не восстанавливает души в благонадежное настроение, если не бывает соединено с твердым упованием на милосердие и благость Божию».

О том же так пишет о. Александр Ельчанинов:

«Ужасает не только грех, но и возможное после него отчаяние и уныние. Исаак Сирин об этом говорит: «Не устрашайся, когда бы ты падал каждый день, и не отходи от молитвы. Стой мужественно – и ангел, тебя охраняющий, почтит твое терпение». Вспомним, что говорит Христос в подобном случае – «Иди и впредь не греши» – и только: ни проклятий, ни отлучений. Нельзя поддаваться злему духу, который тянет в большой грех – уныние. Снова и снова надо припадать ко Христу, и Он снова и снова нас примет».

Приложение к главе 23-й

Изглаживает ли покаяние воспоминание о совершенных ранее грехах? Что в дальнейшем переживает «блудный сын» – покаявшийся грешник – по возвращении в дом Небесного Отца? Ниже даются ответы на эти вопросы в очерке на евангельскую тему «Блудный сын».

«Встал и пошел к отцу своему. И когда он был еще далеко, увидел его отец его и сжалился; и, побежав, пал ему на шею и целовал его.

Сын же сказал ему: отче! я согрешил против неба и пред тобою и уже недостойн называться сыном твоим. А отец сказал рабам своим: принесите лучшую одежду и оденьте его, и дайте перстень на руку его и обувь на ноги; и приведите откормленного теленка и заколите; станем есть и веселиться!» (Лк. 15, 20–23).

Кончился пир в доме благого, милосердного отца. Затихли звуки ликования, расходятся званные гости. Вчерашний блудный сын выходит из чертога пира еще полный сладостного чувства любви и всепрощения отца...

За дверями он встречается со стоящим вне старшим братом. В его взоре он встречает осуждение – почти негодование.

Замерло сердце младшего брата; исчезла радость, заглохли звуки пира, перед взором встало недавнее тяжелое прошлое... Что он может сказать брату своему в оправдание? Разве его негодование не справедливо? Разве заслужил он этот пир, эту новую одежду, этот золотой перстень, эти поцелуи и прощение отца? Ведь еще недавно, совсем недавно...

И низко склоняется голова младшего брата перед суровым, осуждающим взором старшего: заныли, заболели еще совсем свежие раны души...

Со взором, просящим милосердия, блудный сын бросается на колени перед старшим братом.

«Брат... Прости меня... Не я устроил этот пир... И не просил я у отца этой новой одежды, и обуви, и этого перстня... Я даже не называл себя более сыном, я просил лишь принять меня в наемники... Твое осуждение меня справедливо, и нет

мне оправдания. Но выслушай меня, и ты, может быть, поймешь милосердие нашего отца.

Что прикрывает теперь эта новая одежда?

Вот, посмотри, следы этих страшных (душевных) ран. Ты видишь – на моем теле не было здорового места – здесь были сплошные язвы, пятна, гноящиеся раны(*Ис. 1, 6*).

Они сейчас закрыты и «смягчены елеем» милосердия Отца, но они еще мучительно болят при прикосновении, и мне кажется, будут болеть всегда...

Они постоянно будут напоминать мне о том роковом дне, когда я с черствой душой, полный самомнения и горделивой уверенности в себе, порвал с Отцом, потребовав свою часть имения, и ушел в ту ужасную страну безверия и греха...

Как счастлив ты, брат, что не знаешь ее, что у тебя нет воспоминаний о ней, что ты не знаешь того смрада и тления, того зла и греха, которые царят там. Ты не испытал духовного голода и не знаешь вкуса тех рожков, которые в той стране надо красть у свиней.

Вот ты сохранил свои силы и здоровье. А у меня их уже нет... Только остатки их я принес обратно в дом Отца. И это сейчас разрывает мое сердце.

Для кого я работал? Кому я служил? А ведь все силы можно было бы отдать для служения Благому Отцу...

Ты видишь этот драгоценный перстень на этих грешных, уже слабых руках. Но что бы я ни отдал за то, чтобы на них не было следов той грязной работы, которую они выполняли в стране греха, за сознание, что они всегда работали только для Отца...

Ах, брат! Ты всегда живешь во свете и не будешь знать никогда горечи тьмы. Ты не знаешь тех дел, которые там совершаются. Ты не встречался близко с теми, с кем там приходится иметь дело, ты не касался той грязи, которой не могут избежать живущие там.

Ты не знаешь, брат, горечи сожалений: на что ушли силы моей юности? Чему посвящены дни моей молодости? Кто вернет мне их? О, если бы жизнь можно было начать сначала!

Не завидуй же, брат, этой новой одежде милосердия Отца. Без нее были бы нестерпимы муки воспоминаний и бесплодных

сожалений...

И тебе ли завидовать мне? Ведь ты богат богатством, которого, может быть, не замечаешь, и счастлив счастьем, которого, возможно, не чувствуешь. Ты ведь не знаешь, что такое невозвратимая утеря, сознание растраченного богатства и загубленных талантов. О, если бы все это было возможно вернуть и вновь принести Отцу!

Но имение и таланты выдаются лишь один раз на всю жизнь, и сил уже не воротишь, а время ушло безвозвратно.

Не удивляйся же, брат, милосердию Отца, Его снисхождению к блудному сыну, Его стремлению прикрыть жалкое рубище грешной души новой одеждой, Его объятиям и поцелуям, оживляющим опустошенную грехом душу.

Сейчас пир окончен. Завтра я вновь приступлю к работе и буду трудиться в Отчем доме рядом с тобой. Ты как старший и беспорочный будешь господствовать и руководить мною. Мне же подобает работа подначальная. Мне ее и надо. Эти опозоренные руки не заслуживают иной.

Эта новая одежда, эта обувь и этот перстень также снимутся до времени: в них неприлично будет исполнять мне черную работу. Днем мы будем работать вместе, а затем ты можешь со спокойным сердцем и чистой совестью отдыхать и веселиться со своими друзьями. А я?..

Куда я уйду от моих воспоминаний: сожалений и мыслей о растраченном богатстве, загубленной юности, потерянных силах, рассыпанных талантах, запачканных одеждах, о вчерашнем оскорблении и отвержении Отца – от мыслей об ушедших в вечность и навсегда утерянных возможностях?..»

Глава 24. Достаточно ли искупительной жертвы Христа для прощения грехов христианина?

Всякому имеющему дастся и приумножится. Мф. 25, 29

По вопросу о необходимости деятельного христианского покаяния и выбора себе для этого «узкого пути» есть мнения

отдельных сект, «учителей» и книг, которые ведут души христианские по неправильному пути.

Они односторонне устремляют внимание на безмерное милосердие и человеколюбие Бога; они говорят, что спасение дается всем «даром», лишь через одну веру во Христа, через Его искупительную жертву.

Итак, по их мнению, благодушествуй, «покойся, ешь, пей и веселись» (Лк. 12, 19), христианская душа, а свое спасение предоставь только Богу»!

Подобной «теплохладностью» (Откр. 3, 15) заражены лютеране и сектанты. Из известных учителей в христианстве это ложное направление принадлежит, между прочим, Оригену, несмотря на глубину его богословской мысли.

Про него так пишет св. Иоанн Лествичник:

«Будем внимать все мы, особенно же падшие, да не внидет в сердце наше пагубное учение безбожного Оригена. Оно, скверное, выставляло преимущественно Божие человеколюбие, очень по сердцу сластолюбцам».

Может быть, и некоторые из православных думают, как лютеране, что человек оправдывается перед Богом без заслуг и усилий, только благодатью искупительной жертвы Христа.

«И разве не силен Господь прощать грехи только при одном сознании в них согрешившей души, без деятельного подвига покаяния?» – думают они.

Конечно, никакие подвиги и заслуги наши не снимают с нас проклятия первородного греха. Иначе не была бы для всех необходима искупительная жертва Иисуса Христа. И с тех, кто не в силах принести деятельного подвига покаяния, например, при покаянии на смертном одре, Господь очевидно не спрашивает ничего сверх внутренней скорби души о своих грехах.

По этому поводу св. Григорий Нисский говорит:

«Только пожелавший доброго, а к совершению его встретивший в чем-либо препятствие, в силу этой невозможности, в расположении души отнюдь не меньше обнаруживает свое решение, чем через дела».

О том же так пишет архиепископ (впоследствии Патриарх) Сергий:

«Раз существует любовь к Богу, раз человек сознает в душе свое ничтожество без Бога и всю душою искренно устремится к Нему, тогда спасение ему будет даровано, хотя бы делами он и не успел заявить своего бесповоротного решения».

Но Господь, сильный спасать «даром» (Рим. 3, 2–4; Откр. 21, 6) – без наших заслуг, хочет, однако, чтобы мы из любви к Нему и по чувству вины и ненависти ко греху сами, добровольно наказывали бы себя за свой грех: через это мы делаемся ближе, дороже и любезнее Небесному Отцу нашему и из подневольных рабов становимся Его друзьями.

Мы как бы говорим Господу: «Ты пострадал за мои грехи, неужели же и я не должен и сам терпеть за свой грех и в какой-то мере приобщиться к Твоим страданиям?»

Насколько велико значение добровольных подвигов и страданий, переносимых христианином ради покаяния и выполнения заповедей Господних, поясняет и следующий рассказ старца-отшельника со Старого Афона, записанный схиархимандритом Софронием.

«Много лет болит душа моя от мысли, что вот мы, монахи, отреклись от мира, покинули и родных, и родину, оставили все, что составляет обычную жизнь людей, дали обет перед Богом, и святыми ангелами, и людьми жить по закону Христа, отказались от своей воли и проводим, в сущности, мучительную жизнь, и все же не преуспеваем в добре. Много ли из нас спасающихся? Я первый погибаю. Вижу и других, что страстиобладают ими. А когда встречаю мирских, то вижу, что живут они в великом невежестве, нерадиво и не каются. И вот понемногу, незаметно для себя, я втянулся в молитву за мир. Я много плакал от мысли, что если мы, монахи, отрекшиеся от мира, не спасаемся, то что же вообще творится в мире? Так постепенно скорбь моя росла, и я стал плакать уже слезами отчаяния. И вот в прошлом году, когда я так в отчаянии, усталый от плача, ночью лежал на полу, явился Господь и спросил меня: «Ты

почему так плачешь?» Я молчу... «Разве ты не знаешь, что Я буду судить мир?» Я опять молчу. Господь говорит: «Я помилую всякого человека, который хотя бы однажды в жизни призвал Бога"... Во мне пробежала мысль: тогда зачем мы так мучаемся на всякий день? Господь на движение моей мысли отвечает: «Те, что страдают за заповедь Мою, в Царстве Небесном будут Моими друзьями, а остальных Я только помилую». И отошел Господь».

Любя Господа, путем добровольного подвига шли все святые и подвижники благочестия. И в вышеприведенном рассказе о покаявшемся разбойнике Господь Сам побуждал его душу к принесению высочайшего подвига покаяния – добровольной отдачи себя на лютую смерть для того, чтобы особенно щедро увенчать его в Царстве Небесном.

Вдумаемся в притчу о талантах(*Мф. 25, 14–30*). Ведь раб, получивший один талант, не потерял, не растратил его. Нет, он сохранил свой талант и при расчете в целости вернул его Господину своему.

Нужно ли было за это наказывать его? Но Господин назвал такого раба «лукавым» и «ленивым», упрекая его в том, что тот со своей стороны не приложил никаких усилий, чтобы самому приумножить вверенный ему талант.

Св. Исаак Сириянин пишет:

«Когда человек, памятуя прежние грехи свои, наказывает себя, тогда Господь благосклонно взирает на него. Бог радуется, что за уклонение от пути Его сам он наложил на себя наказание, что служит знаком покаяния. И чем более делает принуждения душе своей, тем более увеличивается благоволение к нему Бога».

Не придется ли и нам на Страшном Суде услышать от Господа обвинение нас в лукавстве и лени, если, наблюдая свои грехи, мы будем спокойно продолжать вести легкую, духовно праздную и физически изнеженную жизнь?

Нам надо помнить, что лишь наше деятельное покаяние и смирение избавляет нас от Божьего закона справедливости и возмездия и ниспосылает нам Божию благодать по закону милосердия.

Глава 25. Таинство исповеди

Исповедуя грехи свои. Мф. 3, 6

Как указывает прп. Серафим Саровский, в процессе покаяния христианин должен пройти три стадии.

Первая стадия – личное покаяние, которое надо приносить Господу немедленно, как только замечен грех.

Как учит преподобный (а за ним то же повторяет о. Иоанн С), это молитвенное покаяние (которое может быть и с поклонами, и с другими внешними проявлениями) должно продолжаться до тех пор, пока грешник не почувствует прощения его греха и возвращения в его душу благодати Святого Духа, по наличию слез умиления и умиротворения души. Но это еще не вся полнота покаянного труда.

Окончательное изглаживание греха из «книги жизни» человека достигается последующим исповеданием греха в Таинстве исповеди перед священником.

Здесь человек претерпевает стыд за свой грех, а затем от лица Господа через священнослужителя получает окончательное отпущение греха.

Как говорит еп. Феофан Затворник:

«Сознание грехов умом только, без исповеди и разрешения, неудовлетворительно для кающегося».

Затем следует Таинство причащения Тела и Крови Господних, благодать которых как бы обновляет христианина, облачает его во Христа и тем вновь дает ему силу для борьбы с грехом.

Св. отцы Таинство исповеди – покаяния – называют «вторым крещением». Здесь к нам возвращается та благодать и чистота, которые были даны новокрещенному и были утрачены им через грехи.

Таинство исповеди – покаяния есть великая милость Божия к слабому и склонному к падению человечеству, оно есть доступное всем средство, ведущее к спасению души, постоянно впадающей в прегрешения.

В течение всей нашей жизни наша духовная одежда непрестанно покрывается пятнами греха. Их можно заметить

вместе с тем лишь тогда, когда одежда наша бела, т. е. очищена покаянием. На темной от греховной грязи одежде нераскаянного грешника пятна новых и отдельных грехов не могут быть заметны. Поэтому нельзя «запускать» нашего покаяния и давать сплошь замарываться нашей духовной одежде: это ведет к притуплению совести и духовной смерти. И только внимательная жизнь и своевременное очищение греховных пятен в Таинстве исповеди может сохранить чистоту нашей души и присутствие в ней Духа Святого Божия.

Отец Иоанн С. пишет:

«Исповедываться в грехах надо чаще для того, чтобы поражать, бичевать грехи открытым признанием их и чтобы больше чувствовать к ним омерзение».

Как пишет о. Александр Ельчанинов:

«Нечувствие, каменность, мертвость души – от запущенных и не исповеданных вовремя грехов. Как облегчается душа, когда немедленно, пока больно, исповедуешь совершенный грех. Отложенная исповедь дает бесчувствие. Человек, часто исповедующийся и не имеющий залежей грехов в душе, не может не быть здоров. Исповедь – благодатный разряд души. В этом смысле громадно значение исповеди и вообще во всей жизни, в связи с благодатной помощью Церкви. Поэтому не откладывай ее. Слабая вера и сомнения – не препятствие. Непременно исповедуйся, кайся в слабой вере и сомнениях как в своей немощи и грехе... Так оно и есть: полная вера только у сильных духом и праведных; где нам, нечистым и малодушным, иметь их веру? Была бы она – мы были бы святы, сильны, божественны и не нуждались бы в той помощи Церкви, которую она нам предлагает. Не уклоняйся и ты от этой помощи».

Отсюда участие в Таинстве исповеди не должно быть редким – один раз за длинный период, как, может быть, думают те, кто ходит на исповедь один раз в год или немногим более.

Процесс покаяния есть непрерывный труд по исцелению душевных язв и очищению каждого вновь появившегося греховного пятнышка. Только в этом случае христианин не будет

утрачивать своего «царственного достоинства» и будет оставаться в числе «народа святого» (1Пет. 2, 9).

При пренебрежении Таинством исповеди грех будет угнетать душу и вместе с тем, по оставлении ее Духом Святым, в ней будут открыты двери для вхождения темной силы и развития страстей и пристрастий.

Также может наступить период неприязни, вражды, ссор и даже ненависти к окружающим, что отравит жизнь и согрешившего, и окружающих.

Могут появиться навязчивые дурные мысли («психастения»), от которых согрешивший не в силах освободиться и которые отравят его жизнь.

Сюда же будут относиться и так называемая «мания преследования», сильнейшее колебание в вере и такие совершенно противоположные, но одинаково опасные и мучительные чувства: у одних непреодолимый страх смерти, а у других – стремление к самоубийству.

Наконец, могут наступить такие душевные и физические нездоровые проявления, которые обычно называют «порчей»: сюда будут относиться припадки эпилепсического характера и тот ряд душевных безобразных проявлений, который характеризуется как одержимость и бесноватость.

Священное Писание и история Церкви свидетельствуют, что подобные тяжелые последствия нераскаянных грехов врачуются силой благодати Божией через Таинство исповеди и последующее причащение Святых Таин.

Показателен в этом отношении духовный опыт старца иеросхимонаха Илариона из Оптиной пустыни.

Иларион в своей старческой деятельности исходил из положения, изложенного выше, что всякий душевный недуг есть следствие наличия в душе нераскаянного греха.

Поэтому у подобных больных старец прежде всего старался путем расспроса выяснить все значительные и тяжелые грехи, совершенные ими после семилетнего возраста и не высказанные в свое время на исповеди или по стыдливости, или по неведению, или по забвению.

После обнаружения подобного греха (или грехов) старец старался убедить пришедших к нему за помощью в необходимости глубокого и искреннего покаяния в грехе.

Если такое покаяние проявлялось, то старец как иерей после исповеди отпускал грехи. При последующем причащении Святых Таин обычно наступало полное избавление от того душевного недуга, который мучил грешную душу.

В тех случаях, когда у посетителя обнаруживалось наличие тяжелой и длительной вражды с ближними, старец повелевал немедленно примириться с ними и испросить у них прощение за все ранее причиненные обиды, оскорбления и несправедливости.

Подобные беседы и исповеди иногда требовали от старца большого терпения, выдержки и настойчивости. Так, он долго уговаривал одну одержимую сначала перекреститься, потом выпить святой воды, затем рассказать ему свою жизнь и свои грехи.

Вначале ему пришлось вынести от нее много оскорблений и проявлений злобы. Однако он отпустил ее лишь тогда, когда больная смирилась, стала послушной и принесла на исповеди полное покаяние в соделанных ею грехах. Так она получила полное исцеление. К старцу пришел один больной, страдавший стремлением к самоубийству. Старец выяснил, что у него ранее уже были две попытки к самоубийству – в 12-летнем возрасте и юности.

На исповеди больной ранее не приносил в них покаяние. Старец добился у него полноты раскаяния, исповедал и причастил его. С тех пор мысли о самоубийстве прекратились.

Как видно из вышеизложенного, искреннее покаяние и исповедь в содеянных грехах несут христианину не только их прощение, но и полноту духовного здоровья при возвращении к согрешившему благодати и соприбытию с христианином Святого Духа.

Поскольку только через разрешение священника грех окончательно изглаживается из нашей «книги жизни», то, чтобы не подводила нас наша память в этом самом важном из дел нашей жизни, необходимо записывать наши грехи. Однако на

исповеди грехи лучше говорить не по записи, а на память, а запиской пользоваться лишь для того, чтобы как следует, тщательно подготовиться к исповеди. Так предлагал делать своим духовным детям старец о. Алексей М. В отношении исповеди он давал такие указания:

«Подходя к исповеди, надо все вспомнить и со всех сторон рассмотреть каждый грех, все мелочи приводить на память, так, чтобы в сердце все бы перегорело от стыда. Тогда грех наш станет противен и создастся уверенность, что мы более не вернемся к нему.

Вместе с тем надо почувствовать и всю благодать Божию: Господь излил за меня кровь, заботится обо мне, любит меня, готов, как мать, принять меня, обнимает меня, утешает – а я грешу и грешу.

И тут же, когда подойдешь к исповеди, то каешься Господу, распятому на кресте, как дитя, когда оно со слезами говорит: «Мама, прости, больше не буду».

И тут есть ли кто, нет ли, будет все равно: ведь священник – только свидетель, а Господь все грехи наши знает, все мысли видит. Ему нужно только наше сознание себя виновным.

Так, в Евангелии Он спросил отца бесноватого отрока, с каких пор это с ним сделалось (Мк. 9, 21). Ему это было не нужно, Он знал все, а сделал для того, чтобы отец сознал свою виновность в болезни сына».

На исповеди о. Алексей не допускал исповедника говорить подробности для грехов плоти и касаться других лиц, их проступков.

Виноватым можно было считать у него только себя. Рассказывая о ссорах, можно было говорить только то, что говорил сам (без смягчения и оправданий), и не касаться того, что отвечали тебе. Он требовал, чтобы других оправдывали, а себя обвиняли, даже если и не было твоей вины. Раз поссорились – значит, виноват ты.

Однажды сказанные на исповеди грехи более уже не повторять священнику, на исповеди они уже прощены.

Но это не значит, что христианин может совершенно выкинуть из своей памяти наиболее серьезные из своих

жизненных грехов. Греховная рана на теле души залечена, но рубец от греха остается навсегда, и это должен помнить христианин и глубоко смиряться, оплакивая свои греховные падения.

Как пишет прп. Антоний Великий:

«Господь Благ и отпускает грехи всех, обращающихся к Нему, кто бы они ни были, так что не помянет о них более. Однако же Он хочет, чтобы те (помилованные) сами помнили о прощении своих грехов, доселе соделанных, чтобы, забыв о том, не допустить чего-либо в поведении своем такого, из-за чего принуждены будут дать отчет и в тех грехах, которые были уже прощены, как это случилось с тем рабом, которому господин возобновил весь долг, который ранее был отпущен ему» (Мф. 18, 24–35).

Таким образом, когда Господь отпускает нам грехи наши, мы должны не отпускать их себе самим, но всегда помнить о них через (непрестанное) возобновление раскаяния в них. Об этом говорит и старец Силуан:

«Хотя грехи прощены, но всю жизнь надо о них помнить и скорбеть, чтобы сохранить сокрушение».

Здесь следует, однако, предупредить, что воспоминание о своих грехах может быть различным и в некоторых случаях (при плотских грехах) может даже вредить христианину. Об этом так пишет прп. Варсонофий Великий:

«Воспоминание же грехов разумею не каждого порознь, чтобы иногда и через их припоминание враг не ввел нас в то же пленение, но достаточно лишь вспомнить, что мы виноваты во грехах»

Следует упомянуть вместе с тем, что старец о. Алексей Зосимовский считал, что хотя и было после исповеди отпущение какого-либо греха, но если он продолжает мучить и смущать совесть, то надо снова в нем исповедоваться.

Здесь уместно упомянуть и мнение еп. Иннокентия Херсонского, что отпущение грехов священником еще не значит, что отпущенные им грехи прощены и Богом. Он говорит: «Без веры и покаяния, сколько бы священник ни говорил:

«Прощается», «Разрешается», – ты от Бога не получишь разрешения».

Для искренно кающегося во грехах не имеет значения достоинство священника, принимающего его исповедь! Об этом так пишет о. Александр Ельчанинов:

«Для человека, действительно страдающего язвой своего греха, безразлично, через кого он исповедует этот томящий его грех; лишь бы как можно скорее исповедать его и получить облегчение. В исповеди самое важное – состояние души кающегося, каков бы ни был исповедующий. Важно наше покаяние, а не он, что-то вам говорящий. У нас же часто личности духовника уделяется первенствующее место».

При исповедании своих грехов или при спрашивании у духовника совета очень важно улавливать его первое слово. Старец Силуан дает такие указания по этому поводу:

«В немногих словах исповедник говорит свой помысл или о своем состоянии самое существенное и затем оставляет духовника свободным. Духовник, молясь с первого момента беседы, ждет вразумления от Бога, и если чувствует в душе «извещение», то дает такой ответ, на котором и следует остановиться, потому что когда упущено «верное слово» духовника, то вместе с тем ослабляется действенность Таинства, и исповедь может превратиться в простое человеческое обсуждение».

Может быть, некоторые кающиеся в серьезных грехах на исповеди священнику думают, что последний будет с неприязнью к ним относиться, узнав их грех. Но это не так. Как пишет архиеп. Арсений (Чудовской):

«Когда грешник чистосердечно, со слезами кается духовнику, то у последнего невольно в сердце возникает чувство отрады и утешения, а вместе – и чувство любви и уважения к кающемуся. Открывшему же грехи может, пожалуй, показаться, что пастырь и не посмотрит теперь на него, так как он знает его скверны и презрительно отнесется. О, нет! Мил, дорог и как бы родной делается пастырю искренно кающийся грешник».

О том же пишет и о. Александр Ельчанинов:

«Почему духовнику не противен грешник, как бы ни были отвратительны его грехи? – Потому что в Таинстве покаяния священник созерцает полное разделение грешника и его греха».

Приложения к главе 25-й

Обычно люди, неопытные в духовной жизни, не видят множественности своих грехов. «Ничего особенного», «как у всех», «только мелкие грехи – не украл, не убил» – таково обычно начало исповеди у многих.

А самолюбие, неперенесение укоров, черствость, человекоугодие, слабость веры и любви, малодушие, духовная леность – разве это не важные грехи? Разве мы можем утверждать, что достаточно любим Бога, что вера наша действительна и горяча? Что каждого человека мы любим, как брата во Христе? Что мы достигли кротости, безгневия, смирения?

Если же нет, то в чем заключается наше христианство? Чем объяснить нашу самоуверенность на исповеди, как не «окамененным нечувствием», как не «мертвостью» сердечной, душевной смертью, телесную предваряющей?

Почему св. отцы, оставившие нам покаянные молитвы, считали себя первыми из грешников и с искренней убежденностью взывали к Иисусу Сладчайшему: «Никто не согрешил на земли от века, якоже согреших аз окаянный и блудный», – а мы убеждены, что у нас все благополучно.

Чем ярче свет Христов озаряет сердца, тем яснее сознаются все недостатки, язвы и раны. И, наоборот, люди, погруженные в мрак греховный, ничего не видят в своем сердце; а если и видят, то не ужасаются, так как им не с чем сравнить.

Поэтому прямой путь к познанию своих грехов, это – приближение к свету и молитва об этом свете, который есть суд миру и всему «мирскому» в нас самих(Ин. 3, 19). А пока нет такой близости ко Христу, при которой покаянное чувство является нашим обычным состоянием, надо, готовясь к исповеди, проверять свою совесть – по заповедям, по некоторым молитвам (например, 3-я вечерняя, 4-я перед Св.

Причащением), по некоторым местам Евангелия и посланий(напр., Мф. 5 гл.; Рим. 12 гл.; Еф. 4 гл.; Иак., особенно 3 гл.).

Разбираясь в своей душе, надо постараться различать основные грехи от производных, симптомы – от более глубоко лежащих причин.

Например, очень важны рассеянность на молитве, дремота и невнимание в церкви, отсутствие интереса к чтению Священного Писания. Но не происходят ли эти грехи от маловерия и слабой любви к Богу? Нужно отметить в себе своеволие, непослушание, самооправдание, нетерпение укоров, неуступчивость, упрямство; но еще важнее открыть их связь с самолюбием и гордостью.

Если мы замечаем в себе стремление к обществу, словоохотливость, смехословие, усиленную заботу о своей наружности и не только своей, но своих близких, то надо внимательно исследовать, не является ли это формой «многообразного тщеславия».

Если мы слишком принимаем к сердцу житейские неудачи, тяжело переносим разлуку, неутешно скорбим об отшедших, то, кроме силы и глубины наших чувств, не свидетельствует ли все это также о неверии в Промысл Божий?

Есть еще одно вспомогательное средство, ведущее нас к познанию своих грехов, – вспомнить, в чем обычно обвиняют нас другие люди, враги наши, а особенно бок о бок с нами живущие, близкие; почти всегда их обвинения, укоры, нападки имеют основания. Можно даже, победив самолюбие, прямо спросить их об этом – со стороны виднее.

Необходимо еще перед исповедью просить прощения у всех, перед кем виновен, идти к исповеди с неотягощенной совестью.

При таком испытании сердца нужно следить, чтобы не впасть в чрезмерную мнительность и мелочную подозрительность ко всякому движению сердца; ставши на этот путь, можно потерять чувство важного и неважного, запутаться в мелочах.

В таких случаях надо временно оставить испытание своей души и молитвой и доброделанием упростить и прояснить свою душу.

Дело не в том, чтобы возможно полно вспомнить и даже записать свои грехи, а в том, чтобы достигнуть такого состояния сосредоточенности, серьезности и молитвы, при которых, как при свете, становятся ясны наши грехи. Но знать свои грехи – это еще не значит каяться в них. Правда, Господь принимает исповедание – искреннее, добросовестное, когда оно и не сопровождается сильным чувством раскаяния.

Все же «сокрушение сердца» – скорбь о своих грехах – есть важнейшее из всего, что мы можем принести на исповедь.

Но что же делать, если «ни слез, ниже покаяния имеем, ниже умиления»? Что же делать, если «иссохшее греховным пламенем» наше сердце не орошается живительными водами слез? Что, если «немоощь душевная и плоти неможение» так велики, что мы не способны на искреннее покаяние?

Это все-таки не причина откладывать исповедь – Бог может коснуться нашего сердца и в течение самой исповеди: само исповедание, наименование наших грехов может смягчить наше сердце, утончить духовное зрение, обострить покаянное чувство. Больше же всего к преодолению нашей духовной вялости служит приготовление к исповеди – пост, который, истощая наше тело, нарушает губительное для духовной жизни наше телесное благополучие и благодушие. Для того же служат молитва, ночные мысли о смерти, чтение Евангелия, житий святых, творений св. отцов, усиленная борьба с собой, упражнение в добрых делах.

Наше бесчувствие на исповеди большей частью имеет своим корнем отсутствие страха Божия и скрытое неверие. Сюда и должны быть направлены наши усилия.

Главное – добиться искреннего покаяния, если возможно – слез, при которых не нужны подробности, но для выявления которых часто нужен подробный и конкретный рассказ.

Вот почему так важны слезы на исповеди – они размягчают наше окаменение, потрясают нас «от верху до ног», упрощают, дают благодатное самозабвение, устраняют главное

препятствие к покаянию – нашу «самость». Гордые и самолюбивые не плачут. Раз заплакал, значит – смягчился, смирился.

Вот почему после этих слез – кротость, безгневие, умягченность, умиленность, мир в душе у тех, кому Господь послал «радостотворный плач» (творящий радость). Не нужно стыдиться слез на исповеди, нужно дать им свободно литься, омывая наши скверны. «Тучи ми подаждь слез в посте каждый день, яко да восплачу и омыю скверну, яже от сластей, и явлюся Тебе очищен» (1-я седмица Великого поста, понедельник вечера).

Третий момент исповеди – словесное исповедание грехов. Не нужно ждать вопросов, надо самому сделать усилие; исповедь есть подвиг и самопринуждение. Говорить надо точно, не затемняя неприглядность греха общими выражениями (напр., «грешен против 7-й заповеди»). Очень трудно, исповедуясь, избежать соблазна самооправдания, попыток объяснить духовнику «смягчающие обстоятельства», ссылок на третьих лиц, введших нас в грех. Все это признаки самолюбия, отсутствия глубокого покаяния, продолжающегося коснения в грехе.

Исповедь не есть беседа о своих недостатках, сомнениях, не есть осведомление духовника о себе и менее всего – «благочестивый обычай». Исповедь – горячее покаяние сердца, жажда очищения, идущая от ощущения святости, умирание для греха и оживление для святости. Замечаю часто в исповедующихся желание безболезненно для себя пройти через исповедь – или отделяются общими фразами, или говорят о мелочах, умалчивая о том, что действительно должно бы тяготить совесть. Тут есть и ложный стыд перед духовником, и вообще нерешительность, как перед каждым важным действием, и особенно – малодушный страх всерьез начать ворошить свою жизнь, полную мелких и привычных слабостей. Настоящая же исповедь как благое потрясение души страшит своей решительностью, необходимостью что-то переменить или даже просто хоть задуматься над собой.

Иногда на исповеди ссылаются на слабую память, не дающую будто возможности вспомнить грехи. Действительно, часто бывает, что ты легко забываешь свои грехопадения, но происходит ли это только от слабой памяти? В исповеди слабая память – не оправдание; забывчивость – от невнимания, несерьезности, черствости, нечувствительности ко греху. Грех, тяготящий совесть, не забудется. Ведь, например, случаи, особенно больно задевшие наше самолюбие, или, наоборот, польстившие нашему тщеславию, наши удачи, похвалы в наш адрес помним долгие годы. Все, что производит на нас впечатление, мы долго и отчетливо помним, и если мы забываем наши грехи, то не значит ли это, что мы просто не придаем им серьезного значения?

Знак совершившегося покаяния – чувство легкости, чистоты, неизъяснимой радости, когда грех кажется так же труден и невозможен, как только что далека была эта радость.

Раскаяние наше не будет полным, если мы, каюсь, не утвердимся внутренне в решимости не возвращаться к исповеданному греху.

Но, говорят, что как это возможно? Как я могу обещать себе и своему духовнику, что я не повторю своего греха? Не будет ли ближе к истине как раз обратное – уверенность, что грех повторится? Ведь опытом своим всякий знает, что через некоторое время неизбежно возвращаешься к тем же грехам. Наблюдая за собой из года в год, не замечаешь никакого улучшения, «подпрыгнешь и опять остаешься на том же месте».

Было бы ужасно, если бы это было так. К счастью, это не так. Не бывает случая, чтобы при наличии доброго желания исправиться последовательные исповеди и Святое Причастие не произвели бы в душе благодетельных перемен.

Но дело в том, что прежде всего мы не судьи самим себе. Человек не может правильно судить о себе, стал ли он хуже или лучше, так как и он, судящий, и то, что он судит, – величины меняющиеся.

Взросшая строгость к себе, усилившаяся зрячесть духовная, обостренный страх греха могут дать иллюзию, что

грехи умножились и усилились, – они остались те же, может быть, даже ослабели, но мы их раньше так не замечали.

Кроме того, Бог по особому промыслу Своему часто закрывает нам глаза на наши успехи, чтобы защитить нас от злейших грехов – тщеславия и гордости. Часто бывает, что грех остался, но частые исповеди и причащение Святых Таин расшатали и ослабили его корни. Да сама борьба с грехом, страдания о своих грехах – разве не приобретение?

«Не устрашайся, – говорит Иоанн Лествичник, – хотя бы ты падал каждый день, и не отходи от путей Божиих. Стой мужественно, и ангел, тебя охраняющий, почит твоё терпение».

Если же нет этого чувства облегчения, возрождения, надо иметь силы вернуться опять к исповеди, до конца освободить свою душу от нечистоты, слезами омыть её от черноты и скверны. Стремящийся к этому всегда достигнет того, чего ищет.

Только не будем приписывать себе свои успехи, рассчитывать на свои силы, надеяться на свои усилия – это значило бы погибнуть и погубить всё приобретенное.

«Рассеянный мой ум собери, Господи, и оледеневшее сердце мое очисти яко Петру, дай мне покаяние, яко мытарю – воздыхание и якоже блуднице – слезы».

Мы приходим на исповедь с намерением получить прощение грехов от Господа Бога через священника. Так знай же, что исповедь твоя бывает пуста, бездельна, недействительна и даже оскорбительна для Господа, если ты идешь на исповедь без всякой подготовки, не испытав своей совести, по стыду или другой причине скрываешь свои грехи, исповедуешься без сокрушения и умиления, формально, холодно, механически, не имея твердого намерения вперед исправиться.

Часто подходят к исповеди не подготовившись. А что значит подготовиться? Испытать усердно свою совесть, вызвать в памяти и восчувствовать сердцем свои согрешения, решиться все их, без всякой утайки, поведать духовнику, в них покаяться, и не только покаяться, но и впредь их избегать. А так как часто память нам изменяет, то хорошо делают те, которые на бумагу заносят воспоминаемые грехи. А о тех грехах, которых ты при

всем своим желанием не можешь вспомнить, не беспокойся, что они тебе не простятся. Ты только имей искреннюю решимость во всем покаяться и со слезами проси Господа простить тебе все твои грехи, которые помнишь и которые не помнишь.

На исповеди говори все, что тебя беспокоит, что у тебя болит, не стесняйся поэтому лишний раз сказать и о своих прежних грехах. Это хорошо, это будет свидетельствовать, что ты постоянно ходишь с чувством своего окаяинства и препобеждаешь всякий стыд от обнаружения своих греховных язв.

Есть так называемые неисповеданные грехи, с которыми многие живут в течение многих лет, а может быть, и всей своей жизни. Хочется иной раз их открыть духовнику, да уж слишком стыдно о них говорить, так и проходит год за годом, а между тем они постоянно тяготят душу и готовят ей вечное осуждение. Иные из этих людей бывают счастливы: приходит время, Господь посылает им духовника, отверзает уста и сердца этих нераскаянных грешников, и они исповедуют все свои согрешения. Нарыв, таким образом, прорывается, и эти люди получают духовное облегчение и как бы выздоровление. Однако как надо бояться нераскаянных грехов!

Неисповеданные грехи – это как бы наш долг, который постоянно нами чувствуется, постоянно нас тяготит. И на что лучше, как с долгом расплатиться, – спокойно тогда на душе; то же и с грехами – этими духовными долгами нашими: исповедуешь их перед духовником, и на сердце легко-легко станет.

Покаяние на исповеди есть победа над самим собой, есть победный трофей, так что покающийся достоин всякого уважения и чести.

(по 1-й части «Откровенных рассказов странника»)

В качестве образца для определения своего внутреннего духовного состояния и для обнаружения своих грехов на исповеди может быть взята и «Исповедь внутреннего человека, ведущая ко смирению», приводимая во 2-й части «Рассказов странника о благодатном действии молитвы Иисусовой», которая цитируется ниже (в несколько сокращенном виде).

Следует, конечно, оговориться, что все нижеперечисленные грехи, погрешения и слабости души могут проявляться не у всякого человека или могут проявляться в различной степени.

Кроме того, нормы воздержания, также как степени развития добродетелей, строго индивидуальны, и у каждого христианина должна быть своя мера в воздержании или проявлении добродетели, зависящая от степени перерождения «душевного» и «внешнего» человека в «духовного» и «внутреннего».

Вспомним, что «все доброе становится недобрым, перейдя известную черту» (о. Валентин Свенцицкий).

Помня об этих оговорках, пусть читающий углубится в нижеизложенное и каждый возьмет из него то, что найдет отзвук в его разуме, совести и сердце.

«Внимательно обращая взор мой на самого себя и наблюдая свое внутреннее состояние, я опытно уверился, что я не люблю Бога, не имею любви к ближним, не верю ничему религиозному и преисполнен гордости и сластолюбия...

1. Я не люблю Бога. Ибо если бы я любил Его, то непрестанно размышлял бы о Нем с сердечным удовольствием. Напротив, я гораздо чаще и гораздо охотнее размышляю о житейском, а помышление о Боге составляет Для меня труд и сухость. Если бы я любил Его, то собеседование с Ним через молитву питало бы меня, наслаждало и влекло к непрерывному общению с Ним.

Но, напротив, при занятии молитвою я чувствую труд... расслабляюсь ленью и готов с охотой заняться чем-нибудь маловажным, только бы сократить или перестать молиться. В пустых занятиях время мое летит бесприметно, а при занятии Богом, при поставлении себя в Его присутствии каждый час мне кажется годом.

Кто кого любит, тот в продолжение дня беспрестанно о нем мыслит, воображает его, заботится о нем, и при всех занятиях любимый друг его не выходит из его мыслей.

А я в продолжение дня едва ли отделяю и один час, чтобы глубоко погрузиться в размышление о Боге...

В беседах о предметах суетных, о предметах, низких для духа, я бодр, я чувствую удовольствие, а при рассуждении о Боге я сух, скучлив и ленив...

Почтение в законе Господнем не производит на меня впечатления, не питает души моей, и я это почитаю несущественным занятием христианина, которым я должен заниматься разве только на досуге...

2. Я не имею любви к ближним. Ибо не только не могу решиться для блага ближнего положить душу мою (по Евангелию), но даже и не жертвую частью моего блага и спокойствия для блага ближнего.

Если бы я его любил, по евангельской заповеди, как самого себя, то несчастье его поражало бы и меня; благополучие его приводило бы и меня в радость.

Но, напротив, я с любопытством выслушиваю повести о несчастьях ближнего, не сокрушаясь о нем, а бываю равнодушным, или, что еще хуже, нахожу как бы удовольствие в его несчастьях и плохие поступки брата моего не покрываю любовью, но с осуждением их разглашаю.

Благосостояние, честь и счастье его не восхищают меня, как собственные, но возбуждают во мне скорее зависть или презрение.

3. Я не верю ничему религиозному— ни бессмертию, ни Евангелию. Если бы я был твердо убежден и несомненно верил, что за гробом есть жизнь вечная с возмездием за дела земные, то я всегда бы думал об этом.

Самая мысль о смерти ужасала бы меня, и я провождал бы эту жизнь как пришелец, готовящийся вступить в свое отечество. Напротив, я и не думаю о вечности.

Если бы Святое Евангелие как слово Божие было с верою принято в мое сердце, то я всегда занимался бы изучением его и смотрел бы на него с глубоким благоговением.

Премудрость, благость и любовь, в нем сокрытые, приводили бы меня в восхищение, я питался бы ими, как ежедневную пищу, и сердечно влекся бы к исполнению его правил.

Но если я изредка и читаю или слушаю слово Божие, то чувствую сухость, невнимательность и охотно готов заменить чтением светским.

4. Я исполнен гордости и чувственного себялюбия. Видя в себе доброе, желаю поставить его на вид, или превозношусь им перед другими, или внутренне люблюсь собою. Хотя и показываю наружное смирение, но приписываю все своим силам и почитаю себя выше других или, по крайней мере, не худшим.

Если замечу в себе порок, стараюсь извинить его, покрыть личиною необходимости. Сержусь на не уважающих меня, почитаю их неумеющими ценить людей. Дарованиями тщеславлюсь. Если я стремлюсь к чему-либо доброму, то имею целью или похвалу, или светское утешение.

Словом, я непременно творю из себя собственного кумира, которому я совершаю непрерывное служение, ища во всем услаждений чувственных и пищи для сластолюбивых моих страстей и похотений».

К перечисленным порокам души человеческой можно добавить еще ряд нижеприведенных признаков, по которым христианин может проверить свое духовное состояние и степень своей отчужденности от Бога. 1) Чувствуем ли мы себя в Духе Божиим с ощущением на душе любви, радости, мира и т. п. (Гал. 5, 25), или, наоборот, мы чаще всего раздражены, унываем, досадуем, враждуем и т. д.?

2) Как употребляем мы те излишки материальных средств, которые остаются свободными после удовлетворения насущных, минимальных потребностей в скромном размере? Идут ли эти избытки на предметы роскоши, комфорта, изысканную пищу, наряды (сверх скромного платья) и т. п., или эти избытки идут, по заповеди Божией, на помощь Церкви, бедным и нуждающимся?

3) Как употребляем мы свободное от труда время – на развлечения, хождение в гости, чтение легкой литературы, или на молитву, исповедь, богослужение, духовное чтение, духовные беседы?

4) И, наконец, – и это самое важное – отображаем ли мы в какой-то мере Божии свойства и прежде всего Христову любовь, кротость и смирение? Видим ли мы бездну своих грехов и прегрешений? Замечаем ли жалкое состояние своего черствого и эгоистического сердца, которым владеют страсти и пристрастия?

Пользуясь этими признаками, каждый может заметить опасность своего состояния.

Как известно, в настоящее время в Церкви практикуется не только отдельная, но и так называемая «общая» исповедь, при которой священник отпускает грехи, не выслушивая их от кающихся.

Замена отдельной исповеди общей вызвана тем, что теперь священник часто не имеет возможности принять исповедание от всех желающих. Однако таковая замена, безусловно, крайне нежелательна, и не всем и не всегда можно участвовать в общей исповеди и после нее идти к Причастию.

При общей исповеди кающемуся не приходится открывать грязи своих духовных одеяний, не приходится стыдиться за них перед священником и не будут задеты его гордость, самолюбие и тщеславие. Таким образом, не будет того наказания за грех, которое в дополнение к нашему раскаянию снискало бы нам милость Божию.

Во-вторых, общая исповедь таит ту опасность, что к причастию подойдет такой грешник, который при отдельной исповеди не был бы допущен священником к Святой Чаше.

Многие серьезные грехи требуют серьезного и длительного покаяния, и тогда священник запрещает причастие на определенный срок и накладывает епитимию (покаянные молитвы, поклоны, воздержание в чем-либо). В других случаях священник должен получить от кающегося обещание не повторять более греха и только тогда допустить к причастию.

Поэтому к общей исповеди нельзя приступать тем, кто долго – несколько лет или много месяцев – не был на отдельной исповеди, и тем, кто имеет или смертный грех, или такой грех, который сильно задевает и мучает его совесть.

В таких случаях исповедник должен после всех прочих участников исповеди подойти к священнику и сказать ему те грехи, которые лежат на его совести.

Можно считать допустимым (по нужде) участие в общей исповеди лишь тех, кто исповедуется и причащается достаточно часто, проверяет себя по временам на отдельной исповеди и уверен в том, что те грехи, которые он скажет на исповеди, не послужат поводом к запрещению для него причастия.

При этом необходимо также, чтобы мы участвовали в общей исповеди или у своего духовного отца, или у священника, хорошо нас знающего.

О возможности в некоторых случаях глухой (т. е. без слов) исповеди, о том, как к ней надо готовиться, говорит следующий рассказ из жизнеописания старца Зосимы из Троице-Сергиевой Лавры. Был случай с двумя дамами. Идут они в келью к старцу, и одна всю дорогу кается в своих грехах: «Господи, как я грешна, вот то-то и то не так сделала, того-то осудила, прости же Ты меня, Господи...» И сердце ее и ум как бы припадают к стопам Господа. «Прости, Господи, и дай силы больше так не оскорблять Тебя». Все грехи она старалась вспомнить и все каялась и каялась по дороге.

Другая же спокойно шла к старцу: «Приду, поисповедуюсь, «Во всем грешна» скажу, завтра причащусь». И затем она думает, какую бы мне материю купить на платье моей дочурке, и какой бы фасончик ей выбрать, чтобы шло к ее личику, и тому подобные мирские мысли занимали сердце и ум второй дамы.

Обе вместе пошли в келью батюшки Зосимы. Обращаясь к первой, старец сказал:

– Становись на колени, я сейчас отпущу тебе грехи.

– Как батюшка, да ведь я вам еще не сказала?

– Не надо говорить, их ты все время Господу говорила, всю дорогу молилась Ему, так что я сейчас разрешу тебя, а завтра благословляю причаститься. А ты, – обратился он к другой даме, – ты иди, купи на платье своей дочери материи, выбери фасон, сшей, что задумала. А когда душа твоя придет к покаянию, приходи на исповедь. А сейчас я тебя исповедовать не стану.

Глава 26. Откровение помыслов и взаимная исповедь

Признавайтесь друг перед другом в проступках. Иак. 5, 16

Чтобы помочь кающимся в осознании своих грехов, в некоторых духовно благоустроенных обителях введено ежедневное откровение помыслов своим духовным отцам и старцам. Этим путем иноки приучаются к ежедневному просмотру своих грехов и духовного состояния.

Значение и сущность подобного открытия помыслов так характеризуется еп. Игнатием (Брянчаниновым):

«Братия ежедневно исповедовали старцу согрешения свои, и самые мелочные, даже помыслы, ощущения греховные и предлагали ему на рассмотрение свои недоумения. Это делание исполнено необыкновенной душевной пользы: ни один подвиг не умерщвляет страстей с таким удобством и силою, как этот. Страсти отступают от того, кто без пощадения исповедует их».

В тех случаях, когда не открыть помыслы духовнику, откровение помыслов может быть и единомышленному и близкому по духу духовному брату.

Взаимное назидание было рекомендовано христианам еще ап. Павлом, который пишет фессалоникийцам: «Увещевайте друг друга и назидайте один другого, как вы и делаете» (1Фес. 5, 11). А ап. Иаков пишет: «Признавайтесь друг перед другом в проступках» (Иак. 5, 16).

Взаимное исповедание помыслов помогает преодолеть встречающиеся искушения, вскрыть духовные ошибки, распознать незамеченные грехи и слабости. Вместе с тем оно ведет и к очищению души.

И хотя здесь еще и не будет того снятия греха, которое бывает на исповеди у священника, однако на Страшном Суде у нас будет свидетель того, что мы исповедали свой грех и еще на земле посрамились и постыдились за него, а это не может не послужить для его облегчения.

В истории Церкви был такой случай. По морю плыли два человека. Один из них был христианин, но совершивший

смертный и еще не исповеданный грех. Другой был оглашенный и готовился принять крещение, но еще не успел этого сделать.

Поднялась буря, и жизнь обоих была в большой опасности. Оба стали сокрушаться, так как вместе с жизнью терялась у обоих и надежда на спасение души. Но Господь умудрил их, и в своем тяжелом положении они нашли выход. Оглашенный принял от христианина крещение, а тот исповедал ему затем свой грех как единоверному брату.

Другим примером является кончина нашего современника – протоиерея Павла Аникеева (автора диссертации «Мистика Симеона Нового Богослова»).

Свою жизнь он кончил в глубокой глуши отдаленной Сибири, где на сотни километров не было вблизи ни храма, ни священника.

Он позвал тогда одного благочестивого поселянина и перед смертью исповедал ему грехи всей своей жизни.

Здесь нужно отметить, что уже одно искреннее покаяние и сокрушение о соделанном грехе (или грехах) даже перед собратом во Христе (при невозможности исповеди у священника) может привлечь к грешнику благодать Божию и даровать ему полноту прощения греха и таким образом избавить от душевного недуга или какого-либо (наказательного) несчастья.

Другим замечательным примером взаимной исповеди является старческая деятельность одного благочестивого крестьянина – Семена Климовича, жившего недалеко от Оптиной пустыни в конце XIX века.

Благочестие, большая начитанность творений святых отцов и дар духовной рассудительности привлекали к нему многих посетителей, искавших исцеления душевных болезней или помощи в несчастьях.

Так же, как старец Иларион, Семен Климович старался путем искусных расспросов выяснить духовную причину болезни или несчастья и привести страждущего к сознанию своих грехов и полноте раскаяния в них. После этого он настаивал на необходимости исповедать их перед священником. Часто уже непосредственно после искреннего

раскаяния у Семена Климовича душевнобольные получали исцеление от своих недугов.

Интересны два случая из его старческой деятельности. Одна семья состояла из четырех женатых братьев, живших вместе с отцом и матерью. Поведение и взаимное отношение их жен было крайне немирное: непрерывные ссоры, склоки и вражда. Неприязненно относились они и к свекру и свекрови.

Один из братьев вместе с матерью и женой приехали к Семену Климовичу с просьбой водворить мир в их семье.

Выслушав его просьбу, Семен Климович очень долго – целых три часа – сидел молча, смотря на молодую супругу просителя. Видимо, в это время он усиленно молился за нее и испытывал ее смирение.

Затем он обратился к ней с вопросом, будет ли она исполнять то, что он ей скажет. Та ответила согласием.

Тогда Семен Климович предложил ей немедленно просить на коленях прощения у свекрови и у мужа за свое поведение, а по приезде домой также просить прощения и у всех других домашних и затем исповедаться и причаститься.

Молодая женщина тотчас же стала смиренно кланяться всем в ноги и обещалась все выполнить, что велел ей Семен Климович. Она, действительно, исполнила в дальнейшем все обещанное, совершенно духовно преобразилась и стала кроткой, богобоязненной женщиной.

В другом случае к Семену Климовичу приехал купец, у которого украли 200 000 руб. ассигнациями. На просьбу купца указать его вора Семен Климович отвечал, что он не знахарь и не ворожея и в этом помочь не может.

Но он добавил, что уверен в том, что Бог вернет купцу все потерянное, если тот послушает его и сделает все, что он ему предложит. Купец согласился.

Тогда Семен Климович предложил купцу рассказать ему, как он приобрел капитал, как торгует и не было ли во всем этом чего-либо нечестного, обмана и обиды кого-либо. Купец чистосердечно сознался в подобном. Тогда Семен Климович предложил купцу последовать примеру евангельского Закхея (Лк. 19, 1–10) и пообещать «вчетверо воздать» всем обиженным

и обманутым, а в грехах принести исповедь священнику. Купец исполнил все предложенное.

После этого он нашел записку, где было указано, где спрятаны украденные у него деньги. Их украл его доверенный приказчик, который сопровождал его к Семену Климовичу и присутствовал при беседе с ним.

Благодатные слова праведника, исполненные страха перед Богом, оживили и спасли сразу две души – купца и его приказчика.

Глава 27. Таинство елеосвящения

Молитва веры исцелит болящего... и если он соделал грехи, простятся ему. Иак. 5, 15

Как бы тщательно мы ни старались запоминать и записывать свои грехи, может случиться, что существенная часть их не будет сказана на исповеди, некоторые будут забыты, а некоторые просто не осознаны и не замечены в силу нашей духовной слепоты.

В этом случае Церковь приходит на помощь кающемуся с Таинством елеосвящения или, как его часто называют, «соборования». Это Таинство основано на указании апостола Иакова – главы первой Иерусалимской Церкви: «Болен ли кто из вас, пусть призовет пресвитеров Церкви, и пусть помолятся над ним, помазав его елеем во имя Господне. И молитва веры исцелит болящего, и восставит его Господь; и если он соделал грехи, простятся ему» (Иак. 5, 14–15).

Таким образом, в Таинстве елеосвящения прощаются нам грехи, не сказанные на исповеди по незнанию или же по забывчивости. А поскольку болезни есть следствие нашего греховного состояния, то освобождение от греха часто ведет и к исцелению тела.

Некоторые из нерадивых христиан, пренебрегая Таинством Церкви, по несколько и даже по многу лет не бывают на исповеди. И когда сознают ее необходимость и придут на исповедь, то им, конечно, трудно вспомнить все грехи, за много лет соделанные. В этих случаях Оптинские старцы всегда рекомендовали таким раскаявшимся христианам принять

участие сразу в трех Таинствах: исповеди, елеосвящения и причащения Святых Таин.

Некоторые из старцев считают, что в Таинстве елеосвящения могут участвовать через несколько лет и не только тяжелобольные, но и все ревнующие о спасении своей души.

Вместе с тем следует указать, что тем христианам, которые не пренебрегают достаточно частым Таинством исповеди, Оптинские старцы не советовали собороваться без наличия серьезного заболевания.

Тем же христианам, которым почему-либо не будет возможности принять участие в Таинстве елеосвящения, нужно помнить указания старцев Варсонофия и Иоанна, которые даны были ученику на вопрос «Забвение уничтожает памятование многих согрешений – что мне делать?» Преподобные отвечали:

«Какого заимодавца можешь найти вернее Бога, знающего и то, чего еще не было? Итак, возложи на Него счет забытых тобою прегрешений и скажи Ему: «Владыко, поскольку и забыть свои согрешения есть грех, то я во всем согрешил Тебе, Единому Сердцеведу. Ты и прости меня за все по Твоему человеколюбию, ибо там-то и проявляется великолепие славы Твоей, когда Ты не воздаешь грешникам по грехам, ибо Ты препрославлен во веки. Аминь»».

Причащение Святых Таин – Тела и Крови Христовых

Глава 28. Значение таинства

Если не будете есть Плоти Сына Человеческого и пить Крови Его, то не будете иметь в себе жизни. Ин. 6, 53

Ядущий Мою Плоть и пьющий Мою Кровь во Мне пребывает и Я в нем. Ин. 6, 56

Этимися словами Господь указал на совершенную необходимость для всех христиан участия в Таинстве Евхаристии. Самое Таинство было установлено Господом на Тайной вечере.

«Иисус взял хлеб и, благословив, преломил и, раздавая ученикам, сказал: Приимите, ядите: сие есть Тело Мое. И, взяв чашу и благодарив, подал им и сказал: пейте от нее все, ибо сие есть Кровь Моя Нового Завета, за многих изливаемая во оставление грехов» (Мф. 26, 26–28).

Как учит Святая Церковь, христианин, принимая Святое Причащение, таинственно соединяется со Христом, ибо в каждой частице раздробленного агнца содержится весь Христос.

Неизмеримо значение Таинства Евхаристии, постижение которого превосходит наш разум.

Оно зажигает в нас Христову любовь, возносит к Богу сердце, зарождает в нем добродетели, сдерживает нападение на нас темной силы, дарует силу против искушений, оживляет душу и тело, исцеляет их, дает им силу, возвращает добродетели – восстанавливает в нас ту чистоту души, которая была у первородного Адама до грехопадения.

В размышлениях о Божественной литургии еп. Серафима Звездинского имеется описание видения одного старца-подвижника, ярко характеризующее значение для христианина причащения Святых Таин. Подвижник видел:

«Огненное море, волны вздымались и бурлили, представляя из себя страшное зрелище. На противоположном берегу стоял прекрасный сад. Оттуда доносилось пение птиц, несло благоухание цветов. Подвижник слышит голос: «Перейди через это море». Но перейти не было возможности.

Долго стоял он в раздумье, как перейти, и слышит снова голос. «Возьми два крыла, которые дала Божественная Евхаристия: одно крыло – Божественная Плоть Христова, второе крыло – Животворящая Кровь Его. Без них, как ни велик был бы подвиг, достигнуть Царствия Небесного нельзя».

Как пишет о. Валентин Свенцицкий:

«Евхаристия – это основа того реального единства, которое чаем во всеобщем воскресении, ибо и в пресуществлении Даров и в нашем причащении залог нашего спасения и воскресения не только духовного, но и телесного».

Старец Парфений Киевский однажды в благоговейном чувстве пламенной любви к Господу долго повторял молитву: «Господи Иисусе, живи во мне и мне дай в Тебе жити», – и слышал тихий, сладкий голос: «Ядый Мою плоть и пияй Мою Кровь во Мне пребывает и Аз в нем».

В некоторых духовных болезнях Таинство Причащения является наиболее действенным врачевством: так, например, при нападении на человека так называемых «хульных мыслей» духовные отцы предлагают бороться с ними частым приобщением Святых Таин.

Отец Иоанн С. пишет о значении Таинства Евхаристии при борьбе с сильными искушениями: «Если почувствуешь тяжесть борьбы и увидишь, что тебе не справиться одному со злом, беги к духовному отцу своему и проси его приобщить тебя Святых Таин. Это великое и всесильное оружие в борьбе».

Для одного душевнобольного отец Иоанн рекомендовал как средство излечения пожить дома и почаще приобщаться Святых Таин.

Недостаточно одного покаяния для сохранения чистоты нашего сердца и укрепления нашего духа в благочестии и добродетелях. Господь сказал:

«Когда нечистый дух выйдет из человека, то ходит по безводным местам, ища покоя, и, не находя, говорит: возвращусь в дом мой, откуда вышел; и, придя, находит его выметенным и убраным; тогда идет и берет с собою семь

других духов, злейших себя, и, войдя, живут там, – и бывает для человека того последнее хуже первого» (Лк. 11, 24–26).

Итак, если покаяние очищает нас от скверны нашей души, то Причастие Тела и Крови Господних напояет нас благодатью и преграждает возвращение в нашу душу лукавого духа, изгнанного покаянием.

Поэтому, по обычаю Церкви, Таинства Покаяния (исповедь) и Причащения следуют непосредственно одно за другим. И прп. Серафим говорит, что возрождение души совершается через два Таинства: «через покаяние и совершенное очищение от всякой скверны греховной Пречистыми и Животворящими Тайнами Тела и Крови Христовых».

Вместе с тем как бы ни было для нас необходимо Причастие Тела и Крови Христовых, оно не может иметь места, если не предшествует ему покаяние.

Ап. Павел пишет:

«Кто будет есть Хлеб сей и пить Чашу Господню недостойно, виновен будет против Тела и Крови Господней. Да испытывает же себя человек и таким образом пусть ест он от Хлеба сего и пьет из Чаши сей. Ибо, кто ест и пьет недостойно, тот ест и пьет осуждение себе, не рассуждая о Теле Господнем. Оттого многие из вас немощны и больны и немало умирает» (1Кор. 11, 27–30).

Как мы видим из слов ап. Павла, Таинство Причащения будет действительно лишь при надлежащем приготовлении к нему, при предшествующей самопроверке и покаянии в грехах. И если последнего не было, то человек обрекается на немощь, болезни и даже смерть.

Что могло бы служить для нас показателем того, что мы подготовились к Таинству Причащения надлежащим образом?

Приводим мнение по этому поводу прп. Симеона Нового Богослова:

«Однажды, когда читались богодухновенные слова святого отца нашего Симеона Студийского: «Брат, никогда не причащайся без слез» – слушатели, слыша это, а их тут было много, не только мирян, но и монахов из известных и славных по добродетели, – удивились этому слову и,

посмотрев друг на друга, улыбаясь, сказали единодушно, как бы в один голос: «Стало быть, мы никогда не будем причащаться, но должны остаться все без Причастия». Услышав это, я, бедный и окаянный, вспоминая наедине о них самих, сказавших это, и о словах их, опечалился и горько плакал в болезни сердца моего, говоря в себе: «действительно ли они так думают об этой вещи и от души считают это невозможным и потому произнесли эти слова?» Скажите мне, добрейшие братья, почему это невозможно? «Потому что, – говорят, – одни склонны и расположены к умилению, а другие, имея жестокое и окаменелое сердце, не умиляются и тогда, когда их бьют. Будучи же таковыми, как они могут слезить и плакать и со слезами всегда причащаться?» «Но откуда – скажите, если знаете, – происходит самое то, что они жестокосердны, как вы говорите, и нелегко приводятся в умиление?» – «Отчего один бывает жестокосерд, а другой склонен к умилению?..” “Слушайте: от произволения: один – доброго, другой же – злого, и от помыслов: один – злых, другой же – не таковых, и от дел – один боголюбивых, другой – от противных. Самовластием произволения каждый делается или умилен и смирен, или жестокосерд и горд...»

Далее прп. Симеон разбирает черты жизни деятельной, полной трудов покаяния, что проходящие такую жизнь получают нежное, чувствительное сердце и умиление и у них слезы всегда будут сопровождать причащение.

Те же, кто проводит жизнь в самоуслаждении, ленивы, нерадивы, не каются и не смиряют себя, те постоянно остаются с черствым, жестоким сердцем и не будут знать, что такое слезы при причащении.

Как пишет архиеп. Арсений (Чудовской):

«Великое дело – принимать Святые Тайны, и велики от этого плоды: обновление нашего сердца Духом Святым, блаженное настроение духа. И сколь велико это дело, столь тщательной оно требует от нас и подготовки. А потому хочешь от Св. Причащения получать благодать Божию – старайся всемерно об исправлении своего сердца».

Однако здесь следует помнить и слова еп. Феофана Затворника:

«Действие Таинств не всегда отражается в чувстве, а действует и сокровенно».

Глава 29. Как часто надо причащаться Святых Таин?

Ты подверглась напасти, потому что уже пять недель не причащалась Святых Таин. Прп. Макарий Великий

В 4-м прошении молитвы Господней «Отче наш» мы просим о ежедневном даровании нам «хлеба насущного». По толкованию многих отцов Церкви, здесь следует, скорее всего, понимать не обычный хлеб и пищу, которые подает нам Бог в изобилии без нашего прошения (*Мф. 6, 31–32*). Так, св. Киприан пишет:

«Хлебом нашим мы называем Христа, потому что Он есть Хлеб тех, которые вкушают Тело Его... Хлеб же сей давать нам каждодневно просим мы, во храме пребывающие и Евхаристию каждодневно в снесь спасения приемлющие, в том смысле, чтобы не превзошло какое тяжкое прегрешение и нам не было воспрещено приобщаться сего Хлеба Небесного... Поэтому-то мы и просим каждодневно давать нам Хлеб наш, т. е. Христа, чтобы нам, пребывающим во Христе живущими, не отступать никогда от освящения Телом Его».

Святой Иоанн Кассиан Римлянин пишет так по этому же вопросу:

""Хлеб наш насущный даждь нам днесь». «Насущный», т. е. «над-сущный» – высший всех сущностей, каковым может быть только Хлеб, сшедший с небес. Когда говорится «днесь», показывается, что вчерашнее вкушение его недостаточно, если он также не будет преподан нам и ныне, – в убеждении нас таковою каждодневною нужностью его во всякое время изливать эту молитву, так как нет дня, в который бы не нужно было укреплять сердце внутреннего нашего человека принятием и вкушением этого Хлеба».

Вот еще несколько мнений святых отцов и учителей Церкви по этому вопросу.

Прп. Антоний Египетский убеждал часто приобщаться и говорил, что «инок-отшельник, насколько может, должен приступать ежедневно к Святым Тайнам из страха, как бы, удаляясь от Святой Трапезы, ему не Удалиться от Бога».

Авва Аполлос Египетский так учил своих учеников: «Монахи должны, если могут, приобщаться каждодневно Святых Таин, потому что, кто удаляется от Святых Таин, тот удаляется от Бога, а кто постоянно приобщается, тот всегда принимает в себя Спасителя...»

А вот мнение о том свт. Василия Великого:

«Добро есть и полезно приобщаться и принимать Тело Святое и Кровь Христову каждый день. Мы приобщаемся в неделю четыре раза: в воскресенье, в среду, в пятницу и субботу, а также и те дни, когда бывает память какого-либо святого».

Преподобный Нил Сорский последние десятки лет своей жизни ежедневно причащался Святых Таин и говорил, что причащение их «видимо поддерживает силы души и тела».

Так же думал и святитель Амвросий Медиоланский. В книге о Таинствах он пишет:

«Если многократно изливается Кровь, которая изливается во оставление грехов наших, то надо ее всегда принимать, чтобы отпустились мои грехи; и если я всегда грешу, то всегда потребно для меня и врачевство... Принимай всякий день то, что может исцелить тебя. Так живи, чтобы всегда быть тебе достойным этого (т. е. Причащения) принятия».

Также считали необходимым частое причащение Святых Таин Тертуллиан, св. Кирилл Иерусалимский, блаженный Августин, Максим Исповедник.

Современный нам епископ Феофан Затворник также благословлял одного из духовных детей каждый день причащаться из запасных Святых Даров.

В жизнеописании прп. Макария Великого имеются слова его одной женщине, жестоко пострадавшей от наговора чародея:

«Ты подверглась напасти, потому что уже пять недель не причащалась Святых Таин».

Пастырь о. Иоанн С. указывал на забытое апостольское правило – отлучать от Церкви тех, кто три недели не был у Святого Причастия.

Прп. Серафим Саровский заповедывал дивеевским сестрам:

«Неопустительно исповедоваться и причащаться во все посты и, кроме того, двенадцатые и большие праздники: чем чаще, тем лучше – не мучая себя мыслью, что недостойна, и не следует пропускать случая как можно чаще пользоваться благодатью, даруемой причащением Святых Христовых Таин. Благодать, даруемая причащением, так велика, что, как бы недостойна и как бы грешна ни был человек, но лишь бы в смиренном только сознании великой греховности своей приступит к Господу, искупающему всех нас, хотя бы от головы до ног покрытых язвами грехов, то будет очищаться благодатию Христовой, все более и более светлеет, совсем просветлеет и спасется».

Разумеется, очень хорошо причащаться и в дни своих именин и рождения, а супругам – в день их бракосочетания.

О. Алексей Зосимовский рекомендовал своим духовным детям принимать Причастие также и в памятные дни по умершим их близким – в дни их кончины и именин: это соединяет с покойниками души живущих.

При желании же причащаться еще чаще (может быть, даже каждый день) нужно следовать такому указанию прп. Симеона Нового Богослова: «Кто не открывает каждодневно тайн сердца своего, кто в них и в соделанном по неведению не приносит должного покаяния, кто не ходит, плача и сетуя всегда, и прежде сказанного со тщанием не проходит, тот подлинно недостойн (ежедневного причащения). А кто все это делает и в воздыханиях и в слезах совершает течение жизни своей, тот и весьма достоин быть причастником Божественных Таин, и не только в праздник, но и каждодневно и даже – хотя и дерзновенно скажу – с самого начала покаяния и обращения своего».

Как пишет архиеп. Арсений (Чудовской):

«Постоянное причащение должно быть идеалом всех христиан. Но враг рода человеческого сразу понял, какую силу Даровал нам Господь в Святых Таинах. И он начал Дело отклонения христиан от Св. Причащения. Из истории христианства мы знаем, что сначала христиане причащались ежедневно, затем 4 раза в неделю, далее по воскресеньям и праздникам, а там – во все посты, т. е. 4 раза в год, наконец, едва-едва раз в год, а иные и того реже».

«Христианин всегда должен быть готов и к смерти, и к причащению», – говорил один из духовных отцов.

Итак, от нас зависит частое участие в Тайной вечере Христовой и принятие на ней великой благодати Таин Тела и Крови Христовых.

И если сердце всецело живет Богом – и в делах, и в словах и мыслях, если христианин плачет в душе о всяком грехе своем и имеет целью своей жизни богоугождение и стяжание Духа Святого Божия, то нет препятствий у него для ежедневного причащения Святых Таин, как это делали христиане первых веков и как пишет об этом Симеон Новый Богослов.

Одна из духовных дочерей старца о. Алексия М. как-то сказала ему: «Иногда жаждешь душой соединиться с Господом через причащение, а мысль, что причащалась недавно, – удерживает».

«Это значит – Господь касается сердца, – ответил ей старец, – так что тут уж все эти холодные рассуждения ненужны и неуместны – я вас причащаю часто, я исхожу из того, чтобы вас приобщить ко Господу, чтобы вы почувствовали, как это хорошо – пребывать со Христом».

О. Валентин Свенцицкий пишет:

«Без частого причащения невозможна духовная жизнь в миру. Ведь тело твое иссыхает и делается бессильным, когда ты не даешь ему пищи. И душа требует своей небесной пищи. Иначе и она иссохнет и обессилит. Без причащения заглухнет духовный огонь в тебе. Завалит его мирской хлам. Чтобы освободиться от этого хлама, и нужен огонь, пополающий тернии наших прегрешений. Жизнь духовная – не

отвлеченное богословие, а действительная и самая несомненная жизнь во Христе. Но как она может начаться, если ты не примешь в этом страшном и великом Таинстве полноты Духа Христова? Как, не приняв Плоти и Крови Христовых, будешь в Нем? И здесь, как в покаянии, не оставит тебя враг без нападений. И здесь он будет строить тебе всякие козни. Он воздвигнет множество и внешних и внутренних преград. То будет тебе некогда, то почувствуешь себя нездоровым, то захочется отложить ненадолго, «чтобы лучше подготовиться». Не слушай. Иди, исповедуйся. Причащайся. Ведь не знаешь ты, когда призовет тебя Господь».

Пусть же каждая душа чутко прислушивается в своем сердце и боится прослушать стук в его двери руки Высокого Гостя; пусть боится она того, что ее слух огрубеет от мирской суеты и не сможет слышать тихих и нежных призывов, идущих из Царства Света.

Пусть боится душа подменить переживания небесной радости единения с Господом мутными развлечениями мира или низменными утешениями телесной природы.

А когда она в силах оторваться от мира и всего чувственного, когда затоскует о свете горнего мира и потянется к Господу, пусть дерзает единения с Ним в великом Таинстве, одевая себя при этом в духовные одежды искреннего покаяния, и глубочайшего смирения, и неизменной полноты нищеты духовной.

Пусть также не смущается душа от того, что она, при всем своем покаянии, все же недостойна причащения.

Про это так говорит старец о. Алексей М.:

«Причащайтесь чаще и не говорите, что недостойны. Если ты так будешь говорить, то никогда не будешь причащаться, потому что никогда не будешь достоин. Вы думаете, что на земле есть хотя бы один человек, достойный причащения Святых Таин? Никто этого не достоин, а если мы все-таки причащаемся, то лишь по особому милосердию Божию. Не мы созданы для причастия, а причастие для нас. Именно мы, грешные, недостойные,

слабые, более чем кто-либо нуждаемся в этом спасительном источнике».

А вот что говорит про частое причащение Святых Таин известный московский пастырь о. Валентин Амфитеатров:

«Нужно каждый день быть готовым к причащению, как к смерти... Кто часто причащается – это мои друзья. Древние христиане каждый день причащались. Надо к Святой Чаше подходить и думать, что недостойна, и со смирением взывать: все – тут, в Тебе, Господи: и мать, и отец, и муж – все Ты, Господи, и радость и утешение».

Итак, как Сам Господь, так и св. отцы и старцы зовут нас к причащению каждый день.

Почему же мы не делаем этого и почему не получаем на это благословение наших духовных отцов?

Только по «жестокосердию» и нерадению нашему, потому что при нашей греховной жизни и отсутствии постоянного покаяния и трезвения мы стали бы принимать Тело и Кровь Господни недостойно.

В основе решения вопроса о том, как часто нам надобно причащаться, лежит степень подготовленности души, ее ревность, ее любовь к Господу, ее сила покаяния. При наличии духовного отца – им устанавливаются и сроки причащения.

«Приимите, ядите: сие есть Тело Мое, еже за вы ломимое во оставление грехов. Пийте от нея вси: сия есть Кровь Моя, Новаго Завета, яже за вы и за многия изливаемая во оставление грехов», – такой призыв Господа раздается к нам каждый день на Божественной литургии.

«Но как не похожи наши богослужения – литургии, – пишет о. Александр Ельчанинов, – с тщетно выносимой Св. Чашей и упорным отказом «приступить» – на богослужебные собрания апостольского века и периода мученичества».

И если мы не идем на этот зов Христа – на Его Тайную вечерю, не идем на «брачный пир», на котором для нас каждый день закаляется Невинный Агнец – Сам Господь Иисус Христос, то да осуждаем себя, как рабов, которые пренебрегли этим зовом и этим пиром и пошли «кто на поле свое, а кто на торговлю свою» (Мф. 22, 2–5).

Глава 30. Обычаи Церкви для дня Причащения Святых Таин

Те, кто готовится к причастию, накануне не должны, по обычаю Церкви, есть мяса. Если позволяет здоровье, то не надо и ужинать. К вечерним молитвам добавляется (из молитвенника) «Правило ко Святому Причащению». Размер его определяется духовным отцом и зависит от состояния здоровья. Надо при этом учитывать и нижеследующие указания о. Иоанна С:

«Некоторые поставляют все свое благополучие и исправность перед Богом в вычитывании всех положенных молитв, не обращая внимания на готовность сердца для Бога – на внутреннее исправление свое, например, многие так вычитывают правило к причащению. Между тем здесь прежде всего надо смотреть на исправление и готовность сердца к принятию Святых Таин. Если сердце право стало во утробе твоей, по милости Божией, если оно готово встретить Жениха, то и слава Богу, хотя и не успел ты вычитать всех молитв. «Царство Божие не в слове, а в силе» (1Кор. 4, 20). Хорошо послушание во всем Матери-Церкви, но с благоразумием и, если возможно, «могий вместити» продолжительную молитву «да вместит». Но «не вси вмещают словесе сего» (Мф. 19, 11); если же продолжительная молитва несовместима с горячностью духа, лучше сотворить краткую, но горячую молитву. Припомни, что одно слово мытаря, от горячего сердца сказанное, оправдало его. Бог смотрит не на множество слов, а на расположение сердца. Главное дело – живая вера сердца и теплота раскаяния во грехах».

По обычаю Церкви при выносе Святых Даров все причастники делают земной поклон. Земной поклон повторяется, когда священник закончит читать предпричастную молитву.

Подходя к Св. Чаше, не надо креститься, а иметь руки крестообразно сложенные на груди (боясь задеть Св. Чашу или лжицу).

День причащения – это особый день христианской души, когда она особым таинственным образом соединяется со Христом.

Как говорит прп. Никодим Святогорец:

«Истинные причастники всегда бывают вслед за причащением в осязательно благодатном состоянии. Сердце вкушает тогда Господа духовно. Но как мы и телом стеснены, и внешними делами и отношениями окружены, в которых по долгу должны принимать участие, то духовное вкушение Господа, по раздвоению нашего внимания и чувства, день ото дня ослабляется, заслоняется и скрывается... Поэтому ревнители, ощутив оскудение его, спешат восстановить его в силе и, когда восстановят, чувствуют, что как бы снова вкушают Господа».

Как для приема наиболее почетных гостей весь дом чистится и приводится в порядок и все обычные дела оставляются, так и день причащения следует проводить как великие праздники, посвящая их, насколько возможно, уединению, молитве, сосредоточенности и духовному чтению.

Об этом дне о. Валентин Амфитеатров давал также такие указания своим духовным детям:

«В день причащения надо есть умеренно, не есть мяса, говорить больше о Господе, а о житейском не говорить, это грешно; отнюдь не следует мыслить и чувствовать чего-либо худого».

Старец о. Алексей Зосимовский указывает, кроме того, на необходимость особенно оберегать себя первые два часа после причащения: в это время враг человеческий всячески старается, чтобы человек оскорбил святыню и она перестала бы освящать человека. Она может оскорбляться и зрением, и неосторожным словом, и слухом, и многословием, и осуждением.

Он рекомендует в день причащения больше молчать.

Святой преподобный Нил Сорский после причащения Святых Таин имел обыкновение некоторое время проводить в глубоком молчании и сосредоточении в самом себе и другим советовал то же, говоря, что «нужно дать в тишине и молчании

удобство Святым Таинам воздействовать спасительно и целебно на душу, болящую грехами».

Как советует старец Аристоклий: «В день причастия в гости отнюдь никуда не ходить – читать Евангелие».

Есть обычай, что причастившиеся не целуют в этот день икон или руку священника и не делают земных поклонов.

Однако следует заметить, что невыполнение таких обычаев, как не делать земных поклонов в определенные дни и не целовать руку священника, не является грехом.

Во время Пятидесятницы по уставу не полагается делать земных поклонов. Однако старец о. Алексей М. так говорил про свое переживание в это время:

«Иногда чувствуешь, что и на икону-то, на лик Господа смотреть недостойн – как тут не положить поклона? Я вот, например, не могу не поклониться до земли, когда поют: «Поклонимся Отцу и Сыну и Святому Духу»».

Глава 31. Духовный режим жизни

Раздавать им в свое время меру хлеба. Лк. 12, 42

Всем известно, что продуманный, правильный, медицински обоснованный и строгий режим жизни благоприятно влияет на здоровье тела человека, на его трудоспособность и долголетие.

Совершенно аналогично благоприятно влияет на душу и на самочувствие христианина тщательно продуманный, правильный, обоснованный на опыте Церкви духовный режим.

Счастлив тот христианин, который постоянно будет заботиться о своей душе и выработает для себя духовный режим, соответствующий его положению в обществе, духовному возрасту, здоровью и обстановке жизни.

Конечно, для каждого христианина в миру у этого режима будут свои особенности. Однако общие положения остаются для всех одинаковы в соответствии с изложенными выше основами христианской жизни.

Христианин задохнется духовно, если не приучит себя к постоянной непрестанной молитве в тех ее формах, какие были описаны выше.

Вряд ли можно расти духовно, не питая себя регулярно истиной из книг Священного Писания, творений св. отцов Церкви и духовной литературы. Их могло бы заменить постоянное руководство духовно просвещенных пастырей или старцев – но как трудно их найти в настоящее время и как малодоступны они стали!

Мы все призваны на брачный пир Агнца Божия (Мф. 22, 2), но горе нам, если на нас не будет «брачных одежд» – чистоты души (Мф. 22, 12).

Чистота же одежд душевных сохраняется лишь при внимательности к жизни своей, немедленном покаянии перед Господом при каждом замеченном грехе и прегрешении и последующем открытии их перед священником в Таинстве исповеди («новом крещении»).

Все мы так слабы и немощны духовно, а враг наш – темные силы – так силен. И как часто он владеет нами. Но у нас есть верное и испытанное оружие против него, на которое указал нам Господь: «Сей же род изгоняется только молитвою и постом» (Мф. 17, 21).

Можем ли мы поэтому пренебрегать постом и не приобщаться к нему (каждый в своей мере), следуя за многовековым опытом Церкви?

Наконец – как можем мы сознать себя духовно живыми (а не мертвыми во грехе), если не будем укреплять себя достаточно часто через Таинство Евхаристии, по заповеди Господней: «Истинно, истинно говорю вам: если не будете есть Плоти Сына Человеческого и пить Крови Его, то не будете иметь в себе жизни» (Ин. 6, 53).

Повторяем – на этот «брачный пир Агнца Божия» (Мф. 22, 2) Святая Церковь призывает нас каждый день за литургией: «Приимите, ядите». Вспомним, как строго осудил Господь отказавшихся от этого пира и, «разгневавшись», послал собирать на него «нищих, увечных, хромых и слепых» (Лк. 14, 21).

«Время уже коротко», – пишет ап. Павел (1Кор 7, 29), и не знаем, сколько его нам еще отпущено по Промыслу Божию – годы, месяцы, а может быть, только уже один день или час.

Поэтому этим временем надо дорожить как величайшей драгоценностью, так как «приобретение талантов» заканчивается полностью со смертью тела.

Поэтому нам совершенно необходимо ограничивать трату этого времени для всех дел, не полезных для спасения души и не необходимых для вечной жизни. Сюда будут относиться все развлечения, светские занимательные книги, праздное проведение времени в гостях и т. п.

Будем же бояться нерадения, духовной праздности, упущения возможностей для «собираания талантов», пренебрежения питанием души и не будем откладывать тех духовных дел «на завтра», которые мы сможем выполнить сегодня.

Будем помнить, что сам человек – кузнец своего счастья и что нет у человека большего врага, чем он сам себе, при его лени и нерадении.

«Жизнь и смерть предложил Я тебе, благословение и проклятие. Избери жизнь» (*Втор. 30, 19*).

Как пишет архиеп. Арсений (Чудовской):

«Духовное, высокое доброе устройство требует, чтобы его поддерживать, иначе оно может быстро понижаться. Как струны в инструменте постоянно надо подтягивать, так и устройство духовное, чтобы его иметь ровным, высоким, обращенным ко Господу, нужно непрерывно подогревать молитвою, трудом, воздержанием, самоукорением, частою исповедью и причащением Святых Таин. Без этого наше настроение скоро переходит в плотяное, нечистое.

Приложение к главе 31-й

(Из дневника о. Александра Ельчанинова)

Руководство духовного отца, постоянная с ним связь. Частое прибегание к Таинствам, тщательное к ним приготовление, посещение богослужений, домашняя молитва, ежедневное чтение Евангелия, чтение книг духовного содержания, соблюдение церковного года, дружба и общение с людьми верующими и церковными...

Природа, или вернее Бог Промыслитель, каждому возрасту диктует свой религиозный режим. С наступлением старости

уменьшаются возможности телесные и улучшаются условия нерассеянной внутренней жизни, уменьшается подвижность – больше времени для молитвы. Притупляются органы внешних чувств – меньше рассеяния и больше времени к своему внутреннему миру. Меньше способность переваривать тяжелую утучняющую пищу – естественное расположение к посту, вынужденное целомудрие. Блажен тот, кто поймет эти знаки и сам пойдет навстречу Промыслу Божию о нас и постепенно заменит в своей жизненной постройке материалы тленные – несгораемыми и неразрушаемыми материалами (для вечности).

Как и телесные болезни, у каждого из нас есть свои, ему свойственные особенности, душевные немощи – и для каждого кроме общего для всех «духовного режима» должна быть своя особенная борьба, обращенная против именно ему свойственных грехов и пороков.

Часть пятая. Взаимоотношения с миром

Сущность и значение Церкви

Глава 1. Воинствующая Церковь

Тело Его, которое есть Церковь. Кол. 1, 24

Чтобы... ты знал, как должно поступать в доме Божием, который есть Церковь Бога живаго, столп и утверждение истины. 1Тим 3, 15

Кому Церковь не мать, тому Бог не Отец. Народная мудрость

Церковь не в бревнах, а в ребрах. Арх. Иннокентий Херсонский

Как бы буря ни шумела,
Ни глумилась над тобой,
Прямодушно, твердо, смело
Верен Церкви будь Святой.
В мутных волнах – быстротечность.
Злая смерть на дне пучин.
Только в Церкви светит вечность
И Христос всегда Один.

А. С.

Как бы буря ни шумела,
Ни глумилась над тобой,
Прямодушно, твердо, смело
Верен Церкви будь Святой.
В мутных волнах – быстротечность.
Злая смерть на дне пучин.
Только в Церкви светит вечность
И Христос всегда Один.

Рыба не может жить без воды, животное – без воздуха, растение – без почвы. Также христианин не может оставаться духовно живым вне Церкви. Но что такое Церковь?

Ап. Павел называет ее «Телом Христовым, полнотой Наполняющего все во всем», а также «домом Божиим», т. е. вместилищем Духа Божия(Еф. 1, 23; 1Тим. 3, 15). А о. Валентин Свенцицкий дает ей такое определение:

«Церковь – это благодатное, сверхъестественное, на основе Голгофской жертвы Самим Богом установленное на земле единство свыше рожденных людей, составляющих таинственное Тело Христова, напоенное Духом Святым и имеющее главою своею Самого Господа Иисуса Христа».

А вот определение Церкви, данное С. Ф.:

«Церковь – это продолжение в истории воплощения Иисуса Христа, Его дела на земле по преобразению человека, по озарению его небесным светом, это святыня Божия в людях. Бога можно принять абстрактно, в плане отвлеченного и ни к чему, в общем, не обязывающего деизма, но Церковь абстрактно и при этом искренно принять нельзя. Ее надо реально найти на земле, ее надо ощутить, как ощущают живое тело. Ее надо увидеть в людях... Надо найти людей, которые были бы «малою Церковью»... Люди, которых хоть в малой степени, но совершенно реально коснулось преобразование души, это повторение Христовой святости, – доказывают существование Церкви».

Как говорит старец Силуан:

«Великая разница между самым простым человеком, познавшим Бога Духом Святым, и человеком, хотя бы и очень великим, но не познавшим благодати Святого Духа».

Поэтому надо различать видимую, как бы официальную Церковь, в которой объединяются все называющие себя христианами, и истинную, мистическую Церковь, в которую включаются Богом лишь живые, духоносные члены Церкви (очевидно, всех степеней осияния Духом Святым, начиная от только что возрожденных в Духе – «младенцев во Христе»).

Ап. Павел в своем определении указал и основные назначения Церкви. Она есть «столп», т. е. опора, среда для христиан, и она есть «утверждение истины», т. е. она обладает критерием для истины и является ее хранительницей.

Итак, христианин не может жить вне Церкви, или, как говорят св. отцы, «без Церкви нет спасения».

Эта истина часто не понимается или даже не признается многими из тех, кто считает себя верующими и христианами. «Бог (или Христос) в моем сердце – вот все, что мне нужно», –

говорят некоторые из числа верующих и не считают нужным для себя ни участие в Таинствах Церкви, ни посещения храмов. Такие фактически находятся вне Церкви.

В Церкви – тот, кто всей душой, всем сердцем живет в ней и через нее, через многие ее источники получает дары Божьей благодати. Здесь опасно пользоваться одним из того, что дает Церковь, и отвергать и пренебрегать другим.

Это будет то же, что питать организм не всеми теми составляющими пищи, которые необходимы для его жизни и роста (белки, жиры, углеводы, соли, целый ряд витаминов).

Если исключить из питания какие-либо необходимые для организма вещества, то организм захиреет, заболит, а может быть, и умрет (как, например, от цинги без витамина С).

Так же и в духовной жизни. Церковь так устроена Господом, что дает все необходимое для спасения души и достижения Царства Небесного. Нельзя пренебрегать ни одним из видов благодати, даруемой через Церковь.

Вот важнейшие из них.

Только в Церкви мы приобщаемся к животворящим Таинствам – крещения (зорождение духа), покаяния-исповеди (очищение души), Святого Причастия (жизни в Господе) и другим.

Только в Церкви мы находим себе духовных руководителей – старцев, духовных отцов, наставников и учителей, без которых христианин неизбежно обречен на самоволие, самочиние, самообольщение, иногда впадает в «прелесть» и находится в состоянии духовного невежества. Через преемников апостолов – епископов – Господь дает пастырям Церкви в Таинстве священства великую благодать совершать Таинства, поучать, наставлять, вразумлять, утешать и дерзновенно молиться за порученных им духовных овец Его стада – христиан.

Как пишет старец Силуан:

«Пастыри Церкви носят в себе столь великую благодать, что если бы люди могли видеть славу этой благодати, то весь мир удивился бы ей, но Господь скрыл ее, чтобы служители Его не возгордились, но спаслись во смирении».

Духовные отцы продолжают руководить своими духовными детьми даже и после смерти тела, являясь им наяву и во сне (см., например, об этом «Откровенные рассказы странника», ч. 1, и воспоминания о старце Захарии из Троице-Сергиевой Лавры).

Только в духовной литературе Церкви христианин находит полноту и глубину понимания Священного Писания. Без руководства Церкви (св. отцов) невозможно достигнуть правильного постижения основ вероучения – догматики, христианской этики и непрелестной мистики.

Здесь, в Церкви, собран весь многовековой мировой опыт тех, кто шел за Христом и был за свои подвиги ради Христа одарен различными дарами Духа Святого.

Как пишет схииеримандрит Софроний:

«Ведение пути к вечной Божественной жизни всегда было в Церкви, и действием Духа Святого передается оно через толщу веков из поколения в поколение».

«Отсюда, – как пишет А. С. Хомяков, – только Церкви святой и бессмертной, живому ковчегу Духа Божия, носящему в себе Христа, своего Спасителя и Владыку, только ей одной, связанной с Ним внутренним и тесным единением, которого ни мысль человеческая не в силах постигнуть, ни слово человеческое не в силах выразить, дано право и дана власть созерцать небесное величие и проникать в его тайны...

Почему отвергнуты в Православной Церкви еретические соборы, не представлявшие никаких наружных отличий от Соборов Вселенских?

Потому единственно, что их решения не были признаны за голос Церкви всем церковным народом, тем народом и в той среде, где в вопросах веры нет различия между учеными и невеждою, церковником и мирянином, мужчиною и женщиной, государем и подданным, рабовладельцем и рабом; где, когда это нужно по усмотрению Божию, отрок получает дар видения, младенцу дается слово премудрости, ересь ученого епископа опровергается безграмотным пастухом, дабы все были едины в свободном единстве живой веры, которое есть проявление Духа

Божия. Таков догмат, лежащий в глубине идеи церковного Собора».

Одно из назначений человека на земле – славить и прославлять Бога, своего Небесного Отца. Это прославление выражается в наиболее величественных формах богослужения Церкви. Поэтому тот христианин, который не хочет принимать в них участия, теряет очень много.

В Церкви мы находим полноту и взаимного молитвенного общения, и взаимной молитвенной опоры. Здесь все молятся за каждого и каждый должен молиться за всех. Это дает полноту молитвенного ограждения и необычайную силу молитвам.

Как пишет прп. Варсонофий Великий:

«Великая сила восходит из места, где произносятся Богу за всех вас молитвы истинных рабов Божиих».

Поэтому, если нужна для христианина его личная отдельная молитва, то еще в большей степени важно его участие в общей церковной молитве.

Господь сказал: «Если двое из вас согласятся на земле просить о всяком деле, то, чего бы ни попросили, будет им от Отца Моего Небесного, ибо, где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них» (*Мф. 18, 19*). Как мы знаем из Деяний апостольских, сила общей церковной молитвы первой Иерусалимской Церкви была такова, что, «по молитве их, поколебалось место, где они были собраны, и исполнились все Духа Святаго» (*Деян. 4, 31*).

И когда была большая нужда или несчастье, Церковь всегда прибегала к общей церковной молитве как особо действенной. Так, например, во времена патриарха Прокла силою общей церковной молитвы – пением «Святой Боже, Святой Крепкий...» – было предотвращено бедствие, грозившее Константинополю.

Особенно важна для нас молитва духовных христиан, угодивших Богу. Ап. Иаков пишет: «Много может усиленная молитва праведного» (*Иак. 5, 16*). Впрочем, это не исключает, конечно, необходимости и личной молитвы христианина, которая как бы усиливается во много раз, если за него одновременно молится и праведник. Участвуя в церковном

богослужении, мы приобщаемся через него к годовому богослужебному кругу, заключающему в себе переживание всех важнейших событий из жизни Христа и Вселенской Церкви.

Прежде всего это относится к совершению Божественной литургии, таинственно приобщающей нас к величайшему Таинству пресуществления хлеба и вина в Божественное Тело и Кровь Христову.

Все присутствующие на литургии объединяются с апостолами, когда на великой Тайной вечере впервые ученики Христа вкусили Животворящее Тело и Кровь Господню.

Св. Иоанн Златоуст называет литургию «чудным и великим даром», а блаженный Августин восклицает, обращаясь к Господу: «Твою любовь Ты исчерпал до конца в Божественной литургии».

Как пишет еп. Серафим (Звездинский):

«При литургии с трепетом предстоят пред святым престолом сонмы ангелов, закрывая лица свои, и в славословии прославляют великую Тайну, совершающуюся здесь... Через литургию освящаются не только присутствующие на ней, но и все окрестности и вся природа».

В церковных богослужениях имеет место и воспоминание святых торжествующей Церкви, и воспроизведение накопленной веками сокровищницы молитвословий.

Старец Зосима из Троице-Сергиевой Лавры так говорил о церковном богослужении: «Красота христианского богослужения и глубина – выше ангельской, это связь земли с небом. Это хор ангелов и людей, стремящихся к соединению своих сердец с Богом и воли своей с волей Божией».

Через Церковь, ее молитвы и ее Таинства благодать Господня просвещает каждого христианина и освящает и его, и всю его жизнь, и все, с чем он соприкасается в жизни. Как пишет иеромонах Киприан («Крины молитвенные»):

«От рождения человека... и до последнего погребального напутствия вся жизнь, со всеми «мелочами» и заботами, освящена молитвой; соприкосновение человека с природой всегда благословлено Церковью. На Преображение

благословляются гроздие и начатки овощей; в пасхальную ночь по всей Руси церковные дворы уставлены горящими свечками и совершается благословение мяса, яиц, сыра и «огустевшего молока». Читаются молитвы над солью, над гумном, над сеянием. Освящаются рыбацкие мрежи, освящается новый колодезь, новый дом, молитвой очищается вода, вино, елей в случае их осквернения. На день Св. Богоявления освящается вещество водное. На каждой праздничной вечерне совершается торжественное освящение хлебов... Испрашивается у Господа умножение плодородия, благословение земных плодов... И Сам Господь Спаситель, призываемый в молитве, невидимо Своей десницей благословляет с высоты алтарной апсиды предложенные плоды, как некогда благословил хлеб среди тысяч голодных людей в пустынных местах на зеленеющей траве Галилеу».

Как пишет о. Павел Флоренский:

«В Церкви все – чудо: и Таинство – чудо, и водосвятный молебен – чудо, и каждая икона – чудо, и каждое песнопение не что иное, как чудо. Да, все чудо в Церкви, ибо все, что ни есть в ее жизни, – благодатно, а благодать Божия и есть то единственное, что достойно имени чуда».

Христианин изнемог бы от постоянного покаяния и поста. Также ему бесполезна (пока он еще в теле – на земле) постоянная радость. Святая Церковь своим богослужебным кругом учит нас распределять наше время между периодами и днями покаяния (поста) и периодами и днями духовного веселия и радости – праздниками.

Она дает нам исключительные по глубине и красоте образцы покаянных молитвословий («Се Жених грядет в полунощи...», «Чертог Твой вижу, Спасе мой...»). Она вводит нас еще на земле в радости Небесного Царства в своих песнопениях Пасхи и других праздников.

Через богослужение мы еще здесь, на земле, входим в тот круг интересов и событий, которыми всецело и ничем не отвлекаясь будем жить после смерти тела. Здесь мы как бы приучаемся дышать тем воздухом, которым будем дышать там.

Церковь является вместе с тем хранилищем Предания, соблюдать которое также необходимо христианину, по заповеди апостольской: «Стойте и держите предания» (2Фес. 2, 15). И вне Предания не может быть правильного понимания истины.

Огонь загорается от другого огня; так правильность в постижении истины передается от каждого живого (Духом) члена Церкви к его преемникам через личный пример и личное общение.

По существу, мы, вероятно, более учимся истине и пониманию Святого Писания не из текста последнего, а из примера жизни тех, кто в своем лице воплотил истину в жизни. Без такой живой проповеди и свидетельства сердцу человеческому трудно (а может быть, и нельзя) постичь истину.

Как пишет Н.:

«Церковное христианство образует такое совершенное содружество, в котором пример духовно преуспевающего брата так озаряет жизнь других, как благоговением проникнутая книга. Прежде чем возрастет и окрепнет собственный духовный опыт и станет ясной прямая дорога к Богу, начинающий сознавать себя христианином живет чужим дружеским опытом, рассуждая про себя так: «Я без всякого сомнения знаю, что это – чистейшей души искреннейший и праведнейший человек и ему открыто действие благодати Божией, истина веры, сила Таинств». И вот первоначально духовная жизнь одному человеку открывается через другого».

«Вы – свет мира» (Мф. 5, 14), – говорил Господь Своим ученикам и, очевидно, через них всем их преемникам. Апостол Павел добавляет к этому, что Христос – «благоухание познания о Себе распространяет нами во всяком месте» (2Кор. 2, 14).

Вот почему также вне Церкви не может быть глубокого и правильного постижения Священного Писания и пути ко Христу.

Как пишет В. С. Соловьев:

«Вселенская истина, навеки данная Церкви, а во времени постоянно определяемая для всех через авторитет духовной власти, – нравственно обязательна для всякого отдельного ума. Добровольно подчиняясь Вселенской Церкви, отдельный

человек восполняет и исцеляет свою ограниченность полнотой и целостью воплощенного богочеловечества».

Наряду с Преданием апостолы велят соблюдать нам и все церковные правила и обычаи. Ап. Павел пишет: «А если бы кто захотел спорить, то мы не имеем такого обычая, ни церкви Божии» (*1Кор. 11, 16*). Поэтому христианин должен соблюдать и все постановления и обряды Церкви. В Церкви мы находим во всей полноте возможность развития христианской деятельности и прежде всего исполнения заповеди взаимной любви и взаимного служения.

Ап. Павел пишет также: «Мы члены друг другу» (*Еф. 4, 25*), – и поэтому наша обязанность – «заботиться друг о друге» (*1Кор. 12, 25*) и жить той общей жизнью, когда «страдает ли один член, страдают с ним все члены» (*1Кор. 12, 26*).

Церковь, по указанию Самого Господа, является вместе с тем и верховным судьей во всех недоразумениях христиан между собою. Господь говорит, что в том случае, если брат не слушает «двух или трех свидетелей», то «скажи Церкви» (*Мф. 18, 15–17*).

Наконец, только в составе Церкви находятся те очистившие себя покаянием праведники, молитвами которых держится и существует мир и отвращается зло. Вот как пишет про это схииерхимандрит Софроний:

«Дерзновенные молитвенники за мир этой своей именно дерзновенной молитвой должны сначала очистить свою душу, побеждая и преодолевая зло в самих себе. Каждая такая победа наносит великое поражение космическому злу, так что результат этой победы благотворно отражается на судьбах всего сотворенного. Силы космического зла, побеждаемые даже в отдельных человеческих ипостасях, терпят величайшее поражение. Мир стоит молитвой праведников, ибо этой молитве их научает и дает ее им Сам Вседержитель. Здесь – в молитве за мир, за всех людей, – и находит свое крайнее выражение исполняющая души праведников Божественная любовь».

О необходимости восприятия христианином всей полноты церковной жизни так пишет о. Александр Ельчанинов:

«Большинство неразрешимых жизненных противоречий, несчастий, внутренних затруднений, о которых слышишь на исповеди, происходит оттого, что люди живут вне Церкви, а искать разрешений своих трудностей приходят в Церковь. Ни решимости переменить свою жизнь, ни даже мысли нет у них об этом; поэтому Церковь и бессильна им помочь. Войдите в Церковь, примите весь чин церковной жизни – и тогда трудности разрешатся сами собой».

Приложения к главе 1-й

Глубокую характеристику значения Церкви для христианина дает о. Валентин Свенцицкий в своем труде «Диалоги» в главе «О Церкви». Ниже приводится выдержка оттуда.

«Ощущать Церковь – это значит испытывать то блаженство, которое открыто нам в обетовании, но которое начинается здесь.

И как бы ни страшило тебя сознание содеянных тобой прегрешений, как бы ни была преступна и грязна твоя жизнь, каким бы окаянным ни сознавал ты себя перед Богом, сознание, что и ты причащаешься Единого Хлеба, что и ты своей верой, покаянием, молитвой, каждою живою частью своего сердца и неугасшей искрой своей совести, каждым незаглохшим в тебе добрым движением души – по величайшему к тебе милосердию Божию составляешь частицу таинственного светлого Тела Христова, – наполняет тебя всегда чувством благоговейного восторга и радостного умиления.

В тебе всегда, где-то в самой глубине сердца трепетно ощущается чувство надежды, что и тебя простил за все Господь и дает тебе быть хотя бы последнею частицей прославленной Церкви. Какие бы скорби ни посещали тебя, – ты всегда чувствуешь себя победителем, ибо ты всегда переживаешь ту победу и славу Церкви Христовой, которая обещана и как бы видится очами веры.

В мире ты не одинокий странник. Ты всегда ощущаешь ту полноту любви, которая тебя объемлет, соединяет с собой и не дает тебе оторваться и окончательно упасть в окружающий смрад мирской жизни. Ты дерзаешь молиться о всем мире, а не только о себе, потому что ты молишься в Церкви и ты не

столько просишь, сколько славословишь Господа, потому что твои личные нужды кажутся тебе ничтожными перед этой радостью и общим торжеством.

По-иному видишь ты и самый вещественный мир, ибо и его нетленная основа, как новое небо, новая земля, Объемлется Святой Церковью.

Чувствовать Церковь – значит чувствовать полноту жизни, покой от созерцания истины, радость от надежды спасения и постоянное все освящающее, все очищающее действие Божественной любви. Войди в Церковь с открытым сердцем и, если Господу угодно, все это будет тебе дано.

Сделаться верующим человеком и остаться вне Церкви – это все равно, что испытать жажду, видеть перед собой прозрачный сосуд с чистой водой и не захотеть поднять руку, чтобы взять его и поднести к своим губам».

Митрополит Вениамин (Федченков)

И еще есть одно следствие при участии христианина в полноте церковной жизни: это сохранение твердой и действенной веры христианской.

Будучи еще семинаристом, митрополит Вениамин (Федченков) спросил о. Иоанна Сергиева: «Батюшка, скажите, пожалуйста, откуда у вас такая пламенная вера?»

Несколько помолчав, великий старец ответил твердо и уверенно: «Я жил в Церкви».

На дальнейший вопрос семинариста о. Иоанн так пояснил свой ответ: «Я служил литургии, молился в храме, любил читать в Церкви каноны святым и богослужебные Минеи».

И он читал их с великим дерзновением и часто со слезами.

Тот же митрополит Вениамин свидетельствовал о себе, что, несмотря на окружавшие их, семинаристов, соблазны от атеистов, они сохранили веру, и объяснял это так:

«Я был в Церкви, я ходил к обедне, я отстаивал службы, и это какими-то дивными путями держало в нас веру... Какими? Мы никогда не задумывались над этим... А между тем именно это самое «хождение» крепче всего питало нас...

И совершенно потому верно и глубоко устанавливалась вера в Церковь. Она есть наша Мать Духовная... Не родители,

не школа, не проповеди, даже не божественные книги учили нас, а именно Церковь Божия – Мать наша, всем своим премудрым строем и бытом.

Сюда входило незаметно и учение: всякий знал основы веры... и что хорошо или худо. Достоевский удивляется: как глубоко в русском сознании было понятие греха и святости.

Помню, и англичане, приезжавшие в Россию, в Московской Троицкой Лавре спрашивали у профессоров академии: «Откуда русские, большею частью безграмотные, знают Православие?» И получали ответ: «Из Церкви...» И это верно.

Церковь – мать-воспитательница: не только духовно-благодатно, через Таинства, но даже и душевно (психологически) – через весь свой богослужебно-просветительный строй. И понятно, что уходящие из Церкви постепенно теряют все: и веру, и дух».

Глава 2. Страдания и болезни Воинствующей Церкви

В мире будете иметь скорбь. Ин. 16, 33

Как Тело Христово воинствующая Церковь должна на земле страдать, как страдал на земле Сам Христос.

Как несущая мир и проповедь о любви к врагам Церковь, по словам схииерхимандрита Софрония, «становится посреди всех враждующих сил, и тот гнев, которым полны эти враждующие между собой силы, встречая Церковь на своем пути, естественно обрушивается на нее.

Но Церковь, осуществляя дело Христово на земле, т. е. спасение всего мира, сознательно принимает на себя тяготу общего гнева, подобно тому, как Христос взял на себя грехи мира.

Если Христос в этом мире греха был гоним и должен был пострадать, то истинная Церковь Христова тоже неизбежно будет гонима и будет страдать. Это духовный закон жизни во Христе, о котором говорил и Сам Господь, и апостолы. Божественный же Павел категорически выразил его такими

словами: «Все, желающие жить благочестиво во Христе Иисусе, будут гонимы» (2Тим. 3, 12).

У воинствующей Церкви, как и у всякой земной организации, конечно, можно увидеть и многие ее недостатки: недостойных и подверженных тем или иным страстям и пристрастиям пастырей, из числа верующих христиан – черствых сердцем и ханжей, немилосердных к ближним и при наличии материального достатка; выполняющих внешние обряды Церкви, но лишенных Христовой любви, гордых, тщеславных, сварливых, с дурным характером и т. д.

Да – это так, и все это, однако, неизбежно, и Господь предупреждал об этом. Он говорил: «Не всякий говорящий Мне: «Господи! Господи!», войдет в Царство Небесное» (Мф. 7, 21). И в Его притче о разных рыбах, захваченных неводом (символ воинствующей Церкви) лишь часть рыб была выбрана (в Царство Небесное), а остальные были выброшены вон (Мф. 13, 47–50). Весь неверующий мир (по существу языческий) можно сравнить с мертвой природой (почва земли), а воинствующую Христову Церковь – с растущим на ней садом. В первой нет жизни, нет возрастания и изменения своей сущности; во второй – сад находится в процессе постоянного изменения, возрастания, цветения и, наконец, плодоношения.

Однако в этом саду есть и мертвые и гибнущие деревья, и сломанные ветки, и гниющие плоды, и дички с непригодными плодами.

Вместе с тем тут идет непрерывная борьба с вредителями – насекомыми, грибами, плесенью, паразитными растениями и т. п. Но вся эта картина частичной гибели, разрушения и омертвления живого разве говорит о ненужности или порочности сада? Несмотря на все отрицательное, в нем и только в нем зреют плоды и будет собран урожай, которого чужда мертвая природа.

Учитывая наличие в Христовом саду – в винограднике (Ин. 15, 1–2) – мертвых, неплодоносящих деревьев и виноградных лоз, христианину надо уметь разбираться в вопросах, что является в этом саду живым и что – мертвым и сгнившим деревом.

Вместе с тем следует предупредить, что решение этого вопроса часто будет совсем не легко: вспомним времена арианства, когда из числа верховных иерархов Церкви лишь один св. Афанасий Александрийский не принял лжеучения Ария.

Как пишет схиархимандрит Софроний:

«Истинная Церковь всегда хранит учение Христа неповрежденным, но не все, считающие себя членами Церкви и даже говорящие от имени ее, понимают его... В силу этого эмпирически данное бытие Церкви всегда представляет смешение истины, выявляемой святостью жизни, с не-истиной, приносимой грехами немощных членов ее, не исключая и отдельных представителей священной иерархии. Это обстоятельство весьма усложняет вопрос различения истинной Церкви от лжецерквей, которые также могут указывать на свою историческую преемственность от апостольских времен, которые тоже проповедуют догматическое учение, почерпнутое из Священного Писания, но с привнесением того, что чуждо Божественной истине и Божией воле. Источником привнесенных повреждений и извращений является греховная воля человеческая или демоническая, которая часто не может быть не только логически доказана другим, но даже и уяснена для самого себя».

Как на выход из этого затруднения схиархимандрит Софроний указывает на единственный достоверный критерий, почерпнутый им из поучений старца Силуана, – на наличие выполнения важнейшей и вместе с тем, может быть, и труднейшей заповеди Христа: «Любите врагов ваших» (Мф. 5, 44).

Схиархимандрит Софроний пишет:

«Весь мир ищет критерий истины даже до сего дня. Верующий таковым признает Церковь, ибо она «столп и утверждение истины» (1Тим. 3, 15) в силу бытийной связи ее с Главою – Христом, мистическим Телом Которого она является в силу непрестанного пребывания в Ней и действия Духа Святого, по обетованию Божию. Но в историческом опыте обнаружилась

недостаточная ясность такого указания, потому что Церковь называют себя не только Единая истинная, но и все лжецеркви, и нет внешнего признака, бесспорно отличающего истинную Церковь от лжецерквей. Указываемый же старцем критерий можно назвать универсальным, потому что каждому дает возможность через подлежащую контролю нашего сознания духовную жизнь в ее психическом выявлении не только определить свое духовное место, т. е. познать правду или неправду своего индивидуального пути перед Богом, но и отличить учение истинной Церкви от всего того, что привносится в него чуждого и извращенного».

Что же касается недостойности священнослужителей, совершающих в Церкви Таинства, то нужно уметь (как пишет Н.) «отделять форму от сущности и постигать силу и могущество Таинства в самом себе. Недостойный священник вредит лишь самому себе. Люди же, в простоте сердца ищущие его благословения и идущие к нему на исповедь, получают по вере своей непосредственно все от Самого Бога через Таинство священства, врученное пастырям.

Духовное благополучие этих верующих не зависит от недостатков лиц, не умеющих носить и уважать свой священный сан.

Чего бы стоила религия, как могла бы она существовать на протяжении веков, если бы ее таинственная сила и могущество были в зависимости от совершенства или несовершенства приставленных к ней слуг?

Им дана власть быть лишь свидетелями, проводниками или охранителями этой величайшей святыни, ведать ее формальной, чисто внешней стороной, но самая сила ее – таинственная, всегда живая, от глаз людей скрытая – открывается людям лишь по мере их духовного роста, духовно-умственного развития».

Пусть же недостойность некоторых пастырей и номинальных (не истинных) христиан в Церкви Христовой не смущает никого. Жизнь Христова процветает лишь здесь и только здесь, а Церковь Христова боролась, борется и будет бороться со злом и вне, и внутри себя и имеет непреложное

обетование от Христа, что «врата ада не одолеют ее» (Мф. 16, 18).

Глава 3. Веротерпимость

Старец о. Алексей Зосимовский говорит так о способности к вере:

«Нельзя никого судить за то, что он не может верить в Бога, так как и это бывает зачастую промыслительно. Христос может сделать чудо мгновенно. Он может в один миг сделать из гонителя ревнителя».

Вот один из примеров терпимости в этом отношении, который показал прп. Макарий Великий.

Он шел по дороге со своим учеником. Последний шел много впереди преподобного. Повстречав языческого жреца, несшего бревно, ученик оскорбил его. Жрец избил ученика.

После этого жрец встретил преподобного Макария. Последний сердечно обратился к нему со словами: «Привет тебе, трудолюбец». Подобное отношение великого христианина, известного жрецу, произвело на последнего такое впечатление, что он пал перед старцем и стал затем христианином.

Веротерпимость и любовь к истинным христианам из инославных вероисповеданий не должна, однако, закрывать глаза наши на заблуждения в неправославных конфессиях.

Так, высоко оценивая величие и святость ряда святых из Католической церкви, архиепископ Лука указывает на большие отступления от истины Христовой учений иноверцев. В одной из своих проповедей архиеп. Лука говорит:

«Древнейшую догматическую правду, установленную святыми апостолами и семью Вселенскими Соборами, и все Таинства должны мы свято чтить. А этого не видим мы не только в Евангельской Церкви и во множестве лютеранских сект, но и в Римско-католической церкви, установившей новые, совершенно неприемлемые для нас догматы о главенстве папы даже над Вселенским Собором и о непогрешимости его».

А о том, как далеко в сторону рационализма зашло современное лютеранство, так говорит крупный лютеранский

богослов Делич:

«Две основные школы современного протестантизма – положительная и философско-критическая – стоят друг против друга, как два противоположных полюса. В своем понимании сущности религии и богословия они расходятся диаметрально, и разделяющая их пропасть с каждым годом становится все шире и глубже, так что никакое посредство между ними невозможно... Среди протестантских общин и сект есть и тяжелые еретики, отрицающие троичность Бога и Таинства».

Еще более ярко указывал на отступление от истины католиков и протестантов А. С. Хомяков. Он писал:

В католичестве «государство от мира сего заняло место христианской Церкви. Единый, живой закон единения в Боге вытеснен был частными законами, носящими на себе отпечаток утилитаризма и юридических отношений. Рационализм развивался в форме властительных определений; он изобрел чистилище, чтобы объяснить молитвы за усопших; установил между Богом и человеком баланс обязанностей и заслуг, начал прикидывать на весы грехи и молитвы, проступки и искупительные подвиги; завел переводы с одного человека на другого, узаконив обмены мнимых заслуг; словом, он перенес в святилище веры полный механизм банкирского дома. Единоновременно Церковь-государство вводила государственный язык – язык латинский; потом она привлекла к своему суду дела мирские; затем взялась за оружие и стала снаряжать сперва нестройные полчища крестоносцев, впоследствии постоянные армии – рыцарские ордена – и, наконец, когда меч был вырван из ее рук, она выдвинула в строй вышколенную дружину иезуитов. Отыскивая источник протестантского рационализма, я нахожу его переряженным в форму римского рационализма».

Насколько противоположно Православие католичеству и протестантству, видно из дневника о. Александра Ельчанинова:

«Все яснее становится мне, что Православие – это стихия абсолютной свободы. Боязнь уставов, правил, боязнь как-то ограничить себя, отвращение к пропаганде, насилию,

хотя бы чисто идейному или психическому, боязнь убеждать; верь только в самую наличность религиозной жизни – все остальное придет само».

Ближние

Глава 4. Через ближних – наше спасение

Так как вы сделали это одному из сих братьев Моих меньших, то сделали Мне. Мф. 25, 40

От ближнего зависят наша жизнь и смерть. Прп. Антоний Великий

Наша жизнь необычайно тесно связана с жизнью наших близких. Как пишет о. Иоанн С:

«Наши душевные расположения, даже не выражаемые внешними знаками, сильно действуют на душевное расположение других. Я сержусь или имею неблагоприятные мысли о другом, и он чувствует это и равным образом начинает иметь неблагоприятные мысли обо мне. Есть какое-то средство сообщения наших душ между собою кроме телесных чувств».

Отсюда всякая наша духовная болезнь неизбежно вызывает страдание и у близких к нам. И если мы мрачно настроены, раздражены, унылы, то этим настроением мы заражаем и других.

Как пишет игумения Арсения:

«Греховность наша отзывается и на других, на всем мире. Мы не даем нашим близким того, чего они вправе требовать или ожидать от нас. Ни любви, все носящей, все терпящей, всем жертвующей, ни силы опытного слова, ни примера терпения и благой деятельности – ничего мы не даем им».

Итак, наши грехи и упадок духа ведут к тому же и у наших близких. И наоборот – наша бодрость, жизнерадостность, крепость духа и радость ободряют, укрепляют и радуют близких. Отсюда – наше духовное здоровье нужно не только ради нас самих, но и ради всех, нас окружающих.

Как пишет Московский митрополит Филарет:

«Поистине благо человеку, когда Господь Иисус Христос есть его сердце и его жизнь, – и не только ему, но через него – и приближающимся к нему».

Так подвиги благочестия, спасая самого христианина, влияют и на судьбу его ближних в вечности.

Ангел так говорил Корнилию, римскому сотнику, которого молитвы и милостыня «пришли на память пред Богом» через слова ап. Петра: «спасешься ты и весь дом твой» (Деян. 10; 4, 6).

Преподобный Серафим говорил сестре праведницы Марии Мелюковой (схимонахини Марфы, скончавшейся 19-ти лет от роду): «Душа ее в Царствии Небесном близ Святой Троицы у Престола Божия, и весь род ваш по ней спасен будет».

И те, кто все силы прилагает к своему духовному выздоровлению (т. е. стяжанию Духа Святого Божия) и об этом заботятся более всего на свете, не суть «эгоисты», как часто их называют.

Пусть они не задаются высокими социальными задачами: устройением мира на «идеальных» (обычно субъективно понимаемых) основах, – они, и именно они, являются «солью земли», факторами духовного прогресса для окружающих. «Стяжите себе дух мирен и около вас спасутся тысячи», – говорил преподобный Серафим.

Спасутся, потому что будут тянуться к ним, видя в них «дух мирен» и духовный свет. Спасутся, потому что будут сами одухотворяться их любовью, верой и горением духа. Спасутся, потому что через них будут приобщаться к тому просвещающему и согревающему огню, про который сказал Господь: «Огонь пришел Я низвести на землю» (Лк. 12, 49). Вместе с тем надо нам всегда помнить, что в каждом из ближних мы должны видеть брата Самого Господа, Который сказал: «Так, как вы сделали это одному из братьев Моих меньших, то сделали Мне» (Мф. 25, 40).

Поясняя эти слова, схиархимандрит Софроний пишет:

«Каждый человек есть непреходящая вечная ценность, большая, чем весь прочий мир, и дорог перед Богом каждый, единый из малых сих. Показателем достигнутой степени самопознания вернее всего является для человека его отношение к ближнему (т. е. степенью его любви и служения ближнему). Если человек в брате своем видит присутствие

Духа Святого, то это значит, что и сам он имеет большую благодать».

Поэтому еп. Игнатий (Брянчанинов) говорит:

«Всякий православный христианин, если захочет перейти от нерадивой жизни к жизни внимательной, если захочет заняться своим спасением, должен прежде всего обратить внимание на отношение свое к ближним».

По словам прп. Исаака Сириянина, «блаженный Антоний Великий никогда не решался сделать что-либо более полезное для себя, чем для ближнего, в том уповании, что выгода его ближнего – наилучшее для него делание».

Итак, христианину нужна крайняя внимательность к своему отношению к ближним, и в этом у него не может быть чего-либо «малого». Здесь все «великое». Здесь «верный в малом» «над многим будет поставлен» (*Мф. 25, 21*).

Здесь дело идет прежде всего об исполнении самой основной из всех заповедей – заповеди о любви, на которой «утверждается весь закон и пророки» (*Мф. 22, 40*), которая есть «совокупность совершенства» (*Кол. 3, 14*). И поэтому всякий грех и проступок против любви есть тягчайший грех. Мы склонны не придавать особенного значения при взаимоотношениях с ближними обидным для них словам, уколам их самолюбия, упрекам, осуждению их, раздражению на них, черствости, сухости, безразличию и невниманию к ним. Так ли все это незначительно?

Прп. Серафим как-то заставил двух монахинь внести на колокольню: одну – тяжелый камень, а другую – грудку мелких, но по одному камешку. Первая, хотя и с трудом, но выполнила свое послушание. Вторая призналась, что ее послушание ей не под силу.

«Так вот и грехи наши, – пояснил им преподобный, – при одном, хотя бы и тяжелом грехе мы еще имеем силу, чтобы покаяться, но если грешим непрерывно, хотя бы и малыми грехами, – у нас нет уже возможности к покаянию».

Наше отношение к ближним, если оно не основано на любви и снисхождении к ним, смирении перед ними, не основано на мире и кротости, составляет ту грудку мелких

каменной, которая отягчает грехом нашу душу, лишает нас пребывания с нами Духа Святого Божия и затворяет двери к «Царству Божию внутри нас» (Лк. 17,21).

Вместе с тем нам всегда надо помнить закон, что расположение к нам ближних всецело зависит от нас самих: при любви и хорошем расположении нашего сердца к ближнему таково же будет отношение ближнего к нам (см. ответ 653 прп. Варсонофия Великого).

Как пишет прп. Исаак Сириянин:

«Кто при памятовании о Боге чтит всякого человека, тот по мановению Божию втайне обретает себе помощь у всякого человека».

Как говорит старец схимонах Силуан:

«Брат наш есть наша жизнь».

А один автор дает такую глубокую характеристику зависимости от ближнего нашего спасения и получения нами Божественной благодати:

«Воспринимать ближнего в самоотверженную любовь сердца – милование ближнего, принятие близкого участия в его жизни, всяческая поддержка ближнего материально и духовно – начинает составлять насущную потребность души. Оpozнание ближнего внутренне как одинакового с собою участника вечных благ, как собрата, которому нужна братская помощь, как члена Церкви, где каждый спасается в единении к взаимной поддержке друг друга, – становится существенным элементом нового благодатного устройства».

Как пишет о. Александр Ельчанинов:

«Чем больше человек будет, забывая себя и свое, отдавать свое сердце Богу, делу и людям, тем будет ему становиться легче, пока он не достигнет мира, тишины и радости – удела простых и смиренных душ».

«Вместе с тем, – добавляет о. Александр, – нельзя врачевать чужие души, не изменив себя, приводить в порядок чужое хозяйство с хаосом в собственной душе, нести мир другим, не имея это в себе».

Наша помощь людям заключается часто не в системе обдуманых действий на их душу, а в невидимом и неведомом

для нас действия наших духовных даров на них. Когда Антоний Великий спросил своего молчаливого посетителя: «Почему ты ничего меня не спросишь?», тот сказал: «Мне достаточно смотреть на тебя, святой отец».

Как говорит архиеп. Арсений (Чудовской):

«Общение с добрыми людьми – близость духовной красоты – передает нам возвышенное, доброе, святое настроение».

А архиепископ Иоанн пишет:

«Люди очень нужны друг другу. Нужны они друг другу общностью природы своей, которая есть любовь, и различием даров своих призваны ко взаимному восполнению».

Будем же бояться того нашего состояния, когда, по словам философа В. Эрна, «Божьего в людях мы почти не видим и бессмертного существа их не чувствуем. Мы живем с человеком долгие годы, но ни разу лик его не просияет для нас вечностью».

Приложение к главе 4-й

Как говорит старец схимонах Силуан:

«Часто за одно приветствие душа чувствует в себе благую перемену, и напротив, за один косой взгляд теряются благодать и любовь Божия».

Хорошим доказательством этого положения является рассказ одной почтенной монахини из времен своего детства.

«Мой отец часто читал нам Библию, и я с детства хорошо знала ее и старалась исполнять в жизни, что слышала. В нашей деревне жил кузнец с большой черной бородой. Мы, дети, не любили его и иногда дразнили. Вот однажды услышала я от отца чтение Первого послания ап. Иоанна: «Всякий, ненавидящий брата своего, есть человекоубийца» (1Ин. 3, 15). Вспомнила я кузнеца и ужаснулась. Ведь я его не люблю – значит, я человекоубийца. Всех я люблю в деревне, а его не люблю. Как мне быть? Начала я думать об этом. И пришла мне в голову мысль: не буду его дразнить, а буду ему низко кланяться и здороваться с ним. С тех пор изменила я к нему внешнее отношение. Встречу его, низко поклонюсь, назову его по имени и отчеству и ласково

посмотрю на него. Заметил это кузнец и говорит моим родителям: «Какая у вас девочка-то хорошая». А мне радостно стало. Пропала к нему вся неприязнь, и я с легким сердцем и искренним чувством стала приветствовать его. Заметили это и другие ребята и стали делать, как я. И вместо врагов – озорства и брани – стали все ребята Друзьями кузнецу, и он стал к ним ласков и приветлив. Так вот внешний мой поклон внес в наши отношения мир и любовь»

Глава 5. Основы отношения к окружающим

Кто хочет между вами быть большим, да будет вам слугою. Мф. 20, 26

Будьте братолюбивы друг к другу с нежностью; в почтительности друг друга предупреждайте. Рим. 12, 10

Радуйтесь с радующимися и плачьте с плачущими. Рим. 12, 15

Будьте для всех солнышками. Старец Алексей М.

Жить – не тужить, никого не осуждать, никому не досаждать и всем – мое почтение. Старец Амвросий Оптинский

Всех людей, с которыми мы встречаемся в жизни, можно подразделить на несколько групп.

Всего более зависит наша жизнь от тех из наших близких, с которыми мы находимся под одной кровлей, и от тех, с которыми мы постоянно общаемся.

По Промыслу Божьему мы сведены в жизнь с ними и через них мы имеем возможность более всего приобрести «прибыли» для Царства Небесного на выданные нам Господом таланты силы и времени.

Здесь в качестве общего и первого правила надо поставить себе евангельскую заповедь быть всем слугою (Мф. 20, 26).

«Человек только тогда и обретает мир о Господе, если отдает себя на служение ближним», – говорил старец о. Алексей Зосимовский.

Служение ближним может совершаться, как уже указывалось выше, в заботах о теле и в заботах о душе ближнего.

Не все христиане в силах духовно помогать ближним, просвещать их истиною, приводить к вере, укреплять ее, наставлять, вразумлять, учить, ободрять, успокаивать, вселять духовную радость и т. п. Это преимущественно задачи старцев, пастырей, духовных наставников и духовно зрелых христиан.

Вместе с тем выполнение этой задачи несравнимо выше, чем задачи только питать, согревать и одевать тело страждущих. Поэтому те христиане, которые могут помогать ближним духовно, не должны пренебрегать этим и по силам оказывать необходимую помощь малодушным, смущенным, огорченным, заблуждающимся и слабым в вере, надежде и уповании.

Однако полнота награды бывает от Господа и за служение нуждам тела ближнего – за дела милосердия по отношению к голодным, холодным, нагим и т. п. (Мф. 25, 35–36).

Общим же правилом по отношению к ближним будет – служить им с любовью во всем, на что только хватит у христианина возможности, сил и умения.

К ближним надо быть всегда предупредительным, служить в большом и услуживать в мелочах, быть внимательным к их нуждам, желаниям, вкусам, склонностям и интересам, терпеливым к их слабостям и недостаткам, кротким и смиренным в обращении. Любовь к ним должна проявляться в неизменно нежном, ласковом и заботливом с ними обращении. «Успокоить ближнего есть добродетель, и притом великая», – пишут старцы прпп. Варсонофий Великий и Иоанн.

Старец о. Алексей М. так говорил об отношениях с окружающими:

«Окружающие люди – вот где вы должны трудиться. Это ваша земля, ваша нива, ваш участок, посланный вам от Господа для возделывания. К душе ближнего надо подходить тихо, осторожно, как к какому-нибудь нежному распускающемуся цветку. Нужно ближнего успокоить, его беречь от всяких неприятностей, жить его жизнью, забыть себя совсем. Все для него. В голове должна быть одна мысль: как бы его не потревожить, как бы его не обидеть, как бы его утешить, чем бы его успокоить. Резкости не должно быть

никакой. Все нежно, все любовно, все тихо. Со слезами прошу и молю вас: думайте о других, живите для других и тем самым спасайтесь; будьте солнышками, согревающими окружающих вас. Будьте теплом и светом для окружающих: старайтесь сперва согреть семью, трудитесь над этим, а потом эти труды вас так завлекут, что для вас уже узок будет круг семьи, и эти теплые лучи со временем будут захватывать все новых и новых людей, и круг, освещаемый вами, будет все увеличиваться. Случай сделать добро кому-нибудь есть милость Божия к вам. Поэтому вы должны бежать, стремиться всей душой послужить другим. А после всякого дела любви так радостно, так спокойно на душе, чувствуешь, что так и надо делать, хочется еще и еще делать добро, и после этого будешь искать, как бы мне кого еще обласкать, утешить, ободрить. А потом в сердце такого человека вселится Сам Господь: «Мы придем к нему и обитель у него сотворим» (Ин. 14, 23). Так старайтесь, чтобы ваш светильник (любви Христовой) ярко горел. Мы должны «разгружать» друг друга: когда видим, что человеку тяжело, нужно подойти к нему, взять на себя его груз, облегчить, помочь чем можно. Выслушивая других, мы берем на себя их груз. Ведь горе, рассказанное другому, – уже полгоря. Так поступая, входишь в жизнь других: живя ими, можно совсем отречься от своего «я», совсем про него забыть, и тогда наше «я» перестанет нас мучить, уйдет от нас безболезненно для нас; и когда это будет, тогда мы встанем на верную дорогу, пойдем ко Христу. Вот когда мы это будем иметь и вместе с тем молитву, тогда мы нигде не пропадем, куда бы мы ни пришли, и с кем бы мы ни встретились».

Наставляя так своих духовных детей об отношении к ближнему, сам о. Алексей подавал в этом яркий пример. Всех приходящих к нему он принимал с такой любовью, что каждый думал, что батюшка любит его больше всех.

О том же пишет о. Иоанн С:

«Береги всемерно свое сердце, или искренность сердечную, способность сочувствия ближним и в их радостях

и скорбях, и как яда смертельного беги холодности и равнодушия к разным бедам, напастям, болезням, нуждам людским; ибо в сочувствии, особенно деятельном, вырабатывается любовь и доброта христианина... Оставляй долги должникам своим с радостью, как радуется добрый сын тому, что имеет случай исполнить волю любимого отца своего. Кто раздражается на другого из-за чего-либо вещественного, тот ставит этот вещественный предмет выше брата. Но что выше человека? На земле – ничего!»

О забвении себя ради ближнего так говорил и архиеп. Варлаам (Ряшенцев):

«О себе, о своем счастье даже забудь, как заповедал Господь, а ищи пользы и блага других, во имя Божие, и будешь согрет, как небесным солнцем, Божественной любовью».

Вот основные законы общежития, отклонение от которых есть нарушение заповеди о любви.

Поэтому суровость, недружелюбие, нелюдимость, жестокость есть духовные пороки сердца, которые надо лечить.

По этому вопросу ап. Павел пишет такое указание римлянам: «Будьте братолюбивы друг к другу с нежностью, в почтительности друг друга предупреждайте; в усердии не ослабевайте» (*Рим. 12, 10*). Пример такой почтительности дал старец иеросхимонах Алексей из Зосимовой пустыни. Его посетила одна молоденькая девушка. Старец предложил ей сесть в кресло. Та отказалась из чувства почтительности к старцу. Тот снова предложил. Девушка снова отказалась.

В третий раз предложил старец кресло, но девушка села у ног его и сказала, что ей пристойнее так сделать. Тогда старец сказал ей: «Смотри, Аленушка, когда будет судить нас Господь, я скажу, что я три раза предлагал тебе сесть в кресло».

Он же заповедывал своим духовным детям при встрече со знакомыми всегда кланяться первым, вне зависимости от того, моложе или старше был встречный.

Так боятся нарушить долг взаимной почтительности великие духом христиане.

Еп. Феофан Затворник указывает, что во всех делах, и даже в мелочах, надо бояться в чем-либо затруднять ближних. Так он

советует: «Старайся всегда писать разборчиво».

Особенно важно проявлять к ближним приветливость. Как говорит Н.:

«Приветливость – дар Божий в награду за чистоту сердца и любовь к людям, ею обычно отличаются все христианские подвижники. Она также впечатлевается и в голосе, и во всем внешнем облике человека и неотразимо магически действует на сердца людей. При этом качестве понятна неотразимая влияние и обязательность всех его наставлений, которые он произносит, когда есть к тому повод».

Интересен урок, данный прп. Серафимом одной из первоначальных дивеевских сестер – Ксении Васильевне (Дивеевская летопись, стр. 267). Последняя рассказывает:

«Бывало, придешь это к батюшке, а я, знаешь, всегда такая суровая, серьезная была... а он устанется на меня да и скажет: «Что это, матушка, к кому это ты пришла-то?» «К вам, батюшка», – отвечаю. «Ко мне, – скажет он, – да и стоишь, как чужая, ко мне-то, к отцу-то, что ты, что ты, матушка?» – «Да как же, батюшка? – бывало, скажу я. – Как же?» – «А ты приди, да обними, да поцелуй меня, да не один, а десять раз поцелуй-то, матушка», – ответит он. Бывало, и скажешь: «Ах, как же это, батюшка, разве я смею?» «Да как же не смеешь-то, ведь не к чужому, ко мне пришла, радость моя, так к родному не ходят, да где бы это ни было, да при ком бы ни было, хотя бы тысяча тут была, должна прийти и поцеловать, а то стоишь, как чужая»».

Эти слова могли бы соблазнять, если бы они были произнесены не глубоким старцем и великим святым.

При этом надо вспомнить и повеление ап. Павла христианам Римской и Коринфской церковей: «Приветствуйте друг друга святым целованием» (*Рим. 16, 1–16; Кор. 16, 20*).

Вместе с тем в отношении с ближними св. отцы предлагают нам также воздерживаться от «свободного обращения», понимая под этим некоторую степень дерзости и недостаточного уважения.

Ни в коем случае не разрешают св. отцы касаться фамильярно чужого тела. Каждый человек есть образ Божий, и поэтому к каждому человеку, кто бы он ни был, у христианина должно быть благоговейное, почтительное и осторожное отношение.

Прп. Варсонофий Великий давал такую заповедь своим ученикам:

«Прибери твердость, и она удалит от тебя свободу в обращении с ближними, причину всех зол в человеке (Отв. 255). Обучи глаза твои не смотреть ни на кого слишком пристально – и не наполнишь сердца твоего дерзостью, которая губит все духовные плоды».

Высоко ценит и щедро награждает Господь духовные подвиги отрекшихся от мира, живущих в затворах, пустынях и уединении. Но не то спрашивает Господь у тех, кто живет в миру и постоянном общении с ближними. Здесь Господь ценит прежде всего взаимную любовь, мир и согласие во взаимоотношениях.

Интересен в этом отношении один из рассказов из жизни прп. Макария Египетского. Великому святому был однажды голос: «Макарий, ты не достиг еще такого совершенства в добродетельной жизни, как две женщины, проживающие вместе в ближайшем городе».

Преподобный идет из пустыни в город, находит указанных женщин, говорит им, что ради них он пришел из далекой пустыни, и просит рассказать ему об их добрых делах.

«Мы мирянки – живем со своими мужьями, – отвечали женщины с большим удивлением, – и какие же добродетели ты желаешь найти в нас?»

Но преподобный настаивал, чтобы они рассказали об образе их жизни, и тогда женщины сказали ему:

«Мы жены двух родных братьев, и уже пятнадцать лет живем вместе в одном доме.

За это время мы не сказали друг другу ни одного злобного или дурного слова, никогда не ссорились и жили в мире и согласии между собою.

Недавно мы решили присоединиться к сонму святых дев, служащих Богу, но не могли упросить мужей наших отпустить нас, хотя просили их с большой настойчивостью и слезами. Получив отказ, мы заключили завет с Богом и между собою: не произносить ни одного мирского («праздного») слова до самой смерти нашей».

Из этого рассказа видно, как высоко оценивается Господом совместная жизнь в мире, любви и согласии.

Для тех, кто в сила это делать, повторяем: самым важным делом по отношению к близким является поддержание в них бодрого, радостного настроения, укрепления их мужества и веры.

«Утешайте, укрепляйте и ободряйте всех, кого только можете и чем только можете», – дают такой совет старцы. Здесь позволительны и невинные шутки, и веселые рассказы, и истории с основой нравоучения.

Даже такие великие подвижники, как прп. Антоний Великий, позволяли себе шутить с учениками своими, чтобы спасти их от уныния.

Неизменно бодрым и веселым был всегда старец Амвросий Оптинский, любивший пошутить, говорить в рифму и старавшийся всячески поддерживать веселость и бодрость в своих духовных детях.

Так же поступал и прп. Серафим Саровский. Вот одно из наставлений последнего, преподанное им одной из начальствующих дивеевских сестер. Она рассказывает:

«Вот, бывало, спросит: – Что, матушка, ты с сестрами-то завтракаешь, когда они кушают? – Нет, батюшка, – скажешь. – Что же так, матушка? Нет, ты, радость моя, не хочешь кушать – не кушай, а садись всегда за стол с ними. Они, знаешь, придут усталые, унылые, а как увидят, что ты сама села и ласкова и весела с ними и бодра духом, ну и они приободрятся и возвеселятся и покушают-то более с великою радостью. Ведь веселость не грех, матушка, она отгоняет усталость, а от усталости ведь уныние бывает, и хуже его нет, оно все приводит с собою. Вот и я, как поступил в монастырь-то, матушка, на клиросе тоже был и какой

веселый-то был, радость моя, бывало, как ни приду на клирос-то, братья устанут, ну и уныние нападает на них, и поют-то уж не так, а иные и вовсе не придут. Все соберутся, я и веселю их, они и усталости не чувствуют. Ведь дурное что говорить ли, делать ли нехорошо и в храме Божиим не подобает, а сказать слово ласковое, приветливое да веселое, чтобы у всех перед лицом Господа дух всегда весел, а не уныл был, – вовсе не грешно, матушка».

«Держись проще и веселее, – советует о. Александр Ельчанинов, – христианин не должен представлять собою какую-то мрачную фигуру, изможденную аскетическим подвигом и служащую живым укором для других людей».

Очевидно, что и наш внутренний «плач» и сокрушение о грехах своих не должны мешать нашему неизменно веселому обращению с близкими.

Об этом так говорят прпп. Варсонофий Великий и Иоанн:

«Радость есть веселость по Богу, которая благопристойно обнаруживается при встрече с другими и в лице, и в слове. Пусть сердце сохраняет плач, лицо же и слово – благоприличную веселость».

Тому же учил своих духовных детей и старец о. Алексей М. Ему был глубоко ненавистен дух уныния, и он завещал быть с ближними со светлой душой, вносить в общество теплоту, бодрость и радость.

Бывает часто в жизни, что нас окружают люди, чуждые нам по духу. Значит ли, что мы должны стараться как-то изолироваться от них, не входить в их интересы, не разделять их скорбей, не служить им в том, в чем это бывает возможно? Конечно, нет. Вот как об этом пишет еп. Михаил Таврический:

«Мы не от мира сего, это, однако, не значит, что мы должны внутренне чуждаться тех людей, с которыми сводит нас действительная жизнь, и мечтать о других существах, которые более подходили бы к нашему идеалу. Да, мы должны быть как можно дальше от всего худого и в нас, и в других. Наш долг – бороться с этим неустанно и беспощадно. Но ведь это худое есть то, что отчуждает людей друг от друга и производит между ними вражду и нестроения. Удаляясь от

этого, христианин именно уходит из этого стихийного мира, где люди – взаимные враги, в тот мир, где они могут быть друзьями и братьями. Но этот мир не в мечтательной выси фантазии, а как раз в той же самой среде и в тех же самых людях, среди которых мы живем».

Далее еп. Михаил так формулирует задачу христианина по отношению ко всем его окружающим:

«Преодолевать свой эгоизм в каждый миг нашего общения с людьми, просветлять всю сферу данной нам конкретной жизни, животворить ближних тем дыханием, которое мы сами получаем свыше; передавать им ту радость, ту благодать, которая охватывает нас; открывать в них небо, которое открылось в нас; отдавать им свою жизнь, чтобы она возродилась и зацвела в них».

Глава 6. Простота, добрые правила и привычки в отношении к ближним

Будьте мудры, как змии, и просты, как голуби Мф. 10, 16

Если всегда и во всем будем обвинять себя, то везде найдем покой. Прп. Пимен Великий

Простота ничего не имеет общего с глупостью или ограниченностью.

Христианам надо быть или простыми мудрецами, или мудрыми простецами. Простота – это безыскусственность, искренность, отсутствие лицемерия в отношении с ближними.

«Я упражняюсь в приобретении простоты сердечной, от которой зависит спасение», – говорил св. Григорий Богослов.

Простой человек всегда приятный – «легкий» для окружающих человек, которого легко понимать. Он говорит бесхитростно, правдиво и не требует напряжения ума у собеседника, чтобы угадывать, что еще невысказанное скрывается за его словами.

Между тем, как обычно с мирскими людьми, мы всегда невольно с большой нагрузкой работаем умом, чтобы подсознательно угадать, что имеет человек в уме и на сердце

по отношению к нам и к сказанному в дополнение к тем словам и чувствам, которые он высказал и выказал.

Как говорит старец Парфений Киевский:

«В простых сердцах почивает Дух Святой. Простота внутренняя должна изливаться и на все внешнее наше, – простота во всем: в речах, в наружности. Не представляйся благоговейным, не смотри вниз, не говори притворно тихим голосом, а то, хотя и с добрым намерением сочинишь наружность свою, благодать отступит от тебя».

Простота – неотъемлемая часть детского характера. А Господь сказал: «Если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное» (Мф. 18, 3) и «Будьте мудры, как змии, и просты, как голуби» (Мф. 10, 16).

Поэтому простота есть основная черта характера христианина, проявляемая в отношении с ближними, и есть также следствие со – пребывания с ним Святого Духа.

О значении простоты, искренности и простодушия так пишет пастырь о. Иоанн С:

«Старайся от всего сердца все говорить и делать с людьми искренно и отнюдь не будь с ними двоедушен. Когда будешь прямодушен и доверчив с людьми, тогда Господь подаст тебе прямодушие и искреннюю веру и по отношению к Богу. Того, кто непрямосердечен с людьми, Господь неудобно принимает в молитве, давая ему почувствовать, что он неискренен в отношении к людям, а потому не может быть совершенно искренен и в отношении к Богу, без душевного злострадания».

Простота сердца обычно связана и с отсутствием осуждения ближнего. А соединение этих двух добродетелей с нищетой духа уже ведет ко спасению. Прп. Серафим Саровский так говорил про монаха Павла, жившего рядом с его кельей: «Брат Павел за простоту своего сердца без труда войдет в Царство Божие: он сам никогда никого не судит и не завидует никому, а только знает собственные грехи и свое ничтожество».

При отсутствии простоты часто проявляется подозрительность, не имеющая для себя серьезного основания.

Она тем более греховна, что здесь ложь сочетается с недоброжелательностью – с грехом против любви.

Мы строим в нашем воображении разные предположения, приписывая близким злые чувства и намерения, и черним их поэтому в своей душе. А по правде – у нас самих душа бывает в это время черна от вражды к ближнему.

Как осуждение, так и подозрительность являются грехом и пороком.

О подозрительности много раз предупреждал своих духовных детей Московский митрополит Филарет, который писал:

«Лучше избыток доверия, нежели избыток подозрения. Ибо лишнее доверие – моя ошибка, а лишнее подозрение – обида ближнему. Старайтесь намерение и сердце ближнего понимать в хорошую, а не в худую сторону, тогда вы будете безопаснее от вредной погрешности, а он удобнее сделается лучшим».

В наших отношениях с ближними часто возникает опасность недоразумения, пререканий или упреков.

Для таких случаев у аввы Дорофея есть золотое правило: считать во всем виноватым только самого себя и поэтому не осуждать другого, не прекословить, не спорить и даже не оправдываться перед ближним.

Чтобы достичь этого, надо внимательно проанализировать свое предшествующее отношение к ближнему, причем всегда можно найти свою вину: отсутствие любви, невнимательность к ближнему, нетактичность, раздраженный тон разговора, пренебрежение интересами ближнего, ненужное вмешательство в его дела, навязывание своей воли или своих взглядов, неучитывание склонностей, вкусов, привычек и состояния духа ближнего.

Поэтому в таких недоразумениях надо прежде всего смириться самому, признать свою вину и искренно просить у ближнего прощения.

Старец Амвросий Оптинский писал:

«Самооправдание только кажется облегчающим, а на самом деле приносит в душу мрак и смущение».

А прп. Пимен Великий говорил:

«Если всегда и во всем будем обвинять себя, то везде найдем покой».

Нам надо также помнить о примере святителя Тихона. Его ударили по щеке за слово правды, а он сам пал на колени перед обидчиком и просил у него прощения за то, что допустил его до такого греха.

Так можем мы в кротости в самом начале погасить огонь ссоры или недоразумения и сохранить присутствие Духа Святого и у себя, а может быть, и у ближнего.

Вот как характеризует значение правила – всегда винить только себя – рассказ из жизни древних египетских иноков.

Один инок был в обиде на другого. Последний, узнав об этом, пошел помириться с первым, но тот не открыл ему дверей. Второй пошел к одному старцу за советом. Старец отвечал ему: «Посмотри, нет ли причин в сердце твоём? Не признаешь ли себя правым? Не имеешь ли намерения обвинить брата своего, а себя оправдать? По этой причине Бог не коснулся сердца его, и он не отворил тебе дверей. Но то, что скажу тебе – верно: хотя бы он и был виноват перед тобою, положи в сердце твоём, что ты виноват перед ним, и оправдай брата твоего. Тогда Бог вложит в сердце его желание помириться с тобой».

Брат поступил, как научил его старец, и когда вновь постучался в дверь к брату, тот сразу открыл ему, обнял его от души – и между ними водворился мир.

В житейских делах надо выработать в себе такую привычку: ближнего предпочитать всякому делу. Так, например, если мы заняты каким-либо делом и услышим просьбу ближнего помочь ему в чем-либо, то надо тотчас же прервать свое занятие и исполнить просьбу ближнего, чтобы успокоить его.

Хорошей привычкой является привычка во всем, в чем только можно, самим обслуживать себя. В этом случае отпадают наши требования и претензии к услугам ближних и мы не будем им в тягость.

Одним из примеров этого являлся авва Агафон Египетский, который был всегда готов потрудиться для того, чтобы облегчить

других. Так, когда надо было переправиться через реку, он первый хватался за весла. Когда какой-нибудь брат приходил к нему, он сам тотчас накрывал на стол, и если кто-нибудь выражал похвалу какому-нибудь предмету, находившемуся в его келье, он подносил гостю этот предмет, заставляя принять его, и всегда стремился отдать то, что у него было, когда он думал, что другие этого желают или в этом нуждаются.

Точно так же не следует обременять просьбой ближних без особой нужды: лучше потерпеть в чем-либо нужду, чем затруднять близких и быть в чем-либо им в тягость.

Святые и подвижники в этих случаях рассуждали так: если что мне нужно (в мелких делах общежития – в отношении пищи, одежды и т. п.), то Господь Сам расположит сердце ближнего предоставить мне необходимое и без моей просьбы.

Один из старцев дал такой пример терпения по отношению к ближнему.

Его послушник по ошибке влил ему в пищу вместо меда испорченное, прогорклое масло. Старец съел пищу, не сказав ни слова.

– Что ты сделал со мной, отче? – воскликнул огорченный послушник, когда заметил свою ошибку.

– Поверь мне, чадо, – кротко ответил старец, – если бы Богу было угодно, то ты бы не ошибся и влил бы мне меда, а не испорченное масло.

Так старец во всем поведении ближнего по отношению к себе видел не волю ближнего или его нерадение и небрежность, а Промысл Божий, испытующий его веру, смирение и терпение.

Однако простота в обхождении с людьми не исключает необходимости проявлять и здесь рассудительность. Ведь Господь вместе с «простотой» требует от нас и «змеиной» (т. е. наивысшей) мудрости (Мф. 10, 16). И Сам Господь «не вверял Себя» людям – «потому что знал всех» (Ин. 2, 24).

Мы живем в мире, про который евангелист Иоанн говорит, что «весь мир лежит во зле» (1Ин. 5, 19).

Как часто вокруг нас мы замечаем ложь и обман. Поэтому и доверие к людям добродетельным, искренним и

простосердечным не исключает большой осторожности в обращении с людьми, преданными миру и злу.

Приложение к главе 6-й. Забудь о себе

Как говорилось уже выше, «забудьте о себе» было заветом о. Алексия М. своим духовным детям по отношению к ближним.

Вот рассказ о нашей повседневной действительности.

«Я жила тогда в одном из уездных городов. Однажды я и моя знакомая монахиня (тайного пострига) шли очень рано утром в храм, где мы предполагали причаститься Святых Таин – Тела и Крови Христовых.

На улицах в это время еще никого не было. Проходя около одного строящегося домика, я заметила, что стена его дымилась. По свежей пакле пробежал огонек.

– Пожар! – воскликнула я. – Дом загорится весь, а от него и соседние дома. Надо потушить начинающийся пожар!

– Если мы этим займемся, – сказала мне моя спутница, – то во что обратятся наши одежды? В грязи к причастию не подойдешь! Да и к литургии опоздаем.

И она решительно пошла далее.

Я же стала бегать по соседним домам, стучать в окна, будить спавших еще жителей, крича: «Тушите пожар!»

Появились люди, принесли в ведрах воды, стали обдирать горевшую паклю и тушить загоревшиеся стены.

Помогая тушить пожар я, конечно, перепачкалась сама и действительно в таком виде в этот день не посмела тогда идти к Причастию».

Этот рассказ нужно дополнить сообщением о том, что конец своей жизни тайная монахиня провела в великих и долгих (около 9 лет) страданиях.

Глава 7. «Торгующие»

Надлежало тебе отдать серебро мое торгующим. Мф. 25, 27

После группы людей, с которыми мы в жизни постоянно общаемся, второй очень важной для нас группой людей из встречающихся нам в жизни являются «торгующие». Это те, про которых сказал Господь в притче о талантах: «Посему

надлежало тебе отдать серебро мое торгующим, и я, придя, получил бы мое с прибылью» (Мф. 25, 27).

Этих «торгующих» усердно искали в жизни св. Филарет Милостивый, св. Иоанн Милостивый – патриарх Константинопольский, доктор Гааз и другие благодетели страждущего человечества.

Это те, кто будет, по слову Христа, на Страшном Суде свидетельствовать о нас, что когда они алкали, то мы дали им есть; жаждали – и мы напоили их, были странниками – и мы приняли их; были наги – и мы одели их; были больными или в темнице – и мы посетили их (Мф. 25, 35–40). Поэтому эта группа ближних очень важна для спасения христианина.

Именно это понятие о ближнем как наиболее нуждающемся в нас вложил Господь в притчу о милосердном самарянине, оказавшем милость пострадавшему от разбойников (Лк. 10, 25–37). Он сказал эту притчу в ответ на вопрос «Кто мой ближний?» и закончил ее словами: «Иди и ты поступай так же».

И если мы мудры, то мы также должны усердно искать их в жизни, чтобы иметь больше возможности послужить им.

Как говорил один пастырь: «Мы должны быть счастливы, когда бедные приходят к нам у нас просить. Если бы они не приходили, то нам пришлось бы их искать, а мы не всегда имеем для этого время».

Недаром св. Филарет Милостивый называл их «господами моими», и в них он видел «Старшего Брата» (Мф. 25, 40) – страждущего Христа. И нам надо помнить, что, давая милостыню бедному, мы даем ее как бы Самому Господу.

При оказании помощи ближним и при исполнении их просьб следует знать указание ап. Павла о необходимости расположения сердца к этим ближним.

Эту мысль он особенно ярко выражает в 13-й главе Первого послания к Коринфянам: «И если я раздам все имение мое и отдам тело мое на сожжение, а любви не имею, нет мне в том никакой пользы» (1Кор. 13, 3).

Итак, непременно дополнением к нашим дарам должна быть любовь к ближним, иначе мы рискуем тем, что все наши

дары не принесут пользы нашей душе и не приблизят нас к дверям Царства Небесного.

Прп. Исаак Сириянин пишет:

«Коли даешь что нуждающемуся, то пусть веселость лица твоего предваряет даяние твое, и добрым словом утешь скорбь его. Когда сделаешь это, тогда твоя веселость в его сознании побеждает твое даяние, т. е. (она) выше удовлетворения потребности тела» (Слово 89).

Поэтому при делах милосердия необходимо соединять помощь с лаской и утешением.

Отец Иоанн С. дает такой совет в этом отношении:

«Сумейте утешением веры обратить ложе печали страдальца-христианина в ложе радости, сумейте сделать его из несчастнейшего, по его мнению, человека – человеком, счастливейшим в мире. Уверьте его, что, будучи «немного наказан», он будет много благодетельствован, потому что Бог испытал его и нашел его достойным Его (Прем. 3, 5). Тогда вы будете друзьями человечества, ангелами-утешителями, органами Духа Утешителя».

При этом мы не должны страждущих разделять на достойных или не достойных помощи.

Конечно, очень приятно было бы служить людям, обладающим ангельскими добродетелями; но мы на земле, где все – грешники, и не нам судить о достоинствах каждого. Есть мудрая русская поговорка – не сбывай с рук постылого: отберет Бог милого.

Прп. Исаак Сириянин пишет (Слово 56):

«Не отделяй богатого от бедного и не старайся распознать достойного от недостойного; пусть все люди будут для тебя равны для доброго дела... Господь разделял трапезу с мытарями и блудницами и не отлучал от Себя недостойных, чтобы этим способом привлечь в страх Божий и чтобы посредством телесного приблизить к духовному. Поэтому благотворением и честью уравнивай всех людей, будет ли кто иудей, или неверный, или убийца; тем более, что он брат тебе, одной с тобой породы и не с ведением заблудился от истины».

Все ли просьбы ближнего надо исполнять? Выше (см. главу «Рассудительность») уже указывалось, что из общего правила – исполнения всяких просьб ближнего – могут встретиться и исключения.

Однако в ряде случаев не так просто бывает решить вопрос: что вызвало просьбу ближнего – его страсть и духовная слабость или действительная нужда. Далеко не у всех может иметься та рассудительность, которая помогла бы решить вопрос: как лучше помочь ближнему?

В этом случае св. отцы рекомендуют лучше не отказывать никому на просьбу о материальной помощи, чем упустить случай помочь действительно нуждающемуся: кто дает, тому всегда будет духовная польза от его доброты.

Пастырь-ангел говорил Ерму:

«Всем бедным давай в простоте, нисколько не сомневаясь, кому даешь. Берущие дадут отчет Богу, почему и на что брали». Поэтому св. отцы говорят: «Поддай милостыню, если даже просящий будет сидеть верхом на коне».

У старца Амвросия Оптинского было правило – никому не отказывать в просьбах о материальной помощи. И он продолжал ее оказывать даже и тем лицам, про которых ему говорили, что они просят у него на вино.

Поэтому отказ в просьбе может иметь место лишь при действительной уверенности отказывающего, что он отказом принесет духовную пользу и отказ его продиктован не собственной скупостью, а лишь любовью к ближнему.

Здесь нужно много рассудительности, и если кто боится, что ее у него не хватит, то ему лучше исполнять отеческое правило – никогда не отказывать при просьбах находящимся в нужде, всегда доверяя словам просящих.

Возникает часто и другой вопрос: сколько давать нуждающимся?

Отвечая на такой вопрос, ап. Павел пишет к коринфянам: «Не требуется, чтобы другим было облегчение, а вам тяжесть, но чтобы была равномерность» (2Кор. 8, 13).

«При сем скажу: кто сеет скупой, тот скупой и пожнет, а кто сеет щедро, тот щедро и пожнет. Каждый уделяй по

расположению сердца, не с огорчением и не с принуждением, ибо доброхотно дающего любит Бог» (2Кор. 9, 6–7).

Итак, апостол не предлагает нам давать через силу, с нуждой для себя, однако говорит, что за щедрость мы будем награждены более.

Надо помнить и еще один совет старцев и исполнять его, когда это будет возможно: давать более того, что у тебя просят.

Глава 8. Странники, посетители и гости

Страннолюбия не забывайте, ибо через него некоторые, не зная, оказали гостеприимство Ангелам. Евр. 13, 2

Не забывайте общительности. Евр. 13, 16

Среди дел «для души» христианину в течение дня часто поручается Господом оказать гостеприимство ближним, а также ищущим помощи, утешения в скорби или совета, т. е. помочь чем-либо «меньшему» из Его братии (Мф. 25, 40).

Несмотря на то, что жизнь ветхозаветных патриархов отдалена от нас несколькими тысячелетиями и протекала в совершенно иных социальных условиях, нам у них можно многому поучиться.

Вот родоначальник израильского народа Авраам – «друг Божий», как называет его ап. Иаков (Иак. 2, 23).

Одной из основных черт характера Авраама является гостеприимство.

Священное Писание так описывает принятие им трех путников (ангелов), идущих в Содом.

Когда Авраам увидел странников, то «побежал навстречу им от входа в шатер и поклонился до земли».

Он просил их посетить его. После омовения ног странников он сам «побежал к стаду», чтобы выбрать лучшего теленка, а жене своей Сарре велел приготовить хлеб из «лучшей муки». Когда пища была готова, он сам «поставил перед ними масло, молоко и теленка приготовленного», а когда путники ели, «сам стоял подле них» (Быт. 18, 2–8).

Как видно из описания, Авраам проявлял не только необычайное радушие, но и смирение. Приветствуя путников, он кланялся им «до земли», и, несмотря на наличие слуг, сам

усердно хлопотал об угощении и сам лично прислуживал странникам.

Следует указать, что обычай кланяться до земли посетителям был у египетских пустынных. Палладий (автор «Лавсаика») так описывает встречу его и спутников с аввой Аполлосом: «Услышав пение братии, которых он выслал нам навстречу, авва Аполлос вышел к нам на дорогу, как он обыкновенно делал это в отношении ко всем братиям. Увидев нас, он первым поклонился нам до земли и, встав, облобызал нас; потом взял к себе, помолился и, собственными руками умыв нам ноги, просил отдохнуть; так поступал он со всеми приходящими к нему братиями».

Авва Аполлос учил своих учеников: «Должно кланяться приходящим братиям: ты кланяешься не им, а Богу; видя брата твоего, ты видишь Господа Бога твоего».

В числе христианских добродетелей гостеприимство занимает одно из первых мест как проявление любви.

Мы часто считаем себя гостеприимными, любя радушно угощать своих родных и друзей. Но если наше гостеприимство простирается только на тех из близких к нам, которые в ответ нам платят таким же радушием, то не много духовной пользы будет нам от нашего гостеприимства.

Господь сказал: «Когда делаешь обед или ужин, не зови друзей твоих, ни братьев твоих, ни родственников твоих, ни соседей богатых, чтобы и они тебя когда не позвали и не получил ты воздаяния. Но когда делаешь пир, зови нищих, увечных, хромых, слепых. И блажен будешь, что они не могут воздать тебе, ибо воздастся тебе в воскресение праведных» (Лк. 14, 12–14).

Итак, для души нашей более всего полезно гостеприимство к тем, кто не в силах ответить нам тем же и возблагодарить нас еще здесь, на земле. И если в современных условиях быта мы чаще всего не имеем случая, подобно Аврааму оказать гостеприимство странникам, то в нашей возможности – найти тех, кто «не может воздать» нам, т. е. нуждающихся сирот, безродных стариков, иногородних.

Из посетителей наших мы должны выделять всех болящих, несчастных, обиженных и особенным вниманием к ним смягчить горести их жизни.

Однако и при всяком госте нам надо всегда помнить, что гость есть посланец от Господа. Поэтому всякого гостя надо принять и послужить ему в чем возможно. Для этого надо отложить все свои дела и занятия: египетские старцы откладывали ради посетителей даже свои молитвы.

Гостя надо не только накормить, если он голоден, но и согреть своей любовью, успокоить, утешить, печального развеселить или просто дать ему отдохнуть от трудов.

При посещении нас некоторыми из знакомых, нам может казаться, что мы с ними попусту теряем время, что разговоры с ними скучны и не дают пользы ни им, ни нам. Возникает желание – как бы отделаться от них, чтобы не выслушивать их длинные рассказы.

Но вот что пишет пастырь о. Иоанн С:

«Когда приходит к тебе ближний, имей к нему всегда великое уважение, ибо в нем – Господь, Который через него часто выражает волю Свою. Всякого приходящего к тебе человека, особенно с Духовной целью, принимай с ласковым и веселым видом, хотя бы то был нищий или нищая, и внутренне смиряйся перед всяким, считая себя ниже его, ибо ты от Самого Христа поставлен быть слугою всех и все суть члены Его, хотя, подобно тебе, и носят на себе язвы прегрешений».

Добродетели гостеприимства и общительности особенно нужны для людей состоятельных и имеющих много свободного времени, и еще более – для богатых духовно, могущих утешать скорбящих, вразумлять заблуждающихся и давать мудрые советы неразумным.

Апостол Павел так пишет своему ученику Тимофею о богатых: «Богатых... увещевай... чтобы они благодетельствовали, богатели добрыми делами, были щедры и общительны» (*1Тим. 6, 17–18*).

«Не бегайте упорно людей: между ними есть люди Божии», – говорил своим духовным детям Московский митрополит

Филарет.

Одна из духовных дочерей старца о. Алексия М. жаловалась ему на частых посетителей и что ей приходится выслушивать такие рассказы, как у посетительницы «какие-то там стулья пропали» и т. п. Она просила разрешения «как-нибудь от этого отделаться».

Отец Алексей покачал головой и сказал:

«Нет, надо их выслушивать: ведь они несчастные. Не все же нам слушать интересное. Приходится заставляя себя слушать, приходится понуждать себя входить в их интересы. Надо стараться чувствовать, как они чувствуют, думать, как они думают, и таким образом их состояние станет ясным для нас. Начнешь их жалеть, а жалея – любить. Нужно над этим работать. Сначала надо понуждать себя, так как трудно будет, потом, как только сможете их пожалеть, легче будет и так уж скучно с ними не будет. Что бы вам люди ни говорили, непременно заставляйте себя выслушивать их до конца. Старайтесь вникать в их горе, в их жизненные неприятности. В это время совершенно забывайте себя, а помните только того, кто перед вами, живо представляя себе его положение и как бы вы себя чувствовали на его месте. Старайтесь внимательно относиться к людям. Привыкнуть к этому нетрудно. Помните – надо забывать себя, забыть все в себе и жить жизнью всех и каждого. И кто бы к вам ни пришел, переживайте с ним все, что он пережил. Входите в его душу, а себя забудьте, совершенно забудьте себя».

В тех случаях, когда принимают в дом иногородних, странников, нуждающихся или одиноких и хотят их накормить, то надо учитывать следующее. Люди часто бывают стеснительны и при приглашении их к столу отказываются, хотя и чувствуют голод.

В этом случае св. отцы учат, что не надо спрашивать посетителя о желании подкрепиться пищей, а ставить ее на стол и предложить посетителям принять участие в трапезе. Чтобы у посетителей не было стеснения, надо и хозяевам принять в ней какое-то участие.

При всяком посещении нас ближними надо проверить себя: все ли мы сделали для посетителя из того, что заповедал нам Господь?

В делах милосердия мы можем оказать посетителю следующую помощь:

1) Посильную материальную помощь (вещами или деньгами).

2) Накормить, если он голоден.

3) Приютить на время у себя, если он нуждается в жилище. Однако здесь нужна и рассудительность: бывают случаи, когда принимают в дом людей, чуждых по духу христианину, и тем нарушают все христианское устройство семьи. В этих случаях будет более духовного вреда для членов семьи, чем пользы.

4) Дать для больных лекарства.

5) Помочь в работе или устройстве каких-либо дел.

6) Кто в силах сделать это, то отпустить от себя с подарками, нужными для ближнего, с гостинцами для его детей.

7) Кто имеет возможность и если ближний к этому расположен, то снабдить его хорошими духовными книгами (сообразуясь с духовными запросами ближнего и степенью его духовного развития). 8) С большой сердечностью проводить ближнего не только до порога, но, может быть, и до ворот, до остановки транспорта и помочь ближнему сесть на него, а немощных проводить до их дома.

В словах к посетителю мы можем:

1) Расспросить о состоянии его здоровья и его близких, о его делах, о его трудностях, заботах, скорбях и т. д.

2) Проявить сочувствие («плачьте с плачущими» – *Рим. 12, 15*), ободрить и утешить его.

3) Если мы чувствуем к ближнему искреннюю любовь и его доверие к нам и если достанет у нас на то духовной мудрости, то очень важно дать ближнему духовное объяснение его переживаний и причин скорбей и указать ему на выход из них (усиленная молитва к Богу и, может быть, покаяние).

4) Дать обещание ближнему усердно помолиться Богу за него и о его нуждах (и, естественно, исполнять это, пока не пройдет у ближнего какая-либо нужда).

5) Когда ближний расположен к этому, то вместе с ним немедленно помолиться Богу о его нужде, напоминая ему текст из Евангелия: «Если двое из вас согласятся на земле просить о всяком деле, то чего бы ни попросили, будет им от Отца Моего Небесного» (Мф. 18, 19).

6) В тех случаях, когда у ближнего вражда с кем-либо или ссора, то указать ему (по словам о. Алексия М.), что он сам виноват в этой ссоре из-за отсутствия в себе Христовой любви, терпения, смирения, снисхождения к ближним и нарушения заповеди – «мы, сильные, должны сносить немощи бессильных и не себе угождать» (Рим. 15, 1). Надо указать и пути к примирению через признание за собой вины и искреннее испрошение прощения у ближних.

Однако и при гостеприимстве надо иметь рассудительность.

Преподобные старцы Варсонофий и Иоанн давали по этому поводу такой совет:

«Ходи в премудрости, принимай всех, не подавая никому соблазна, но... храни себя от приходящих с целью насыщения чрева и для покоя своего тела, мирские ли то будут, или братья, или отцы. Когда случится прийти им, то не слишком угождай им и не слишком отвергай, когда же то будет человек, приходящий собственно с этой целью, то устранись от него».

Те же святые давали и такой совет в отношении странноприимства:

«Премудрый написал: «Не всякого человека вводи в дом твой» (Сир. 11, 29). Итак, когда приходит к тебе странник, помолись прежде Богу и потом расспроси, откуда он и куда идет. Если откроется, что тебе следует принять его, то прими и, покормив, отпусти, не подавая ему ничего, потому что, если захочешь оказывать странноприимство выше своей меры, то не в силах будешь более продолжать оное».

Выше, в главе «О подражании», уже говорилось об опасности сближения с людьми безбожного мирозерцания.

По этому поводу ап. Иоанн так пишет во Втором послании: «Кто приходит к вам и не приносит сего учения (т. е. исповедания Христа. – *Авт.*), того не принимайте в дом и не

приветствуйте его. Ибо приветствующий его участвует в злых делах его» (2Ин. 10–11).

Если исключить то время в течение суток, которое отнимают у христианина работа, сон и все житейские дела, то у большинства людей остается уже мало часов (а может быть, и минут), которые христианин может посвятить Богу, – молитве и духовному чтению.

А это время часто теряется с теми нашими знакомыми, которые приходят к нам в гости с целью развлечься и «убить время». Благо, если они могли бы напитать духовной беседой или сами нуждались бы в духовной пище, утешении или совете; тогда эти часы, проведенные с ними, служили бы для вечности.

Но как часто они приходят для того только, чтобы посплетничать, поупражняться в осуждении, пересудах и т. п. Все это если не явный грех, как осуждение, то во всяком случае – суета и потеря времени в отношении накопления духовного «капитала» для вечности, – в отношении «стяжания Духа Святого Божия». Как говорила старица Ардалиона (Усть-Медведицкого монастыря): «Если кто мешает нам на пути (духовного совершенствования), от того надо отречься, хотя это будет единоклубный друг или наставник».

Поэтому иногда и наши друзья могут стать для нас врагами, т. е. людьми, приносящими нам заметный душевный вред. Как бороться с этим?

Самое лучшее при этом – занять гостя такой беседой, чтобы для него была духовная польза. Для этого же, может быть, иногда бывает целесообразно и удобно почитать с гостями (из верующих) духовные книги и какие-либо назидательные рассказы или стихотворения на духовные темы.

Если у гостей нет склонности к духовной литературе, то нужно выбрать какие-либо светские, но хорошие, серьезные книги и стихотворения.

Словом, всегда с гостями надо уметь направлять их мысль в сторону уж если не религиозных, то возвышенных, облагораживающих идей, отучая их от сплетен, осуждений, праздных пересудов.

Схимонахиня Ардалиона (из Усть-Медведицкого монастыря) боролась с праздными посетителями тем, что просила их прочитать ей какой-либо из акафистов. Это прекратило приход к ней любителей поболтать. Как пишет архиеп. Арсений (Чудовской):

«Если же люди ищут только приятного времяпровождения с тобою, мирского знакомства, то бойся сего, бойся увлекающих к этому знакомству людей и беги от них, как от огня».

Подобные приемы, однако, надо применять не ко всем посетителям, а лишь к тем из них, кто имеет обычай посещать для препровождения времени в праздных разговорах и не является теми опечаленными, скорбящими, обиженными и несчастными, которых старец о. Алексей М. велит принимать с великой любовью и терпеливо выслушивать их скорби и горести.

Здесь уместно вспомнить один из эпизодов из жизни праведника о. Иоанна С. Мимо его домика проходили двое молодых людей, кронштадтских жителей.

– Зайдем к о. Иоанну, – предложил один из них.

– Хорошо, но о чем мы будем с ним говорить?

– Ну, о чем-нибудь поболтаем.

Молодые люди звонят; отпирает прислуга и впускает обоих.

– Попросите выйти к нам батюшку. Прислуга уходит и возвращается со словами:

– Батюшка просит вас подождать.

Молодые люди сидят и ждут его выхода.

Проходит 10, 20, 30, 50 минут. Молодые люди начинают терять терпение. Через час выходит прислуга и говорит им:

– Батюшка уехал в церковь служить всенощную. А вот это он просил вам передать, чтобы вы поболтали, – и она протягивает им стакан с водой и в нем ложечку для болтания. Переглянулись молодые люди и молча пошли к двери...

Глава 9. Светоносные

Вы – свет мира. Мф. 5, 14

Я не устану славить Бога

За чудеса прожитых дней,
Что так была моя дорога
Полна светящихся людей,
За то, что ими был обласкан,
Общался с ними, говорил
Без опасения, без маски
И радость сердцу находил.

А. Солодовников

«Светом мира» Господь назвал Своих учеников, указывая этим, что они будут для мира носителями этого света истины, правды, любви и Божественной благодати, которые принесены Им на землю. «Я – свет миру» (Ин. 8, 12и9, 5).

Где же найти нам этих светоносных учеников Христовых и по каким признакам узнать их?

Однажды ученик прп. Пахомия Великого (память 15 мая) просил его рассказать какое-либо из его видений.

Преподобный отвечал: «Если ты желаешь иметь прекрасное и замечательное видение, то я укажу тебе на одно из них: когда ты увидишь человека благочестивого, скромного сердцем, чистого – вот прекраснейшее из видений: ты увидишь Бога Невидимого в этом видимом человеке».

А пастырь о. Иоанн С. говорил:

«Все благочестивые люди – напоение Единого Духа Божественного, подобно напоенной губке. Человек святой – это звезда Божия, это – цвет роскошный, весь прекрасный, чистый; это – кедр благовонный, это – камень драгоценный, которому нет цены; это – прекрасное, плодовитое дерево рая Божия».

Такие люди, о которых говорят св. Пахомий и о. Иоанн С, люди светоносные и богоносные, составляют третью группу людей, которую, подобно «торгующим», нам надо также усердно искать в жизни. Эта группа будет также обогащать нас, оделяя нас своим духовным богатством.

Вот как пишет схиархимандрит Софроний о переживаниях его души при общении его со старцем Силуаном:

«Когда вы входите в место, исполненное благоуханием, то грудь ваша невольно раскрывается, чтобы глубоким

дыханием воспринять его всем своим нутром. Такое же движение души наблюдалось при общении со старцем. Спокойное, мирное, но вместе с тем очень сильное, глубокое желание овладевало душою – воспринять благоухание той сферы Духа Христова, в которой дано было жить старцу. Какое редкое, исключительное и совершенно особого рода наслаждение дает общение с таким человеком».

Как говорил прп. Иосиф Волоколамский:

«Если хочешь быть благочестивым, то найди человека, боящегося Бога и служащего Ему всей душой, и живи с ним. Если нашел ты такого человека, будь покоен: ты нашел ключ к Царству Небесному».

Как говорила одна игуменья:

«В пламенном желании привлечь души Господь внушает верным, чтобы они передавали свое рвение и радость своим ближним. Чем ближе душа к Богу, тем с большей силой она привлекает других, тем с большим усердием она влечет людей к небу. В этом участвует невидимый мир, который в свое время откроется перед нашим восхищенным взором, и мы почувствуем свое таинственное родство с ним и поймем, что святые рожают святых, пополняя род людей Божиих».

А подвижник благочестия Троицкий давал такой совет христианам:

«Пусть друзья твои и собеседники будут люди мирные, кроткие, целомудренные и богобоязненные».

Поэтому нам надо высоко ценить таких людей, прилепляться к ним всей душой, стать к ним в жизни как можно ближе и теснее, и, если возможно, то жить с ними под одной кровлей.

Это даст нам вместе с тем и возможность послужить таким людям, что особенно может обогатить христианина, по завету Христа: «Кто принимает пророка во имя пророка, получит награду пророка; и кто принимает праведника во имя праведника, получит награду праведника. И кто напоит одного из малых сих только чашею холодной воды, во имя ученика, истинно говорю вам, не потеряет награды своей» (Мф. 10, 41–42).

Здесь, впрочем, надо оговориться. Со святыми людьми отрадно жить только тем людям, которые ревностно ищут спасения и не боятся «узкого» и «тесного» пути подлинного христианства. Об этом так пишет схиархимандрит Софроний:

«Со святыми жить не всегда легко. Многие наивно думают, что со святыми приятно и радостно, жалеют, что они окружены грешниками, и желают встретить святого. Из отдельных встреч, которые исполняют нередко прежде печальную душу светлой надеждой и новыми силами, они готовы сделать заключение, что пребывание со святыми всегда так окрыляюще действует на душу. Это заблуждение. Никакой святой не может освободить от необходимости борьбы с живущим в нас грехом. Он может содействовать молитвою, укреплять своим примером, но освободить от труда и подвига он не может. И когда святой призывает и влечет нас жить по заповедям, тогда он может показаться «жестоким». Ведь сказали же некоторые и доныне говорят о Самом Христе: «Какие странные слова! Кто может это слушать?» (Ин. 6, 60). Так и слово святых, когда они требуют от нас хранения заповедей в чистоте, становится (для нас) непосильным и «жестоким»" («странным» – в русском тексте Евангелия).

Глава 10. Дружба и друзья

Еще в книгах Ветхого Завета много говорится о значении дружбы:

«Двоим лучше, нежели одному» (*Еккл. 4, 9*).

«Сладок всякому друг сердечным советом своим» (*Притч. 27, 9*).

«Верный друг – крепкая защита; кто нашел его, нашел сокровище. Верному другу нет цены» (*Сир. 6, 14–15*).

То же говорит и пословица: не имей сто рублей, а имей сто друзей.

На восхваление дружбы о. Павел Флоренский в своем замечательном труде «Столп и утверждение истины» отводит 71 страницу.

Но как непросто для многих найти хотя бы и одного верного друга, не говоря уже о многих друзьях.

Однако для верных Господу христиан это вполне достижимо. Более того – это не только достижимо, но и непременно будет иметь место в том случае, если человек всего себя отдаст Господу и пойдет в жизни за Ним. Господь так говорит об этом: «Нет никого, кто оставил бы дом, или братьев, или сестер, или отца, или мать, или жену, или детей, или земли, ради Меня и Евангелия, и не получил бы ныне, во время сие, среди гонений, во сто крат более домов, и братьев и сестер, и отцов, и матерей, и детей, и земель, а в веке грядущем жизни вечной» (*Мк. 10, 29–30*).

Но не нужно думать, что под оставлением дома и семьи Господь подразумевал непременно для всех их физическое оставление. И не только к апостолам, святителям, инокам и юродивым во Христе относятся эти слова.

Здесь уместно вспомнить св. Филарета Милостивого (память 1 декабря ст. ст.), св. мирянку Иулианию Лазаревскую (память 2 января), подвижника благочестия московского доктора Ф. Гааза и других подобных им христиан.

Св. Филарет Милостивый не оставлял своей семьи, а какое множество бедных, нищих и убогих – его друзей – собралось в Константинополе в день его похорон.

Св. Иулиания Лазаревская была матерью 13 детей, семьи своей не бросала, а все в округе были ее друзьями и плакали при ее смерти. Вспомним о том, как кормила она всех бедствующих в дни жестокого голода при Царе Борисе Годунове.

Доктор Гааз не имел семьи. Ради бедных и заключенных он растратил все свое состояние, продав свое имение, фабрику, выезд лошадей. Его хоронили на средства полиции.

Но он также не оставлял мира, жил в его гуще и ушел на тот свет от сонма своих друзей – заключенных, бедных, больных и несчастных, которым он посвятил самого себя. Вспомним, с какой нежностью к нему относились и вспоминали его даже уголовные преступники и каторжники.

Вот пути, на которых, не покидая семьи и мира, христианин может получить многих искренних и верных друзей. Как видно из этих примеров, дружба требует подвига. А если его нет и душа человека эгоцентрична (т. е. обращена на себя – эгоистична), то вряд ли может иметь место и глубокая дружба.

Как пишет о. Сергий Булгаков:

«Дружба, как и любовь, имеет свои опасности и соблазны и нуждается в аскезе и подвиге – даром не дается никакое духовное достояние».

Особо близкая дружба может быть у вполне единомысленных христиан, близких по интересам, умственному развитию и положению в обществе.

Здесь может иметь место то «побратимство», для которого в Церкви имеется свой особый молитвенный «чин братотворения».

Сюда же относится и старинный обычай обмена нательными крестиками.

В заключение следует упомянуть, что на высших ступенях «стяжания Святого Духа Божия» у христианина может и не быть стремления к дружбе, как это имеет место у отшельников и затворников. Об этом так пишет архиепископ Варлаам (Ряшенцев):

«Не ищи друзей на земле, а имей и стяжи другом Господа и святых во главе с Матерью Божией. Если случится друг, благодари Господа, давшего его, но сам не утешайся им, а Господом, чтобы чувство одиночества у тебя не пропало. И ты не будешь одиноким, а с тобою будет Господь. Господа ни на кого не меняй и сердца не разделяй, а отдавай его целиком Господу, и ближнего люби не самостоятельно, ради его хорошести, и не эгоистически, ради его утешения, а ради Господа – как Его чадо, люби во свете любви Божией, как любим Пасху, чисто и светло. Старайся всем служить во имя Божие, а не по уважению и симпатии друг к другу, по возможности люби всех одинаково, по-братски; но ответной любви не жди и не утешайся ею, если она будет, чтобы сердце не потеряло любви к Богу, и не променяй небесной радости с Господом на ревнивую муку и досаду с человеком.

Если станешь другом Господа, то, утешаясь этим, станешь и сам тяготиться даже чистой дружбой, так как все Божие неизреченно сладостно, а человеческое тягостно и смрадно. Итак, не унывай, всех люби и от всех беги, дружбы не ищи, бойся ее, как огня поядающего. Всем служи, но награды жди не от них, а от Господа».

Глава 11. Ближние по плоти, истинные враги и истинные друзья христианина

Ибо кто будет исполнять волю Отца Моего Небесного, тот Мне брат и сестра и мать. Мф. 12, 50

Почитай отца и мать. Мф. 15, 4

Если же кто о своих и особенно о домашних не печется, тот отрекся от веры и хуже неверного. 1Тим. 5, 8

И враги человеку – домашние его. Мф. 10, 36

Следует подчеркнуть разницу в отношении к ближним по плоти со стороны людей, живущих законами мира и живущими во Христе. Христианин имеет заповедь: «Если кто приходит ко Мне и не возненавидит отца своего и матери, и жены и детей, и братьев и сестер и притом и самой жизни своей, тот не может быть Моим учеником» (Лк. 14, 26).

Эту заповедь Господа можно пояснить словами св. Иоанна Лествичника, который говорит:

«Любовь к Богу погашает любовь к родителям и прочим ближним по плоти; говорящий, что имеет ту и другую любовь, обольщает себя».

О том же пишет и еп. Игнатий (Брянчанинов):

«Евангелие отвергает любовь, зависящую от движения крови, от чувств плотского сердца. Господь говорит: «Не думайте, что Я пришел принести мир на землю; не мир пришел Я принести, но меч. Ибо Я пришел разделить человека с отцом его, и дочь с матерью ее и невестку со свекровью ее. И враги человеку – домашние его...» (Мф. 10, 34–36). При некотором обветшании ветхости (т. е. духовном возрождении) любовь к сродникам остывает и они становятся в разряд всех

вообще человек, в каковом всю силу имеет родство духовное».

Итак, высшее чувство вытесняет, поглощает низшее. Но это не значит, что христианин, загоревшийся пламенем Божественной любви, будет холоден к родным и близким. Он будет любить их, как и всех окружающих, но уже любовью Христовой, чуждою пристрастий, родственных уз и привычных склонностей.

Кроме того, ближними своими он должен почитать тех, кто имеет в нем сейчас нужду, вне зависимости от степени родства, вероисповедания, национальности и т. п. (притча о милосердном самарянине).

И особенно близкими и родными себе по духу христианин должен почитать только близких ко Христу, помня, что Господь установил для христиан степени родства не по плоти, а по духу: «Ибо кто будет исполнять волю Отца Моего Небесного, тот Мне брат, и сестра, и мать» (Мф. 12, 50).

С такими близкими он может надеяться никогда не разлучаться – они его друзья в вечности.

Об этом так говорил прп. Антоний Великий своим ученикам:

«Знайте, что в будущей жизни вы будете поставлены к ряду тех, с кем вы делили радость и горе».

Как пишет о. Александр Ельчанинов:

«Когда Христос за заслуги одного говорит: «Ныне пришло спасение дому сему» (Лк. 19, 9), то эти слова говорят о признании и в том мире вечности наших земных связей. Заслуги и страдания одного спасают и его близких. Как утешительны и многозначительны эти слова, какую вечную ценность придают они нашей земной жизни».

Однако опасно прилепиться сердцем к людям, хотя и родным по крови, но неверующим и обладаемым страстями. Разделяя их переживания при жизни тела, мы будем близки к ним и после смерти и тогда не найдем покоя и мира души, видя их посмертные страдания. Очевидно, что таким людям надо служить и помогать по заповедям Господним, но сердца к ним не прилагать.

Благо отдать все свое сердце Богу, святым и тем христианам, в которых живет Дух Святой (из числа нас окружающих). С ними мы тесно будем связаны и в вечности, если будем этого достойны.

Вот почему и прп. Пахомий Великий давал такой совет своим ученикам:

«Имейте свое общение лишь с теми, кто боится Господа и кто может быть вам полезен своею праведною беседою, подавая душе вашей истинное утешение».

Итак, близких по духу христиан не разлучает ни пространство, ни время: при взаимной молитве друг о друге не может разделить близких никакое расстояние, а короткое время разлуки в жизни на земле – не страшно для тех, кто живет вечностью.

Следует, однако, оговориться, что если в христианине естественная любовь к родственникам поглощена огнем Божественной Христовой любви, то это не значит, что в какой-то мере с него снимаются его обязанности по отношению к своим родителям и близким по плоти. Ап. Павел пишет: «Если же кто о своих, особенно о домашних, не печется, тот отрекся от веры и хуже неверного» (1Тим. 5, 8).

Что же касается отношений к родителям, то надо вспомнить ту строгость, с которою Господь обличал иерусалимских книжников и фарисеев за пренебрежение заповедью о почитании отца и матери ради предания (Исх. 20, 12; Мф. 15, 1–6).

Вместе с тем следует обратить внимание и на то, что в заповеди об отношении детей к родителям не говорится о любви, но лишь о «почитании». Это потому, что человек не властен над своим сердцем и в нем может отсутствовать любовь, в том числе и к родителям.

Это не есть грех, так как любовь есть дар Божий. Но хотя бы и не было любви, христианин обязан «почитать» родителей, т. е. оказывать им полное уважение, внимание, почтительность.

Он должен всячески ублажать их, снисходить к их слабостям и недостаткам, считаться с их склонностями и привычками; в старости содержать, кормить и всячески

заботиться о них; а по смерти усердно молиться об упокоении их душ, отмечая усиленной молитвой (заупокойные службы, сорокоусты и панихиды) и (по возможности) «поминками» дни их именин и смерти тела.

Забываясь о близких и почитая родителей, христианин, однако, всегда должен помнить о предупреждении Господа, что его домашние могут быть и истинными «врагами его» (Мф. 10, 36).

Когда же они бывают такими врагами?

«Отойди от Меня, сатана. Ты мне соблазн, потому что думаешь не о том, что Божие, но что человеческое», – так Господь сказал апостолу Петру, когда тот стал отводить Его с крестного пути и просил Его: «Будь милостив к Себе, Господи» (Мф. 16, 22–23).

Поэтому и нам надо бегать от тех из наших близких, которые нас толкают на нарушение заповедей Божиих, соблазняют ко греху, потворствуют нашим страстям, ослабляют веру, препятствуют благочестивой и воздержанной жизни.

Всякому христианину, идущему за Христом путем посильного подвига и воздержания, надо заранее примирить себя с возможными конфликтами со своими ближними.

Таков закон, указанный св. отцами: когда диавол не имеет силы непосредственно повлиять на христианина в его искании Царства Небесного, то он вооружается на него через его ближних, вооружает их против его образа жизни, их устами он просит его пожалеть себя, не расстраивать своего здоровья – уменьшить молитвы, умерить пост и т. д.

Когда это не удастся, то злобный дух стремится озлобить близких против христианина, и ранее ласковые уговоры иногда переходят во вражду, резкие слова и брань. Христианин делается тогда противным своим близким, к нему чувствуют злобу и ненависть.

Про это говорят и Симеон Новый Богослов (см. § 6, § 7 т. V *Добротолюбия*) и св. Макарий Великий (см. §§ 245–250 из т. I *Добротолюбия*) и другие.

Господь велит отсекал от себя члены свои, соблазняющие нас (Мф. 5, 29–30).

Авва Агафон Египетский говорит:

«Если увижу, что самый возлюбленный мой увлекает меня в душевный вред, то немедленно отвергну его от себя, т. е. прекращу знакомство и сношение с ним».

Старец Амвросий Оптинский так пишет в одном письме:

«В большие толки с братом своим не пускайтесь. Желая ему принести душевную пользу, остерегайтесь, как бы не повредить и себе. Знайте, что вы через брата должны будете в таком случае выслушивать глубины сатанинские, т. е. пагубные вражия возражения и сомнения, которые он изобрел в продолжение восьми тысяч лет. В силах ли будем опровергать это? И можем ли без вреда выслушивать?»

Если надо бегать от близких, дурно влияющих на нас, то тем более нельзя сближаться с посторонними, не знающими и не чтущими Бога.

Старец Варсонофий из Оптиной пустыни говорил:

«Не имейте духовного общения с неверующими и еретиками; если бы они были даже ваши близкие родные и тогда оставьте их. Вы можете за них только молиться».

Всякий христианин будет встречать в жизни и тех, кто будет обижать, преследовать или ненавидеть его. Пусть не удивляется христианин, что встречает в жизни таких людей, несмотря на свое к ним хорошее и мирное отношение. Как уже говорилось выше, там, где лукавый теряет власть над душой человеческой, он начинает на нее ополчаться извне – через окружающих людей.

Прп. Макарий Великий пишет: «Где Дух Святой, там, как тень, следуют гонения и брань». Поэтому христианин должен быть всегда готов к нападкам на себя.

При этом надо помнить и следующие слова Оптинского старца Никона:

«Никто и ничто не может повредить человеку, если он сам себе не повредит; кто же не уклоняется от греха, тому и тысяча спасительных средств не поможет».

Отношение христианина к нападающим указано Христом с полной ясностью: «Любите врагов ваших, благословляйте

проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас» (Мф. 5, 44).

Эту заповедь Господа следует дополнить следующим разъяснением пастыря о. Иоанна С:

«Человек, озлобленный против нас, есть человек больной, надо приложить пластырь к сердцу его – любовь; надо приласкать его, поговорить с ним с лаской и с любовью. И если в нем не закоренелая против нас злоба, а только временная вспышка, – посмотрите, как сердце его или злоба его растает от нашей ласки и любви, как добро победит зло. Христианину нужно быть всегда благим, мудрым на то, чтобы благим побеждать злое».

Таково же должно быть отношение христианина ко всем своим идейным противникам. Здесь нам надо всегда помнить наставление ап. Павла, который пишет: «Наша брань не против крови и плоти, но против начальств, против властей, против мироправителей тьмы века сего, против духов злобы поднебесных» (Еф. 6, 12).

Поэтому, кто бы ни был человек, с которым мы встретились, как бы ни неприемлемы были для нас его убеждения, мы все же обязаны по долгу христианина оказать ему не только полноту уважения, внимательности и почтительности, но и полноту милосердия. Если он в нужде, мы обязаны помочь ему, в печали – утешить, в болезни – навестить и т. д.

Здесь существует всегда соблазн – при разности взглядов и убеждения оттолкнуться от человека, чувствовать к нему неприязнь, осуждать и даже в словах порочить его.

Подобное отношение может распространиться на целую группу инакомыслящих людей, но оно совершенно недопустимо для христианина. Господь не дает нам права судить кого бы то ни было (Мф. 7, 1).

Следует сказать, что мы часто не распознаем в жизни наших истинных врагов и считаем их друзьями и, наоборот, истинных друзей считаем врагами.

Господь призывает нас: «Не бойтесь убивающих тело, души же не могущих убить; а бойтесь более того, кто может и душу и тело погубить в геенне» (Мф. 10, 28).

Отсюда нашими истинными врагами являются лишь те близкие или мнимые друзья, которые толкают нас ко греху и соблазнам и этим могут «погубить в геенне» и тело и душу. Те же, кто гонит и преследует нас, являются скорее не врагами, а нашими благодетелями. Сезеновский затворник Иоанн так говорил про них:

«Если бы у вас не было врагов, то как бы могли вы войти в Царство Небесное? Мы должны быть благодарны им как своим благодетелям. Они своим поношением даруют нам венцы».

А прп. Варсонофий Великий велит христианам «принимать бьющего как греющего, бесчествующего как прославляющего, досаждающего как почитающего и утесняющего как успокаивающего. Особенно возлюби искушающих тебя. Если вникнем, то найдем, что они-то и приводят нас в преуспеяние».

О тех лицах, которые заставляют нас переносить скорби, и св. Марк Подвижник велит думать как об орудиях нашего спасения.

Если такие люди обличают нас, то оказывают нам пользу и в отношении познания нами своих грехов, недостатков и слабостей.

Св. Иоанн Златоуст говорит: «Если хочешь узнать истину о себе – ищи ее у врагов, они тебе скажут».

По его же словам мы приобретаем достоинство мучеников, считая наших врагов в числе наших благодетелей и не прекращая молитвы за них.

А один пастырь заверяет нас, что «когда про вас говорят плохо, то говорят верно; вас хвалят – это смеются над вами. Что для вас лучше: чтобы вас предостерегали или обманывали? Чтобы к вам относились серьезно, или с вами шутили?»

Поэтому беда для христианина, если его никто не обличает, не учит, не укоряет. И нам надо усердно молиться, чтобы Господь послал нам таких людей, и молиться за них Господу как за наших благодетелей.

Ап. Павел заповедует нам: «Если возможно с вашей стороны, будьте в мире со всеми людьми» (*Рим. 12, 18*).

Здесь следует обратить внимание на слова «если можно». Но часто это бывает нельзя, и вот в каких случаях.

Иногда окружающие нас люди требуют от нас, чтобы мы пошли на компромисс со своей совестью, или нарушили бы исполнение Божьей заповеди, или проявили бы к кому-либо немилосердие, или поступили бы не так, как, нам кажется, надо поступить в согласии с волей Божией.

Здесь мы должны проявить твердость и не бояться конфликта или ссоры с окружающими нас людьми, кто бы они ни были.

Вспомним, как жена говорила страдающему Иову: «Ты все еще тверд в непорочности твоей! Похули Бога и умри» (Иов. 2, 9).

Нельзя также равнодушно смотреть и молчать, видя, что ближнего обижают или развращают, колеблют его веру, учат нарушать заповеди Божии. Здесь мы должны также противостоять с твердостью и мужеством.

Что подобные случаи неизбежны для христианина, видно из слов Господа: «Горе вам, когда все люди будут говорить о вас хорошо» (Лк. 6, 26).

Итак, тот, кто хочет быть истинным последователем Христа, тот не может мириться со злом. Он должен быть приготовлен к вражде мира. Господь говорил Своим ученикам: «Если Меня гнали, будут гнать и вас» (Ин. 15, 20).

Глава 12. Правители, начальники и подчиненные

Всякая душа да будет покорна высшим властям. Рим. 13, 1
Начальник ли, начальствуй с усердием. Рим. 12, 8

В отношении правителей и начальников Священное Писание дает совершенно ясные указания отношения к ним христианина. Ап. Павел пишет: «Всякая душа да будет покорна высшим властям, ибо нет власти не от Бога; существующие же власти от Бога установлены. Посему противящиеся власти противятся Божию установлению. А противящиеся сами навлекут на себя осуждение...*Начальник* есть Божий слуга, тебе

на добро... И потому надобно повиноваться не только из страха наказания, но и по совести. Для сего вы и подати платите, ибо они Божии служители, сим самым постоянно занятые. Итак отдавайте всякому должное: кому подать, подать; кому оброк, оброк; кому страх, страх; кому честь, честь.

Не оставайтесь должными никому ничем, кроме взаимной любви» (Рим. 13, 1–8).

Как пишет старец Силуан:

«Кто носит в себе хотя бы малую благодать, тот с радостью подчиняется всякому начальству. Он знает, что Бог управляет и небом, и землею, и преисподнею, и им самим, и его делами, и всем, что есть в мире, и потому всегда бывает покоен».

О том же пишет и пастырь о. Иоанн С:

«Обновленный человек находит удовольствие в послушании... Принимаю за выражение воли Твоей, Господи, все, что требуют от меня поставленные надо мной власти, все, что делают со мною другие (терпение), все, что со мною бывает, ибо ничего не бывает без Тебя».

Св. ап. Павел сам показывал пример полного уважения и мудрого отношения ко всем начальникам, с которыми он встречался. Вспомним его защитительную речь перед правителем – римлянином Феликсом, исполненную почтительности (Деян. 24, 10–21).

Любовное – с открытым сердцем – отношение ап. Павла ко всякому человеку, вне зависимости от верования, национальности и положения, открывало апостолу сердца для проповеди, которая и была так успешна у ап. Павла. Будучи иудеем, он пленял сердца язычников, включая и многих из начальствующих (например, обращение проконсула. Сергия Павла – Деян. 13, 7–12).

То же самое можно сказать и про прп. Антония Великого. Он был так приятен и обходителен в обращении со всеми, что его почитали все знавшие его язычники и посещавшие его языческие жрецы и философы.

Вот чему должен подражать каждый христианин: для всех должно быть открыто его сердце. И каждого человека (вне

зависимости от его положения и убеждений) мы должны считать за друга, боясь как огня неприязни и осуждения.

Впрочем, в отношении к власти имущим у христиан не должно быть раболепства или согласия с ними при творении ими неправды. И здесь св. отцы призывают христиан, откинув страх, встать на борьбу за попорченную правду, считая, что Бог сильнее всех властей.

Для одного из таких случаев прпп. Варсонофий Великий и Иоанн говорят:

«Из властей же да никто не устрашит вас, ибо воле Божией никто противостоять не может. Всегда помните, что надобно до самой смерти подвизаться за истину. Господь да противостоит за вас на брань».

Как пишет прп. Антоний Великий:

«Начальники и владыки имеют власть над телом только, а не над душой, и всегда содержи это в мысли своей. Поэтому, когда они приказывают, например, убить или другое что сделать неуместное, несправедливое и душевредное, не должно их слушать, хотя бы они мучили тело. Бог создал душу свободною и самовластною, и она вольна поступать, как хочет, – хорошо или худо».

Яркий пример подобного отношения к властям дает св. Иоанн Креститель (Мк. 6, 17–29).

В тех случаях, когда христианин сам является начальником и имеет подчиненных, у него может возникнуть опасность – ради каких-либо житейских или служебных интересов забывать о человеке и жестоко, без сердца поступать с подчиненными. Старец Силуан говорит, что «начальник должен любить своих подчиненных, как мать любит своих детей, а если кто непослушлив, то должен за него усердно молиться Богу: «Господи, вразуми раба Своего: Ты любишь его», – и тогда молитва твоя принесет ему пользу и сам ты познаешь, как хорошо молиться за подчиненных.

Хорошего начальника все будут любить, потому что все люди любят, когда с ними ласково обращаются. Опыт показал, что не надо плохо мыслить о человеке, потому что за это уходит благодать Святого Духа от души».

Как пишет еп. Феофан Затворник:

«Начальник должен так себя в сердце поставить, чтобы душа его чувствовала себя последней послушницей».

У всякого начальника (или учителя) могут, однако, встретиться случаи, когда надо проявить свою власть, оберегая других подчиненных (или учеников) от соблазна, порчи или дурного влияния от какого-либо из подчиненных (или от ученика). В этом случае надо проявить твердость, и если не помогают увещевания, то удалить приносящего вред. Как пишет о. Алексей М.:

«Общее благо выше частного».

Глава 13. «Случайные» встречи

Дорог перед Богом каждый единый из малых сих. Схиархимандрит Софроний

Есть люди, с которыми мы «случайно» встречаемся, может быть, всего один раз в жизни, на несколько дней, часов, а может быть, даже и минут.

Как будто бы эти «случайные» люди мало имеют для нас значения, и стоит ли уделять им особое внимание?

Однако надо помнить, что в мире нет никаких случайностей и все совершается по неизменному Промыслу Божию, для всего имеется высокая цель, определенная в предвечности.

Нам надо помнить, что все происходящее вписывается в книгу жизни христианина и все имеет решающее значение для судьбы души его в будущем веке – в эре его новой, вечной жизни. Поэтому и ко всякому «случайно» встретившемуся человеку надо отнестись с полным вниманием.

Вот как пишет об этом о. Александр Ельчанинов:

«Нет случайных встреч: или Бог посылает нужного нам человека, или мы посылаемся кому-то Богом, неведомо для нас. Мы умоляем Бога о помощи, а когда Он посылает нам ее через определенное лицо, мы отвергаем ее с небрежностью, невниманием, грубостью. Как сделать, чтобы не было скучно с человеком? Надо понять, что Бог творит Свою волю о нас через людей, которых Он посылает к нам».

А старец о. Алексей М. давал по этому поводу такие указания:

«Господь сталкивает нас с людьми не напрасно. Мы вот все относимся к людям, встречающимся с нами в жизни, равнодушно, без внимания, а между тем Господь приводит к тебе человека, чтобы ты дал ему, чего у него нет. Помог бы ему не только материально, но и духовно: научил любви, смирению, кротости – словом, привлек ко Христу своим примером. Если ты ему откажешь, ни в чем не послужишь, то помни, что он все-таки не будет лишен этого. Господь дает тебе случай сделать добро, приблизиться к Богу. Если ты не хочешь, Он найдет другого человека, который даст требующему должное и нужное ему. Господь так любит нас, так благ к нам, так внимателен, что все эти «случаи» – встречи с разными людьми – не «случаи», а это все Господь через людей действует...Нужно хранить себя, быть чистым сосудом, чтобы Господь мог свободно располагать человеком для спасения других. Мы должны спасать себя и других, быть снисходительнее, изучать других, чтобы и относиться к ним так, как требуют того их положение, характер, настроение. Например, человек нервный, необразованный, а мы будем требовать от одного спокойствия, от другого деликатности или еще что-нибудь: это будет безрассудно; мы должны очень строго следить за собой».

Как пишет о. Павел Флоренский:

«Понимать чужую душу – это значит перевоплощаться».

Благо тем людям, которые способны встречному раскрыть в нужной мере свое сердце, во встречном видеть «младшего брата» Христа и не жалеть ни сил, ни времени для того, чтобы послужить ему в самом нужном для него в данный момент.

Нам надо всегда помнить слова схиархимандрита Софрония, что «каждый человек есть непреходящая вечная ценность, большая, чем весь прочий мир, и что дорог перед Богом каждый «единый от малых сих» (Мф. 25, 40).

Поэтому ап. Павел и пишет так про себя: «Я угождаю всем во всем, ища не своей пользы, но пользы многих, чтобы они спаслись» (1Кор. 10, 33).

Слово к ближним

Глава 14. Значение слова

От слов своих оправдаешься и от слов своих осудишься.
Мф. 12, 37

Да будут слова уст моих... благоугодны пред Тобою. Пс. 18, 15

Злое слово и добрых делает злыми, а доброе и злых превращает в добрых. Прп. Макарий Великий

Наше общение с ближними осуществляется более всего в словах и беседах с ними.

Понимаем ли мы всю меру нашей ответственности перед Богом за произносимые слова?

Слово – это проводник, через который вливаются в душу не только мысли и образы, но и поток ощущений, переживаний, чувств и пожеланий.

Как пишет о. Иоанн С:

*«Из существа мыслящего духа рождается слово, присущее ему, в себе показывающее мысль и равное ей; от мысли и с мыслию исходит дух, почивающий в слове и в слове сообщающийся слушающим; этот дух вполне равен и мысли, и слову и присущ им. Например, в слове **люблю** видишь и любящее начало и слово, от него рожденное, и ощущаешь какое-то приятное дыхание любви».*

А вот как говорит о слове о. Павел Флоренский:

«Слово есть эманация воли человека; это выделение души его, самостоятельный центр сил – как бы живое существо, с телом, сотканным из воздуха, и внутренней структурой – формой звуковой волны».

Всем известно могущество слова в устах выдающихся ораторов, трибунов и вождей народов. Сам Господь Иисус Христос, Сын Божий, назван Его ближним учеником евангелистом Иоанном как воплотившееся «Слово» – «Логос», которое «в начале было... у Бога» (Ин. 1, 1–2).

Слова Господа имели необыкновенную силу: «Никогда человек не говорил так» (Ин. 7, 46), говорили про Него иудеи,

«слово Его было со властью» (Лк. 4, 32). Этим словом Господь воскрешал мертвых, творил чудеса и преображал души человеческие.

Так же действовали словом и св. апостолы, положившие начало Церкви Христовой, и весь бесчисленный сонм Его учеников во всех странах и во все времена.

По существу употребление слова не отличается от дела – действия.

Как пишет еп. Феофан Затворник:

«Говоря, ты рождаешь слово. Ты произнес слово, и оно никогда уже не умрет, но будет жить до Страшного Суда. Оно станет с тобой на Страшном Суде и будет за тебя или против тебя».

А митрополит Московский Филарет говорит:

«Слово человеческое может быть изострено, как меч, и тогда оно будет ранить и убивать; и может быть умягчено, как елей, и тогда будет врачевать».

Словами можно возвышать, очищать и облагораживать людей, прививать им веру, радость и бодрость, возрождать в них любовь и милосердие, сообщать душе мир и спокойствие.

И наоборот – скверными словами можно убивать и отравлять душу, можно заражать всеми видами страстей, греха и порока, можно растлевать невинные, чистые сердца, можно отравлять существование окружающих.

Ап. Иаков пишет:

«Если кто из вас думает, что он благочестив, и не обуздывает своего языка... у того пустое благочестие... Язык – небольшой член, но много делает... язык – огонь, прикраса неправды; язык в таком положении находится между членами нашими, что оскверняет все тело... будучи сам восплаем от геенны... Язык укротить никто из людей не может: это – неудержимое зло; он исполнен смертоносного яда. Им благословляем Бога и Отца, и им проклинаяем человеков... Из тех же уст исходит благословение и проклятие» (Иак. 1, 26; 3, 5–10).

Но не только проклятие наносит вред ближнему. Если бы мы имели духовные очи, то могли бы видеть, как из наших уст

часто изливается яд при нашем разговоре. Вот мы говорим обидное, колкое или грубое слово ближнему и этим наполняем его душу горечью, обидой, досадой, раздражением. Вот мы передаем рассказ (часто ложный), порочащий ближнего, и яд, портящий его репутацию, разливается вокруг него, отравляет его жизнь, чернит в глазах ближних, ссорит с ними, создает ему неприятности в жизни. Вред от подобных слов очевиден. А вот зло, которое мы, может быть, иногда не замечаем. В разговоре мы высказываем беспокойство и опасения о каких-либо житейских делах, и наш знакомый отходит от нас зараженным маловерием и опасением за свою судьбу, забывая о Промысле и милосердии Божиим. Мы рассказываем про знакомых – как они ловко умеют устроить житейские дела путем не совсем честных приемов, а наш ближний огорчен и соблазнен. Он думает: «А я-то какой простак! Я так неумен и неопытен в жизни. Вот как надо жить! И что тут особенно стесняться? Велик ли тут грех? Ведь так делают все; разве не правильно, что «с волками жить – по-волчьи выть?»»

И зло – яд лукавства и пронырства – перешло через ваши уста в душу ближнего.

О том, как можно неосторожно словом погубить человека, так рассказывала одна старица:

«Вы проходите по трамваю и неосторожно задеваете одного из пассажиров. Он делает вам резкое замечание. Вместо того, чтобы просто извиниться, вы сами раздраженно обвиняете его в неловкости. Происходит обычная трамвайная ссора. Но послушайте, что из этого вышло. Этот пассажир был на грани психического расстройства и боролся с мыслью о самоубийстве. Трамвайная ссора еще больше усугубила мрачное состояние его души и, как последняя капля на чашу весов, нарушила его колебание в сторону самоубийства. Он кончает с собой, а вы должны причислить себя к убийцам».

Вот универсальный совет архиепископа Иоанна об употреблении слова:

«Хорошо ничего не говорить, чего нельзя было бы оставить навсегда в душе другого человека».

Обличая наше пустословие, он писал: «О пустом мы говорим глубоко (т. е. много), а о глубоком мы говорим пусто» (т. е. говорить не умеем).

Глава 15. Беседа с ближними

За всякое праздное слово, какое скажут люди, дадут они ответ в день Суда. Мф. 12, 36

Что такое праздное слово?

Праздное – это значит лишнее, ненужное, не вызванное нуждой.

Почему же так строго говорит Господь об ответственности за праздное слово? Нам оно кажется таким пустяком!

Но дело в том, что в положении и состоянии христианина нет как бы срединного, безразличного состояния. Одно из двух: или он в Духе Святом – в святости – и творит дела и говорит по воле Божией; или, наоборот, он в рабстве у своего врага и послушно выполняет его волю в делах и в словах.

А уж лукавый не упустит того, чтобы в наши слова вложить каплю своего змеиного яда, хотя на первый взгляд в этих словах и не было чего-либо предосудительного.

Но, если внимательно разобрать эти праздные слова в наших беседах, то в них всегда можно найти закваски страстей – тщеславия, гордости, неприязни и осуждения ближнего, проявления маловерия, зависти и т. д. И, таким образом, всякое такое слово противно Богу и поэтому является грехом.

Прп. Антоний Великий пишет, что «Святой Дух (в христианине) ничем так не погашается, как суетными беседами».

При этом можно заметить, что бесполезная трата времени в разговорах сильнее проявляется, если в разговоре участвует много лиц. Разговоры душевные, утешающие, ободряющие и питающие душу – это обычно диалоги.

Уже третий собеседник чаще всего мешает в таких случаях откровенности и стесняет. Недаром у японцев сложилась поговорка: там, где беседуют более двух человек, там потерянное время.

Лишь при беседе вдвоем душа может всецело отдаться собеседнику, соприкоснуться тесно с его душой, согреть ее вниманием, любовью, участием, разделить с ним горе, перелить в него свою бодрость, веру и жизнерадостность.

Так служат миру старцы. Так должна подражать им и всякая христианская душа, стяжавшая в какой-то мере любовь, веру, мир и духовную бодрость.

А вот и еще обстоятельство, на которое мы обычно не обращаем внимания при разговорах.

Мы мирно беседуем с ближним, рассказываем ему про себя, сообщаем новости. Пусть в этом не было зла, но если в разговоре не было необходимости и нами не руководили благие чувства: утешить, посочувствовать ближнему, научить его чему-нибудь полезному, дать благой совет, сообщить необходимые ему сведения – если этого всего не было, то сколько времени мы погубили и у себя, и у ближнего, мы обокрали и его, и себя, растратили и его, и свои «таланты» (время) попусту.

Вот почему, по наставлениям св. отцов, во всяком необходимом разговоре с людьми мы должны соблюдать краткость и уклоняться от бесполезного многословия.

Как пишет о. Александр Ельчанинов:

«Между духовным ростом и многословием – обратная пропорциональность».

Легка и соблазнительна замена духовного напряжения болтливостью. В этом – соблазн всякого «учительства». Поэтому до того, как что-либо рассказывать ближнему, надо подумать о том, обогатит ли ближнего этот рассказ духовно и действительно ли ему надо его знать по какой-либо серьезной причине.

Как говорил старец Варсонофий Оптинский:

«В раю много покаявшихся грешников, но болтливых – ни одного».

Рассказывая, нужно выбросить все ненужные подробности и стараться занять у собеседника как можно меньше времени и внимания. Лаконичность в словах – великое достоинство слова.

Как говорил старец Парфений Киевский:

«Многоречие отгоняет благодать и погубляет теплоту души».

Как всем известно, длительные беседы могут сильно утомлять и их следует избегать. Но если уж они будут необходимы, то они должны вестись неторопливо, с постоянной памятью о Боге и с мирным состоянием души. Это предохранит от излишнего утомления.

Христианину надо осторожно относиться к рассказыванию анекдотов и избегать тех из них, которые кого-либо порочат, содержат насмешку над ближними и начальниками или грешат против целомудрия.

Шутка уместна лишь тогда, когда она будет поддерживать бодрость ближних и предохранять их от уныния, тоски, усталости.

Так же надо стараться в беседах переводить темы из греховных (например, при осуждениях, при порочащих ближних рассказах и т. п.) или пустых – на темы духовные (с верующими людьми) или хотя бы полезные для ближних.

Про необходимость величайшей осторожности в беседах так говорит св. Нифонт Цареградский:

«Тот, кто не хранит всегда уст, если и весь год постится, не получает никакой пользы».

В беседах с ближним важно не только то, что нами было сказано, но также и то, как, с каким чувством вы с ним говорили.

Ближнего можно обидеть не только словами, но также тоном голоса, манерой произнесения слов. За последними кроется то чувство, которое диктовало слова. Это чувство идет от сердца и может или согревать любовью, лаской, нежностью, или, наоборот, бить ближнего без удара, унижать и оскорблять без пощечины.

С другой стороны, одними только ласковыми, милыми словами по отношению к ближним можно нажить себе духовный «капитал».

Отец одной христианки отличался необычайной добротой в жизни и вместе с тем свою помощь к людям сопровождал необходимой ласковостью к ним.

Уйдя на тот свет, он в одном сне явился дочери и сказал ей: «Знаешь ли ты, что каждое ласковое слово при жизни служит вечности?»

Старец Амвросий Оптинский некоторых из своих близких духовных детей называл иногда «дураком». Но это название, оскорбительное по существу, не только не оскорбляло, но согревало и радовало сердца слышавших его. Они слышали в нем ту любовь, которой наполнено было к ним сердце старца и которая светилась в его очах.

Вот почему ап. Павел писал: «Если я говорю языками человеческими и ангельскими, а любви не имею, то я – медь звенящая или кимвал звучащий» (1Кор. 13, 1).

По словам св. Тихона Задонского:

«Любовь сыщет слова, которыми можно созидать ближнего. Она представит способ, ум и язык твой направит, и дело это не требует красных речей».

Итак, основным требованием к слову в беседах является то, чтобы оно шло от сердца, исполненного любовью к ближнему. И когда слово «осолено» любовью, то человек не может погрешить, хотя бы с внешней стороны оно и было небезупречно.

Наоборот, можно обидеть, оскорбить или унижить ближнего при внешней видимости порядочности и безобидности слова, если в душе будет превозношение над ближним или желание обесчестить или унижить его.

Не только любовью должно быть проникнуто слово, но также смирением перед ближним, глубокой верой в Бога, надеждой на Его Промысл, мудростью, рассудительностью и другими добродетелями. Такое слово будет привлекать ближнего, смягчать его сердце, вселит в него веру и надежду на Бога – будет очищать и возвышать его душу.

Здесь мы приходим к уже ранее выведенному положению. При здоровье души, при чистоте сердца, при наличии в христианине Святого Духа Божия у него будет и благое доброе слово, которое будет служить на пользу людям.

В привычку должна войти и наша склонность в беседах с ближними говорить не о своих, а об их делах и интересах. Этим

мы исполним заветы ап. Павла: «радуйтесь с радующимися и плачьте с плачущими» (Рим. 12, 15) и «мы должны сносить немощи бессильных и не себе угождать» (Рим. 15, 1).

Своим участием и сочувствием мы можем облегчить скорбь ближнего, можем помочь ему своим советом, поделиться опытом и знаниями.

Праздные же рассказы о себе и своих делах свидетельствуют о нашем самомнении, тщеславии и эгоистической установке нашего духа с фиксацией внимания на себе и своих интересах («эгоцентризм», или «автоэротизм»).

Это не относится, однако, к тем случаям, когда мы сами нуждаемся в совете или ищем утешения и ободрения у сильнейших нас духом.

Очевидно, что при разговорах нам надо помнить и указание Господа: «Не бросайте жемчуга вашего перед свиньями» (Мф. 7, 6).

Отсюда следует, что при беседах надо хорошо учитывать духовный возраст, духовное состояние и все душевные особенности собеседника.

Старцы Варсонофий Великий и Иоанн говорят:

«Ты должен рассмотреть, кому говоришь. Когда ты знаешь, что слушающий получает пользу, тогда побеседуй с ним, а иначе не нужно беседовать».

На то же указывал и прп. Серафим Саровский, который говорил:

«С человеком душевным надобно говорить о человеческих вещах; с человеком же, имеющим разум духовный, надобно говорить о небесных. В мире о духовных вещах говорить не должно, особенно когда в человеке не примечается и желания к слушанию».

Этот совет надо помнить особенно нам, живущим в период массового отступления от веры.

Об этом так пишет архимандрит Иоанн:

«Иногда перед Богом стыдно бывает говорить о Нем людям. Мир инстинктивно понимает, что в той обстановке, в которой он находится все время, – меньше греха молчать о Христе, чем говорить о Нем. И вот люди молчат о Боге.

Страшный симптом. Наводняется мир легионами слов, одержим язык человека этими пустыми легионами, и ни слова, почти ни слова о Боге – о Начале, Конце и Средоточии всего».

Следует упомянуть также, что Оптинские старцы говорили, что о чудесах можно рассказывать только верующим людям.

Но вместе с тем, как пишет о. Александр Ельчанинов:

«Не особенно скрывайте от товарищей свою религиозность. Неожиданно ты можешь встретить сочувствующих, вопрошающих, заинтересованных. Одним словом, не старайтесь скрывать перед людьми свою истинную сущность под общей маской легкомыслия и пустоты».

Кроме того, нам нельзя, зная что-либо предосудительное о ближнем, отворачиваться от него. Приветливость со всеми – обязанность христианина.

«Не говори бессердечных слов: «У меня нет с ним ничего общего», – пишет св. Иоанн Златоуст. – У нас нет ничего общего только с дьяволом, со всеми же людьми мы имеем много общего».

А архиеп. Арсений (Чудовской) говорит так:

«Когда ты видишь несчастного падшего человека, не питай к нему брезгливости, а лучше в это время пылай гневом на врага человеческого рода, одержавшего человека той или иной страстью, на самого же человека смотри с любовью, ласкою, умилением и так думай: ведь и я могу очутиться в таком же состоянии, если и меня враг сею страстию полонит».

Глава 16. Доброе слово

Исходит из уст ваших только доброе слово. Еф. 4, 29

К ряду слов христианину надо себя приучить и употреблять эти слова в разговоре как можно чаще. К таким словам относится прежде всего слово «прости».

Св. Антоний Великий учит:

«Приучи, чтобы язык твой говорил при всех встречающихся случаях всегда, во всякое время, всем братьям и Самому Всевышнему Богу: «Прости меня»».

Слово «прости» сразу смиряет нас перед Богом и ближними, говорит о сознании своей вины, сожалении, раскаянии в ней.

При этом очень важно то чувство, с которым говорится слово «прости». Его можно произнести холодно, как бы вынужденно и без чувства вины и раскаяния.

Тогда оно не имеет силы, не примиряет, не соединяет сердец, не очищает души.

Поэтому оно должно быть непременно «осолено» (Мк. 9, 49), т. е. растворено любовью, смирением и кротостью. Тогда оно имеет полноту духовной силы.

Говорить надо «прости» не только тогда, когда вы сильно повредили ближнему или резко обидели его. В этих случаях уже мало говорить «прости», надо броситься перед ближним на колени.

Нет, слово «прости» должно быть произносимо всегда, когда мы видим хотя бы малейший оттенок недовольства по отношению к себе, начало зарождения обиды, дымку нерасположения.

Эту опасность по отношению ко взаимной любви надо устранять в самом начале, и самому искать сближения, и искренно просить прощения даже и тогда, когда нет сознания своей вины; вины можно и не заметить за собой, хотя она и была.

Как пишет схиархимандрит Софроний:

«Всякий человек во всяком деле много может сказать в свое оправдание, но если он внимательно посмотрит в сердце свое, то увидит, что, оправдываясь, не избегнет лукавства».

Смущенная душа ближнего требует от нас действительной любви, которая, как говорит ап. Павел, «не ищет своего» (1Кор. 13, 5), т. е. не ищет оправдания себя и осуждения ближнего, а с готовностью жертвует своим самолюбием и с легкостью принимает вину на себя, лишь бы вернуть мир и любовь ближнего.

Надо приучить себя и к слову «пожалуйста». С этим словом наши просьбы делаются смиренными, вежливыми, лишаются

оттенка требовательности и поэтому располагают ближнего к исполнению нашего желания.

Нам необходимо привить себя и к наиболее почтительным и ласковым именам. Пусть слышат родители любовь к ним детей при словах «папочка» или «мамочка», а дети ответную ласку при словах «сынок» или «дочка» и нежных названиях «Колюша» или «Наташенька».

Очевидно, что слова христианина должны быть правдивыми, отражать лишь истину и вызывать к себе полное доверие собеседников.

По словам Господа, ложь от лукавого, ибо «он лжец и отец лжи» (*Ин. 8, 44*). А как говорит Священное Писание, «всех лжецов участь в озере, горящем огнем и серою» (*Откр. 21, 8*).

Сам Господь есть воплощение истины (*Ин. 14, 6*). А в христианине должен жить Христос. Поэтому христианин остается христианином лишь до тех пор, пока живет в истине и избегает лжи во всех ее проявлениях и видах.

Ложь не свойственна душе человеческой как образу Божию. Ребенок, пока он не испорчен, не может и не умеет лгать. И если он сделает это, он покраснеет от стыда, как сделавший что-то в высшей степени скверное и пачкающее его душу.

Так же будет реагировать всякая чистая душа, которой ложь претит. Если такой человек солжет, то он переживает это так, как будто он запачкал грязью свою чистую и белоснежную до того одежду души.

Во всех народах, во всех слоях общества и во все времена лгуны вызывали и вызывают презрение. Но следует сказать, что если открытая ложь так всем претит, то различные виды тонкой, прикрытой лжи распространены всюду и их не избегают и многие христиане.

Такой малозаметной ложью является склонность приукрашивания в разговоре, преувеличение, предвзятая неточность в изложении фактов, одностороннее освещение вопроса. Пусть это не яркие черные пятна на нашей духовной одежде, а серые, но по большому количеству своему они также лишают чистоты одежду нашей души.

Разновидностью лжи является притворство, которое противоположно добродетели – искренности. Последняя будет прочно усвоена нами, если наше сердце будет открыто для всех и всем будет искренно желать добра, никого не будет судить и осуждать.

Тогда как бы само собой исчезает и наше притворство, так как у нас не будет нужды словами скрывать от людей свои недоброжелательные чувства к ним.

Сильно распространена легкомысленная дача обещаний с последующим их невыполнением. Невыполнение обещания считается каким-то пустяком, в то время как это является настоящим обманом.

Христианин должен очень осторожно давать обещания, и то в условной форме с оговоркой – «если Бог даст», т. е. если не помешает что-либо, от человека не зависящее. Но уже если дано обещание, то все должно быть сделано, чтобы выполнить обещание точно и в срок: христианин должен быть духовно чистоплотным и щепетильным и в мелочах, ибо «в малом ты был верен, над многим тебя поставлю» (*Мф. 25, 23*).

В старом христианском русском быту на точное выполнение обещанного обращалось большое внимание. Так, среди лучших представителей русского купечества было такое мнение: если человек брал в долг и обещал вернуть деньги в 12 часов известного числа, то он должен их принести точно в 12 часов. А если он принесет их позднее, хотя бы и в назначенный день, то к нему пропадало уже всякое доверие.

Самым тяжким грехом против правды является нарушение клятвы – обещания, сделанного перед лицом святыни – креста и Евангелия. Страшно бывает наказание от Бога за этот грех и иногда падает не только на самого клятвопреступника, но даже и на его потомков.

Глава 17. Благодарение ближних

За все благодарите. Фес. 5, 18

Благодарность приемлющего побуждает дающего давать дары больше прежних. Прп. Исаак Сириянин

Милость Божия часто проявляется к нам через посредство людей. Тогда нам необходимо проявить к ним благодарность в самых больших, ярких и действенных ее формах.

Поэтому привычкой должно сделаться для нас и выражение постоянной нашей признательности к ближнему за его помощь и услуги нам, хотя бы и мелкие. Поэтому слово «спасибо» должно как можно легче и чаще сходить с нашего языка и быть растворено сердечным чувством.

За наиболее важные благодеяния пусть не стыдится христианин поклониться благодетелю в ноги, не стыдится целовать его щедрые руки и в горячих, от сердца идущих словах возблагодарить за оказанное им добро и почитать его с тех пор как своего благодетеля.

Конечно, не только внешнее благодарение должно иметь место в подобных важных случаях, но и искренняя, сердечная и постоянная молитва за своего благодетеля.

Что же касается более мелких случаев – услуги, помощи, оказания любезности и т. п., то и здесь мы должны также от всего сердца благодарить ближнего.

За всех же наших благодетелей, как живущих, так и почивших, нам следует усердно молиться и помещать их имена в записочках, подаваемых в церкви на проскомидию, на молебны или на панихиды.

Постоянное чувство подобной признательности к Богу и к нашим ближним будет и облагораживать нашу душу, и приносить нам большую духовную пользу.

Об этом так пишет о. Иоанн С:

«Для чего нужно за все благодарить Бога и добрых благодетельных людей? Больше для нашей же пользы, чтобы нежнее, тоньше были чувства нашей души, чувство зависимости нашей во всем от Бога и от добрых людей, признательной к ним любви, и чувство нашего ничтожества без Бога, чувство нашей немоги обойтись без помощи добрых людей».

Само собой разумеется, что не только в словах благодарения и в молитвах за благодетелей мы должны воздавать всем делающим нам доброе, но, когда возможно и

встретится к тому случай, мы должны и делом, и нашей помощью отблагодарить наших друзей: здесь опасен хотя бы и малейший оттенок проявления «черной неблагодарности».

Особенно опасна последняя в том случае, если мы после периода нашей слабости или бедности будем иметь и силу, и достаток и сами будем способны проявлять благотворительность. Тогда добродетель благодарности к Богу за все блага, щедро посылаемые нам от Бога, потребует от нас доказательства нашей признательности на деле, избегая той «ложной благодарности», о которой так пишет о. Иоанн С:

«Что есть ложная благодарность к Богу? Ложная благодарность, когда, получая от Бога щедрые, незаслуженные дары духовные и вещественные, языком благодарят за оные Бога и употребляют только в свою пользу, не разделяя их с ближними; получают и скрывают их в своих сокровищницах, сундуках, книгохранилищах, лишая чрез то многих братьев своих духовного просвещения, назидания, утешения или пищи, питья, одежды, жилища, врачевства в болезни или передвижения с места на место для добывания средств к продовольствию. Такая благодарность есть ложная и богопротивная. Это значит: языком благодарить, а делом являть крайнюю неблагодарность и злонравие. А как много таких «благодарных», или, вернее, неблагодарных».

Глава 18. Поучение и вразумление ближних

Научайте и вразумляйте друг друга. Кол. 3, 16

Немногие делайтесь учителями. Иак. 3, 1

Мы часто склонны бываем обличать, учить и вразумлять ближних. Чаще всего от этого бывает больше вреда, чем пользы ближним из-за отсутствия любви, потери душевного равновесия, появления раздражения. Учить другого – это очень трудное и ответственное дело и под силу лишь возросшим духовно.

Как пишет прп. Иоанн Лествичник:

«Желающий научить другого или подать ему совет должен сперва сам очиститься от страстей, чтобы не ошибаться в познании воли Божией и хорошо понять

душевное устройство того, кому он говорит слово. Так как не всем полезно одно и то же лекарство, хотя болезнь может быть одна и та же».

Нам надо всегда помнить о словах Господа: «Что ты смотришь на сучок в глазе брата твоего, а бревна в твоём глазе не чувствуешь? Или как скажешь брату твоему: «дай, я выну сучок из глаза твоего», а вот в твоём глазе бревно? Лицемер! вынь прежде бревно из твоего глаза и тогда увидишь, как вынуть сучок из глаза брата твоего» (*Мф. 7, 3–5*).

Поэтому игумен Феодосий из Оптиной пустыни имел обыкновение давать братии такой совет: «Смотри на себя и будет с тебя».

Кроме того, надо знать, что св. отцы запрещали вообще давать другим указания, если не было о том просьбы.

«Прежде вопроса не хорошо начинать говорить», – говорят старцы Варсонофий Великий и Иоанн.

А еп. Игнатий (Брянчанинов) пишет:

«Без собственного вопрошения человека я никак не дерзну преподать совета: это воспрещено святыми отцами».

Лишь когда в душе есть чувство горячей любви к ближнему и когда мы сами в полном мире и спокойствии, когда знаем, что ближний расположен к нам, и наши слова доходчивы до его сердца, и он в этот момент сам мирен и хочет слушать нас, тогда только мы можем с любовью, ласково, кротко, осторожно, всячески оберегая его самолюбие, указать ему на грех, проступок, искушение или ошибку или дать ему совет.

При этом совет или указание могут быть даны в форме, про которую так говорит прп. Исаак Сириянин:

«Если станешь говорить кому что-либо полезное, то говори в виде учащегося, а не со властью и бесстыдством, и наперед сам себя осуди и покажи, что ты ниже его, чтобы слушающим показать чин смирения и побудить их выслушать речь твою...»

При всех вразумлениях или обличениях нужно помнить, что поскольку надо всячески оберегать самолюбие собеседника, то в этих случаях беседа должна быть только вдвоем.

Как пишет прп. Исаак Сириянин:

«Кто исправляет брата своего в клети своей, тот исцеляет собственный свой порок; и кто обвиняет кого-либо перед собранием, тот увеличивает болезненность собственных язв своих».

Если же что-либо из перечисленных условий не имеет места, и главное – говорим мы не из чувства любви и без ласковости, то мы не должны учить ближнего или указывать на его проступки. Как говорит прп. Варсонофий Великий:

«Всякое вразумление, при котором сам человек смущается в сердце, не угодно Богу, но происходит по действию диавольскому и бывает смешано с самооправданием».

Есть и еще одно условие правильности наших слов, которое мы должны помнить при наставлении или вопросах ближнего. Это память о том, что и здесь надо полагаться не на себя и свою мудрость, а на помощь Божию.

Поэтому при необходимости чему-либо научить ближнего или указать ему на его ошибку, неправильность в действиях, проступок или грех – надо прежде всего обратиться к Богу с молитвой даровать нам мирный дух и любовь к этому ближнему.

Только любовь может провести наши слова до сердца ближнего, размягчить и устранить его ожесточение, черствость и самоуверенность.

Как пишет о. Иоанн С:

«Если хочешь исправить кого от недостатков, не думай исправить его одними своими средствами (словами и увещеваниями). Но помолись Богу от всего сердца, чтобы Он Сам просветил ум и сердце человека; если Бог увидит, что молитва твоя дышит любовью и исходит от всего сердца, то непременно исполнит желание твоего сердца, и скоро ты же скажешь, увидевши перемену в том, за кого молишься: это «изменение (от) десницы Всевышнего» (Пс. 76, 11)».

При обличениях следует вместе с тем учитывать и духовное состояние того, кого мы обличаем. Как пишет Премудрый Соломон: «Не обличай кощунника, чтобы он не возненавидел тебя; обличай мудрого, и он возлюбит тебя» (Притч. 9, 8).

Поэтому прп. Варсонофий Великий дает такое указание:

«При обличении согрешившего рассмотри, может ли помысел его перенести обличение, и тогда скажи ему о том с кротостью, вразумляя его по Богу. Если же он не может принять обличения, то не повреждай его совести, чтобы он от стыда не сделал чего-либо еще хуже».

Архиепископ Иоанн считает очень важным наличие у всякого, кто к ближнему обращается со словом поучения, дара способности слышать духом других людей, т. е. ясно воспринимать их душевное состояние и степень симпатии, интереса и доверия к собеседнику.

Он пишет также:

«Старцы Оптиные по большей части обличали прикровенно (под видом какого-нибудь рассказа или события из их личной жизни). Таинственное вразумление – самое острое... Мы ищем убеждения, не насилующего нашей свободы».

На осторожность при даче советов и поучений ближним указывает и митрополит Московский Филарет, который так пишет в одном письме:

«Можно стучать в запертую дверь с молитвою, но с советами можно войти только в отверстую».

При наставлениях надо также учитывать душевное состояние собеседника, степень его духовного возраста и постигать ту меру подвигов и добродетели, которую он сможет понести.

«Кто толкует, – пишет прп. Симеон Новый Богослов, – о последних степенях совершенства для новоначальных и особенно более ленивых из них, тот не только не принесет им пользы, но еще сделает, что они возвратятся вспять».

Вместе с тем есть одна из форм наставления и поучения ближнего, которая применима ко всем и которая всегда может быть рекомендована: это поучение примером своей жизни и своих поступков. Эта молчаливая проповедь действительнее всех убеждений и всегда спасительна для самого проповедника.

Как пишет прп. Исаак Сириянин:

«Тех, которые держатся учения, противного твоему, обличай силою добродетелей твоих, а не убедительностью

слов твоих».

По мнению прп. Симеона Нового Богослова, «не столько пользуют слова духовных учителей, сколько пользуют дела их, которые побуждают к подражанию себе». «Поражать своей жизнью, – говорит св. Иоанн Златоуст, – значит поражать решительно и доказать своими делами значит доказать неопровержимо».

О. Александр Ельчанинов указывает при этом, что «всякое принуждение, даже к добру, вызывает всегда только отпор и раздражение. Единственный путь привести человека к чему-либо – это действовать собственным примером и привести его к желанию стать на тот же путь, тогда только – как самостоятельный, свободный акт – поворот этот будет прочен и плодотворен».

Следует помнить, что учить-то ближних мы можем лишь тому, что на деле сами применяем в жизни, ибо Господь сказал: «Кто сотворит и научит, тот великим наречется в Царстве Небесном» (*Мф. 5, 19*).

Поэтому св. Григорий Богослов пишет: «Надобно прежде всего самому очиститься, потом уже других очищать; умудриться, потом умудрять; стать светом, потом просвещать; приблизиться к Богу, потом приводить к Нему других; освятиться, потом освящать».

А прп. Исаак Сириянин дает по этому поводу следующее наставление:

«Не сообщай другому, чего сам не постиг, чтобы не было тебе стыдно себя самого и по сличению жизни твоей не открылась ложь твоя».

У старца игумена Антония Оптинского было обыкновение: познакомившись с кем-нибудь, старец как бы присматривался к нему, сначала говорил мало и только молился о нем. Но зато, когда наконец начинал говорить, его слово имело такую неотразимую силу, что иногда в течение одной беседы человек духовно перерождался.

В течение разговора старец Антоний, щадя самолюбие собеседника, так искусно направлял беседу, что, говоря в

третьем лице или рассказывая как будто про себя, он как бы мимоходом и обличал и наставлял своих собеседников.

Часто случалось, что только по выходе от старца посетитель, опомнясь, понимал, что какое-нибудь, как будто к слову сказанное, замечание прямо относилось к нему и сокровенным его недоумениям и недостаткам, разрешало вопросы, которых старец не дал выговорить, а иному даже открывал и то, чего тот сам в себе прежде не замечал.

Прп. Исаак дает еще и такой совет при наставлении ближних: «Когда пожелаешь наставить кого на добро, упокой его сперва телесно и почти его словом любви. Ибо ничто не преклоняет так человека на стыд и не заставит бросить порок свой и перемениться на лучшее, как телесные блага и честь, какую видит от тебя».

В тех же случаях, когда вопрос к нам касается серьезного дела, то лучше всего подражать преподобному Памве Египетскому.

Прп. Памва имел такой обычай: когда кто просил у него совета о чем-либо, он отвечал: «Повремени немного и поручи дело свое Богу», – и никогда никому не давал своего совета прежде, пока сам не попросит у Господа, чтобы Он внушил ему, что он должен сказать просящему у него совета.

Бывали случаи, что проходило три месяца, а он еще не давал ответа. Зато ответы его принимались всеми, как от Самого Бога, и св. отцы Египта считали, что прп. Памва своей осмотрительностью в слове превосходил даже самого Антония Великого.

Поэтому и нам в тех случаях, когда у нас просят совета, а мы не знаем, что ответить, или не вполне уверены в своем мнении, следует отсрочить свой ответ и начать молиться о вразумлении от Господа.

Если же вопрошавший был человек верующий, то ему надо сказать: «Давайте молиться вместе о вразумлении нас от Господа, Который сказал нам: «Если двое из вас согласятся на земле просить о всяком деле, то чего бы ни попросили, будет им от Отца Моего Небесного» (*Мф. 48, 19*)».

В тех же случаях, когда у нас имеется нужда научить или вразумить в чем-либо ближнего и мы видим безрезультатность наших попыток, то нам надо помнить всегда, что есть более могучее средство воздействия на душу ближнего, чем наше слово.

Вот что говорит по этому поводу игумена Арсения (Усть-Медведицкого монастыря):

«Прежде познания я ставила очень высоко, и поэтому стремилась передать другим свои познания. Я тогда много говорила, желая иногда в церкви вслух всем сказать какое-нибудь полезное слово, особенно уяснившееся мне во время службы. Мне хотелось передать другим, если можно, всему миру, свои познания. Я готова была взойти на колокольню и оттуда кричать всем: «Спешите, спешите, пока не кончился торг», – т. е. работайте над душою, пока есть случай, пока обстоятельства дают возможность потрудиться. Теперь же я чувствую совсем другое. Без благодати Божией, действующей в душе и усовершенствующей ее, одни познания – ничто. Поэтому я все меньше говорю и прихожу к такому состоянию, что не нахожу, что сказать. К этому состоянию влечется моя душа. Я молюсь за ближнего и нахожу, что это большое благо. Так хорошо чувствуется, когда молишься о спасении кого-либо и отдаешь спасение этого человека в руки Божии».

О том же пишет и схииерхимандрит Софроний:

«Кто познал на опыте величие и трудность христианского пути, тот раздирается двумя чувствами: одно из них – горячее желание всем познания Истинного Бога и света вечного бытия; другое – страх: а что если призываемые не понесут тяготы испытаний? Вот почему он в большей мере обращается к Богу с молитвою о спасении всех и каждого, чем к проповеди. Истинное христианство в мире почти не проповедуется потому, что проповедь эта превосходит силы (призываемого) человека».

«Все меньше становится у меня вкуса и веры к словесным методам воздействия, вообще к словам», – пишет про себя о. Александр Ельчанинов.

Таким образом, молитва за ближнего есть всегда верное и часто более действительное средство, чем слова научения, увещания или вразумления.

Здесь следует упомянуть об одном случае из жизни старца Силуана: он много молился ночью, чтобы Господь благословил предстоящую ему встречу с приезжим братом.

Вот пример, которому мы должны следовать: молиться перед началом каждой беседы, важной для нас или нашего ближнего. При этом хорошо обдумать заранее и тему беседы, чтобы она принесла наибольшую духовную пользу.

Действенным средством к исправлению недостатков ближних являются (по советам св. отцов) кроме усердной молитвы за них и заказ за них церковных «сорокоустов».

Глава 19. Похвала и лесть

Я питал вас молоком, а не твердою пищею. 1Кор. 3, 2

Очень мудрую и интересную формулировку нашего поведения в отношении окружающих нас дает прп. Исаак Сириянин, который пишет:

«Когда встретишься с ближним своим, принуждай себя оказывать ему честь выше меры его. Целуй его руки и ноги, обнимай их часто с великой честью, возлагай их на глаза себе и хвали его даже за то, чего он не имеет. А когда разлучишься с ним, говори о нем все хорошее, и что ни есть досточестного. Ибо этим и подобно этому привлечением его к добру заставишь его стыдиться от той чести, которую ты оказываешь ему, и посеешь в нем семена добродетели. От такой приобретенной тобою привычки на тебе отпечатается добрый образ, ты приобретешь в себе высокое смирение и без труда преуспеешь в великом. А сверх того, если чествуемый тобой и имеет какой недостаток, то легко примет от тебя исправление, пристыженный той честью, какую ты оказал ему. Пусть всегда будет у тебя этот нрав – ко всем быть благоприветливым и почтительным. Никого не огорчай по причине злых дел и никому не завидуй. Не берись кого-либо и в чем-либо порицать и обличать».

Некоторые положения из этого замечательного наставления прп. Исаака могут вызвать недоумение. Преподобный велит в глаза человека «хвалить его даже за то, чего не имеет».

Но ведь это будет неправдой, здесь будет то, что называют лестью! Вместе с тем, говоря так, мы будем, возможно, развивать у ближнего тщеславие?

Чтобы понять эти кажущиеся противоречия, приведем аналогию.

Полезны ли лекарства? Чаще всего лекарство – это яды и могут только вредить здоровому организму. Но принятие их в соответствующей дозе вылечивает болезнь. Следует учесть также, что те, кто нас окружает, в громадном большинстве духовно больны (грехом) и требуют лечения.

Нелегко найти путь к их сердцу. А без этого ни наши слова, ни наш пример не будут на них действовать. И только стяжав их глубокое расположение к себе (а если возможно, и любовь), мы получим возможность влияния на них и через это достигнем и их исправления. Вот ради такой великой цели, следуя добродетели рассудительности, и рекомендует прп. Исаак и преувеличение, и потворство тщеславию.

Об этом свидетельствует и игумения Арсения, исходя из своего собственного опыта:

«Похвала, иногда и просто по-человечески приятная и ласкающая самость, бывает полезна как ободряющая унывающий дух. Бывало, при матушке (старица Ардалиона Усть-Медведицкого монастыря) почувствуешь уныние духа от понятия и ощущения полной греховности и немощи своей и придешь к матушке с просьбой, чтобы она похвалила меня и уверила бы меня в моей способности к спасению. Матушка действительно начнет уверять, и так серьезно и сильно, что я поверю – и утешусь и ободрюсь. И не боялась она поблажить самости, но и ее употребляла как оружие, спасающее против уныния, наносимого иногда силою вражьей. Так «десными» и «шуиями» соделывается наше спасение».

Здесь следует, однако, оговориться. Применять в жизни указание о пользе похвалы прп. Исаака Сириянина и игумении

Арсении целесообразно лишь для духовно немощных христиан, требующих ободрения и поощрения на узком пути ко спасению.

В том же случае, когда христианин идет ко спасению достаточно твердыми шагами и не нуждается в костылях, то слова похвалы могут быть ему и во вред, всевая в него прилоги гордости и тщеславия.

Как пишет прп. Иоанн Лествичник, «одним святым свойственно без вреда слышать себе похвалы».

Схиархимандрит Софроний так пишет об этом:

«Благодать Божия не допускает истинного христианина говорить своему собрату похвалу, которую даже совершенные нередко не могут понести без вреда. Похвалы говорятся только в том случае, когда кто-либо изнемогает от отчаяния».

Также Оптиные старцы считали, что похвала в лицо может принести вред душе христианина.

Поэтому подвижники благочестия боялись похвалы, боясь превозношения и потери смирения, а с ним и благодати Господней. Старец Анатолий Оптиной пустыни услышал, что о. Иоанн С. видел его в видении, молящегося в Сослужении ангелов. Услышав это, о. Анатолий даже захворал; затем он постился и молился, чтобы Господь изгладил из его ума мысль о слышанном.

Глава 20. Неосуждение

Не судите, да не судимы будете. Мф. 7, 1

Один инок посетил старца-аскета, жившего в пустыне в глубоком уединении. В разговоре пустынник справился об одном брате и узнал, что тот так же, как и ранее, живет нерадиво. Вдохнул старец и сказал: «Ох!»

Сейчас же после его слов старец замолчал, а пришедший инок увидел, что страх и скорбь изменили его лицо.

– Что случилось, отче? – спросил посетитель.

– Тяжел для меня сегодняшний день, – отвечал пустынник.

– Только что ангел Господень сообщил мне, что весь труд моей пустынной жизни сейчас потерян мной за осуждение нерадивого брата.

И с горькими слезами ушел старец от посетителя в пустыню.

Этот рассказ может показаться преувеличением. Что особенного в одном только слове «Ох!»? И может ли быть, что Господь так сильно наказал старца-пустынника?

По незначительным пятнам на коже человека опытный врач может определить его заболевание тяжелыми и даже смертельными болезнями, как, например, проказа, чума и др.

Здесь малый внешний признак говорит о начале глубокого страшного поражения человеческого организма. Так и малое слово может свидетельствовать о глубокой духовной болезни и гнилости души – ибо «от избытка сердца говорят уста», – сказал Господь (*Мф. 12, 34*).

Посмотрим, что может таиться на сердце, когда уста выносят осуждение ближнего.

Когда Ной опьянел от вина и нагим лежал в шатре, туда вошел Хам. Увидев состояние отца, Хам посмеялся над ним и рассказал об его унижении братьям.

Не так отнеслись к состоянию отца Сим и Иафет. Они вошли, повернулись спиной, чтобы нечаянно не посмотреть на отца в его жалком состоянии, и поспешили покрыть его одеждою. Ими руководила любовь; у Хама, очевидно, ее не было.

И в нашей жизни по отношению к каждому падшему, согрешившему, невоздержанному и слабому человеку мы можем отнестись или как Хам, или как его братья. Мы можем осудить человека и посмеяться над ним и затем спешить идти рассказывать о нем своим друзьям и знакомым. Так будем мы подражать Хаму.

Но мы могли бы пожалеть падшего, скорбеть за него, молиться о нем, оплакивая в своей душе его грех, или с любовью наедине вразумить его. Так мы могли бы покрыть его проступок своей любовью и подражать Симу и Иафету.

Однажды к прп. Пимену Великому пришли иноки и сказали, что в келье одного из братий они видели женщину. Преподобный пошел с ними к брату.

Войдя к последнему, он догадался, что брат спрятал женщину под пустой кадкой. Святой сел на кадку и предложил братии обыскать келью. Когда те ничего не нашли, Пимен дал им строгий выговор за напрасное осуждение брата и выслал вон из кельи.

Когда братья ушли, он кротко и с любовью сказал согрешившему: «Подумай о душе своей, брат».

Тот пал в ноги к старцу и просил простить его и с тех пор стал исправным иноком.

Про великую способность неосуждения Пимена Великого имеется и другой рассказ. В его присутствии рассказывали про авву Нестория, что тот переносит терпеливо леность и сонливость ученика своего. Авва же Пимен сказал: «Если бы я был на его месте, то и подушку бы положил ему под голову».

«Как же бы ты отвечал за него Богу?» – сказал ему авва Анувий.

– Я бы сказал Богу, – отвечал ему авва Пимен, – Ты Сам, Господи, сказал: «Лицемер, вынь прежде бревно из твоего глаза и тогда увидишь, как вынуть сучок из глаза брата твоего» (Мф. 7, 5).

Прп. Пимен говорил также:

«Когда мы покрываем согрешения братий, Бог прикрывает наши согрешения... Никого не обличай, не поноси, даже и крайне худых по жизни своей. Распрости одежду свою над падающим и покрой его».

Первое, что мы доказываем при осуждении, есть жестокость и черствость нашего сердца, отсутствие в нем любви к осуждаемому нами.

Если бы в нашем сердце была Христова любовь, то мы всегда различали бы больного духовно (грешного) человека от самого греха – первопричины, отравившей человеческий род начиная с Адама.

Так разделял душу от греха ап. Павел, который говорил: «Уже не я делаю то, но живущий во мне грех» (Рим. 7, 17).

Так же пишет и о. Иоанн С:

«Не смешивай человека – этот образ Божий – со злом, которое в нем, потому что зло есть только случайное его

несчастье, болезнь, мечта бесовская, но сущность его – образ Божий – все-таки в нем остается».

О том же говорил и подвижник милосердия доктор Гааз:

«Любовь и сострадание живут в сердце каждого! Зло есть результат лишь ослепления».

Второе, на что указывает наше осуждение, это наличие в нас гордости – самого глубокого душевного порока, наиболее характерного для сатаны.

Право судить людей принадлежит лишь одному Богу. «Мне отмщение и Аз воздам», – говорит Господь (Рим. 12, 19). Ап. Иаков пишет: «Един Законодатель и Судия, могущий спасти и погубить: а ты кто, который судишь другого?» (Иак. 4, 12).

И всякий, кто осмеливается судить других, восхищает себе право Бога, как бы возносит себя на Божий престол, считает себя способным произвести истинный суд. Здесь кроме гордости он проявляет третью язву своей души – крайнее скудоумие и умственное убожество.

Приговор может быть справедливым лишь в том случае, когда известны все обстоятельства, отягчающие или, наоборот, смягчающие преступление.

Господь сказал: «От всякого, кому дано много, много и потребуется, и кому много вверено, с того больше взыщут» (Лк. 12, 48).

А кто же знает, кроме одного Бога, что дано было человеку и что можно поэтому спрашивать с него?

Хорошей иллюстрацией этого является рассказ св. аввы Дорофея о двух сестрах-девочках, выведенных на продажу на невольничий рынок.

Одну из девочек взяла к себе благочестивая женщина, воспитала ее, как родную дочь, и научила ее вере в Бога, Его заповедям и основам всех добродетелей. Другую купила блудная и преступная женщина, которая научила ее разврату и всяким порокам.

Когда девочки выросли, то первая из них стала предметом любви, уважения и почтения людей; от второй же все отворачивались с презрением и негодованием. Так судили люди.

Но так ли будет их судить Всезнающий и Всевидящий Бог?

Мы так склонны бываем судить людей по видимости их поступка или слова. Но у Господа иной суд для людей. Он Сердцевидец, и будет судить людей не только по видимости поступка или слова.

Ведь можно творить дела добродетелей из выгоды и грубого эгоистического расчета или чуждаться греха и порока только из-за страха, в душе же стремясь к пороку. Поэтому на истинном суде над душой – на суде Господнем – будет учтено, к чему она стремилась, совершая то или иное.

Так, например, один человек хотел отравить ближнего, но по ошибке накормил его здоровой пищей. Разве он не будет наказан как убийца?

А другой человек хотел накормить голодного, но по незнанию дал ему отравленной пищи. Разве за это он лишается награды за свое доброе произволение?

Поэтому прп. Серафим Саровский говорил так:

«Осуждай дурное дело, а самого делающего не осуждай... Случается, что нам кажется, что другой делает худо, а в самом деле, по благому намерению делающего, это хорошо».

Когда у нас появится искушение осудить ближнего за явное для нас преступление, грех, порок или слабость, то не будем проявлять скудоумие и думать, что мы в силах взвесить все обстоятельства в судьбе ближнего и все движения его души и сердца.

Мы не знаем для него силу наследственности, врожденные склонности, обстановку, в которой он жил в детстве и юности, характера его родителей или воспитателей, знания, которые он получил, и направление его судьбы по Божью Промыслу.

Будем же мудры в сознании своего бессилия взвесить все это и поэтому воздержимся вынести приговор согрешившему ближнему как в своей душе, так, тем более, на словах осудить его перед другими людьми.

Осуждать, искать вину, учитывать всякую погрешность, невоздержание или слабость, требовать применения закона возмездия – все это занятия сатаны.

Сатана говорил Богу: «Разве даром богобоязнен Иов? Не Ты ли кругом оградил его, и дом его, и все, что у него? Дело рук его Ты благословил, и стада его распространяются по земле; но простри руку Твою и коснись всего, что у него, – благословит ли он Тебя?» (*Иов. 1, 9–11*).

Когда мы судим ближнего, вскрываем его недостатки и пороки, берем под подозрение его намерения или достоинства даже при совершении им добрых дел – мы подражаем сатане.

Прп. Никодим Святгорец пишет об этом так:

«Всякое доброе слово о ближнем и радость о нем есть плод и действие в тебе Святого Духа. Напротив, всякое худое слово о ближнем и презрительное его осуждение происходит от твоего злонравия и дьявольского тебе внушения».

Не Богу ли приличествует судить человека? Ведь от Него отвернулся человек, Его законы поправил, Его образ растлил в себе; Его Сына распял на кресте и продолжает гнать, мучить и убивать всех истинных рабов Его.

Но вместо осуждения мы видим Божие долготерпение, милосердие и всепрощение.

Когда сходил на землю Его Сын, то Он говорил: «Я не сужу никого» (*Ин. 8, 15*); «Я пришел не судить мир, но спасти мир» (*Ин. 12, 47*).

А когда поставили перед Его лицом явную грешницу – женщину, только что уличенную в прелюбодеянии, Он сказал ей: «Я не осуждаю тебя, иди и впредь не греши» (*Ин. 8, 11*).

Не перед святыми ли всегда открыты тайны души человеческой? Не они ли видят проникновенным взором все язвы души – страсти, пороки и грехи человека? Но осуждают ли они людей?

Нет, они подражают Господу и также не судят людей, а смотрят на грешников ясным любящим взором, стараются покрыть их грехи, любовью направить на путь добродетели.

Как пишет св. Иоанн Лествичник:

«Скорые и строгие судьи прегрешений ближнего потому этой страстью болеют, что не имеют совершенной и постоянной памяти и печали о своих собственных

согрешениях. Ибо если кто, без покрывала самолюбия, верно взглянет на свои злые дела, то не будет уже заботиться ни о чем другом, кроме них, справедливо рассуждая, что и на оплакивание себя самого не достанет ему времени всей своей жизни. Судить – есть бесстыдное похищение сана Божия, а осуждать есть погубление души своей».

«Осуждай себя и перестанешь осуждать других», – говорит прп. Варсонофий Великий.

А прп. Исаак Сириянин пишет:

«По-видимому ты, человек, обнаруживаешь ревность свою против чужих недуг, а в действительности свою душу лишил здравия. Потому потрудись лучше над оздоровлением своей души... Когда же начинает кто при тебе пересуждать брата своего, сделай печально лицо свое. Как скоро сделаешь это – и перед Богом, и перед ним окажешься охраняющим».

Господь требует от рабов Своих подражания Себе в милосердии и наказывает или обличает осуждающих не только в словах, но даже и в мыслях.

Один старец мысленно осудил согрешившего брата. Ночью слетел к нему ангел, неся душу осужденного. «Брат, о котором ты думал вчера, умер, – говорил ангел. – Господь спрашивает, куда низвергнуть его душу за тот грех, за который ты его осудил?»

Ужаснулся старец, поняв глубину своего падения, свое жестокосердие и свое соучастие в намерениях сатаны.

Как пишет прп. Макарий Великий:

«Поэтому христиане сами должны употреблять все старание вовсе никого не осуждать: ни явную блудницу, ни грешников, ни людей бесчинных, взирать же на всех с простодушным произволением, чистым оком, чтобы обратилось человеку как бы в нечто естественное и неперемненное никого не уничивать, не осуждать, никем не гнушаться и не делать различия между людьми».

В отношении осуждения (а равно и особого почитания) у св. отцов есть такое общее правило: «прежде смерти никого не ублажай и прежде смерти ни в ком не отчаивайся, никого не осуждай, не унижай».

У иноков Старого Афона имеется также правило никого не почитать погибшим или достигшим спасения, прежде чем наступит смерть.

Как постепенно отучать себя от осуждения? Для этого митрополит Московский Филарет дает такой совет:

«Надлежало бы более трудности находить в том, чтобы судить людей, нежели в том, чтобы смотреть на них просто, как смотрят на колеблемые ветром деревья или на текущую реку; но, видно, и в том есть трудность, чтобы не судить. Что же делать? Надобно учиться постепенно, сперва осуждать себя за осуждение ближних, потом удерживаться от осуждения словом, когда мысль на то подвигается, далее удерживать самую мысль. Кто довольно знает и судит себя, тому недосужно судить других».

Ненавистен грех осуждения в очах Бога. Поэтому осуждение ближнего неизбежно несет бедствие христианину. Об этом так пишет старец Силуан со Старого Афона:

«В начале, когда человек приходит работать Господу, Господь Своею благодатию дает душе силу ревновать о добром, и все ему легко и удобно. Когда душа заметит в себе зло и покается, то по неопытности думает: «Я так всю жизнь буду ревновать». И при этом превозносится перед теми, кто живет нерадиво, и начинает их осуждать; и так теряет ту благодать, которая ему помогала исполнять заповеди Божии. И не понимает душа: как это случилось? То было так хорошо, а теперь все трудно, и молиться не хочется, и слезы пропадают, и душа делается унылая. Но не надо пугаться: это Господь воспитывает милостиво душу. Душа, как только превозносится над братом, то в ту же минуту приходит плохой помысел, неугодный Богу. И если душа смирится, то благодать не отойдет, а если нет, то последует некое малое искушение, чтобы смирилась душа. Если же опять не смирится, то впадает в некий грех. Если же и тогда не смирится, то придет большое искушение и будет большой грех. И так будет усиливаться до тех пор, пока не смирится душа; тогда отходит искушение, и если много смирится, то придут умиление и мир, и все дурное исчезнет».

Осуждение часто следует за многословием. Как свидетельствует пустынный Никифор:

«Начнешь с человеком говорить о том, о другом – обязательно в осуждение впадешь, а после этого очень скверно на душе».

За преодоление осуждения Бог обещает величайшую из милостей – прощение грехов человека: «Не судите, да не судимы будете» (Мф. 7, 1). Несмотря на эту неоценимую награду, многие ли из христиан настойчиво стремятся к преодолению этого греха?

Старец схииерхимандрит Захария говорил:

«Осуждающий в какой-либо мере не может быть смиренным. А без смирения – нет спасения».

Не является ли в глазах многих из верующих этот порок чем-то таким незначительным, на что не стоит обращать внимания? А его сила усугубляется еще тем, что он повторяется постоянно и тяжесть его подавляет душу человека, как тяжесть груды мелких камней, которую не сдвинешь в покаянии.

Вот лозунги христианина, который твердо решил строго соблюдать заповедь Господню о неосуждении ближнего. Они так сформулированы архиепископом Иоанном.

«Целый мир неосуждения – на выбор: 1) Я не имею права осуждать. 2) Я не должен осуждать. 3) Я не привык осуждать. 4) Я боюсь осуждать. 5) Я не хочу осуждать. 6) Я не могу осуждать. 7) Я не люблю осуждать...»

Приложение к главе 20-й

(Из дневника о. Александра Ельчанинова)

«Каковы люди на самом деле – никому, кроме Бога, неизвестно; вернее, что они нечто зыбкое, пластичное, и мы формируем сами, часто по случайному признаку, воображаемую схематическую фигуру и потом сами же или восхищаемся ею, или поносим ее.

Надо отказаться от той точки зрения, что в человечестве есть два враждебных стана, две породы людей – праведные и грешные, предназначенные блаженству и обреченные гибели. Этого нет.

Мы все грешны, все поражены грехом, и за всех нас пострадал Господь. Ему дороги одинаково все, и поэтому Ему принадлежит окончательный суд. Вот почему непосредственно за словами Христа о любви идут слова об осуждении: «Не судите, да не судимы будете» (*Мф. 7, 1*). Не судите, и вам легче будет тогда полюбить всякого, не судите, и у вас не будет врагов. Смотрите на врагов, как на больных одной с вами болезнью, как на погибающих; оставьте точку зрения личного суда и станьте на точку зрения Божьего дела в мире...

Осуждением занята вся наша жизнь. Мы не щадим чужого имени, мы легкомысленно, часто даже без злобы осуждаем и клеветаем, почти уже по привычке. Как осенние листья шуршат и падают, и гниют, отравляя воздух, так и осуждения разрушают всякое дело, создают обстановку недоверия и злобы, губят наши души.

Признак недолжного суда – страстность, злобность, безлюбивость, от снисходительства к себе, непризнания своей греховности и требовательности к другим.

Осуждение отпадает, если мы вспомним бесконечную нашу задолженность перед Богом. Наше немилосердие, неумолимость, беспощадность к людям заграждают пути Божьего к нам милосердия, отдаляют нас от Бога.

Мудрость жизни, в том числе христианской, – не быть требовательным к людям. Схема отношений к людям часто бывает такова: человек очень нравится, искренно идеализируешь его, не видишь ничего плохого.

А вдруг прорвется человек в чем-либо, солжет, расхвастается, струсит...

И вот делаешь переоценку, перечеркиваешь все, что видел раньше (и что все-таки продолжает существовать), и выкидываешь человека из своего сердца. Это неправильный и грешный способ отношения к людям.

В основе такого обращения с людьми лежат две неосознанные мысли: 1) я – вне греха; 2) и человек, которого я любил, тоже безгрешен. Как же иначе объяснить и резкое осуждение других, и удивление, когда хороший, добрый, благочестивый человек согрешит!

А между тем норма отношения к нашим ближним – прощать без конца, так как мы сами бесконечно нуждаемся в прощении. Главное – не забывать, что доброе, что мы ценим, – оно остается, а грех всегда тоже был, только его не замечали.

Будем же снисходительнее, любовнее друг к другу – всем нам так нужны взаимная помощь и любовь, и все наши трудности и горести так ничтожны перед лицом вечности.

Глава 21. Осуждение и противление соблазну

Если и церкви не послушает, то да будет он тебе, как язычник и мытарь. Мф. 18, 17

Может быть, у некоторых появится мысль: как же можно закрывать глаза, когда человек явно грешит? И не дан ли разум для того, чтобы отличать добро от зла и доброго человека от злого?

Да, конечно, мы не только можем видеть зло, но даже обязаны бороться с этим злом, если оно может распространиться и соблазнить других.

Но вопрос в том – как бороться со злом? Это можно делать и не осуждая ближнего.

Сим и Иафет сознавали предосудительность положения отца, и они покрыли его одеждою; оберегая свое чувство уважения к нему, они старались не смотреть на него, входя в палатку спиной.

Пимен Великий также принял меры, чтобы прекратить соблазн в монастыре, но он хотел и исправления согрешившего брата. И для этого он проявил к нему снисхождение и любовь.

Как пишет прп. Варсонофий Великий:

«Дело, которое действительно дурное, мы не можем не признавать за дурное. Однако того, кто делает такое дело, осуждать не следует – как, по слову Писания, «не судите, и не будете судимы» (Лк. 6, 37), так и потому, что нам должно признавать себя самих грешными более всех, а равно и потому, что согрешение брата мы должны считать за свое собственное и ненавидеть лишь диавола, соблазнившего его».

Бывают, однако, случаи, когда мы обязаны сказать другим, что мы считаем поступок ближнего предосудительным. Это

бывает тогда, когда поведение ближнего может вызвать соблазн или найти подражателей.

Как пишет о. Иоанн С:

«Иногда враг коварствует над нами тем, что, когда мы видим какой-нибудь грех или порок в брате или в обществе, то он поражает наше сердце безразличием или холодностью, неохотою, или, скорее сказать, постыдною трусостью сказать твердое, обличительное слово неправде, сломить рог грешника. Христе Царю, даруй мне апостольскую ревность и огонь Святого Духа в сердце мое, да дерзновенно всегда восстану против наглого, особенно же заразившего многих порока и не пощажу никого ради их же спасения и прочих людей Твоих, чтобы не соблазнялись они, видя разлитие порока, и не пали сами».

Как пишет П. В. Никольский:

«И Евангелие, и послания апостольские дают массу примеров обличения пороков людей, но обличение не есть осуждение. Оно вытекает не из сознания обличающим своего превосходства над обличаемым и не из сознания права суда над ближним, а из любви к нему, из желания направить его на путь истинный. Такое обличение идет рука об руку с высоким взглядом на обличаемого, особенно на достоинство его вечной природы».

В истории Церкви было много случаев, когда необходимо было общественное осуждение еретиков. Ап. Павел не остановился даже перед тем, чтобы публично признать неправильность поведения самого ап. Петра, когда тот, прибыв в Антиохию, стал уклоняться от совместной трапезы с христианами, обращенными из язычников и не обрезанными по иудейскому обряду (Гал. 2, 11–14).

Нельзя же заподозрить ап. Павла в отсутствии любви и уважения к первоверховному апостолу.

Здесь мотивом к обнародованию поступка являлась ревность об истине и выявление несправедливости в отношении христиан из язычников.

Здесь допускалось меньшее зло (принижение апостольского авторитета) ради избежания большего зла; здесь допускалось

нарушение одной заповеди ради исполнения более высокой.

Однако в этих случаях здесь нужны добродетель рассудительности, осторожность и обдуманность поступков.

Очевидно, что подобное обличение должно происходить не за глаза, а перед лицом тех, кто в чем-либо обличается. Как пишет прп. Антоний Великий:

«Добрые и боголюбивые мужи обличают в чем-либо худом людей, когда они есть налицо, а отсутствующих не только не укоряют сами, но и тем, кои покушаются говорить что-либо о них, не позволяют того».

Вместе с тем, хотя ап. Павел и пишет: «испытывайте, что благоугодно Богу, и не участвуйте в бесплодных делах тьмы, но и обличайте» (Еф. 5, 10–11), но на подобное обличение должны дерзать не многие, а лишь духовно зрелые.

Итак, неосуждение не исключает рассудительности, необходимой каждому христианину. И когда его разум говорит ему о грехе или проступке ближнего, то прежде всего надо проявить к ближнему любовь, как сделали Сим и Иафет, как делал Пимен Великий и другие святые. И, боясь подражать сатане или Хаму, надо, по возможности, скрывать от всех грехи и слабости ближних.

Если же ради прекращения соблазна выявится нужда в общественном обличении проступка, то надо делать это с большой осторожностью.

При этом порядок воздействия на соблазняющего должен быть таков, как это указывается Самим Господом: «Если же согрешит против тебя брат твой, пойди и обличи его между тобою и им одним. Если послушает тебя, то приобрел ты брата твоего; если же не послушает, возьми с собой еще одного или двух, дабы устами двух или трех свидетелей подтвердилось всякое слово. Если же не послушает их, скажи церкви; а если и церкви не послушает, то да будет он тебе, как язычник и мытарь» (Мф. 18, 15–17).

Здесь следует обратить внимание особо на последние слова Господа: «да будет он тебе, как язычник и мытарь».

Очевидно, что как для евреев из-за соблазна заразиться грехом было опасно сближаться с язычниками и сборщиками

податей – мытарями, так христианам нельзя сближаться с людьми, далекими по духу от Христа.

А для этого совершенно необходимо хорошо разбираться в окружающих нас людях, что невозможно без глубокого понимания или, что то же, суждения о их духовном состоянии.

В тех случаях, когда встретится необходимость поведать другим о предосудительном поступке кого-либо, то здесь следует испытывать свое сердце – в мире ли оно? Об этом так говорит прп. Варсонофий Великий:

«Когда человек, говоря (о проступках другого), чувствует при этом в себе возбуждение чувства, то это уже злословие. Если же он свободен от чувств, это не есть злословие, а говорится для того, чтобы не возросло зло».

Глава 22. «Гнилые» слова, насмешки, смехотворство и споры

Никакое гнилое слово да не исходит из уст ваших. Еф. 4, 29
Горе вам, смеющиеся ныне. Лк. 6, 25

Всякое осуждение ближнего следует, конечно, отнести к словам «гнилым».

Но, кроме осуждения, еще многие слова являются «гнилыми».

Можно ли спорить при разногласиях в чем-либо с ближними? Св. отцы Варсонофий Великий и Иоанн предлагают держаться в этом случае следующего порядка:

«Три раза говори другому (свое предложение), и если не захочет, оставь его, потому что спорить – худое дело. И во всяком случае, предлагают ли тебе принять помощь, или ты желаешь подать кому-нибудь руку (помощи), говори свое мнение до трех раз, и если он не согласится, перестань с миром и не оскорбляй его. Таков истинный путь Божий».

Поэтому никогда нельзя себе позволять спорить с ближними. Спор, в обычной его форме, несет раздражение и поэтому бывает вреден как лишаящий душу мирного устройства и сопребывания в ней Духа Святого Божия. Вместе с тем спор бывает безрезультатен, если спорящим руководит желание

настоять на своем, как это большею частью бывает, а не найти истину.

Св. отцы велят даже не только не участвовать в споре, но и уходить из того места, где спорят.

Поэтому не следует в чем-либо настойчиво убеждать ближнего. Лучшее средство убедить ближнего в какой-либо истине – это сохранить с ним и при разности мнений полноту любви в отношениях и усердно помолиться о нем Богу о просвещении его разума.

Чтобы избегать пререканий и споров с ближними, старцы предлагают не оправдываться даже тогда, когда христианин не чувствует за собой вины.

Старец Оптинский Варсонофий говорил так своему духовному сыну:

– «Самооправдание – не христианское дело. Не надо настаивать на своем! – А если я, батюшка, прав? – Все равно, прав или неправ, промолчи, когда обличают, а потом скажи: «Прости, виноват...» И за то, что ты скажешь, Господь тебе впоследствии откроет, что ты, действительно, был виноват».

И не только спор, но и всякий разговор в раздражении недопустим для христианина. Наличие раздражения свидетельствует о том, что с человеком нет Духа Божия; раздражение – это начало гнева и говорит о власти над раздраженной душой лукавого духа. Поэтому от разговоров в состоянии раздражения можно ждать только злого.

Св. отцы предлагают беседовать с ближними лишь при полном спокойствии духа.

Прп. Варсонофий Великий дает по этому поводу такой совет:

«Когда беседуешь с ближним, рассуждай: если говоришь с ним со смирением, рассудительно и безмятежно, то продолжай разговор; если же что-нибудь не так, то удержи свой помысел; со смущением ничего не говори, потому что зло добра не рождает. Но потерпи, пока помысел твой успокоится, и тогда скажешь мирно».

Христианину надо бояться и тех слов, которые могут свидетельствовать о его превосходстве над ближними и, может быть, в какой-то мере о презрении к ним.

Таковыми словами будут имена, оканчивающиеся на «ка»: «бабка» (вместо бабушка), «Танька», «Юрка».

Кто привык называть так своих ближних, тот сам свидетельствует о наличии у него гордости – наиболее страшного душевного порока.

Надо ли говорить о том, что христианин никогда не должен говорить бранных или неприличных слов, не иметь привычки в раздражении произносить «черное» имя, дразнить кого-либо?

Кроме боязни необдуманности и поспешности в словах, мы должны также опасаться как-либо нечаянно обидеть или задеть самолюбие ближнего неуместной шуткой, двусмысленностью, смехом, иронией.

Смех вообще не согласуется с состоянием души в Духе Святом.

Предосудительность смеха видна уже из того, насколько смех типичен и любим в безбожном мире. Здесь его культ, здесь любят, ищут, возвышают его жрецов – юмористов, сатириков и комиков и преклоняются перед ними.

И если слезы ведут христианина по пути спасения, то очевидно, смех ведет его в противоположную сторону.

Христианин должен помнить слова Господа: «Горе вам, смеющиеся ныне» (Лк. 6, 25).

Как пишет прп. Исаак Сириянин:

«Ничто не делает настолько сообщниками мира тех, которые в мире преданы пьянству и блуду, и не удаляет нас столько от сокровищ премудрости и познания тайн Божиих, как смехотворство и дерзновенное парение мыслей».

Как пишет свт. Димитрий Ростовский:

«Остерегайся смеха. Смех собранное духовное богатство расточает: смех устраняет благодать Господню, губит память смертную, вызывает забвение Страшного Суда. Смех есть признак детского нрава, сластолюбивого сердца, слабой, немужественной души».

Поэтому одним из наиболее предосудительных видов осуждения является насмешка, где смехотворство соединяется с грехом осуждения и основывается на горделивом превознесении и отсутствии не только любви, но и простого уважения к человеку, который создан «по образу Божию» (*Быт. 1, 27*). Часто смех бывает над кем-либо, и тогда он не отличается от насмешки, т. е. тяжелой формы греха осуждения.

Вместе с тем, пишет о. Александр Ельчанинов, «смех (не улыбка) духовно обессиливает человека».

Как пишет Н.:

«Страсть к злоречию и осмеянию других часто фарисейски облакает себя в тогу нравственного возмущения и, начиная с «невинных» сплетен, доходит до той «друзей клеветы ядовитой», которая ранит больше самых разных нападок врагов. А «сатирическое» отношение к жизни и людям от легкой, шутиливой насмешки над мелкими слабостями и недостатками ближних может перейти в постоянное ядовито-издевательское осмеяние творения Божия. Самомнение, нелюбовность в отношении к миру и людям, неуважение к Творцу и дерзкое присвоение себе права судить других – вот источник этого состояния души, исполненного духовного ослепления (грех Хама)».

В качестве образца беседы с ближним можно взять старца Силуана.

Схиархимандрит Софроний так пишет о его манере разговора:

«Он никогда не смеялся до звука, никогда не говорил двусмысленно, не насмехался и даже не подшучивал над людьми. На обычно серьезном, спокойном лице его иногда намечалась едва уловимая улыбка, нераскрывавшая губ, если только при этом он не произносил слова».

Вместе с тем, как добавляет схиархимандрит Софроний, «спокойное, мирное, но вместе очень сильное глубокое желание овладевало душой – воспринять благоухание той сферы духа Христова, в которой дано было жить старцу».

От смеха надо отличать веселость и безобидные шутки, которые помогают сохранять бодрость и предохранять от

уныния.

Здесь уместно вспомнить рассказ про прп. Антония Великого, когда тот шутил со своими учениками. Проходивший поселянин соблазнился этим и подумал: как такой великий подвижник допускает шутки? Преподобный узнал духом его мысли, подозвал к себе и, дав ему в руки палку, велел согнуть ее.

Поселянин согнул. Преподобный велел согнуть еще более. Поселянин сказал, что если еще более согнуть, то палка сломится.

– Вот видишь, – сказал св. Антоний, – и человека нельзя заставлять нести подвиги свыше сил, и если бы я не шутил иногда с моими учениками, то они впали бы в уныние и лишились бы той бодрости, которая поддерживает их теперь.

Однако при шутках нужна большая осторожность, чтобы ими кого-либо не обидеть.

«Остерегайтесь шуток и неосторожных слов», – говорил своим духовным детям Оптинский старец Варсонофий.

Приложения к главе 22-й

В начале этого столетия в Восточной Сибири среди инородцев ревностно проповедовал христианство миссионер иеромонах Спиридон. Ему поручалось также принимать и исповеди каторжников Нерченской тюрьмы. В его жизнеописании имеется описание следующего случая.

Один из каторжан, совершивший два убийства, на исповеди поведал ему нижеследующее (дается в сокращенном пересказе):

«Я жил счастливо с женой и любил ее. Однажды я как-то неосторожно пошутил с нею: – А я тебя совсем не люблю, – сказал я ей. Эта шутка задела ее самолюбие, и в ответ я услышал: – И я тебя не люблю. Считая эти слова за шутку, я не придавал им никакого значения. Однако моя шутка сильно задела самолюбие жены, и она поддалась желанию мне отомстить. Вскоре я уехал в служебную командировку на несколько дней. Вернувшись, я не застал жены дома. Я пошел к одному из своих холостых сослуживцев и застал там и свою жену. Мне показалось, что жена с какой-то неохотой

вернулась со мной домой... Подозрение закралось в мою душу... Я постарался проверить правильность моего подозрения. Вскоре удостоверился, что мое подозрение в отношении измены жены оказалось правильным. В тот момент жены не было дома. Сгоряча я схватил топор и бросился ее искать. Она опять оказалась в квартире моего холостого сослуживца. В припадке злобы я убил их обоих...»

Что может быть убедительнее этого трагического случая в отношении опасности злых или неуместных шуток?

Есть два смеха: светлый и темный. Их сейчас же можно различить по улыбке, по глазам смеющегося. В себе его различить можно по сопровождающему духу: если нет легкой радости, тонкого, смягчающего сердце веяния, то смех – несветлый. Если же в груди жестко и сухо и улыбка кривится, то смех – грязный. Он бывает всегда после анекдота, после какой-нибудь насмешки над гармонией мира. Искривляемая гармония мира искривляет душу человека, и это выражается в кривлянии черт лица.

«Горе вам, смеющиеся ныне, ибо восплачете» (Лк. 6, 25). Заплачете. Потому что увидите, что приложили радость не к тому, к чему можно приложить, но к тому, что достойно муки.

«Благостная улыбка» есть зеркало найденной гармонии. Святые улыбаются, не смеясь. Смех как полнота чистой радости есть состояние будущего века. «Блаженны плачущие ныне, ибо вы возсмеетесь». Аскетический опыт осветления и преображения человека советует даже улыбаться, не открывая зубов (лучше немного меньше радости, чем хотя бы самая мимолетная нечистота в ней). Это небесная горячность духа...

Блюдущий себя, благоговенствующий над тайной своей жизни будет блюсти как всю свою жизнь, так и свой смех. Даже свою улыбку он соблюдает пред Богом. Все будет у него – помощью невидимых хранителей его – чисто и ясно.

Святые светили миру и плачем своим, и улыбкой, как дети. Ибо только у детей и у подлинно верующих во Христа людей есть чистота жизни, видимая телесными глазами, даже в чертах лица.

Просто и чисто все у детей, еще не коснувшихся тленного духа. Смерть еще не выявилась в усмешке их смертной природы, им дана весна жизни, как начаток и как воспоминание рая; и вот – они чисто смотрят, чисто смеются, нелукаво говорят, легко плачут, легко забывают свой плач...

«Если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царствие Небесное»... Ясно – почему.

Высшая похвала человеку – сказать: «У него детский смех» – смех непорочный, близкий к райской гармонии.

Общество и природа

Глава 23. Отношение христианина к обществу

Страдает ли один член, страдают с ним все члены. 1Кор. 12, 26

Как пишет проф. Карл Адам (в работе «Иисус Христос»):

«Когда Бог сотворил Адама, Он сотворил всех нас сразу в его семени. Он сотворил нас в связанности естественной и сверхъестественной судьбы с нашим родоначальником. Человечество – не что иное, как исторически развертывающийся, разрастающийся первочеловек, следовательно, не случайное сосуществование и чередование индивидуумов, но органическое единство и целостность – «МЫ»».

Поэтому и нация или государство являются индивидуальным духовным организмом.

Этот организм, подобно душе человеческой, живет своей особой духовной жизнью – грешит, падает, духовно вырождается и умирает; или наоборот – оживает, возрождается, духовно укрепляется и процветает.

И отношение Бога к нации подобно отношению к отдельному человеку. Господь заботится о ней, милует и бережет от напастей или, наоборот, вразумляет через народные бедствия – мор, голод, землетрясения, войны.

Как пишет о. Иоанн С:

«Мир находится в состоянии дремоты, греховного сна, спит. Будит его Бог войнами, моровыми поветриями, пожарами, бурями, сокрушительными землетрясениями, наводнениями, неурожаями».

Естественно, что жизнь каждого человека тесно связана с тем обществом, в котором он живет. Человек не может и не должен отделять себя от переживаний общества.

Заповедь взаимной любви, заповедь «быть всем слугою» и повеление апостолов «плачьте с плачущими» (Рим. 12, 15) повелевают христианину быть в тесном общении с обществом, служить ему и, при случае, вместе с ним страдать.

Вместе с тем, как пишет схиархимандрит Софроний, «если в земной жизни есть известный последовательный черед, то в вечности все мы едино, и потому каждый из нас должен заботиться не только о себе, но и об этом всеединстве («о всем Адаме»).

Святые давали нам пример деятельного участия в жизни общества или личным участием, или путем усиленных молитв о его благосостоянии.

Так, великий святой и подвижник земли Русской – преподобный Сергей Радонежский принимал деятельное участие в устройении русского государства.

Забываясь о его мире, он лично ездил к Рязанскому князю Олегу для того, чтобы примирить его с Московским князем и устранить междоусобную войну.

Московского князя Дмитрия Донского он побуждал выступить против татар, а когда пришло время битвы на Куликовом поле, он дни и ночи проводил в молитве о победе русского оружия.

Глубоко переживал народное бедствие и египетский подвижник Пахомий Великий. Когда Египет был поражен голодом и моровою язвою, прп. Пахомий предался посту и усиленной молитве о прекращении бедствия.

Целые дни он не прикасался к еде, и когда его ученики побуждали его к принятию пищи, он говорил им: «Я не могу есть, когда мои сочлены голодны и не имеют хлеба».

Во время народного голода многие игумены русских монастырей открывали монастырские житницы и кормили голодных, не считаясь с тем, что хлеба может не хватить самим инокам. Так же кормила голодных и св. Иулиания Лазаревская.

Некоторые думают, что пустынники и затворники, уходя от мира, совершенно порывают свои связи с современным им обществом – не хотят знать о нем и не думают о нем. Это не так. И не только они не отталкивают от себя мир с его грехами и горестями, но как раз ими-то и их молитвами и держится мир и спасается от бедствий, которые должны были бы заполнить мир по его грехам.

«Мир стоит молитвами святых», – пишет старец Силуан.

Вот одно из свидетельств этому, открытое прп. Варсонофием Великим – глубоким затворником во время одной жестокой войны.

«Братия, я нахожусь в плаче и рыдании, видя грядущий на нас гнев, потому что мы делаем все противное Богу. Многие молят Человеколюбца Бога о том, чтобы прекратился сей гнев Его на мир, и нет никого человеколюбивее Бога, но, при всем том, Он не хочет помиловать нас, ибо сопротивляется сему множество грехов, совершающихся в мире. Есть же три мужа, совершенных пред Богом, которые превзошли меру человечества и получили власть решать и вязать, отпускать грехи и удерживать их. Они-то стоят между губительством и миром, чтобы Господь не вдруг истребил весь мир. И по молитвам их Он растворяет наказание милостью; им сказано, что гнев сей пребудет на малое время. Итак, молитесь с ними. Молитва сих трех мужей сливается во входе горнего жертвенника Отца светов, и они сорадуются и совеселятся друг другу в небесах. Когда же взирают на землю, то вместе плачут и проливают слезы и рыдают ради совершающихся на ней зол, которые воздвигают гнев Божий. Мужи эти суть: Иоанн в Риме, Илия в Коринфе и еще некто из епархии Иерусалимской, и я верую, что они оказывают (миру) великую милость, поистине оказывают. Аминь».

Так же горячо молился за мир и современный нам праведник – старец Силуан со Старого Афона. Схиархимандрит Софроний пишет про него:

«От видения окружающей жизни, из воспоминаний прошлого, от глубокого личного опыта – старец жил страданием народа и всего мира. Страдала его душа за всех бедняков, страдала несомненно больше, чем они сами, так как он видел в их жизни еще и то, чего они сами в себе не замечали по необученности своей. И не было конца его молитве. Он молился великою молитвою о всем мире. Он забывал себя, он хотел страдать за народ от жалости к нему, за его мир и спасение влекся проливать кровь свою и проливал ее в молитвах».

«Молиться за людей – это кровь проливать», – говорил старец.

Нужно ли говорить о том, показателем какого молитвенного напряжения и плача являются эти слова?

Отсюда будут понятны и слова св. Иоанна Златоуста, что «весь мир недостоин и одного праведника».

Одно из несчастий человечества в том, что люди подобно стаду склонны идти за вожаками, не давая себе труда самим искать истину.

Среди же наиболее одаренных, сильных волей и различными талантами людей большинство подвержено первородному греху в сильной степени.

И, как говорит протоиерей Валентин Свенцицкий:

«Гордость, эгоизм, страсти делают человека настолько невосприимчивым к чувствованию Истины (Христа), что и вида ее (Его) не узнают. Таковыми бывают главным образом родоначальники заблуждений и первые их приверженцы. А дальше заблуждение продолжает действовать из поколения в поколение, потому что в этом заблуждении воспитываются и вырастают и настоящей истины даже не стараются узнать».

Отсюда – вместе с молитвой за мир служение обществу у христианина должно выражаться и в просвещении окружающих его светом неповрежденной евангельской истины. Это в первую очередь относится к пастырям Христова стада. «Вы – свет мира», – говорил Господь Своим ученикам (Мф. 5, 14).

Но и каждый христианин может служить проповеди христианства хотя бы примером своего благочестия, помня указание апостола, что «не многие делайтесь учителями» (Иак. 3, 1).

Как говорилось уже выше, христианин, как и всякий член общества, должен во всем подчиняться установленным в нем властям. «Отдавайте кесарево кесарю, а Божие Богу», – говорил Господь (Лк. 20, 25).

Но не следует думать, что только власть правоверных царей и правителей есть Божие установление.

Во времена пророка Иеремии Иерусалим был окружен войсками вавилонского царя – язычника Навуходоносора. Израильский царь Седекия не сдавал города и хотел обороняться от халдеев.

Но не в этом была воля Господня, которая была возвещена пророку Иеремии. По воле Господней власть законного и единокровного царя должна была пасть, Иерусалим взят и евреи за свои беззакония отведены в плен.

Для уменьшения бедствий народных пророк советовал царю и народу сдать город и отдаться на милость язычника. Но пророка не послушали, и Иерусалим был взят.

После того как главная масса евреев была отведена Навуходоносором в Вавилон, остаток их еще продолжал жить около Иерусалима. Эти евреи задумали уйти от власти Навуходоносора и переселиться в Египет. Прежде чем привести свое намерение в исполнение, они пошли просить совета у пророка Иеремии.

После десятидневной молитвы пророк объявил им от имени Бога Израилева: «Не бойтесь царя вавилонского... ибо Я с вами, чтобы спасти вас и избавлять вас от Руки его. Я явлю к вам милость, и он умилюстится к вам и возвратит вас в землю вашу... Если вы решительно обратите лица ваши, чтобы идти в Египет, и пойдете, чтобы жить там, то меч, которого вы боитесь, настигнет вас там, в земле Египетской» (*Иер. 42, 11–16*).

Евреи не послушали пророка и ушли в Египет. Тогда «было слово Господне к Иеремии... скажи им: «Вот, я пошлю и возьму Навуходоносора, царя Вавилонского, раба Моего... и придет, и поразит землю Египетскую» (*Иер. 43, 8–11*).

Как мы слышим из слов Священного Писания, Господь называет языческого царя «рабом Моим», т. е. тем, кто послушен воле Его. Господь говорит, что лишь в Его власти преклонить на милость к евреям сердце Навуходоносора. Вот то, что не надо забывать христианам, живущим под властью неправоверных правителей.

Рассказывают, что во время гражданской войны 1918–1921 гг. некоторые из генералов, возглавлявших «белые

правительства», просили у Патриарха Тихона благословения на борьбу с большевиками.

Несмотря на то, что в программе последних религия считается «опиумом народа», патриарх Тихон ни одному из «белых» начальников не послал своего благословения на борьбу. Очевидно, он боялся быть противником воли Господней, отдавшей Россию в руки большевиков.

Глава 24. Народные бедствия

Во что вас бить еще, продолжающие свое упорство? Ис. 1, 5
Велики бедствия народа во время гнева на него Господа – во время голода, эпидемий и войны. Но все это посылается от Господа. Надо помнить, что «Господь кого любит, того наказывает» (Евр. 12, 6; Притч. 3, 12).

Всякое бедствие посылается Господом как спасительное, единственно действенное врачевство от еще худшей беды – от народного развращения, от которого истлевает и умирает душа народа.

Господь несравнимо лучше нас видит бедствия, скорби и слезы народные и все же посылает их – Он, Всеблагий и Милосердный.

Как пишет о. Александр Ельчанинов:

«Господь бесконечно жалеет нас, но посылает нам страдания: только если нас поражают несчастия и катастрофы, мы можем дать какие-то искры, какой-то святой огонь. В этом смысл войн, революций, болезней».

Здесь имеет место закон, по которому меньшее зло (телесное) может устранить большее зло – духовное.

Как пишет архимандрит Иоанн:

«Война для человека, погруженного в развратную, своекорыстную жизнь, может быть даже единственным средством отрезвления. В этом и смысл войны как промыслительного попущения, отвлечения человека от мелкой – себялюбивой жизни к жертвенной; от ада похоти и сластей – к граням подлинного бытия. Для христианина война может быть огрубением, оземлением, погружением в плотскую стихию; для себялюбивого же «плотского» человека

война может быть восстановлением к подлинной духовной жизни».

Каким глубоким чувством скорби полны следующие слова Господа к впавшему в нечестие народу израильскому, переданные через пророка Исаию:

«Слушайте, небеса, и внимай, земля, потому что Господь говорит: Я воспитал и возвысил сыновей, а они возмутились против Меня. Вол знает владельца своего и осел – ясли господина своего, а Израиль не знает [Меня], народ Мой не понимает. Увы, народ грешный... племя злодеев, сыны погибельные! Оставили Господа, презрели Святаго Израилева, – повернулись назад. Во что вас бить еще, продолжающие свое упорство? Вся голова в язвах, и все сердце исчахло. От подошвы ноги до темени головы нет у него здорового места: язвы, пятна, гноящиеся раны, неочищенные и необвязанные и не смягченные елеем. Земля ваша опустошена; города ваши сожжены огнем; поля ваши в ваших глазах съедают чужие, все опустело» (Ис. 1, 2–7).

Велики страдания народа нечестивого: и не только оскудение во всем и голод, войны и эпидемические болезни падают, как удар за ударом, на головы народа. От него отнимаются и его духовные руководители, и в среде его воцаряется полная духовная разруха – смещение всех устоев, на которых зиждется нормальная, здоровая общественная жизнь: прекращаются или замирают проповедь и богослужение, гаснет вера.

Вот как рисуется такое наказание пророком Исаией:

«Вот, Господь, Господь Саваоф отнимет у Иерусалима и у Иуды посох и трость, всякое подкрепление хлебом и всякое подкрепление водою, храброго вождя и воина, судию и пророка, и прозорливца, и старца, пятидесятника и вельможу, и искусного в слове, и даст им отроков в начальники. И дети будут господствовать над ними, и в народе один будет угнетаем другим, и каждый – ближним своим: юноша будет нагло превозноситься над старцем и простолудин над вельможею» (Ис. 3, 1–5).

И когда мы видим подобное духовное оскудение и смещение всех общественных устоев, когда бури народных бедствий бушуют вокруг, когда кругом голод и болезни, стоны, слезы и смерть – не будем думать, что Господь не видит всего этого. Он видит, но посылает это для спасения народной души.

Мы, конечно, должны молить Господа о прекращении бедствий народных, как это делали угодники Божии – Пахомий Великий, Савва Освященный, Прокопий Устюжский и многие другие.

Но вместе с мольбой мы должны приносить и свою долю покаяния для отвращения гнева Божия от своего народа и своей Родины. Господь и при малом числе не оставляющих Его может помиловать города и страны.

Так, когда пророк Илия жаловался Богу на всеобщее отступление от Него израильтян, Господь Сам стал утешать его и сказал: «Я соблюл Себе семь тысяч человек, которые не преклонили колени пред Ваалом» (*Рим. 11, 4; 3Цар. 19, 18*).

Вспомним также, что Господь обещался Аврааму пощадить нечестивые города Содом и Гоморру, если Он найдет в них хотя бы десять праведников (*Быт. 18, 32*).

Мы, конечно, скорбим тогда, когда видим прекращение проповеди и богослужения и оскудение веры, и не понимаем, почему Господь попускает это.

Но не всегда может подействовать проповедь и возглашаться истина. При растлении разума и сердца народного проповедь может вызвать только насмешки и кощунство, а это ляжет еще более тяжким грехом на душу народную. Взыщется с народа и то, что была отвергнута открытая истина.

Вот почему не всем народам и не всегда открывалось Евангелие, вот почему временами Господь прекращает проповедь. Чтобы семена истины взошли, надо сначала вновь разрыхлить затвердевшую почву, а она в народах разрыхляется скорбями и бедствиями. И не только на физические бедствия народа должны быть обращены наши взоры, и сердце наше должно скорбеть не только от видимых несчастий и слез.

В гораздо большей мере мы должны скорбеть о состоянии души народной, о скверне греха, порока и гордости, в которую она погрузилась.

Мы видели слезы и кровь братьев на поле брани. Но услышим ли мы крики толпы, если она будет вновь распинать Христа в лице Его Церкви; увидим ли мы новые слезы скорбящей об этом Богоматери?

Если мы это услышим и увидим, то нам станет понятной душа величайшего из пророков и ревнителя по Боге – пророка Илии – и понятно его кажущееся равнодушие к страданию от голода народа израильского. Судьба последнего была отдана Господом в руки Илии. От его воли зависело дать народу материальное благоденствие и сытость или бедствия голода. Пророк обрек израильтян на губительное безбожие, от которого страшный голод воцарился в Палестине.

Разве пророк не видел всех последствий своего решения, не видел страданий и смерти от голода как взрослых, так и стариков и невинных детей? Имея власть в любой момент прекратить бедствия, как же он не делал этого в течение более чем трех лет?

Но пророком владело не только сострадание к несчастным. Им в еще большей степени владела святая ревность по Боге, ревность о Святом Израилеве, Который после величайших милостей к Израилю был отвергнут народом, обратившимся к языческим богам и погрузившимся в бездну грехов и порока.

Вот почему пророк обрекал на физические страдания израильтян и прекратил их лишь тогда, когда народ пал на лицо свое и сказал: «Господь есть Бог» (3Цар. 18, 39).

Гораздо более, чем о прекращении бедствий, мы должны просить Бога об очищении народной души от нечестия, о просветлении его ума, о посылке к народу пророков с огненными словами призыва к покаянию.

Видя народные бедствия, не будем забывать и о том, что от одного лишь Вершителя всех судеб зависит избавление от них.

Не будем строить нашим слабеньким разумом различных умозаключений и тех предпосылок, которые необходимы для окончания бедствий, или предугадывать по каким-либо

признакам время их окончания. Не под силу это человеческому уму. Вот пример для этого:

Во времена пророка Елисея Самария была осаждена сирийцами. Голод был таков, что, по словам Писания, «четвертая часть каба голубинового помета продавалась по пяти сиклей» и матери поедали своих детей(4Цар. 6, 25–29).

Никто не видел возможности к избавлению и прекращению голода. Но вот пророк Елисей возглашает: «Так говорит Господь: завтра в это время мера муки лучшей будет по сиклю и две меры ячменя по сиклю у ворот Самарии», – и все смеялись над Елисеем.

Однако слова пророка сбылись в точности. В сумерки сирийцами слышался шум приближавшегося большого войска, которое они приняли за союзные с израильтянами войска хаттейские и египетские. В большом испуге сирийцы бежали, побросав все свое имущество и большие запасы продовольствия.

Так внезапно и чудесно прекратилось бедствие, когда мера наказания и вразумления от Господа была исполнена до определенного Господом предела.

Пусть этот случай будет питать и нашу надежду на избавление во время переживания народных бедствий, когда беспросветный мрак духовной ночи царит кругом.

Глава 25. Участие в общественной жизни и национальный вопрос

Отдавайте кесарево кесарю, а Божие Богу. Мф. 22, 21
Христианину, живущему в мире, не надо чуждаться общественной жизни.

Преподобный Серафим Саровский говорил:

«Не должно общественной жизни отказывать в том, чего она законно требует от нас, по словам Писания: «Отдавайте кесарево кесарю, а Божие Богу» (Мф. 22, 21)».

Однако не надо и увлекаться ею или уделять слишком много внимания ее интересам или политике. Здесь опасность – часть «Божьего» отдавать «кесарю». Надо помнить, что

основное внимание христианин должен обращать на свою внутреннюю жизнь, на очищение сердца, освобождение от страстей, на богоугождение, на служение ближним, т. е. на стяжание Духа Божия.

Когда же человек замечает, что общественная жизнь и политические события слишком завладевают его вниманием, он должен понять опасность своего положения, понять, что он ради мирских дел пренебрегает зовом Христа – идти к Нему на Его брачный пир.

Здесь, конечно, нельзя дать общего правила или нормы участия христианина в общественной жизни; надо каждому искать воли Божией для себя лично и послушно и спокойно выполнять ее.

Св. князю Владимиру и св. князю Александру Невскому выпал жребий от Господа стоять во главе государства, а прп. Сергей Радонежский отказался и от того, чтобы быть митрополитом.

Ап. Павел пишет: «каждый поступай так, как Бог ему определил, и каждый, как Господь призвал» (1Кор. 7, 17)– «и как, по данной нам благодати, имеем различные дарования, то... имеешь ли служение, пребывай в служении, учитель ли – в учении, увещатель ли – увещевай, раздаватель ли – раздавай в простоте, начальник ли – начальствуй с усердием, благотворитель ли – благотвори с радушием» (Рим. 12, 6–8).

Следует предостеречь христианина и от увлечения национальными интересами и от национальной нетерпимости.

По существу у христианина есть одно лишь отечество, стать членом которого он должен стремиться всеми своими силами: это отечество – Царство Небесное и будущий «Новый Иерусалим».

Вспомним, что Господь «завещал» нам «Царство» (Лк. 22, 29).

Наши же сограждане – это те, кто вместе с нами стремится наследовать «новую землю»: здесь национальное единство, как и физическое сродство, не имеет никакого значения.

Христианин по духу интернационален. Ап. Павел пишет, что христианин – это тот, кто «обновляется в познании по образу

Создавшего его, где нет ни Еллина, ни Иудея, ни обрезания, ни необрезания, варвара, Скифа, раба, свободного, но все и во всем Христос» (Кол. 3, 10–11).

Поэтому для христианина недопустим даже оттенок национальной нетерпимости.

Глава 26. Отношение к социальным учениям

Стяжи дух мирен, и тысячи людей спасутся около тебя.
Прп. Серафим Саровский

Поле духовной битвы со злом, космическим злом, является собственное сердце человека. Схиархимандрит Софроний

В современном обществе сильное распространение получили различные социальные учения, говорящие о том, на каких общественных и государственных началах должно быть перестроено общество.

Материалистическое учение утверждает, что счастье человека зависит от избытка у него материальных благ. Господь же сказал, что «жизнь человека не зависит от изобилия его имения» (Лк. 12, 15).

Итак, не в материальном богатстве счастье человеческое. Как говорит епископ Михаил Таврический: «Вся внешняя культура, вся цивилизация – только цвет ядовитый, хотя и обольстительно красивый, хотя постоянно и утончающийся в своем аромате». Счастье народа зависит только от его внутреннего духовного богатства. Благо народа – лишь в его нравственной чистоте. Если все это будет, то Промысл Божий даст народу и достойных правителей, и справедливый порядок устройства общества, и материальное процветание.

Здесь – в жизни нации и государства – приложима та же истина, которой должна руководствоваться всякая человеческая душа: «Ищите же прежде Царства Божия и правды Его, и это все (т. е. внешнее благоустройство) приложится вам» (Мф. 6, 33).

Если же у кого болит душа за народ и он хочет облегчить его страдания, хочет послужить ему, хочет посвятить ему свою

жизнь, то лучше всего послужить ему на поприще его духовного просвещения.

Вот как говорит об этом прп. Симеон Новый Богослов:

«Главная цель общественной жизни и общественного служения – взаимное друг другу содействие в жизни духовной».

А при этом служении необходимо прежде всего стать самому примером для народа по высоте духа, по силе веры, по горячности любви и самоотвержению.

Игумения Арсения так пишет в одном письме:

«Если ваша душа при содействии благодати Божией усвоит какую добродетель, то она становится достоянием всех. Милостивый всех милует, смиренный всех прощает, кроткий всех терпит, опытный в борьбе со своими страстями помогает другим. Эти добродетели становятся достоянием всего мира. О них говорят, передают друг другу в назидание, о них слышат дальние, они становятся для них примером подражания, укреплением и поддержкой».

Как пишет В. С. Соловьев:

«Тот народ, как и тот человек, который внутренне не совершенствуется, не может совершать истинно славных дел: откуда бы они взялись?»

Преподобный Серафим говорил:

«Радость моя, стяжи дух мирный, и тысячи людей спасутся около тебя».

То есть приобрести мир душевный, любовь, бесстрастие, тишину в душе – и ты будешь светить всем окружающим. Вот лучшее, совершеннейшее служение своему народу. Поэтому св. отцы говорят, что в тысячу раз лучше поучать самого себя, ведя святую жизнь, чем хотеть научить весь мир.

Нам надо помнить, что, как говорит В. Розанов:

«Обманчиво то величие, к которому влекся человек в своей истории. Смирив свой дух, мы видим, что его задачи на земле ограничены. Перестав вечно обращаться мыслью и желанием к чему-то далекому, мы снова почувствуем полноту сил, возвратившись к нам от бесплодного мысленного скитания. Мы поймем, как только произойдет это, что успокоить одно встревоженное сердце, утолить чью-нибудь

тоску – это больше и выше, нежели сделать самое блестящее открытие или удивить мир ненужным подвигом. Подвиги наши станут к нам ближе, они сведутся к утешению скорби, которую залил себя мир в своих бесплодных стремлениях, громоздя страдание на страдание... Мы поймем абсолютную значительность каждого человека, поймем, что радость и свет в его сердце, на каждом отдельном лице есть высшее, лучшее и драгоценнейшее в истории».

Как пишет Поварнин:

«Все в мире связано между собою. Нельзя подняться, чтобы не поднять других, нельзя опуститься, чтобы их не понизить».

«Восходящий возводит собою к Богу всякий род творения, ибо всем им причастен», – говорит св. Григорий Палама.

Та же мысль выражена схиархимандритом Софронием в следующей формулировке:

«Если каждая человеческая личность является носителем всей полноты Божественного бытия (а таков глубокий смысл второй заповеди любви – «возлюби ближнего, как самого себя»), то и бороться с космическим злом каждый будет, начиная с самого себя. Природа всечеловеческого бытия такова, что каждое отдельное лицо, преодолевая в себе зло, этой победой наносит поражение космическому злу столь великое, что следствие ее благотворно отражается на судьбах всего мира. С другой стороны, природа космического зла такова, что, побеждаемое в отдельных человеческих ипостасях (лицах), оно терпит поражение, значение и размеры которого бесконечно непропорциональны количеству. Единый святой есть явление, чрезвычайно драгоценное для всего человечества. Святые фактом своего бытия, хотя бы и неизвестного миру, но известного Богу, низводят на землю, на все человечество великое благословение Божие. Старец Силуан пишет: «Вот за этих людей, думаю, Господь сохраняет мир, ибо они приятны Богу и Бог всегда послушает Своих смиренных рабов, и нам всем бывает хорошо за их молитвы»».

Схиархимандрит Софроний продолжает:

«Ради неведомых миру святых изменяется течение исторических и даже космических событий, и потому каждый святой есть явление космического характера, значение которого выходит за пределы земной истории в мир вечности. Святые – соль земли, они смысл ее бытия, они тот плод, ради которого она хранится. А когда земля перестанет рождать святых, тогда отнимется от нее сила, удерживающая мир от катастрофы. Каждый святой, как Антоний, Арсений, Николай, Ефрем, Сергей, Серафим и им подобные, составляют драгоценное вечное достояние всего мира, хотя мир и не хочет знать об этом и часто убивает своих пророков».

Думая об обществе и современном мире, нам надо помнить и о том, как рисуется его конец в Священном Писании.

Вот слова апостолов: «Весь мир лежит во зле» (1Ин. 5, 19) и «Земля, и все дела на ней сгорят» (2Пет. 3, 10). Вместе с тем, как пишет схиархимандрит Софроний: «По мере того, как в мире нарастает «динамика гибели», растут и страдания человечества.

При этом одни в отрицательном смысле включаются в общий поток страстей мира сего (т. е. предаются греху); другие – в положительном, в силу любви своей к человечеству» (т. е. страдают за мир и предаются молитве за него).

Вот еще какие мысли высказывал епископ Михаил Таврический в своих письмах:

«Как машина, катящаяся с крутого откоса, катится к своей гибели, так к гибели стремится и этот мир. Эта машина безнадежно испорчена, и ничто не сможет спасти ее от неизбежной гибели».

А архиепископ Иоанн (Шаховской) пишет:

«Мир земной есть дорога, а не жилище. Человечество не найдет себе в том мире рая – без Креста. То, о чем мечтают ложные материалистические учителя человеческие, – невозможно. Человек никогда не построит себе вечно радостного дома в мире, где царствуют грех, болезнь и смерть».

Зная это, душе христианина будут близки и следующие слова премудрого ап. Павла: «Я вам сказываю, братия: время уже коротко, так что... пользующиеся миром сим (должны быть) как не пользующиеся; ибо проходит образ мира сего» (1Кор. 7, 29–31).

Как пишет один философ:

«Любовь есть душа человечества, без нее самые совершенные общественные формы останутся лишь мертвым, ничего не значащим механизмом... Социализм без любви – тело без души, циферблат без механизма, цветок без запаха, очаг без огня».

Приложение к главе 26-й

«Внутренняя клеть» Из забытых заветов Православия

(Из журнала «Возрождение» за 192?» г. Статья О. С. М.)

«Умиришь сам с собою – и умирятся с тобою небо и земля. Потщись войти во внутреннюю твою клеть и узришь клеть небесную, потому что та и другая – одно и то же, и, входя в одну, видишь обе. Лестница иного царствия – внутри тебя, сокровенная в душе твоей. В себе самом погрузись от греха и найдешь там восхождения, по которым в состоянии будешь восходить».

Когда перечитываешь эту страничку из творения прп. Исаака Сирина, то невольно поражаешься несоответствием ей как современного умонастроения, так и современного жизнеописания.

У св. Исаака Сирина все направлено от внешней оболочки душевной жизни к ее вечно глубоким корням.

У нас же как в умонастроении, так и в практической жизни все, даже подлинно глубокое и ценное, разменивается на мелочную обыденщину окружающей действительности. Объятые жаром жизнестроительства, мы и самую жизнь думаем устроить, изменяя ее лишь внешние формы, ее внешнюю оболочку, и в то же время искренно верим и надеемся, что вместе с этим как-то перестроится ее внутренний уклад, многими столетиями слагавшийся. Пред нашим взором проносятся высокие идеалы общественного благоустройства, идеалы мировые, и в то же время мы не хотим сколько-нибудь

позаботиться об устройении своей духовной жизни. Клеть небесную хотим мы создать на земле, но не «потщимся» входить во «внутреннюю клеть» свою. Полнейший отрыв от прошлого духовного церковного опыта, полнейшее пренебрежение заветами Православия – вот что характерно для наших современников.

И прежде всего это справедливо в отношении нашей интеллигенции, которая на протяжении целого столетия жила исключительно мечтами об общественном благоустройстве, вдохновлялась идеалами служения благу народному, но в то же время не проявляла в своей жизни личного подвига и снисходительно относилась к весьма крупным недочетам в своей жизни – например в семье. Поразительно, что нигде, кажется, не сказался столь ощутительно и не отразился так болезненно разрыв между старым и новым поколениями, между «отцами и детьми», как в нашей русской интеллигентской среде. Ни одна литература не имеет такого множества типов и героев из этой области жизни, как русская литература.

Что это – простая ли случайность, или же признак определенной духовной болезни? Думается, что на этот вопрос не может быть двух ответов. Этот разрыв между старым и новым поколениями, это взаимное непонимание русских «отцов и детей» всегда был признаком глубокой религиозной немочи.

Это оборотная сторона сознательного холодного равнодушия интеллигенции к прошлому церковному опыту, мучительного разрыва ее с церковным сознанием в умонастроении и с церковной жизнью, позорного бегства из «дома отчего» и скитания по «странам чужим».

И вот теперь, когда сильно сказался духовный раскол между интеллигенцией и народом, – что делать русской интеллигенции, как преодолеть то мучительное разочарование, к которому привели вся интеллигентская мысль и вера при своем столкновении с самою жизнью?

Когда-то великий Достоевский говорил русскому интеллигенту: «смирись, гордый человек, и прежде всего сломи свою гордость».

Хотелось бы и теперь сказать: «Оставь свои скитания по «странам чужим», русский интеллигент, вернись в Церковь, «дом отчий», приобщись сокровищнице духовного опыта церковного и умудрись в своем общественном строительстве».

Но, скажут, неужели же нам учиться общественному строительству у людей духовного опыта церковного, святых подвижников, которые ради «личного» спасения порвали всякую связь с обществом?

Да, скажем мы, именно этот-то многовековой опыт церковный должен руководить нами в нашей общественной жизни, в ее основном уклоне и направлении. И как это ни странно, мы должны и «мирской» жизни учиться у подвижников христианских, которые уходили от «мира». Та святыня Православия, которая на протяжении целых столетий была сокрыта от взоров мира и, как драгоценное жемчужное зерно, сияла и хранилась в душах немногих избранников Божиих, должна быть наконец явлена миру, должна возродить мир.

И если есть какая-нибудь подлинная общественность, то это должна быть та религиозная общественность, которая скрыта была доселе в глубине многовекового церковного опыта Православия. И, как это опять ни странно, подлинными общественниками в нашем «мирском» смысле были подвижники Православия, отрeksiеся от «мира».

Живя вдаль от мира, в тиши своих келий, они, тем не менее, жили подлинною общественной жизнью, невидимыми нитями духовного общения находясь в связи со всем чистым и высоким, что есть в мире, и собирая вокруг себя духовное стадо.

Достаточно указать на примеры наших святых подвижников – Сергия Радонежского и Серафима Саровского.

Живя в пустыне, воссоздавали они в себе и в окружающих пресветлый образ Божий, учили людей свергать с себя бремя греховное и тем самым воссоздавали вокруг себя новую жизнь.

Историк русского народа Ключевский говорит, что трудами пустынножителя прп. Сергия «воспиталось дружное братство, производившее глубокое, назидательное впечатление на мирян. Мир смотрел на чин жизни в монастыре прп. Сергия, и то, что он

видел, быт и обстановка пустынного братства научали его самым простым правилам, которыми было крепко людское христианское общежитие».

Нравственное влияние Сергиева пустынножительства, западая в массы, вызывало брожение и незаметно изменяло направление умов, перестраивало весь нравственный строй души русского человека XIV века».

Подвижник-пустынный становился руководителем, духовным воспитателем и возродителем общества, т. е. общественным деятелем в высшем и лучшем смысле этого слова».

Религиозная общественность, в сфере которой жили великие подвижники Православия, и представляет собой тот остов, на котором строится всякая другая общественность и без которой она не может устоять, а непременно рушится.

Это именно и есть та общественность, которая произрастает на выявлении коренной основы человеческого духа, иначе сказать – образа Божия в человеке, к познанию которой и приглашает своих духовных чад прп. Исаак Сирин. Именно с этого и должно начинаться строительство нашей общественной жизни.

Нашей интеллигенции, оторвавшейся от прошлого церковного опыта и поплатившейся за этот свой грех, следует познать его общественную правду, следует опытно пережить духовный подвиг перерождения человека антиобщественного, греховного в подлинно общественного – в духовно-общественного.

И лишь только в этом опытном переживании следует искать путей к нашему общему духовному возрождению и обновлению.
О. С. М.

Глава 27. Природа

Небеса проповедуют славу Божию, и о делах рук Его вещает твердь. Пс. 18, 2

И увидел Бог все, что Он создал, и вот, хорошо весьма. Быт. 1, 31

Душа от созерцания видимой красоты приходит в состояние чувства Бога, живого и дивного во всем. Схиархимандрит Софроний

Все видимое нами – вся природа – есть Божие творение. Смотря на ее бесконечно разнообразные формы и постигая до какой-то степени управляющие ею законы, христианин не может не чувствовать через нее беспредельную премудрость, величие и могущество ее Творца, не может не изумляться совершенству и красоте Его творения.

Как пишет епископ Михаил Таврический:

«Стоит мне с любовью, с цельным чувством и сознанием, по-детски, по-Божьи, не разбегаясь во все стороны, а всецело отдаваясь природе, взглядеться в нее, то каждый листок деревца, каждый крохотный цветочек, каждая былинка, травка вдруг засияют для меня такой лучезарной райской красотой, обдаст меня таким теплом и светом жизни, таким изяществом каждого изгиба и тона, что мне откроется воочию рай... Это значит, что мы проникли внутрь того, что ежедневно видели извне; мы своим цельным чувством ощутили ту цельную жизнь природы, которую постоянно дробим своим рассеянным внешним сознанием; в созерцании любви отдались на миг беззаветно вот этому деревцу, этому цветку вместо того, чтобы эгоистически думать, нельзя ли срубить одно и сорвать другой... Природа осталась та же, но мы вошли в тот просветленный божественный мир ее бытия и ее форм, который заключен в ней же, но которого мы по рассеянности и грубости доселе не замечали... Входить своим умиротворенным сердцем в то светлое и прекрасное бытие, которое проникает во все и отражается во всем, созерцать все в Боге, отказавшись от себя, – это значит идти в царство «не от мира сего». И тогда мы смотрим на то же, на что смотрят и другие, но видим в нем тот мир, который для других пока остается скрытым. По-видимому, в мертвом – для нас трепещет внутренняя духовная жизнь, в немом – для нас звучат небесные глаголы; в случайном и механическом – нам открывается чудный смысл и высокая разумная красота. Можем ли представить себе, что говорил

незаметный цветок – лилия – сердцу и очам Господа, когда Он всю славу Соломона повергал перед нею ниц?»

Природа так прекрасна, что по словам Н.:

«Для неверующего приоткрыты райские врата – в чистом восприятии природы».

«Если только существует рай, – воскликнула одна неверующая девушка, – он должен быть похож на эти места».

А вот как воспринимал природу странник, овладевший искусством творения непрестанной молитвы.

«Все окружающее меня представлялось мне в восхитительном виде: деревья, травы, птицы, земля, воздух, свет – все как будто говорило мне, что существует для человека, свидетельствует любовь Божию к человеку и все молится, все воспевает славу Богу. И я понял из этого, что называется в Добротолубии «ведением словес твари», и увидел способ, по которому можно разговаривать с творениями Божиими».

Как пишет о. Павел Флоренский:

«Благословляя вселенную, подвижник всюду и всегда видит в вещах знамения Божии и Божии письма; всякое творение для него – лестница, по которой ангелы Божии нисходят в земную юдоль, все долнее – отображение горнего».

Нежно любил природу как Божье творение старец Силуан. Он учил бережному отношению ко всему тварному, учил бояться нарушать жизнь всего того, что существует по Божьему Промыслу. В своих записках он пишет:

«Дух Божий учит душу любить все живое, так что и зеленого листа на дереве она не хочет повредить и цветка полевого не хочет потоптать».

Схиархимандрит Софроний рассказывает такой случай из его жизни со старцем Силуаном:

«Старец шел посмотреть на мое жилище. В руках у нас были палки, обычные для горных мест. По обеим сторонам тропинки росли отдельные редкие кусты высокой дикой травы. С мыслью не допустить зарастания тропинки этой травой, я ударил палкой по одному стволу около верхушки

так, чтобы, надломив ствол, воспрепятствовать созреванию семян. Это движение старцу показалось грубым, и он недоуменно слегка покачал головой. Я понял, что это значило, и мне стало стыдно. «Листок на дереве зеленый и ты его сорвал без нужды. Хоть это и не грех, но почему-то жалко и листик, жалко всю тварь сердцу, которое научилось любить». Но это жаление листа на дереве или полевого цветка под ногой совмещалось в старце с самым реальным отношением ко всякой вещи в мире. Он по-христиански сознавал, что вся тварь создана для служения человеку, и потому, когда «нужно», человек может пользоваться всем. Сам он косил сено, рубил лес, заготавливал дрова, ел рыбу».

Правда, многие из святых и подвижников удалялись от красот природы, уходили в тесные затворы, в дикие пустыни, выбирали кельи с окнами на пустыри и скалы и т. п.

Но это уже мера совершенных, сердце которых было соединено всецело с Господом, и ради Него они все покидали в этом видимом, вещественном мире.

Про это так пишет старец Силуан:

«Душа любит земную красоту, любит она небо и солнце, любит прекрасные сады и море, и реки, леса и луга; любит душа и музыку, и все это земное услаждает душу. Но когда познает она и возлюбит Господа нашего Иисуса Христа, тогда не хочет уже смотреть на этот мир, хотя он и прекрасен, а непрестанно влечется в тот мир, где живет Господь».

Приложение к главе 27-й

Белая веточка яблони В чаше небес голубой!

Божье художество явлено

Тихой твоей красотой.

Тысячи лет было б мало мне

Налюбоваться тобой,

Белая веточка яблони

В чаше небес голубой.

Пчелы в бутонах расправленных

Реют с органной хвалой

Над белорозовой яблоней

В чаше небес голубой.
Тайных молитв не ослаблю я.
Молятся вместе со мной
Белые веточки яблони
В чаше небес голубой.
Славься, Художник прославленный!
Славься моею душой
С белыми ветками яблони
В чаше небес голубой.

Глава 28. Животный мир

Господь Бог образовал из земли всех животных полевых и всех птиц небесных и привел к человеку. Быт. 2, 19

Особое место в природе занимает животный мир. Животные, по Священному Писанию, имеют, как и человек, душу, но, конечно, отличную от души человека (Быт. 1, 30).

И о животных также заботится Бог: «Не пять ли малых птиц продаются за два ассария? и ни одна из них не забыта у Бога» (Лк. 12, 6)? – говорил Господь.

В животных вложена своя доля разума. А у высших животных, как например у собаки, имеются и такие свойства души, как самоотверженная любовь и такая преданность человеку, которая не останавливается перед тем, чтобы отдать жизнь за человека. Животные были созданы как близкие друзья человека. В раю Господь «привел к человеку (всех животных), чтобы видеть, как он назовет их» (Быт. 2, 19). Человек поставлен был «владыкою» (Быт. 1, 26) над животными, но владыкою добрым, который не истреблял их и не употреблял в пищу (Быт. 1, 29).

Также не было тогда на земле и взаимного истребления животных, и пищей их была лишь «зелень травная» (Быт. 1, 30). У человека и животных тогда была полнота взаимного понимания.

Трагедия человека – грехопадение и смерть – не могла не отразиться и на подчиненном ему животном царстве. Началось и употребление в пищу одних животных другими, чего не было до грехопадения (Быт. 1, 30 и 9, 3).

Как пишет ап. Павел: «Тварь с надеждою ожидает откровения сынов Божиих, потому что тварь покорилась суете не добровольно, но по воле покорившего ее, в надежде, что и сама тварь освобождена будет от рабства тлению в свободу славы детей Божиих. Ибо знаем, что вся тварь совокупно стенает и мучится доныне» (*Рим. 8, 19–22*).

Как говорит архиепископ Иоанн:

«Стенание твари» есть одна только боль от потери надежды на человека и веры в него (т. е. доверия к человеку), потеря своего пути к Богу через него».

Итак, мы виноваты в растлении твари. Вместе с тем следует заметить, что наше падение несравнимо глубже падения твари. У твари нет взаимной злобы и ненависти: убийство или воровство там существуют лишь для удовлетворения голода и поддержания своей жизни. [4]

И о животных также заботится Бог: «Не пять ли малых птиц продаются за два ассария? и ни одна из них не забыта у Бога», – говорил Господь (*Лк. 12, 6*).

И напрасно М. Горький говорит, что «человек – это звучит гордо». В состоянии падения и греха человек нередко опускается ниже животного, и в этом может удостовериться всякий.

Вот мы видим картину, как бьет человек лошадь, не могущую сдвинуть с места перегруженный воз. Послушная, кроткая лошадь выбивается из сил, но не может выполнить приказаний. А владыка ее – человек – с дикой злобой и скверной руганью бьет ее беспощадно по голове и глазам. Отвратительная сцена, в которой нечем гордиться человеку.

Я помню также другую сцену. На берег реки пришли купаться молодые люди 14–15 лет с собакой – умным, кротким животным. Юноши стали издеваться над собакой, заставляя ее проделывать разные штуки, дергали за хвост, обманывали посулами пищи и т. д.

Все это они делали крайне непристойно, с криками и сквернословием и нельзя было без горечи смотреть на них.

Собака же держалась кротко, была абсолютно послушна всем приказаниям юношей и смотрела на них ясными,

доверчивыми, преданными глазами. Здесь также была картина позора человека и сохранения достоинства твари.

По закону связи животного мира с человеком, с искуплением и обновлением последнего должно наступить и освобождение твари.

Ап. Павел пишет, что тварь пребывает в «надежде, что и сама тварь освобождена будет от рабства тлению в свободу славы детей Божиих» (*Рим. 8, 20–21*).

На примере святых мы видим новые взаимоотношения с тварью. В их лице человек вновь становится другом твари и изливает на нее свою любовь.

«У милующего, – пишет прп. Исаак Сириянин, – горит сердце о всем творении – о человеках, о птицах, о животных, о демонах и о всякой твари... он ежечасно со слезами приносит о них молитву, чтобы сохранились и очистились, а также и об естестве пресмыкающихся молится с великою жалостью, какая без меры возбуждается в сердце его по уподоблению в сем Богу.

Приближается ли смиренный к хищным зверям, и, едва только обратит взор свой на них, укрощается свирепость их; они подходят к нему как к своему владыке, понижают своими главами, лижут руки и ноги его, потому что ощутили от него то благоухание, которое исходило от Адама до его преступления, когда звери собраны были к Адаму и нарекал он их имена в раю.

Это отнято было у нас; но обновил и даровал нам это опять пришествием Своим Иисус. Этим и помазано благоухание человеческого рода».

С любовью относился ко всему живому старец Силуан. Он пишет:

«Дух Божий учит душу любить все живое. Один раз без нужды я убил муху, и она, бедная, ползала по земле больная, с выпавшими внутренностями, и трое суток я плакал за свою жестокость к твари и до сих пор все помню этот случай. Как-то у меня в магазине (старец был на послушании эконома) завелись летучие мыши, и я облил их кипятком и снова пролил много слез из-за этого, и с тех пор никогда не обижал я тварь».

О египетских старцах-пустынниках рассказывается, что они осторожно обходили встретившееся им на дороге насекомое, чтобы не раздавить его.

Про авву Феофана Египетского есть такой рассказ:

«Выходя по ночам в пустыню, он был окружен толпами зверей. Черпая воду из своего колодца, он поил их. Очевидным свидетельством тому было то, что вокруг его келии виднелось много следов буйволов, антилоп и диких ослов».

Прп. Сергей и прп. Серафим кормили хлебом своих друзей – медведей. Особенно поучительной является история льва прп. Герасима (память 4 марта ст. стиля).

Прп. Герасим, сжалившись над диким львом, вынул из его лапы занозу, промыл и завязал ее. Лев с тех пор не отходил от преподобного, слушал его во всем и питался только растительной пищей. Когда преподобный умер, лев не мог более жить и от скорби умер на могиле преподобного.

С особой нежностью относился к животным католический святой Франциск Ассизский. Он устраивал гнезда горлицам. Червячков на пути поднимал и относил в сторону. Он не мог видеть барашков, ведомых на убой, и старался их приобрести, чтобы спасти им жизнь.

Так выполняли святые и праведники повеление Господа: «Проповедуйте Евангелие всей твари» (Мк. 16, 15). Они вели эту проповедь своим милостивым отношением к живой твари. Они несли «Благую весть» животным своею любовью к ним и этим восстанавливали ту дружбу, которая была у них с человеком до грехопадения. Под влиянием обновленного человеческого духа обновлялся и дух животных. Они теряли свою свирепость, делались послушными человеку и переставали наносить вред другим животным.

Царства Божия святые достигали еще на земле. Поэтому и животный мир около них становился таким, каким он будет в Небесном Царствии.

Тогда, по словам пророка Исаии:

«Волк будет жить вместе с ягненком, и барс будет лежать вместе с козленком; и теленок, и молодой лев, и вол будут вместе, и малое дитя будет водить их. И корова

будет пастись с медведицею, и детеныши их будут лежать вместе, и лев, как вол, будет есть солому. И младенец будет играть над норою аспида, и дитя протянет руку свою на гнездо змеи» (Ис. 11, 6–8).

Что именно таким будет некогда животный мир, говорит следующая картина из жизни прп. Павла Обнорского.

Когда прп. Сергей Муромский пришел посетить последнего в его пустыне, то увидел, что «стая птиц вилась около чудного подвижника; мелкие пташки сидели на голове и на плечах старца, и он кормил их из рук.

Тут же стоял медведь, ожидая себе пищи от пустытника; лисицы, зайцы и другие звери бегали вокруг, не враждуя между собою и не боясь медведя.

Это было отображение жизни невинного Адама в Эдеме, владычество человека над тварью, которая вместе с нами стенает от нашего грехопадения и ожидает освобождения в свободу славы чад Божиих».

Животные препоручены нам Богом как наши друзья и наши слуги. Вместе с тем мы их старые должники. И они ждут от нас избавления, ждут проповеди любви. Ее оказывать мы им должны по заповеди Христа.

Не будем же пренебрегать и этой заповедью Господа – этим мы приобретем верных нам и любящих друзей, которых – кто знает? – может быть, мы встретим потом и в том мире.

Любовь льва к преподобному была сильнее желания жить. Такая любовь не достойна ли Божия Царствия? Можно думать – не напрасно икону прп. Герасима рисуют вместе с его львом.

В заключение следует, однако, сделать и предупреждение. У иных людей тварь – животное (преимущественно собаки и кошки) – становится кумиром, вытесняет из их сердца все то, что должно преимущественно занимать сердце христианина. Вот это так описывает старец Силуан:

«Есть люди, которые привязываются к животным, и гладят их, и ласкают, и разговаривают с ними, и оставили они любовь Божию. Душа, познавшая Господа, всегда в любви и страхе предстоит Ему, и как возможно при этом любить, и гладить, и говорить со скотом, с кошками, собаками?»

Неразумно так делать. Животному и скотине дай пищу и не бей их, в этом милость к ним человека. К животным не должно иметь пристрастия, но должно только иметь сердце, милующее всякую тварь. Звери, скотина и всякое животное есть земля, а мы не должны привязываться к земле, но «всем сердцем, всею душою, всем разумением» (Мф. 22, 37) любить Господа, Его Пречистую Матерь, нашу Заступницу, святых, благоговеть перед ними».

День христианина

Глава 29. Вечер христианина

Утро и вечер возбудишь к славе Твоей. Пс. 64, 9

И был вечер, и было утро: день один. Быт. 1, 5

Итак, день жизни в Боге и с Богом начинается с вечера.

Вечером христианин начинает подготовку следующего дня. Для этого в конце каждого дня для отдыха, духовного чтения, размышления и внимательной молитвы нам нужны в какой-то мере уединение и тишина.

В конце дня можно рекомендовать также уединенные прогулки, в особенности для лиц умственного труда. Они будут способствовать укреплению нервной системы и устранению бессонницы.

Во время прогулок или в минуты отдыха надо или творить Иисусову молитву, или подбирать для себя наиболее духовно полезные темы для размышлений. Сюда будут относиться:

1) Какие милости я получил за день от Господа, и благодарить Его за это.

2) Подумать: что сделал я в прошедшем дне плохого, и за плохое покаяться.

3) Подумать о том, какие дела поручаются мне Господом в грядущий день и как лучше всего их распределить в течение дня.

4) Хорошо подумать и о том, чего надо завтра опасаться, зная свои недостатки и слабости.

Время прогулок может быть использовано и для изучения своего внутреннего мира с духовной точки зрения. Вспомним, что царь и пророк Давид рекомендует нам размышлять о «законе Господнем день и ночь» (Пс. 1, 2).

В смиренном сознании своей немощи и недостойности встает христианин на вечернюю молитву. По окончании обычного правила он приносит Богу еще раз покаяние за грехи прошедшего дня, перечисляя их перед лицом Бога, прося простить их. Качество вечерней молитвы и полнота покаяния в

ней обуславливают духовное состояние христианина в грядущую ночь.

Об этом так пишет пастырь о. Иоанн С:

«Допустивши на ночь молитву нерадивую, не от всего сердца, не заснешь, пока не выплачешь своего греха перед Богом... Смотри же, выше Бога плоти своей (ее успокоение) не ставь, а пренебреги для Него и покоем телесным... Ревность Господа Бога не потерпит твоего лукавства, твоего саможаления... Поторопишься на молитве для покоя телесного, чтобы отдохнуть скорее, а потеряешь и телесный покой и душевный... Богу жаль и нас, и наших трудов прежних: и вот Он хочет заставить нас непременно обратиться к Нему опять от всего сердца. Он хочет, чтобы мы всегда принадлежали Ему».

На основании своего жизненного опыта о. Иоанн С. пишет далее:

«Если случится кому-либо из богобоязненных людей отойти ко сну, не раскаявшись в том грехе или в тех грехах, которые сделаны днем и мучают душу, то мучение это будет сопровождать человека целую ночь, дотоле, пока он сердечно не покается в грехе и не омоет своего сердца слезами».

После покаяния в молитве христианин затем еще раз благодарит Господа за все те благодеяния и дары, которые он получил от Него в течение прошедшего дня. Затем он просит помочь ему в грядущем дне в борьбе с грехами, и в особенности с теми, которые отяготили его совесть в прошедший день и которые, он знает, наиболее привычны для него. Окончив молитвы, христианин целует святой крест. По совету одной духовной старицы, перед сном, также как и утром, надо выпить святой воды. Затем он крестит постель с произнесением последнего молитвословия «Да воскреснет Бог...», ограждая себя на ночь от нападков злого духа.

Ложась в постель, христианин предает себя в руки Бога и своего ангела хранителя. Кто знает – может быть, он уже не встанет больше?

Будучи уже в постели, надо исполнять следующий совет прп. Антония Великого:

«Когда склоняешься на свое ложе, со благодарением вспоминай в себе благодеяния и Промысл Божий. Тогда, исполненный этим благим помышлением, ты полнее возвеселишься духом, и сон тела будет для тебя трезвением души, смежение очей твоих – истинным видением Бога, и молчание твое, будучи преисполнено чувством блага, от всей души и силы воздаст восходящую горе сердечную славу Богу всяческих. Ибо когда нет в человеке зла, тогда благодарение и одно, без всякой многоценной жертвы, приятно Богу».

Как пишет архиепископ Арсений (Чудовской):

«Если хочешь мирного сна – ложась в постель, кайся, сокрушайся духом и молись Господу. С молитвой заснешь, – привлечешь к себе ангела хранителя, который будет охранять тебя до твоего пробуждения».

В тех же случаях, когда христианин подвержен бессоннице, то, по совету одного духовного старца, ему надо прочесть сколько-то раз «Богородицу». При этом вместо четок можно пользоваться отсчетом по пальцам.

Затем можно вновь в уме творить молитвы, выбирая из них те, которые ближе к его сердцу или наиболее привычны. Очень хорошо, когда он погрузится в сон среди молитвословий.

В котором часу надо ложиться спать?

Всего здоровее жить жизнью природы и ложиться по возможности рано, чтобы иметь возможность рано и вставать.

Сколько времени надо спать?

Это зависит от состояния здоровья, возраста, работы и окружающей обстановки.

Норма 6–7 часов была рекомендована для иноков прп. Серафимом.

Московский старец о. Алексей М. рекомендовал своим духовным детям спать 7 часов.

Семь часов – это минимум для вполне здорового взрослого человека, живущего нормальной жизнью.

Однако в наше нездоровое для нервной системы время эта норма может быть увеличена до 8 часов, включая часы дневного сна, в зависимости от состояния нервной системы и работы.

Более того, следует помнить, что для нервнобольных, переутомленных и престарелых сон является лучшим и естественным целебным средством (в соединении с физическим трудом на воздухе или продолжительными прогулками), и тогда необходимое время для сна может быть и более 8 часов.

Глава 30. Подготовка к утренней молитве

Ловите утренние часы, часы новой, обновленной сном жизни».О. Иоанн С.

Если за начало сна считать 10–11 часов вечера, то концом его будет 6–7 часов утра.

В тех случаях, когда отдыхают днем (1–1,5 часа), время вставания может быть и ранее.

Если поинтересоваться биографиями знаменитых людей науки, техники, литературы, и т. д. то можно удостовериться, что многие из них вставали очень рано. Их большие достижения и обусловлены в значительной мере тем, что правильным распределением времени они сохраняли свое здоровье и использовали для труда наиболее ценную в этом отношении часть дня – раннее утро.

Так, Франклин говорил: «Рано ложиться и рано вставать – залог счастья и здоровья».

Можно думать, что раннее вставание низводит на человека благословение Божие.

Утренние часы, проведенные в одиночестве, имеют для человека совершенно особую ценность. Об этом так свидетельствует о. Иоанн С:

«Внутренний человек из-под суеты света, из-под мрака плоти своей, не связанной искушениями лукавого, выглядывает свободнее утром, по пробуждении, как рыба, выбрасываемая иногда на поверхность воды. Все остальное время он покрыт почти непроницаемой тьмою; на его очах лежит болезненная повязка, скрывающая от него истинный порядок вещей духовных и чувственных. Ловите же утренние часы, это – часы как бы новой, обновленной временным сном жизни. Они указывают нам отчасти на то

состояние, когда мы встанем обновленные в общее утро не вечернего дня воскресения или когда разрешимся от этого смертного тела».

Итак, начиная каждый из наших дней, подумаем прежде всего о том, чтобы привести в порядок наше духовное одеяние. Позаботимся вместе с тем, чтобы у нас было для этого время и чтобы никто и ничто не помешало нам в этом ответственном и важном для нас деле.

Для этого желательно обеспечить себе одиночество утром.

Не надеясь на свою бдительность, лучше всего поставить будильник.

Звонит будильник... Побеждая вредную склонность лежать в постели проснувшись, надо тотчас же немедленно подняться и не закрываться более одеялом, сбрасывая лень, косность и остатки сонливости.

Ведь это же может быть последний день нашей жизни на земле – и его как последний нужно безупречно и бодренно провести перед очами Господа. Надо сейчас же оградить себя крестным знамением, поцеловать нательный крест, и вознести хвалу Богу – за дарование еще одного дня жизни.

Митрополит Филарет Московский советует, вставая с постели, прочесть тотчас же несколько кратких молитв для освящения дня. Например:

«Слава Тебе, Боже наш, слава Тебе»,

«Слава в вышних Богу, и на земли мир, в человецех благоволение»,

«Дне сего совершенна, свята, мирна и безгрешна у Господа просим»,

«Господи, сподоби мя любить Тя от всея души моя и помышления и творити во всем волю Твою» и т. п.

Такими молитвами мы сразу же отгоняем того лукавого духа, который всегда стережет наше пробуждение.

Если замедлим с подъемом и молитвой, то огорченный ангел хранитель отходит от нас и приступает лукавый, чтобы тотчас же внушить нам целый ряд суетных, праздных или маловерных мыслей – например: о необходимости дополнительного сна для сбережения здоровья тела; приводит

воспоминание какой-либо неприятности или беспокойства из жизни предыдущего дня.

Не надо слушать его, но быстро одеваться, непрестанно творя про себя или шепотом Иисусову или какие-либо другие молитвы. Этим мы достигаем сразу многого.

1) Имя Господне есть небесный огонь, как бы искры от Самого Божества, и произнесение его сразу приобщает душу к Богу, роднит с Ним, возгревает к Нему любовь и привлекает Его благодать.

2) Душа сразу же как бы бросается в Божии руки, способные защитить ее от всяких наветов лукавого духа.

3) Душа сразу начинает строить тот душевный покой, на основе которого ей придется воздвигать духовную постройку грядущего дня.

После омовения физического перед утренней молитвой, которая должна предшествовать всем обычным делам, в порядок приводится тот уголок, где находятся иконы, зажигаются (или оправляются горящие) лампы. Все – и внешнее и внутреннее – должно быть подготовлено к приходу и пребыванию Высокого Гостя – Господа Святого Духа.

Чем ранее начинается утренняя молитва христианина – тем лучше. Святой преподобный Нил Сорский говорил, что «на небе всегда рано утром служба Божия у святых идет».

Глава 31. Утренняя молитва

Утренней молитвой озаряется весь день. Св. отцы

Наступает самый ответственный момент грядущего дня – утренняя молитва.

Обычно плохо понимаем мы ее важность, ее значение, ее последствия и всю ее сущность.

«Если вечерней молитвой душа закрывается от тьмы ада, то утренней молитвой открываются окна души для Солнца Истины и озаряется весь день», – говорят св. отцы.

Действительно, здесь, в эти минуты решаются все дела дня, решается вопрос о помощи Божией в наших делах, достижения в них твердости, бодрости и мудрости, выдержки и спокойствия. Душа христианина в эти минуты укрепляется,

умиротворяется и просвещается. Об этом так говорит о. Иоанн С:

«Чтобы провести день совершенно свято, мирно и безгрешно – для этого единственное средство: искренняя горячая молитва утром, по восстании от сна. Она ведет в сердце Христа со Отцом и Духом Святым и таким образом дает душе силу и крепость против приражения зла».

«Сын мой, отдай сердце твое мне» (Притч. 23, 26) – вот то единственное условие для того, чтобы получить от Господа исполнение всех разумных прошений.

Впрочем, нет ни одного прошения, на которое Он не ответил бы. Его ответ будет заключаться в том, что христианин уйдет после утренних молитв совершенно успокоенным и умиротворенным, с полной уверенностью в том, что все грядущее во дне будет ему только на пользу и все случится лишь по воле Благого Отца.

Здесь существует непреложный закон для души – «делайте внешнее, а за внешнее Бог посылает и внутреннее», т. е. за тщательную внешнюю утреннюю подготовку в душе начнут распускаться духовные цветы – покоя и мира, в какой-то мере любви, а может быть, и умиления и благодатных слез.

Пусть внутренний голос совести, голос ангела хранителя, укажет каждому в молитве степень, меру и форму смирения и покаяния. Душа должна им насытиться, чтобы достичь обетованного за него Господом воздаяния: «Сердце сокрушенно и смиренно Бог не уничижит» (Пс. 50, 19).

После этого можно перейти к прошениям, принося их в полноте смирения и заканчивая их все словами Самого Господа в Гефсиманском саду: «не как Я хочу, но как Ты» (Мф. 26, 39), «Отче Мой! да будет воля Твоя» (Мф. 26, 42).

Эти прошения надо начинать с просьбы о помощи тем несчастным, бедствующим, страждущим, остро нуждающимся, заблудшим, падающим или находящимся в духовной опасности из числа наших ближних и наших друзей или просто известных нам лиц.

Затем надо горячо помолиться и об упокоении наших родных и друзей, ушедших в тот мир. Это особенно важно: по

учению Церкви, они сами уже не могут помочь себе и ждут помощи от нас, еще живущих на земле. В конце всех наших прошений можно обратиться к Господу и со своими личными нуждами. Здесь, конечно, идет речь не о материальных нуждах: ведь Господь обещал всех их удовлетворить без всякой с нашей стороны заботы: «Ищите же прежде Царства Божия и правды Его, и это все приложится вам» (т. е. материальное – *Мф. 6, 33*).

Поэтому можно обращаться к Господу лишь с просьбами о духовной помощи в наших искушениях, помощи в борьбе с нашими страстями, пристрастиями, которые мы знаем за собой и о развитии в нас вместо них соответствующих добродетелей и прежде всего любви к Богу и ближним и затем смирения, послушания воле Господней и воздержания.

Наконец, зная о предстоящих нам в этот день делах, мы можем обратиться к Господу за помощью в них.

Закончив утренние молитвы, проверим себя: принесла ли духовные плоды наша молитва? Если да, то на душе после молитвы будет мир и преданность воле Божией и отсюда спокойствие за все предстоящие нам дела. Будут чувствоваться крепость веры в благой Промысл Божий и на сердце теплота от ощутимой любви к Богу...

Старец Силуан говорит:

«Если молитва наша угодна Господу, то Дух Божий свидетельствует в душе; Он приятный и тихий».

Как пишет о. Иоанн С:

«Успех молитвы узнается еще по силе духовной, которую мы внутренне воспринимаем к деланию дел нашего звания и по внутреннему свету, явно приходящему в душу».

Некоторые из св. отцов советуют после окончания молитвы, не сходя с места, несколько минут постоять в тишине. В это время бывают те извещения, которые Святому Духу угодно ниспослать в очищенную усердной утренней молитвой душу христианина. Об этом так пишет епископ Феофан Затворник:

«Когда кончишь свое молитвословие, – не тотчас переходи к каким-либо занятиям; но также хоть немного постой и подумай, что это тобою сделано и к чему это тебя

обязывает, сохраняя после молитвы особенно то, что на тебя крепко подействовало».

После молитвы надо выпить святой воды и съесть частицу освященного хлеба (артос, антидор, просфору). Этим освящаются и укрепляются тело и дух.

Только заложив такой духовный «фундамент», можно приступить к очередным делам наступившего дня.

При этом, однако, надо всегда помнить, что, как говорит прп. Иоанн Лествичник:

«И после молитвы надо охранять себя, так как толпы бесов, побежденных тобою, осаждают тебя».

Надо предупредить вместе с тем, что как бы ни была горяча утренняя молитва и как бы тщательно ни готовился христианин ко всем делам предстоящего дня, он не должен удивляться, если и в этот день его постигнут скорби и искушения.

Прп. Варсонофий Великий пишет:

«Если кто хочет прийти ко Иисусу и ходить путем спасительным, тот должен ежечасно ожидать искушений и скорбей, ибо Писание говорит: «Сын мой! Если ты приступаешь служить Господу Богу, то приготовь душу твою к искушению» (Сир. 2, 1)».

Однако теплая, сердечная утренняя молитва вооружит христианина для всех искушений и скорбей, и он встретит их со спокойствием и смирением и бодро, с полнотой веры и надежды на Бога перенесет их.

Для кого это возможно, то желательно, чтобы к утренней молитве непосредственно примыкало и духовное чтение – Евангелия и Посланий, а кто имеет возможность, также и книг духовного содержания – творений св. отцов и подвижников благочестия и их жизнеописаний.

Это будет лучшей духовной пищей для души, которую она утром глубоко воспримет и будет вспоминать в течение всего дня.

Как пишет о. Александр Ельчанинов:

«Обычно мы живем какими-то самыми поверхностными слоями нашей души и сознания. Видно это хотя бы по тому, как легко мы предаемся негодованию по пустякам, сколько

значения придаем вещам вовсе несостоящим. Половина наших огорчений и жизненных трудностей исчезли бы, если бы мы перенесли центр наших интересов на большую глубину. Оттого так настоятельно рекомендую я вам чтение Евангелия именно по утрам – это даст тогда несколько иной тон началу каждого дня и поможет провести его более достойно, поможет мирным сохранить свое сердце, какие бы жизненные бури ни случились в предстоящий день».

Приложения к главе 31-й

В дополнение к обычным утренним молитвам, принятым в Православной Церкви, приведем тексты утренних молитв, составленные о. Иоанном С. и о. Алексием М.

Боже, Творче и Владыка мира. Призри милостиво на создание Твое, украшенное Твоим Божественным образом в сии утренние часы.

Да живит, да просветит Твое око, тьмами крат светлейшее лучей солнечных, мою душу темную, умерщвленную грехом.

Отыми от меня уныние и лень, даруй мне веселие и бодрость душевную, да в радовании сердца моего славлю Твою благость, святость, Твое беспредельное величие, бесконечные Твои совершенства на всякий час и на всяком месте.

Ты бо еси Творец мой и Владыка жизни моей, Господи, и Тебе подобает слава от разумных созданий Твоих на всякий час, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

Господи, дай мне с душевным спокойствием встретить все, что принесет мне наступающий день. Дай мне вполне предаться воле Твоей святой.

На всякий час этого дня во всем наставь и вразуми меня и открой мне волю Твою для меня и окружающих меня.

Какие бы я ни получил известия в течение этого дня – научи меня принять их со спокойной душой в твердом убеждении, что на все святая воля Твоя.

Во всех моих словах и делах руководи моими мыслями и чувствами. Не дай мне забыть, что все послано Тобою.

Научи меня прямо и радушно действовать с каждым членом семьи моей и со всеми окружающими меня.

Господи, дай мне силы перенести утомление наступающего дня, руководи моею волею и научи меня молиться.

На рассвете грядущего дня Я, склонясь пред Тобою, молю: не оставь, Лучезарный, меня не оставь тех, кого я люблю.

Всех, кто любит Тебя и зовет, всех, кто хочет Тебе лишь служить, кто Тебя с вожделением ждет, чтоб к ногам Твоим душу сложить.

Не оставь также тех, что вдали в мраке жизни забыли Тебя, потому ли, что ждать не могли. Потому ль, что устали, любя;

Тех, чья жизнь неудачна и зла. Тех, в чьих душах страданье живет, чья дорога терниста была, тех, кто больше не рвется вперед.

Осуши слезы тех, кто скорбит, подними и ободрь, кто пал, пробуди тех, кто лениво спит, и явись тем, кто Бога искал, тем, кто душу Тебе лишь открыл, кто умеет молиться и ждать, – о, приди же к ним, Господи сил, и за вечерю с ними воссядь.

Бог Господь, о, явись нам в путях, по которым мы в жизни идем, в наших душах и в наших делах загорись лучезарным огнем.

На рассвете грядущего дня, мой Господь, я дерзаю молить – не покинуть сегодня меня, но во мне и со мною пребыть...

Глава 32. День христианина

Всякое дело надо начинать молитвой. Старец о. Алексей М. Всему свое время. Еккл. 8, 1

Все испытывайте. 1Фес. 5, 21

С утра в молитве будь серафимом, в делах – херувимом, а в обхождении – ангелом. Св. Димитрий Ростовский

Вооруженный духовно утренней молитвой и духовным чтением, христианин приступает к выполнению своих житейских обязанностей – служебных или домашних.

Как писал Л. Миллер:

«Каждый день прекрасен, если мы наполним его чувством, светом, красотой. Одно только чередование сна, ходьбы, еды, питья и работы недостаточно для того, чтобы придать ценность жизни. В серию повседневности будет необходимо вложить тепло любви, энергию добрых усилий, жар молитвы, устремление к Небу, и тогда самая унылая, бесцветная жизнь засияет красотой и осенится Божией славой».

Чем бы христианин ни занимался, – при всяком деле ему надо думать о сбережении и экономии времени. Поэтому все житейские дела христианин должен делать быстро, не теряя времени, однако и без суетливости.

Время – это таланты, данные нам Господом для того, чтобы в свое время мы вернули их с «прибылью» (Мф. 25, 27). И за праздную потерю всякого часа – долю таланта – мы дадим ответ. И чтобы быть «опытными меновщиками», надо бережно относиться к каждой минуте, позволяя себе отдых лишь при действительной усталости.

Почему ценна каждая минута?

Потому, что она вновь уже не повторится и канет в вечность. Что хорошего ты упустил сделать в нее, – ты более никогда уже не поправишь! И в вечной жизни ты будешь жалеть об этой упущенной навеки возможности.

Как пишет архиепископ Иоанн:

«Время есть начало святой вечности, сокровище неоценимое... Мгновение во благодати дороже тысячелетий. Люди все богачи, даже если им осталось земного времени только для одного покаянного вздоха».

Знаем ли мы, когда кончится наша жизнь? Может быть, через день или даже через час. А если это так, то как тщательно надо нам стараться использовать для вечности последние часы нашей жизни!

Оптинский старец Варсонофий говорил:

«Я нашел в своей келье вора, который крадет у меня самое дорогое – время. Это часовой маятник».

Действительно, каждая из минуток – это сокровище, это золотой империал. Его можно, не замечая, отбросить в мусорный ящик в праздной суете и невоздержании.

Но его можно и принять, как Божий дар, и вернуть его Господу для сохранения в Царстве Небесном через исполнение того дела, которое поручается нам Господом в данную минуту (по указанию совести).

Вместе с тем, как говорила одна подвижница благочестия:

«В деле спасения надо быть очень горячим и никогда ничего не откладывать до другого дня. Жизнь коротка, а суд страшен».

Как пишет о. Александр Ельчанинов:

«Жизнь – драгоценный и единственный дар, а мы бессмысленно и беспечно тратим его, забывая о ее кратковременности. Мы или с тоской смотрим в прошлое, или ждем будущего, когда будто бы должна начаться настоящая жизнь. Настоящее же, т. е. то, что и есть наша жизнь, уходит в этих бесплодных сожалениях и мечтах... Наша постоянная ошибка в том, что мы не принимаем всерьез данный протекающий час нашей жизни, что мы живем прошлым или будущим, что мы все ждем какого-то особенного часа, когда наша жизнь развернется во всей значительности, и не замечаем, что она утекает, как вода между пальцами, как драгоценное зерно из плохо завязанного мешка. Постоянно, ежедневно, ежечасно Бог посылает людям обстоятельства, дела, с которых должно начаться наше возрождение, а мы оставляем их без внимания и этим ежечасно противимся воле Божией о нас. И действительно, как Господь может помочь нам? Только посылая нам в нашей ежедневной жизни определенных людей и определенные стечения обстоятельств. Если бы мы каждый час нашей жизни принимали бы как час воли Божией о нас, как решающий, важнейший, единственный час нашей жизни, – какие дотоле скрытые источники радости, любви, силы открылись бы на дне нашей души».

А вот что писал один из пастырей Христовых:

«Не терять своего времени – вот, может быть, одно из самых трудных достижений. Хорошо провести каждый свой день. Это большая радость – быть всегда занятым и не спрашивать себя никогда: «Что мне сейчас делать?» – это большая мудрость. Начинать надо быстро и бодро, действовать твердо и энергично, продолжать дело с постоянством и если прерывать работу, то браться за нее снова со спокойствием и заканчивать не торопясь – все это признак крепкой и уравновешенной души».

Отсюда одним из лозунгов нашей жизни должно быть: «Я провожу каждый день, как последний день своей жизни», насыщая его деятельностью и «дорожа временем, потому что дни лукавы» (Еф. 5, 16).

Чтобы результат работы каждого дня был достаточно велик, надо прежде всего проявить внимание к искушениям в отношении растраты времени попусту.

На столе попадает светская книга. «Почему бы не заглянуть в нее», – шепчет лукавый – и вот пропадает полчаса и более. «Почему бы не зайти к такому-то, не поговорить с тем-то, не осведомиться о том-то?» – посылает нам мысли лукавый.

Да, все это было бы можно и нужно сделать, если бы в основе дел лежали добрые побуждения, например: помочь нуждающемуся, навестить больного, утешить скорбящего и т. п. Но нами чаще всего движет пустое любопытство, наши разговоры не несут духовной пользы ни нам, ни ближнему, – и теряется драгоценное время, рассыпаются «таланты».

Так в течение дня могут теряться часы и упускаться необходимое. Надо было бы почитать духовную книгу или навестить больного – советует ангел хранитель, но: «Времени уже нет», – шепчет лукавый.

Пришло время вечерней молитвы. «Скорее, скорее – надо сократить, нет ни времени, ни достаточных сил», – понуждает лукавый и так пожинает плоды своей победы над бедной душой, пренебрегающей воздержанием.

Вот почему нам надо в течение дня беречь не только часы, но и все минуты, боясь потерять их в празднословии, пустых разговорах и невоздержании от ненужных дел, занятий и

интересов... Только тот сумеет приобрести себе капитал вечных ценностей, кто умеет бережно и разумно употреблять отпущенный ему Богом для духовной «торговли» капитал часов и минут.

Прп. Никодим Святогорец пишет по этому поводу:

«Помни, что цены нет тому времени, которое ты имеешь в руках своих, и что если попусту истратишь его, придет час, когда взыщешь его и не обретешь».

Здесь можно упомянуть, что святитель Иоасаф Белгородский имел обыкновение, когда били часы, произносить каждый раз следующую молитву:

«Буди благословен день и час, в которые Господь мой Иисус Христос меня ради родился, претерпел распятие и пострадал смертью. О, Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, в час смерти моей приими дух раба Твоего в странствии суща, молитвами Пречистыя Твоя Матери и всех святых Твоих, яко благословен еси во веки веков. Аминь».

Конечно, можно при биении часов творить и другие молитвы, но как важно при конце одного и начале нового часа нашей короткой жизни вспоминать с молитвой Господа Бога.

Очень важно постоянно охранять себя крестным знаменем. Об этом свидетельствует рассказ старца Адриана (Югской пустыни):

«Однажды порадовался диавол моей опрометчивости. Вышел я торопясь из дома по нужде какой-то, не перекрестясь. Всей силой бесовской своей ярости он устремился на меня. Мне казалось, что и земля задрожала под моими ногами. Но покров Царицы Небесной и предстательство преподобномученика Адриана спасли меня».

Как при работе, так и при всяком деле христианин должен помнить слова Господа: «Без Меня не можете делать ничего» (Ин. 15, 5), и завет апостола Павла: «И все, что делаете, делайте от души, как для Господа, а не для человеков» (Кол. 3, 23).

Благочестие, выполнение заповедей, постоянная память о Боге и непрестанное молитвенное обращение к Нему за помощью или с благодарением являются залогом успеха

христиан во всех делах их, и тогда, по словам прп. Антония Великого, они будут «совершать все свои дела спокойно и легко, получают великое к Богу дерзновение и исполнение всех своих прошений. Тогда труды их будут им сладки во всякое время и радость Господа будет утешать их день и ночь».

Как советует архиепископ Варлаам (Ряшенцев):

«Если хочешь победить врага, то пребывай в молитвенном настроении целый день, проводя его благоговейно и сдержанно, занимай ум только чем-либо деловым; сторонними разговорами интересуйся только постольку, поскольку ты бы это сделал, лежа на смертном одре, потому что вечером и даже раньше того Господь может позвать тебя на суд к Себе... Не строй никаких планов, а все свои желания повергай на волю Божию и всегда говори: «Да будет воля Твоя». Мы и награду получим тогда, когда будем жить не по своей воле».

Поэтому каждое и малое дело надо мысленно приносить Господу, выполнять его возможно добросовестнее, и перед началом его надо попросить у Бога помощи в молитве.

Как пишет о. Александр Ельчанинов:

«Всякое самое малое дело начинайте молитвой – призыванием силы Божией на ваше дело и вознесением этого дела на высоту. Тогда не будет у нас плохих дел. Не может не быть удачно дело, начатое с молитвой, потому что оно начато с любовью, надеждой и верой».

А при переходе от одного дела к другому надо вновь повторить молитву, прося благословения и помощи для нового дела. По окончании всякого дела также надо поблагодарить за помощь Господа.

В тех же случаях, когда христианин приступает к какому-либо новому, важному и трудному делу, то не только надо усиленно помолиться об успехе (и может быть, не один раз), но присоединить к молитве и милостыню. Первые христиане присоединяли к этому и пост (Деян. 14, 23). Когда же неспокойна при этом совесть, то нужно присоединить и покаяние.

Один мудрец задал окружающим его три вопроса:

1) Какое дело у человека самое важное?

2) Какое время у человека самое важное?

3) Какой из людей для нас самый важный? Люди по-разному считали наиболее важными, на их взгляд, дела, людей и времена. Тогда мудрец сказал им:

1) Самое важное для нас в жизни дело – то, которое мы сейчас делаем.

2) Самое важное время – тот момент, в который мы живем.

3) Самый важный для нас в жизни человек – тот, с которым мы сейчас имеем дело.

Эти мудрые афоризмы говорят нам прежде всего о том, что в жизни дела наши и окружающих нас людей нельзя делить на важные для нас и маловажные. В жизни все важно, Господь сказал: «Неверный в малом неверен и во многом» (Лк. 16, 10). И малый грех, и малое небрежение оскорбляют Духа Святого Божия. А часто незначительные, на наш взгляд, дела имеют для нас, для нашей духовной жизни очень большое значение.

Правило мудреца легко исполнять тогда, когда мы будем придерживаться упомянутого выше лозунга – каждый из дней наших проводить как последний день нашей жизни. Тогда всякое дело, всякий момент и всякий человек будут для нас важными, как последние в жизни. И будем тогда делать все «от души» и получать от этого большое удовлетворение.

Вместе с тем надо помнить и психологический закон: только дело, выполняемое с тщательностью, аккуратностью и старанием, приносит нам полное удовлетворение и радость по его исполнению. И наоборот – небрежно, наскоро и торопливо выполненная работа оставляет в душе недовольство и осадок неудовлетворенности.

Старец о. Варсонофий Оптинский говорил:

«Внимательность, точность и аккуратность в делах и своих обязанностях будут способствовать и внутренней душевной собранности вашей».

Про недопустимость для христианина торопливости так пишет о. Иоанн С:

«Для чего Всемогущий сотворил мир не вдруг, а в шесть дней? Для того, чтобы научить самым делом человека делать дела свои постепенно, не торопясь, с размышлением.

Молишься ли, – молись не торопясь; читаешь ли, например, Евангелие или духовные книги – читай не спеша, с размышлением; урок ли учишь – вникни хорошенько, обсуди; другое ли какое дело будешь делать – делай неторопливо, с рассуждением».

При выполнении всякого дела самым важным является сохранение в течение всего времени его совершения мирного духовного устройства – тишины сердца, спокойствия, ясности, бодрости духа и любви к окружающим.

Св. авва Дорофей говорит, что если из-за дела грозит опасность потерять или нарушить свое духовное устройство, то гораздо лучше бросить или отложить дело, чем потерять мир души. Он дает этому положению следующую математическую формулировку: 7/8 важности – это сохранение устройства и лишь 1/8 важности – доведение дела до конца.

И действительно, если вспомнить, что у христианина одна цель в жизни – стяжание Духа Святого Божия, то опасность потери устройства есть опасность потери самого главного в жизни – постоянного пребывания с нами Святого Духа.

Перед этой целью должны потускнеть все житейские дела и их результаты. Чтобы всегда сохранить свое духовное устройство, не надо расстраиваться о своих ошибках или горевать о каких-либо материальных потерях.

Здесь, впрочем, следует оговориться. Бывают случаи и минуты, когда христианину, несмотря на свое старание, не удастся в полной мере сохранить свое духовное устройство. Для таких случаев прп. Исаак Сириянин дает такой совет: «Во время изменения в противное не впадай в отчаяние, потому что и со стоящими на степени чистоты, как с воздухом охлаждение, приключаются всегда падения, даже если нет у них нерадения или расстройства жизни».

Старец Аристоклий с Афонского подворья не любил, когда кто-либо из его духовных детей жаловался на житейские трудности или был чем-нибудь недоволен.

«Нужно, – говорил старец, – за все говорить: «Слава Богу», – ведь мы недостойны и того, что нам Господь посылает».

В течение дня человек непрестанно соприкасается с другими людьми и неизбежно видит вокруг себя непорядки и переживает обиды и другие случаи, для него неприятные. Заранее надо готовить себя к этому и, как говорит еп. Феофан Затворник:

«Надо терпеть и в непорядках, надо примиряться с положением: если óхаешь, жалуешься – то, значит, много ты еще сам неустроен в своем внутреннем делании... Когда же чувствуешь охлаждение в сердце, бойся этого чувства, молись, взывай ко Господу, чтобы Он избавил тебя от этого охлаждения».

В тех случаях, когда христианин впадает в печаль или уныние от какой-либо скорби и почувствует ослабление своих сил и ревности, ему надо следить за тем, чтобы это его упадочное состояние не отразилось на ближних и на выполнении перед ними его обязанностей.

Ему надо стараться сохранить тот режим жизни, которого он придерживался всегда в бодром состоянии, и не оставлять своего обычного служения Господу, чутко прислушиваясь к внутреннему голосу, диктующему ему выполнение очередных дел и очередного подвига ради Христа.

Внимание к тому, чтобы во всяком деле исполнять Божии заповеди, дает и память о Боге.

Благо тем христианам, которым так удастся наладить свою жизнь и выполнять все дела своего дня, чтобы они шли по неизменному укладу – порядку (или расписанию) изо дня в день.

Считаясь с законом привычки, они этим сэкономят много своей силы: им будет легко выполнять свои обязанности и поддерживать в себе поэтому неизменную бодрость духа, жизнерадостность и сохранять большую трудоспособность и здоровье.

Как пишет о. Александр Ельчанинов:

«Как бывает правильно поставленный голос, так бывает и правильно поставленная душа. Карузо пел без утомления. Пушкин не мог сказать, что писание стихов утомительно; соловей поет всю ночь, и к утру его голос не слабеет. Если

мы устаем от нашего дела, от общения с людьми, от разговора, от молитвы – это только потому, что душа наша «неправильно поставлена». Бывают голоса, «поставленные» от природы; другим приходится добиваться того же продолжительными трудами, искусственными упражнениями. Так и с душой».

Однако здесь надо предупредить тех, кто стремится сохранить порядок дня и его уклад во что бы то ни стало. Бывают случаи, когда нарушение их будет необходимо для исполнения заповедей Господних и воли Божией (слышимой в голосе совести). Надо помнить слова Господни, что «суббота для человека, а не человек для субботы» (Мк. 2, 27).

Надо вспомнить, что даже удалившиеся от мира египетские пустыnnики оставляли свою молитву и пост ради заповедей любви и гостеприимства.

Вместе с тем здесь следует предупредить и об опасностях самовольного ограничения себя путем дачи обетов.

Св. отцы единодушно предупреждают об опасности всяких зарок и обетов.

В жизни часто встречаются случаи, когда какой-либо из обетов будет трудно исполним или будет мешать выполнению заповеди Божией.

В таких случаях неизбежно огорчение и смущение от безвыходного положения: либо надо нарушить обет, либо не исполнить того, к чему призывает сейчас Бог через голос совести.

Поэтому св. отцы предлагают не давать обетов и не брать себе нерушимых правил в отношении молитвы, поста или уклада и порядка жизни. Они предлагают в каждый день и в каждый час лишь искать для себя воли Божией.

Прп. Варсонофий Великий говорил по этому поводу одному иноку:

«Оставь человеческие правила и не желай получить от меня правила, ибо я не хочу, чтобы ты был под законом, но под благодатью... Держись рассуждения подобно кормчему, который, соображаясь с ветром, направляет свою ладью».

Поэтому не надо огорчаться, если будут нарушаться по нужде намеченные планы и не будет выполнено или завершено задуманное дело. Все дела несравненно менее важны, чем выполнение воли Божией.

Господь велит нам не отягощаться «заботами житейскими» (Лк. 21, 24). Поэтому в течение дня надо мудро избегать тех житейских дел, исполнение которых не вызывается необходимостью.

Прп. Варсонофий Великий дает такой совет:

«Рассматривай встречающиеся дела: могут ли они быть исполнены братьями или тобою... и старайся только по силе своей».

И старец Аристоклий с Афонского подворья советует:

«Не надо утомлять себя до того, чтобы ослабеть для духовного делания».

А старец о. Алексей М. советовал:

«Не задавайтесь большими заданиями, а делайте лишь то, к чему призывает Господь».

Можно подумать, что при многих заботах дня можно рассеиваться и терять таким образом время (в отношении спасения своей души). Но это не так, и прп. Варсонофий Великий говорит:

«Когда кто Бога ради прилежно исполняет свое дело, это не есть рассеяние, но тщательность, угодная Богу... и всякое дело, которое совершает человек в страхе Божиим, приносит пользу душе его».

Большой помехой в делах бывает склонность к разбрасываемости. Лукавый всегда старается как-нибудь помешать в благом деле и оторвать от него христианина ранее его полного завершения. Для этого он приводит на ум необходимость отвлечься от начатого дела к какому-либо новому и тем вводит в беспокойство, или даже не дает закончить начатое дело.

Поэтому христианину нужны твердость и ревность во всех делах – не оставлять их не окончив (если только не будет какой-либо действительно серьезной причины для прекращения дела). Вместе с тем не надо позволять себе думать о других делах,

помимо начатого. Старец о. Алексей М. говорил: «То, за что взялся, нужно делать во что бы то ни стало».

В течение каждого дня христианин наибольшую часть времени отдает труду. Об этом мы будем говорить в следующей, 33-й главе.

Глава 33. Труд житейский

И все, что делаете, делайте от души, как для Господа, а не для человеков. Кол. 3, 23

Бог ненавидит леность. Прп. Варсонофий Великий

Лень – мать всех пороков. Афоризм

Как пишет пастырь о. Иоанн С:

«Труд и деятельность всем необходимы: жизнь без деятельности и не есть жизнь, а что-то уродливое, какой-то призрак жизни. И душевные, и телесные силы человека совершенствуются, умножаются и укрепляются упражнением их».

«Не трудящийся недостоин имени человека и непременно погибнет духовно», – писал старец о. Алексей М.

Однако сам факт наличия у человека труда еще не есть то, что вменяется в заслугу человека. Духовным достижением является лишь тот труд, который имеет определенные благие цели и совершается со смирением и сохранением всех христианских добродетелей христианина.

Прп. Варсонофий Великий пишет:

«Истинный труд не может быть без смирения, ибо сам по себе труд суетен и вменяется ни во что. Писание говорит: «Вижь смирение мое и труд мой и остави вся грехи моя» (Пс. 24, 18). Итак, кто соединяет смирение с трудом, тот скоро достигает цели».

Как говорил один пастырь:

«Господь смотрит на наше внутреннее, и, как бы ни скромна была наша деятельность, – исполнение наших обязанностей важнейшее и надежнейшее средство нашего спасения. Господь взвешивает сердца, а не дела. Он не смотрит – что мы делаем, но – как и почему мы это делаем и

с какой любовью, смирением и тщательностью выполняем свое служение и свои обязанности».

Всю нашу житейскую работу можно подразделить на два вида:

1) Регулярная работа ради поддержания своего существования – служба, ремесло и всякий производительный труд.

2) Различные житейские личные дела как вне дома, так и выполнение домашних дел по обслуживанию себя и своей семьи.

Как для главы семьи, так и для всякого здорового одинокого человека первый вид труда – по поддержанию своего существования – строго обязателен. «Если кто не хочет трудиться, тот и не ешь», – говорит ап. Павел (2Фес. 3, 10).

Для этого вида труда, как и для всякого занятия христианина, приложимо правило, изложенное выше – все делать «от души, как для Господа, а не для человеков» (Кол. 3, 23), тщательно и добросовестно.

Прпп. Варсонофий и Иоанн говорят по этому поводу:

«Делая вещь, надо стараться, чтобы она выходила чистой и красивой, ибо и Господь радуется о всякой чистоте. Однако не имей пристрастия к вещи, но вспоминай конец ее, как она подвергается тлению, – ибо нет ни одной вещи, которая пребывала бы постоянно в одном и том же виде, но все тленно и изменчиво».

От первого вида труда освобождаются лишь жены, занятые детьми и домашним хозяйством.

Здесь следует заметить, что для матери несовершеннолетних детей отвлечение ее внимания от заботы по их воспитанию не может иметь места без самой крайней нужды; в первую очередь мать-христианка дает ответ Богу за воспитание детей в православной вере и благочестии. Поэтому все ее время должно принадлежать семье. И если нужда заставляет ее трудиться ради пропитания, то она должна постараться свой труд осуществить дома (труд «надомницы», швеи и т. п.).

При втором виде труда – домашних делах, заботах и хлопотах для семьи, себя и близких – надо быть также усердным и делать все «от души, как для Господа» (Кол. 3, 23). Вместе с тем, однако, христианину надо проявить в этих трудах и рассудительность и, в некоторых случаях, и воздержание. Здесь надо, как и во всем в жизни, искать воли Божией и Его благословения.

Чтобы вернее узнать волю Божию в отношении каждого дела, надо, насколько возможно, всегда избегать самоволия, во всем ища совета и руководства ближних и – в важных делах – у преуспевших духовно или опытных в житейских делах людей. Но если их нет почему-либо у христианина, то надо самому учиться узнавать волю Божию.

При этом св. отцы запрещают при внешних затруднениях домогаться чего-либо с большим усилием, быть суетливым, беспокойным и пристрастным.

Считаясь с возможностью, что, несмотря на наше желание, молитвы и усилия, какое-либо дело не получит Божьего благословения и не удастся, мы должны перед всяким делом заранее примириться с его неудачей и всегда благодарить Господа за любой исход предпринятого нами дела. Здесь надо помнить слова Луи Пастера, что «долг кончается там, где начинается невозможность».

При этом успех всякого дела надо приписывать помощи Божией, а не своему умению или способности.

Как пишет о. Александр Ельчанинов:

«Работа, правильно религиозно поставленная, не может привести к переутомлению, неврастению и сердечной болезни. Если это есть, то это знак, что человек работает «во имя свое», надеясь на свои силы, свой талант, красноречие, доброту, а не на благодать Божию».

Мы так несовершенны и часто неразумны, что бывает, что дела или действия, истекающие, казалось бы, из самого лучшего побуждения, имеют при их совершении последствия нежелательные для нас или других и даже недобрые. И если в жизни не удастся какое-либо дело, которое мы хотим совершить

по своей воле, то не надо стараться в таких случаях хитрить или взять плутовством. Это не Господень путь.

Если дело должно совершаться по воле Господней, то не нужны в нем никакие извороты, ни хитрость, ни лукавство. Епископ Феофан Затворник дает такие указания по этому поводу:

«Надо, чтобы все шло законным порядком: не употреблять хитростей и задних обходов. Устроит Господь – буди Его святая воля, не устроит – пусть так».

Как показывает опыт, в угодных Богу делах все идет обычно гладко, как бы все совершается само собой, без усилий самого человека. Такой ход дела – это признак Божьего благословения на нем. И, наоборот, когда дела начинают «не ладиться», несмотря на наши усилия, – надо это учесть и, может быть, вовремя оставить дело.

Недаром существует старинная французская поговорка «Божие дело в минуту совершается».

А св. Марк Подвижник говорит:

«Дела, к которым благоволит Бог, – тем вся тварь служит, а от которых Он отвращается, тем и тварь противится».

Поэтому самое важное во всяком деле – всецело поручить его в душе Самому Господу Богу. Как говорил старец Парфений Киевский:

«Нам надо пожелать доброго и изыскивать на то средства, а Совершитель и Делатель всякого доброго есть Бог; а злое от нас. Промыслу Божию о нас нет предела. Он невидимо ведет нас. Ничто не случается без воли Божией, всему определены день и час. Возложи все упование на Бога, и Он будет промыслять о тебе, а пекись о себе сам – Он будет помогать тебе, но вседействующий Промысл Его отступит от тебя».

По существу, христианин должен очень внимательно приглядываться к окружающей жизни и слагающейся обстановке дела, ища в них признаков благословения Божия для начатого дела или Его неблагословения. О том думали в старину

благочестивые люди, потому они и не относились безразлично к «приметам».

Итак, «напористость» в чисто житейских делах не в духе христианина. Здесь вопрос идет, однако, не о настойчивости в тех добрых делах, которые не возбуждают сомнений, как например помощь ближнему, защита слабого, и т. д.

Вместе с тем это не значит, что христианин должен быть инертен. Это значит, что он должен бояться самоволия, быть чутким к внешним обстоятельствам. Оставляя в смирении одни неугодные Богу дела или пути, он должен переключить свои силы и время на совершение других дел, но не оставаться бездеятельным и пассивным.

Есть поговорки: «Бог-то Бог, да сам не будь плох» и «Под лежащий камень вода не течет».

Эта народная мудрость отнюдь не противоречит заповедям Христа. Его повеление: «Не заботьтесь о завтрашнем дне, ибо завтрашний сам будет заботиться о своем: довольно для каждого дня своей заботы» (Мф. 6, 34) иногда понимается превратно.

Этой заповедью иногда прикрывают свою лень, небрежение о ближних или легкомысленную самонадеянность. Надо помнить также и о заповеди «Не искушай Господа Бога твоего» (Втор. 6, 16).

Так, некоторые египетские пустыnnики уходили в глубь пустыни, не позаботившись о том, чем они будут там питаться. Они говорили: «Господь силен нас пропитать чудесным образом». И они погибли в пустыне за свою самонадеянность.

Есть много житейских дел, которые состоят в неизбежной подготовке к будущему.

Так, например, земледelec сеет с осени озимые хлеба, чтобы лишь следующей осенью собрать урожай. С осени он уже готовит запас зерна, чтобы посеять весной яровые, зимой он готовит инвентарь для лета и наоборот («готовь сани летом, а телегу зимой»).

Всякое сложное дело (постройка, дальнейшее путешествие, и т. п.) требует тщательной предварительной подготовки. Для

овладения какой-либо сложной профессией или ремеслом нужна длительная, многолетняя подготовка.

Все это говорит о том, что человеку в делах надо быть предусмотрительным, используя для этого данный ему Господом ум.

Повеление Господа «не заботьтесь о завтрашнем дне» относится лишь к нашей излишней склонности беспокоиться о тех делах, до которых еще не дошла очередь, к нашей многопопечительности, маловерному беспокойству и суетливости.

Нам надо уметь сочетать мудрую предусмотрительность с отсутствием маловерного беспокойства.

Старец Амвросий Оптинский любил рассказывать своим духовным детям, отличавшимся излишним беспокойством за будущее, такую смешную историю.

Сидит молодая крестьянка в избе и плачет.

«Что ты, тетушка, плачешь?» – спрашивают ее. – «Да как же мне не плакать? Будет у меня дочка, да будет бегать около печки, да отвалится от нее кирпич, да ударит дочку по голове».

Однако мудрая предусмотрительность не чужда была даже святым.

Прп. Серафим Саровский однажды советовал игумену и братии: «Запасайтесь хлебом, будет голод».

Господь спас некогда Египет от голода тем, что внушил праведному Иосифу запастись хлебом на целые семь лет.

Один старец давал такую общую формулировку для поведения христианина:

«Свои житейские дела веди с таким расчетом, что ты проживешь еще сто лет; но свои духовные дела строй так, что не проживешь и одного дня».

Исходя из положения, что христианину следует беречь свое здоровье, надо и в труде соблюдать известную умеренность, помня, что «все доброе имеет некоторую черту, перейдя которую, оно перестает быть добрым» (прот. В. Свенцицкий).

По той же причине людям умственного труда следует озаботиться и тем, чтобы по возможности их умственный труд в

течение дня чередовался с физическим: это даст здоровье и телу и душе.

Очевидно, что не надо много говорить о том, что утомленному организму надо вовремя дать и отдых.

Необходимо сказать и о понятии «забывчивости» в житейских делах. Наши мысли, внезапно появляющиеся у нас в голове, напоминающие нам о чем-либо, обличающие нас, соблазняющие нас, появляются, конечно, не случайно.

Как указывалось уже ранее, эти мысли всеваются в нас извне, т. е. идут к нам из мира духов – или от ангела хранителя, или от лукавого духа.

Если мы «в Духе», т. е. с нами пребывает Дух Божий, то ангел дает нам указания в делах наших, учит и поправляет нас. И если он вовремя не напомнил нам о чем-либо нужном для нас, то можно предполагать, что то дело было негодно Богу.

Что память о чем-либо и забывчивость не зависят от человека, а находятся всецело в руках Божиих, свидетельствует случай с прп. Варсонофием Великим и игуменом Серидом.

Преподобный говорил Сериду ответы на вопросы иноков. Игумен боялся забыть что-либо из сказанного и подумал, что хорошо было бы все сказанное записать.

Старец провидел его мысль и сказал ему:

«Пойди, напиши, и не бойся, так как если я скажу тебе и бесчисленное количество слов с тем, чтобы ты потом написал их, то знай, что Дух Божий не попустит тебе написать ни одним словом больше или меньше сказанного, хотя бы ты и сам пожелал того, но наставит руку твою, как написать сказанное в последовательном порядке».

В другой раз старец – прп. Иоанн (сподвижник преподобного Варсонофия Великого) – дал поручение игумену, но тот забыл его исполнить. Старец напомнил ему в другой раз. Игумен огорчился от своей забывчивости, но снова забыл исполнить. Так повторялось несколько раз. Благоговевший перед великим старцем игумен в сильной скорби просил прп. Варсонофия Великого объяснить ему, что с ним случилось, что он каждый раз забывал данное ему поручение.

Преподобный ответил:

«Это случилось попущением Божиим, чтобы ты увидел терпение и долготерпение старца и сделался подражателем его».

Следует предупредить всякого христианина-труженика об опасности объединения своих житейских дел с людьми нечестивыми и людьми, не гнушающимися смертными грехами. Не может быть благословения Божия на дела такого сообщества: кара, неудача и немилость Божия поневоле захватят и христианина, если он связал себя участием в деле с безблагодатными сообщниками.

Некогда царь иудейский Амасия нанял себе из израильтян сто тысяч воинов за сто талантов серебра. Но пророк пришел к нему и сказал: «Царь, пусть не идет с тобой войско израильское, потому что нет Господа с израильтянами и всеми сынами Ефрема, но иди ты один, сделай дело, мужественно подвизайся на войне; иначе повергнет тебя Бог перед лицом врага».

Амасия послушался голоса Божия и, не пожалев затраченного серебра, отпустил израильтян и одержал победу над врагами (*2Цар. 25, 6–12*).

Разновидностью личного труда является труд хозяйки и матери, а для мужчин – различные мелкие домашние работы по хозяйству, по благоустройству жилища, по ремонту домашнего инвентаря. Здесь опять-таки следует предупредить христианина.

Хотя мы и должны выполнять с полным вниманием и старанием все свои обязанности перед ближними, но все же должны помнить и о том, что наши житейские дела – это море, которое способно поглощать все наше время, все наши силы. Здесь соблазн – в увлечении ими целиком отдаться суете, полностью пренебрегая жизнью духа, не питаясь духовно, не заботясь о душе.

Как пишет о. Александр Ельчанинов:

«Благо нам, если мы сами вовремя внутренне освобождаемся от широких путей мира сего, если ни радости жизни, ни богатство, ни удача не заполняют наше сердце и не отводят его от самого главного. В противном случае

Господь в гневе Своем сокрушит идолов наших – комфорт, карьеру, здоровье, семью, чтобы мы поняли, наконец, что есть Единый Бог, Которому надо кланяться».

Поэтому Христос предупреждает, чтобы сердца наши не отягощались заботами житейскими (Лк. 21, 34) и чтобы, отдавая «кесарево кесарю», мы не забывали бы «Божие отдавать Богу» (Лк. 20, 25).

Прп. Варсонофий Великий пишет поэтому:

«Не заботься о предметах, тебе назначенных».

А прп. Серафим Саровский говорил:

«Излишнее попечение о вещах житейских свойственно человеку неверующему и малодушному. И горе нам, если мы, заботясь сами о себе, не утверждаемся надеждою нашею в Боге, пекущемся о нас».

Глава 34. Особая деятельность христианина для Господа

Служите друг другу каждый тем даром, какой получил.
1Пет. 4, 10

«Твои житейские нужды предоставь Мне, – сказал Господь в видении одной святой, – ты же думай о том и работай над тем, что важно и нужно для Меня».

При общей цели жизни у каждого из христиан есть и своя частная жизненная задача, свой образ деятельности для Бога, часто независимый от его профессии, службы, ремесла или занятия.

Сюда относятся все дела, не обязательные для нас в житейском смысле и выполняемые для удовлетворения внутренней духовной потребности по призыву внутреннего голоса.

Подневольный труд не есть самоцель жизни. И хотя «если кто не хочет трудиться, тот и не ешь» (2Фес. 3, 10), – все же надо помнить, что труд ради пропитания есть наказание человека за его падение (Быт. 3, 17–18). Здесь человек как бы отдает дань кесарю. Но Господь напоминает нам и о необходимости отдавать «Божие Богу». Это «Божие» должно

иметь место для человека по возможности ежедневно и совершаться в то время, которое остается у человека от обычного труда или занятий. Правда, есть в жизни и такие счастливы, у которых и их обычный труд будет их «Божиим» делом – делом для души.

Таким будет дело священнослужителя, иконописца, духовного регента, церковного певчего.

Сюда же будет относиться весь труд отца и матери, направленный на тщательное духовное воспитание детей с неременной целью – вырастить их как достойнейших чад Церкви Христовой и служителей Богу теми дарами, которые даны им от Бога.

В других случаях христианин должен или видоизменить свой труд, чтобы сделать его всецело «для Бога», или, чаще всего, дополнять его.

Вот несколько примеров подобного богомудрого видоизменения характера своего труда.

Как много потеряли бы апостолы, если бы не выделили диаконов и продолжали заниматься «раздаянием потребностей», пренебрегая проповедью слова Божия (*Деян. 6, 1–2*).

Как много упустили бы Васнецов и Нестеров, если бы свои таланты отдали всецело светской живописи и не создали своих чудных духовных образов. Как много потерял бы доктор Гааз, если бы занимался только практикой у состоятельных пациентов, а не шел к заключенным и беднякам. И если он так много приобрел в жизни для Царства Небесного, то только потому, что всегда руководствовался своим прекрасным девизом: «Спешите делать добро».

Точно так же и всякий писатель, поэт и композитор могут творить не для угождения толпе, но для служения Богу.

Но, повторяем, гораздо чаще христианину придется не видоизменять характера своей работы, а дополнять свой обычный труд работой «для души», т. е. для Господа.

Для многих это могут быть дела милосердия, помощь нуждающимся, работа для них, посещение больных, утешение печальных, забота о немощных.

Для других это может быть снабжение близких духовной литературой, чтение им духовных книг, занятия с детьми Законом Божиим.

В истории Церкви мы найдем и такие примеры: христианин трудится в течение дня, а по вечерам принимает странников и кормит их на свои заработки.

Другой усиленно работает сверх положенного времени, чтобы избытки заработка отдать нуждающимся.

Это будут все дела евангельской Марфы. У Марии – другие склонности. Ей дороже всего Бог и молитвенная беседа с Ним. Однако и Мария не может пренебрегать милосердием, но ее «работа для души» будет более состоять из молитв за бедствующих, больных и скорбящих ближних.

Как определить для себя – какой талант получен мною от Господа, как найти наилучшую форму работы для Господа – «дел для души» и как проверить – иду ли я своим путем, несу ли свой крест, исполняю ли дело, действительно порученное мне Христом?

Каждый человек имеет свои индивидуальные способности, данные ему от Бога таланты, свои сердечные склонности, свой запас сил и времени, особые возможности деятельности и обстановку для нее и живет в совершенно определенной среде и эпохе.

С учетом всего этого и должно быть найдено решение своей жизненной задачи и своя работа «для души», при которой на данный от Бога «капитал» талантов (т. е. возможностей) будут принесены наибольшие «проценты».

Для решения этой задачи нужны указания старца или (духовного отца, а при их отсутствии – наличие внутреннего слуха, способность услышать голос Божий в своем сердце. Именно так решали свою жизненную задачу и выбирали свой путь все святые: они слышали призыв к определенному пути и настойчиво, не отвлекаясь ничем посторонним, шли по нему.

В этой работе «для души» надо быть энергичным и усердным. Об этом так пишет о. Иоанн С:

«Будь смел, решителен на всякое добро, особенно на слово ласки, нежности, участия, тем более на дела

сострадания и взаимной помощи. Считай недопустимым уныние, отчаяние в каком бы то ни было добром деле. «Все могу, – говори, – в укрепляющем меня Иисусе Христе» (Флп. 4, 13), хотя я и первый из грешников: «все возможно верующему» (Мк. 9, 23)».

Основным показателем правильности выбранного пути будет глубокое духовное удовлетворение души христианина от его занятия и работы, образа жизни, выбранного подвига.

Всякое отклонение от этого пути будет сопровождаться неудовлетворенностью и внутренним беспокойством. День, в который не удалось приобщиться к определенному доброду делу или занятию, будет казаться потерянным. И наоборот, приобщение к ним будет вызывать радость и прилив духовной бодрости.

По мере очищения сердца с человека постепенно снимается доля его рабского – кесарева – труда и дается ему все более и более приобщаться к «Божьему делу» и богообщению, подобно Адаму до грехопадения. Так, у иноков доля житейских забот сводится к самому необходимому, а главное внимание посвящается духовным интересам. Чем духовнее становится человек, тем менее его житейские потребности, тем более он может уделить сил и времени для духовных интересов и «работы для души».

Наши нормы распределения наших сил и времени между «кесаревым» и Божиим не должны быть чем-то постоянным. Мы должны постоянно их пересматривать и стремиться уменьшить в них «кесареву» долю. И в ряде случаев христианина надо предостеречь от увлечения житейским трудом. Житейский труд может стать так привычен, так поглощать всего человека, что становится для него кумиром.

Оторвать иного труженика от привычного для него житейского труда – это то же, что вынуть рыбу из воды, заставить ее задыхаться в непривычной обстановке.

Будем помнить, что никакие житейские дела не могут оправдать нас при упущении времени, положенного для молитвы и для посещения храма, – для нашей беседы с Богом, о великом значении чего говорилось уже выше.

Ничто также не извиняет нас, если мы, оправдываясь занятостью, будем откладывать участие в Таинствах и дела милосердия. Много-много мы потеряем, если среди дел житейских не выберем времени и для питания души – для духовного чтения.

Вспомним Марфу и Марию. Как будто бы при посещении усталого и голодного Господа надо было прежде всего думать о том, чтобы лучше накормить Его. Так думала Марфа. Но она ошиблась: лучшей долей оказалась доля Марии – сидеть у ног Христа и слушать Его поучения.

Особенно осторожно нужно тратить время тому, кто ясно слышит внутренний голос – Божий призыв к определенному пути. Горе, если он не будет спешить идти по этому пути, – он много потеряет для Царства Небесного.

Занимаясь делами для души, христианин не должен бояться, что они будут в ущерб необходимым житейским делам. Как свидетельствуют св. отцы, если человек благочестив и усерден в молитве, то Бог дает ему достаточно сил и времени для всех остальных житейских дел.

Однако некоторых склонных к духовной жизни людей следует предупредить и об опасности другой крайности – неразумного подвига или оправдания под благовидным предлогом своей лености, небрежности и пренебрежения интересами ближних.

Про сатану говорят, что он и самые добрые дела и намерения старается испортить какими-либо погрешностями и крайностями – в «бочку меда» влить свою сатанинскую «ложку дегтя».

И при стремлении отдаться духовной жизни – посвящать много времени молитве, духовному чтению, духовными беседам – можно погрешить своими обязанностями по отношению к ближним, отяготить их, отравить их жизнь, вызвать справедливые к себе упреки.

Так, плохо будет, например, мать, которая, посвящая много времени духовным интересам, будет пренебрегать при этом детьми и последние будут оставаться без присмотра, не будут

вовремя накормлены, будут ходить в изорванных и грязных одеждах.

Справедливы будут также укоры домашних той хозяйке дома, которая под благовиднейшими предлогами будет допускать в комнатах грязь, беспорядок и пренебрегать своими обязанностями по отношению к ближним. Таких ап. Павел предупреждает: «Если же кто и подвизается, не увенчивается, если незаконно будет подвизаться» (2Тим. 2, 5).

А старец Силуан советует:

«Надо принуждать себя на добро, но умеренно и знать свою меру. Надо изучить свою душу, что ей полезно. Благодать приходит от всего доброго. Но больше всего от любви к брату».

Итак, и в добрых делах и начинаниях христианину также нужна добродетель рассудительности. И при начале каждого дела надо проверить – делать ли его или у меня есть другое, сейчас более важное и угодное Богу дело.

Может быть, некоторые скажут, что работа «для души» не является обязательной для христианина: не довольно ли обычного труда для прокормления себя и семьи? И где в Священном Писании говорится о необходимости такой работы?

Повторяем, что кроме дани «кесарю» Господь спрашивает с нас и Божьего дела. Разве Он не указывает на опасность отдачи всех своих сил «заботам житейским» (Лк. 21, 34)? Разве Он не предупреждает о страшной участи тех, кого Он найдет «ни горячим, ни холодным» (Откр. 3, 16)? И не «огонь» ли ревности характеризует истинного христианина? (Лк. 13, 49).

Поэтому Господь ждет от христианина «усилий» на «узком пути» и каждого тайным голосом зовет к посильному для него подвигу. Те, кто не хочет слышать этого зова, а спокойно живет в грехах (а в грехах живут все), пусть те не удивляются напоминаниям от Бога об их неисполненном долге через житейские неприятности, неудачи, беды и несчастья.

Может быть, многого из этого они могли бы избежать, если бы чутко прислушивались к внутреннему зову и, послушные ему, взяли бы свой крест, начали бы работу «для души».

При совершении добрых дел, при работе «для души» христианину надо помнить, что некоторые по видимости добрые дела могут твориться и из низменных побуждений – гордости, тщеславия и т. д.

Поэтому непременным дополнением к добрым делам является направленность всех добрых дел и стремлений христианина к угождению ими Богу – ревность о славе Божией, деятельное проявление своей любви к Богу.

Прп. Серафим Саровский говорил, что душе христианина пользу приносят лишь те добрые дела, которые сделаны им ради Бога, во исполнение Его заповедей и из любви к Богу.

Прпп. Варсонофий Великий и Иоанн пишут также:

«Всякое доброе дело, которое совершается не из одной только любви к Богу, но к которому бывает применена и своя воля, не чисто и не приятно Богу. Если же примешивается к делу что-либо по особой воле делающего, то оно уже осквернено и негодно Богу».

А старец Никодим Святогорец говорит:

«Пусть какое-либо дело будет по себе самое простое и последнее, но когда оно творится единственно для благоугождения Богу и во славу Его, тогда оно бывает несравненно ценнее в очах Божиих, нежели многие другие высокие, славные и великие дела, совершенные не с этой целью».

Другим условием при всех добрых делах, подвигах, намерениях и расположениях является наличие в христианине глубочайшего смирения, полноты сознания, что всем добрым он обязан Богу – Его помощи и Его благодати, без которых он не мог бы совершить ничего.

Итак, полнота служения Богу заключается не только в добрых расположениях души, но и в посвящении всех дел своих Богу и, наконец, в глубине духовной нищеты.

Есть и еще одно условие богоугождения. Это – полнота согласования воли христианина с волей Божией.

Можно обладать высокими добродетелями, можно с горячностью и ревностью служить Богу, но все же труд и подвиги христианина не будут вполне угодны Богу.

Это будет тогда, когда они были совершены по самоволию, при служении своим собственным вкусам или пристрастиям – при «кровавом» действии сердца, по терминологии Игнатия (Брянчанинова).

Прп. Никодим Святгорец говорит по этому поводу:

«Лесть естества нашего крайне тонка и немногими распознается: она утаенно ищет одного своего «я», т. е. себя, а между тем по видимости так ведет дело, что нам кажется, будто единственная у нас цель – благоугождать Богу, чего на деле поистине нет».

О том же предупреждает и св. Нифонт Цареградский:

«Знай же и то, что не должно удовлетворяться добрыми своими делами, и не уповай на них, потому что не знаем, угодны ли они или неугодны Богу».

Поэтому прп. Никодим добавляет, что «необходимо в начале всякого своего дела отказаться, насколько возможно, от всякого собственного хотения и не желать и не начинать дела, если прежде не почувствуешь, что тебя к тому подвигает и устремляет единственное сознание на то воли Божией».

Необходимо, чтобы христианин до конца подчинил свою волю воле Господней и не сам избирал себе путь, труды и подвиги. Иначе говоря, он должен как огня бояться самочиния и ни одно из дел своих (по видимости самых достойных) не почитать хорошим, пока для этого дела не будет сознания, что оно угодно Богу. Как достичь этого?

Для совершенных в послушании христиан это происходит по явному указанию Божию. Апостолы при проповеди шли туда, куда их посылал Дух Святой (Деян. 16, 6–7). Преподобный Серафим оставил свой затвор только по повелению Богоматери. Св. Иоанн Дамаскин стал писать свои песнопения лишь после повеления Богоматери, переданного ему через старца.

Для всех же прочих христиан, повторяем, лучше всего быть в полном послушании у старцев и у своих духовных отцов. Если же иметь последних нет возможности, то надо искать всегда во всем воли Божией так, как об этом говорилось выше в главе о послушании.

Воздержание

Глава 35. Необходимость воздержания

Своего рода отреченность обязательна и для мирян. Еп. Феофан Затворник

Воздержание есть первый шаг во всех добродетелях. Игуменья Арсения

Воздержание. Это слово обычно вызывает неприязнь у людей мира. Да и для многих христиан воздержание чуждо и непонятно. А между тем воздержание – одна из первоначальных, всегда необходимых добродетелей христианина и является одновременно и условием стяжания, и плодом сопребывания с ним Духа Святого Божия (*Гал. 5, 23*).

Но что надо понимать под словом «воздержание»?

Это – удерживание себя от исполнения тех своих желаний, которые не согласуются с Божией волей, не дают пользы душе, не обогащают ее духовно, не служат к накоплению ею «сокровищ» в Царстве Небесном.

Апостол Павел говорит: «Все мне позволительно, но не все полезно» (*1Кор. 6, 12*). А если не полезно, то зачем же мы будем врагами себе, касаясь вредного?

Не будем думать, что воздержание есть только «монашеская наука» и что поучение о нем св. отцов относится только к инокам, но не к христианам, живущим в миру.

В той или иной мере каждый христианин должен быть подвижником, а «все подвижники воздерживаются от всего: те (мирские) для получения венца тленного, а мы (христиане) – нетленного» (*1Кор. 9, 25*), – говорит апостол Павел.

Выше было уже сказано о необходимости для христианина проявить воздержание в отношении ненужных житейских дел (для сбережения своего времени).

Но не только в этом необходимо христианину в каждый из дней его жизни проявлять воздержание, если только он действительно хочет идти путем «стяжания Духа Божия» и быстрее достичь цели своей жизни.

Наша природа глубоко испорчена. Извращены грехом наши телесные потребности и душевные склонности и привязанности. Поэтому удовлетворение их без рассудительности (а ее нам всегда недостает) так часто ведет нас если не к греху и соблазну, то всегда к рассеянности и потере драгоценных сил и времени и упущению благих возможностей. О. Иоанн С. пишет:

«Говорят: как бы не смотрел, так не соблазнился бы; как бы не услышал, так и сердце не болело бы; как бы не вкусил, так и не хотелось бы... Видите, сколько соблазна от наших глаз, слуха и вкуса. Как много людей страдали и страдают от того, что, не будучи тверды сердцем в добрых расположениях, взглянули неосторожно нечистыми глазами, послушали непривычными для различения добра и зла ушами, вкусили жадным вкусом. Чувства грехолюбивой жадной плоти, не обузданной разумом и Божиими заповедями, вовлекли в разные страсти житейские, помрачили через них ум и сердце, лишили покоя сердечного и отняли свободу у воли. Как же осторожно нужно смотреть, слушать, вкушать, обонять и осязать, или – лучше – как нужно беречь свое сердце, чтобы через чувства внешние, как через окно, не пробрался грех, и сам виновник греха диавол не омрачил и не уязвил своими стрелами ядовитыми и смертоносными небесного птенца – нашей души».

Вот почему христианину нужно воздержание. Цепь добродетелей христианских образует собой как бы плотину, удерживающую благодать в душе христианина, и надо бояться прорыва этой плотины хотя бы в одной из добродетелей.

И тот, кто думает серьезно о спасении своей души, не может пренебрегать добродетелью воздержания.

Приучить себя к воздержанию – это большая победа – воздержание в малом поможет укрепить волю и поведет к победе в великом.

Епископ Игнатий (Брянчанинов) пишет:

«Побеждающийся малыми пожеланиями побеждается непременно и великими. Невозможно преодолеть ни страсти вожделения, ни страсти гнева, не научившись побеждать

вообще все пожелания, чем исключительно исправляется испорченность воли».

Глава 36. Области воздержания христианина

Что не полезно, то и вредно. Прп. Варсонофий Великий
Невозможно перечислить все стороны человеческой жизни, в которых христианину нужно проявить воздержание.

Как пишет прп. Варсонофий Великий:

«Мера воздержания не ограничивается только пищей и питием, но простирается и на разговоры, и на сон, и на одежду, и на все чувства».

Следует сказать, что христианину необходимо воздерживаться и от очень многого такого, что обычно в миру не считается предосудительным.

Так, мы бываем неразборчивы в знакомствах и не воздерживаемся от общения с людьми, заведомо влияющими на нас нехорошо в духовном отношении.

Как пишет прп. Антоний Великий:

«Имеющие на себе замаранную одежду марают платья тех, которые прикасаются к ним. Таким же образом люди, злые нравом и неисправные поведением, обращаясь с простейшими и говоря к ним неподобающие речи, как грязью оскверняют душу их через слух».

Прп. Серафим Саровский говорил, что «одного многословия с теми, которые противных с нами нравов, довольно, чтобы расстроить внутренность внимательного человека».

«Знай, что для того нам и надобно не выходить из келий, чтобы не знать худых дел человеческих, и тогда, в неведении ума своего, во всех видеть людей святых и добрых», – пишет прп. Исаак Сириянин.

Вот один из примеров опасности для христианина общения с инакомыслящими.

В компании рассказывают кощунственный рассказ, все смеются. Христианин не может смеяться, так как тогда он будет принимать участие в кощунстве, т. е. грешить тяжким грехом. Если же его поведение и выражение лица будет отличным от

других, то он будет «белой вороной» и привлекать к себе внимание.

Боясь потери времени, христианин должен мудро отнестись и к обычаю посещать своих родных и друзей («ходить в гости»).

Здесь могут быть два случая. Если идут в гости для того, чтобы убить время в праздных разговорах, сплетнях и пересудах или хорошо попить и поесть, то, конечно, здесь будет более вреда для души, чем пользы, и здесь надо проявить воздержание.

Но в гости можно пойти и так, как рекомендует о. Иоанн С:

«Когда идешь в гости к кому-нибудь из родных и знакомых, иди не для того, чтобы у них хорошо поесть и попить, а для того, чтобы разделить с ними дружескую беседу, чтобы беседою любви и искренней дружбы оживить свою душу от житейской суеты, чтобы соутешиться верою общию. «Я ищу не вашего, а вас» – пишет ап. Павел (2Кор. 12, 14)».

Есть и еще область, невоздержание в которой считается достоинством. Это область знаний и удовлетворения своей любознательности и любопытства.

На первый взгляд действительно кажется, что чем больше знаний имеет человек, тем для него лучше, тем он «умственно богаче», или, как говорят, эрудированнее. Так думают, кажется, все «образованные люди». Но не идет на пользу эта светская аксиома душе христианина.

Вот как думает об этом о. Павел Флоренский:

«Мы осуждаем жадность в пище. Но почему ж в таком случае необузданное удовлетворение другой естественной потребности – познания – не считается пороком? Обуздывать жадность в познании есть такая же добродетель, как полагать предел похотям плоти».

И действительно, наш ум – это сосуд определенной вместимости, и его неразумно переобременять, а время, в которое мы наполняем его сведениями, отсчитано нам точною мерою. Благо нам, если он наполняется нами вечными ценностями – тем «Светом истинным, Который просвещает всякого человека, приходящего в мир» (Ин. 1, 9).

Но если мы тот же сосуд – наш ум – наполняем в изобилии наукой, светской литературой, политикой, новостями, то в нем мало останется места для богопознания; вместе с тем мы теряем и время и силы при стяжании мирской мудрости с очевидным ущербом для приобретения истины вечной.

Вместе с тем излишнее богатство знаниями есть один из видов богатства. Отсюда следует и опасность его, поскольку Господь предупреждает всех богатых: «Трудно богатому войти в Царство Небесное» (Мф. 19, 23).

По словам схиархимандрита Софрония:

«Подлинное христианство простирается на нестяжание не только материальное, но и на интеллектуальное. В своих научных познаниях люди видят свое духовное богатство, не подозревая при этом, что есть иное, высшее познание и подлинно несравнимое богатство, приносящее великий покой. В погоне за материальным комфортом люди утратили комфорт духовный, и современный материалистический динамизм все более и более приобретает демонический характер, и неудивительно, ибо это есть не что иное, как динамика греха».

А старец Силуан пишет:

«Кто читает плохие книги или газеты, тот наказывается голодом души, потому что пища души и наслаждение ее – в Боге. В Боге и жизнь ее, и радость, и веселие...»

Конечно, не все свои силы на земле возможно отдавать непосредственно Богу: есть и «кесарево», которое надо отдавать «кесарю» (Лк. 20, 25). И нам надо какое-то время тратить на изучение полезных для жизни знаний и наук. Но, тратя на них время, надо воздерживаться от траты сил и времени на изучение и знакомство с теми областями знаний, без которых мы можем свободно обойтись.

Если бесполезна бестолковая, неразумная любознательность, то тем более вредно любопытство, т. е. желание осведомиться о том, что не имеет отношения к моей жизни и ее насущным интересам. Любопытный человек – это пустой, неглубокий человек, который заполняет свой мозг

преимущественно последними новостями и сплетнями, т. е. тем, о чем завтра все забудут.

Св. отцы говорят, что любопытство есть большой грех, от которого погибла Ева.

Несколько подробнее необходимо остановиться на воздержании от светской литературы.

Художественная литература есть один из видов искусства. А искусство – огромная сила.

Как пишет протоиерей и профессор В. Зеньковский:

«Искусство, по существу своему, может сообщать воображению возвышенную и светлую силу... Светлые образы, создаваемые искусством, как вечные спутники, всегда зовут нас к тому, что чисто, изящно, благородно. [...] Однако в искусстве, как мы его находим и в современности и раньше, всегда есть много и двусмысленного – этого отрицать не следует. Именно поэтому и действие искусства в нас двойственное: оно возвышает душу, но оно же вносит и яд в нее».

И действительно, литература содержит и хорошие, глубокие книги, написанные верующими людьми (например произведения Достоевского), но вместе с тем и произведения, сеющие разврат (как например произведения Мопассана, Арцебашева и др.), или поистине сатанинские (например немецкого писателя Эрнста и др.) И если первые могут углубить наше знание жизни, то последние будут вливать яд в наши души и питать страсти.

Более того, кто может учесть то влияние, которое может оказать на христианского читателя перо всякого атеиста? И пусть оно не лишит христианина веры, но кто знает, в какой степени оно охладит эту веру и в какой степени заразит читателя прилогами сомнений, страстей, пристрастий и мирской суетой?

Поэтому христианину нужна осторожность при чтении светской литературы.

Вместе с тем надо всегда учитывать, что светская литература отнимает у нас много времени и часто засоряет мысли праздными воспоминаниями, от которых нелегко освободиться. Кроме того, в общераспространенной светской

художественной литературе могут всегда встретиться отдельные места, полные скверны, что отравляет душу и загрязняет воображение. И если писатель талантлив и созданные им образы ярки, то зараза этой скверны может засесть в нас так глубоко, что ничто в жизни не сможет вытравить ее из нашей памяти. Недаром один из философов древности сказал: «Я не так хотел бы иметь хорошую память, как способность забывать».

Как говорит архиепископ Иоанн:

«Забвение есть такой же дар Божий, как и память. Мы бы сошли с ума, если бы все помнили или все забыли».

Следует отметить, однако, что у христианина есть возможность достижений и в этом отношении. Прп. Варсонофий Великий пишет:

«Воспоминаний о том, что ты видел, слышал или сделал, ничто не уничтожает, кроме молитвы, соединенной со смирением, трудами, слезами и с отсечением своей воли».

Итак, при усиленной молитве и развитии христианских добродетелей благодать Святого Духа помогает христианину в изглаживании нечистых и горьких воспоминаний. Однако для этого уже потребуются великие духовные труды.

Естественно, что далеко не всем будет возможно полностью отказаться от чтения светской художественной литературы. Невозможно уклоняться от ее чтения, например, школьникам, которые обязаны изучать ее, и учителям, наставникам и пастырям, которым надо разбираться в ней: здесь остается лишь молиться об исполнении обетования Господа о безвредности ядов – в данном случае душевных – для уверовавших в Него (Мк. 16, 18).

В тех случаях, когда мы не можем уклониться от чтения светской литературы, надо непременно читать и Священное Писание и духовные книги. Благо тем, кто будет замечать в себе при этом рост интереса к последним и ослабление влияния и вкуса к первой. Такой человек на верном пути к Царствию Божию в своей душе.

Поистине, надо считать величайшим несчастьем, что значительную часть времени у современного человечества

отнимают политические интересы – чтение газет, радио, разговоры о политике, размышления о последних политических новостях и событиях.

С точки зрения цели христианской жизни, для души христианина это только потеря драгоценного времени и отвлечение себя от важнейшей из своих задач – работы над духовным совершенствованием себя. Ведь почти никто из рядовых христиан не может сам повлиять на ход политической жизни. А если так, то зачем же тратить время и энергию на праздное чтение и праздные размышления?

Однако многим из христиан невозможно по своему положению в обществе быть вполне чуждыми к его интересам или быть невеждами в вопросах современности. Поэтому для них нужно бывает и чтение газет.

Здесь можно упомянуть о том, что современный нам подвижник благочестия о. Виталий Брикбекский просматривал газеты, стремясь рассмотреть в происходящем в мире невидимое действие Божией воли.

Вместе с тем здесь следует указать, что газеты можно читать по-разному: можно прочитывать достаточно полно и несколько их, затрачивая часы, и можно проглядывать заголовки в одной и прочитывать лишь наиболее важные сообщения в короткое время.

В последнем случае мы отдаем дань «кесарю», но сберегаем и время и душу от той массы пустых и развлекающих мыслей, которые вольются в нас при чтении в течение длительного времени...

Тот, кто обладает способностью самонаблюдения, может заметить, как засоряет всякая светская литература (книги, статьи, газеты, радио, сообщения, и т. д.) нашу душу.

Уходят куда-то вдаль духовные интересы и мысли о Боге и о Его Промысле, устраниаются заботы об очищении сердца, не интересуют более вопросы внутренней жизни – словом, исчезает из жизни все то, что приобщает душу к жизни в вечности. Ум всецело занят последними мирскими новостями и впечатлениями, которые будят суетливое беспокойство, волнуют и наполняют душу подсознательной тревогой. Нет уже

мира в душе – она наполнена суетою. Как будто бы в храм души, где ранее звучало славословие Творца, ворвались крикливые голоса и нестройные звуки мира и заглушили молитву.

Пусть плачет тогда душа, если она имела возможность избежать этого нашествия мира и по небрежности не оградила себя от него.

Ограждать свою мысль от рассеяния мира, который всюду окружает нас, конечно, нелегко. Здесь нужна склонность сердца к духовным, а не к светским интересам.

Равнодушное к чему-либо сердце не позволит глубоко запечатлеться мысли о чуждом ему предмете – и наоборот. Однако длительное сосредоточение мысли на каком-либо предмете всегда затронет и сердце, даже и при малой склонности к нему.

«Человек – слишком ограниченное существо, – говорит С. Волков, – у него слишком большая связь между телом и духом; и если он сосредоточивает внимание на телесной части своего существа, то не может с такой же напряженностью жить духовной жизнью; одно обязательно живет за счет другого, в ущерб другому.

Это явно подтверждает нам жизнь великих людей – художников, мыслителей и тем более религиозных гениев, которые с презрением взирали на всякую чувственность и телесность».

Будем же помнить про непреложный закон: если хочешь духовных достижений – мира души, умиления, теплоты молитвы, тихой духовной радости, то откажись от мирских наслаждений, удовольствий и развлечений.

Как нельзя сохранять горящие уголья в сосуде, наполненном водой, так и Дух Святой не может присутствовать в той душе, которая исполнена мирскими привязанностями, склонностями и пристрастиями.

Великая польза бывает христианской душе, когда она осознала необходимость воздержания и имеет возможность практиковать его в своей жизни.

Старец Силуан пишет:

«Для мира душевного нужно быть воздержанным, потому что и от нашего тела теряется мир. Не должно быть любопытным, не нужно читать ни газет, ни мирских книг, которые опустошают душу и приносят уныние и смущение. Не осуждай других... не старайся знать чужих дел, кроме своего. Кто послушлив и во всем воздержан: в пище, в слове, в движениях, в смотре, в помыслах, – тому Сам Господь дает благодать и молитву, и она легко совершается в сердце».

Епископ Вениамин (Милов) добавляет к этому:

«Целомудренники и постники в Церкви сначала удостаиваются от Бога тонких переживаний благодатной любви, а по мере усовершенствования в подвигах целомудрия и воздержания получают высшие ощущения благодати любви».

«Целомудренники и постники в Церкви сначала удостаиваются от Бога тонких переживаний благодатной любви, а по мере усовершенствования в подвигах целомудрия и воздержания получают высшие ощущения благодати любви».

Прп. Исаак Сириянин пишет:

«В какой мере сердце перестает тревожиться внешними предметами, в такой же ум может доходить до постижения и дел Божиих и изумления ими».

Как и во всякой добродетели, и у воздержания есть много ступеней. Конечно, нам не подобает сразу думать о тех высоких ступенях, на которые поднимались некоторые подвижники во Христе.

Мы можем надломиться от непосильного и несвоевременного воздержания. «Всякую добродетель красит мера», – говорят св. отцы. И «Всякому овощу – свое время», – говорит народная мудрость. Поэтому и в воздержании, как и во всякой добродетели, также надо «показать рассудительность».

Процесс стяжания Святого Духа Божия есть процесс перерождения внешнего человека во внутреннего. Этого «внешнего» человека, очевидно, нельзя ранее известного времени лишить всех мирских интересов, развлечений, светской

литературы и знакомств, так же как нельзя головастика лягушки полностью лишить воды, когда у него еще не развились легкие.

Вот почему старцы многим из своих духовных детей не запрещают ходить в театр, читать светскую литературу и т. п., хотя знают, что это не принесет духовной пользы.

Все эти склонности отомрут в свое время, если только будет продолжаться процесс возрастания «внутреннего» человека под влиянием духовного чтения, молитвы, Таинств и среды духовно-нравственных людей. Тогда рано или поздно отмирают у человека мирские склонности и потребности и он начинает жить интересами духа, потеряв вкус к миру и его пристрастиям.

Приложение к главе 36-й

Допустимо ли для христианина, стремящегося идти путем стяжания Святого Духа Божия, посещение театров, цирка и других мест развлечений?

Приводим ниже мнения по этому вопросу как св. отцов Церкви, так и современных духоносных пастырей и подвижников благочестия.

В отношении к современным им постановкам у всех у них нельзя найти двух мнений. Они отвечают первыми словами первого псалма пророка Давида: «Блажен муж, который не ходит на совет нечестивых, и не стоит на пути грешных, и не сидит в собрании развратителей, но в законе Господа воля его и о законе Его размышляет он день и ночь!» (Пс. 1, 1–2).

Много места посвящено вопросам о зрелищах в сочинениях Тертуллиана, св. Киприана Карфагенского, св. Василия Великого и, в особенности, св. Иоанна Златоуста. Следует указать, что отцы Церкви предостерегали не только против грубых, безнравственных зрелищ – цирка и состязаний, но также и против театра комедии и драмы. Лактанций («Божественные наставления») пишет: «Надобно избегать всякого рода зрелищ, дабы они не вызывали беспокойных волнений в душе и дабы... не отвлекали нас от служения Богу и от исполнения добрых дел».

«Положим, – пишет Тертуллиан, («Трактат о зрелищах»), – что на зрелищах происходят иногда вещи, в самом деле

приятные, простые, скромные, не бесчестные.

Но вспомним, что обыкновенно яд смешивается не с желчью, а с сладкими и вкусными жидкостями. Так всегда диавол поступает: он кроет смертельный яд свой в яствах наиболее приятных и лакомых. Обращай внимание не столько на удовольствие, сколько на опасность, неминуемо сопряженную с этим удовольствием».

Св. Иоанн Златоуст так рисует состояние духа человека, возвращающегося из театра («Слово против зрелищ»).

«Ты уходишь, получив множество ран... жена кажется тебе не так приятною, а дети несносными... дом отвратительным, и обыкновенные заботы беспокойными, и всякий приходящий – обременительным и несносным... Не отсюда ли брани и ссоры? Не отсюда ли бесчисленные неприятности?»

Вот образ духа человека, обольщенного прелестью жизни, виденной им на сцене, раздраженного и недовольного действительностью, которая кажется ему теперь досадной и скучной.

Считая несовместимым ремесло актера со званием христианина, в первые века Церковь подвергала актеров отлучению. А св. Иоанн Златоуст даже запрещал христианам общение с ними или вкушение вместе пищи.

Благочестивые миряне первых христианских веков чуждались театра. Такова, например, была Нонна – мать св. Григория Богослова. В отношении же клириков имелось запрещение им посещения театров.

Это запрещение так поясняется о. Александром Ельчаниновым:

«Почему священники не ходят в театр? Самый принцип театральности отвергается Церковью. Запрещаются маски, ряжения, переодевание в костюм другого пола, так как все это подделка, двусмысленность, фальшь. Даже смотрение на это – какое-то участие. Что же касается актера – то с чем большим увлечением он играет, тем больший ущерб наносит своей душе, поселяя в ней путаницу и ложь».

Но не только отцы Церкви первых веков христианских восставали против посещения христианами театра.

Вот что пишет об этом также старец Амвросий Оптинский («Письма к мирянам»).

«Сцены эти по временам бывают очень грязные. Кроме того, какая обстановка в театре? Светская музыка, не дающая возникнуть в душе человека ни одной духовной мысли, ни одному духовному чувству. А эти рассеянные лица зрителей, переглядывающих, смеющихся, иногда иронически пересмеивающих друг друга, а при некоторых сценических представлениях приходящих в негодование, выражающееся в бурных криках... Это ли школа нравственности?»

Так же мыслил о театре и другой светоч благочестия о. Иоанн С.

Вот что пишет он о театре в своем дневнике:

«В театре многим приятно чувствуется, а в церкви – тяжело, скучно: отчего? Оттого, что в театре все прекрасно подлажено чувственному человеку и диавола мы там не трогаем, и он нам делает удовольствие, не трогает нас: веселитесь себе, друзья мои, думает, – только смейтесь, да Бога не помните... Театр и Церковь – противоположности. То – храм мира, а это – храм Божий; то – капище диавола, а это – храм Господа».

Некоторые могут возразить: а как же не оценивать такие, например, постановки, как «Царь Иудейский»? Такие постановки были и ранее очень редки, а теперь – тем более. И если они являются редкими исключениями, то исключения, как говорится, подтверждают лишь общее правило.

Во всяком случае, как пишет епископ Аркадий (Лубенский):

«Всякие развлечения и зрелища вредны для христианина хотя бы по следующим трем причинам: 1) Они крадут у человека драгоценное для него время, которого едва ли кому хватит для главной цели – очищения себя от греха и приобретения добродетелей. Так, многие из подвижников благочестия умирали с мыслью, что они «еще не начинали дела спасения своей души». 2) Развлечения приучают человека к праздности. После обманчивой сладости зрелищ трудно

возвращаться к тяжелому труду, к молитве и духовному подвигу. 3) Зрелища приучают человека к сильным ощущениям, отчего наступает некоторое пренебрежение к собственной тихой жизни: хочется включиться в бурный водоворот жизни. Часто зрелище вредно действует и на нервную систему».

Учитывая мнение св. отцов Церкви и старцев последнего времени о вреде зрелищ, следует оговориться, однако, в отношении к современным, таким широко распространенным развлечениям, как радио, телевизор и кино. В последних ставятся научные фильмы. Кроме того, из отдельных уголков мира имеет место и передача христианских общественных богослужений, проповедей и духовных концертов. Это одно из счастливых исключений: современная цивилизация в этом случае приносит не вред, но и большую духовную пользу человечеству.

Вместе с тем, для всех ли людей вредно развлечение в театре, в кинематографе и у телевизора?

На этот вопрос отвечает архимандрит (а ныне архиепископ) Иоанн, выдержки из работы которого «Философия игры» приводятся ниже.

«Обессиливание христианского общества пошло гигантскими шагами с появлением широкой культуры театральных развлечений (кинематографии и телевизоров). Театральный психический гипноз утишения боли мира – вывод из жизни реального мира – усыпляет бодрственное состояние духа человеческого, не говоря уже о том, что заваливает, массово засоряет его психику настоящим мусором «душевных», безблагодатных переживаний... «Отныне узрите, – говорит Бог, – небо отверстым и ангелов Божиих, восходящих и нисходящих к Сыну Человеческому» (Ин. 1, 51). А христиане еще жадно сидят перед занавесами и экранами, за которыми и на которых их «утешают» живоотнообразные, а иногда и демонообразные переживания. Жизнь не нуждается в театре. Жизнь – не игра, но истина... В аналогии храма и театра верно лишь: и тот и другой предназначены, чтобы увести человека из того состояния внутренней жизни, в котором он

находится. Один – направо, другой налево. Путь развлечения человека – широкий путь: «Многие идут им» (Мф. 7, 13). Путь служения Богу – узкий, радостный совсем по-иному, и его может понять лишь тот, кого коснулось веяние Духа (оттого пусты храмы): «немногие находят его» (Мф. 7, 14)".

«Обессиливание христианского общества пошло гигантскими шагами с появлением широкой культуры театральных развлечений (кинематографии и телевизоров). Театральный психический гипноз утишения боли мира – вывод из жизни реального мира – усыпляет бодрственное состояние духа человеческого, не говоря уже о том, что заваливает, массово засоряет его психику настоящим мусором «душевных», безблагодатных переживаний...

«Отныне узрите, – говорит Бог, – небо отверстым и ангелов Божиих, восходящих и нисходящих к Сыну Человеческому» (Ин. 1, 51).

Однако архиепископ Иоанн указывает, что все вышеизложенное относится лишь к истинным христианам – «"ученикам Слова». Для «внешних» же (1Кор. 5, 13) театр может быть и полезен как некое предварительное оформление хаоса души.

Так бывает промыслительна для внешних людей война... Для человека, погруженного в развратную, своекорыстную жизнь, война может быть даже единственным средством отрезвления. В этом и смысл войны как промыслительного попуска – отвлечение человека от мелкой себялюбивой жизни к жертвенной, от ада похотей и сластей к граням подлинного бытия.

Для христианина же война может быть огрубением, оземлением, погружением в плотскую стихию...

То же и в театре. Театр для христианина – духовная болезнь, противоречие устремлениям глубочайших движений его души; для преступника, черствого эгоиста, для житейской души театр может быть ступенью к духовному благородству. Чем сам по себе театр будет нравственнее, чище, тем более полезен он будет для этих людей.

Существенно здесь, чтобы соблюдался всегда основной закон духовного совершенствования: окружение себя обстановкой возвышающей, а не принижающей уровень души.

Потому в отношении к так называемым культурным ценностям мира вообще не может быть абсолютных суждений, и узнать их положительный смысл и вес можно только в отношении к данному, определенному человеку, а не комплексу человеческого общества.

Для учеников Слова театр есть духовное ниспадение; для людей плоти он может быть возвышением, восстановлением...

Духовная жизнь человека не идет скачками. Лестница духа имеет свои ступени, видимые и невидимые.

Театр учит вживаться в чужую жизнь, связывать с ней свое переживание. Вживание это, конечно, «душевное», не причастное духу, но и как таковое, не дающее подлинных знаний душе, оно пробьет кору первобытного ее окаменения.

Оттого всякий театр, который не будет разнуздывать низших инстинктов, будет для масс безрелигиозного человечества – хорошим театром.

Развлечение – зло для сознательно влекущихся к совершенному добру.

Для влекущихся же ко злу, для кипящих даже, может быть, в этом зле – развлечение, отвлечение, перевод стрелки жизни в более чистую и спокойную атмосферу есть благодеяние и спасение.

Здесь раскрывается глубочайшая и совершеннейшая тайна Божьего строительства человеческого спасения. Нельзя исчислить мудрость и промыслительность Божию и использование всего в мире для целей Блага...

Но человек должен бодрствовать. Если ему удастся познание, он не должен застаиваться на ветхих путях своей жизни. Из класса в класс должна переходить человеческая душа. Закваска благодати должна производить органический рост самосознания.

«Хлеба и зрелищ!» – это не только отвержение благодатного счастья, но и восстание против пустоты жизни,

против несчастья, против холода смерти и последних падений человека, возможных лишь в подполье.

И потому христианин, видя зло насквозь, имеет оправдание для мятущегося мира явлений. Христианин не судит мир, он хочет видеть во всем промыслительную, «правую», добрую сторону жизни и изучает лишь евангельское отношение ко всему.

Ибо каждая душа может и должна во благо воспринять все внешнее. Лишь голое зерно греха и сознательное богопротивление могут быть названы хулою на Духа.

Театр – апокалиптически неевангеличен, нецерковен, но для тысяч и тысяч апокалиптических людей нашего времени он является их естественной атмосферой, в которой они могут, по своей мере, питаться крохами истины, падающими с Небесной Трапезы, освещаться сумерками – светом, не слишком режущим их привыкший к темноте глаз».

Соглашаясь с мнением о развлечениях архиепископа Иоанна, в отношении христиан можно сделать следующий вывод.

Ответ о вреде или пользе развлечений может быть дан лишь индивидуально для каждого человека, в зависимости от его душевного состояния или степени духовного возраста.

Вместе с тем следует учитывать, что надрыв в духовной жизни опасен и несвоевременный подвиг воздержания для незрелого духовно христианина может принести вред. Господь говорил: «Милости хочу, а не жертвы» (Мф. 9, 13) и зовет к полноте отданности Богу лишь «могущим вместить».

Глава 37. Уединение

Все лучшее рождается, вынашивается и творится в уединении. Еп. Аркадий (Лубенский)

Как говорилось уже выше, со своей первой – утренней и внимательной молитвы христианин отходит очищенным, обновленным духом и умиротворенным. Как сохранить возможно полнее эту тишину духа в течение дня? Одним из главных и надежных средств для этого является достижение

возможно большего уединения, для устранения себя от мира страстей и суеты и от тех, кто носит в себе эти страсти и суету.

Как пишет прп. Варсонофий Великий:

«Пока ты пребываешь с людьми – ожидай скорбей, опасностей и приражения мысленных ветров. Когда же достигнешь в уготованное тебе (пристанище безмолвия), тогда не будешь иметь страха».

Как советует старец Парфений Киевский:

«Все средства употребляй для снискания мира душевного, и ничем, кроме молитвы и уединения, не обретешь его».

Поэтому благо тем счастливым, которые любят и ценят уединение и имеют возможность пользоваться им. Хорошо и тем, кто в какой-то мере еще может приобщаться к нему. Но как трудно тем, кто не имеет возможности уединяться хотя бы по временам – на несколько часов в день.

Христиане, если они действительно Христовы, должны иметь желание, чтобы в их душах отображался Сам Христос. Они должны стремиться, чтобы эта власть Христа над душой была возможно полнее, ничто бы ей не соперничало, ничто бы не мешало подражать Христу. Поэтому наиболее ревностные из христиан бежали от мира, уединялись, жили в монастырях, пустынях и затворах. Там они достигали того тесного единения со Христом и той полноты отображения в себе Его образа, которая, может быть, уже более будет невозможна людям последнего времени, когда не будет ни пустынь, ни монастырей, ни уединения.

Как пишет прп. Антоний Великий:

«Всякий, желающий быть истинно духовным подвижником, должен стараться держать себя вдали от шумного многолюдства и не приближаться к нему, чтобы быть и телом, и сердцем, и умом вне смятения. Господь наш показал нам образец удаления от людей и уединения, когда Один особо восходил на гору для молитвы. В мире врагу удобнее теснить нас своими орудиями и внешними, и внутренними: так, привлекая к себе некоторых людей как пособников и подручников, ему послушных, он при посредстве их ведет брань против верных».

О том же пишет и прп. Исаак Сириянин:

«Кто любит собеседование со Христом, тот любит быть уединенным. А кто любит оставаться со многими, тот друг мира сего. Если любишь покаяние, возлюби и безмолвие. Ибо вне безмолвия покаяние не достигает совершенства».

Здесь следует упомянуть, что не только подвижники искали уединения, но и многие из мудрых светских людей очень ценили его.

Так, например, известный английский писатель Вальтер Скотт говорил, что если бы ему предложили на выбор жизнь, полную довольства и богатства, но лишили бы его возможности оставаться на несколько часов наедине с собой самим, и с другой стороны – одиночную камеру в тюрьме, то он выбрал бы последнее.

«Все лучшее рождается, вынашивается и творится в уединении», – пишет епископ Аркадий (Лубенский).

Духовная жизнь нежна, и звуки неба едва уловимы для нашего так слабо развитого внутреннего слуха. И можно ли среди канонады дневных впечатлений – суеты и страстей мира – услышать нежные мотивы райских мелодий и тихие голоса небожителей?

Звезды всегда сияют в безоблачном небе, но можем ли мы их видеть в ослеплении солнечного дня? И лишь когда глаз сохранен от ярких впечатлений света, то он делается способным к восприятию мерцающих тихим светом звезд.

Так, только в уединении мы сможем прислушаться к внутренним нежным голосам совести и ангела хранителя и уловить те посылаемые нам от Господа мысли, которые направляют нас к жизни духа и обличают нас во грехе, нерадении и преданности суете.

Поэтому уединение нужно всем христианам, чтобы найти свою душу, заглянуть в свое сердце, понять свою греховность, разглядеть пятна на своей духовной одежде.

Уединение – это «санаторий», где можем излечивать себя от духовных болезней – греха и страстей, где мы спасаем себя от постоянной опасности нового заражения грехом и имеем

возможность побеседовать с врачами душ (Священное Писание и духовные книги) и принимать регулярно и в полной мере духовное врачевство – молитву. В какой-то мере эти условия духовного роста должны иметь место для всякого христианина, какое бы положение в обществе он ни занимал.

Прп. Никодим Святогорец дает такой совет подвижающимся в «невидимой брани»:

«Всячески старайся сколько можно более уединяться как внутренне, так и внешне, чтобы всеми силами души предаться таким деланиям (начиная с молитвы), которые особенно сильны воздвигать крепкую любовь к Богу. Люби, сколько можешь, молча сидеть с Марией (Лк. 10, 39) у ног Христа и внимай тому, что будет говорить Он душе твоей. Смотри, чтобы враги твои, из которых самый большой ты сам, не помешали этому святому твоему пред стоянию в молчании Господу».

«Всячески старайся сколько можно более уединяться как внутренне, так и внешне, чтобы всеми силами души предаться таким деланиям (начиная с молитвы), которые особенно сильны воздвигать крепкую любовь к Богу.

Один святитель так писал об этом же своей духовной Дочери:

«Должно вести жизнь, насколько возможно замкнутую и уединенную, так, чтобы не обращать на себя внимание других и своего на других», и что «самопознание – лучшее из знаний, и тому смерть тяжела, кто, будучи слишком известен всем, умирает, не зная себя».

Необычайно высоко ценил пользу от уединения старец Парфений Киевский. Он говорил:

«Неизреченная польза проистекает от уединения. Однако уединение внешнее должно сопровождаться уединением внутренним. Только совершенное удаление человека – телом и мыслию, может даровать мир душевный. Однако без молитвы нельзя снести уединения; без уединения нельзя стяжать молитвы; без молитвы же никогда не соединишься с Богом, а без сего соединения сомнительно спасение. Если Бог с нами невидимо на земле – это знамение, что будет с нами и

на небеси. Если же не узрим сердцем на земле Бога, и в небе не узрим. Поэтому уединение и молитва выше всякого блага».

Св. Василий Великий так оценивает действие уединения:

«Безмолвие есть начало очищения души. Ибо когда во внешних членах прекратится внешний мятеж и развлечение во внешности, тогда ум от внешних развлечений и парения возвращается в себя и успокаивается в себе, а сердце пробуждается к исследованию внутренних душевных мыслей».

А один из безмолвников говорил:

«Когда при продолжительности безмолвия утихает сердце мое от мятежа воспоминаний, тогда посылаются мне непрестанно волны радости внутренними помышлениями, сверх чаяния внезапно приходящими к услаждению сердца моего».

Тем, кто умеет пользоваться уединением и безмолвием и видит в себе духовные плоды от них, опасно их нарушение.

Св. отцы говорят, что всякий уединенник, который покидает свою келью, возвращается в нее не тем, каким вышел: мир разрушает его духовную собранность, лишает его в какой-то мере плодов Святого Духа.

Однажды прп. Антоний Великий оставил свою гору, чтобы посетить одного военачальника по неотступной просьбе последнего. По окончании беседы преподобный заспешил в обратный путь.

На просьбу военачальника остаться преподобный ответил:

«Как рыбы, оставаясь долго на сухой земле, умирают, так и монахи, замедляя с вами и проводя время в вашем обществе, расслабевают. Поэтому, как рыбе должно спешить в море, так и нам на гору, чтобы промедлив у вас, не забыть того, что внутри».

Как пишет о. Александр Ельчанинов:

«Наша обычная жизнь, вся сплошь занятая делами и почти ни минуты не оставляющая, чтобы передохнуть и опомниться, серьезно вредит тому подсознательному, что должно созреть в тишине и некоторой бездеятельности».

Хотя мы и очень далеко стоим от высоты духа уединенников и не имеем возможности подражать им в их

подвиге, все же и в своей жизни мы можем и должны использовать их опыт, их знание законов духовной жизни и в какой-то, хотя и слабой, мере применять их на своем пути к Царству Небесному.

Поэтому христианину, который умеет ценить и пользоваться (в духовном отношении) уединением, надо по возможности избегать таких дел, которые нарушают уединение.

Нам надо помнить, что уединение – это наша свобода от рабства окружающей нас суеты мира.

И бесценно уединение, если душа христианина ищет прежде всего пребывания с Богом в непрестанной молитве и богомыслии.

Приложение к главе 37-й

Следует упомянуть, что в практике духовного руководства Католической церкви имеется специальное удаление от общения с людьми на некоторое время, практикуемое как для иноков, так и для мирян.

Срок подобного удаления бывает длиннее или короче (месяц или более), смотря по желанию уединяющихся и в зависимости от того, уединяется ли духовное лицо или светское.

Проводится это уединение при монастырях под опытным духовным руководством. Время уединяющегося строго распределено: молитва, духовное чтение и занятия, размышления, наставления, отдых – чередуются и наполняют день.

Есть такой рассказ. Один отец, умирая, призвал непокорного и распутного сына и взял с него обещание, что тот в продолжение месяца ежедневно будет проводить полчаса, сидя один в комнате отца.

Сыну вначале очень не хотелось так делать, но помня, что это была последняя просьба покойного, он счел долгом выполнить данное им обещание.

Сначала обещанные полчаса показались ему тягостными. Но потом в раздумьях о своем отношении к покойному отцу, о тех огорчениях, которые он ему приносил, о своей неразумной жизни его сердце стало размягчаться, и он все дольше и

дольше стал оставаться в комнате отца. Наконец, он полностью осознал свое нравственное падение, духовно возродился и стал истинным христианином.

Глава 38. Недоверие к себе

Смотрите, поступайте осторожно...Еф. 5, 15

Помимо воздержания христианину надо проявлять всегда, каждый день и недоверие к себе.

Нет точного обозначения этой добродетели. В миру недоверие к себе скорее считают пороком и почитают самоуверенность положительным качеством характера. Однако с духовной точки зрения это не так.

Даже Соломон – мудрейший из людей своего времени – считал необходимым в каждом деле искать совета у других людей.

Христианин же всегда должен помнить о глубокой испорченности человеческой (и своей) души и о постоянной опасности для себя услышать внутренним ухом лукавые советы и внушения со стороны своих врагов – темных сил.

К величайшей осторожности в словах и тем более поступках ведет христианина и та «нищета духа», которая поставлена Господом как первая ступенька при восхождении по заповедям блаженства (Мф. 5, 3).

Как говорилось уже ранее: всякую добродетель красит мера. Недоверие к себе должно проявляться у христианина в постоянном самоконтроле, в тщательной проверке каждого своего слова, желания и решения.

Эта проверка иногда должна быть достаточно быстрой, если дело идет о том, чтобы, например, в разговоре сразу дать ответ на серьезный вопрос.

Но в тех случаях, когда имеется возможность отсрочить важный ответ, то надо попросить у собеседника время для того, чтобы подумать. Имея для того возможность, надо помолиться на свободе, чтобы Господь прояснил ум и сердце познало волю Божию.

Так поступал, например, великий старец архиепископ Арсений (Чудовской). При важных вопросах его духовных детей

он просил прийти за ответом на другой день.

Как говорилось уже ранее, египетский старец св. Памва также имел обыкновение отвечать не сразу.

В других случаях, когда задумывается какое-либо большое и серьезное дело, например женитьба, выход замуж, переселение в другую местность, выбор себе профессии или ее изменение, то, может быть, должны пройти месяцы (если не годы) для того, чтобы дело было тщательно продумано и решен вопрос – согласуется ли предполагаемое решение с волей Божией.

Как проверить себя, никогда не доверяя себе? При случаях, не терпящих отлагательства (как, например, при ответе на вопрос), естественно, у человека остается лишь возможность вспомнить о Боге и без слов – одною мгновенною мыслью – попросить у Него помощи для правильного ответа или мгновенного решения (например, при внезапной опасности).

В противоположном случае, когда время терпит и решение можно отложить, надо начать молиться каждый день (а может быть, и несколько раз в день), чтобы Господь вразумил (как о том говорилось в главе о послушании в части 3).

Вопрос упрощается тогда, когда у христианина есть духовный отец или старец, к которому имеется полное доверие и к которому христианин проявляет послушание во всех делах.

Если нет такового, то кроме усердной молитвы, христианину надо искать совета у опытных в данном деле людей. Если таких несколько, то в серьезных делах надо посоветоваться со всеми и затем снова молиться, чтобы Господь открыл, кто из советчиков говорит действительно в согласии с волей Божией.

Между этими двумя крайностями – необходимости сразу принять решение и возможности длительной отсрочки – в жизни чаще бывают промежуточные положения: решение своего ума нужно осуществить в жизни, но, однако, без долгого отлагательства.

И в этом случае христианину надо проверять себя, также прежде всего молитвой, и просить Бога о прояснении ума.

Затем надо заставить себя спокойно отнестись к делу и не иметь пристрастия ни к одному из возможных решений вопроса. Сознывая и скудость своего ума, и свои слабости и пристрастия к кому-либо или к чему-либо, надо постараться заранее отрешиться от них, благодаря Господа за любое решение вопроса. В молитве Господу надо сказать: «Я ничего не знаю сам, ничего не могу понять верно, но я хочу лишь Твоей святой воли и хочу узнать решение вопроса от Тебя – Премудрого и Всеблагого. Открой мне его путями, которые Ты Один знаешь».

Как советует старец Варсонофий Великий, надо помолиться об этом три раза, через некоторые промежутки времени, подражая Господу, молившемуся три раза в Гефсиманском саду.

И христианин, всецело преданный воле Господней, получит указание Его воли.

В одном случае может случиться, что сами обстоятельства в деле укажут на единственно возможное решение вопроса.

В другом случае христианин услышит от кого-либо такой мудрый совет, который не оставит в нем сомнения, что через его уста Господь открыл Свою волю.

В третьем случае просящий вразумления ясно осознает единственно правильное решение вопроса с безусловной уверенностью в согласии этого решения с волей Господней.

При искреннем желании христианина творить не свою, а Божию волю Господь несомненно даст знать ее душе христианина тем или иным путем.

Будем помнить Его обещания: «Просите, и дано будет вам; ищите и найдите; стучите, и отворят вам; ибо всякий просящий получает, и ищущий находит, и стучащему отворят» (*Мф. 7, 7–8*).

Это залог того, что в определенный момент, хотя бы и не сразу, христианин найдет правильное решение всякого жизненного вопроса в согласии с Божией волей и с высоким предназначением каждого христианина на пути его служения Господу.

Глава 39. Молчаливость и сдержанность в словах

...Сокровенный сердца человек в нетленной красоте кроткого и молчаливого духа. 1Пет. 3, 4

Буду обуздывать уста мои. Пс. 38, 2

В течение всякого дня христианину надо стремиться и к проявлению молчаливости – заботливого ограничения себя в словах, не вызванных действительной необходимостью.

Вместе с другими добродетелями молчаливость украшает человеческую душу. Эта сокровенная красота не бьет в глаза, от многих закрыта и не просто распознается.

Главными ее признаками служат, по словам апостола Петра, наличие в человеке кротости и молчаливости.

Однако не всегда молчаливость и сдержанность в словах соединены с кротостью. Бывает иногда молчаливость, соединенная с ограниченностью – скудостью душевного содержания и нелюдимостью.

Но есть другая молчаливость, когда сердце человека отображает красоту Христа; тогда вместе со смирением и кротостью человек проявляет и молчаливость. Она как бы дополняет ту гармонию добродетелей, которая расцветает в душе истинного христианина.

Чаще всего молчаливость является природной чертой характера. Но ее можно и развить в себе, хотя это и не легко. Так, древнегреческая школа пифагорейцев для начала обучения мудрости налагала на уста своих учеников длительное молчание. И всегда мудрецы всех веков одобряли молчаливость.

Премудрый Соломон пишет: «Кто хранит уста свои, тот бережет душу свою» (Притч. 13, 3); «При многословии не миновать греха» (Притч. 10, 19); «Голос глупого познается при множестве слов» (Еккл. 5, 2).

Один святой отец говорил:

«Я никогда не раскаивался в том, что молчал, и очень часто сожалел о том, когда говорил».

Прп. Варсонофий считал, что «многоглаголение оскверняет человека».

А прп. Антоний Великий пишет:

«Умен тот, кто Богу угождает и больше молчит, или, если говорит, то говорит не много и только нужное и удобное Богу».

«В раю много покаявшихся грешников, а говорливого нет ни одного», – говорил старец Зосима из Троице-Сергиевой Лавры.

А авва Агафон Египетский своим ученикам заповедал:

«Не давать себе воли говорить и вмешиваться в такие дела, которые тебя не касаются».

Недаром народная мудрость говорит: речь – серебро, а молчание – золото.

Итак, при многословии трудно не согрешить. Тогда в душе появляется грусть, что является, по словам епископа Феофана Затворника, признаком «того, что мы через разговор удалились от Господа».

Молчаливость – это вместе с тем исполнение заповеди Христа: «И если правая рука твоя соблазняет тебя, отсеки ее и брось от себя, ибо лучше для тебя, чтобы погиб один из членов твоих, а не все тело твое было ввержено в геенну (*Мф. 5, 30*).

На основе этих слов Господа, при желании совершенно обезопасить себя от греха в слове, некоторые подвижники брали на себя подвиг молчания. Последний вместе с тем имеет и еще положительные стороны: он дает возможность молчаливкам все свое время посвятить молитве и вниманию к внутренней жизни, ничем не отвлекаясь от нее, никакими разговорами и беседами с людьми. Прп. Иоанн Лествичник так говорит про связь молчаливости с преуспеванием в молитве:

«Благоразумное молчание есть мать молитвы... любитель молчания приближается к Богу и тайно беседует с Ним, просвещается от Него».

А прп. Исаак Сириянин пишет:

«Сперва будем принуждать себя к молчанию, и тогда от молчания родится в нас нечто, приводящее к самому молчанию. Да подаст тебе Бог ощутить нечто, рождаемое молчанием. Если же начнешь молчаливым житием, то не умею и сказать, сколько света воссияет тебе отсюда... Если сохранишь язык свой, то от Бога дастся тебе, брат, благодать сердечного умиления, чтобы при помощи ее

увидеть тебе душу свою и благодатию умиления войти в радость Духа».

Для тех же, кто думает о душе, ищет ее спасения, знает цену уединения, стремится жить внутренней жизнью и быть близким к Богу, для тех говорливые друзья или близкие являются помехой в их работе над собой, препятствием на пути к исканию внутри себя Царствия Небесного.

«Между духовным ростом и многословием – обратная пропорциональность», – говорит о. Александр Ельчанинов.

Если произвести анализ тех основ души человеческой, которые сообщают ей свойство говорливости, то мы найдем нижеследующее:

Говорливость прежде всего свидетельствует о самомнении, т. е. гордости человека. Такой человек, находясь в обществе, считает себя наиболее достойным, чтобы говорить и чтобы его слушали все остальные. Он думает, что затронутый в разговоре вопрос он может осветить лучше всех и потому спешит взять слово и говорит долго, не давая места другим.

Говорливость свидетельствует, затем, о легкомыслии. Большое количество слов и мыслей болтливого человека не могут быть глубокими и ценными, как слишком скороспелые плоды. Мудрым мыслям и решениям надо время, чтобы созреть. Как и во всяком творчестве, так и в творчестве слова требуется время для достижения совершенства.

Здесь можно вспомнить случай из жизни американского писателя Марка Твена.

Он как-то произнес очень интересную речь на одном собрании. Его друзья поздравляли его с успехом и удивлялись его таланту произносить речи «экспромтом» (т. е. без подготовки), как это им казалось.

Марк Твен тогда сознался одному из них:

«Этот «экспромт» стоил мне нескольких бессонных ночей для того, чтобы его продумать».

В-третьих, болтливость есть проявление эгоизма и ограниченности ума. Говорливый человек, повинувшись склонности к болтливости, обычно не дает себе отчета о цели того, для чего ему надо было говорить то или другое.

Он быстро перескакивает от одной мысли к другой и никогда не дает себе труда проверить, надо ли действительно высказывать вслух вновь появившуюся мысль.

Он не задается вопросом, чем интересуется собеседник, и эгоистично навязывает ему тот поток мыслей, газетные новости, рассказы из своей жизни и т. п., которые сейчас случайно текут у него в голове. Он, таким образом, чаще всего насилует внимание своего собеседника, заставляя слушать о вещах, не интересующих собеседника.

К сожалению, в обществе обычно считается неприличным молчать со знакомыми при их посещении дома. Между тем, не было ли бы иногда более целесообразным, при необходимости длительного совместного проведения времени, предложить друзьям и знакомым, помимо собеседования, также поинтересоваться хорошими книгами или альбомами?

Интересно, что в Лондоне имелся клуб «молчальников». Первым параграфом устава этого клуба было запрещение в стенах его каких-либо разговоров. Здесь можно было дать отдых своей нервной системе, переутомленной условиями жизни большого города, и спастись от знакомых и друзей, больных «логореей», как в медицине называют болезнь чрезмерной говорливости.

В ряде случаев жизни молчание можно особенно рекомендовать или даже считать его необходимым.

Так, нам нужно молчать тогда, когда наши собеседники осуждают кого-либо и нам следует бояться быть соучастником в осуждении.

Не следует отвечать и при похвалах нас или лести. Здесь отрицание наших заслуг или достоинств может оказаться подчеркиванием в себе скромности и смирения, т. е. рисовкой – «смирением паче гордости». Св. отцы в этих случаях всегда рекомендуют молчание. Оно показывает, что мы отказываемся сами принимать какое-либо участие в обсуждении вопроса о наших достоинствах.

При этом надо следить и за своим сердцем, чтобы похвала не дошла до него и не возбудила бы гордости и тщеславия и мы не почувствовали бы себя действительно достойными похвалы.

Поэтому при похвалах надо в душе сейчас же внутренне унижить себя пред Богом как недостойнейших и ничего доброго не сделавших. Иначе услышанная похвала окрадет нас и отнимет надежду на воздаяние от Господа в том мире, где мы только и должны «собирать себе сокровища» (Мф. 6, 20).

Следует терпеливо молчать и тогда, когда собеседник еще не кончил своей речи. Перебивать собеседника является безусловно предосудительным. Еще премудрый Соломон писал в своих Притчах: «Кто дает ответ, не выслушав, тот глуп, и стыд ему» (Притч. 18, 14).

Есть и еще одна причина, когда неизбежно молчание. Это, как говорит Н.:

«Молчание души, переполненной невыразимым. Его знают поэты: они тщетно борются с бедностью языка, при которой в известные моменты «мысль изреченная есть ложь»».

«Лишь в ограниченных пределах возможно выражение Божественной истины человеческим словом», – говорит схиархимандрит Софроний.

«Как беден наш язык, хочу и не могу... Не передать того ни другу, ни врагу, Что буйствует в груди прозрачною волной. Напрасно вечное томление сердец, И клонит голову маститую мудрец Пред этой ложью роковой», – пишет Фет.

Говорят, что «дипломатам язык дан для того, чтобы скрывать свои мысли».

В испорченном мире некоторые люди являются до известной степени такими дипломатами и, применяя ложь и лицемерие, с помощью языка стараются скрывать свое истинное лицо и свои мысли.

Поэтому не по разговорам только надо постигать иных людей: разговоры иногда скорее могут сбить с толку. Есть возможность постижения людей, их чувствований и их отношения к себе помимо языка.

Так, в произведении «Сокровище смиренных» Метерлинк описывает содержание разговора без слов.

При встрече двух людей, еще до того как они произнесли хотя бы одно слово, между ними уже произошел целый обмен

мыслей и чувств, заранее решающий в значительной степени все дальнейшие их взаимоотношения.

По взгляду встретившегося нам человека, по выражению его лица, позе, по характеру пожатия руки наша душа интуитивно уже в какой-то степени оценила человека и поняла отношение к нам встречного, расшифровала гамму промелькнувших в уме его мыслей и охвативших его чувств и со своей стороны ответила ему многими мыслями, окрашенными соответствующими чувствами, выражая их в своем взгляде, игре черт лица, позе и рукопожатии. В таком непринужденном разговоре без слов значительно менее может быть лжи и лицемерия, особенно когда встреча была внезапной и к ней не готовились. Здесь сердца говорят одно другому: а сердце не умеет лгать, как лгут уста. Поэтому истинное познание сущности человека достигается более интуицией – является познанием сердцем, а не умом.

Развитие же способности к подобному постижению достигается посредством предварительного постижения самого себя и очищения своего сердца.

Итак, по мере движения человека к совершенству, дается ему способность видеть и понимать души окружающих его, даже не прибегая к посредству слова, постигать их в молчании, когда говорят между людьми их сердца.

Кто-то из святых сказал, что «слова – орудия этого века; молчание – таинство будущего века». Если в этом веке уста могут говорить ложь и скрывать за словами состояние своего сердца, то в том веке ложь, вероятно, вообще будет невозможна. Обмен душ мыслями без слов, т. е. разговор сердцами, исключает возможность лжи и обмана.

Предел молчаливости – «священное молчание», которого достигают лишь великие из подвижников. Про последнее так говорит Н. в своей книге «Путь чистоты и священного молчания»:

«Когда действием благодати Божией, в результате победы над темной стихией греха, будет достигнуто «умирение помыслов», когда мир и божественная тишина безмолвия низойдут на душу, тогда услышит она, как

доносятся до нее голоса иных миров, и начнет познавать тайны неведомые и в слове невыразимые».

Как достичь молчаливости? Она развивается у человека тогда, когда он приучается непрерывному вниманию к внутренней жизни, приучается следить не только за всяким своим поступком, но и за всяким словом, чувством и пожеланием.

Иначе говоря, оно есть плод его непрерывного «трезвения» и духовной бодрости. Когда поймет человек полноту ответственности за всякое свое пожелание и слово, когда захочет во всем, в самых малых вещах, творить не свою, в Божью волю, тогда уста его будут не легко и не всегда открываться.

Развивается молчаливость и с возрастанием человека в смирении и кротости.

Вместе с тем теряет человек склонность к говорливости и тогда, когда душа его поймет истинную цену житейской суеты и глубоко задумается над смыслом и целью жизни человеческой, постигнет несоизмеримость временных мирских ценностей с тем, что ждет его в вечности.

Но как и во всякой добродетели, и в молчаливости нужна рассудительность, и бывают положения, когда молчание является предосудительным и будет поставлено нам в осуждение.

Прп. Серафима спросили: предпочитать ли молчание словам?

Он ответил: «Когда надо – не воструби, а когда надо – не премолчи».

А прп. Варсонофий хотя говорит, что «многоглаголение оскверняет человека», но вместе с тем дает такое определение молчаливости:

«Не в том состоит молчание, чтобы молчать устами; ибо один человек говорит тысячи слов полезных, а другой скажет одно праздное слово – и оно вменяется ему в поправление учений Спасителя».

Также бывают случаи, когда мы обязаны бываем давать ответ о нашей вере в Иисуса Христа. Для этого случая Господь

говорит: «Ибо кто постыдится Меня и Моих слов в роде сем прелюбодейном и грешном, того постыдится и Сын Человеческий, когда приидет в славе Отца Своего со святыми Ангелами» (Мк. 8, 38). А ап. Петр пишет: «Будьте всегда готовы всякому, требующему у вас отчета в вашем уповании, дать ответ с кротостью и благоговением» (1Пет. 3, 15).

Нельзя молчать и уклоняться и тогда, когда мы можем защитить ближних от обиды, нападок, несправедливых укоров и упреков. Здесь наша совесть укажет нам, что молчание недопустимо, и будет свидетельствовать при молчании лишь о нашем бесчувствии, немилосердии или трусости.

Вместе с тем молчаливость и сдержанность в словах не должны переходить у христиан, живущих в миру, в нелюбимость, обособленность и неприветливость. Общительность является обязательной добродетелью христианина, и ап. Павел в своих посланиях указывает на это. Он пишет к Тимофею: «Чтобы они (богатые. – *Авт.*) благодетельствовали, богатели добрыми делами, были щедры и общительны» (1Тим. 6, 18).

Здесь, однако, следует оговориться: и при общительности надо проявлять рассудительность. Так, прп. Исаак Сириянин пишет:

«Будь дружен со всеми, а мыслью своею пребывай один».

Можно думать, что в этом совете прп. Исаак рекомендует христианам всегда ощущать не только собеседника, но и Бога в своей душе, т. е. непрестанно тайно молиться.

Глава 40. Скрытность

Будьте мудры, как змии. Мф. 10, 16

Кроме молчаливости и сдержанности в словах христианину в ряде случаев необходимо проявить в жизни и скрытность.

Господь сказал: «Не давайте святыни псам и не бросайте жемчуга вашего перед свиньями, чтобы они не попрали его ногами своими и, обратившись, не растерзали вас» (Мф. 7, 6).

Поэтому христианин в отношении своей веры и своих убеждений должен быть осторожен, скрывая своя «святая

святых» от нескромных взглядов, непонимания и насмешек людей мира.

В этом случае скрытность не есть порок, а добродетель. Примеры скрытности в некоторых случаях показывал Сам Господь.

В Евангелии говорится, что Он «не вверял Себя» людям (Ин. 2, 24). Также, когда братья Его предлагали Ему идти в Иудею и «явить Себя миру», то Он отказался от этого и сказал им, что «Я еще не пойду на сей праздник». Однако, позднее «Он пришел на праздник не явно, а как бы тайно» (Ин. 7, 3–10).

Также многим, исцеленным Им от болезней, Он запрещал рассказывать об этом другим (Мк. 7, 36; 1, 44; 8, 26–30; 9, 9; Мф. 8, 4; 16, 20; Лк. 5, 14), не желая того, чтобы народ видел в Нем только врача телесных болезней.

Следует вспомнить, что многое из того, что Он открывал Своим апостолам, Он открывал не всем им, а только тем, кого Он считал подготовленными к этому.

Так, при воскрешении дочери Иаира, при преображении на горе Фавор и при молитве Господа в Гефсиманском саду были допущены присутствовать лишь три Его апостола из числа двенадцати – Петр, Иоанн и Иаков (Лк. 8, 51; Мф. 17, 1; Мф. 26, 37).

Примеры скрытности имеются и у святых Христовой Церкви. Про одну из причин, которая заставляла их не говорить о себе, так пишет схиархимандрит Софроний:

«Через всю историю христианства можно проследить великую осторожность святых подвижников, когда, казалось бы, надлежало поведать откровенно об опыте, им данном. Эта осторожность вызвана, с одной стороны, сознанием, что если бы люди, которые вообще боятся страданий и малодушно не идут даже на малый подвиг, узнали о понесенных ими (святыми) трудах и скорбях, то просто отшатнулись бы от христианства. С другой стороны, святые отцы знали, что когда Бог призывает на этот подвиг Своей благодатью, тогда то, что не познавшим любви Божией кажется несносным, предстает (самим святым) совсем в ином образе».

Христианину в жизни нужна вообще большая осторожность. Он для мира чужд по духу, между христианином и человеком мира очень мало общего в их сердечных стремлениях.

Христос говорил ученикам: «Я посылаю вас, как овец среди волков: будьте мудры, как змии» (*Мф. 10, 16*). Эта мудрость должна проявляться в том, чтобы христианин предохранил себя от мира, который мог бы преследовать его и изгонять как чуждую ему «белую ворону».

Скрывая свою «белизну» от мира, стремясь не навлекать на себя внимание мира, пусть христианин вспомнит о насекомых и их «мимикрии» – приспособлении своего вида к другим насекомым и окружающей обстановке.

Так, некоторые безобидные насекомые подражают своим видом жалящим осам, пчелам и муравьям и этим спасаются от нападений и преследований. Другие подражают сухим листьям и являются как бы придатками сухих растений, незаметными для глаза, и т. п.

Так и христианин должен соответствовать по обычаям, костюму и внешнему образу жизни той среде, в которой он живет. В разговоре он тоже не должен резко отличаться от других и для видимости иногда интересоваться и теми вопросами, к которым совсем холодна его душа.

Так, к внешней среде считал долгом приспособливаться ап. Павел, чтобы иметь успех в проповеди и не оттолкнуть сразу от себя тех, кто впоследствии мог стать христианином. Он пишет коринфянам: «Для Иудеев я был как Иудей, чтобы приобрести Иудеев; для подзаконных был как подзаконный, чтобы приобрести подзаконных; для чуждых закона – как чуждый закона... для немощных был как немощный» (*1Кор. 9, 20–21*).

Эти как будто притворство и скрытность были величайшей мудростью, так как позволяли апостолу сближаться с людьми, не отпугивая их резкою разницею мировоззрения, взглядов и обычаев.

Христианин без особой нужды не должен говорить другим и о своих делах или делах близких. Скрытностью своей он предохраняет себя от тщеславия, а отсюда и от гордости. Он,

может быть, избавит этим и своего ближнего от искушения завистью или осуждением.

Как говорил прп. Серафим Саровский:

«Не должно без нужды открывать другому сердца своего; из тысячи найти можно только одного, который бы сохранил твою тайну. Когда мы сами не сохраним ее в себе, как можем надеяться, что она может быть сохранена другими?»

Для этого случая у японцев имеется такая поговорка: когда ты доверяешь тайну своему другу, то не забудь, что у него есть свой друг...

Вместе с тем зачем навязывать другим свои дела и интересы, если только те сами не просят сообщить им о них? При этом особенно тщательно должен скрывать христианин свои добрые дела, следуя при этом заповедям Господа о необходимости скрывать как дела милосердия, так и молитву и пост (*Мф. 6, 1; 6, 6; 6, 18*).

Прп. Варсонофий Великий своим ученикам говорил: «Старайся скрывать все, что ни делаешь доброго» (*Отв. 254*).

Также и прп. Серафим Саровский советовал скрывать от взоров людей все свои духовные достижения, способности и дары. Он говорил:

«Что есть лучшего в сердце, того мы без надобности не должны обнаруживать; так как только тогда собранное остается в безопасности от видимых и невидимых врагов, когда оно как сокровище хранится во внутренности сердца. Не всем открывай тайны сердца твоего. Если же не скроешь в себе сокровище дарований, то потеряешь его и не найдешь».

То же утверждает и архимандрит Иоанн (Шаховской):

«Злое (чужое) утаивать надо, чтобы никого не замарать. Доброе (свое) утаивать надо, чтобы не расплескать. Утаивать надо ради пользы всех. Скрывание душою своею зла иногда бывает необходимостью духовной; скрывание своего добра почти всегда бывает мудростью и праведностью. Не всякая непрямота есть неправда».

Епископ Феофан Затворник писал:

«Сколько можно скрывают свои дела по жизни духовной, и ни во взоре, ни в разговорах, ни в других отношениях не обнаруживают их».

Подобная скрытность идет об руку со скромностью, совершенно очевидной добродетелью.

Бывают и еще причины для скрытности у христианина. Это в том случае, когда христианин бывает не в силах победить своей неприязни к какому-либо человеку. Хотя это и будет лицемерием, но нужно и в этом случае проявить к человеку хотя бы внешнее благорасположение. Как говорит св. Иоанн Златоуст: «Если нечисто у тебя сердце, пусть чисты будут хотя бы уста твои».

В ряде случаев христианин бывает вынужден молчать, чтобы не покривить душой и не говорить неправды. Но не всегда бывает удобно молчать. Чтобы выйти из подобных затруднений, нужна большая доля мудрости и рассудительности. Поясним это на следующем примере.

После своего крещения великомученик Пантелеимон пробыл семь дней у старца Ермолая. Когда он пришел домой, отец (бывший тогда язычником) спросил у него, где он был. Святой отвечал: «Был с учителем у Царя во дворце: лечили больного, которого Царь очень любит, и не отходили от него семь дней, пока не возвратили ему здоровье».

Великомученик говорил правду, так как понимал под царем Христа, под учителем – старца Ермолая, а под больным – свою душу. Он говорил иносказательно и своею мудростью сумел не озлобить отца.

Но не всегда такое иносказание может удался и не все сумеют так сделать.

Про такие случаи авва Дорофей пишет, что «могут быть исключения, когда и случается такое дело, что бывает крайность скрыть мало, а если кто не скроет мало, то дело приносит большое смущение и скорбь». Для такого случая как для крайней нужды авва допускает сказать неправду.

В житиях святых можно найти подобные случаи искажения правды ради благого намерения.

Так, св. Иулиания Лазаревская (память 2 января) обычно отличалась воздержанием в пище и мало ела.

Во время голода Иулиания стала уносить пищу к себе в комнату в большом количестве, а затем тайно раздавать ее голодным.

Свекровь была удивлена переменой в аппетите Иулиании и спросила ее о причине этой перемены.

Святая не сказала правды. Она отвечала свекрови: «Когда я не рождала детей, мне не хотелось так есть; теперь же я от родов обессилела и мне хочется есть не только днем, но и ночью, но я стыжусь просить у тебя пищи на ночь».

Этот ответ святой имел последствием то, что обрадованная свекровь стала присылать ей пищу и на ночное время, что позволило Иулиании усилить помощь голодным.

Назидательным примером служит и следующий рассказ из древнего патерика.

Два старца-пустынника были во вражде между собой. Однажды один из них послал своего послушника к другому старцу с поручением, причем он велел передать тому обидные для того слова.

Дорогою послушник думал: «Не могу я передать старцу того, что сказал мне авва, так как от этого вражда их усилится еще более». Придя к старцу, он сказал: «Авва кланяется тебе в ноги и просит прощения у твоей святости».

С первого момента сердце старца не размягчилось от этих слов и в ответ он велел передать также обидные для аввы послушника слова.

Придя обратно, послушник, однако, опять изменил речь старца и сказал своему авве: «Старец плачет от сожаления о прошлом и просит простить его, как и Христос велит всем прощать».

Слова смирения пали на сердце обоим старцам, и проснувшаяся совесть заставила их идти друг к другу. Встретившись на дороге, они пали друг другу в ноги, искренно прося прощения, и с тех пор жили во взаимной любви.

Описывая необходимость искажения правды в подобных случаях, авва Дорофей, однако, добавляет, что к этому следует

прибегать, «как к опасному лекарству, лишь в крайних случаях и очень редко и делать это со страхом и трепетом, показывая Богу и произволение свое, и необходимость, и тогда он будет прощен, но вред он все-таки получает».

О последнем нам надо помнить всегда и к неправде в словах прибегать, действительно, как к крайнему средству и, слушаясь аввы Дорофея, просить Бога о прощении нас за искажение истины ради нашего благого намерения.

Пища

Глава 41. Принятие пищи

Он взял пять хлебов и две рыбы, воззрев на небо, благословил и преломил хлебы и дал ученикам...Мк. 6, 41 благословил и преломил хлебы и дал ученикам...

Каждый день христианин принимает пищу.

Принятие пищи христианином – это принятие из рук Господа даров, поддерживающих нашу жизнь.

Отсюда к вкушению пищи должно быть благоговейное отношение. Перед чудесным насыщением Господь велел народу возлечь на траву, т. е. приготовиться к принятию пищи. Перед трапезой Он вначале благодарил Бога, а затем уже преломлял хлеб(Ин. 6, 10–11).

Прпп. Варсонофий Великий и Иоанн дают такое указание:

«Хорошо и мирским людям, приступая к пище, благословлять Бога, ибо памятью о Боге освящается пища... употреблению пищи, питья и сна да предшествует благодарение».

Такой же совет дает и о. Иоанн С:

«Не садись за стол с возмущением какой-либо страстью твоего духа, чтобы враг не обратил тебе во вред пищу и питье – в болезнь, а не во здравие: ибо враг через все коварствует и ищет повредить человеку. Садись всегда за трапезу с миром, благодаря Господа, и пища с питьем будут тебе во благо и во здравие: потому что благословение Божие почит и на пище, и на тебе самом». Отец Валентин Амфитеатров рекомендовал своим духовным детям «хорошо все перекрестить, что начинаешь кушать, но при народе это делать не надо – мысленно можно перекрестить».

У первых христиан вкушение пищи (так называемые «агапы» – вечера любви) следовало непосредственно за богослужением и совершалось в притворе храма. Агапы не только начинались и кончались молитвословиями, но и сопровождались пением псалмов.

Московский старец о. Алексей М. так заповедывал своим духовным детям:

«Во время обеда представляй Отца Небесного, отверзающего руку Свою, чтобы напитать тебя... и что Иисус обедает с тобою... Во время ужина вспоминай о последней вечере Иисуса Христа, моля Его, чтобы Он сподобил тебя вечери Небесной».

Как известно, в монастырях трапеза соединяется с духовным чтением, чаще всего из житий святых. Здесь прием телесной пищи сопровождается приемом пищи духовной.

По тому, как человек относится к пище и как ее принимает, можно судить о степени духовности христианина. Можно «пищу со благоговением вкушать», можно небрежно «есть», но можно с жадностью ее «жрать».

Обвиняя современную ему атеистическую русскую интеллигенцию, свящ. Павел Флоренский так говорил про ее отношение к пище:

«Ни есть, ни тем более вкушать интеллигент не умеет, не знает даже, что значит «вкушать», что значит священная еда: не «вкушают» дар Божий, ни даже едят пищу, а «лопают» химические вещества. Совершается лишь животная, голая «физиологическая функция», мучительно стыдная; и «функцией» этой брезгуют, ее стыдятся. Стыдятся и делают; вот почему интеллигент цинично ест, с вызовом, с оскорблением стыдливости своей и чужой. Нет на свете спокойствия и мира, а есть смятение и тяжесть: первый признак безблагодатной души, неблагодарной к жизни, отвергающей бесценный дар Божий, горделиво желающей все бытие перестраивать по-своему».

Благоговейное отношение у христианина должно быть и к самой пище (точнее, и к самой материи пищи). Когда Господь накормил чудесным образом пятью хлебами пять тысяч человек, Он велел собрать все остатки пищи, «чтобы ничего не пропало» (Ин. 6, 12).

Поэтому не следует оставлять на своих тарелках объедки пищи, корки или крошки хлеба. А при избытке предлагаемой

пищи надо до начала еды отказаться от этого избытка и убавить количество предложенной пищи.

Прп. Савва Освященный увидел, что инок, готовящий для обители пищу, выкидывал в поток остатки бобов, не съеденных братией. Преподобный собрал из потока бобы, приготовил из них кушанье и пригласил к себе инок, выкинувшего бобы. Радушно приняв его, он стал угощать его бобами и спросил – нравится ли ему приготовленное блюдо? Инок похвалил его. Тогда преподобный сказал ему: «Поверь, брат, это те самые бобы, которые ты выкинул в поток», – и дал наставление смущенному иноку, как надо относиться к пище.

Вероятно, многие недостаточно отчетливо сознают значение пищи в жизни христианина. А оно велико не только для тела, но и для души человеческой.

Мудрый пастырь о. Иоанн С. пишет:

«На принятие пищи обратите самое строгое и деятельное внимание, ибо от пищи и питья, от качества и количества их зависит весьма много ваша духовная, общественная и семейная деятельность... С голоду не налегай сильно на пищу – обрешь и сердце и тело. Без жадности, тихо кушай с размышлением во славу Божию, помня о Боге Питателе. Дьявол через плоть нашу и вообще через вещественность действует на нас ко вреду нашему. Так, через вино, чай, кофе, через лакомства, вообще через деньги, одежду и прочее разжигает наши страсти».

Надо также знать, что неровная и беспорядочная диета заметно отражается на организме, который всегда болезненно реагирует против изменений привычной диеты. Это относится и к неумеренности в еде после периода воздержания в пище.

При этом не всегда можно брать пример с других и из литературы. Надо учитывать, что при различных условиях жизни, здоровья, возраста, труда, климата и особенностей организма будет различаться и потребность в питании.

По наблюдению св. отцов (см. прп. Исаака Сириянина) на количество потребной пищи влияет в сильной степени и расходование нашей нервной энергии. Так, один старец

говорил, что в уединении он может принимать пищи в несколько раз менее, чем в те дни, которые он проводит на людях.

Во всех случаях духовные отцы считали необходимым принимать пищу и питье мерою, чтобы ограничить себя от излишества и приучить свой организм довольствоваться установленной нормой.

Глава 42. Воздержание в пище

...Чтобы сердца ваши не отягчались объядением и пьянством. Лк. 21, 34

Хорошо, если человек умеет ограничивать себя и не пресыщаться; в последнем случае наступает отупелость, отягощение и расслабление тела, и все силы человека поглощаются пищеварением. Где тогда место Духу Святому в душе человека?

У особенно сластолюбивых натур и плотоугодников наблюдается страсть «чревоугодия»; хорошо, если люди «едят, чтобы жить, и горе, если живут, чтобы есть».

Нам нужно помнить, что с момента грехопадения наша природа очень испорчена. Она часто склонна к сластолюбию и объедению, которые извратили нашу природу – отяжелили тело, сделали его дряблым и склонным к болезням.

Неумеренность в пище и питии еще апостолы считали пороком и ставили его в ряд с другими языческими пороками. Так, апостол Петр пишет христианам, обращенным из язычников: «Довольно, что вы в прошедшее время жизни поступали по воле языческой, предаваясь пьянству, излишеству в пище и питии...» (1Пет. 4, 3). Вред от пресыщения прежде всего сказывается на здоровье. Тело переобременяется пищею, отчего прежде всего страдает физическое сердце, которое несет лишнюю нагрузку и преждевременно изнашивается.

Кроме того, органы пищеварения плохо справляются со своими функциями и пища проходит непереваренной и малоиспользованной. Кровь приобретает избыток питательных веществ, отчего человек делается нервным, возбужденным, имеет плохой сон. Поэтому особенно вредно насыщаться на

ночь. Все это приводит к нервному истощению, со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Отсюда – ограничение себя и умеренность в пище являются для многих средством к восстановлению нашей первоначальной добротности тела.

История Церкви свидетельствует, что преподобные достигали при умеренности в пище оздоровления и очищения своей телесной природы, которая становилась долголетней, легкой, неприхотливой, выносливой, требующей очень мало пищи. Достижения в этом некоторых из подвижников при нашей испорченности кажутся нам невероятными.

Так, многие из воздержанных иноков принимали пищу через день или даже реже. Однако эта мера воздержания является, можно думать, уже сверхъестественной. Здесь скорее чудо и преодоление естественных законов природы. Действительно, сами подвижники, достигавшие такой меры воздержания, говорят об особой помощи от Бога.

Так, прп. Варсонофий Великий, принимавший пищу 1–2 раза в неделю, говорит, что при подобном воздержании подвижник питается Духом Святым.

Здесь следует привести и мнение прп. Пимена Великого, одного из великих аскетов. Он говорил, что, употреблял пищу однажды в три дня или четыре, или однажды в неделю; но старцы как сильные испытали все это и признали полезнейшим ежедневное употребление пищи, но не досыта, и передали нам этот царский путь как удобнейший».

Следует заметить, что величайшие постники были вместе с тем и наиболее долголетними людьми. Так, прп. Антоний и Феодосий Великие прожили по 105 лет, Павел Фивейский – 113 лет, Павел Комельский – 112 лет, прп. Макарий Великий – 90 лет, прп. Евфимий Великий – 97 лет, прп. Макарий Александрийский – 100 лет, прп. Симеон Столпник более 100 лет, прп. Савва Освященный – 93 года, Кирилл Белоезерский – 90 лет, Макарий Желтоводский – 95. лет Из числа близких к нашему времени подвижников благочестия следует упомянуть о схимонахе Амфилохии, восстановителе Реконской пустыни, скончавшемся в 1865 году и питавшемся заплесневелыми

корками хлеба и толокном. Амфилохий скончался на 126-м году жизни. Монахиня Рахиль из Бородинского монастыря скончалась в 1928 году после 128 лет жизни. Наконец, старец Антиох, о котором рассказывается в жизнеописании Феодора Сикеота (пам. 22 апр.), питаясь последние 30 лет своей жизни только травами, не вкушая хлеба, прожил более 160 лет.

Но, помимо вредного воздействия на тело, пресыщение влияет и на нашу духовную жизнь, понижая (если не уничтожая совсем) наши способности к духовным переживаниям – к духовной сосредоточенности, умилению и богообщению.

Св. Исаак Сириянин пишет:

«Как облако закрывает свет луны, так испарения наполненного чрева изгоняют из души Божию Премудрость... с наполненным чревом невозможно ведение тайн Божиих».

К этому надо добавить слова св. Симеона Нового Богослова:

«Невозможно и желудок наполнять досыта едой, и наслаждаться умными божественными благами. Ибо в какой мере кто работает чреву, в такой лишает себя вкушения духовных благ; напротив, в какой мере кто станет утончать свое тело, соразмерно с тем будет насыщен пищею и утешением духовным».

В частности, воздержание в пище имеет существенное влияние на качество молитвы, одухотворяя и окрыляя ее.

Одна игумения так говорила своим духовным детям:

«Не пренебрегайте постом и не думайте много достичь одною молитвою. Как птица не может взлетать на одном крыле, так и инок не сможет жить духовно лишь с одною молитвою, пренебрегая воздержанием в пище и постом».

Другая же игумения (Арсения) говорила:

«Воздержание от пищи учит нас воздержанию от помыслов и чувствований страстных».

А старец Силуан советовал:

«Я считаю, что кушать надо столько, чтобы после вкушения хотелось молиться, чтобы дух всегда горел и ненасытно стремился к Богу день и ночь. Благодать любит

жить в сухом теле. Дух Божий не приходит при насыщенном чреве».

За основу в отношении нормы приема пищи следует положить правило св. отцов:

«Есть не до сытости, оставляя место Духу Святому Божию».

А старцы прпп. Варсонофий Великий и Иоанн говорили:

«Кто будет есть досыта, тот и от полезного получит вред» (Отв. 527).

Как говорил и старец Парфений Киевский:

«Излишество в пище наносит душе больший вред, нежели телу».

Зная об этом и вспоминая слова Господа «Горе вам, пресыщенные ныне» (Лк. 6, 25), мы будем избегать опасности пресыщения.

Как пишет о. Иоанн С:

«Пресыщение ведет к лишению веры, страха Божия и сердечного умиления, к холодной бесчувственности, бессилию сердца для всякого духовного делания, обнажению от благодати, потери смирения; пресытившийся не чувствует сердцем Божьего присутствия, и от него далека сердечная молитва... Чем легче и меньше употребляешь и пищи и питья, тем тоньше и легче делается дух».

Как поступать тем христианам, которые захотели бы не только соблюдать посты, но и приучить себя к необходимому воздержанию в пище? Надо победить для этого застарелую привычку к пресыщению!

Очень поучителен в этом отношении рассказ о том, как прп. авва Дорофей отучал от мирских привычек по принятию пищи своего ученика Досифея («Душеполезные поучения» прп. аввы Дорофея).

В монастыре, где они жили, пищу принимали один раз в день. Когда пришло время обеда, авва сказал Досифею: «Ешь до сытости, но скажи, сколько ты съешь». После обеда Досифей пришел к авве Дорофею и сказал: «Я съел полтора хлеба».

Тогда авва сказал ему: «В другой раз съешь один хлеб и 38 второго». Досифей исполнил так. Авва спросил: «Голоден ли

ты, Досифей?» Он отвечал: «Да, господин, немного голоден».

Через несколько дней авва опять спрашивает Досифея: «Каково тебе, Досифей? Продолжаешь ли чувствовать себя голодным?» Он отвечал ему: «Нет, господин, молитвами твоими мне хорошо». Авва говорит ему: «Теперь отложи еще одну восьмую хлеба».

Еще через несколько дней Досифей перестал чувствовать голод и при этой норме хлеба. Тогда авва велел ему отложить и еще одну восьмую хлеба.

Так постепенно приучился Досифей к употреблению всего 16 хлеба, не испытывая большого лишения при сокращении нормы благодаря постепенности.

Поэтому и нам в нашей заботе по оздоровлению своего тела и духа следует приучать себя к новым нормам постепенно и осторожно. И если мы принимали пищу 4 раза в день, то вполне здоровым можно приучить себя принимать 3 раза.

Дальнейшее сокращение приемов следует делать уже с благословения духовных отцов или старцев, так как здесь уже потребуются большая выносливость и достаточное горение духа, чтобы не произошло надрыва духовного состояния или истощения физических сил из-за недостаточной осторожности и постепенности в своем воздержании.

Здесь следует упомянуть и о следующем совете архиепископа Варлаама (Ряшенцева):

«Лучше есть почаще, но понемногу, со страхом Божиим, благодаря Господа, заботясь лишь о необходимой поддержке организма. Хоть один кусочек, и еще лучше – два-три, оставь несъеденными до полной сытости и сделай это ради Господа».

Читая эту рекомендацию, можно вспоминать о том, как настойчиво хозяйки во время обеда и ужина предлагают «доесть» то или другое блюдо.

Очевидно, более прав архиеп. Варлаам, а не хозяйки, склонные к побуждению пресыщать находящихся за столом.

Переход же на двухразовое питание наиболее подходит для лиц здоровых и ведущих уединенную, спокойную жизнь, похожую на монастырскую.

Духовные отцы считают необходимым ограничивать и нашу норму питья.

Излишнее питье также отягощает нас и особенно неблагоприятно влияет на наше физическое сердце, заставляя его работать с перегрузкой, и этим приводит его к болезни и преждевременному ослаблению.

Врачи за норму питья считают обычно 5–6 стаканов жидкости в сутки (в летнюю жару, конечно, больше).

При нездоровом сердце эта норма должна быть и еще снижена и ограничена 4–4¹ *2*стаканами. По тем же соображениям надо избегать излишка или совсем не употреблять соленой пищи (в особенности престарелым и с больным сердцем).

Второе, в чем также должен подвизаться христианин, – это в воздержании от изысканной, слишком вкусной пищи, т. е. в борьбе со своим сластолюбием.

Рассказывая нам притчу о богатом и Лазаре, Господь показал нам горькую участь того, кто «каждый день пиршествовал блистательно» (Лк. 16, 19).

Ап. Павел говорит: «сластолюбивая заживо умерла» (1Тим. 5, 6).

Поэтому все святые, преподобные и подвижники благочестия не считали для себя возможным принимать слишком вкусную, изысканную и, очевидно, дорогую пищу, но питались пищей простой. Они помнили всегда, что «царствие Божие не пища и питье, но праведность и мир и радость во Святом Духе» (Рим. 14, 17).

Прпп. Варсонофий Великий и Иоанн дают такое указание:

«Мы ежедневно нуждаемся в пище, но не должны вкушать ее с услаждением. Когда мы принимаем ее, благодаря Бога, Который дал ее, и осуждая себя как недостойных, – то Бог делает, что она служит нам в освящение и благословение».

Из этих слов видно, что лишь при известных условиях пища приносит пользу как нашему телу, так и нашей душе.

При следовании за святыми и постниками в этом отношении нам нечего бояться того, что мы потеряем аппетит

при простой пище и отсюда плохо будут выделяться желудочные соки и плохо будет совершаться пищеварение.

Французская пословица говорит, что голод – лучший повар. И если только мы будем подвизаться в умеренном питании, то у нас никогда не будет плохого аппетита. А наше пищеварение будет совершаться так хорошо, что мы, вероятно, забудем о том, что такое желудочные заболевания, связанные в ряде случаев с объедением.

Каковы основы воздержания святых и подвижников от сластолюбия?

Как пишет схиархимандрит Софроний:

«Если бы принятие пищи не было бы безусловной необходимостью для физического существования, то подвижник целомудрия никогда бы не коснулся пищи и «не дал бы сна очам своим», все силы ума своего отдавая на мысль о Боге и на молитву».

Вот два примера воздержания в пище египетских подвижников.

К прп. Макарию Александрийскому была прислана кисть свежего винограда. Несмотря на то, что преподобного томил голод, он не стал ее есть, а отослал ее одному больному брату. Больной также не стал ее есть и переслал ее третьему брату.

Этот последний переслал ее четвертому и т. д., пока один из братьев снова не прислал ее прп. Макарию. Узнав кисть, преподобный возблагодарил Бога за проявление подобного воздержания со стороны братии его монастыря.

А вот один из эпизодов жизни в пустыне прп. Пахомия Великого со своим старцем Паламоном.

Когда настал праздник Святой Пасхи, Пахомий счел необходимым улучшить в этот день их скудный стол и влил в приготовленную пищу немного масла. Но старец Паламон, когда заметил это, то заплакал и не хотел принимать пищу, говоря: «Мой Бог был распят за меня, а я буду есть масло». Вот основание крайнего воздержания подвижников. Они так живо переживали искупительную жертву Христа, так пламенно Его любили, что телесные наслаждения на этой земле, облитой кровью Христа, казались им невозможными.

Преклонимся же перед их подвигами и горячностью любви ко Христу и, когда это будет возможно, и нам нужно пробовать в своей, хотя бы и слабой мере, подражать им в этом святом чувстве.

Приложение к главам 41-й и 42-й

Зададимся вопросом: полезна ли для человека мясная пища? В Книге Бытия мы читаем: «И сказал Бог (Адаму): Я дал вам всякую траву, сеющую семя, какая есть на всей земле, и всякое дерево, у которого плод древесный, сеющий семя; – вам сие будет в пищу» (*Быт. 1, 29*).

Употребление мяса разрешено было человеку лишь после потопа. «Все движущееся, что живет, будет вам в пищу» (*Быт. 9, 3*).

Итак, до грехопадения человечеству была заповедана Богом вегетарианская пища. Поэтому, идя по пути восстановления первоизданной чистоты человеческой природы, святые и подвижники благочестия стали исключать из своей пищи мясо и довольствоваться преимущественно растительной пищей.

Как известно, мясо совершенно исключено из пищи иноков. Наиболее же ревностные из них ограничивают себя только растительной пищей.

Необходимо отметить, что и светская наука имеет теперь неоспоримые доказательства преимущества для нас вегетарианского питания.

Накопленные наблюдения говорят о том, что при вегетарианском питании человек становится здоровее, выносливее и долговечнее.

Следует упомянуть об одной медицинской школе, которая практикует излечение от многих болезней путем применения в пищу преимущественно фруктов и овощей.

Один из приверженцев этой школы, доктор Лямен, имел в Германии санаторий (около Дрездена), пользовавшийся за границей в начале этого столетия большой популярностью. Доктор Лямен кормил своих больных преимущественно фруктами и салатами.

Мы слышали прекрасные отзывы о результатах такого пищевого режима от прошедших курс лечения в этом санатории. На стенах столовой санатория д-ра Лямена между прочим висели большие плакаты: «Жевать 36 раз». Тщательное разжевывание пищи д-р Лямен считал одним из важнейших факторов рационального питания, когда пища будет использована всецело, не будет обременять желудка (а отсюда и сердца) и можно будет обходиться меньшим ее количеством. Как известно, св. отцы учат христиан принимать пищу как дары Господни, с великим благоговением, в тишине и сосредоточенности. Естественно при этом, что такое неторопливое принятие ее служит и наилучшему усваиванию ее, позволяя обходиться гораздо меньшими ее дозами по сравнению с торопливым, небрежным или жадным принятием ее людьми.

В свете описанных выше фактов так понятной становится очень древняя история о четырех отроках еврейских – вавилонских пленниках Данииле, Анании, Мисаиле и Азарии. Читаем о них в Библии в Книге пророка Даниила (Гл. 1, 8–20):

«Даниил положил в сердце своем не оскверняться яствами со стола царского и вином... и потому просил начальника евнухов о том... И начальник евнухов сказал Даниилу: боюсь я господина моего, царя, который сам назначил вам пищу и питье; если он увидит лица ваши худощавее, нежели у отроков, сверстников ваших, то вы сделаете голову мою виновною перед царем.

Тогда сказал Даниил: сделай опыт над рабами твоими: в течение десяти дней пусть дают нам в пищу овощи и воду для питья; и потом пусть явятся перед тобою лица наши и лица тех отроков, которые питаются царской пищей, и затем поступай с рабами твоими, как увидишь.

Он послушался их в этом и испытывал их десять дней. По истечении же десяти дней лица их оказались красивее, и телом они были полнее всех тех отроков, которые питались царскими яствами...

И даровал Бог четверем сим отрокам знание и разумение всякой книги и мудрости, а Даниилу еще даровал разуметь и

всякие видения и сны... И во всяком деле мудрого уразумения, о чем ни спрашивал их царь, он находил их в десять раз выше всех тайноведцев и волхвов, какие были во всем царстве его».

Современных вегетарианцев разделяет от пророка Даниила более трех тысяч лет. Но результаты их воздержания и мудрой осмотрительности в питании были совершенно те же.

Таким образом, можно ли утверждать, что современная наука противоречит посту и что воздержание от мяса может вредить организму?

Некоторые из христиан считают, что воздержание в пище вредит телу, противоречит данным современной науки и медицины.

Так ли это? И если даже игнорировать многовековой опыт Церкви в этом вопросе, то нельзя ли найти и в науке объективного мнения о пользе воздержания в пище.

Вот несколько фактов из этой области и мнений представителей науки.

В одном опыте, описанном доктором Пясковским, петухи и голуби были разделены на две партии. Одну партию кормили непрерывно и в изобилии, а другую – с перерывами от одного до трех дней, с расчетом лишения ее пищи в течение месяца на 12–17 дней. После 3,5 месяцев прибавка в весе у второй партии, питавшейся с перерывами, была на 39 % выше, чем у первой. По вскрытии вторая партия показала больший вес мускульной и нервной тканей.

Может ли наука сказать нам, какое количество пищи надо употреблять и как часто надо принимать пищу?

Естественно, что количество необходимой организму пищи зависит от целого ряда факторов – количества и характера совершаемой работы, времени года, климата, возраста, качества пищи и здоровья организма.

Но вместе с тем, по мнению врача С. Апраксина (Врач С. Апраксин приводит также сведения об американце докторе Таннере, который прославился среди своих современников двумя сорокодневными постами), количество необходимой нам пищи более всего зависит от привычки организма к определенной норме пищи. Таким образом, эта норма в

большинстве случаев является величиной условной и может быть значительно снижена без вреда для организма.

Правда, резкое отступление от привычной нормы неизбежно вызывает вначале ряд болезненных явлений, особенно в отношении нервной системы (раздражительность). Но если уменьшение нормы пищи ведется постепенно и осмотнительно, то это не только не вредит организму, но служит, по мнению Апраксина, могучим фактором к укреплению здоровья.

Врач Апраксин передает сведения о его современнике – нижегородском частном поверенном А. Зацепине, который путем сокращения приемов пищи дошел до того, что ел один раз за двое суток. А. Зацепин рассказывает о себе: «Количество своего питания я уменьшал постепенно в течение последних 10 лет. Сначала я питался обыкновенно, как и все – четыре раза в день; потом, года два ел по два раза в день; затем пять лет через 24 часа раз, а теперь вот уже около трех лет через 48 часов».

В промежутки между принятием пищи А. Зацепин чувствовал себя прекрасно, особый же подъем физической и умственной работоспособности он чувствовал в течение вторых суток (поста). А. Зацепин был вегетарианцем.

В одном из американских журналов была напечатана беседа с д-ром Таннером. Ему в это время шел уже 73-й год. Таннер рассказывал о себе, что много лет тому назад он сильно страдал болезнью сердца и был уже приготовлен врачами к смерти.

Узнав от врачей, что, по их расчетам, ему остается прожить еще 10–12 дней, он впал в отчаяние и отказался есть и пить. Однако через неделю ему стало значительно легче, а через две – он, к удивлению врачей, почувствовал, что начинает поправляться. С тех пор он стал лечиться периодическим постом.

Впоследствии опыт Таннера послужил основой для специальной медицинской школы, применявшей как средство лечения многих болезней периодическое воздержание в пище на различные сроки.

Некоторые из христиан знают за собой слабость – при приеме пищи пресыщаться: есть больше, чем следует. Это вызывает, как говорилось выше, излишнюю полноту, перегрузку работы сердца и отсюда – ослабление здоровья.

В этом случае можно рекомендовать перед приемом пищи, после обычной молитвы «Очи всех на Тя, Господи, уповают...» добавлять еще следующие слова (конечно, только для себя и про себя): «Также молю Тебя, Господи, избави мя от пресыщения, сластолюбия и даруй мне в мире душевном с благоговением принимать щедрые дары Твои, да вкушая их, получу укрепление сил моих душевных и телесных для служения Тебе, Господи, в немногий остаток моей жизни на земле».

Усиленное и длительное воздержание в пище, бдение и изнурение тела утончают человеческую природу и делают ее способной к общению с миром духов.

Развитие в человеке подобной способности не говорит, однако, о том, что душа уже очищена от страстей и приобщилась к святости. Общение с темными духами может иметь место и для порочных людей и для неразумных подвижников, еще далеко отстоящих от очищения своего сердца.

В последнем случае возникает опасность впадения в прелесть, т. е. в восприятие видений и сверхъестественных ощущений, принимаемых по гордости прельстившихся за благодатные, в то время как на самом деле они идут из области темной силы.

Поэтому о степени чистоты души и приближении ее к состоянию святости нужно судить не по способности к сверхъестественным ощущениям (видения, голоса, музыка, запах, и т. д.), а по признакам отображения в душе образа Христа.

Последнее же познается вернее всего по наличию глубочайшего смирения, полного послушания Церкви и пастырям и самоотверженной любви Христовой как по отношению к Богу, так и к ближним.

Поэтому всем новоначальным не полезно чрезмерное изнурение плоти: для них опасно личное соприкосновение со сверхъестественными явлениями и ощущениями.

К ним не только не следует стремиться, но надо бояться их и при появлении их прибегать к помощи и защите духовных руководителей, старцев и пастырей.

Епископ Игнатий (Брянчанинов) говорит, что «душевный подвиг может один, без телесного, совершить очищение. Телесный же, если не перейдет в душевный, – совершенно бесплоден, даже более вреден, чем полезен; удовлетворяя человека, не допускает его смириться, напротив того, приводит в высокое мнение о себе, как о подвижнике, не подобном прочим немощным человекам. Впрочем, подвиг телесный, совершенный с истинным духовным рассуждением, необходим для всех одарённых здоровым и сильным телосложением».

Предостерегая от неразумного, неумеренного аскетизма, епископ Игнатий дает также совет:

«Надо умеренною жизнью сохранить тело в ровности и здравии, а самоотвержение явить в отвержении всех помышлений и ощущений, противных Евангелию. Нарушение ровности нарушит весь порядок и всю однообразность в занятиях, которые необходимы для подвижника...»

Глава 43. Быт в жизни христианина

Проведи черту... и освяти ее. Исх. 19, 23

Как известно, все внешнее влияет и на внутреннее. Поэтому и окружающая обстановка у христианина должна согласовываться с целью его жизни.

Также и всему вещественному у христианина должно быть уделено соответствующее внимание, и ко всем материальным благам, посылаемым от Господа, у христианина должно быть бережное отношение.

Авва Дорофей поэтому учит о хранении совести не только по отношению к Богу и людям, но и к вещам.

Он пишет:

«Хранение совести в отношении к вещам состоит в том, чтобы не обращаться небрежно с какой-либо вещью, не

допускать ей портиться и не бросать ее как-нибудь. А если увидишь что-либо брошенное, то не должно пренебрегать этим, хотя бы оно было и ничтожно, но поднять и положить на место. Не должно также обходиться неосмотрительно со своей одеждой... также и в отношении постели... никогда не должно допускать, чтобы совесть обличала в какой-либо вещи».

Поэтому ничто из даров Божиих не должно пропадать напрасно, и должно быть бережно употребляемо, сохраняемо и используется до конца. Все лишнее не должно храниться и лежать без дела. И если оно не понадобится в дальнейшее время (себе или ближним), то его нужно передавать нуждающимся. Как говорят св. отцы – чем больше будешь иметь земных вещей, тем строже за них будешь судим.

А прп. Петр Дамаскин пишет, что «иметь что-либо по пристрастию, или без нужды, или сверх потребности есть любостяжание».

Поэтому совершенно очевидно, что христианину надо проявить воздержание в отношении стяжания избыточных материальных благ и всегда довольствоваться лишь тем, что ему действительно необходимо.

Об этом так пишет прп. Антоний Великий:

«Не довольствующиеся тем, что есть у них для поддержания жизни, но домогающиеся большего поработают себя страстям, мятущим душу и влагающим в нее помыслы и мечтания все худшие и худшие, – что все нехорошо и что, следовательно, надо приобрести новое и лучшее. Как сверх меры длинные одежды мешают идти путешествующим, так и желание имущества сверх меры не дает душе подвизаться и спастись».

По словам схиархимандрита Софрония:

«Благоразумный подвиг состоит в том, чтобы ограничить себя минимумом вещей и вещества, без которого жизнь стала бы уже невозможной. Причем мера этой возможности различна у каждого...»

«Лишние вещи лишь загромождают квартиры мирских людей», – пишет старец Захария из Троице-Сергиевой Лавры.

Старец схимонах Зосима так учил своих духовных детей об опасности прилагать сердце к чему-либо материальному: «Все это хорошо, да не вечно; всякая вещь говорит: не люби меня – уйду от тебя». По словам Ачинского старца Даниила, «самая малейшая излишняя вещь или украшение приносит вред душе, любящей Бога».

А Иоанн Креститель на вопрос иудеев: «Что же нам делать?» – отвечал: «У кого две одежды, тот дай неимущему, и у кого есть пища, делай то же» (Лк. 3, 10–12).

Как любил говорить украинский философ Сковорода:

«Тот ближе всех до неба, кому в жизни меньше треба».

Соответствующее внимание должен уделить христианин и к окружающей его дома обстановке, в которой он проводит большую часть времени.

Как известно, физическая материя может заключать невидимую энергию, как например: тепло, магнетизм, электричество.

Священное Писание и опыт Церкви свидетельствуют, что материя может заключать также особый духовный вид энергии – святость.

При этом по аналогии с положительным и отрицательным электричеством можно говорить и о противоположности святости – осквернения материи.

Пророку Моисею при приближении его к горящему терновому кусту было повеление от Бога: «Сними обувь твою с ног твоих, ибо место, на котором ты стоишь, есть земля святая» (Исх. 3, 5).

Озу Господь поразил смертью за прикосновение к святыне – ковчегу завета (2Цар. 6, 6–7).

Одежда пророка Илии заключала такую силу, что при ударе ею по Иордану пророком Елисеем воды Иордана расступились (4Цар. 2, 14).

Такие же примеры святости материи находятся и в истории Нового Завета. Вода купальни у Овечьих ворот Иерусалима периодически приобретала целебную силу (Ин. 5, 4). В обличении фарисеев Господь указал, что жертвенник имеет силу освящать дар (Мф. 23, 19).

Вся история Новозаветной Церкви наполнена свидетельствами об особой силе освященной материи, чаще всего выражающейся в исцелениях. Эта сила – святость – заключалась в телах и одеждах мучеников и праведников, в древе Креста Господня, в чудотворных иконах и в освященной воде.

На этом основании Церковь установила чин освящения воды, икон, крестов, одежд, храмов, жилищ, хлебов, вина, елея, фруктов, пищи, домашнего скота – словом, всей той материи, которая окружает христианина или питает его.

Когда один из поселян жаловался старцам Варсонофию Великому и Иоанну на то, что саранча портила его нивы, то они дали ответ: «Возьми святую воду и покропи ею нивы свои» (Отв. 691).

Вместе с тем епископ Феофан Затворник пишет:

«Вся благодать, идущая от Бога через св. крест, св. иконы, св. воду, мощи, освященный хлеб (артос, антидор, просфоры) и др., включая Святейшее Причастие Тела и Крови Христовых, имеет силу лишь для тех, кто достоин этой благодати через покаянные молитвы, покаяние, смирение, служение людям, дела милосердия и проявление других добродетелей христианских. Но если нет их, то эта благодать не спасет, она не действует автоматически, как талисман, и бесполезна для нечестивых и мнимых христиан (без добродетелей)».

Как уже говорилось выше – святости противостоит осквернение.

«Проклята земля за тебя» (Быт. 3, 17) – сказано было Адаму; и пророк Исаия свидетельствует: «Земля осквернена под живущими на ней» (Ис. 24, 5).

Христианам в их жилищах нельзя иметь ни антирелигиозной литературы, ни безнравственных книг.

Если существует способность у материи быть оскверненной от действий греха или темной силы (искусство «наговора»), то, очевидно, ей должно быть противопоставлено освящение через действия всего святого. Поэтому, нам никогда нельзя забывать о необходимости пользоваться освящающей силою благодати,

идушей от св. креста, св. мощей, святой воды и освященных ею предметов.

Вся история Церкви полна примеров о том действии, которое оказывают святые и освященные предметы на темную силу – удаляя и устраняя ее и парализуя ее действие.

Поэтому благо тем из христиан, кто может иметь у себя дома (и в почете хранить) такие святыни, как частицы Животворящего Креста Господня, частицы мощей, вещи, принадлежавшие святым (их одежды, частицы камней, на которых они молились, и т. п.) и святую воду.

Все это исполнено святостью – как бы особым видом светлой энергии, которая помогает христианину в его непрекращающейся борьбе с темной силой.

По той же причине христианин должен всегда носить на теле своем крест. Старец о. Алексей М. не позволял никому из своих духовных детей ни при каких обстоятельствах снимать его.

Во всех комнатах, где живет христианин, должны быть повешены иконы, если только нет каких-либо особых обстоятельств, препятствующих этому.

Как говорит митрополит Вениамин:

«Где нет икон, там живут демоны и там верующему человеку беспокойно и даже страшно».

А пастырь о. Иоанн С. пишет:

«Иконы мы держим у себя в домах и поклоняемся им, между прочим, в показание того, что очи Господа Бога и всех небожителей постоянно устремлены на нас и видят не только все дела наши, но и слова, и помышления, и желания. Иконы напоминают нам и о бессмертии святых».

Священник Павел Флоренский пишет:

«Икона – это окно в бессмертие».

Как все иконы, так и вся квартира и ее обстановка должны быть освящены и содержаться в полной чистоте и порядке.

Выше, в главе 26 (ч. 1) «Восприятие имен и образов», уже говорилось про значение для нас светлых образов – креста, икон, картин из Священной Истории, портретов и фотографий духоносных лиц, которыми надо покрывать стены жилых домов.

В том случае, когда нельзя в квартире выделить отдельную комнату – «молельню», то надо устроить соответствующий уголок, в котором разместить иконы и лампы.

И если во всей обстановке быта у христианина должна проявляться простота и скромность, то для предметов священных – икон, крестов, духовных картин и т. п. – должно быть сделано исключение из этого правила.

Как пишет о. Иоанн С:

«Предметы священные возводят к Богу и поэтому украшение их не только не греховно, а свято и назидательно, равно как великолепие и блеск украшений храма и всей его утвари. Все это – так как назначено служить славе Божией и возбуждению благочестивого чувства – не греховно, а свято».

К уголку с иконами надо подходить не только при выполнении утреннего и вечернего молитвенного правила, а много раз в день. Здесь надо испрашивать Божие благословение и помощь на каждое вновь начинаемое дело, перед дорогой, т. е. уходом из дома, а также и по приходе домой, при мысленных искушениях и смущениях, при принятии каких-либо решений. Здесь душа христианина должна всегда черпать духовную силу и бодрость.

Поскольку внешняя сторона жизни сильно влияет и на наше внутреннее состояние, настраивая нас соответствующим образом, то в квартире христианина должен быть всегда полный порядок, чистота и убранство (без роскоши).

Точно так же и в одежде христианина (простой и скромной) не должно проявляться ни малейшей неряшливости. Все должно быть чисто и аккуратно. Всегда чистыми должны быть лицо и руки и в порядке прическа.

Христианину нужно всегда следить и за своим внешним поведением и привычками, чтобы все в нем было благопристойным, степенным, выдержанным, аккуратным и тщательным. Ему надо, может быть, оставить некоторые плохие привычки, на которые в миру не обращают внимания.

Так, например, не рекомендуется сидеть, положив ногу на ногу. Это было запрещено преп. Арсению египетскими старцами,

когда он пришел к ним из царского дворца... Про то же так говорил и старец Алексей Зосимовский:

«Это дерзость, смиренный человек так не станет сидеть».

Среди старинных обычаев русской православной семьи много таких, которые надо помнить, сохранять и понимать их значение.

Например, перед дальней дорогой и перед прощанием в семье полагалось всем сначала сесть, потом помолиться и затем уже попрощаться с близкими.

Почему тут считали нужным всем сначала посидеть молча?

Очевидно для того, чтобы всем сосредоточиться перед молитвой о благополучной дороге. Затем надо не просто перекреститься перед образами, а прочесть из молитвенника те молитвы, которые положено читать перед дорогой.

Может быть, что-либо из вышесказанного может казаться мелочами и недостойным внимания? А некоторые думают даже, что пренебрежение внешностью говорит о внимании христианина к внутреннему. Но не так думают старцы.

Старец о. Алексей М. всегда требовал от своих духовных детей полной собранности и выдержанности как внутренней, так и внешней, считая, что первая в сильной степени зависит от второй. Принимая своих духовных детей, он часто указывал им на какую-нибудь неряшливость в одежде, оторванную пуговицу и т. п.

Однажды одна из духовных дочерей пришла к нему с запачканной чем-то щекой. Батюшка не успокоился до тех пор, пока пятно не было отмыто.

В другой раз той же духовной дочери своей он строго выговаривал за то, что пришла после игры с детьми с растрепанной прической.

Как пишет архиепископ Арсений (Чудовской):

«Чистота внешняя, опрятность, благоухание, свет, красота имеют благотворное влияние на наше внутреннее состояние: все это освежает, поднимает наше настроение, отодвигает в сторону дурные мысли и чувства, очищает наше сердце, загрязненное душевное состояние».

Говоря о значении внешности для христианина, нельзя не упомянуть о склонности некоторых из христиан, подражая миру, искусственно приукрашивать свое лицо (помада, пудра, и т. п.).

Вот что говорит об этом архиепископ Иоанн:

«Искусственно измененное подкрашенное лицо теряет черты неповторяемой личности человека. Лишаясь своей небесной неповторяемости, лицо становится коллективным, стандартным».

Глава 44. Дни церковных праздников

Помни день субботний, чтобы святить его; шесть дней работай и делай всякие дела твои, а день седьмой – суббота Господу, Богу твоему. Исх. 20, 8–10

Особый порядок дня должен быть у христианина в церковные праздники. Насколько это в нашей возможности, мы должны освободять себя на эти дни от обычного труда и житейских дел.

Поэтому воскресные дни и дни больших церковных праздников должны быть по возможности более всего посвящены Богу – усиленной молитве, делам милосердия и духовному чтению; при наличии возможности обязательно посещение праздничной всенощной и праздничной литургии.

Эти дни христианин должен отмечать и с внешней стороны – лучшей и чистой одеждой, убранством комнат, зажженными лампадами перед иконами, улучшенным столом и т. п.

Повторяем, что внешняя сторона жизни сильно влияет и на наше внутреннее состояние, настраивая нас соответствующим образом.

В Древней Руси в субботу считали необходимым выпариться в бане. Самозванцу Лжедмитрию I пренебрежение этим обычаем было поставлено в вину как отступление от Православия.

Желая лучше отметить церковные праздники, домашние хозяйки все силы и время отдают приготовлению пищи и убранству комнат.

Этим можно отнять у себя возможность помолиться в храме и душой пережить праздник. Мудрая хозяйка должна в этом

случае все приготовления сделать по возможности заранее, чтобы сохранить свободное время – вечер накануне и утро праздника.

Надо помнить при этом, конечно, что у христианина основное переживание праздника состоит не только во внешнем отличии его от прочих дней, т. е. свободе от повседневного труда, улучшенной пище и т. д.

Игуменья Арсения (Усть-Медведицкого монастыря) говорит по этому поводу:

«Душа может радоваться празднику и может скорбеть как-то безотчетно: может скорбеть оттого, что не получает желаемых утешений: (пошел бы туда, куда тянет, да нельзя), может скорбеть и оттого, что щи нехорошие в праздник и проч. Кто ищет таких утешений, о которых я сейчас сказала, тот далеко уклонился от истинных утешений; он не получит их никогда, потому что ищет их не там, где нужно, он ищет не того, что нужно. То, чего он ищет, никогда не наполнит пустоты душевной. Значит, для того, чтобы радоваться празднику, нужно уметь приготовить душу к принятию благодати Божией, которая подается в праздники достойным и которая есть истинное утешение души. Как же приготовить душу к этому? Нужно отречься от земных утешений, трудиться над своим сердцем, отсекал желание этих утешений, стремиться к Господу; в Нем едином искать утешений, Его единого желать. Такая душа, душа, истинно ищущая Господа, непременно ощутит в себе Его благодать и возрадуется о Господе в день праздника».

Дни церковных праздников должны отмечаться и посильными делами милосердия: посещением болящих, скорбящих, унывающих и помощью нуждающимся. При этом христианин не должен смотреть на праздник, как на (прежде всего) безделье, как понимали его древние евреи (почитание субботы), или как понимают его многие из малопросвещенных христиан из народа.

Прп. Макарий Великий понимает под свободой от дел в праздники – свободу «от всех темных дел», и что истинная

суббота – праздник – «есть истинное успокоение души, очистившейся от сатанинских помыслов, покоящейся в вечном Господнем покое и радости».

В эти дни, по его словам, «следует христианам, пребывая в радости и веселии, совершать от чистоты сердца служение чистое и благоугодное Богу».

Глава 45. Дни нужды и материальных лишений

Не бедных ли мира избрал Бог... 1 Иак. 2, 5

Многим из христиан приходится переживать в течение своей жизни дни нужды и материальных лишений.

Можно сказать, что у большинства истинных христиан нет излишков материальных благ – они не подобают им. Господь повелел: «Продавайте имущества ваши и давайте милостыню» (Лк. 12, 33).

Поэтому христианам надо поступать так, как поет пророк Давид: «Расточил, роздал нищим; правда его пребывает во веки; рог его вознесется в славе» (Пс. 111, 9).

Господь обычно не посылает своим рабам опасного для человека богатства («Трудно богатому войти в Царство Небесное» – Мф. 19, 23).

Апостол Павел пишет к Тимофею: «Имея пропитание и одежду, будем довольны тем. А желающие обогатиться впадают в искушение и в сеть и во многие безрассудные и вредные похоти, которые погружают людей в бедствия и пагубу» (1Тим. 6, 8–9).

Как говорит о. Иоанн С:

«Бог мог бы сделать всех достаточными, даже богатыми, но тогда произошло бы великое забвение Бога, умножилась бы гордость, зависть и пр. И ты как возмечтал бы о себе, если бы Господь сделал тебя вскоре праведником. Но как грех смиряет тебя, показуя тебе великую твою немощь, мерзость и непрестанную нужду в Боге и Его благодати, так нищего смиряют нищета и нужда в других людях. Если обогатить нищих, то многие, многие из них

забудут Бога и благодетелей своих, погубят души свои в роскоши мира сего. Так пагубно богатство и так ослепляет оно очи сердечные. Оно делает грубым и неблагодарным сердце».

Вместе с тем и избранным Своим Господь попускает впадать иногда в нищету для того, чтобы более наградить их за подвиг терпения. И в этом случае пусть христианин не прилагает особых усилий, чтобы добиться большого достатка.

Прп. Серафим так говорил новонамеченцам дивеевской общины:

«Я мог бы сделать вас богатыми, но это для вас бесполезно».

«Я мог бы сделать вас богатыми, но это для вас бесполезно».

А старец Силуан пишет:

«Будь доволен тем, что имеешь, хотя бы и ничего ты не имел. Будь доволен и благодари Бога, что у тебя ничего нет. Будь доволен тем, что ты служишь Богу, и Он поставит тебя со святыми».

Как пишет епископ Феофан Затворник:

«Что же наша доля, как ни Божья воля? И довольство (материальное) и скудость, посылаемые нам Богом, несомненно, даются нам в видах нашего спасения».

Занимая в долг, христианин должен проявить осторожность. Здесь так же надо проявить веру, как и при пользовании лекарствами, и думать:

«Если бы Господу было угодно, то Он Сам послал бы мне все, что необходимо мне по нужде моей».

Надо вспомнить случай, когда прп. Сергей целый день голодный работал над постройкой сеней одного инока и взял плату за них (лукошко заплесневелых хлебных корок), лишь когда кончил работу, хотя инок предлагал ему хлебные корки и до окончания работы.

Но если уж христианин решается просить в долг, то путь смиренно просит об этом, как о милостыне ему. Он не знает, будет ли он в состоянии отдать благодетелю: может быть, он ранее умрет или впадет в дальнейшем еще в большую нужду.

Поэтому он может просить лишь при действительно крайней нужде, просить не более того, в чем сейчас нуждается, и благодарить дающего ему в долг, как будто тот дарит ему. Это, конечно, не исключает необходимости заплатить долг в назначенное время.

Известный английский благотворитель Георг Миллер имел в жизни правило – ни одного из своих добрых дел не начинать в долг.

На его долю выпало счастье создать приюты для 2000 человек бездомных сирот.

Он рассказывал, что когда он встречался с нуждой в средствах для какого-либо доброго дела, то он не прибегал к займам и не просил средств у людей, а начинал усердно молиться об осуществлении предполагаемого дела.

И, по его свидетельству, Господь всегда слышал его молитву, посылая нужные средства и давал ему возможность осуществить доброе дело, не прибегая к долгам.

В тех случаях, когда неоплаченный долг тяготит душу заимодавца и вызывает его беспокойство, то это не может не сказаться и на душе того, кто взял в долг, лишая ее мира и спокойствия.

А. С. Н. передает следующий рассказ.

Одна послушница Шамординского монастыря увидела во сне подругу, также послушницу, умершую назад 40 дней.

Покойница сказала: «Я пришла попросить прощения у такой-то женщины. Я ей осталась должна 10 копеек. Но чтобы исправить это, я и отпущена, да и то на короткое время».

На другой день к послушнице явилась та женщина, справилась о покойнице и, узнав, что она умерла, жалела о потерянных деньгах. Чтобы долг не беспокоил покойницу, послушница уплатила 10 копеек сокрушавшейся о них женщине.

Так и малый долг лишил мира душу покойницы, так как давшая 10 копеек не имела сил простить долга и забыть о нем.

Приложение к главе 45-й

(Из дневника о. Александра Ельчанинова)

Богатство материальное порабощает нас, обостряет наш эгоизм, смущает наше сердце, гнетет нас заботами, страхами,

требует жертв себе, как ненасытный демон. Не оно служит нам, а мы обычно служим ему.

Но не то же ли и с богатством здоровья, силы, молодости, красоты, таланта? Не так же ли они усиливают нашу гордость, берут в плен наше сердце, отводя его от Бога?

Да, поистине блаженны нищие в смысле имущества – как легко им приобрести евангельскую легкость духа и свободу от земных пут, но блаженны и не имеющие здоровья и молодости (потому что «страдающий плотью перестает грешить»), блаженны некрасивые, неталантливые, неудачники – они не имеют в себе главного врага – гордости, так как им нечем гордиться.

Но как же быть, если Бог послал нам то или иное из земных богатств? Неужели мы не спасемся, пока не освободимся от него?

Можно оставить при себе (но не для себя) свое богатство и спастись. Но только надо внутренне освободиться от него, оторвать от него свое сердце, владеть своим богатством, как бы не владея; обладать им, но не давать ему обладать собою, принести его к ногам Христа и послужить Ему им.

«Все мне позволительно, но ничто не должно обладать мною», – пишет ап. Павел (1Кор. 6, 12).

Глава 46. Дни болезни и немощи тела

Вот, ты выздоровел; не греши больше, чтобы не случилось с тобой чего хуже. Ин. 5, 14

Я благодушествую в немощах... когда я немощен, тогда силен. 2Кор. 12, 10

В течение жизни многие дни человек проводит в болезнях или немощи тела. Как говорит пророк Давид: «Дней лет наших – семьдесят лет, а при большей крепости – восемьдесят лет; и самая лучшая пора их – труд и болезнь...» (Пс. 89, 10).

Болезни и немощи не чужды и христианину вместе со всем человеческим родом.

По существу, несчастье для человечества составляет не болезнь, а причина ее – болезнь души: страсти и грех, которые и лежат в основе болезни тела.

Как пишет о. Иоанн С:

«Все наши болезни суть наказание Божие за грехи; они очищают, примиряют нас с Богом и вводят снова в любовь Его».

Поэтому болезнь есть как бы напоминание нам от Господа о нашей более страшной беде – поражении грехом нашей души. Отсюда – для излечения болезни нужно прежде всего покаяние.

Господь, прежде чем исцелить расслабленного, простил его грехи (*Мк. 2, 3–12*).

А когда Он исцелил у Овчей купели болевшего 38 лет, то сказал ему: «Вот, ты выздоровел; не греши больше, чтобы не случилось с тобою чего хуже» (*Ин. 5, 14*). Отсюда можно думать, что исцеление болезней по молитвам Церкви или праведника ведет к прощению грехов и как результат этого следует выздоровление (мнение о. Александра Ельчанинова).

Однако болезнь и немощь – удел не только больших грешников. Более того – слабое, болезненное состояние тела типично для носителей высокого духа.

Господь сказал ап. Павлу: «Сила Моя совершается в немощи», и ап. Павел говорит о себе: «Я благодушествую в немощах, в обидах, в нуждах, в гонениях, в притеснениях за Христа, ибо когда я немощен, тогда силен» (*2Кор. 12, 9–10*).

Святые отцы считают вообще упитанность тела и избыток в нем физической силы препятствием к духовной жизни, на этом строится необходимость суровых аскетических подвигов для тех, кто хочет жить жизнью духа и имеет слишком здоровое тело.

А вот и еще благое следствие болезней, про которое так писал митрополит Филарет Московский:

«Небесполезно в болезни испытывать чувство отрешения от мира, чтобы и после болезни придерживаться этого чувства. Неудивительно, если чувство это не так легко проходит после болезни, как во время болезни; в болезни Бог дарует его на потребу немощному, а в здравии требует, чтобы он подвизался обрести его».

Вот почему святые и праведники благодушно терпят и переносят свои немощи и болезни. Многие из них не считали

даже нужным лечиться при болезнях.

Обоснование этого мы находим у прп. Макария Великого, который так пишет одному иноку (беседа 48. «О совершенной вере в Бога»):

«Если бы веровал ты, что вечные и неврачуемые язвы бессмертной души и греховные болезни врачуются Христом, то уверовал бы, что Он силен у врачевать и временные телесные немощи и болезни и к Нему единому прибегал бы, презрев врачебные пособия и услуги... Но, конечно, скажешь мне следующее: Бог на врачевание тела дал земные травы и лекарственные вещества и для телесных немощей приуготовил врачебные пособия... И я согласен, что это так... но Господь к отраде уврачевания тела, к удовлетворению нуждам его дал врачебные лекарства людям мирским и всем внешним; им дозволил пользоваться всеми средствами, потому что они не в состоянии еще всецело верить себя Богу. А ты, инок, пришедший ко Христу, возжелавший быть сыном Божиим и родиться свыше от Духа... должен приобрести новые некие и необычайные перед всеми мирскими людьми и веру, и понятие, и жизнь».

Некоторые святые не только не прибегали к врачебным средствам, но даже не осмеливались просить у Бога избавления от болезни.

Так, однажды к прп. Пахомию пришел его ученик Феодор, мучимый жестокой головной болью, и просил преподобного, чтобы он молитвою своею утолил сильную головную боль. Но преподобный отвечал ему: «Думаешь ли ты, что эта боль или другое подобное мучение приключается без воли и попущения Божия? Терпи, и когда Бог благоволит, Он поможет и исцелит тебя».

Старцы прпп. Варсонофий Великий и Иоанн также советовали своим ученикам, при наличии достаточной веры, при болезнях не лечиться у земных врачей, а предавать себя всецело Господу – «Врачу душ и телес наших» (Отв. 529).

Так, прп. Варсонофий Великий пишет:

«О здоровье сына моего (духовного) могли бы помолиться Богу некоторые из находящихся здесь святых, чтобы он не

был болен ни одного дня, – и это исполнилось бы, но тогда он не получил бы плодов терпения».

Однако в другом случае прп. Варсонофий Великий молил Бога об ослаблении телесных страданий одного своего ученика. Но в этом случае он услышал такой ответ от Бога: «Оставь, да испытаю его для пользы души его и да откроется через телесное страдание, каково терпение его и что он должен наследовать за мольбы и труды».

Вот почему не лечился также и прп. Серафим Саровский. Он около трех лет страдал от водянки и половину этого времени провел в постели. При крайнем обострении болезни настоятель Саровской пустыни предложил преподобному пригласить врача. Преподобный отвечал ему:

«Я предал себя, отче святой, истинному Врачу душ и телес Господу нашему Иисусу Христу и Пречистой Его Матери; если же любовь ваша рассудит, снабдите меня, убогого, Господа ради, небесным врачевством» (т. е. Причастием Святых Таин).

По принятии Святых Таин преподобному явилась Богоматерь и исцелила его прикосновением руки.

В другой раз, когда преподобный лежал в изнеможении после избиения его разбойниками, он также был удостоен явления ему Божией Матери. При этом Богоматерь сказала в сторону врачей: «Что вы трудитесь?» Очнувшись от забытья, преподобный опять отказался от помощи врачей и после видения стал быстро поправляться.

Прп. Варсонофий Великий говорит:

«Покаянием можешь избавиться от наказательных болезней... Будучи болен, я никогда не ложился и не оставлял своего рукоделия, хотя и сильные болезни меня постигали. Но незадолго до того как я заключился в келию, тщеславие ухитрилось и не стало допускать ко мне болезней: скорблю теперь, желая терпения, а что терпеть – не знаю».

Следует упомянуть также о том, что св. отцы предлагают освящать принимаемое лекарство (как и все, чем пользуется христианин). Так прп. Варсонофий Великий рекомендовал одному ученику принимать лекарство – розовое масло со святой водой.

Тот же старец при болезнях не советует усиленно просить об исцелении. Он говорит:

«Нехорошо усиленно молиться о том, чтобы получить исцеление, не зная, что тебе полезно. Предоставь это Сказавшему: «Знает Отец ваш, в чем вы имеете нужду, прежде вашего прошения» (Мф. 6, 8). Помолись же Богу, говоря так: «Владыко, я в руках Твоих, помилуй меня по воле Твоей и если мне полезно, исцели меня вскоре». Проси молиться о том же и святых и веруй несомненно, что Бог сотворит полезное для тебя, и благодари Его во всем, вспоминая слово Писания: «За все благодарите» (1Фес. 5, 18), – и получишь пользу душевную и телесную».

Итак, в болезнях нам также надо надеяться прежде всего не столько на помощь земных врачей, сколько на милость Божию и для этого приносить покаяние и искать исцеление в Таинствах исповеди, причащения и елеосвящения.

Следует всегда помнить, что лечится ли христианин у врачей или не считает нужным это сделать, – самым важным является во всех случаях смиренное упование на прощение грехов и милосердие Божие. Об этом так говорят старцы Варсонофий Великий и Иоанн:

«Те, которые прибегают к врачам и которые не прибегают к ним, поступают так в надежде на Бога. Прибегающие говорят: «Во имя Господне вверяем себя врачам, да через них Бог подаст нам исцеление». А не прибегающие – в надежде на имя Его не прибегают к ним, и Он врачует их. Итак, если ты употребишь врачевание – не согрешишь; а когда не употребишь, не высокоумствуй. Знай же, что хотя ты и к врачам прибегнешь, но будет лишь то, что угодно воле Божией».

О том же говорит так и старец Силуан со Старого Афона:

«Душа, предавшаяся воле Божией, легко несет всякую скорбь и всякую болезнь, потому что и в болезни она молится и созерцает Бога: «Господи, Ты видишь мою болезнь. Ты знаешь, как я грешен и немогущ, помоги мне терпеть и благодарить Твою благодать». И Господь облегчает болезнь, и

душа чувствует Божию помощь и бывает весела перед Богом и благодарна».

О подобной помощи болящим говорят святители Иоанн Златоуст и Амвросий Медиоланский.

Они утверждают, что Бог особо близок Своею благодатию к находящимся в скорбях, печалях и болезнях. Он посещает их, улаживает их невзгоды различными радостями и милостию Своею подобно тому, как это делают милосердные женщины, услуживая болящим и тем доставляя им облегчение в болезни и успокаивая их своим состраданием и любовью.

Следует упомянуть, что и при нежелании искать помощи у врачей христианин может погрешить; и в этом деле, как и во всяком, христианину нужна также рассудительность.

Примером этому может служить случай с одной духовной дочерью известного московского пастыря о. Валентина Амфитеатрова.

Она сильно болела глазами, но не хотела лечиться и настойчиво просила о. Валентина, чтобы тот исцелил ее глаза своею молитвою.

Видя в этом желании чудесного исцеления отсутствие смирения и проявление гордости, о. Валентин отказался молиться за нее и предложил ей обратиться к врачам, т. е. идти тем путем, каким идут все люди.

Старец о. Нектарий Оптинский указывал, что и в исповедальной книжке есть вопрос: «Не пренебрегаешь ли ты лечением», – и добавлял: «И доктора от Бога, и лекарства тоже».

Вот еще несколько примеров, как старцы относились к болезням.

В своих записках старец Силуан со Старого Афона пишет:

«Тому, кто предался на волю Божию, жить много легче, потому что и в болезни, и в бедности, и в гонении он думает: «Так Богу угодно, и мне за грехи нужно терпеть». Вот у меня много лет болит голова, и трудно мне терпеть, но полезно, потому что через болезнь смиряется душа. Душа моя пламенно хочет молиться и совершать бдения, но болезнь мне мешает, потому что больное тело требует покоя и

отдыха: и я много просил Господа исцелить меня, но Господь не послушал меня, значит, мне не на пользу. Вот и другой случай был со мной, и Господь скоро услышал меня и спас. Однажды в праздник в трапезе дали рыбу. Когда я ел, кость вошла в горло, очень глубоко в груди. Я призвал святого великомученика Пантелеимона, прося исцелить меня, потому что доктор не сможет вынуть кость из груди. Когда я сказал: «Исцели», – получил ответ в душе: «Выйди из трапезы, надуйся, и кость выскочит вместе с кровью». Я так и сделал: вышел, надулся, кашлянул, и кость большая с кровью выскочила. Понял я, что если Господь не исцеляет мою голову, значит, для души полезно так болеть».

Учитывая эту пользу душе от болезней, Оптинские старцы рекомендовали многим «подлечиваться», а не лечиться, т. е. искать лишь восстановления трудоспособности, но не совершенного избавления от болезней.

Вот как к болезни относился праведник и великий молитвенник о. Иоанн С:

«Ты просишь у Господа, чтобы тебе любить Его любовью как смерть крепкою, или до смерти. Внемли, вот Господь посылает тебе лютую внутреннюю болезнь, приближающую тебя к самой смерти. Не ропщи же на Господа, но терпи ее мужественно, с благодарением Господу за это отеческое Его посещение, это будет значить то, что ты называешь любовью к Богу, как смерть крепкою. И при сильных ударах или корчах болезни уповай, что Бог не только от болезни, но и от самой смерти силен избавить тебя, если Ему угодно... Когда же видишь болезненное разрушение тела, то говори: «Господь дал, Господь и взял... да будет имя Господне благословенно» (Иов. 1, 21). Ты привык смотреть на тело свое как на неотъемлемую собственность, но это крайне неправильно, потому что твое тело – Божие здание... Не пощади же, не возлюби для Него тела своего тленного, но отдай его добровольно и всецело в волю наказующего тебя Господа, как Авраам сына своего Исаака во всесожжение, не теряя веру в благость Божию, не упадая духом, не показывая Богу и устами безумия, якобы неправильно тебя так сильно наказующему, – и

ты принесешь великую жертву Богу, как Авраам или как мученик... Итак – терпи великодушно свою болезнь и не только не унывай, напротив, если можешь, радуйся своей болезни... Радуйся тому, что Господь взыскал тебя временным наказанием, да очистит душу твою от грехов... Радуйся, что не предаешься тем страстям, которым предался бы, будучи здоров. Радуйся, что несешь крест болезни и, значит, идешь узким и скорбным путем, ведущим к Царству Небесному».

А вот что про болезни пишет о. Александр Ельчанинов:

«Болезнь – не несчастье, а поучение и Божие посещение. Больного прп. Серафима посетила Матерь Божия, и нас, если мы смиренно переносим болезни, посещают высшие силы... Болезнь – самое благоприятное время для возвращения своего сердца к Богу. С выздоровлением эта возможность опять отходит в бесконечную даль... Сколько прошло перед моими глазами случаев, когда безнадежно плотские люди под влиянием болезни делались тонкими, одухотворенными, умильными».

При болезнях и скорбях следует, однако, учитывать и следующее предупреждение о. Иоанна С:

«В болезни и вообще в немощи телесной, равно как и в скорби, человек поначалу не может гореть к Богу верою и любовью, потому что в скорби и болезни – сердце болит, а вера и любовь требуют здорового сердца; поэтому и не надо очень скорбеть о том, что в болезни и скорби мы не можем как бы следовало веровать в Бога, любить Его и усердно молиться Ему. Всеу время. Иногда и молиться неблагоприятное время».

Примечание к главе 46-й

Некоторые из христиан позволяют себе лечиться путем «заговоров». Это не благословенный способ и запрещен Церковью.

Прпп. Варсонофий Великий и Иоанн на вопрос о возможности лечения скота заговором дали такой ответ:

«Заговаривание запрещено Богом, и ни в каком случае не должно употреблять его, ибо нарушать повеление Божие есть душевная погибель. Лучше полечить скот свой другим

образом: попроси совета у врачей – в этом нет греха, или окропи его святой водою»

Глава 47. СМЕРТЬ БЛИЗКИХ

Не хочу же оставить вас, братия, в неведении об умерших, дабы вы не скорбели, как прочие, не имеющие надежды. 1Фес. 4, 13

Когда человек долго и тяжело страдает перед смертью (например от рака), это считается духовными людьми хорошим признаком, признаком милости к нему Бога и предзнаменованием спасения его души. (Есть поговорка: за рак – в рай попадешь).

Наоборот, внезапная смерть без болезни и без возможности приготовления к ней покаянием считается неблагоприятным признаком.

Последнее, впрочем, не имеет отношения к смерти праведников, которые ко времени отхода с земли подвигами благочестия были вполне очищены и приготовлены для Царствия Божия (вспомним, например, о кончине прп. Серафима Саровского).

Вместе с тем, как пишет епископ Игнатий (Брянчанинов):

«Внезапная смерть не случается с людьми, желающими очистить себя покаянием, хотя бы они по временам и побеждались своими немощами».

Как пишет о. Александр Ельчанинов:

«Рождение мистично – к нам приходит вестник из другого мира. Смерть близких еще сильнее будит в нас мистические чувства: уходя от нас, они из ткани нашей души протягивают за собой длинный провод, и мы уже не можем жить только этим миром – в наш теплый уютный дом поставлен телефонный аппарат в бесконечность... Смерть близких – опытное подтверждение нашей веры в бесконечность. Любовь к ушедшему – утверждение бытия другого мира. Мы вместе с умирающими доходим до границы двух миров – призрачного и реального: смерть доказывает нам реальность того, что мы считали призрачным, и призрачность того, что считали реальным... Зрелище

смерти всегда поучительно. Какая бы она ни была, она всегда – чудо и таинство. Наша мысль, а если это близкий человек – наша любовь – вместе с умирающим как будто переступают через эту грань, заглядывают в иной мир и удостоверяются в его существовании. Советы близким умершего: оторвать свои чувства и боль от телесности, которая пойдет в землю, не терзать себя воспоминаниями земных чувств и земных радостей, связанных с умершим, а перешагнуть, хотя бы мысленно, с умершим в тот мир, утешаться любовью близких и совместными молитвами, дать отдых своим нервам и своему телу... Скорбь по умершему – неверие, язычество. Надо прийти к христианскому ощущению реальности Царства Небесного... У умерших наступает непосредственное ощущение и видение духовных существ, нападение демонов и т. д. Наше горе, смущение, слезы, а иногда и отчаяние усугубляют смущение души: ведь она еще очень близка к нам, она – одно существо с нами, и если при жизни, закрытая телом, она не всегда чувствовала душевное состояние близких, то сейчас она особенно беззащитна против нашего отчаяния, усиливающего ее смущение. Вот почему наш долг перед почившими – оказать им помощь приведением себя в состояние молитвы – гармонического, светлого вибрирования, которое распространяется и на них. Всякая смерть – урок для нас, оставшихся: она – чудо, как и чудо рождения: «како предахомся тлению»; она – напоминание о нашей близкой смерти и в построении плана нашей жизни... Пусть наша вера и вообще наша духовная жизнь слабы, но ведь наша любовь к почившим – ведь она-то не слаба; ведь оттого и скорбь наша так велика, что велика наша любовь. Так пусть она же, эта наша любовь, выведет нас из мрака скорби. Напряжением нашей любви переступим и мы тот роковой порог, который переступили они. Войдем усилиями нашего воображения в тот мир, в который вступили они, дадим в своей жизни больше места тому, чем они сейчас живут, – и постепенно, незаметно наша печаль обратится в радость, которую никто от нас не отнимет».

Есть одна склонность у христиан, которую они заимствуют у неверующих людей мира: это стремление скрыть от умирающих близких серьезность их положения и близость смерти.

Господь посылает длительные предсмертные болезни как последнее средство, служащее для спасения души;

Он хочет, чтобы в это время душа задумалась бы над жизнью, заглянула бы в себя, осознала бы свою нечистоту и непригодность для вечного блаженства, ужаснулась бы своему недостойнству и в страхе вспомнила бы о Боге и с покаянием и надеждою на Его милосердие устремила бы к Нему свое сердце.

Этому благому Промыслу Божию очень часто мешают близкие тяжело больных.

Как пишет епископ Феофан Затворник:

«Благоразумие окружающих болящего не должно бы, по-видимому, отвлекать его внимание от мыслей – «Не умереть бы». Но у нас, по обыкновению, в большинстве подобных случаев всячески стараются как бы разуверить больного в грозящей ему опасности, хотя нередко и сами сознают, что больной безнадежен. Понятно, что такое лицемерие у постели болящего, как и чем ни оправдывай его, кроме нравственного вреда ничего не может ему принести, а нередко и самих так неуместно лицемерящих, в случае неожиданно ускорившейся смерти больного без должного христианского напутствия, подвергает тягчайшей скорби. Мало разве умирают у нас без надлежащего приготовления исключительно лишь по нерадению окружающих больного родственников? И допустившие такую неосмотрительность не убиваются ли горем, иногда целую жизнь, считая себя виновными в том, что допустили своего близкого человека умереть без христианского приготовления?»

Также и Оптинские старцы считали, что врач обязан предупреждать больного о приближении смерти.

И, очевидно, не только не скрывать надо опасность перед больными из христиан, но, даже может, быть несколько преувеличивать ее и говорить, что нельзя иметь надежды ни на лекарства, ни на врачей, так как последние – только люди.

Есть случаи из жизни праведников, когда они предсказывали скорую смерть кому-либо из близких к ним, причем эти предсказания потом не оправдывались. Но те, кому они предсказывали, были впоследствии им глубоко благодарны. Это предсказание заставляло их вовремя – когда еще у них были и время и силы – покаяться, изменить свой образ жизни и в усиленных духовных подвигах приготовить себя к переходу в иной мир.

В тех случаях, когда хотят прекратить или облегчить предсмертные страдания больного, надо прибегать к усиленной молитве о нем.

Прп. Афанасий Афонский в тех случаях, когда узнавал духом, что какому-либо больному иноку его монастыря исцелиться не было воли Божией, совершал всенощное бдение и просил Бога, чтобы Он как Благоутробный упокоил его, избавляя таким образом и больного от мучений, и окружающих от тяжести длительного ухода за больным.

И к утру, когда молящиеся кончали свои молитвы, кончал обычно свою жизнь и больной.

Здесь следует, однако, заметить, что чего бы ни просили молящиеся, им следует заканчивать свою просьбу так, как заканчивал Свою молитву Господь в Гефсиманском саду: «Да будет воля Твоя» (Мф. 26, 42).

Приложения к главе 47-й

Что нам говорить умирающим? На этот вопрос дается ответ в письме к умирающей сестре епископа Феофана Затворника:

«Прощай, сестра. Господь да благословит исход твой и путь твой по твоём исходе.

Ведь ты не умрешь. Тело умрет, а ты перейдешь в живой мир, живая, себя помнящая и весь окружающий мир узнающая.

Там встретят тебя батюшка и матушка, братья и сестры. Поклонись им и наши им передай приветы и попроси попечись о нас. Тебя окружают твои дети со всеми радостными приветами. Там лучше тебе будет, чем здесь. Так не ужасайся, видя приближающуюся смерть: она для тебя – дверь в лучшую жизнь. Ангел хранитель твой примет душу твою и поведет ее путями, какими Бог повелит.

Грехи будут приходить – кайся во всех и будь крепкой веры, что Господь и Спаситель все грехи кающихся грешников изглаждает. Изглаждены и твои, когда покаялась. Эту веру поживее восставь в себе и пребудь с ней неразлучно.

Даруй же тебе, Господи, мирный исход. День-другой – и мы с тобой. Потому не тужи об остающихся. Прощай, Господь с тобой».

«Я всегда молился и молюсь, чтобы Господь дал сестре пожить, пока последние дети станут на ноги.

Но судя по тому, что вы мне сказали, теперь уже надо молиться о мирной кончине. Что же делать? Что судил Бог, тому надо покориться.

Что умирает – ничего необыкновенного нет. Вслед за ней и мы пойдем той же дорогой. Это – общий всех путь. Но все же смерть поражает всех, и ко всем умирающим мы относимся так, как бы они нечаянно умерли.

Вы останетесь оканчивать воспитание и устройство детей, а она отойдет, и там что нужно и можно приготовит для встречи вас. Будьте мужем силы. Скрепите силы и мужайтесь. Ведь сестра-то сама не умрет: тело умирает, а личность умирающей остается. Вот и вы, пока она отойдет, – в тот же мир переходите вниманием.

В теле, лежащем под образами и потом выносимом, ее нет. И в могилу не ее прячут. Она в другом месте. Также жива, как и теперь. В первые часы и дни будет около вас. И только ни поговорить, да и увидеть ее нельзя, но она – тут. Вникните в это. Мы, остающиеся, плачем об отошедших, а им сразу легче: то состояние отрадное.

Те, которые обмирали и потом вводимы были в тело, находили его очень неудобным жилищем. То же самое будет чувствовать и сестра. Ей так лучше, а мы убиваемся, будто с ней беда какая случилась. Она смотрит и, верно, дивится. Я всегда был такого мнения, что по умершим не траур надо надевать, а праздничные наряды.

Ну, останкам почившего надо отдать некий почет, что совершенно справедливо, но зачем у нас к этому телу обращаются, как к живому лицу, – удивляться надо. У Господа

нет мертвых – у Него все живы. А мы, насмотревшись на тело – синеватое, глаза впали и т. д., – именно это изображение запечатлеваем, и этот-то обман раздирает сердце. Потом придет в голову мысль: сырая могила... мрачная... увы, бедный, несчастный наш умерший.

А на самом-то деле: он в светлом месте, в состоянии, полном отрады, свободный от всех обязанностей... прелесть как ему хорошо. И все так же жив, как был вчера, накануне смерти. Только ему было хуже, а теперь лучше.

Что его не видно, это не потеря, он бывает тут. Отошедшие быстродвижны, как мысль, они еще ближе становятся нам, чем были здесь, ибо здесь мы часто отделены от любимых пространством, а невидимое бытие сокращает разделение, так что вспомнил лишь об умершем (только сердечной, живой памятью) – он тут и есть.

У отошедших скоро начинается и подвиг перехода через мытарства. Тут нужна сестре помощь. Думайте об этом – и вы услышите вопль: помощи. Вот на что надлежит вам устремить все внимание и всю любовь к ней.

Я думаю, самый действительный показатель любви вашей к усопшей будет то, если вы с минуты отхода души погрузитесь в молитву о ней в новом ее состоянии и новых неожиданных нуждах. Начав так, непрестанно молитесь Богу о помощи ей, особенно в продолжение шести недель, да и далее.

В сказании Феодоры мешок, из которого ангелы брали, чтобы отделяться от злых духов, были молитвы ее старца. То же будут и ваши молитвы. Не забудьте так сделать – вот и любовь. Поскорее и меня известите... и я тоже начну, и дети пусть так делают... А слишком горевать и убиваться – мало имеет смысла.

Глава 48. Подготовка христианина к смерти своего тела

Иногда слышишь от некоторых верующих пожелание умереть. Какое неразумие!

Наши короткие дни жизни – это бесценное сокровище, которое надо использовать как можно лучше, чтобы в течение этих коротких мгновений (по сравнению с вечностью) «собрать» для «неба» (*Мф. 6, 20*) как можно больший духовный капитал – запастись побольше духовного «едея» (*Лк. 19, 23; Мф. 25, 1–13*).

И готовы ли мы к переходу? Хватит ли нам там наших «духовных запасов?» А может быть, мы совсем еще не подготовлены к возвышенным ощущениям жизни духа?

Поэтому надо дорожить каждым днем жизни в теле, а время смерти последнего предоставить Господу.

Положим, кто-нибудь из нас заразил бы палец чумой и узнал бы от врачей, что для спасения своей жизни ему надо продержать свой палец 10 секунд на огне. Неужели не потерпел бы он эти 10 секунд, как бы больно ни было?

А наша жизнь по сравнению с вечностью – не короче ли секунд? Почему же не хотим мы претерпеть в ней немного и провести ее так, как велит Господь, – в беззаветном служении ближним, в молитве, в тщательном соблюдении всех Божиих заповедей, не пренебрегая самой малейшей из них?

Но мы в этом отношении так неразумны и близоруки, что продолжаем вести себя, как самые малые дети.

Вместе с тем мы не можем сказать, что мы не боимся смерти тела. Говоря об обывательском отношении к смерти, о. Иоанн С. пишет: «Что для человека всего ужаснее? Смерть? Да, смерть. Всякий из нас не может без ужаса представить, как ему придется умирать и последний вздох испускать. А как терзаются родители, когда умирают их любезные дети, когда они лежат перед их глазами бездыханными!»

О том же говорит и о. Александр Ельчанинов:

«Смерть – всегда зло и ужас, будет ли это смерть старца или ребенка, грешника или праведника. Смерть – всегда победа диавола, временная, но все же победа. Тело наше, созданное для бессмертия, подчиняется злему закону смерти, отделяется от души, распадается, разлагается, обращается в ничто. Грехом смерть вошла в мир – она входит в нас с наших детских лет, она бороздит морщинами греха лицо, заставляет погашать живой огонь глаз, делает

расслабленным тело... Но смерть, самое страшное для человека, верующему не страшна, как не страшны для крылатого существа все бездны, пропасти и падения».

Но по маловерию многие из христиан бывают заражены взглядом на смерть безбожного мира, который считает смерть величайшим из бедствий, и некоторые даже надеются, что некогда она, может быть, будет преодолеваться наукой.

Когда молятся в церкви о даровании нам «христианской кончины живота нашего» – молятся о даровании нам возможности подготовки к смерти, покаяния перед ней и причащении Святых Таинств непосредственно перед смертью.

Предание оставило нам слова Господа: «В чем застану, в том и сужу».

Здесь указывается на вероятность того, что смерть застанет нас в такой момент, который будет решающим для нашей судьбы в вечности. Благо, если смерть застанет нас за добрым делом – в молитве, в состоянии покаяния и примирения со всеми людьми.

Очевидно, что душу нашу ожидает тогда, по словам Господа, светлая участь. Но горе, если смерть застанет нас в состоянии совершенного и нераскаянного смертного греха, или где-либо в увеселительном месте, или во вражде с кем-либо.

Ведь не случайный момент выбирает Господь, посылая нам смерть. И тогда самая обстановка смертного часа будет нам осуждением. Отсюда будет понятным то, что старцы Старого Афона не считают возможным судить о праведности иноков ранее того времени, когда они увидят, как иноки умирают.

Обычно людям Бог не открывает часа их смерти, так как им это бесполезно. Об этом так пишет прп. Варсонофий Великий одному состоятельному больному, запросившему его о том, будет ли он жив или умрет, – раздавать ли ему свое имение, или делать это еще рано?

«Если я скажу, что ты умрешь, то спасение твое будет как бы вынужденным; потому что, видя себя в узах смерти, ты, как бы по необходимости, откажешься от своего имения. А если ты надеешься еще долго жить и, пожелав спастись, утвердишь мысль твою во благом (т. е. раздашь имение), то,

хотя и тотчас умрешь, спасение твое будет по твоей свободной доброй воле».

Однако многим из достигших святости Господь открывал о часе их смерти заранее.

Более того – некоторым из них дана была даже возможность самопроизвольно отдалить этот час. Так было с прп. Иоанном, сподвижником прп. Варсонофия Великого.

Когда он сказал молодому игумену Елиану о том, что он (Иоанн) умрет через неделю, то Елиан стал умолять его отсрочить день кончины, чтобы наставить его, Елиана, в управлении монастырем. И преподобный, сжалившись над Елианом, остался жить еще лишние две недели.

В истории Православной Русской Церкви описаны случаи сокращения жизни по послушанию и молитвам святых и праведников. Так умерла любимая духовная дочь прп. Серафима Саровского Елена Васильевна Мантурова.

Вот как описывается ее смерть в «Летописи Дивеевского монастыря»:

«Призвав Елену Васильевну, преподобный сказал ей: «Ты всегда меня слушала, радость моя, и вот теперь хочу я тебе дать одно послушание... Исполнишь ли его, матушка?» На согласие Елены Васильевны преподобный сказал: «Вот видишь ли, матушка, Михаил Васильевич, братец-то твой, болен, и пришло время ему умирать, а он мне еще нужен для обители-то нашей... Так вот и послушание тебе: умри ты за Михаила-то Васильевича». «Благословите, батюшка», – смиренно отвечала Елена Васильевна. С того же дня она захворала и вскоре умерла».

Такие же случаи умирания за других по молитвам московского протоиерея Валентина Амфитеатрова описываются и в жизнеописании этого великого пастыря и светильника благочестия наших дней (Изд. 1912 г.).

Таинственна воля Божия, от которой зависит день кончины человека. Однако в описанных выше случаях смерти за других можно видеть очевидную целесообразность в исполнении подобных просьб духовных пастырей. Те, кто умирал, были вполне уже готовы к смерти.

Добровольная же и преждевременная кончина лишь увеличивала их венцы, по заповеди Господней: «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих» (Ин. 15, 13).

Те же, кому по молитвам пастырей продлевалась жизнь, очевидно, также духовно много выигрывали, имея возможность еще более приложить к своим трудам новые труды ради Господа и тем более очистить свою душу от греха.

Велики и радостны обетования Христа для тех, кто последовал за Ним: «Не видел того глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку, что приготовил Бог любящим Его» (1Кор. 2, 9). Эти сокровища не временные, а вечные. И каждый может приобрести их. Для этого христианин должен жить так, чтобы дерзновенно сказать с ап. Павлом: «Для меня жизнь – Христос, и смерть – приобретение» (Флп. 1, 21).

И тогда вместо скорбной песни «Плачу и рыдаю, егда помышляю смерть» у христианина в душе зазвучат другие победные слова ап. Павла: «Смерть! где твое жало? ад! где твоя победа?» (1Кор. 15, 55).

Приложения к главе 48-й

И услышал я голос с неба, говорящий мне: напиши: отныне блаженны мертвые, умирающие в Господе.

Откр. 14, 13

Самый прекрасный день на земле это – день смерти. День смерти тела души верной. Не святой, не праведной... но Господу верной души – это есть праздник.

Ибо грешников спасти от тленной жизни их пришел Спаситель и, чтоб не страшно им было входить в темнеющие тесные ворота, выводящие из земли в жизнь, Сам прошел ими, освятил их, помазал стены их святым благоуханным миром Марии Магдалины.

И поэтому должны мы идти с любовью. Как живем с любовью нашей, малою, ничтожною, так и выйти должны с нею.

Люди, люди, слушайте голос Отца света, Отца мира, Отца жизни. Неужели вы боитесь?.. Грешны? Но ведь Он для грешников кающихся еще более Отец, чем для праведников. Он любит кающихся грешников больше. Не сомневайтесь. Он Сам

сказал об этом. Слушайте. Это – Творец... Он создал вас для жизни. Как маловерны и боязливы люди. Плачут, идя в мир из темной утробы матери. Плачут, уходя из материнской утробы мира, рождаясь в нескончаемую жизнь блаженного и осиянного духа. Смотрите на образ. Рождение – со скорбью, но блаженна скорбь последнего распятия и очищения – более чем все радости на земле.

Готовься, душа, к Божьему часу. Это час великого покоя, чистоты, день великой правды жизни, начало великой любви мира.

Помышляя со страхом в великом смущеньи
О предсмертных минутах последнего дня,
Трепещу, вспоминая свои согрешенья:
Иисусе Сладчайший, помилуй меня.
Не остави в томленных меня одиноком
В час ужасный исхода, Христе, моего,
Да узрю близ себя угасающим оком,
Иисусе Сладчайший, Тебя одного.
И когда окружают мое смертное ложе
И приблизятся зраки лукавых духов,
Заслони их виденья ужасные, Боже,
И укрой мою душу от злобных врагов.
Чтобы слух не смущали мирские мне звуки,
Ты хранителю ангелу имя Твое
Повели мне твердить в утешение муки,
Иисусе Сладчайший, спасенье мое.
Цепенеющих уст не отрини моленья,
Разреши мне язык в сей последний мой час.
Покаянных стенаний в предсмертном бореньи
Иисусе Сладчайший, услыши мой глас.
И когда уже смерть затуманит мне очи
И навеки для мира закроется слух,
Просвети этот мрак наступающей ночи
И прими, Иисусе Сладчайший, мой дух.
Разрешенную душу из тела темницы,
Всю объятую страшной смертельной тоской,
Да покроет Твоя всеблагая десница,

Иисусе Сладчайший, возлюбленный мой.
От воздушных мытарств, от врагов и мученья
Безответную, робкую Сам защити,
И грехов ее бездну, ее дерзновенье
За любовь лишь и веру, о Боже, прости.
Если ж дух мой, Христе, воскрешенный
Тобою, Удостоится свет трисиянный узреть,
Просвети Ты его благодатью святою,
Чтобы вечно любовью он мог пламенеть.
Чтобы мог наслаждаться Твоим лицезреньем,
Иисусе Сладчайший, Податель благих,
И, Тебя славословя немолчным хваленьем,
Упокоиться сладко в объятьях Твоих...

Принуждай себя вставать рано и в определенное время.
Без особенной причины не спи больше семи часов.

Как скоро пробудишься от сна, тотчас вознеси мысль свою к Богу и сделай на себе со благоговением крестное знамение, помышляя о распятом Господе Иисусе Христе, Который для нашего спасения умер на кресте.

Немедленно встань с постели, оденься и не позволяй себе долго нежиться на мягкой постели и оставаться неодетым.

Одеваясь, помни, что ты находишься в присутствии Господа Бога и ангела хранителя, и вспоминай о падении Адама, который грехом лишил себя одежды невинности, и смиренно проси у Господа Иисуса благодати облечься в Него и так мыслить, чувствовать, говорить и делать, как Он Сам и мыслил, и чувствовал, и говорил, и делал.

Потом немедленно начни молитвы утренние; преклонив колена, молись тихо, внимательно, благоговейно и с глубочайшим смирением, как должно перед взором Всемогущего. Испрашивай у Него веры, надежды и любви и благословения к занятиям этого дня.

Проси себе сил к благодушному приятию всего того, что Ему будет благоугодно в тот день послать или попустить, и перенесению всех тягостей, трудностей, бедствий, смущений, напастей, скорбей и болезней души и тела с твердостью и спокойствием и с любовью к Иисусу Христу.

Прими твердое намерение все делать для Господа Бога, все принимать из Отеческой руки Его, и особенно – решимость делать именно такое-то добро или избегать именно такого-то зла; приноси всего себя в живую жертву Богу.

Размышляй так: может быть, этот день есть последний день моей жизни, – и все так делай, как бы ты хотел делать, готовясь предстать теперь же на суд Божий.

Благовари Господа Бога за сохранение тебя в прошедшую ночь, и что ты еще жив и не умер во грехах. Сколько людей в прошедшую ночь смерть представила пред Страшное судилище Господа!

Также возблаговари Бога, что еще есть для тебя время благодати и милосердия и что есть еще время и средства для покаяния и приобретения неба.

Каждое утро думай о себе, что только теперь начинаешь и хочешь быть христианином, а прошедшее время напрасно погибло.

Хоть четверть часа каждое утро посвящай на краткое размышление об истинах веры, особенно о непостижимом таинстве воплощения Сына Божия, о Втором пришествии Его, Страшном Суде, муке и рае.

После молитвы и размышления, если позволяет время, то почитай какую-нибудь книгу духовную, например св. Димитрия «Алфавит духовный» и св. Тихона Задонского «Сокровище от мира собираемое», и читай до тех пор, пока сердце твое придет в умиление. Довольно подумав об одном месте, читай далее и внимай тщательно тому, что Господь говорит твоему сердцу.

После сего займись делами твоими, и все занятия и дела твои да будут во славу Божию; помни, что Бог везде видит тебя, зрит все действования, занятия, чувствования, помышления и желания твои и щедро воздаст тебе за все добрые дела.

Не начинай ни одного дела, не помолясь Господу Богу, ибо то, что мы делаем и говорим без молитвы, после оказывается или погрешительным, или вредным и обличает нас через дела неведомым для нас образом. Сам Господь сказал: «Без Меня не можете творити ничесоже».

Среди трудов твоих будь всегда весел и покоен, успех их поручая благословению Господа и довольствуясь тем, что ты сделал свое дело.

Исполняй все тяжкое для тебя как эпитимию за грехи твои – в духе послушания и смирения; в продолжение трудов произноси краткие молитвы, особенно молитву Иисусову, и представляй себе Иисуса, Который в поте лица Своего ел хлеб Свой, трудясь с Иосифом.

Если твои труды совершаются успешно, по желанию сердца твоего, то благодари Господа Бога; если же неуспешно, то помни, что и это Бог попускает, а Бог делает все хорошо.

Если же остается время перед обедом, то рассмотри, как ты исполнял то, на что решился поутру, или во время благочестивого чтения, или во время размышления.

Во время обеда представляй Отца Небесного, отверзающего руку Свою, чтобы напитать тебя; никогда не оставляй молитвы перед обедом и во время его представляй, что Иисус обедает с тобою; удели от своего стола и нищим.

После стола считай себя как бы одним из тех, которых в числе пяти тысяч наплат чудесно Иисус Христос, и возблагодари Его от сердца и моли, чтобы Он не лишил тебя небесной пищи – слова Своего и Святых Тела и Крови Христовых. Если желаешь жизни мирной, то предай всего себя Богу. До тех пор ты не найдешь душевного мира, пока не успокоишься в едином Боге, любя Его одного.

Всегда и во всем поминай Господа Бога и святую любовь Его к нам грешным: во всем старайся исполнять волю Божию и угождать только единому Богу.

Не делай ничего против заповедей Божиих, не домогайся и не ищи ничего, кроме Бога, делай и терпи все для Бога.

Не заботься о том, чтобы уважали и любили тебя люди века сего, но о том, чтобы угодить Господу Богу и чтобы совесть твоя не обличала тебя во грехах.

Если же хочешь непрестанно помнить о Боге, то скорби и несчастья переноси как справедливо тебя постигающие.

Бодрствуй тщательно над самим собой, над чувствами, помышлениями, движениями сердца и страстями; ничего не

почитай маловажным, когда дело идет о твоём спасении вечном.

Во время памятования о Боге умножай молитвы твои, чтобы Господь помянул тебя тогда, когда забудешь о Нем. Во всем да будет Учителем твоим Иисус Христос, на Которого взирая оком ума своего, спрашивай самого себя чаще, что в этом случае помыслил бы, сказал и сделал Иисус Христос.

Приучись во всем, что ни видишь, представлять себе что-нибудь доброе. Будь кроток, тих, смирен, молчи и терпи по примеру Иисуса. Он не возложит на тебя креста, которого ты не можешь понести. Он Сам поможет тебе нести крест.

Не думай приобрести какую-нибудь добродетель без скорби и болезни души. Проси у Господа Бога благодати исполнять как можно лучше Его святейшие заповеди, хотя бы они казались тебе весьма трудными.

Исполнив какую-нибудь заповедь Божию, ожидай искушения, ибо любовь ко Христу испытывается через преодоление препятствий.

И на малое время не оставайся в праздности, а пребудь всегда в трудах и занятиях. Ибо не трудящийся недостоин имени человека и непременно погибнет.

Уединяйся по примеру Иисуса Христа, Который, уединяясь от прочих людей, молился Отцу Небесному.

Во время тягости душевной или охлаждения к молитве и ко всем благочестивым занятиям не оставляй дел благочестия – так, Господь Иисус Христос трижды молился, когда душа Его была прискорбна даже до смерти.

Делай все во имя Иисуса, и таким образом всякое дело твое будет делом благочестия.

Более слушай, нежели говори: во многоглаголении не спасешься от греха. Испрашивай для себя у Господа благодати благовременно и молчать и говорить и полагай хранение устам твоим, чтобы не согрешить языком, и заграждай слух, чтобы не услышать противного Господу Богу.

Не любопытствуй о новостях: они развлекают дух; с охотой рассуждай о добрых предметах. Убегай даже самых мелких

грехов, ибо не удаляющийся от малых, непременно впадет в большие и тяжкие.

Если хочешь, чтобы не тревожили тебя злые помыслы, то со смирением принимай уничижение души и скорбь телесную, не отчасти, но во всякое время, во всяком месте и во всяком деле.

Всякий помысл, удаляющий тебя от Господа, особенно скверный плотской помысл, изгоняй из сердца как можно скорее, как сбрасываешь с одежды и одну искру, попавшую на нее. Когда приходит такой помысл, то молись крепко: «Господи, помилуй. Господи, помоги мне. Господи, не оставь меня, избави от искушения», – или иначе как.

Но среди искушений не смущайся. Кто посылает случай к сражению, Тот даст и силы к победе. Будь спокоен духом, уповай на Бога; если Бог за тебя, то кто против тебя?

Испрашивай у Бога, чтобы Он отнял от тебя все, что питает твое самолюбие, хотя бы это лишение было для тебя самое горькое. Желай жить для Него одного и умереть и всецело принадлежать Ему. Когда потерпишь какое-нибудь бесчестие от людей, то разумей, что это послано от Бога к славе твоей, и таким образом в бесчестии будешь без печали и смущения, и в славе, когда она придет, будешь верен и избежишь осуждения. Если имеешь пищу и одежду, то этим будь доволен по примеру Иисуса, нас ради обнищавшего.

Никогда не спорь и слишком много не защищай себя и не извиняй; ничего не говори против начальников или ближних без нужды или обязанности.

Будь искренен и прост сердцем, с любовью принимай наставления, увещания и обличения от других, хотя бы ты был и очень мудр.

Не будь ненавистником, завистником, безмерно строгим в слове и делах. Чего не хочешь себе, того не делай другому, и чего себе от других желаешь, то прежде сам сделай другим.

Если кто посетит тебя, то возвысь сердце твое к Господу Богу и моли Его даровать тебе дух кроткий, смиренный, собранный; будь ласков, скромн, осторожен, благоразумен, слеп и глух, смотря по обстоятельствам.

Помышляй, что Иисус находится среди тех, с которыми ты находишься и беседуешь. Слова твои растворяй солью премудрости, твердо помня, что время кратко и что человек должен дать отчет во всяком бесполезном слове. Разговору назначай определенную цель и старайся направлять его к спасению души.

Когда же кому принесешь пользу словами твоими, то признай в этом благодать Божию.

Когда ты находишься наедине с собою, то испытывай себя: не сделался ли ты менее добр, нежели как был прежде, не впал ли в какие грехи, которых прежде не делал?

Если согрешишь, то немедленно проси прощения у Бога со смирением, сокрушением и упованием на Его благодать и поспеши принести покаяние перед отцом духовным, ибо всякий грех, оставленный без покаяния, есть грех к смерти, о котором, если и святой помолится за другого, не будет услышан. Притом, если не будешь сокрушаться о грехе, сделанном тобою, то опять в него скоро впадешь.

Старайся делать всякому добро, какое и когда только можешь, не думай о том, оценит ли или не оценит он его, будет или не будет он тебе благодарен. И радуйся не тогда, когда сделаешь кому-нибудь добро, но когда без злопамятства перенесешь оскорбления от другого, особенно от облагодетельствованного тобою.

Если кто с одного слова не оказывается послушным, того не понуждай через прение, сам воспользуйся благом, которое он потерял. Ибо незлобие принесет тебе великую пользу. Но когда вред от одного распространяется на многих, то не терпи его, ищи пользы не своей, но многих. Общее благо важнее частного.

Во время ужина вспоминай о последней вечере Иисуса Христа, моли Его, чтобы Он удостоил тебя вечери Небесной.

Прежде нежели ляжешь спать, испытай свою совесть, проси света к познанию грехов своих, размышляй о них, проси прощенья в них, обещай исправление, определив ясно и точно, в чем именно и как ты думаешь себя исправить.

Потом предай себя Богу, как будто тебе должно в сию ночь явиться пред Ним, поручая себя Божией Матери, ангелу

хранителю, святому, которого имя носишь. Представляй постель как бы гробом твоим и одеяло как бы саваном. Сделав крестное знамение и облобызав крест, который на себе носишь, усни под защитой Пастыря Израилева (т. е. Господа), «иже храняй не воздремлет, ниже уснет».

Если же не сможешь спать или будешь бодрствовать во время ночи, то вспоминай слово: «Среди полночи вопль бысть: се Жених грядет», – или вспоминай о той последней ночи, в которую Иисус молился Отцу до кровавого пота.

Молись за находящихся ночью в тяжелых болезнях и смертном томлении, за страждущих и усопших и моли Господа, да не покроет тебя вечная тьма.

Во время болезни прежде всего возложи упование твое на Бога и частым воспоминанием и размышлением о страдании и смерти Иисуса Христа занимай себя, чтобы более и более укреплялось твое сердце. Непрестанно твори какие-либо молитвы, какие знаешь и можешь.

Проси у Господа Бога прощения во грехах и терпения во время болезни. Всячески воздерживайся от ропота и раздражительности, так обыкновенных во время болезни. Если Господь Иисус Христос потерпел ради нашего спасения самые тяжкие страдания и болезни – а мы что сделали или потерпели ради нашего спасения?

Как можно чаще ходи в храм к Божественной службе, особенно старайся как можно чаще быть во время литургии. Воскресные и праздничные дни непременно посвящай делам благочестия. Всегда, когда находишься в храме, представляй, что ты находишься в присутствии Бога, ангелов и всех святых.

Остальное время дня после литургии посвящай на благочестивое чтение и другие дела благочестия и любви. День рождения твоего особенно посвящай делам благочестия. Каждый год и каждый месяц делай строгое испытание твоей совести.

Исповедуйся и приобщайся Святых Таин как можно чаще. К приобщению Святых Таин приступай всегда с истинным голодом и истинною жаждою души, с сокрушением сердца, с благоговением, смирением, верою, упованием и любовью.

Как можно чаще размышляй о страданиях и смерти Иисуса Христа, умоляя Его ризой заслуг Своих покрыть все грехи твои и принять тебя в Царство Свое. Имя Иисуса всегда имей в устах и в сердце.

Как можно чаще размышляй о великой любви Господа к тебе, чтобы и самому тебе возлюбить Его всем сердцем твоим, всею душою своею и всеми силами твоими, и таким образом будешь вести мирную жизнь на сей земле и блаженную на небе во веки веков. Благодать Господа нашего Иисуса Христа да будет с тобою.

Часть шестая. В отчем доме

Предисловие

В «доме Отчем» бывший «блудный сын» должен выполнять ту или другую работу в согласии с волей Отца.

Эта работа может быть различной. Некоторые, из особо отмеченных Богом, избирают путь иноческий и идут в монастыри и пустыни.

Другие остаются «иноками в миру», соблюдая монашеский обет безбрачия.

Наконец, третьи составляют те христианские семьи – «домашние Церкви», которые так высоко оценивались апостолом Павлом.

Освещению этих трех путей посвящается настоящая – 6-я часть очерков.

В «доме Отчем» для христианина имеются наилучшие условия для его духовного возрастания и достижения высот христианских добродетелей. Про последние говорится в главах о полноте покорности и полноте служения Богу и в главе о бесстрастии и самоотречении.

Так приближается христианская душа к святости и той «совершенной радости» (*Ин. 15, 11*), которая обещана Христом для последовавших за Ним учеников.

В заключение дается краткая сводка основных положений о спасении души, уже изложенных ранее в наших очерках.

Пути христианина

Глава 1. Иночество

Для меня жизнь – Христос Флп. 1, 21

Свет инокам – ангелы; свет мирянам – иноки. Древнее изречение

Настоящие очерки предназначаются преимущественно для христиан, живущих в миру. Поэтому в настоящей главе об иночестве говорится лишь очень кратко.

Те из христиан, которые особенно усердно искали спасения, обычно, начиная с конца III столетия, стремились порвать с «лежащим во зле» (1Ин. 5, 19) миром и уйти в монастырь или в пустыню. Этим оправдалось предсказание Тайновидца: «Жена (т. е. Церковь Христова. – Н. П.) убежала в пустыню» (Откр. 12, 6).

По мнению прп. Симеона Нового Богослова, «духовный опыт (мистические переживания) могут иметь как живущие в безмолвии, так и живущие среди мира.

Однако пребывание среди мира и заботы мирские служат препятствием для тех, которые желают жить по Богу».

О том же говорит и Оптинский старец Варсонофий:

«Высшего блаженства могут достигнуть только в монастыре. Спасись и в миру можно, но вполне убелиться, омыться от ветхого человека, подняться до равноангельской высоты, до высшего творчества духовного в миру невозможно, так как весь уклад мирской жизни, сложившейся по своим законам, разрушает, замедляет рост души. Поэтому-то до равноангельской высоты вырастают люди только в лабораториях, называемых монастырями».

А пустынный Никифор («Граждане неба» В. Свенцицкого) говорил:

«Плохо живут в монастырях, а все лучше, чем в миру. Над миром можно подняться только на известную высоту: если мир низок, то подняться над ним люди высоко не могут».

И очевидно, что в монастыре можно с большим успехом и с большей легкостью осуществить христианский идеал полной

сердечной отдачности Господу.

Итак, хорошо, если иноку удастся уединиться в монастыре, в пустыне, скрыться от людей мира. Там ничто не будет мешать ему в молитве, богомыслии и обуздании плоти воздержанием и постом. Там не будут касаться его житейские бури, суета, страсти и пристрастия мира. Но что же такое инок?

«Инок» – это значит «иной», отличный от других, отличный от мира.

Инок – тот, кто всего себя отдает Богу, – и всю свою жизнь, и душу, и сердце. Им он дышит, Ему отданы мысли, Ему посвящена жизнь, Им движется воля, к Нему стремится сердце.

Иночество или монашество есть великое таинство – ангельский чин души человеческой, обручение ее при жизни Господу.

По словам прп. Феодора Студита, монашеский образ жизни – это третья «благодать» (Ин. 1, 16), «небесная жизнь на земле – сведение ангельского мира на землю, достижение того, что по существу своему лежит уже за пределами земного».

А вот как определил иночество Оптинский старец о. Варсонофий:

«Монашество есть блаженство, какое только возможно для человека на земле, выше этого блаженства нет ничего. И это потому, что монашество дает ключ к внутренней жизни. Блаженство внутри нас; надо только открыть его. Полное блаженство – на небе в будущей жизни. Но нижняя ступень его уже на земле; в той жизни оно только продолжается».

«Монашество есть блаженство, какое только возможно для человека на земле, выше этого блаженства нет ничего. И это потому, что монашество дает ключ к внутренней жизни.

Блаженство внутри нас; надо только открыть его. Полное блаженство – на небе в будущей жизни. Но нижняя ступень его уже на земле; в той жизни оно только продолжается».

Девиз инока – девиз ап. Павла: «Для меня жизнь – Христос, и смерть – приобретение» (Флп. 1, 21). Смерть тела поэтому не должна пугать инока. К ней он готовит себя всю жизнь, омывая слезами покаяния свои духовные одежды и запасаясь елеем –

Духом Святым Божиим, чтобы не остаться вне «брачного пира» (Мф. 25, 1–13).

Но не тем только отличается инок от мирянина, что живет в монастыре. Можно жить в монастыре, выполнять все иноческие обеты, соблюдать все правила и обычаи монахов и все же по духу быть мирянином.

Как говорил старец Зосима из Троице-Сергиевой Лавры:

«Монашеская одежда, постриг – все это не делает человека монахом. Вступивший на этот путь должен подражать жизни ангельской: жить в непрестанной молитве, в любви ко всем людям, исполнять все добродетели, пребывать в смирении, считая себя за ничто, никого не осуждать и всеми силами с помощью Божией стараться о спасении ближних своих».

Вот почему старец Варсонофий Оптинский различал внешнее и внутреннее монашество. Он говорил:

«Сначала нужно упражняться во внешнем монашестве; перешагнуть его и приступить сразу ко внутреннему нельзя. Нужно потерпеть всякие скорби, унижения и озлобления внутри себя от диавола, а совне от неразумных собратий. Сначала нужно пройти весь искус. Иногда даже будете чувствовать отвращение и ненависть к монашеской жизни. Нужно испытать борьбу со страстями, стяжать смиренное о себе мнение и многое другое».

О конечной цели инока так говорит еп. Игнатий (Брянчанинов):

«Содержать в свободе сердце от всего земного (нестяжание) и молчание, обратившееся в навык, дают свободу непрестанно глядеть в сердце. Вот живой образец истинного безмолвника, истинного инока, мертвеца для мира, таинственного священника и архиерея, приносящего Богу непрестанную жертву глубоких святых помышлений и чувствований, и жертву превысшего их сердечного и умного молчания, за которым непосредственно Бог».

Люди мира часто обвиняют иноков в «эгоизме» – в заботе только о своем спасении, о своей душе, в том, что иноки чуждаются и бегут мира, не хотят помогать спасению других.

Но тех иноков, которые уходят от мира в пустыню, затворили в полное уединение – их упрекать нельзя. Ведь Господь в Своей притче называл «мудрыми» тех дев, которые отказались поделить елеем с неразумными девами. Эти девы боялись того, чтобы «не случилось недостатка» (Мф. 25, 9) елея как у них, так и у неразумных дев.

Как объясняет прп. Серафим, «елей» – это Дух Святой, очищающий и освящающий душу христианина. Мудр тот, кто боится того, что среди людей мира он не сможет накопить этого Божественного елея, так необходимого душе при будущей встрече с Женихом души своей – со Христом. И если он, сознавая свою немощь и духовную бедность, бежит от тех, кто не дает ему возможности скопить елей, то он «прав и мудр», по словам Господа.

Здесь надо вспомнить о словах Господа, Который повелевает нам «вырывать глаз», «отсекать руку» и «бросать их от себя», если они «соблазняют» христианина, чтобы спасти «тело» от «геенны» ценой гибели «одного из членов» своих (Мф. 5, 23–30).

Это также можно понимать как одобрение мудрого ограничения себя в общении с членами семьи и людьми мира при боязни от них соблазна.

Вместе с тем надо помнить и о том, что монахи – уединенники, затворники и отшельники – после периода внешнего монашества и очищения себя от страстей и пристрастий посвящают свое время преимущественно молитве за страждущий мир, который и удерживается от бедствий, по словам прп. Варсонофия Великого, именно этими молитвами.

По словам старца Варсонофия Оптинского:

«Монашеством держится весь мир. Когда монашества не будет, то настанет Страшный суд».

Как пишет старец схимонах Силуан:

«Монах – это молитвенник за весь мир; он плачет за весь мир, и в этом его главное дело. Кто же понуждает его плакать за весь мир? Понуждает Господь Иисус Христос, Сын Божий. Он дает монаху любовь Духа Святого, и от этой любви сердце монаха всегда печально о народе, потому что

не все спасаются. Что есть безмолвие? Безмолвие – это непрерывная молитва и пребывание ума в Боге. Отец Иоанн С. всегда был с народом, но он был больше в Боге, чем многие пустынники... Если любит душа народ и жалеет его, то молитва не может прекратиться».

«Монах – это молитвенник за весь мир; он плачет за весь мир, и в этом его главное дело.

А прп. Нил Синайский пишет:

«Монах тот, кто, от всех отделяясь, со всеми состоит в единении». «Монах тот, кто почитает себя сущим со всеми, и в каждом видит себя самого». «Блажен инок, который на достижение спасения и преуспевание всех взирает как на свое собственное».

Итак, инок должен забыть себя. При этом он должен забыть не только себя, но и отрешиться от родственных связей ради молитвы и служения всему миру.

Характерным примером для этого является иеромонах Адриан из Югской Дорофеевой пустыни (жил с 1800 по 1853 г.). В его жизнеописании упоминается о следующем случае.

«Будучи сам нестяжательным, о. Адриан и родным своим не давал ничего из того, чем ему служили почитатели, отдавал все в обитель и бедным. Родные на это обижались; просили за них о. Адриана и знакомые ему дворяне. Но инок был верен своим обетам. И в разъяснение своего образа действий так говорил: «От мертвеца и нитки не посмеют пожелать, а монах для мира мертвец. Притом я не враг моим родным, чтобы чрез монастырские вещи вносить огонь в их дом: ихние-то вещи мирские – пожжет монастырское». Как-то сестра со слезами попросила чего-либо у него; о. Адриан, сострадательно указывая на безрукавную курточку, сказал: «Что ты выпросишь у мертвеца? У меня ничего нет, кроме вот этой одежды». – «Так дай на память хоть ее!» Он отдал, но прибавил: «Дать-то я, пожалуй, и дам тебе, да она принесет тебе огонь, хотя не в дом, а в снопы на поле». И что же? На другой день у этой женщины сгорел овин со снопами»

(Жизнеописания подвижников благочестия; август месяц).

Монашество неразрывно с безбрачием.

Про состояние же девства так пишет св. Димитрий Ростовский:

«У ангела отними крылья – будет дева! К деве приставь крылья – будет ангел!»

Надо, однако, помнить, что «не все вмещают слово сие (Мф. 19, 11) и, как поясняет ап. Павел, «каждый имеет свое дарование от Бога, один так, другой иначе» (1Кор. 7, 7).

Поэтому каждому надо в свое время решать вопрос, имеет ли он призвание быть безбрачным, «имеет ли он, что нужно» для построения задуманной башни, и «силен ли он с десятью тысячами противостоять идущему на него с двадцатью тысячами» (Лк. 14, 28–31).

Следует предупредить, что труден вопрос о возможности принесения обетов безбрачия.

Часто случается, что люди пробовали «строить» и потом оказались бессильными и оставляли задуманное. Поэтому и старцы далеко не всех благословляют на подвиг девства.

Однажды к прп. Серафиму пришли две девицы. Одна из них, уже немолодая, просила благословения для поступления в монастырь.

Другая, юная, и не думала о монастыре. Но старец благословил идти в монастырь молодую, а пожилой дал совет вступить в брак, в котором предсказал ей счастливую жизнь. «А в монашество нет тебе дороги. Монашеская жизнь трудна и не для всех выносима», – заключил преподобный. И на деле все произошло так, как он предсказывал.

Поэтому при выборе пути нельзя полагаться на одно желание, но необходимо проверять его через советы старцев или духовных отцов и искать для себя через них воли Божией.

В некоторых случаях уход в монастырь должен отлагаться до благоприятного момента: не могут в монастырь уходить родители, пока их дети еще требуют попечения. Не может уйти в иноки один из супругов, если другой не хочет последовать за ним.

Не могут ранее времени уходить в монастырь и дети, если родители их не могут обходиться без них. Так, прп. Сергей ушел

в пустыню лишь после смерти своих родителей.

Благо иноку, если он вступил на этот путь еще в чистоте девственности.

Прп. Серафим говорил:

«Велик подвиг девства перед Богом; девство есть состояние равноангельское».

Вместе с тем «жизнь в девстве гораздо исполнимее и малотруднее жизни брачной», – говорит св. Григорий Палама, имея в виду, конечно, именно трудность сочетания брачной жизни с жизнью всецело в Боге. Но он же добавляет: «Можно и в супружестве живущим достигнуть такой чистоты, но весьма с большой трудностью».

Поэтому можно думать, что идеальный брак с посвящением себя воспитанию детей в полноте благочестия и страха Божьего может быть будет не меньшим подвигом, чем иночество и девство.

Супруги в этом случае подражают (кроме подвига девства) Самой Богоматери и выполняют и весь долг христианина и полноту обеих первых заповедей – любви к Богу и ближнему.

Инок же и девственница – это евангельская Мария, сидящая у ног и слушающая Спасителя: пусть ее часть – лучшая часть, но все же только часть предназначения человека.

Здесь идет речь, однако, о рядовых иноках. Те же иноки, которые молятся за мир, и в особенности пастыри, старцы, игумены и епископы, выполняют в своем служении, конечно, также обе первые заповеди и достигают и полноты служения, и наибольшей сердечной чистоты и близости к Богу. Но рядовой инок пусть преклонится перед подвигом и тех, кто в миру от всего сердца служит Богу и несет крест духовного воспитания молодого христианского поколения.

Приложение к главе 1-й

Психологическое обоснование иночества хорошо изложено в книге Е. Поселянина «Пустыня», где он описывает жизнь фиваидских пустынников (египетских) III и IV веков.

Е. Поселянин пишет:

«Прочтя эти сказания о жизни первых отцов, иной читатель, привязанный к миру, невольно содрогнется и скажет себе:

«Господи, за что такие терзания, за что это постоянное, изощренное мучительство себя?»

Да, жутко нам, живущим в мире и любящим этот мир, хотя бы с самых возвышенных и чистых его сторон, – жутко нам читать о том, как отказывались люди от всего, что, по общим понятиям, составляет цену жизни, от всего, что ее красит, веселит и вдохновляет.

Что может быть дороже для человека, как общение с людьми? А они уходили в пустыню...

Сколько великих духовных наслаждений, самых тонких и высоких, мог бы позволить себе при своем положении прп. Антоний, не греша? И как он тою радостью, какую тогда испытывал бы, прославлял бы Бога, Первоисточника всего светлого и прекрасного?..

Ибо разве великое разнообразие мира, перемены климатов, столь непохожих друг на друга в отдаленных странах, особенности быта, все, что составляет для человека предмет восхищения в путешествиях, которые являются одним из главных удовольствий богатых людей, – разве весь этот блеск мира и богатство его красок не созданы непостижимой мыслью Творца?

Или человек, предаваясь высоким волнениям, какие возбуждают в душе созерцание созданий искусства – тоже удел богатых людей, – погрешает чем-нибудь против Бога, вложившего в него это стремление к дивной гармонии и чувство счастья пред совершенной красотой?

Или Тот, Кто первое Свое чудо сотворил на браке в Кане Галилейской, осудил бы Антония, если бы он создал себе семью и воспитал в своих детях верных Божиих работников?

Да, Бог не осудил бы всех этих людей, которые бы могли спастись, если и взяли бы от жизни то счастье, которое доступно христианину и которое христианину именно и доступнее, чем другим людям.

Но они сами не могли взять этого счастья, потому что их мысль была слишком прикована к другому.

Есть характеры удивительно цельные. Есть мысли, проникающие всю до мелочей жизнь таких цельных людей.

Все прекрасное, радостное и утешительное в жизни было заслонено для них одним воспоминанием, одною мыслию, одним образом: образом Христа Распятого.

Пусть веселое солнце пригревает землю и весна идет над полями, рассыпая благоухающие цветы; пусть волна глубокого залива, нежно плескаясь у ног, зовет в даль, в чудные незнакомые страны: ХРИСТОС РАСПЯТ – и исчезают в этом слове и радостные внушения весны, и светлые посулы увлекающих в даль волн.

Пусть раздались сладчайшие звуки, какие слышало на земле людское ухо; пусть соловей рассыпает свои тревожащие сердце трели или со струн срываются, затихают, растут и снова силятся и рвутся вперед звуки; речь души, более выразительная и могучая, чем слабое и бледное человеческое слово: ХРИСТОС РАСПЯТ, – и что в ушах человека, пред которым вечно живую стоит Голгофа, может заглушить страшный звук гвоздей, вбиваемых в распростертые руки Богочеловека?

Пусть яркими красками рисуется человеку счастье семьи, пусть манит его к себе картина тихого вечера, обаятельное, насиженное семейное гнездо, обожаемая жена, любимые дети: ХРИСТОС РАСПЯТ – и как же не доказать Христу, что Он не один, не оставлен, что есть люди, которые готовы забыть все в мире, чтобы стоять у Его креста, страдая Его страданьем и упиваясь благодатью Его искупительной жертвы.

Так должны были думать эти люди. Мир был для них пуст, один лишь Христос Распятый влек к Себе их прямые и верные сердца.

И только они, бессмертные, знают, какую усладу нашли на земле в созерцании этого таинственного и вечного Креста и что сказал им Тот, Кому они отдали кратковременный свой век, когда они пришли к Нему после жизни, полной невыразимых пыток и... невыразимого счастья».

Глава 2. Монастырь в миру

Достижение Божественной жизни и совершенства возможно и вне монашества. Схиархимандрит Софроний

Не всем дано, и особенно в молодости, «вместить» безбрачие. Семейные же не могут уходить в иноки, пока их дети еще нуждаются в их заботах или пока супруг или супруга не соглашаются на одновременный уход в иноки.

Кроме того, многим из иноков по духу не удастся попасть в монастырь в современных условиях по тем или иным причинам и приходится жить в миру. Но имеется такой рассказ.

Как-то похоронили рядом инока и мирянина. Спустя некоторое время понадобилось раскрыть могилы. И вот – на иноке оказались мирские одежды, а на мирянине – иноческие.

Итак, у Бога не внешность определяет принадлежность христианина к иночеству; и мирянин в глазах Его может быть совершенным иноком и наоборот.

И как пишет свящ. Павел Флоренский:

«Не посты и другие труды телесные, не слезы и не добрые дела – благо подвижника, а восстановленная в целости, т. е. целомудренная, личность».

А схиархимандрит Софроний считает, что «достижение Божественной любви и совершенства возможно и вне монашества».

Как говорит старец Зосима (в романе Ф. Достоевского «Братья Карамазовы»): «иноки не иные суть человеки, а лишь только такие, какими и всем на земле людям быть надлежало бы».

Еп. Герман писал одной игумении:

«Разве не знаете – многие мирские (христиане) будут выше монахов? У мирских много бывает смирения мытарева, терпения, сокрушения. А у монахов очень часто – оценка своих подвигов, черствость сердца, фарисейская праведность («потрудился – заплати»)».

Следует упомянуть, что о. Александр Ельчанинов считает, что у жизни в миру есть даже некоторые преимущества. Он пишет: «Нельзя усыплять страсти, надо их искоренять. Вот преимущество жизни в миру: она открывает нам наши страсти через столкновение с искушающими людьми и обстоятельствами». Поэтому можно быть в миру, жить среди городской суеты, входить в состав многочисленной семьи и все

же быть совершенным иноком. Последнему пример – мать 13-ти детей св. Иулиания Лазаревская (память 2 января старого стиля).

Однако достижение совершенства в миру труднее, чем в монастыре.

Можно задаться вопросом: что является самым существенным для инока и отличием его от обычного мирянина?

Инок – тот, кто имеет внутренний монастырь в своем сердце. Об этом так пишет епископ Феофан Затворник:

«Когда в сердце монастырь, тогда строение монастырское будет или не будет – все равно. В сердце монастырь вот что: Бог да душа».

Стены внутреннего монастыря у инока в миру создаются непрестанной молитвой. Вот как говорит об этом о. Валентин Свенцицкий: «"Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй меня грешного» – вот камень, из которого создаются стены тайного монастыря. Один камень за другим кладет человек, произнося слова этой молитвы, и день за днем, год за годом вокруг души вырастают молитвенные стены, отделяющие его от мирской жизни».

То же утверждает и старец Варсонофий Оптинский:

«Одно внешнее без внутреннего даже приносит вред. Внешнее монашество можно уподобить вспахиванию земли. Сколько ни паши – ничего не вырастет, если ничего не посеешь. Вот внутреннее монашество и есть сеяние, а именно – молитва Иисусова. Молитва Иисусова освещает всю внутреннюю жизнь монаха».

У инока особый уклад жизни. Этот уклад известен, когда инок живет за монастырской стеной. Но когда инок принужден оставаться в миру, у него тоже должен выработаться свой особый порядок жизни, который в известной степени мог бы охранять его от мирского водоворота и суеты и помог бы ему сберечь мирный дух и пламень Божественной любви.

Здесь, в миру, его жизнь, как и в монастыре, должна строиться прежде всего на основе любви к Богу и к ближним с

усиленным вниманием к развитию в себе смирения и воздержания.

Свои «таланты» – силы и время – инок должен вдумчиво разделить между Божьим и «кесаревым», понимая под последним все необходимые житейские обязанности (Мф. 12, 17).

Здесь «кесарю» надо отдавать лишь действительно необходимое, тщательно сберегая все свои остальные силы и время, чтобы полнее отдать их Богу и ближнему.

Они будут отдаваться Богу прежде всего в церковной (по возможности) и в личной домашней молитве и при этом в молитве не только о себе, но и о страждущих в мире. «Монах тот, кто молится о всем мире», – говорил старец о. Силуан.

Может быть, здесь такому иноку не удастся даже иметь своего угла для уединения, не удастся молиться перед иконами.

Пусть не скорбит об этом инок: Господь не спрашивает ничего, что не во власти человека. Но инок всегда может творить молитву про себя при всех делах, а свои правила выполнять по необходимости, хотя бы на ходу или сидя за ручной работой.

Хотя инок живет в миру, но он теряет вкус и интерес к мирскому развлечению, его тяготят общество мирских людей, их постоянный смех, шутки, злословие и пустословие. Ему не нужны светские книги. Ему не нужно искать – чем бы внешним заполнить жизнь, спасаясь от скуки и тоски.

Жизнь его полна особенного внутреннего содержания. Он тайный монах – тайного монастыря, не принявший пострига, живущий для всех окружающих в миру, но для себя ушедший в монастырь умной молитвы. Он создал этот монастырь терпеливыми непрестанными трудами, с Божьей помощью, подвизаясь молитвой Иисусовой.

Может быть, у инока в миру не будет ни старца, ни духовного отца, у которых он мог бы быть в постоянном послушании. Может быть, ему нельзя будет часто (или даже вовсе) бывать на богослужении в храме.

Пусть опять-таки не унывает от этого инок. Разумное послушание (т. е. в чем это возможно) может быть оказано и окружающим, а совета духовного можно искать у близких и опытных в духовной жизни людей. А богослужения в храме своего сердца у такого инока отнять никто не может.

Ему в этом отношении надо помнить всегда указание Господа самарянке: «Поверь Мне, что наступает время, когда и не на горе сей, и не в Иерусалиме будете поклоняться Отцу... Но... время... настало уже, когда истинные поклонники будут поклоняться Отцу в духе и истине, ибо таких поклонников Отец ищет Себе» (Ин. 4, 21–23).

Всем инокам «монастыря в миру» следует помнить указания старца о. Алексия М. о том, что здесь «нельзя применять внешние формы монашеской жизни, от которых всегда будет ущерб семье, которая непременно будет заброшена. Внутренняя духовная жизнь одинакова для всех. Можно жить монахиней (или иноком) и в миру (по духу), но внешние правила монастырской жизни в миру немыслимы, чего иногда не понимают духовники из монашествующих.

Для иноков общежительного монастыря внешняя жизнь протекает иначе, чем у мирянина: все у них готово, на все свое время. Подражая монастырской жизни, инок в миру иногда может взять на себя непосильные подвиги, будет тянуться, тянуться, не выдержит, оборвется, и душа его начнет страдать.

А в духовной жизни самое главное – чтобы никто и ничто по возможности не страдало. Странствие допустимо лишь тогда, когда дело идет о покаянии и является плачем о грехах своих».

«Твое монашество – любить тех, с кем в жизни Господь тебя поставил. И в миру можно быть монахиней», – говорил о. Алексий одной из своих духовных дочерей.

Есть разница в отношении к окружающим у инока в миру и инока, живущего в монастыре. Если в монастыре инока сравнительно мало касаются житейские скорби и нужды близких, то здесь, в миру, он окружен ими.

По заповеди ап. Павла «плачьте с плачущими» – инок в миру не может уклоняться от участия в скорбях ближних. И если огонь любви у инока в монастыре направляется

преимущественно на Бога, то здесь – в миру – он будет направлен в значительной мере и на страждущих «младших братьев» Христа.

Словом, добродетель милосердия должна быть у инока в миру в полном своем развитии. Иначе он может быть осужден Господом за черствость и сухость своего сердца.

Для тех, кому это под силу, милосердие к ближним должно проявляться в утешении их, придании им духа бодрости и радостного настроения. Это будет даже ценнее и дороже для ближних, чем забота об их теле и материальных нуждах.

Если Промысл Божий не дал возможности христианину-иноку по духу жить за монастырской стеной, ему надо по возможности стремиться к уединенной жизни.

Лучше, если он будет жить отдельно от родных по плоти, если последние ему чужды по духу. Жизнь с ними не даст ему благоприятных условий для самоуглубленной, внимательной жизни.

Любовь к родным по плоти будет заставлять его принимать участие в их мирских делах, может быть, в их ссорах и суете жизни. Он будет чувствовать себя не в праве уклоняться от участия в их интересах по заповеди «плачьте с плачущими и радуйтесь с радующимися» (*Рим. 12, 15*). В итоге дух христианина будет возмущаться от мирского водоворота и суеты. Если же христианин считает себя обязанным помогать в чем-либо близким по плоти, то лучше эту помощь оказывать издали, не сливая своей жизни с родными по плоти – не живя с ними под одной кровлей.

Тщательно должен разбираться инок в знакомствах. Только по нужде он должен иметь дело с людьми мира. А друзей себе он должен выбирать лишь тех, в ком чувствует веяние Духа Святого Божия; только их он должен посещать и принимать к себе (если не считать страждущих, болящих и скорбящих).

Совершенно естественно, что усиленное внимание должен обращать инок на развитие в себе добродетелей трезвения, молчаливости и внимания к своим словам. Постоянно он должен проверять свое внутреннее состояние.

В основу же всего своего поведения он должен положить воздержание от всего мирского и глубочайшее смирение перед ближними.

Для того, чтобы возрастить в себе все эти христианские добродетели, инок в миру должен руководиться все тем же законом – «от внешнего к внутреннему» (см. ч. II), т. е. подражать вначале всем проявлениям во внешнем каждой добродетели, чтобы за его усердие Господь даровал иноку и сокровище душевных добродетелей.

Если так сумеет построить инок свою жизнь, то он создаст себе и в миру свой монастырь, незаметный для других, но реальный для него самого.

В этой невидимой обители он будет иметь свой определенный неизменный уклад жизни, свои послушания, своих духовных отцов, свои часы и минуты богослужения в храме своего сердца, свою школу смирения, свои подвиги воздержания и свой ручеек непрестающей молитвы сердечной, текущей в жизнь вечную.

Пусть у инок будет на руках тяжелая или многопечительная работа, пусть кругом будут бушевать волны житейского моря и суеты – он все же будет жить в своем внутреннем монастыре, со своим богослужением и богообщением, со своими обетами, с полной отдачей Богу всей своей души и всего своего сердца.

Глава 3. Домашняя церковь

Где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них.
Мф. 18, 20

Приветствуйте Прискиллу и Акилу... и домашнюю их церковь. Рим. 16, 3–4

Семья – это первоначальная ячейка христианской общины, это «домашняя церковь», как называет ее в своих посланиях ап. Павел (Рим. 16, 4; Кол. 4, 15).

А слово «церковь» говорит о том, что в христианской семье присутствует Сам Христос, ибо Церковь составляет Его Тело (Кол. 1, 24).

Из посланий ап. Павла видно, что первоначальные христианские семьи проявляли не только высоту христианских добродетелей (веры, любви, милосердия), но и полноту служения.

Ап. Павел так характеризует одну из христианских семей: «Приветствуйте Прискиллу и Акилу, сотрудников моих во Христе Иисусе (которые голову свою полагали за мою душу, которых не я один благодарю, но и все церкви из язычников), и домашнюю их церковь» (*Рим. 16, 3–4*).

Прошли первые века мученичества и исповедничества. Христианство восторжествовало, стало господствующей религией. Масса новокрещеных из язычников стала именовать себя христианами, оставаясь по духу язычниками.

Наступил упадок духа в христианской общине, заполненной во множестве мнимыми христианами. Тогда началось обособление от мира многих из тех, кто хотел полнее выполнять заветы Христа, – началось удаление в пустыню и устройство монастырей.

Сюда в значительной степени был перенесен огонь живой веры и подвига во имя Христа, а мир обезлюдил Его истинными учениками.

Из святых (прославленных Церковью) в миру оставались (после периода мученичества) преимущественно святители и юродивые. Такие же святые, которые жили обычной семейной жизнью, как например св. Филарет Милостивый или св. Иулиания Лазаревская, были, по данным истории, только исключениями, и их насчитывается совсем немного по сравнению с многочисленным сонмом святых преподобных.

Отсюда у многих христиан живой веры сложилось убеждение, что истинное и верное спасение души достижимо лишь при удалении от мира в пустыню или монастырь.

Но как ни привлекательна красота полноты отданности Богу иноков, как ни сладка доля евангельской Марии – сидеть у ног Господа и слушать Его Божественную беседу, но все это, повторяем, – лишь доля от величайшего призвания христианина (за исключением того случая, когда иночество соединено с молитвою за мир или с пастырством).

Пусть труден и тернист путь тех, кто решился на полноту служения по образу Богоматери, – служения и Богу и ближним; пусть приходится им жить в миру, в обстановке, полной соблазнов, все же этот путь своим подвигом прекрасен в своей гармоничной законченности.

Можно думать, что он особенно угоден Господу, если проходится в полноте исполнения Его заповедей. Вспомним, как один из величайших подвижников и преподобных отцов – Макарий Великий – был послан учиться добродетели к двум скромным замужним мирянкам из Александрии.

То же повторилось и с другим великим египетским подвижником IV века – аввой Пафнутием, который был послан для той же цели к флейтисту, старшине селения и к александрийскому купцу.

Итак, жизнь в миру, при всей ее суете и соблазнах, не лишает христианина возможности угождения Богу. Более того, благодаря ее духовным трудностям подвиги этих христиан оцениваются Богом не ниже, чем подвиги иноков, устранившихся от соблазнов мира. Это подтверждается рассказами о свв. Макарии и Пафнутии.

Обычно в миру христианин живет в семье; основой последней являются муж и жена, связанные перед Богом для вечности обетами взаимной любви и общности всей жизни в служении Богу.

Вместе с детьми и всеми домочадцами они образуют, по словам о. Алексия М., домашнюю церковь Христову, посвященную тем святым, имена которых носят члены семьи.

Основной задачей христианской семьи является не только просто вырастить детей, но непременно вырастить их как истинных чад Церкви Христовой – подготовить для Господа благоговейных Его служителей.

Благо, если из семьи выйдут достойные священнослужители или иноки – молитвенники за мир. Ведь упадок качества духовенства происходит исключительно из-за того, что мир оскудевает истинно христианскими семьями. И чем более в таких семьях детей, тем более эти семьи могут послужить Господу.

В таких семьях все члены семьи служат Богу, каждый выполняет свои обязанности как по отношению к другим членам семьи, так и в отношении внешнего мира – всех ближних и посетителей семьи.

Глава семьи – отец. В семье жена должна повиноваться мужу. Ап. Павел пишет по этому поводу: «Учить жене не позволяю, ни властвовать над мужем, но быть в безмолвии» (1Тим. 2, 12)и «жена да боится мужа своего» (Еф. 5, 33). При этом муж должен «любить свою жену, как самого себя» (Еф. 5, 33)и «дети повиноваться своим родителям» (Еф. 6, 1).

У семьи – как в церкви – должна быть (по возможности) общая молитва. Все заповеди Христовы о любви и взаимном служении должны прежде всего и полнее всего выполняться в семье. У семьи должен быть один общий духовный отец.

В некоторых древнехристианских и старорусских семьях при доме были свои домашние церкви. Если их не было, то были особые молельни, комнаты, убранные иконами, как часовни.

Общий дух веры, любви и благочестия связывал всех членов христианской семьи в одно неделимое целое; такие семьи действительно были как особые «домашние церкви».

Часто бывает так, что мы выказываем себя добродетельными и как бы прихорашиваемся, лишь когда соприкасаемся с внешними людьми, вне своей семьи. А в семье мы нетерпеливы, не считаем нужным сдерживать свои слабости, раздражительность, дурные привычки и недостатки и не стремимся в совершенстве выполнять заповедь Христову о взаимной любви друг к другу.

Все, о чем говорилось выше, относится к взаимным обязанностям членов семьи.

Но у каждой христианской семьи есть еще и другая важная и почетная обязанность: это служение Христу через ближних, посещающих семью или имеющих к ней отношение.

Тесная внутренняя связь членов семьи, как мы знаем, наблюдается и у евреев. Но Господь говорит: «Если вы будете любить любящих вас, какая вам награда? Не то же ли делают и мытари? И если вы приветствуете только братьев ваших, что

особенного делаете? Не так же ли поступают и язычники?» (Мф. 5, 46–47).

Христианская семья является ячейкой Церкви Христовой, через которую Он согревает холодных, питает голодных, утешает несчастных, принимает странников, заботится о больных и всех согревает Своей любовью – лаской, вниманием, заботой, утешением и ободрением.

Здесь для смущенного и недоумевающего найдется мудрый совет мужа; для молодых и неопытных матерей – знания и опыт матери и жены, а также образцы для подражания в добром воспитании детей.

Здесь найдется хорошая духовная пища в книгах религиозной библиотеки, отдохновение души и тела в ласке и тепле семейного уюта для не имеющих этого в своем доме.

На всех приходящих изливается свет и тепло Христовой любви и исполняются заветы старца о. Алексия М.: «Будьте для всех солнышками», «Каждого гостя принимайте, как посланного от Господа» и «Забудьте, совсем забудьте о себе ради тех, кто ищет у вас помощи, утешения и ободрения».

Вот о достижении чего должна всегда молиться всякая христианская семья с самого начала своего зарождения, стоя под церковными венцами при бракосочетании. Это – венцы света Христова, которые Он дарует новобрачным, чтобы пронести их через всю будущую тернистую жизнь и тем исполнить высокое предназначение христианской семьи и подготовить себя к достойному переходу к новой светлой жизни в Его Небесном Царстве.

Отсюда понятны слова св. Иоанна Златоуста, который говорит, что «часто супруги показывают добродетель гораздо более совершенную, чем живущие в монастырях».

В заключение следует упомянуть и о мнении о. Александра Ельчанинова, что истинный христианин может быть только или монахом (хотя бы и в миру), или семьянином в супружестве. Он пишет:

«Есть путь брака и путь монашества. Третье состояние – девственников в миру – очень опасно, соблазнительно и не всякому посильно. Кроме того, такие и для окружающих

представляют собой опасность: сияние и красота девственности, которое ведь в некоторой степени «брачное оперение» (когда не имеют прямого религиозного смысла), влекут к себе и возбуждают чувства».

Приложение к главе 3-й

Как возникают христианские домашние церкви и каково их назначение, говорит следующий рассказ.

У архиепископа Арсения (Чудовского) была духовная дочь – девушка, мечтавшая принять монашество.

Но не таков путь был указан ей духовным отцом: «Ты должна быть замужем и иметь многочисленную семью. За всех моих духовных дочерей, принявших монашество, ты должна родить детей, которые будут истинными христианами. А первого твоего ребенка, когда ему будет 12 лет, я сам постригу в иночество, вместо тебя. Ищи себе жениха и приведи его ко мне».

Ради послушания девушка оставила свою мечту о монашестве и стала присматривать жениха.

Один человек понравился ей, и она привела его к владыке. Он поговорил с ним и велел прийти за ответом на другой день. Ответ был отрицательный. То же повторилось и со вторым женихом.

Третьего нашла мать девушки. Совсем не понравился этот невесте. Однако из послушания матери она повела и его к владыке, думая: «Все равно владыка забракует и этого, как первых двух».

Но каково было ее горе, когда на другой день она услышала от архиепископа:

«Вот тот, кого Господь тебе назначает в мужа. От него ты будешь иметь много детей. И если он тебе не нравится, то не смей никогда хоть сколько-нибудь обнаруживать ему это. С ним ты будешь счастлива».

Горько плакала невеста, но по вере и послушанию духовному отцу подчинилась.

У нее было 13 детей, из которых выросли семь. Прислуги в семье не было, и воспитывала детей только мать. Когда стали

подрастать первые дети, их обязанностью было помогать матери: старшие одевали младших, с ними гуляли и т. д.

Семья создалась истинно христианская, и жена со временем полюбила своего мужа. Отношения в семье между всеми членами были всегда неизменно нежными и сердечными.

В семье была общая вечерняя молитва, которая читалась по очереди детьми. Все дети выросли глубоко верующими. Один из них служит диаконом в одном из московских храмов.

А первый ребенок – дочь была пострижена владыкой в иночество 12-ти лет. Хотя с внешней стороны она кажется обычной служащей, но по духу она истинная монахиня и точно исполняет все иноческие обеты.

Глава 4. Примеры жизни христиан в миру

...Жить тихо, делать свое дело и работать своими собственными руками. 1Фес. 4, 11

Каковы должны быть основы жизни христиан, остающихся в миру, но решившихся и здесь идти неколебляющимися стопами вслед за Христом?

Образцы жизни в миру для христиан мы можем брать из жизни ветхозаветных праведников, из первой христианской Церкви до возникновения монашества и из жизни прославленных Церковью святых из мирян и подобных им подвижников благочестия.

В жизни праотцев еврейского народа как будто бы нет ничего выдающегося. Они жили обычной жизнью семьянина, и мы не видим у них подвигов поста, усиленной молитвы и бдений.

Однако Священное Писание прославляет их. И прославляет их между прочим за то, что, живя в среде развращенных язычников-иноплеменников и среди соблазнов, они не теряли своей веры в Единого Бога и сохраняли себя не оскверненными от мирского порока.

Это было нелегко. Апостол Петр так говорит про жизнь Лота в Содоме: «А праведного Лота, утомленного обращением между людьми неистово развратными, избавил – ибо сей праведник,

живя между ними, ежедневно мучился в праведной душе, видя и слыша дела беззаконные» (2Пет. 2, 7–8).

В связи с этим архиеп. Арсений (Чудовской) так пишет в своем дневнике:

«Добрые христиане часто жалуются на трудность жизни в миру среди соблазнов, пороков, развращения и суеты. Но знаешь ли ты, христианин, что тебе скорбями и подвигами надлежит войти в Царство Небесное? Вдали от мира тебе нужны для спасения пост, коленопреклонения, постоянное бодрствование над собой; в миру же, если ты не приражаешься к соблазнам, терпишь и страдаешь от окружающего тебя развратного мира, ты являешься своего рода мучеником, и знай, что каждая твоя слеза, каждый твой вздох, выпускаемый от притеснения развращенного мира, стоит многих подвигов и постов. Мученики за Христа претерпевали видимые гонения, страдания и утеснения от мучителей, а ты, живя среди развращенного мира, тоже терпишь утеснения; но только не телесные, а нравственные... И ты также мученик!!!»

Очевидно, что и для современных христиан, живущих в среде развращенного мира и атеистов, должна служить утешением мысль, что одно уже сохранение своей веры и сбережение себя от царящего вокруг порока будет оценено Богом как известное духовное достижение.

Из быта семьи праотца еврейского народа Авраама кроме гостеприимства мы должны поучиться взаимному отношению Авраама и Сарры.

Ап. Петр пишет: «Так некогда и святые жены, уповавшие на Бога, украшали себя, повинувшись своим мужьям. Так Сарра повиновалась Аврааму, называя его господином» (1Пет. 3, 5–6).

Глубокое взаимное уважение и взаимное наименование супругов «господин» и «госпожа» были и в семье первых христиан, как это видно из жизнеописания свв. мучеников Адриана и Натальи (память 26 августа старого стиля).

Для живущих в миру образцом горения духа и вместе с тем обособленности от жизни мира должна являться Церковь I века,

основанная апостолами и описанная в Деяниях апостолов и их посланиях.

Что отличало жизнь этих христиан? Все дела свои они сопровождали молитвой. Перед начинаниями или путешествиями они к молитве присоединяли пост. У христиан первой иерусалимской общины все имущество было общее – богатых не было, так как все владевшие именьями продавали их, а деньги отдавали апостолам, т. е. вносили их в общину.

Между отдельными общинами была живая связь, и нужда одной общины вызывала всегда приношения и помощь других общин.

Как известно, первые христиане имели длительные ночные богослужения и причащались каждый день. Они имели общую трапезу, которая следовала вслед за богослужением. Все находились в строгом послушании апостолам или поставленным от них пресвитерам.

Жизнь их была обособлена от не веровавших во Христа и, как пишется в Деяниях, «никто не смел пристать к ним» (*Деян. 5, 13*). По существу это был монастырь в миру, объединивший всех христиан вместе с их семьями.

Быт первой христианской семьи складывался под непосредственным влиянием апостолов и в особенности апостола Павла. Последний рекомендовал христианам «жить тихо, делать свое дело и работать своими руками» (*1Фес. 4, 11*).

Эта тихость жизни выражалась прежде всего в замкнутости жизни христианских общин, в отсутствии тесной связи (кроме внешне необходимой) с окружающим развращенным языческим миром.

Об этом неоднократно говорится в апостольских посланиях.

В качестве примера быта первого периода христианства можно взять семью св. Григория Богослова. По рассказам последнего, его мать Нонна никогда не обменивалась пожатием рук с языческой женщиной и не садилась за стол для вкушения пищи с язычниками.

Патриархальные семьи первых христиан жили замкнутой жизнью из опасения вредного влияния на детей окружающего мира.

Так, например, св. Филарет Милостивый так воспитывал свою внучку, ставшую впоследствии императрицей (женой Константинопольского императора Константина IV Порфирородного), что мог сказать про нее послам императора: «До вас она не видела никого постороннего».

Конечно, подобная степень замкнутости невозможна в социальных условиях современного быта. Вместе с тем замкнутость имеет смысл лишь в том случае, если в семье господствует истинное благочестие и имеется свой круг духовно близких людей, с которыми семья живет в тесном общении.

Иначе молодое поколение семьи стало бы тяготиться замкнутостью и последняя ожесточила бы детей и восстановила бы их против родителей.

Но как в монастырях наивысших духовных ступеней достигают уединенники и затворники, так и из числа христианских семей лишь те процветают духовно, которые сумели изолировать себя от тесного соприкосновения с окружающим их развращенным миром и создать для себя круг близких высокодуховных людей.

Черты замкнутости быта перешли от первых христиан и Византии в быт старой русской православной семьи.

Христианам первых веков Церковь запрещала участие в языческих пиршествах.

Христиане обычно уклонялись также от участия в общественных развлечениях – от посещения театров, цирка и т. п.

«Можно жить в миру, но только не на юру, а жить тихо», – говорил старец о. Амвросий.

И вряд ли нужны особые доказательства той истины, что там, где «пространен путь», осуждаемый Господом (Мф. 7, 13), где смех, где шум развлечений и рассеянная жизнь, там не будет сосредоточенной молитвы и подвига «несения креста», там не будет веяния Духа Святого Божия.

Жития новозаветных святых также дают нам, правда, немногочисленные, но яркие образы угодников Божиих, не покидавших мир.

Выше уже рассказывалось про двух александрийских замужних женщин, добродетелям которых был послан учиться св. Великий Макарий Египетский (см. ч. 3-ю).

Несколько примеров мирян, угождавших Богу, имеется в жизнеописании также египетского подвижника IV века Пафнутия, о котором писал епископ Палладий, автор «Лавсаика» (а также церковные писатели и историки первых веков Руфин, Созонт и Никифор).

После периода продолжительного подвижничества в пустыне Пафнутий стал молить Бога открыть ему, кому он подобен из мужей, известных по своей святости.

В ответ на его молитву ему явился ангел и сообщил, что он подобен живущему в городе флейтисту.

Пафнутий отправился в город, нашел известного ему флейтиста и стал расспрашивать о его жизни.

Флейтист сообщил ему, что он был ранее разбойником и на его душе много грехов. Лишь о двух добрых делах стал рассказывать флейтист. Однажды он спас от разбойников и привел в селение одну христианскую девушку.

В другой раз он в пустыне нашел одну голодную женщину и накормил ее. Узнав, что она бедствует из-за того, что муж находится в тюрьме за долги, а сыновья проданы, он выкупил мужа и детей ее.

После этого случая Пафнутий стал вести еще более суровую жизнь в пустыне. Спустя несколько лет он опять стал просить Бога открыть ему, кому из святых он подобен.

Снова был получен ответ от Бога, что он подобен старшине ближайшего селения. Пафнутий тотчас же отправился к нему.

Старшина принял Пафнутия с великим радушием, обмыл ему ноги и предложил трапезу. Пафнутий рассказал старшине о том, что добродетели его оцениваются Богом выше многих подвижников и монахов и просил рассказать о себе.

Старшина отвечал, что он человек грешный и недостойн и имени монаха. На настойчивые же просьбы Пафнутия старшина рассказал о себе следующее:

«У меня жена и три сына. После их рождения мы живем с женой в воздержании вот уже тридцать лет. Когда приходит в

селение странник, я принимаю его к себе прежде других поселян. Отправляя странника, я снабжаю его всем необходимым для пути.

Если узнаю про какого-либо бедного и несчастного, то стараюсь помочь ему и утешить. Берегусь чужого и не допускаю своего скота до чужих пастбищ. Никто не может сказать чего-либо недоброго про моих сыновей.

Не было в селении вражды, которую я не примирил бы. Не допускал богатого притеснять бедного. Поля свои предоставлял другим, пользуясь лишь остатками после них. Я никого не огорчал и не осуждал».

Вернувшись в пустыню, Пафнутий еще более стал поститься и подвизаться в подвигах. Затем в третий раз он стал молить Бога открыть ему, кому он подобен. Снова получил ответ, что теперь он подобен одному александрийскому купцу, который сейчас подходит к его келье.

Пафнутий тотчас же вышел навстречу гостю. Это был богатый купец, который нес Пафнутию вместе со своими сыновьями десять мешков овощей. Он был известен тем, что весь свой доход от торговли раздавал бедным и монахам.

По совету Пафнутия все трое мужей, описанных выше, закончили свою жизнь в иноческом чине. Пафнутию была открыта та светлая участь, которую они наследовали в Небесном Царстве.

В этом примере важно уяснить, почему флейтист, бывший разбойник, стоял выше по добродетели строгого подвижника и какое достоинство имели добродетели этих трех мирян.

Два своих первых добрых дела флейтист совершил, будучи еще разбойником. Чтобы спасти девушку, ему надо было пойти на ссору с товарищами и озлобить их против себя, что, конечно, явилось трудным делом и требовало большого мужества.

Во втором деле ему пришлось израсходовать большие деньги, чтобы выкупить должника и его детей, и потратить, может быть, все свои сбережения. Это потребовало от разбойника, вероятно, внутренней борьбы.

По существу, флейтист совершил и третье великое дело: он порвал с разбойниками – своими товарищами – и стал добывать

свое пропитание честным путем. Для этого он также должен был вынести внутреннюю борьбу. В этом случае он уподобился «блудному сыну» из евангельской притчи, и исполнились слова Господа: «На небесах более радости будет об одном грешнике кающемся, нежели о девяноста девяти праведниках, не имеющих нужды в покаянии» (Лк. 15, 7).

Второй из мирян – старшина селения – являет собой уже совершенного христианина, тщательно выполняющего заповеди Христовы начиная с милосердия, и проводит жизнь в воздержании.

Достичь этого в миру много труднее, чем спастись в пустыне, где нет соблазнов, где перед глазами примеры ревности других братьев и имеются высокодуховные руководители.

Третий из мирян – александрийский купец – возвышается над старшиной тем, что служит Богу не только сам, но со своими сыновьями, и благотворит не случайно посетившим его странникам (как старшина), а тем, кто наиболее дорог и близок Богу – монахам и пустынникам. Для этого он сам с сыновьями идет в пустыню, чтобы послужить им. Здесь он наиболее совершенно исполнил заповедь о милосердии, так как, по словам апостола Павла: «Будем делать добро всем, а наипаче своим по вере» (Гал. 6, 10). А при служении «праведнику» обещается и «награда праведника» (Мф. 10, 41–42).

Вот еще образец святого мирянина, ранее уже упоминавшегося, – св. Филарета Милостивого (память 1 декабря), всю свою жизнь посвятившего делам милосердия и точному исполнению заповеди «Просящему у тебя дай» (Мф. 5, 42).

До того как стать зятем императора, св. Филарет отдал нуждающимся и свою последнюю пару волов, и те запасы зерна, которые сам взял в долг для прокормления семьи.

Замечателен образ святой мирянки – жены муромского воеводы, матери четырнадцати детей св. Иулиании Лазаревской, жившей в XVI веке (память 2 января).

Подобно святым женам первой Церкви, она умела соединить в своей жизни заботу о семье и детях и широкую

благотворительность с подвигом усиленной молитвы и поста. Последние она начала еще в девическом возрасте и постепенно усиливала их в течение своей жизни, посвящая ночи молитве. На молитву она вставала по ночам даже тогда, когда бывала больна.

Также с ранних лет она проявляла заботу о бедных сиротах и больных. До выхода замуж она все свое время посвящала тому, чтобы шить для них одежды, или продавала свои вышивания для раздачи денег неимущим.

Она никогда не пользовалась услугами слуг, даже не допускала, чтобы кто-либо подал ей воды для омовения рук. Особенное внимание она уделяла тому, чтобы в семье и между слугами не было ссор и брани, и когда была необходимость, брала вину на себя, лишь бы водворить в семье мир. При проступках слуг она старалась покрыть их вину, не говоря о ней свекру и свекрови. Когда же не хватало ее умения и сил справиться со слугами и водворить в доме тишину, она горячо молилась Божией Матери и св. Николаю, прося их помощи.

Сила духа св. Иулиании в особенности проявилась в тяжелые годы – во время голода 1570–1572 гг. она усилила свои милостыни и не доедала сама, чтобы раздать более хлеба. Когда кончились в ее доме запасы зерна, она велела слугам собирать лебеду и кору вяза и из них готовила хлеб, которым питала семью и который раздавала нищим.

Последние говорили: «У других мы получаем хлеб из одной муки, но ни у кого он не был так сладок, как у этой вдовы». Так видимо для всех помогал Господь верной рабе Своей в ее добрых делах.

А вот еще несколько примеров из жизни древней христианской Руси.

Владимир Мономах имел обыкновение молиться по ночам с земными поклонами и говорил, что этим человек побеждает диавола и очищается от грехов, совершенных в течение дня. Вставал он обычно до восхода солнца.

Князь Андрей Боголюбский по ночам ходил в церковь, зажигал свечи, повергался пред иконами и плакал о грехах своих.

Князь Димитрий Донской в посты причащался каждую неделю. Он тайно носил власяницу.

К числу праведников из мирян следует отнести и доктора Гааза. Его жизнь, его труды и все его мысли были посвящены обездоленным и несчастным. В особенности много он сделал для узников. До него заключенные носили очень тяжелые кандалы, и при отправке пешком в Сибирь их сковывали партиями. Он добился замены тяжелых кандал на легкие и отмены сковывания.

Самым любимым его делом было посещать тюрьмы, утешать и помогать заключенным. Заключенных он учил верить в Бога, молиться и раздавал им тысячами Евангелие и религиозные книжки. Часто он пешком сам провожал ссыльных на несколько верст от Москвы.

В начале его деятельности в России он был богат – имел фабрику, имение под Москвой и ездил в карете из шестерки лошадей. В течение своей жизни он продал и фабрику и имение, ездил уже на пролетке, а все свои деньги истратил на арестантов и бедных. Почти все свое жалование он также отдавал арестантам, и поэтому умер в нищете и был похоронен за счет казны.

Всех своих неимущих пациентов он не только лечил бесплатно, но, посещая их, сам помогал им материально. Сила его любви к несчастным и горение его сердца были таковы, что перед его заботами о заключенных склонялись все, начиная от митрополита Филарета Московского до императора Николая I, выпускавшего из тюрьмы престарелых заключенных по просьбам доктора Гааза.

Ниже приводятся примеры благочестивых христианских семей, почти современных нам.

Старец о. Алексей Мечев так рассказывал о семье своих родителей:

«У моей матери было шесть человек детей, а жили мы в двух комнатах. Когда умер вдовый муж ее сестры, она не задумываясь взяла себе еще пять человек сирот и стала относиться к ним даже лучше, чем к нам. Эта любовь, этот пример на всю жизнь на меня повлияли. После, когда

отец поступил на службу и имел большую квартиру, все-таки у нас всегда было полно народу – братья, сватья и многие другие. И все всегда находили приют, шли и знали, что будут успокоены, всегда принимались с радостью. Оканчивая курс учения, я не имел отдельной комнаты: приходилось ночью вставать, чтобы заниматься. Все это дало мне хороший пример на всю жизнь. Жизнь с народом, в народе – моя душа, я счастлив здесь. Не могу видеть, когда кто плачет, у кого какое горе, стрелой летишь туда, хочется с ними вместе плакать. Всем этим я обязан моей матери».

Другим примером является семья уездного сибирского судьи, описанная в 1-й части «Откровенных рассказов странника».

В обычае этой семьи было принимать в свой дом странников, кормить их, снабжать всем необходимым и давать им ночлег. При этом и муж и жена старались лично услужить странникам, включительно до омовения их ног. Пришлых странников муж встречал христианским целованием.

На свои средства они содержали нищеприемницу, где всегда жило до десяти человек увечных и больных. По воскресеньям и праздникам они устраивали обед для нищих. Обычно за столом всегда обедали с ними и их слуги. Дети были приучены к тому, чтобы приводить в дом странников и нищих.

Много полезного может дать и чтение жизнеописаний зарубежных подвижников благочестия.

К ним относятся, например, жизнеописания таких великих людей, как бельгийского священника Домана де Весслера – друга прокаженных; английского благотворителя Георга Мюллера, посвятившего всю жизнь строительству многочисленных сиротских домов; итальянского священника Дона-Боско – отца нищих, вдов и сирот.

Нужно упомянуть также о Варваре Джонсон, дом которой около Нью-Йорка служил убежищем и пристанищем многочисленных нищих, несчастных и больных; о Жанне Жузан, стараниями которой во Франции было организовано общество, устроившее 217 богаделен и призревшее 25 000 бедных, калек и больных.

Если у иноков основным средством спасения считаются молитва и всяческое воздержание, то для мирянина, как видно из вышеприведенных примеров, этим будут более всего служение ближним и дела благотворительности.

Значение их таково, что св. Иоанн Златоуст сказал, что не столько нищие имеют необходимость в богатых, сколько богатые (миряне) нуждаются в нищих.

Господь говорит: «Блаженнее давать, нежели принимать» (*Деян. 20, 35*). При этом иногда принятие даров не только не обогащает мирянина, но даже опасно. Это видно из следующего рассказа.

Один монах имел брата-мирянина, бедняка, и все, что вырабатывал, отдавал брату. Но этот беднел тем более, чем более подавал ему монах.

Видя это, монах пошел к некоему старцу и рассказал ему о случившемся.

Старец отвечал: «Если хочешь послушать меня, более ничего не давай ему, но скажи ему: «Брат, когда у меня было, я давал тебе, теперь же ты трудись и что выработаешь, отдавай мне». Все, что он ни принесет тебе, принимай от него и передавай какому-либо страннику или нуждающемуся старцу, прося, чтобы они помолились о нем».

Монах поступил по этому наставлению. Когда пришел к нему брат-мирянин, то он сделал так, как заповедано было ему старцем, и мирянин ушел от него печальный.

Но вот, по прошествии некоторого времени, он приходит и приносит из сада несколько овощей. Монах, приняв их, отдал старцам, прося их, чтобы помолились за брата его.

Несколько времени спустя мирянин принес овощей и три хлеба. Монах, приняв их, поступил, как и в первый раз. В третий раз мирянин принес ему уже много съестного припаса, и вина, и рыбы. Монах, увидев это, удивился и сказал брату-мирянину: «Не имеешь ли нужду в нескольких хлебах?» Тот отвечал: «Нет, Владыко, прежде, когда я брал у тебя что-либо, то оно входило как огонь в дом мой и пожирало его; ныне же, когда не принимаю от тебя ничего, имею все с избытком и Бог благословил меня».

Образ жизни святых и подвижников благочестия из мирян может некоторым показаться странным и идущим вразрез с принятыми ныне обычаями. Но для христиан недаром было сказано апостолом Павлом: «Будь безумным, чтобы быть мудрым» (1Кор. 3, 18).

И пусть в духовном покое живут в миру и радуются о Господе такие «безумные» миряне, не идущие вслед за окружающим их миром.

Они некогда услышат обращенные к ним слова Господа: «Приидите, благословенные Отца Моего, наследуйте Царство, уготованное вам от создания мира: ибо алкал Я, и вы дали Мне есть; жаждал, и вы напоили Меня; был странником, и вы приняли Меня; был наг, и вы одели Меня; был болен, и вы посетили Меня; в темнице был, и вы пришли ко Мне» (Мф. 25, 34–36).

Полнота добродетелей

Глава 5. Полнота покорности Богу

Покоритесь Богу. Иак. 4, 7

По бурному морю идут два одинаковых по форме, величине и загрузке корабля.

Но по-разному действуют на них свирепые волны. Одного из них они кидают из стороны в сторону, сильно качают, а в иные моменты, кажется, готовы опрокинуть.

Но другой как будто бы не чувствует ветра и волн – ровно идет по бурному морю, почти не покачиваясь и ни на одну йоту не отклоняясь от своего пути.

Почему же не действует на него волнение?

Он имеет у себя прибор – быстро вращающийся «стабилизатор», большой тяжелый круг наподобие детского волчка. И этот прибор спасает его от качки и волнения.

По-разному относятся и люди к житейскому бурному морю и его волнам – бедам и несчастьям.

Одних они повергают в скорбь, уныние, отчаяние, вызывают ропот и недовольство судьбой.

Но есть и такие, которые как бы не замечают житейских бурь, всегда мирны и покойны сердцем. Они также имеют в себе душевный «стабилизатор». Этот душевный «стабилизатор» есть полнота покорности Божией воле и постоянство живой веры в Его Промысл.

Один знаменитый богослов много лет прилежно молил Бога о том, чтобы ему был указан человек, который мог бы показать ему прямой и самый короткий путь к достижению Небесного Царства [5].

В один день, когда он молился об этом в церкви, он услышал голос:

«Выйди за двери церкви и найдешь человека, которого ищешь».

Богослов идет за двери и находит нищего, покрытого рубищем, с ногами в струпьях и текущим из глаз гноем. Богослов подходит и приветствует нищего:

«Доброго и благополучного утра желаю тебе, старче». Старец ответил на это:

«Никогда не имел я недоброго и неблагоприятного утра».

Богослов, желая исправить свой привет, говорит нищему: «Да пошлет тебе Бог все доброе».

Убогий отвечает: «Никогда не постигало меня ничто недоброе».

Богослов стал сомневаться в том, хорошо ли слышит его старик, и повторил свои пожелания в другой форме: «Я желаю тебе всякого благополучия».

Нищий отвечает: «Я никогда не был в неблагоприятии».

Желая вновь испытать нищего, богослов сказал ему: «Хочу, чтобы все пожелания твои были исполнены Богом».

Старик отвечал: «Я ничего не ищу из того, что ты мне желаешь, – все бывает согласно с моим желанием».

Заинтересованный богослов тогда спросил нищего: «Ты ли один между бедствующими на земле – блаженный? Как же ты один избавлен от всех злых времен и происшествий?»

Убогий отвечал:

«Дарованным мне от Бога я доволен всегда; не искать мирских успехов составляет для меня величайшее благополучие.

Небесный Отец все направляет к лучшему в жизни каждого человека, как приятное, так и неприятное для него. Он совершенно знает, первое ли или последнее для каждого человека есть истинно спасительно.

Поэтому я и говорю, что я никогда не бывал в неблагоприятии, потому что все в моей жизни бывает для меня по моему желанию: терплю ли голод – благодарю за то Всевидящего Бога. Мороз ли жжет меня, как огнем, или дождь льет на меня ливнем – равным образом прославляю Бога за то; если кто издевается надо мной, делает нападение и обиды – также благодарю Бога, ибо уверен, что это делается мне по воле Божией.

А все, что Бог посылает нам, служит для нашего добра, для нашего совершенствования.

И так все, что Бог посылает нам или попускает других сделать для нас: приятное или противное, сладкое или горькое – равно считаю и все, как от руки Милосердного Отца, охотно принимаю, и того одного только желаю, чего желает Бог и что Ему угодно попустить других сделать мне.

Таким образом, все для меня происходит и делается по Божьему и вместе моему собственному желанию.

Воля Господня есть полнота совершенства и доброты; вне ее нет другой воли, более лучшей, более праведнейшей; она производит праведный суд о всех, а о ней никто не может изречь праведного приговора, обличающего ее в противоречии.

Я всею моею мыслию стремлюсь к тому, чтобы всегда и хотеть и желать мне того же, чего хочет Бог от разумного существа вообще, и в частности от меня убогого».

Тогда ученый муж спросил калеку:

– Но кто же ты такой?

– Я – царь.

– А где же твое царство? – Оно в душе у меня, ибо я научился владеть своими внутренними и внешними чувствами; а что это – царская власть, не усомнится никто, ибо нет большей власти на земле.

Из беседы с нищим богослов действительно узнал самый верный и надежный путь к Царству Небесному, состоящий из совершенной покорности во всем Божьему Промыслу.

Имеется такой рассказ про египетского пустынника Аматия. Ворон опрокинул его пищу. Аматий не рассердился на него, а сказал: «Благодарю Тебя, Господи, что Ты заставил меня поститься: это, очевидно, полезно мне, и все в Твоей воле».

А когда старцу Феодору (ученику Паисия Величковского) враждовавший против него игумен объявил, что его посадят в погреб и будут кормить травой, то он отвечал: «Верую Милосердному Богу моему: мне сделать могут только то, что Он попустит за грехи мои. А что Он попустит, того я и сам желаю. Лучше мне в этом веке понести наказание, чем в будущем веке мучиться».

И когда христианин бывает ввержен в бурю испытаний – житейских бед, несчастий, болезней и скорбей (для себя или

для ближних), лучшим средством для прекращения душевного смятения, уныния и печали является принесение Богу от всего сердца благодарственной молитвы за все посылаемое. Прпп. Варсонофий Великий и Иоанн так говорят об этом: «Настрой себя благодарить Бога за все, слыша слово апостола: «За все благодарите» (1Фес. 5, 18). Будешь ли ты в скорбях или нуждах, или в утеснениях, или в болезнях и трудах телесных – за все постигающее тебя благодари Бога, ибо «многими скорбями надлежит нам войти в Царствие Божие» (Деян. 14, 22).

А старец Силуан со Старого Афона пишет:

«Душа, предавшаяся воле Божией, легко несет всякую скорбь и всякую болезнь, потому что и в болезни она молится и созерцает Бога: «Господи, Ты видишь мою болезнь; Ты знаешь, как я грешен и немощен; помоги мне терпеть и благодарить Твою благодать». И Господь облегчает болезнь, и душа чувствует Божию помощь и бывает весела перед Богом и благодарна. Но если ты скорбишь по какой-либо вещи, то, значит, не вполне предался воле Божией, хотя тебе, может быть, и кажется, что ты живешь по воле Божией. Кто живет по воле Божией, тот не заботится ни о чем. И если ему нужна какая-либо вещь, то он и себя и вещь передает Богу, и если не получит нужную вещь, то все равно остается в покое, как если бы имел ее. Душа, которая предалась воле Божией, ничего не боится: ни грозы, ни разбойников, ничего. Но что ни случится – она говорит: «Так угодно Богу». Если болен – думает: значит, мне нужна болезнь, иначе бы Бог не дал мне ее. И так сохраняется мир в душе и теле... Предадимся на волю Божию и тогда увидим Промысл Божий, и даст нам Господь то, чего и не ждем».

Полнота покорности Божией воле безмерно обогащает христианина. Об этом так говорит архиепископ Иоанн:

«Ценность предмета зависит не только от него самого, но и от того, кто этот предмет дает или имеет. Ничтожное становится драгоценным только оттого, что его имеет или дает какой-нибудь большой, известный всем человек... Это и закон религиозной аксиологии (определения достоинства)... До бесконечности возрастает ценность

всего, что исходит, созерцается исходящим от Источника всех сокровищ. И самое малое Божие бесконечно выше самых великих человеческих ценностей... Принимать все как от Бога – это значит обладать несметными сокровищами».

То, что говорилось выше, относится к преодолению нашего маловерия в благость Божию по отношению к нашей судьбе и нашим переживаниям. Но маловерие и ропот (даже не осознанный) у нас простираются и на недовольство судьбой ближних, и на устройство нашего общества, и на попущение Богом в мире зла – словом, на все то скорбное и тяжелое, от чего страдает человечество. Так судят Бога, думая, что в мире нет справедливости, что порок торжествует, а добродетель поругана, что мир создан не гармонично, если в нем попущены сатана, смерть, зло, несправедливость, грех и страдания.

Здесь говорится не о понятной печали об этом, а именно о ропоте, которым иногда заражаются колеблющиеся в вере христиане от окружающего неверующего мира.

Так могут христиане грешить тяжким грехом, осуждая за эти попущения Самого Господа Бога, и делают так, не понимая, как это грешно.

Здесь грешат вместе с тем первородным грехом – желанием «познать добро и зло», т. е. желанием своим жалким умишком постичь, почему, на наш взгляд, не все целесообразно создано в мире и развиваются события в нем не так, как, нам казалось бы, лучше.

Но посмотрим: как относятся к судьбам мира святые?

Души святых во всем видят благой Промысл Божий над тварью и Его милость и любовь к ней. Они во всех внешних событиях видят целесообразность их и преклоняются перед глубиной Божией премудрости в устройении всего мира и в направлении судеб как целых народов, так и отдельных личностей.

Если же в мире звучит и диссонанс злой воли людей, и темной силы, то святые вместе с тем видят, что в судьбах Божиих самое зло премудро обращается в добро: невинные страдания и мученические кресты – в венцы и славу загробной жизни; бедствия и физические страдания общества – в

возрождение народной души; немощь человеческой воли в борьбе со грехом – в глубину нищеты духовной.

И хотя «мир лежит во зле» (1Ин. 5, 19), но Господь сказал: «Дана Мне всякая власть на небе и на земле» (Мф. 28, 18). И поэтому «Господь царствует: да радуется земля» (Пс. 96, 1).

Поэтому «слава Богу за все» и «да будет имя Господне благословенно» отныне и до века! (Иов. 1, 21).

Иногда судят Бога за то, что Им попущена гибель в неверии душ «хороших» людей или что соблазны уводят людей с пути истины.

Но для тех поколений, которым был открыт образ Христа во всем духовном величии Его неземной красоты, может ли быть оправдание за отвержение Его? И все эти «хорошие» люди – не сами ли отвернулись от Христа, а себя поставили на пьедестал вместо Бога?

Вместе с тем не всем ли открыта дверь покаяния, через которую они вновь могут найти полноту счастья и спасение души?

Что же касается тех поколений, от которых полнота истины оказалась скрытою, то вверим их в руки Милосердного, Премудрого и Любящего Свое творение Бога.

Не будем противиться Божиим определениям и посылаемой Им судьбе. Не будем допытываться, почему у Него есть сосуды и в «почетном», и в «низком» употреблении (2Тим. 2, 20).

И хотя Господь «кого хочет милует; а кого хочет ожесточает» (Рим. 9, 18), но мы в глубочайшем смирении и сознании крайней ограниченности нашего разума должны помнить о предостережении апостола Павла об опасности осуждения нами Самого Бога:

«А ты кто, человек, что споришь с Богом? Изделие скажет ли сделавшему его: «зачем ты меня так сделал?»» (Рим. 9, 20).

Лишь при полном подчинении своей воли воле Божией мы можем научиться великой науке – быть всегда счастливыми в этом мире, другими словами, научиться даже умению страдать, научиться находить радость и в скорби и всюду видеть над собой руку Отца Небесного. Итак, наша воля должна быть всегда совершенно свободна от всех наших склонностей,

желаний, пристрастий к чему-либо или к кому-либо, включая до любви к самым близким и дорогим для нас людям. Она должна искать лишь выполнения воли Божией как над нами, так и над самыми близкими для нас людьми.

Надо как бы опустошить и покинуть себя, чтобы обрести Бога и Его святую волю.

Святые отцы так формулируют полноту покорности Божией воле:

«Ничего не просить, ничего не желать, ни от чего не отказываться».

Они же говорят, что в решающий час смерти никто не будет ни достаточно чист, ни достаточно богат заслугами.

Но ничто так, как полнота покорности Божией воле в течение всей жизни, не будет способствовать тому, чтобы спокойно встретить посылаемую смерть тела.

Приложения к главе 5-й

Отеческую, мудрую, промыслительную заботу Господа о каждой душе христианской характеризуют нижеприведенные слова Господа человеческой душе. Эти слова заимствованы из наставлений иеросхимонаха Серафима и записаны были в 1937 году.

Эти слова вместе с тем должны укрепить христианские души в совершенной, полной покорности Божией воле – в необходимости всегда помнить о благом и премудром Промысле Божиим над христианской душой.

«Думал ли ты когда-либо, что все, касающееся тебя, касается одинаково и Меня? Ибо касающееся тебя касается зеницы Моего ока.

Ты дорог в очах Моих, многоценен, и Я возлюбил тебя, и потому для Меня составляет особую отраду воспитывать тебя.

Когда искушения восстанут на тебя и враг придет, как река, Я хочу, чтобы ты знал, что **от Меня это было.**

Твоя немощь нуждается в Моей силе и безопасность твоя заключается в том, чтобы дать Мне возможность бороться за тебя.

Если ты находишься в трудных обстоятельствах, среди людей, которые тебя не понимают, которые не считаются с тем,

что нужно твоей душе и которые тебя угнетают, то помни –**от Меня это было.**

Я – Бог, располагающий всеми обстоятельствами: ты не случайно оказался на своем месте, которое Я тебе назначил.

Не просил ли ты, чтобы Я научил тебя смирению? Так вот смотри: Я поставил тебя как раз в ту среду, в ту школу, где этот урок изучается. Твоя среда и живущие с тобою только выполняют Мою волю.

Находишься ли ты в нужде и тебе трудно сводить концы с концами? Помни всегда – **от Меня это было.**

Ибо Я располагаю всем твоим материальным достатком и Я хочу, чтобы ты прибегал ко Мне и был бы в зависимости от Меня. Мои запасы неисчислимы.

Я хочу, чтобы ты убеждался в верности Моей и Моих обетовании.

Переживаешь ли ты ночи скорбей? Ты разлучен с близкими твоими? Помни – **от Меня это было.**

Я – Муж скорбей, изведавший многие искушения. Я допустил их к тебе, чтобы ты обратился ко Мне и во Мне мог найти утешение вечное.

Обманулся ли ты в друге своем, в ком-нибудь, кому ты отдавал сердце свое? Помни – **от Меня это было.**

Я допустил этой горести коснуться тебя, чтобы ты познал, что лучший друг твой есть Господь.

Я хочу, чтобы ты все приносил ко Мне и все говорил бы Мне в молитве твоей.

Наклеветал ли кто на тебя? Предоставь Мне это дело и прильни ближе ко Мне, убежищу твоему, чтобы укрыться от «пререкания языков». В свое время Я выведу, как свет, правду твою и справедливость твою, как полдень.

Разрушились ли планы твои? Поник ли ты душою и устал? – **От Меня это было.**

Ты создал себе свои планы и принес их ко Мне, чтобы Я благословил их.

Но Я хочу, чтобы ты предоставил Мне распоряжаться обстоятельствами твоей жизни, и тогда ответственность за все будет на Мне, ибо слишком тяжело это для тебя и ты один не

можешь справиться с ними, так как ты только орудие, а не действующее лицо.

Посетили ли тебя неожиданные неудачи житейские и уныние охватило сердце твое? Знай – **от Меня это было.**

Ибо я хочу, чтобы сердце твое и душа твоя были всегда пламенеющими перед очами Моими и побеждали именем Моим это душевное малодушие.

Томлением твоего духа Я испытывал верность твоей веры в непреложность Моих обетований, силу дерзновенной твоей молитвы о близких твоих. Ибо не ты ли поручил их Покрову Матери Моей Пречистой, не ты ли некогда возлагал заботу о них Моей Промыслительной Любви?

Посетила ли тебя тяжелая болезнь – временная или неисцелимая – и ты оказался прикованным к одру своему? Знай – **от Меня это было.**

Ибо Я хочу, чтобы ты знал Меня еще глубже в немощах своих телесных и не роптал бы за это ниспосланное тебе испытание, не старался бы проникать в Мои планы спасения душ человеческих различными путями, а безропотно и безвольно преклонился бы под благодать Мою к тебе.

Мечтал ли ты сотворить какое-либо особенное дело для Меня и вместо того слег на одр болезни и немощи? – **От Меня это было.**

При удачах ты был бы погружен в свои дела и Я не мог бы привлечь мысли твои к Себе, а Я хочу научить тебя самым глубоким мыслям, что ты на службе у Меня.

Я хочу научить тебя осознать, что ты – ничто и ни в чем не можешь доверять себе.

Некоторые из лучших соработников Моих суть те, которые отрезаны от живой деятельности, чтобы им научиться владеть орудием непрестанной молитвы.

Призван ли ты неожиданно занять трудное и ответственное положение?

Иди, полагаясь на Меня, Я вверю тебе эти трудности, ибо за это благословит тебя Господь Бог твой во всех делах твоих, во всех путях твоих, во всем, что будет делаться твоими руками.

В сей день даю в руку твою этот сосуд священного елея. Пользуйся им свободно, дитя Мое.

Каждое возникающее затруднение, каждое оскорбляющее тебя слово, каждая помеха в твоей работе, которая могла бы вызвать в тебе чувство досады, каждое откровение твоей немощи и неспособности пусть будут помазаны этим елеем.

Помни, что всякая помеха есть Божие наставление.

Всякое жало притупится, что бы ни коснулось тебя. А потому и положи в сердце своем слова, которые Я объявил тебе сегодня: **от Меня это было».**

Как Ты решаешь, так и надо,
Любою болью уязви,
Ты нас ведешь во свет и радость
Путиами скорби и любви.
Сквозь невозвратные утраты,
Сквозь дуновенья черных бед
В тоске взмывает дух крылатый
И обретает в скорби свет.
Из рук Твоих любую муку,
Владыко Господи, приму:
С ребенком смертную разлуку,
Темницу, горькую суму...
Как Ты решаешь, так и надо.
Любою болью уязви.
Ты нас ведешь во свет и радость
Путиами скорби и любви.

Глава 6. Полнота служения Богу

Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим и всею душою твоею и всем разумением твоим: сия есть первая и наибольшая заповедь; вторая же подобная ей: возлюби ближнего твоего, как самого себя; на сих двух заповедях утверждается весь закон и пророки. Мф. 22, 37–40

Приход Христа был неожиданным для Марфы, и дом не был подготовлен к приему. Взмолвленная и обрадованная Марфа была поглощена мыслию, что самое лучшее она могла

бы приготовить к столу. Ей так хотелось своим усердием засвидетельствовать свою любовь к Учителю.

Но Учитель уже пришел, а у нее еще ничего не готово... И можно ли заставить долго ждать Его – проголодавшегося и усталого от дальнего пути?..

И Марфа торопливо отдается своему делу, которое в этот момент ей кажется самым важным и нужным в жизни.

«Но где же Мария? Ведь каждая минута дорога. И где она тратит это драгоценное время и не помогает ей?»

И Марфа бросается искать Марию. Она выбегает к выходу – к месту, где перед домом остался Учитель. Там она находит и Марию.

Но та и не думает о приготовлениях, которые надо сделать как можно скорее. Она даже не на ногах... Мария беззаботно сидит у ног Учителя и вся поглощена Его присутствием и Его словами.

Она не отрываясь смотрит на Его лицо и, кажется, ничего не замечает вокруг себя.

Марфа любит свою сестру, но в этот момент ею овладевает чувство негодования.

Она разрывается на части и не знает, как бы скорее и лучше приготовить угощение, а Марии до этого нет никакого дела! Да и что может быть важнее ее дела?

И разве сама она, Марфа, не стала бы с радостью слушать Учителя и так же, как Мария, беззаботно сидеть у Его ног, если бы...

И Марфа не выдерживает. Она бросается к Учителю, прерывает Его речь и говорит, стараясь подавить свое волнение и негодование на сестру:

«Господи, или Тебе нужды нет, что сестра моя одну меня оставила служить? Скажи ей, чтобы она помогла мне» (Лк. 10, 40).

Так неожиданно для себя она осуждает не только сестру, но и Самого Учителя за Его, как ей кажется, беззаботность – за то, что Он Сам не хочет помочь ей в ее святом деле гостеприимства, удерживая у Своих ног Марию.

Благий Учитель любит и понимает и Марфу и Марию.

Он знает, что и той и другой руководит любовь. Сейчас они обе смущены: одна за свою несдержанность, вмешательство в беседу и упрек, другая за свою беззаботность и забвение долга гостеприимства.

«Марфа права», – думает Мария, и она уже порывается встать, чтобы идти помогать Марфе. Но она замечает жест Учителя, Который останавливает ее порыв.

Взор Учителя, раньше покоившийся на Марии, теперь устремлен на Марфу. Он полон благодати, любви и всепрощения. И раздаются тихие гармоничные звуки голоса Богочеловека – повелевающе, совершенно ясно и навсегда решающего вековечный спор деятельных Марф и созерцательных Марий.

«Марфа, Марфа! ты заботишься и суетишься о многом, а одно только нужно; Мария же избрала благу часть, которая не отнимется у нее» (*Лк. 10, 42*).

Итак, Мария Самим Господом удержана у Его ног. Он видел силу и горячность любви Марии, которая забыла все ради радости видеть и слушать Его.

«До ревности» любящий Бог (*Иак. 4, 5*) в лице Сына Божия за эту любовь снял с нее всю суетливую заботу об убранстве комнат и приготовлении стола. Все это оставлено на долю одной Марфы.

Более того, Учитель не только снял с нее всю заботу, но и одобрил ее – и ее часть назвал «благой». И обещал ей не отнимать от нее ее сладкой доли – беззаботно сидеть у ног Его, вслушиваться в Его неземные слова, впитывать в себя Его Божественное учение.

Пусть же не обижаются Марфы на Марий за их житейскую бездеятельность и созерцательность.

Марии же пусть не претендуют на то, что они все выполняют, что надо было бы выполнить. Их часть, хотя бы и лучшая, все же лишь часть; а совершенство заключается в целом.

Многие из христиан бегут от соблазнов и удаляются от мира (в монастыри и пустыни), ища возможной полноты богообщения. Их можно уподобить евангельской Марии.

Вместе с тем они думают вначале лишь о спасении своей души, забывая мир и тех из своих ближних, которые остаются в миру.

Однако это все же не есть полнота совершенства, поскольку человек хотя и спасается, но потерю своих «членов» (служения ближним) (*Мф. 5, 30*).

Задавались ли вы вопросом – почему в праздники Божией Матери за литургией читают из Евангелия разобранный выше эпизод с Марфой и Марией? Какое это отношение имеет к Матери Божией?

Дева Мария была совершеннейшая из дочерей человеческих, и Ее служение Богу совместило в себе обе части служения. Она была совершенною Марфою – Она родила, вскормила и воспитала Господа.

Но она же всегда была и совершенною Мариею – и вся душа Ее и все мысли всегда были устремлены к Богу, а молитва была непрестанна, как Ее дыхание.

Читая Евангелие, мы не удивляемся непостижимой гармонии добродетелей в личности Иисуса Христа. Он был Богочеловеком. Отсюда все в Нем – полнота совершенства, красоты и гармонии.

Но вот перед нами человек – это Дева Мария. И здесь мы должны отдать дань полноте изумления. Перед нами также образ с непостижимой степенью высоты добродетелей.

В Деве Марии удивительно сочетались полнота и гармония всех добродетелей христианских начиная с любви к Богу и людям.

В Ней мы видим вместе с тем кротость и смирение в самых высочайших степенях. Скромность – до поразительной незаметности. Тихость и молчаливость. Непостижимая глубина любви, сострадания и милосердия до полноты самозабвения. Эта любовь так глубока, что как бы поглощает и соединяет в себе все остальные добродетели.

После Богоматери другим ярким примером совершенного исполнения обеих заповедей является святитель Николай Мирликийский. По степени почитания он занимает исключительное место среди всех святых: его чтут особо не

только все христиане, но, как известно, даже многие из магометан и языческих народов.

Здесь в полной мере осуществились слова Господа: «Славу, которую Ты дал Мне, Я дал им» (*Ин. 17, 22*).

Что же особенного в святителе Николае, что выделяет его из числа всех и даже великих святых? Почему так чтит святителя весь мир? Почему только в одной Москве было ранее около 200 церквей и престолов в честь Николая Чудотворца? Это – особое сердце святителя, горевшее великим пламенем любви как к Богу, так и к людям – ко всем несчастным, бедствующим, страждущим и обездоленным. Неизмерима была горячность этого пламени любви святителя, когда он был на земле; этот пламень он перенес и в тот мир.

Святитель имеет такую великую жалость ко всем несчастным и бедствующим, что как бы не может отказать во всех просьбах о помощи, приносящихся к нему из всех уголков мира.

Вместе с тем он так близок, так угоден Богу своею горячностью любви, что Бог не отказывает ему в его молитвах. Здесь сбывается обетование Спасителя о том, что верующий в Него сотворит больше чудес, чем творил Он Сам (*Ин. 14, 12*).

Итак, святитель Николай замечателен тем, что свою великую любовь к Богу сочетал в себе с такой же великою любовью к людям. Через это он стал особенно близок к Богу, получил от Него особую славу и стал образцом полноты и совершенства в своей святости.

Поэтому и всем тем, кто из любви к Богу проводит жизнь вдалеке от людей, предаваясь подвигам и молитве, надо помнить о необходимости выполнения и второй из великих заповедей – о любви к людям – через молитвы за них.

Им также нельзя пренебрегать служением людям, когда это будет необходимо по сложившимся обстоятельствам. Ап. Иоанн пишет: «Не любящий брата своего, которого видит, как может любить Бога, Которого не видит?» (*Ин. 4, 20*).

Старец Леонид Оптинский так пишет в одном письме про опасность устранения подвижников от дел милосердия:

«Много в нынешнем веке видим подвижников, много постников, много таких, которые по целым ночам простаивают на молитве. Но, к сожалению, очень мало смиренных и кротких – мало таких, которые бы украшались молчанием уст своих, которые бы угощали странников, с любовью ходили бы за больными, посещали голодных, одевали нагих, посещали заключенных в темницах... Евангелие говорит ясно, что именно за нелюбовь к ближнему осудятся на Страшном Суде грешные, а праведные за исполнение оной заповеди (т. е. заповеди о любви) будут оправданы».

«Много в нынешнем веке видим подвижников, много постников, много таких, которые по целым ночам простаивают на молитве.

Такого же мнения был и старец о. Алексей М. Однажды одна из его духовных дочерей созналась ему, что ей не нравятся те из христиан, которые «спасаются», т. е. строят свою внутреннюю жизнь лишь на спасении своего «я».

Батюшка задумался и сказал: «Признаться, и я этого не люблю. Что такое есть «спасаться?»

И о. Алексей учил всегда, что христианин в жизни должен «совсем, совсем и совершенно забыть всего себя. Жить жизнью только других. О себе никогда не вспоминать; себе ничего не желать; забыть свое «я», забыть совсем и свою душу – ее желания и стремления, быть как бы чужим для самого себя и жить скорбями, радостями, переживаниями каждого человека, с которым Господь поставил его.

Христианин не должен думать ни о наградах, ни о том, что его ожидает после смерти за его служение Богу. Он должен забыть о себе и лишь всеми силами стараться делать на земле то, чтобы угодить Господу.

А что самое приятное Господу, чего Он так желает, чему Он так радуется? – Это исполнение Его заповедей о любви к ближнему. И тогда спасение души забывшего себя придет как бы само собой.

Что может быть радостнее Господу, чем видеть то, что мы лишаем себя чего-нибудь, чтобы отдать то ближнему; что мы

сдерживаемся и стараемся направить душу свою, характер свой так, чтобы ближнему легко было с нами жить.

И хотя бы ближний оскорблял нас, делал нам неприятности, не понимал нас, мы должны любить его как самого себя и больше себя». О. Алексей М. говорил также, что для тех духовных людей, которые всеми силами стараются любить Бога, но себя все же любят больше ближнего своего, имеется всегда опасность впадения в прелесть.

Отсюда – те из подвижников, которые идут путем Марии, путем устранения себя от мира, путем отданности молитве и созерцанию, должны восполнять односторонность своего подвига усиленными молитвами за ближних, всех скорбящих, бедствующих и требующих помощи.

Мудрая игуменья Арсения пишет:

«Когда скорби ближнего тебе станут больны, как свои, тогда ты можешь уйти в затвор. Ты понесешь туда с собою любовь к ближнему, и эта любовь будет наполнять собственную твою жизнь, а молитва твоя будет молитвой за весь страждущий род человеческий».

Всем христианам созерцательного склада надо помнить о постоянной угрожающей им опасности – жесткости сердца к ближним, гордости и прелести.

Все это отпадает от них, когда наряду с устремлением их к подвигам молитвы и уединения они будут в смирении служить и ближним.

В видении одной святой Господь сказал ей: «Тебе надо думать о том, что важно для Меня (т. е. о спасении душ человеческих). Что же касается твоих земных нужд и забот, то предоставь это Мне: Сам устрою все твои дела так, как будет для тебя всего лучше».

Приложение к главе 6-й

Как говорилось выше, полноту служения Богу в совершенной форме проявила Пресвятая Дева Мария.

Глубокая характеристика Богоматери дается в одной из глав книги П. Иванова «Смирение во Христе», выдержки из которой приводятся ниже.

Гармоничный человек это тот, у сердца-воли которого нет разлада с Богом.

Такова была Святая Дева Мария.

Она говорила святые слова или молчала и сохраняла слова, слышанные Ею, в сердце Своем.

Она не пришла в мир проповедовать, как Ее Сын, и только однажды мы слышали Ее пророческий голос, когда узнала Она, что именно Она призвана быть Матерью Господа Своего.

В остальное время жизни любовь к Богу, исполняющая Ее, делает Ее почти невидимой: все мирское проходит через Нее, не задерживаясь ни на мгновение, ни на чем внешнем, земном Она не останавливает Своих взоров; так же, как Ее Сыну, Ей негде приклонить голову. И после распятия Христа апостол Иоанн берет Ее в свой дом.

Пресвятая Дева Мария в жизни говорит только самое необходимое, даже меньше, чем необходимое.

Как мы знаем из Евангелия, слова Ее всегда кратки. Они не привлекают внимания к Ней, а всегда к Ее Сыну. Иногда только можно догадаться, что скрыто за Ее словами.

Через двенадцать лет после Благовещения мы слышим кроткий и как бы тихий голос Богоматери, когда Отрок, Сын Ее, остался в Иерусалимском храме и Она долго, целых три дня, везде искала Его: «Сын, что Ты сделал с нами! Я и отец с великой скорбью искали Тебя». Но Ее тихий голос немедленно гаснет при ответе, данном Ей Сыном: «Я в том, что принадлежит Отцу Моему».

И еще раз мы замечаем Ее, скромно дожидаящуюся у дверей дома, где проповедовал Христос. Но и тут Она сейчас же как бы выпадает из нашего внимания, смущенная суровым ответом Проповедника: «Кто Мать Моя, и кто братья Мои? Вот Мать Моя и вот братья Мои – исполняющие волю Отца Моего Небесного». Чувствуется некая безответность Богородицы, Ее забывчивость о Себе. При словах Сына Она умолкает – выражаясь по-современному, стушевывается, и думаем, что будет правильно, если прибавим: намеренно.

Тот, Кто был кроток и смирен сердцем, родился от Кротчайшего и Смирненнейшего Существа. Понятно – Он должен

был ратоборствовать, но Она только созерцала, беззвучно жила сердцем.

Она любила Бога и людей. Потому что любить Бога значит любить и сочувствовать людям.

Невидимо людской стон доходил до Ее сердца, не только стон, а малейшую жалобу человеческую слышала Она.

Об этом мы можем судить из того, что рассказано о браке в Кане Галилейской. Именно здесь познаем мы, какое было сердце у Родившей Иисуса Христа. Оно раскрывается перед нами, как чудо.

Если читать поверхностно, то внимание наше в этом месте Евангелия сосредоточивается на воде, сделавшейся вином, – первом перед учениками знамении Христа.

Но если вдуматься глубже, то видим, что на этом браке раскрывается тайна отношений между Богородицей и Господом, и мы как бы прозреваем в будущую небесную жизнь Пресвятой Девы Марии.

Инициатива милосердия принадлежит Ей. Она замечает, что на пире недостает вина: «Вина нет у них». В этих кратких словах, сказанных Сыну, уже заключена просьба. Конечно, по домашнему опыту Она знает, что Он может.

Однако Христос медлит: «Что Мне и Тебе, Жено? Еще не пришел час Мой». Он высок. Это – самое малейшее и не необходимое для людей – как бы отклоняется Им.

Но Она настаивает. Сама Девственница, Пресвятая Мария заботится о свадебном веселии, Ей почти недоступном.

Далее в тексте Евангелия как бы некоторая сокращенность. Это оттого, конечно, что Дева Мария не любит говорить. Просьба Ее сейчас же переходит в жалобу сердца. Она разговаривает с Сыном сердцем, а не словами. Взор Ее выразил моление, и взглядом же соглашается Ее Сын. И тогда с радостью говорит слугам: «Что скажет вам, то сделайте». Она умолила Его.

Как там, так и теперь: все слышит, все видит, всему сострадает.

И еще раз, последний в Евангелии, опять невидная стоит Богородица у Креста, на котором распят Ее Сын. Мы только на

один момент замечаем Ее, когда Господь Иисус говорит, обращаясь к Иоанну: «Се Мать твоя». И тотчас забываем о Ней, в страхе созерцая Распятого за наши грехи. Но Она стоит здесь. Непорочная, с оружием, которое прошло Ее душу.

Ничем нигде не выражает Пресвятая Дева Мария Своих чувств вовне, разве только в оттенках голоса. Нигде Она не плачет, не восторгается, как Мария Магдалина у гробницы, или Мария, сестра Лазаря, пролившая миро на ноги Спасителя. И даже про распятие сказано просто: стояла среди других у Креста.

Святая Дева Мария была так скромна, так все скрывала в Себе, что не находили, что сказать о Ней. И все сказанное так мало и как бы незначительно, что, читая Евангелие, трудно даже представить себе Ее земное существование, найти Ее в жизни.

И при жизни Сына Она была в глубокой тени, и по Вознесении Его осталась в неизвестности.

Однако, имеющие теперь Единую Заступницу в Пресвятой Богородице, мы знаем, что жизнь Ее была лучшая из всех, какие только были на земле.

Что же говорит нам земная жизнь Девы Марии? Она говорит нам, что высочайший подвиг – будучи исполненным любви к людям, остаться незаметным. И это совершеннейшее смирение есть любовь.

К изложенному следует добавить следующие слова из записок старца Силуана:

«Хотя жизнь Матери Божией как бы покрыта святым молчанием, но Господь нашей Церкви Православной дал знать, что молитвою Своею Она объемлет весь мир и в Духе Святом видит все народы на земле, и, подобно Сыну Своему, всех жалеет и милует».

А один священник-праведник так характеризует безмерное милосердие Богоматери:

«Бог любит нас до того, что умер за нас на кресте; но в сердце Господа есть также справедливость, которая есть свойство Бога. В сердце же Божией Матери нет ничего, кроме милосердия... Сердце Девы так нежно к нам, что если б

объединить сердца всех матерей, то это будет лишь кусок льда по сравнению с Ее сердцем».

«О Тебе радуется, Благодатная, всякая тварь, Ангельский собор и человеческий род...» – торжественно поет Христова Церковь.

Глава 7. Бесстрастие и самоотречение

Если кто хочет идти за Мной, Отвергнись себя. Мф. 16, 24

Вы не свои. 1Кор. 6, 19

Я каждый день умираю...1Кор. 15, 31

В мире нет свободы выше, как свобода от желаний.
Елизавета Венгерская

Все добродетели христианской души составляют как бы ограду для пребывания в душе благодати. Как пишет старец Силуан:

«Если мы живем в подвиге, но какую-нибудь добродетель упустим, то из-за нее душа останется пустою» (т. е. покинутою Духом Святым).

Однако одна какая-либо из добродетелей может быть развита у христианина значительно более других, хотя и другие должны иметься в человеке в какой-то известной мере. Об этом так говорят старцы прпп. Варсонофий Великий и Иоанн:

«Как тело одно, а членов много, и если недостает одного члена, то и тело не есть совершенно, так заключай и о внутреннем человеке, члены которого суть многие добродетели... Если недостает одной из них, то человек не бывает совершенным. Однако как ремесленник, который хорошо знает свое ремесло и по быстроте ума своего занимается и другими ремеслами, не называется мастером их, но только мастером своего ремесла, так и здесь имеющий все добродетели, по той называется и от той получает наименование, через которую наиболее сияет в нем благодать Духа».

Господь ставит перед христианином очень высокую цель: «Будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный» (Мф. 5, 48).

По мнению схиархимандрита Софрония, для достижения совершенства человек должен предварительно сойти «во ад внутренней борьбы» со своими страстями и пристрастиями, «нося в себе Бога».

Св. отцы называют достижение этой ступени также бесстрастием, поскольку добродетели подавляют соответствующие им по противоположности страсти. «Бесстрастие же, – как говорит прп. Иоанн Лествичник, – есть воскресение души прежде воскресения тела и совершенное познание Бога».

Признаками бесстрастия является, по словам прп. Варсонофия Великого, также нижеследующее:

«Если на всех людей смотрим одинаково и все они (грешные и святые) для нас равны, то поистине с нами Бог».

Как пишет старец Силуан:

«Конечная цель... трудов – бесстрастие... Это свет новой жизни, воскресение души прежде общего воскресения мертвых, освобождение от рабства страстям, полное восхождение в область воли Божией».

По словам аввы Иосифа, ученика прп. Антония Великого:

«Есть три состояния души, угодные Богу: первое – это состояние больного, испытывающего к тому же искушение и, тем не менее, благодарящего Бога. Второе – это положение монаха, который живет под руководством духовного отца и отрекается во всем от своей воли. Третье – когда во всех своих поступках действуешь с такой чистотой намерений, что к этому не примешивается ничто людское. Такой инок, достигший высоты бесстрастия и выработавший в себе истинную любовь к христианству, все готов сделать для человека, относясь ко всем с одинаковым чувством доброжелательства, но никого не предпочитая, ко всем равный, никем не волнуемый. Нет близких, нет любимых, нет ненавидимых – все дорогие братья, с совершенно равными правами на его привязанность из-за общего их Отца Бога, из-за высокого звания чад Божиих. Те, кому приходилось знать великих иноков, испытали на себе тепло этой всех одинаково греющей и всегда готовой согреть любви, которая «не ищет

своих си» – все дает, ничего не требуя и не ожидая, всех принимает, никому предпочтительно не радуется, все терпит, ничем не огорчается».

То же состояние можно характеризовать и словом «самоотречение», когда душа христианская умирает для своей личной жизни, а живет волей Божией и живет уже не для себя, а для Бога и ближних.

Господь говорит также: «Если пшеничное зерно, падши на землю, не умрет, то останется одно, а если умрет, то принесет много плода» (*Ин. 12, 24*).

Нам необходимо постичь глубочайший смысл и значение этой притчи.

Итак, что-то в нас должно умереть. Точнее – даже не что-то, а все должно умереть: все то плотское и душевное, что составляет обычную сущность человеческой души.

В душе живет обычно естественная любовь к ближним и родным. Но Господь принимает в сонм Своих учеников лишь тех, кто «возненавидит отца своего и мать, и жену, и детей, и братьев, и сестер, а притом и самой жизни своей» (*Лк. 14, 26*).

Итак, естественная плотская любовь к близким должна умереть и замениться духовной. Нужно полностью забыть о себе самом, так как после искупительной жертвы Христа мы уже не принадлежим себе. «Вы не свои» (*1Кор. 6, 19*), – пишет нам ап. Павел.

И вся наша жизнь с ее мирскими стремлениями, склонностями и интересами – все должно быть отвержено перед лицом Господа, не говоря уже про пристрастия, слабости и увлечения.

В сердце должен остаться лишь Господь и исполнение Его воли. Он стучится в сердце (*Откр. 3, 20*) и хочет жить в нем, как в храме. Но для приема Его все должно быть изгнано оттуда, как изгонял Он некогда из Иерусалимского храма торгующих.

У человека есть тот «остаток воли», о котором говорилось выше (см. часть II). И ее необходимо отдать Господу до конца, как некогда Он отдал Свою волю в руки Своего Отца (*Ин. 6, 38*). Тому же учит Он нас в молитве – учит отдавать и нашу волю Отцу: «Да будет воля Твоя» (*Мф. 6, 10*).

У нас обычно есть сознание, что мы что-то значим, имеем в себе что-то доброе, что-то, может быть, совершаем, достойное награды.

Но все это – самообман и самообольщение. Господь сказал, что всем добрым мы обязаны только Ему, ибо «без Меня не можете делать ничего» (Ин. 15, 5).

Итак, при полноте самоотречения в душе должна водвориться глубина сознания своего ничтожества и своей беспомощности. «Я» – как нечто, как личность – должно умереть вместе с привязанностями и волей.

Но, отдавая все в руки Господа, христианин взамен получает все, чего только может пожелать душа его в самых дерзновенных добрых стремлениях и желаниях.

Кто отрекся от своей воли и не хочет ничего, кроме воли Божией, тот перестает страдать от неосуществления своих желаний и поэтому всегда всем доволен.

Вот как говорит о сущности и плодах самоотречения один из мудрейших св. отцов – прп. Никодим Святгорец (автор «Невидимой брани»):

«То, что всегда возможно для тебя делать, есть принесение в жертву Богу воли своей; и ничего больше этого не желай ты... Отложи всякое попечение и всякий помысл, обнажись от всякой заботы о себе и от всякого пристрастия к чему-либо временному – и Бог оденет тебя Собою Самим и подаст тебе то, о чем ты и подумать не можешь. Забудь, сколько можешь, совсем о себе, и да живет в душе твоей одна любовь к Богу... И это делай не по чаянию воздаяния тебе, и совсем никогда не держи в мысли, что ты делаешь что-то достойное того».

А вот как определяет сущность самоотречения прп. Макарий Великий:

«Если ты принимаешь презрение как похвалы; бедность как богатство; нужду как изобилие, то ты не умрешь от греха. Кто имеет истинную веру и кто воздает Богу подобающее Ему служение, возвышаясь до такого высокого самоотречения и до такого искусного совершенства – невозможно такому человеку впасть в пороки и в сети врага».

Если вдуматься в жизнь святых (каким бы служением и подвигом они ни спасались), то для всех их прежде всего характерна полнота самоотречения.

Но, отдавая все, они взамен получали исполнение своих молитв – т. е. всех их желаний. Они становились своими Богу, Его «друзьями» (*Ин. 15, 15*), и многие из них получали великие дары – пророчества, ясновидения, чудотворения.

Надо было им решиться «умереть в себе», чтобы воскреснуть облеченными в Божественную силу, которая всемогуща.

Про подобное состояние святых так говорит прп. Варсонофий Великий:

«Они достигли меры, превышей рассеяния и высокоумия, сделавшись всецело ум, всецело око, всецело святы, всецело совершенны, всецело боги. Потрудились, возвеличились, прославились, просветились, ожили, потому что прежде умерли».

Так, святой ап. Павел «умирал каждый день» (*1Кор. 15, 31*). Это значит, что в каждый из дней своей жизни он вооружался на смертный подвиг.

Умереть, но исполнить волю Господню, чего бы Он ни потребовал. Так умирая, он горел ярким духовным светом и совершил так много добра. Так же делали великие святые – преподобные, юродивые во Христе, мученики, святители и благодетели.

И нам надо учиться умирать каждый день. Умирать в своей воле, в своих желаниях, склонностях, пристрастиях, в своих планах, намерениях, привычках. Надо вставать с постели каждый день «свободным от всех желаний» (праведница Елизавета Венгерская), кроме одного желания – исполнить все веления Господа в этот день.

Как пишет игумения Арсения:

«В такой свободе душа присуща всему человеческому, но ничему не подчинена, живет жизнью всего мира, ничем не гнушается, ничего не уничтожает, ничего не исключает из общей жизни как зло, как дурное, но сама ничем не связана, ни в чем не заключена, она точно умерла для своей жизни... Она

вышла на свободу из себя самой и заключилась в Боге вечном... Христос стал полнотою ее сердца».

Одна раба Господня, начиная день, говорила так себе: «Куда-то Ты нынче пошлешь меня, Господи, Свою скотинку?» Она не строила планов – она хотела лишь исполнить волю Господню для себя на этот день.

Таким вопросом надо начинать христианину и каждый день и каждое дело: надо утончить свой слух к голосу Божьему и научиться вместе с тем ломать свою волю и все свои пристрастия и привычки.

Боясь поступать самовольно, св. отцы предлагают проверять свои желания, прежде чем их исполнить. Так, прп. Петр Дамаскин пишет:

«Исполняющий заповедь – не желать ничего – сам себя освобождает от всего тяжелого как в нынешнем, так и в будущем веке. Поэтому не желать иметь что-либо, чего не имеешь – выше всякого покоя и богатства».

И все это – как в великих, так и в самых малых, обычных и житейских делах. И все это надо совершить с одной мыслью: это ли дело поручает мне сейчас Господь?

И чтобы не ошибиться, в душе всегда должна теплиться непрестанная молитва, совершаемая как перед началом всякого дела, разговора и решения, так и во время их совершения.

Тогда, отказавшись от своей воли, надеясь только на Господа (и отнюдь не на себя), христианин совершит в одной добродетели самоотречения и все другие – любви, смирения, послушания и т. д.

Тогда ощутительно для души христианина сойдет на него роса Духа Святого и наполнит его душу тихой, совершенной радостью.

Как будет хорошо, если христианин от всего сердца сможет вознести к Небесному Отцу нижеследующую молитву одного духовного отца:

«Возьми и приими, Господи, мою свободу, мою память, разум и волю мою, все, что имею, чем владею; все, что даровал Ты мне, – тебе, Господи, все возвращаю, оно Твое,

сделай с ним по воле Твоей, дай мне лишь благодать Свою и любовь».

Следует предупредить, однако, что задача самоотречения иногда понимается превратно, понимается как отказ от своей деятельности, своего пути и своих талантов, дарованных человеку от Бога.

На это обращает внимание о. Александр Ельчанинов, который пишет:

«Самоотречение, о котором столько говорится в практике христианства, понимается некоторыми как самоцель, и видят в нем самом смысл жизни каждого христианина. Но оно есть только путь и средство для достижения цели – облечения себя во Христа. Нельзя также понимать его (как это делают, впадая в другую крайность) как отказ от своей личности, от своего пути, видя в нем какое-то духовное самоубийство. Истина как раз в обратном: в самоотречении – освобождение от рабства греху (без него – плен) и свободное выявление своей истинной сущности в ее первоначальном Божьем замысле о нас... Вот наша задача – отказавшись от самого себя – остаться самим собой, исполнить замысел Божий о себе».

Как достичь самоотречения? Все теми же средствами, какими приобретаются и все другие душевные добродетели: непрестанным вниманием к своей внутренней жизни и стремлением развить в себе все добродетели, усиленную молитвою к Господу о их приобретении и укреплении себя возможно частым приобщением Святых Таин.

О плодах самоотречения и бесстрастия так говорит прп. Антоний Великий:

«Победа над страстями приближает к бесстрастию, бесстрастие же в какой мере утверждается, в такой приносит с собой и мир душевный, а мир душевный со сладостными ощущениями, подаваемыми молитвою и богомыслием, возбуждает в сердце духовную теплоту, которая, собирая к себе все силы духа, души и тела, вводит человека внутрь».

Однако бесстрашие может проявляться и в равнодушии ко всему при отсутствии теплоты и любви в сердце. Такое бесстрашие губительно для души. Истинное бесстрашие есть выход от своих страстей при глубоком сочувствии к ближнему и отстаивании чистоты его души как собственной, при переживании скорбей ближнего как своих собственных.

Схиархимандрит Софроний представляет мир как пирамиду, в вершине которой цари земли и правители ее. В мире все стремятся забраться вверх – стремятся к власти над другими и подавлению более слабых.

Здесь нет равенства и быть его не может при испорченности грехом и эгоистичности человечества. Равенства нет и в христианстве. Но здесь пирамида будет перевернута основанием кверху, и на нижней вершине ее находится Христос, Который взял «на Себя наши немощи» (*Ис. 53, 4*) и грехи всего человечества и «не для того пришел, чтобы Ему служили, но чтобы послужить и отдать душу Свою для искупления многих» (*Мф. 20, 28*).

К тому же Он призвал и всех Своих учеников и христиан, говоря им: «Вы знаете, что князья народов господствуют над ними, и вельможи властвуют ими; но между вами да не будет так: а кто хочет между вами быть большим, да будет вам слугою; и кто хочет между вами быть первым, да будет вам рабом» (*Мф. 20, 25–27*).

Поэтому все истинные последователи Христа стремились не вверх – не к господству над другими, а спускались в самоотречении к служению всем: к нижней вершине пирамиды – ко Христу.

Отсюда и заповедь апостола Павла: «Мы, сильные, должны сносить немощи бессильных и не себе угождать» (*Рим. 15, 1*). Здесь предел и полнота самоотречения и совершенства, уподобление христианина кроткому Христу и Обожение души человеческой.

Глава 8. Святость

По примеру призвавшего вас Святого, и сами будьте святы во всех поступках. *1Пет. 1, 15*

Старайтесь иметь мир со всеми и святость, без которой никто не увидит Господа. Евр. 12, 14

Как можно спрашивать святости с нас – таких немощных духовно, живущих в мире, где кругом царствуют страсти, порок и соблазн? И неужели спасутся только святые и только они могут увидеть Господа?

Чтобы рассеять это недоумение, надо выяснить, что теперь обычно понимают под словом «святость» и что понимали под ним апостолы и первые христиане.

В настоящее время под словом «святые» подразумевают обычно только прославленных и канонизированных Церковью святых.

При современной же практике канонизации к святым причисляют преимущественно мучеников за Христа и тех из усопших христиан, святость жизни которых удостоверена чудесами (часто посмертными) и великими подвигами. Отсюда – в широких кругах современных христиан слились вместе понятия «святой», «чудотворец» или «мученик».

Между тем не то понималось под словом «святые» в первой Апостольской Церкви. Ап. Павел вообще всех членов Церквей Христовых называл «святыми». Свое Послание к Филиппийцам он начинает словами: «Всем святым во Христе Иисусе, находящимся в Филиппах, с епископами и диаконами: благодать вам и мир от Бога Отца нашего и Господа Иисуса Христа» (Фил. 1, 1–2). В конце этого же послания он пишет: «Приветствуют вас все святые, а наипаче из кесарева дома» (4, 22).

Противопоставляя язычникам христиан, ап. Петр так обращается к последним в своем послании: «Вы – род избранный... народ святой, люди, взятые в удел, дабы возвещать совершенство Призвавшего вас из тьмы в чудный Свой свет» (1Пет. 2, 9–10).

Можно ли думать, что все христиане в апостольский век были совершенны и безгрешны? Конечно, нет! Это ясно видно из апостольских посланий и из многочисленных упреков и обличений, которые пишут им апостолы.

Вместе с тем даже прославленные Церковью святые не были вполне совершенны и обладали некоторыми слабостями, свойственными людям. Этих слабостей не были чужды даже сами св. апостолы. Ап. Павел в Послании к Галатам указывает на неправильность поведения ап. Петра, когда тот стал уклоняться от трапезы с христианами из необрезанных язычников (*Гал. 2, 11–12*). Из Деяний апостолов мы узнаем также о разногласии и «огорчении» между апостолами Павлом и Варнавою в Антиохии (*Деян. 15, 36–40*).

Вспомним также, как св. Епифаний Кипрский приезжал в Константинополь для участия в суде над великим светильником Церкви св. Иоанном Златоустом.

Итак, святость не есть полнота совершенства и не всегда связана с особыми дарами, какими являются чудотворение, прозорливость и т. п.

Но тогда не все ли верующие во Христа могут считаться святыми?

Что не все верующие есть в то же время и святые (как думают некоторые из сектантов), свидетельствует Евангелие по отношению многих, которые скажут Христу: «Господи! Господи!», – но Господь отвечает им: «Я никогда не знал вас; отойдите от Меня, делающие беззаконие» (*Мф. 7, 22–23*).

Где же тогда проходит грань между святыми и остальными верующими?

Эту грань, конечно, может проводить только Сам Господь. Как мы знаем из Его притчи, даже ангелы могут ошибаться при духовном различении пшеницы от плевел (*Мф. 13, 29*).

Сколько в жизни было случаев, когда сегодняшние «плевелы» потом становились «пшеницей» и наоборот. Стоит только вспомнить разбойника на кресте, историю апостолов Павла и Иуды Искаротского, святых – Марию Египетскую, бывшего разбойника св. Моисея Мурина и многих других. Отсюда – никто не застрахован от того, что он может ниспасть из святых в «сыны погибели» и, наоборот, ни перед кем не закрыта надежда на спасение как «святого».

Но у всякого христианина должно быть стремление стать святым, стать в ряды «царственного священства», чтобы

некогда увидеть Господа (*Евр. 12, 14*).

Ап. Павел пишет филиппийцам: «Братия, я не почитаю себя достигшим; а только, забывая заднее и простираясь вперед, стремлюсь к цели, к почести вышнего звания Божия во Христе Иисусе» (*Флп. 3, 13–14*).

Итак, важно всеми силами простираться вперед и всегда помнить, что к спасению и святости ведет пристальное и непрерывное внимание к своему душевному состоянию и тщательное усердное покаяние во всяком замеченном грехе.

Но как видеть всегда грех? Как не пропустить ни одного из них, чтобы через незамеченный грех не удалить от себя Духа Святого и не потерять святости?

Св. отцы отвечают на этот вопрос так:

«Надо познать свою (возможную – потенциальную) святость, и тогда будем знать всякий грех, оскверняющий ее».

Пусть не покажется противоречием (антиномией) познание своей святости (в Предвечном совете predetermined) одновременно с постижением своего ничтожества и глубины падения. Именно в неизменном сочетании их и заключается спасение христианина.

Что значит увидеть свой грех? Это значит понять уклонение себя от какой-то нормы. И чем выше познание нормы, тем более заметно уклонение, тем резче разница того, что есть, от того, что должно быть.

Идеал святости должен завладеть душой, гореть в ней ясным огнем и пленять своей красотой. Откуда может пасть на душу этот идеал? Он отпечатлевается из образа Христа и затем тех Его учеников-христиан, которые в какой-то мере отобразили Его образ («...доколе не изобразится в вас Христос» – *Гал. 4, 19*). Счастье тем, кто глубоко познал их, чтобы в их святости понять и свой (в идеале) образ святости. Тогда омерзителен для познавших будет их грех и они постигнут свое высокое предназначение. О последнем так пишет схиархимандрит Софроний:

«Привычка сделала людей невнимательными к подлинному содержанию Писания. Самые глубокие и самые существенные

моменты Откровения проходят почти бесследно, хотя они являются наилучшим и наиполнейшим ответом на сокровенные искания всех нас, людей. Я заметил странное явление: люди **боятся** открыто взглянуть на **величие** человека. Увидеть Божественный замысел о себе людям кажется «непомерной гордостью». Узнать о себе, что в идее Отца мы прежде создания мира задуманы как полнота совершенства, мне кажется делом совершенно необходимым для того, чтобы жить и действовать должным образом. Я полагаю, что умалять предвечную мысль Творца о человеке не только **ошибка**, но действительно **великий грех**, когда люди не видят в себе самих, ни в брате своем подлинного и вечного достоинства».

Итак, к святости должен стремиться каждый христианин. Однако ступеней святости много (точнее – бесконечно много), и от усилий самого христианина зависит подниматься по этой благой лестнице.

Как пишет о. Павел Евдокимов:

«Святость отмеривается по полноте желания Бога, жажды Бога, потому что Бог все может, кроме принуждения человека полюбить Бога».

Но дар великой любви к Богу не легко дается христианину. Про это так пишет схиархимандрит Софроний:

«Любящий Бога проходит через такие страдания, которых не имеющий глубокой веры в Бога не выдерживает и заболевает душевно. Из глубокой веры и любви рождается великое мужество. То мужество, которое спасает человека от заболевания при встрече с миром злых духов... На пути к стяжанию любви Божией христианина-подвижника встретит весь ряд возможных искушений и испытаний».

Но не одни испытания уготованы верующим. Для них уготована и совершенная радость (Ин. 15, 11), о которой будет говориться ниже.

Глава 9. Совершенная радость

Да радость Моя в вас пребудет и радость ваша будет совершенна. Ин. 15, 11

Полнота радостей пред лицом Твоим. Пс. 15, 11

Почему Господь назвал ту радость, которую Он дает, «совершенной»?

Потому что радости мирские (как уже говорилось выше) несовершенны, обычно недолговечны, и потому мирское счастье обманчиво.

Существуют целые философские системы, по которым целью человеческой жизни является достижение «счастья», представление о котором у различных людей имеет сильное отличие. Это современный «эвдемонизм», древние «киренаики» и др.

В свете Христова учения эти системы, ищущие лишь земного, мирского счастья, жалки и наивны. То удовольствие, которого ищут эвдемонисты, может быть только очень кратковременным, и древние стоики сравнивали погоню за удовольствием с погоней за вечно удаляющимся призраком. Как поется в Церкви: «Какая житейская радость не причастна печали?»

И вместе с тем над всем человеческим родом царит роковая, неизбежная смерть.

Митрополит Филарет Московский пишет:

«Радость земная пронизывается печалью, потому что душа сокровенно чувствует неудовлетворенность земного и потребность лучшего».

Учитывая извращение грехом природы человеческой души и отсюда, чаще всего, изменчивость ее стремлений, следует согласиться с афоризмом Д. С. Милля, что «лучше быть недовольным человеком, чем довольной свиньей, – недовольным Сократом, чем довольным дураком».

Однако, само стремление души к счастью и радости вполне законно и является основным двигателем – импульсом для волевых проявлений человека.

Как пишет о. Александр Ельчанинов:

«Земное счастье – любовь, семья, молодость, здоровье, наслаждение жизнью, природой – все это «добро есть», и не надо думать, что Высший Закон сурово осуждает все это... Душа ищет радости вопреки всему. Горе, страдания сами по

себе не свойственны человеку, и это инстинктивное обращение к радости и свету не есть ли воспоминание души об утерянном рае и стремление к нему?.. Плохо только рабство своему счастью, когда оно владеет человеком и он всецело в него погружен, забывая главное».

Итак, мы можем искать и счастья и радостей – но вопрос в том, в чем их искать, чтобы они были не мимолетны, не изменны, как у животных, а находились в соответствии с высоким предназначением человека?

Здесь надо вспомнить закон перерождения человеческой души – изменение «душевного» человека в «духовного». Вместе с отмиранием «душевного» человека должны затихать стремления к переживанию удовольствий, связанных с нашей телесной природой.

Но зато с возрастанием «духовного» человека будет развиваться вкус к духовным радостям, будет делаться понятным и то «блаженство», которое обещается Христом в Его девяти заповедях блаженства из Нагорной проповеди (Мф. 5, 3–12).

Начало этого блаженства и духовных радостей будет переживаться христианином еще здесь, на земле; а развитие их в мере, доступной индивидуально каждой душе, осуществится уже в Царстве Небесном.

Здесь же, на земле, христианин получает эти радости как бы в качестве залога от будущих.

Господь дарит их христианину часто не по заслугам, а чтобы поддержать ревность христианина к добродетели на «тесном» и «узком» пути к их стяжанию. Это поцелуй Отца, выбегающего навстречу блудному сыну; это – «лучшая одежда и перстень на руку... и обувь на ноги», даруемые только за проявление смирения и покаяния (Лк. 15, 20–23).

Чтобы скорее атрофировался в нас вкус к плотским или душевным радостям, надо стремиться к приобщению к духовным – к совершенной Христовой радости.

Как пишет о. Александр Ельчанинов:

«Счастье не есть самоцель: оно – производное от правильной жизни. Будет правильно построена жизнь, будет и

счастье; а правильная жизнь – это праведная жизнь... Жизнь – тяжелое испытание, и наши горести не оставят нас до смерти: идиллии и комфорта христианин не имеет никогда. Но зато и радости, которые посылает Бог христианину, не сравнятся ни с какими радостями мира сего».

Радость Христова делается все более глубокой и все более желанной для тех, кто приобщается к ней.

Господь сказал самарянке: «Всякий, пьющий воду сию, возраждет опять, а кто будет пить воду, которую Я дам ему, тот не будет жаждать вовек; но вода, которую Я дам ему, сделается в нем источником воды, текущей в жизнь вечную» (*Ин. 4, 13–14*).

«Живая» вода есть те возвышенные радость и счастье, к которым тянется человеческая душа, стремление к чему заложено в нас Богом.

Как считал украинский философ Сковорода:

«Мудрый Господь дал счастье, доступное для всех, как дал солнце, воду, воздух. Не нужно ехать за счастьем куда-то на Канарские острова – счастье близко всем, оно – в каждом человеке. Оно заключается в том, чтобы человек познал себя, свою безмерную сущность, свой образ Божий».

Тонко и нежно чувство совершенной радости Христовой. Легко его угасить невоздержанием, отравить ядом греха.

Но чем больше душа приобщается к этой радости, чем чаще посещает ее Небесный Гость – веяние Духа Святого, тем более укрепляется она в решении идти за Христом, тем сильнее становится любовь к Богу, тем ненавистнее грех: душа духовно крепнет и, как говорит псалмопевец, «обновляется подобно орлу юность твоя» (*Пс. 102, 5*).

Как возрастить в душе своей этот нежный райский цветок совершенной радости, как ухаживать за ним и оберегать от бушующей кругом бури страстей и суеты и защитить от злобы темного духа?

По-разному он возрастает в душах тех, кто живет в миру и кто уходит оттуда за монастырские ограды. Различны его формы, цвет и аромат для того и для другого случая.

Для каждой души есть свой особый путь к приобретению совершенной радости Христовой. В основном это различие в

путях зависит от природной склонности быть евангельскими Марфой или Марией – от доли в душе того или иного начала.

Путь Марфы ясен, прямолинеен и верно ведет к цели. Не трудно ей питать свою душу совершенной радостью и укреплять себя ею в своем подвиге – собирать сокровища свои для Царства Небесного.

Ей надо прежде всего забыть о себе, о своей жизни и своих интересах. Ее нет в жизни – нет Марфы, а есть окружающие ее ближние, порученные ее заботам, а также несчастные, скорбные, голодные, холодные, убогие, немощные, старые, малые и сироты: есть их слезы скорби, болезни и нужды. В них все сердце Марфы, только ими полна ее душа; всю себя отдает им Марфа, отдает все силы тела, всю горячность чувства, все мысли, думы и заботы.

Если так воспринимает Марфа жизнь, то вокруг нее, как райский сад, расцветает радость.

Вот видит она, что мир и покой водворяются в душе ее ближних благодаря ее любви, заботе и ласке. Видит, как печаль и уныние заменяются у ближних радостью и бодростью благодаря ее словам утешения и ее жизнерадостности.

Она видит счастье матери, которой она помогла вырвать больного ребенка из рук смерти. Видит ранее несчастных и обездоленных, а теперь успокоенных и умиротворенных.

Вот смотрит она на тех, кто был без крова, одежды и хлеба и кто теперь, через ее заботы, в тепле, одет и накормлен.

Так растет в ее душе радость и вырастают силы для новых усилий, новых жертв, нового подвига.

Кто приобрел вкус к этой радости, кто не захочет других – мирских и греховных радостей мира, тот ни на что уже не променяет найденного им «сокровища в поле» (*Мф. 13, 44*) и все отдает за него, как все отдавали св. Филарет Милостивый, св. Иоанн Милостивый, доктор Гааз и весь сонм милостивых праведников.

Изучайте жизнь их, подражайте им, и вы найдете в себе силы идти по их светлому пути, приобщитесь к их совершенной радости и познаете счастье.

Как писал доктор Ф. П. Гааз:

«Самый верный путь к счастью – не в желании быть счастливым, а в том, чтобы делать других счастливыми. Для этого нужно внимать нуждам людей, заботиться о них, не бояться труда, помогая им советом и делом, словом, любить их, причем чем чаще проявлять эту любовь, тем сильнее она будет становиться». Так же думал и известный врач И. И. Пирогов, который так написал в своем дневнике: «Быть счастливым счастьем других – вот настоящее счастье, вот жизни земной идеал».

Отсюда непреложный закон жизни: кто гонится за счастьем для себя, от того оно убегает. А кто ищет счастья для других, тот его находит вместе с совершенной радостью.

По-иному наполняется радостью душа евангельской Марии. Однако и она, так же как и Марфа, перестает жить собою и для себя – ее также нет, а есть лишь Бог, ее Господь, есть Его милость, благодать, непостижимая любовь Его искупительной жертвы – образ внемирной и несравнимой ни с чем красоты.

Им полна ее душа, ее ум, ее сердце. С Ним она хочет пребывать в постоянном молитвенном общении. Перед Его образом все тускнеет в ее глазах и ничто мирское не влечет ее к себе: омерзительны для нее развлечения мира, чужды его интересы и скучны и тяжелы люди мира.

Как известно, прп. Арсений Великий, приняв монашество, неизменно стремился к одиночеству. Ему приписывается совет: «Бегай людей и спасешься».

Иноки говорили ему: «Отец, ты нас не любишь». Но он всегда возражал: «Видит Бог, что я люблю вас, но я не могу сразу быть с Богом и людьми».

Подвижник-старец иеросхимонах Парфений из Киевской лавры говорил:

«Я люблю моих ближних и от всего сердца готов помогать, но... с ними так скучно...»

Его душа была весела и довольна лишь в молитве, и свет его радости тускнел, когда он входил в общение с миром, волны которого гасили его внемирную радость.

Вот секрет той силы, которою обладают для несения своего подвига пустыnnики, отшельники и затворники – силы,

заставляющей их пренебрегать всем и всеми и искать уединения.

Нежен, особо ароматичен и прекрасен цветок радости, который тайно цветет в душах уединенников. Они отдали все Богу, избрали лучшую часть Марии, и в ответ на их любовь с ними всегда пребывает Бог, вселяясь в их сердца и наполняя их плодами Духа Святого – любовью, радостью и миром.

Как видно из текста евангельского рассказа, с Марии Господь снял заботы Марфы, позволил быть только Марией. Но нельзя быть всецело Марфой. Поэтому, служа ближним, она не должна забывать об исполнении «первой из заповедей» – любви к Богу.

Вот почему волновалась Марфа, когда упрекала сестру и даже Самого Господа. Она позавидовала сестре и почувствовала недостаток своей части – невозможность совместить заботу об угощении со сладостью все время внимать словам Христа.

Итак, радости Марии должны быть в какой-то доле и у Марфы, но у последней эти радости не так яркие и постоянны, как у Марии. При тесном общении с миром возможно в какой-то мере отравление души дыханием суеты и страстей мира.

Поэтому цветок души Марфы должен быть вынослив, чтобы противостоять стихиям мира (мирским) – ветрам, зною и непогоде. Цветок же Марии требует питомника – монастыря, пустыни и уединения: в мире он чахнет. Но зато в питомнике он растет пышнее, ярче и ароматичнее цветка Марфы.

В тех случаях, когда христианин становится иноком, он разлучается со своими близкими. Как будто бы этим он обрекает себя на трудную жизнь одинокого: ведь он лишается всех близких по плоти, их любви, заботы, привязанности и помощи в нужде.

Но Господь говорит: «Нет никого, кто оставил бы дом, или братьев, или сестер, или отца, или мать, или жену, или детей, или земли, ради Меня и Евангелия, и не получил бы ныне, во время сие, среди гонений, во сто крат более домов, и братьев и сестер, и отцов и матерей, и детей, и земель, а в веке грядущем жизни вечной» (*Мк. 10, 29–30*).

И если инок ушел от любви родственников, любящих по родству плоти, то он находит новых братьев, сестер, отцов и матерей. Их несравненно больше, чем родных по плоти, так как каждый из истинных христиан, исполняющих волю Божию, становится иноку и братом, и сестрой, и матерью (Мф. 12, 50).

Их любовь нежнее и горячее, потому что это истинная любовь во Христе, готовая на все жертвы ради исполнения заповедей Господних.

Переживание этой ответной духовной и совершенной любви, горячей и готовой на жертвы, «не ищущей своего», «не раздражающейся», «всему верящей», «все покрывающей» (1Кор. 13), дает особую радость, утешает, ободряет и укрепляет душу.

Кто узнал эту любовь, любовь друга, брата и сестры во Христе, любовь не до гроба уже, а любовь в вечности, не знающей разлуки, тот приобщился к радости, открывающейся душе при Христовой любви.

По свидетельству всех святых, великую радость душе всякого христианина дает полнота отречения от своей воли и выполнение во всем лишь Божией воли.

Вот как пишет об этом прп. Никодим Святогорец:

«Бог не желает от тебя ничего, кроме того, чтобы ты смирился перед Ним и Ему предал душу свою, свободную от всего земного, держа в глубине сердца одно желание – да исполнится на тебе во всем и через все воля Божия. Имея вследствие сего всегда свободу и ничем, ни с какой стороны не будучи связан, будешь ты всегда радоваться и мирствовать в себе. В этой свободе духа состоит то великое благо, о котором слышишь ты в писаниях святых. Оно не что иное есть, как крепкое пребывание внутреннего человека в себе самом, по коему он не исходит вне желанием взыскать что-либо вне его. И все время, как будешь ты держать себя так свободным, будешь вместе с тем вкушать божественную и неизъяснимую радость, которая неразлучна с Царствием Божиим, водворяющимся внутри нас, как сказал Господь: «Вот, Царствие Божие внутри вас есть» (Лк. 17, 21).

А старец Варсонофий из Оптиной пустыни говорил:

«Если человек не будет привязан к земным благам, но будет во всем полагаться на волю Божию, жить для Христа и во Христе, то жизнь его здесь, на земле, сделается божественною».

Итак, самоотречение есть вместе с тем источник совершенной радости. Последняя является следствием выполнения воли Божией в великих и самых малых делах, что дает глубокую радость душе христианской, любящей Бога.

При совершении человеком воли Божией Господь посылает ему, по словам прп. Никодима Святогорца, «теплоту животочную, радость неизреченную, възгание духовное, умиление, сердечные слезы, любовь Божественную, другие боголюбивые и блаженные чувства, не по воле нашей бывающие, но от Бога, не самодеятельно, а страдательно. И всеми такими чувствами удостоверяемся, что то, что ищем сделать, есть по воле Божией».

Есть и еще один источник обильной радости, из которого может пить всякий христианин, имеющий любовь к Церкви Православной и к чтению Священного Писания и духовных книг. Это радость постижения вечной Истины и углубления в нее своего ума и сердца.

Как пишет о. Александр Ельчанинов:

«Все мы счастливы уже хотя бы одним тем, что принадлежим к Церкви Православной, которая научила нас молиться, открыла всю вместимую нами мудрость и продолжает видимо и невидимо наставлять нас. Мы знаем «Путь и Истину и Жизнь» (Ин. 14, 6). Сколько великих сердец и умов запуталось, погибло, не найдя истины, мы же этой истиной обладаем».

Радость постижения истины можно сравнить с радостью любителя путешествий, когда он нашел путь в страну, богатую своим разнообразием и красотой природы, подобно раю. По мере того, как он углубляется в нее, перед ним открываются все новые виды и картины, одна другой прекраснее.

Он удивляется бесконечному разнообразию природы и научается преклонению перед Величайшим Художником, сотворившим все виденное им.

Так, перед любителем Истины она постепенно открывается ему через Священное Писание и духовные книги все глубже и глубже. Он начинает понимать гармонию всего творения, постигает неизменную благодать Творца, постигает ее в том, что раньше для него было неясно и смутно.

В его глазах физические несчастья и бедствия превращаются в мудрую заботливость любящего Отца о Своих детях. Он начинает понимать причины и цели всех явлений. Из Священного Писания и духовных книг он научается постигать глубину премудрости тех духовных законов, которые лежат в основе жизни души – сердца и духа человека, а равно и всего человечества.

Но не только из чтения можно черпать радость познания Истины.

На известной ступени духовного роста истина начинает открываться христианину непосредственно от Святого Духа. Господь обещает ученикам: «Когда же придет Он, Дух Истины, то наставит вас на всякую истину» (*Ин. 16, 13*). Это обетование начинает реально переживаться христианином, питая его вместе с тем чистой, совершенной радостью от этого непосредственного приобщения к источнику вечной Истины.

Как у Марии, так и у Марфы есть и еще радость. Это радость славословия Бога и Творца мира со всей Вселенской Церковью и с ликами бесплотных в великолепии церковного богослужения.

В радостном ликовании вся природа славит Творца своего: Его славят птицы в своих песнях на восходе и при заходе солнца; славят в своем журчании ручьи, реки и водопады и в своем шуме – море и лес.

Но предстояние перед Творцом души человеческой несравнимо выше: только человеку дана способность постижения величия, благодати и красоты Творца.

Поэтому все лучшее, что имеет, должна вносить душа в богослужение – лучшее пение, лучшие одеяния, лучшие украшения для храмов. А свою душу надо одевать при этом в чистые духовные одежды – покаяния, смирения, преданности Творцу, отменяя суету, рассеянность, маловерие и уныние.

Если так подойдет душа к богослужению, то последнее становится светом и радостью души.

На первых ступенях духовной жизни молитва часто бывает трудна для христианина: еще плененная миром душа тяготится и скучает за молитвой.

Но по мере того, как сердце освобождается от цепей страстей и пристрастий, молитва становится внимательной и сопровождается теплотой чувства и умилением.

Тогда молитва также начинает питать душу христианина совершенной радостью. Христианин начинает замечать, как часто Господь исполняет его просьбы и прошения и постигает, что в молитве он имеет самое могущественное оружие, с помощью которого он может бороться со злом мира и служить ближним.

Видя же благие и часто удивительные плоды своего молитвенного труда, христианин исполняется от этого глубокой, совершенной радостью по завету Христа: «Просите и получите, чтобы радость ваша была совершенна» (*Ин. 16, 24*).

Но не только от исполнения просьб своих наполняется сердце христианина счастьем при молитве. В молитве он находит совершенную радость в приобщении себя к славословию Бога, Творца и Промыслителя, открывающегося человеку в непостижимом по красоте образе Его Сына – Иисуса Христа, Смиреннейшего Страдальца и Искупителя грехов всего человечества.

Как пишет Н.:

«Чем выше поднимается человек, тем острее становится его духовное око и глубже созерцание. Видит он, наконец, во всей твари отблеск неизреченной славы Божией, слышит, как торжественная «Осанна» гимна земного творения сливается со славословием ангелов, и его собственная молитва звучит как один из голосов бесконечного хора».

Особенную радость дает созерцание наивысшего из творений Божиих – образа и подобия Божия: души человеческой, воссозданной в своей первоизданной доброте жизнью во Христе.

Как пишет схииархимандрит Софроний:

«Прекрасен мир – творение Великого Бога, но нет ничего прекраснее человека, подлинного человека – сына Божия».

Святые – это дивные, несравнимые ни с чем на земле образы, воспринять красоту которых – это значит приблизиться к славе и красоте Царствия Божия. В особенности это относится к образу Царицы Небесной – Божией Матери Деве Марии – Покровительнице и Заступнице рода христианского.

Торжествующая Церковь – это сад Божий, где святые – райские цветы, исполненные красоты и благоухания Духа Божия. И каждый из них прекрасен по-своему – каждому дана особая форма, особые переливы радужных цветов и особый аромат.

Вчитывайтесь в жизнеописание святых, изучайте их, впитывайте в себя их бессмертные образы – и вы найдете особую радость постижения красоты Творца через красоту Его творения и Его свойств – через черты тех, в кого Он вселился. Через добродетели святых вы постигнете и свойства Божии – Его невыразимую любовь, смирение, кротость, всепрощение и милосердие.

Когда жизнь святых будет изучена и постигнута, они станут как родные, как старшие братья и сестры во Христе; они становятся уже не умершими и ушедшими куда-то в потусторонний мир.

Нет, вот они – они здесь, с нами; они более реальны, чем те, кто окружает нас из живых мертвецов, при жизни еще умерших («Предоставь мертвым погребать своих мертвецов» – Мф. 8, 22).

Если эти последние, считающиеся живыми, бессильны помогать нам, то те – для мира умершие, но вечно живые – чутко и нежно относятся к нам, смотрят на наши нужды, слушают наши просьбы и спешат на помощь в нужде.

Какой истинный христианин не имеет опыта и не был обрадован быстрым и чудным исполнением своих просьб, когда он обращался к таким скоропослушным и любвеобильным святым, как святитель Николай, великомученик и целитель Пантелеимон, преподобные Сергей Радонежский, Серафим

Саровский и подобные им. Приобщимся же к этой особой радости – радости иметь всегда в своей душе образы святых, наших великих братьев и сестер во Христе, радости постижения их красоты и красоты живущего в них Христа.

Есть и еще сокровища, открывающиеся одинаково душам Марфы и Марии. Это – постижение красоты Божьего творения.

Чрезвычайно многообразна эта красота. Она дышит в природе, в ее бесконечно разнообразных и прекрасных формах. И христианин не может не любить природы как Божьего творения. Через нее он постигает неизмеримую премудрость и величие Творца вселенной.

Совершенная радость всегда будет наполнять сердце, когда оно научится так воспринимать природу, как воспринимал ее св. Иоанн Дамаскин (в посвященной ему поэме А. К. Толстого):

Благословляю вас, леса,
Долины, нивы, горы, воды,
Благословляю я свободу
И голубые небеса.
И посох мой благословляю,
И эту бедную суму,
И степь от края и до края,
И солнца свет, и ночи тьму,
И одинокую тропинку,
По коей, нищий, я иду,
И в поле каждую былинку,
И в небе каждую звезду.
О, если б мог всю жизнь смешать я,
Всю душу вместе с вами слить;
О, если б мог в мои объятья
Я вас, враги, друзья и братья,
И всю природу заключить.
А вот как воспринимал природу поэт К. Р.:
Бывают светлые мгновенья:
Земля так несравненно хороша.
И неземного восхищенья полна душа.
Творцу миров благоуханье
Несет цветок, и птица песнь дарит:

Создателя Его создание
благодарит.
О, если б воедино слиться
С цветком и птицею, и всей землей
И с ними, как они, молиться
одной мольбой;
Без слов, без думы, без прошения
В восторге трепетном душой гореть
И в жизнерадостном забвенье
благоговеть.

Здесь уместно будет вспомнить слова Дарвина, что «красоты мира постигаются лишь верующими людьми».

По красотам этого мира христианин может предощущать и красоты и радости Царства Небесного.

Как пишет священномученик Петр Дамаскин:

«Если этот временный мир, называемый местом изгнания и осуждения преступивших заповедь Божию, так прекрасен, во сколько же раз более прекрасны вечные и непостижимые блага, которые Бог уготовал любящим Его!»

Когда душа христианина очистится, то он начинает чувствовать и радость любви к себе животного мира, отданного во власть человеку по первоначальному плану мироздания(*Быт. 1, 26*).

Еще недавно в Оптиной пустыни жил лесник, старый монах-отшельник. Десятки лет он один жил в лесу и был незлобив и прост, как дитя. Не раз видели, как, выйдя на лесную поляну, он начинал звать: «Птички, птички, птички».

И тогда со всех сторон слетались к нему лесные птички и садились на его плечи и голову, и он из рук кормил их.

Его спрашивали: в чем находит он радость, живя в таком уединении? «Господь так милостив ко мне, – отвечал старец. – Он дает мне так много радости, позволяя всегда прославлять имя Его святое».

О если бы и нам научиться этой его святой и всегда и всем доступной радости!

И еще есть радость у христианина.

Душа его начинает постепенно порывать с окружающей его житейской обстановкой и приобщаться к невидимому миру, открывающемуся его духовным очам, и жить вневременными событиями. Тогда внешний мир с его соблазнами и суетой отходит от души, становится нереальным, забывается, не замечается и пренебрегается. Глубоко чувствуя любовь Небесного Отца, христианин перестает видеть в Нем Судию и постепенно переходит от страха к любви, от положения раба и наемника – в положение друга и сына. «Совершенная любовь изгоняет страх», – пишет ап. Иоанн (1Ин. 4, 18).

Ведь любовь только милует. И блудный сын, хотя он еще далек от дома, но он уже видит бегущего навстречу Отца, видит Его руки, простертые для объятий. И хотя он еще не успел вступить в дом Отчий, но он уже пережил сладкий миг объятий и поцелуев Отца и увидел свои новые одежды, обувь и перстень.

Отец всего его исполнил радости Своим всепрощением и возвращением полной меры Отчей любви. А впереди – пир в доме Отца, жизнь всегда с Ним, возможность доказать Ему свою ответную любовь, преданность и возможность навеки загладить старый грех ухода из Отчего дома.

Итак, Отец без заслуг дает блудному сыну – покаявшемуся грешнику – предвкушение Своей любви, украшает его новым светлым одеянием и драгоценностями. Это все Он дает ранее заслуг – только за смирение, за глубину сознания своего греха, своей нищеты, своего падения.

Вновь приступая к работе в доме Отчем, блудный сын начинает находить радость в постоянном исполнении воли Благотворного Отца. Когда спросили прп. Антония Великого: «Что есть радость о Господе?», – он ответил: «Делом исполнять какую-нибудь заповедь, с радостью, во славу Божию – вот что есть радость о Господе».

Слезы! В мире это обычно символ горя, несчастья и страданий. Здесь редки слезы радости.

Не так это в мире духа. Здесь слезы – это награда, это веяние Духа Божия, это сладость утешения, это ответ души, чувствующей объятия Отца и его поцелуи.

«Дар слез» – как много иноков вздыхают о нем! И если вы в некоторые минуты покаяния, смирения и очищения души приобщились к этим благодатным слезам и почувствовали объятия Отца, то вы должны уже потерять вкус к миру, к его удовольствиям и развлечениям.

Вы уподобитесь лермонтовской душе, несомой ангелом, для которой

Звуков небес заменить не могли Ей скучные песни земли.

Как это ни парадоксально, но у святых радость вызывали и скорби вообще, и в особенности скорби, которые они терпели ради веры во Христа.

Они помнили обещание Господа тем, которых на земле «будут поносить и гнать и всячески неправедно злословить за Меня». Господь говорит таким: «Радуйтесь и веселитесь, ибо велика ваша награда на небесах» (*Мф. 5, 11–12*).

И когда первых апостолов били за проповедь о Христе, то «они же пошли из синагоги, радуясь, что за имя Господа Иисуса удостоились принять бесчестие» (*Деян. 5, 41*).

По словам праведницы Елизаветы Венгерской, «в мире радостей всех выше – это радости страданий».

Откуда такая радость?

Святые так глубоко переживали крестные страдания Господа, что, испытывая сами страдания, радовались своему единению в них с Самим Господом.

Как писал Франциск Ассизский:

«Знаете ли, в чем завидуют нам ангелы? Ни в чем, кроме того, что мы можем страдать ради Бога, а они никогда ради Него не страдали».

Наконец, у христиан-подвижников могут быть и еще радости, которые неописуемы и неоценимы. Это особые переживания от осияния души человеческой Духом Святым Божиим, те переживания, о которых не рассказывают и которые не описать словами.

Их нельзя искать или к ним стремиться, всегда считая себя недостойными их. Это особая милость Божия и награда тем, которые доказали жизнью и подвигами свою горячую любовь к

Богу, которые все в мире оставили ради этой любви и смело и дерзновенно пошли в жизни за Христом.

Про эту радость так говорит прп. Варсонофий Великий:

«Кто изобразит или кто может исследовать неизглаголанную радость святых, неизреченное их веселие и несравненный свет, как Господь здесь открывает им явление Своих дивных и преславных тайн и уготованные им славу и покой, как отрешает их ум от здешнего мира, и они всегда видят себя на небе со Христом и Его ангелами. Ни голод, ни жажда, ничто земное не причиняет им скорби, ибо они улучили свободу от житейских укоризн, страстей и грехов».

Вот еще какими словами описывает состояние души духовно созревшего христианина старица Ардалиона из Усть-Медведицкого монастыря:

«Душа видит весь мир как Божий дом, видит премудрые пути Божии, Его силу, действующую в мире, Его любовь, постоянно являемую твари; видит самую тварь как Божие достояние, и в этом богатом имени своего Господа она, как верная раба, ничего не имеющая, радуется за все, как за свое собственное, как будто она всем обладает, и постоянно говорит: как велик мой Господь, как Он славен. И блаженство ее так велико, что она не видит непостоянства времени, – оно для нее пребывает неподвижно, у нее нет ни прошедшего, ни будущего, одна настоящая минута, как бы она тяжела ни была по обстоятельствам внешней жизни или по естественной немощи души или тела, но эта настоящая минута для нее составляет все блаженство, потому что она живет в доме Божиим. Она не чувствует времени, потому что уже вышла из временного, жизнь ее не заключается в преходящем, но в вечном. Это состояние настолько удовлетворительно для души, настолько блаженно, что если бы Господу угодно было навсегда ее оставить на земле, в трудах жизни, оставить именно в том состоянии, в какое она пришла, то она была бы на это согласна».

Через приобщение к совершенной радости душа укрепляется в силах, чтобы идти тесным путем несения своего креста.

Имея в себе реальные залого спасения, душа христианина не может не радоваться счастью встречи со своими старшими братьями и сестрами во Христе – святыми торжествующей Церкви.

«Не видел того глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку, что приготовил Бог любящим Его», – говорил апостол Павел (1Кор. 2, 9).

«Радость моя, – говорил прп. Серафим одной из своих духовных дочерей, – если бы в этой временной жизни твое тело было бы одним струпом, и в язвах твоих уже при жизни кишели черви, и ты сама была бы погружена в смрадных червей, то все это ты ни во что бы почла, если бы узнала радость блаженства будущей жизни».

Для души, предвкусившей радостей духовных, не страшны уже житейские скорби, болезни и тяготы жизни. Они утрачивают свое жало и перестают вводить душу в уныние, в печаль, в тоску и отчаяние.

Вот почему ап. Павел пишет: «Нас огорчают, а мы всегда радуемся» (2Кор. 6, 10).

Откуда же печаль, если всегда со мной Отец и Он Сам снова вводит меня – блудного сына – в родной Отчий дом. Ведь Он так Милосерд, так Любвеобилен – Он все простил. Если на теле раны, Он их залечит. Если одежда изорвана и замарана, Он заменит ее новой.

Он заботлив в большом и малом, и все, что в дальнейшем ни случится с сыном в Отчем доме, «будет ему содействовать ко благу» (Рим. 8, 28).

Даже скорби, лишения и болезни – все это ни что иное, как Его промыслительная забота о сыне, те лекарства, которыми Он лечит его больную душу. Поэтому «Слава Богу за все!»

Один много пострадавший христианин (Н. С.) так записал в своем дневнике:

«Жизнь есть не простое существование, а участие в великой мистерии домостроительства Божия. Какова бы ни была роль, выпавшая на долю человека, пусть самая трагическая, – она полна возвышенного значения и потому прекрасна. Тот, кому дано познать эту истину, вступает в

священную радость уже сейчас, в условиях земной жизни, при любой формации общества».

А прп. Аполлон Египетский о радости говорил так:

«Пусть печалются язычники, пусть евреи проливают слезы, пусть грешники непрестанно вздыхают. Но христиане должны радоваться. Ибо если те, которые любят земные вещи, полагают радость в том, чтобы владеть легко и быстро гбнущими благами, то почему нам не быть полными радости, если нас наполняет надежда на обладание бесконечной славой, на наслаждение вечным блаженством».

«Пусть печалются язычники, пусть евреи проливают слезы, пусть грешники непрестанно вздыхают.

Но христиане должны радоваться. Ибо если те, которые любят земные вещи, полагают радость в том, чтобы владеть легко и быстро гбнущими благами, то почему нам не быть полными радости, если нас наполняет надежда на обладание бесконечной славой, на наслаждение вечным блаженством».

И не зовет ли нас к этому апостол словами: «Всегда радуйтесь, непрестанно молитесь, за все благодарите»?

Да и все св. отцы говорят так:

«С тех пор, как воскрес Христос, душе христианской надлежит только радоваться».

А прп. Макарий Великий писал:

«Невозможно выразить или описать неизмеримое, беспредельное и непостижимое богатство христиан».

Вместе с тем нам надо помнить и следующее заключение Е. Н. Трубецкого (из его работы «Умозрение в красках»):

«Как в иконе, так, очевидно, и в жизни важнейшим является радость окончательной победы Богочеловека над зверочеловеком, введение во храм всего человечества и всей твари; но к этой радости человек должен быть подготовлен подвигом: он не может войти в состав Божьего храма таким, как он есть, потому что для необрезанного сердца и для разжиревшей, самодовлеющей плоти в этом храме нет места».

Тонок и нежен цветок духовной радости. Его надо лелеять и мудро оберегать.

Грех, страсти и все, что лишает пребывания в нас Духа Божия, – все это лишает нас и духовной радости.

Надо тщательно оберегать этот цветок и от смятения мира, и от тех, кто несет это смятение. Надо научиться жить в миру, но как бы вне мира.

В этом отношении будем «мудры, как змии, и просты, как голуби» (*Мф. 10, 16*).

Будем, как птицы, мысленно улетать от мира, не спускаясь к его суете.

Будем, как змеи, проходить через узкие расщелины подвига во Христе, чтобы обновить свою кожу – духовные одежды.

Будем тщательно подбирать себе такую обстановку, где бы в тиши рос невидимый для других нежный благоухающий цветок духовной, совершенной радости.

Приложения к главе 9-й

Одной из многочисленных чудотворных икон Божией Матери присвоено название «Нечаянная Радость». Раскрытию этого понятия посвящено слово митрополита Николая, сказанное им в храме св. Пророка Илии в Москве (в Обыденном переулке) в день праздника чудотворной иконы «Нечаянная Радость» (9 декабря ст. ст. 1956 г.).

Ниже приводится это слово с некоторыми сокращениями.

«Много разнообразных радостей у человека на пути его жизни. Одни из них мы назвали бы земными радостями, другие – духовными, небесными.

Какие это радости земные? Радость семейной жизни, когда дети имеют любящих и любимых родителей, а родители имеют таких детей. Радость в школьном учении, в работе, когда все идет успешно, вызывает похвалы и дает глубокое удовлетворение человеку. Радость здоровья, земного благополучия во всем.

Радость юной любви, когда два сердца отдают себя друг другу на всю жизнь, или радость пожилых сердец, когда в день 25-летия, 40-летия, 50-летия счастливой совместной жизни супруги от всей души поздравляют друг друга.

А радость самой жизни в целом? Жить – наслаждаться всеми ее лучшими, светлыми сторонами, видеть, слушать,

иметь друзей, вбирать знания, путешествовать... Разве можно исчислить все виды земных радостей человека?

Неизмеримо выше радости духовные у христианина. Ни с чем не сравнимая радость – знать Господа Иисуса Христа и веровать в Него! Знать, что Он жил на земле свыше 19-ти веков тому назад, ходил по ней; Его слушали; к Его одежде прикасались и Его чудотворной силой исцелялись слепые, хромые, немые!

Какой неиссякаемый источник духовной радости в исповедании веры в Господа Иисуса Христа, как нашего Спасителя, принесшего Себя в искупительную жертву за грехи людей и каждого из нас; в счастии иметь оставленное нам на все время Его Божественное евангельское учение о том, как жить, как спасти душу для вечности, как украшаться совершеннейшей духовной красотой.

Радость в том, что у нас есть Небесная Мать, простирающая над нами Свой покров; что у каждого из нас есть ангел хранитель, незримо сопутствующий христианину в его земной жизни; есть небо духовное, где сонмы святых не прерывают с нами общения, слушая наши молитвы, и имеют от Господа дерзновение посылать нам в ответ на наши воздыхания свои благословения и помощь.

Радость помнить, что есть у Господа тьмы тем, тысячи тысяч ангелов, окружающих Его и исполняющих Его веления в отношении нас грешных.

В день сегодняшнего праздника хочется сказать вам, мои дорогие, что только наша Православная Церковь присвоила слову «радость» одно чудесное добавление, назвав любимейшую из наших икон Божией Матери «Нечаянной Радостью».

Нечаянная радость – это неожиданная радость!

Мы знаем такую радость и в обычной жизни. Человек болеет долго, тяжело, приговаривается врачами к смерти или сам считает себя безнадежным – и вдруг выздоравливает. Мы, христиане, знающие, что без воли Божией ничто не совершается в этом мире, скажем: милость Божия!

Пропал без вести человек; годы о нем не слышно; близкие считают его погибшим – и вдруг он дает о себе весть или является сам. Опять милость Божия! Нечаянная радость!

А вот – область духовной жизни. Грешник, у которого на совести множество грехов, и тяжких и неискупленных, готов впасть в отчаяние и, может быть, отступить от Бога.

Но раздастся ли голос в его совести, зовущий к раскаянию; услышит ли он зов к Милосердному Господу в молитвах Церкви или через проповедника, или через доброго человека – и вдруг он поймет, что «нет греха, побеждающего милосердие Божие». Он плачет, кается, исповедуется, возрождается. Он спасен! Милость Божия! Нечаянная радость!

А о чем, как не о прощении многих грехов некоего грешника, говорит прославляемая нами сегодня святая икона «Нечаянной Радости», на которой мы видим этого грешника, стоящего на коленях с молитвой о своих грехах?! Вера народная в особенности с именем Божией Матери связывает мысль и молитву о нечаянной радости!

Но мы говорим пока только о радостях, переживаемых каждым из нас на пути жизни на земле. Эта жизнь – мгновение перед вечной жизнью, песчинка в нескончаемых песках, капля в безбрежном океане. Жизнь вечная не имеет конца. И совершенная радость, вечная радость может быть только в потусторонней жизни.

Это то, о чем говорил Господь наш Иисус Христос: «Рабе благий и верный! Вниди в радость Господа твоего!» (*Мф. 25, 21*) – и проповедовал в Нагорной проповеди: «Радуйтесь и веселитесь, ибо велика ваша награда на небесах!» (*Мф. 5, 12*).

Спаситель сказал, кто будет наследником этой радости: нищие духом – смиренные, плачущие о грехах своих, кроткие, алчущие и жаждущие правды, милостивые, чистые сердцем, миротворцы.

И, обращаясь с молитвами к Божией Матери: «Подаждь нам нечаянную радость», – мы не только и не столько должны просить Ее о радостях здесь, на земле, а довериться Ей в том, что Она как Мать Сына Божия, ближе всех стоящая к Нему,

прильнет к Его сердцу и испросит нам избавление от вечной гибели души, вечного отчуждения от Господа.

Не случайно Ее назвала Церковь, назвал наш русский православный верующий народ таким дорогим именем: наше сердце верит в Нее как неусыпающую Молитвенницу за нас и Ходатаицу.

Она, Нечаянная Радость, – наша надежда. Нельзя жить без надежды. Св. апостол Павел учит, что надежда вместе с верой и любовью составляет три самых возвышенных, святых свойства нашей христианской души, это три неизменных спутника земной жизни каждого христианина.

И как радостно, трудясь на земле для земного благополучия, трудясь и для дела вечного спасения, жить не только надеждой на помощь Божию, но и надеждой на нечаянную радость, Источник которой неистощим и любвеобилен.

Пусть не затухает в нас свет этой надежды!

Пусть каждый из нас как бы осязает всю силу этой надежды, обращая свой духовный взор к Небу, к своей Небесной Матери! И сегодня, и всегда пусть получает от Пресвятой Девы Марии не только исполнение своих молитв и воздыханий, но и те радости, каких не ожидает!» («Журнал Московской Патриархии», 1957 г.)

В дополнение к изложенному о совершенной радости приводим ниже размышления об этом одной благочестивой женщины (Взято из книги «Блестки золота»).

«Радость в жизни – словно масло в лампаде. Не хватает масла – и фитиль гаснет, испуская черную копоть и слабый красноватый свет, ничего не освещающий. И жизнь наша без радости проходит бесполезной и полна слабости и уныния.

Если мы каждое утро начинаем теплой и простой молитвой, если сердце свое мы при этом открываем Богу, как открывают каждое утро окно, чтобы вошел свежий воздух, то Господь не откажет нам и даст нам каждый день ясную и покойную радость.

А радость эта смягчит горе, его тяжесть, даст силу, подъем к добру. Добрыми бываем всего чаще, когда на душе радость...

Но радость – это не смех, это не насмешки. Это – привычная ясность души. Ведь ясное небо всегда позволяет видеть солнце. Чистая ясная атмосфера поднимает души. И сердце, открытое Господу, несет в себе Божью радость.

– Отчего вы всегда в хорошем настроении? Отчего вы не сердитесь? – спрашивали одну женщину, у которой была очень тяжелая жизнь. – Разве вы не чувствуете несправедливость людей и постоянные неудачи в жизни?

– Я их чувствую, как и вы, но они меня не трогают. – У вас, верно, есть для этого особое средство?

– Да, против всех неприятностей, исходящих от людей, у меня есть любовь; против неудач у меня есть молитва, и при каждой неприятности я говорю себе: на то воля Божия. Три вещи никто на свете не сможет у меня отнять:

- 1) счастье молиться,
- 2) счастье любить и жертвовать собой,
- 3) счастье страдать.

Везде этими тремя способами быть счастливой я смогу пользоваться».

Смотреть на мир – как это много,
Какая радость без конца!

Смотреть на мир и видеть Бога,
Непостижимого Отца.

По вере жить – как это много!

Не уклоняясь от креста,

По вере жить и славить Бога,

За нас распятого Христа.

В молитве быть – как это много!

Встречать сердечную весну,

В молитве быть и ведать Бога,

Святого Духа тишину.

Заключение

Глава 10. Пути спасения

Ревнуйте о дарах больших, и я покажу вам путь еще превосходнейший. 1Кор. 12, 31

Как спастись? Этот вопрос уже обсуждался на многих страницах выше.

В заключение сделаем попытку очень кратко обобщить изложенное ранее и привести в некоторую систему указания Священного Писания и св. отцов Церкви по этому вопросу.

Прежде всего при суждении о спасении и святости нужно различать внешние формы деятельности и внутреннее состояние христианина.

Внешними признаками спасения будут благие дела и поведение человека: наличие дел милосердия, молитвы, поста и разных аскетических подвигов (уединения, молчания, затвора, добровольной бедности, безбрачия).

Но наличие таких признаков еще не всегда решает вопрос о спасении (т. е. угождения ими Христу) и о степени святости.

Правда, Господь в притче о Страшном Суде (Мф. 25, 31–46) говорит лишь о том, что критерием (признаком) разделения людей на «овец» и «козлов», достойных жизни вечной и не достойных ее, является наличие у людей дел милосердия.

Но надо вспомнить также и слова ап. Павла: «И если я раздам все имение мое и отдам тело мое на сожжение, а любви не имею – нет мне в том никакой пользы» (1Кор. 13, 3). И это потому, что в основе внешне добрых дел иногда могут лежать гордость, тщеславие, лицемерие, прелесть и другие пороки души.

Вспомним здесь и гневное осуждение Господом фарисеев – праведников по взглядам тогдашнего еврейского общества. Он говорил им:

«Фарисей слепой, очисти прежде внутренность чаши и блюда, чтобы чиста была и внешность их» (Мф. 23, 26) и «По наружности кажетесь людям праведными, а внутри исполнены лицемерия и беззакония» (Мф. 23, 28).

И хотя Господь и сказал апостолам Иоанну и Иакову, что они пострадают, как и Он, но за это не обещал им просимого – «сесть по правую и левую сторону в Его славе». Он сказал, что это «не от Меня зависит, но кому уготовано» (Мк. 10, 35–40).

Очевидно, что не за одни только дела следует награда, но за подготовленность души к Царству Небесному.

Вспомним здесь и слова ап. Павла: «Ибо не тот иудей, кто таков по наружности, и не то обрезание, которое наружно, на плоти. Но тот иудей, кто внутренне таков, и то обрезание, которое в сердце, по духу, а не по букве: ему и похвала не от людей, но от Бога» (Рим. 2, 28–29).

Как говорят св. отцы – «не достаточно перестать грешить, а надо перестать быть грешником».

Отсюда не по одним внешним признакам можно судить о спасении, а по состоянию души – состоянию внутреннего человека, что нелегко распознать и очень часто бывает скрыто как от самого человека, так и от взглядов мира.

Итак, лишь внутреннее состояние души является вполне достоверным показателем пригодности человека к вечной жизни – его спасения и степени святости.

Как уже говорилось выше, совершенство состоит в совокупности и гармонии добродетелей, а значение последних для спасения души также различно.

Пусть будут налицо все добродетели, кроме веры, но, как говорит Господь, «неверующий уже осужден» (Ин. 3, 18). «А без веры угодить Богу невозможно», – пишет и ап. Павел (Евр. 11, 6).

Но одна вера также еще не ведет ко спасению. Ап. Иаков пишет, что «вера без дел мертва» (Иак. 2, 20).

Господь говорил также: «Не всякий, говорящий Мне: «Господи! Господи!» войдет в Царство Небесное, но исполняющий волю Отца Моего Небесного» (Мф. 7, 21).

Однако достаточно ли только веры и добрых дел?

На это так отвечает ап. Павел: «Если имею... всю веру, так что могу и горы переставлять... и если я раздам все имение мое и отдам тело мое на сожжение, а любви не имею – нет мне в том никакой пользы» (1Кор. 13, 3). Поэтому, как говорит прп.

Кассиан Римлянин: «Верх святости и совершенства не в совершении чудес, но в чистоте любви».

И поскольку человек освящается присутствием в нем Бога – Святого Духа, а «Бог есть любовь» (1Ин. 4, 8), то степень наличия в христианине любви Христовой более всего определяет и степень святости.

Но не только вера и любовь должны иметь место в душе христианина, но также и смирение. Пророк Исаия пишет: «А вот на кого Я призрю: на смиренного и сокрушенного духом...» (Ис. 66, 2). О том же говорит и Господь, Который во главу заповеди блаженства поставил «нищету духа» (Мф. 5, 3) и повелел учиться у Него Самого смирению и кротости (Мф. 11, 29).

Итак, для спасения нужны и вера, и любовь, и смирение.

Смирение же неразрывно связано с нищетою духа, а для последнего необходима способность внутреннего зрения – способность замечать свои грехи и сознавать наличие в своей душе страстей и пристрастий. Как говорят св. отцы, лишь с прозрения на свое внутреннее несовершенство и ведения грехов своих начинается всякая духовная жизнь. Без этих способностей сердце человека остается гордым и одна вера не принесет пользы душе человека. Такой гордый человек не будет под благодатью, не будет в силах сам освободиться от порока и не пойдет по пути спасения своей души.

Вместе с тем худо душе, если в ней с верою хотя и соединится нищета духа, но все же не будет начала христианской любви.

Так, некоторые, получившие дар веры во Христа начинают понимать в какой-то мере и свою греховность, и необходимость стать достойными Христова Царства.

Если они ранее любили свое тело, то они начинают думать и о своей душе.

Отсюда возникает покаяние, которое у некоторых на первых ступенях имеет лишь внешние формы.

Человек в этом состоянии любит пока еще лишь свою душу, к ближнему он холоден, а Бога он или боится (чувство раба), или ждет от Него награды себе за подвиги (как наемник).

Подобное состояние еще очень далеко от истинного христианства и той «святости, без которой никто не увидит Господа» (Евр. 12, 14).

И хотя бы человек по вере и молился, и постился, и даже исполнял иноческие обеты, но при холодности сердца к ближнему он еще очень далек от Христа. Здесь не может быть и любви к Богу, поскольку ап. Иоанн пишет: «Не любящий брата своего, которого видит, как может любить Бога, Которого не видит?» (1Ин. 4, 20).

Итак, при подобном состоянии человека еще нельзя говорить о спасении его души.

Оно определенно начинается лишь в том случае, когда сердце уверовавшего и кающегося человека начинает размягчаться любовью.

Так наступает длительный период деятельности христианина на узком(Мф. 7, 14)пути очищения души от порока и приобщения к добродетелям христианским по закону получения внутреннего» за «внешние» дела.

По мере преображения души христианин будет постепенно приобщаться и к служению делу Христову.

Это особенно важно, так как более всего приближает его ко Христу и ставит его в число друзей Христовых(Ин. 15, 14).

Это служение будет начинаться с деятельной помощи ближним («Кто хочет между вами быть большим, да будет вам слугою» Мф. 20, 26) и с исповедания Христа перед людьми как своего Господа и Сына Божия (когда этого потребует Господь).

Кому от Господа дано много «талантов» (или «мин»), те в свое время, т. е. достигнув известной духовной зрелости, смогут принять участие и в проповеди о Христе, в учительстве и в служении в священных должностях (в зависимости от того дара, который получили от Господа, – Рим. 12, 6). А «кому дано вместить», тот, может быть, будет призван послужить Господу и в подвигах страдания за Христа, исповедничества, а для некоторых и мученичества.

По существу один и тот же путь для христианина в миру и монастыре; только в монастыре деятельное служение ближним

в делах будет заменяться в свое время горячей молитвой за них и за весь мир.

Следует учитывать, что переход в каждой добродетели от порока к соответствующей ему по противоположности добродетели имеет бесконечное число ступеней.

Отсюда и бесконечное разнообразие положения людей по отношению ко «спасению» и «святости». Точнее – каждый человек есть никогда не повторяющаяся индивидуальность и каждый занимает свое особое положение в отношении к Богу, а отсюда и ко спасению.

Есть и еще один фактор, который определяет степень пригодности человека для вечности – для Царства Небесного.

Этим фактором является состояние души человеческой, еще, может быть, далекой от праведности и святости, – или в стабильном (неизменчивом) состоянии, или, в другом случае, в состоянии изменения – движения к определенной цели. Тут, может быть, был бы подходящим для второго случая термин «волевая» устремленность души к добру и к истине.

Противоположностью к ней (первый случай) является состояние неподвижное, неизменяющееся, состояние той «законченности», про опасность которого предупреждала мудрая игуменья Арсения.

Применяя здесь термины механики, можно сказать, что надежным признаком и путем спасения является «динамика» духовного состояния и, наоборот, опасным – «статика».

Приводим для пояснения аналогию. Вокруг себя мы видим Божие творение – природу, которую мы разделяем на «мертвую» и «живую».

Мертвая – это камни, земля, вода, для которых в период нашей жизни мы не видим заметных изменений.

В растениях и животных на наших глазах идет процесс роста, непрерывного изменения формы, сущности и проявлений. Зерно отмирает – идет росток из земли, покрывается зеленью, цветет и приносит плод или семя.

Те же изменения и в животном царстве, которое мы и называем «жизнью».

Священное Писание также говорит о состоянии души человеческой как о процессе роста: «Царствие Божие подобно тому, как если человек бросит семя в землю... Земля сама собой производит сперва зелень, потом колос, потом полное зерно в колосе. Когда же созреет плод, немедленно посылает серп, потому что настала жатва» (*Мк. 4, 26–29*).

Надо вспомнить также, что Господь разделял окружавших Его евреев на «мертвых» и «живых», говоря: «предоставь мертвым погребать своих мертвецов» (*Мф. 8, 22*).

Не является ли поэтому одним из признаков «мертвости» человека его заостенелость в одном состоянии, еще очень далеком от праведности? Ведь этим отличается окружающая нас мертвая природа от живой, непрерывно изменяющейся!

Подтверждением этого предположения является и притча о «талантах» (*Мф. 25, 14–30*). В ней Господь осуждает всех тех, кто не приносит «прибыли» на полученные им в жизни таланты.

В мир приходят различные люди. Одни из них от рождения получают «пять талантов», т. е. воспитание в благочестии в родительском доме.

Другие, не просвещенные в жизни учением Христа, получили лишь по одному таланту, т. е. лишь тот внутренний закон совести, который направляет каждого человека к истине и добру (*Рим. 2, 15*).

С них и не спросится много (*Лк. 12, 48*) – Господь одобрил бы их, если бы они прибавили хотя бы еще по одному таланту, как похвалил Он получивших по 2 и 5 талантов и принесших на них столько же «прибыли».

Но вот большая беда тем, кто не будет умножать многих своих талантов. Ведь «кому дано много, много и потребуется», – сказал Господь (*Лк. 12, 48*).

А тем, кто был воспитан как христианин и хорошо познал учение Христово, дано этим полное число талантов, и на них необходимо принести и много прибыли.

Под прибылью же нельзя понимать, как говорилось уже выше, лишь одни добрые дела и внешнее поведение. Добро делают часто и от избытка материальных благ, а к хорошим обычаям и добрым привычкам могли с детства приучить

благочестивые и рачительные родители и воспитатели, почти без участия воли своих воспитанников.

Под прибылью следует понимать поэтому совершенствование духовное как результат горения духа христианина, горения огнем той любви Христовой, которую принес на землю Господь («Огонь пришел Я низвести на землю» – Лк. 12, 49).

Недаром же говорят св. отцы, что «одна душа, ищущая совершенства, в глазах Господа дороже тысячи душ, не стремящихся к преобразению своего сердца».

Вспомним о том, что разбойник на кресте, не имевший добрых дел, ни времени для их свершения и для совершенствования, первым вошел в Царство Небесное. Он вошел туда за то, что душа его нашла в себе внутреннюю силу вырваться из глубины греховного мрака и в смирении и покаянии преклониться перед красотой и величием духовного облика Господа Иисуса Христа.

Вспомним также об истории св. блаженной Таисии (память 10 мая ст. стиля).

Она совратилась с пути и жила блудно, хотя ранее благовостила египетским инокам. Авва Иоанн Колов пришел к ней и был принят под видом продавца драгоценностей.

Оставшись наедине с Таисией, он заплакал и стал увещать ее.

Проснулась душа Таисии: «Веди меня в монастырь, отче!» – сказала она Иоанну.

Бросив свой дом и все имущество, она тотчас же пошла за старцем.

Ночь застала их в пути. Благословив ее на отдых, старец отошел от нее, помолился и лег спать.

В полночь он проснулся и увидел, что от места, где спала Таисия, ангелы возносили душу на небо.

Подойдя к Таисии, Иоанн нашел ее мертвой. И был ему голос с неба, говорящий: «Покаяние ее, принесенное в один час, принято паче долговременного покаяния многих, не оказывающих при покаянии такие самоотвержения».

Также всем нам известны верующие, считающие себя ревностными христианами, которые посещают храмы, постятся и выполняют христианские обычаи.

Но в отношении к близким они проявляют гнев, раздражение, осуждение, эгоизм, черствость, недружелюбие и необщительность – словом, все признаки отсутствия смирения и Христовой любви.

Так они ведут себя годами и десятками лет, не замечая своего жалкого состояния и почитая себя праведниками.

Безрадостна жизнь подобных людей из числа верующих – этих «бесплодных смоковниц», которых так резко осудил Господь (Мф. 21, 19).

Можно думать, что именно таким людям бывает чужда та благодатная радость, отсутствие которой, по словам прп. Макария Великого, является несчастьем для христианина.

Прп. Макарий Великий так пишет об этом:

«Если кто, ради Господа оставив своих, отрекшись от мира сего, отказавшись от мирских наслаждений, имения, от отца и матери, распяв себя самого, сделается странником, нищим и ничего не имеющим, вместо же мирского спокойствия не обретет в себе Божественного успокоения, не ощутит в душе своей услаждения духовного, вместо тленных одежд не облечется в ризу Божественного света по внутреннему человеку, вместо сего прежнего и плотского общения не познает с несомненностью в душе своей общения с небесным, вместо видимой радости мира сего не будет иметь внутри себя радости духа и утешения небесной благодати и не примет в душу, по написанному, Божественного насыщения (Пс. 16, 15), – одним словом, вместо сего временного наслаждения не приобретет ныне еще в душе своей вожделенного нетленного услаждения: то стал он «солью негодной» (Мф. 5, 13), он жалок более всех людей. Он и здешнего лишен, и Божественным не наслаждался, не познал по действию Духа во внутреннем своем человеке Божественных тайн».

Глава 11. Степени спасения и святости

В доме Отца Моего обителей много. Ин. 14, 2

И звезда от звезды разнится во славе. 1Кор. 15, 41

Очевидно, что как небесных «обителей», так и степеней спасения и «святости» много (точнее – беспредельно много), в согласии со словами Господа «В доме Отца Моего обителей много» (Ин. 14, 2).

О том же говорит и ап. Павел, сравнивая святых со звездами: «И звезда от звезды разнится во славе» (1Кор. 15, 41). Здесь следует привести мнение и великих святых Православной Церкви о степенях спасения и об участи тех, кто в миру делали добрые дела, но души которых не были еще достаточно очищены и не восприняли при жизни Святого Духа.

Так, прп. Макарий Великий пишет:

«Поскольку некоторые продают имения, отпускают на свободу рабов, исполняют заповеди, но не стараются в мире сем приять Духа, то неужели, живя таким образом, не войдут они в Царство Небесное? Это предмет тонкий для рассуждения. Ибо некоторые утверждают, что и Царство одно, и геенна одна. Мы же говорим, что много степеней, различий и мер в одном и том же Царстве и в одной и той же геенне. Как во всех членах одна душа и вверху действует она в мозгу, а внизу она же приводит в движение ноги, так и Божество объемлет все твари, и небесные, и те, которые ниже бездны, и повсюду всецело пребывает в твари, хотя по своей неизмеримости и необъятности Оно и вне тварей. Поэтому Само Божество внемлет людям и во всем домостроительствует премудро. Поскольку некоторые молятся, не зная, чего просят, другие постятся, иные пребывают в служении, то Бог, Праведный Судия, каждого награждает по мере веры. Ибо что делают они, делают по страху Божию, но не все они – сыны, цари, наследники... Есть меры избыточествующие и есть меры малые, в самом свете и в самой славе есть разность. В самой геенне и в наказании есть отравители, и разбойники, и другие, прегрешившие в малом. А которые утверждают, что одно Царство, одна геенна, и степеней нет, те говорят худо. Сколько ныне мирских людей, которые преданы зрелищам и прочим

бесчинствам? Сколько еще таких, которые молятся и боятся Бога? Бог взирает на тех и на других и как Праведный Судия уготовляет одним упокоение, другим – наказание».

Вместе с тем прп. Макарий Великий обнадеживает тех, кто по побуждению сердца и с усилием боролся против греха и греховных искушений.

Он пишет:

«Если человек, находясь еще во брани, когда в душе его действительны и грех и благодать, преставится из мира сего, – то куда поступает сей одержимый тем и другим? Поступает туда, где ум имеет свою цель и любимое место. Тебе, если постигают тебя скорбь и греховная брань, должно только воспротивиться и возненавидеть грех. Ибо, чтобы наступила брань, не твое это дело, а ненавидеть – твое дело. Тогда Господь, видя твой ум, что подвизаешься и любишь Господа от всей души, в единый час удаляет смерть от души твоей (это нетрудно Ему) и приемлет тебя в лоно Свое и во свет; в единое мгновение времени Он восхищает тебя из челюстей тьмы и немедленно представляет в Царство Свое. Богу легко все совершить в одно мгновение, только ты имел бы любовь к Нему».

В Священном Писании, у св. отцов и в церковном лексиконе имеется ряд наименований для разных степеней спасения и святости.

Ниже перечисляются наиболее употребительные из них. Совершенно очевидно, что этими терминами не исчерпываются все степени спасения, которым нет числа, имея в виду бесчисленное число промежуточных степеней.

Также нельзя думать, что эти наименования можно расположить точно в какой-то правильной очередности. Глубины души человеческой могут постигаться лишь Господом, и лишь Он может определить для каждой души христианской ее место в Царстве Небесном.

«Помилованные». По словам Господа: «Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут» (*Мф. 5, 7*).

Это те люди, которые проявляли в какой-то мере милосердие к ближним. Однако здесь нельзя говорить с

уверенностью о достижении ими полноты блаженства в Царстве Небесном, если они, может быть, перешли в тот мир, еще не изжив вполне своих страстей и пристрастий. В жизнеописании старца Силуана (схиархимандритом Софронием) рассказывается такой случай.

Один монах-пустынник много плакал о том, что в миру люди погибнут от грехов.

Как рассказал он старцу Силуану, однажды ему явился Господь и спросил «Что ты плачешь?»

Монах молчал.

Господь говорит: «Разве ты не знаешь, что тех, кто Мне молится, Я всех помилую».

Я подумал. «Если Господь так всех помилует, то зачем; же мы – монахи – так себя мучаем и несем такие тяжелые подвиги?»

Тогда Господь, отвечая на мои мысли, говорит:

«Кто так подвизается, те будут Моими друзьями. А остальных Я только помилую».

И отошел Господь. (Дается в пересказе, *прим. авт.*).

«Спасшиися». Как пишет ап. Павел: «У кого дело, которое он строил, устоит, тот получит награду. А у кого дело сгорит, тот потерпит урон; впрочем сам спасется, но так, как бы из огня» (*1Кор. 3, 14–15*).

Для этой группы верующих характерно их стремление послужить Господу, хотя, может быть, и не всегда удачное.

Как видно из текста Священного Писания, и в одной категории душ человеческих, достигающих Царства Небесного – «спасшихся» – уже имеется большое различие.

Одни из них непосредственно «получают награду», а другие достигают спасения, пройдя предварительно через какие-то испытания или страдания, которые апостол уподобляет «огню».

Сюда можно отнести и тот случай, когда родители или наставники не приложили необходимых усилий и старания, чтобы воспитать в своих детях или питомцах христианскую веру и благочестие, хотя сами имели веру и в какой-то степени начало добродетелей христианских.

К спасению ведет верующих и терпеливое, без ропота, перенесение страданий. По словам св. Иоанна Златоуста: «Чтобы спастись, нам не надо грешить; кто грешит, тем надо каяться; а кто кается, тем надо терпеть страдания».

"Омытые" или «Очищенные». «Омытому нужно только ноги умыть» (*Ин. 13, 10*), и «вы уже очищены через слово, которое Я проповедал вам», – говорит Господь апостолам на Тайной вечере (*Ин. 15, 3*). Однако, хотя они и достигли в свое время великой святости, но в тот момент апостолы были еще не совершенны в добродетелях (оставление Господа в Гефсиманском саду, отречение Петра, желание отличия и проявление безжалостности у Иоанна и Иакова (*Мф. 20, 20–21*)).

Итак, здесь нет еще полноты развития Христовой любви, смирения и других христианских добродетелей.

Вот что сказано о душе одной девушки, пострадавшей на земле за Церковь. Явившись во сне своей подруге, она говорила: «Мне хорошо. Но я знаю теперь и о более высокой степени блаженства праведников. Однако я не могу быть принятой в их обители: у меня не хватает цветов добродетелей».

«Просвещенные». Обращаясь к христианам в Риме, ап. Павел пишет: «Вы, быв просвещены, выдержали великий подвиг страданий» (*Евр. 10, 32*).

Здесь потому можно говорить уже про значительные подвиги христианина, подъятые во имя Христа. К перечисленным выше группам можно отнести и тех из христиан, которых принято в Церкви называть «подвижниками благочестия».

«Праведники и святые»(в современном понимании последнего термина). «Праведный да творит правду еще, и Святый да освящается еще», – читаем мы в Священном Писании (*Откр. 22, 11*).

Как видно из этого текста, Священное Писание различает понятия «творить правду» и «освящаться».

Можно думать, что первое относится к внешним, волевым подвигам христианина, а второе к очищающей и освящающей

душу благодати, дарующей душе драгоценные христианские добродетели.

На высших ступенях просвещения души – святости, особо ревностным христианам даруются и особые возможности служения через дары исцеления болезней, изгнания бесов, прозорливости и пророчеств.

«Всякому имеющему дастся и приумножится», – говорит Господь (Мф. 25, 29).

Развитие христианских добродетелей здесь достигает значительной полноты при видимом осиянии души Духом Святым.

Про последнее ап. Павел пишет так: «Плод же духа: любовь, радость, мир, долготерпение, благость, милосердие, вера, кротость, воздержание» (Гал. 5, 22–23).

Для достижения этой степени потребны большие труды и многие годы «невидимой брани» или мученические венцы.

Некоторые из святых особые духовные дары получили уже при жизни, а у других (например у мучеников) часто они проявлялись посмертно в оказании чудесной помощи по молитве к ним. К этим святым относится обетование Господа: «И славу, которую Ты дал Мне, Я дал им» (Ин. 17, 22).

«Великие святые». Немногие достигают этой ступени – ступени бесстрастия.

Как говорил прп. Симеон Новый Богослов: «Святых много, а бесстрастных немного».

Здесь нужны великие подвиги, выполняемые ради Христа, и соучастие в Христовых страданиях, в подражание апостолу Павлу, который пишет: «Восполняю недостаток в плоти моей скорбей Христовых за Тело Его, которое есть Церковь» (Кол. 1, 24).

Эти святые обладают и высокими духовными дарами, и соучаствуют со Христом в устроении Его Церкви.

Их можно приравнять к принесшим десять мин, которым Господин говорит: «Возьми в управление десять городов» (Лк. 19, 17).

«Богopodobные и божественные». Как пишет схииархимандрит Софроний: «Уподобление Христу может быть и

большим и меньшим, но пределов этому уподоблению не положено; так непостижимо велико призвание человека; он воистину становится подобием Богу».

Для этой очень немногочисленной группы из великих святых характерно достижение полноты бесстрастия, наличие полного расцвета всех добродетелей христианских и необычайных трудов по их достижению. Здесь также характерным являются великие труды за дело Христово и претерпение гонений за Него, т. е. высокая степень соучастия с Господом при перенесении «скорбей Христовых за Тело Его, которое есть Церковь» (Кол. 1, 24).

Во главе этой группы великих друзей Христовых стоит ап. Павел, которого многие духовные писатели именуют «божественным».

Святитель Григорий Великий называет и прп. Антония Великого не иначе, как «божественный Антоний».

Богородица – Преподобная Приснодева Мария – занимает совершенно исключительное, особое место как Мать Божия, и на земном, ограниченном и слабом человеческом языке невозможно поведать о Ее величии во всех христианских добродетелях, совершенстве, красоте, святости и значении для дела спасения всего рода человеческого.

Хотя и много ступеней спасения, но никому нельзя думать о том, что он их уже достиг. Как часто в истории Церкви бывали случаи, что даже и великие подвижники падали, а другие впадали в прелесть (см., например, житие св. Иакова Постника). Дух гордости подстерегает всех, и гордость св. отцы называют «крушением у пристани» («Лествица»).

Вместе с тем никого нельзя осудить как погибшего: вспомним благоразумного разбойника на кресте и житие св. Таисии.

Поэтому у иноков Старого Афона было правило: думать о достижении спасения человеком не ранее того, как он умрет телом.

Приложение к главе 11-й

После испытания святых в терпении, смирении, любви к Богу и ближним, после совершения ими великих подвигов

Святой Дух исполняет их особыми благодатными переживаниями.

Про эти переживания, свойственные святым, уже приблизившимся к совершенству, так говорят прп. Исаак Сириянин и Макарий Великий.

Как пишет прп. Исаак Сириянин:

«Истинные праведники всегда помышляют сами в себе, что недостойны они Бога. А что истинные они праведники, дознается это из того, что признают себя окаянными и недостойными попечения Божия, и исповедуют это тайно и явно, и умудряются на это Святым Духом, чтобы не остаться без подобающей им заботливости и трудничества, пока они в этой жизни.

Время же упокоения Бог соблюл им в будущем веке. И имеющие в себе живущего Господа, по сему самому не желают быть в покое и освободиться от скорбей, хотя по временам и дается им утешение в духовном...

Предварительно удостоверяется человек в промыслении Божиим о человеке, просвещается любовью Его к твари, и удивляется и устройению существ разумных и великому о них попечению Божию.

С этого начинается в нем сладость Божественная, воспламенение любви к Богу, возгорающейся в сердце и пополюющей душевные и телесные страсти.

Эту силу ощущает в себе человек, как скоро о всех тварных естествах и о всяком встречающемся ему предмете станет размышлять разумно, входить о них в исследования и рассуждать духовно.

Посему-то человек, при такой сильной и Божественной рачительности и доброй совести, начинает тогда возбуждаться к Божественной любви и сразу упоевается ею, как вином: расслабляются его члены, мысль его пребывает в изумлении, сердце его отводится в плен Богу, и таким образом, как сказал я, уподобляется он упившемуся вином.

И в какой мере усиливаются внутренние ощущения, в такой усиливается это созерцание. И в какой мере человек старается о добром житии, о хранении себя, о том, чтобы проводить время

в чтении и молитвах, в такой же утверждается и упрочивается в нем сила их.

И совершенно справедливо, братия, что временем приходится ему не помнить о себе самом, что носит это тело, и не знает, в этом ли он мире.

Вот начало духовного созерцания в человеке, а это – начало всех откровений уму. И этим началом ум возрастает и укрепляется в сокровенном; им-то возводится к иным, превышающим человеческую природу откровениям. Короче сказать, таким путем сообщаются человеку все Божественные созерцания и откровения Духа, какие приемлют святые в мире этом, и все дарования и откровения, какие только естество может познать в жизни этой. Вот – корень нашего блаженного состояния, влагаемый в нас Творцом нашим.

Блажен человек, который сохранил это доброе семя, как скоро пало оно в душу его, и возрастил его, и не расточил его из себя суетою и парением мысли во преходящем и тленном».

Однако и здесь праведнику и святому надо охранять себя, так как, пишет прп. Исаак Сириянин:

«Когда приосенит тебя благодать и приблизятся к тебе святые ангелы, ограждающие тебя, и при сем приближении отступят все искушающие, то не превозносись, и не помышляй в душе своей, что достиг необуреваемой пристани и неизменяемого воздуха, и совершенно исшел из этого недра противных дуновений, и нет уже более врага и злой встречи; потому что многие возмечтали это и впали в беды».

А вот что пишет про состояние великих святых еще в этом мире прп. Макарий Великий:

«Разнообразно действует в людях благодать и многими способами путеводит душу, упокоевая ее по воле Божией, и различно упражняет ее, чтобы совершенною, неукоризненною и чистою представить Небесному Отцу. Разнообразные упокоения благодати различно выражаются в людях и совершаются непрерывно, так как одно действие следует за другим.

Когда душа взойдет к совершенству Духа, совершенно очистившись от всех страстей и в неизреченном общении

пришедши в единение и срастворение с Духом Утешителем, то сама сподобится стать духом.

Тогда делается она вся светом, вся оком, вся духом, вся радостью, вся упокоением, вся радованием, вся любовью, вся милосердием, вся благостью и добротой.

Как в морской бездне камень отовсюду окружен водою, так и люди эти, всячески срастворенные Духом Святым, уподобляются Христу, непреложно имея в себе добродетели духовной силы, внутренно пребывая неукоризненными, непорочными и чистыми.

Эти, помазуемые елеем небесного насаждения, древа жизни Иисуса Христа, бывают сподоблены войти в меру совершенства, т. е. царствия и усыновления, так как, находясь еще в этом мире, они уже сотаинники Небесного Царя, имеют дерзновение перед Вседержителем, входят в чертог Его, где ангелы и духи святых.

Ибо, и не получив еще совершенного наследия, уготованного им в том веке, тем залогом, который прияли ныне, обезопасили себя как уже венчанные и царствующие, и при обилии и дерзновении Духа не находят они для себя удивительным, что будут царствовать со Христом. Почему же?

Потому что, будучи еще во плоти, имели уже в себе оное ощущение сладости и оное действие силы. Как при окончании мира, когда этой твари не станет, праведники будут жить в Царстве, во свете и в славе, не видя ничего иного, кроме того, как Христос пребывает всегда во славе одесную Отца, так и эти, ныне уже восхищенные и отведенные пленниками в будущий век, созерцают всю тамошнюю красоту и чудеса. Ибо мы, будучи еще на земле, имеем жительство на небесах как обитатели и граждане того мира по уму и по внутреннему человеку.

Как видимое око, будучи чистым, чисто всегда видит солнце, так и ум, совершенно очистившись, всегда видит славу света Христова и с Господом пребывает день и ночь, подобно тому как Тело Господне, соединившись с Божеством, всегда спребывает с Духом Святым.

Но в эту меру не вдруг достигают люди, и то только трудами, скорбью и великими подвигами».

Послесловие к части 6-й

Вот что на склоне лет было написано в дневнике одного христианина, бывшего «блудного сына» и лишь в преполовлении жизни своей имевшего счастье возвратиться в «Отчий дом».

«Затихает волнение страстей... Гаснет интерес к внешней мирской жизни: хочется подальше уйти от нее...

Но неизвестно – омыты ли ранее запачканные духовные одежды слезами покаяния?..

Вот мысль о роковом уходе из Отчего дома и позднем возвращении обратно...

Но Отец милостив – Он выдает ту же плату начавшим работу в одиннадцатый час, что и в первый.

Грешник, великий грешник, и это так ясно видно на склоне дней, когда пройден путь и изучена жизнь. Но ведь ради грешников Господь и пришел. Он Сам сказал: «Ибо Я пришел призвать не праведников, но грешников к покаянию» (Мф. 9, 13).

Жалок, слаб и убог. Но глубина этого сознания водворяет в душе смирение, а «сердца сокрушенного и смиренного Ты не презришь, Боже» (Пс. 50, 19).

Нищий во всем. Заслуживаю всех наказаний, заслуживаю ада.

Но пошли в ад – все равно и там буду славословить Тебя, а сердце будет всегда полно Тобою. А если в сердце будешь жить Ты, то сам ад не превратится ли в рай?

Так же как рай ниспадет до ада, если Ты оставишь его.

В течение жизни я научился постигать Твою неизреченную милость, Твою любовь и безмерную благодать, Твою промыслительную заботу о блудном сыне – в великих и самых малых вещах.

Ты так много прощал, и всегда милость Твоя сопровождала мое покаяние. Постепенно стала зарождаться любовь, которая «изгоняет страх» (1Ин. 4, 18). А страх остается лишь в том, как бы не огорчить Любимого.

Любить – это беззаботно отдавать всего себя Любимому, и с надеждой на Его мудрый Промысл принимать от Него все, что

Ему угодно послать, – сладкое или горькое, легкое или тяжелое, радостное или печальное.

Любить – это значит всегда и во всех случаях жизни говорить: «Слава Богу за все!»

Да будет имя Господне благословенно отныне и до века!»

Часть седьмая. Христианское воспитание детей

Предисловие

Се аз и дети, которых дал Мне Бог. Евр. 2, 13

Вот наследие от Господа: дети; награда от Него – плод чрева. Пс. 126, 3

Духовная жизнь находящихся в миру христиан идет в трудной обстановке, полной соблазнов, нехристианских обычаев, вдалеке от носителей Духа Божия, уединившихся от мира.

Борьба трудна еще потому, что семейный христианин должен духовно бороться не только за себя, но и за свою семью – супругу и детей. В отношении последних он несет ответственность – все ли возможное он сделал для того, чтобы направить их по пути к Царствию Божию.

Некоторые могут думать, что вдвоем легче идти по пути ко спасению. Да, но только в том случае, если они единомысленны. Тогда лишь оправдывается изречение премудрого Соломона: «Двоим лучше, нежели одному» (Еккл. 4, 9). Но так бывает не всегда, и в жизни довольно часто можно видеть случаи, о которых говорит Господь: «Враги человеку – домашние его» (Мф. 10, 36).

Есть и еще одна особенность жизни в миру, которая для христианина делает ее более трудной, чем жизнь в монастыре. О последней повествует богатая святоотеческая литература, которая с исчерпывающей полнотой описывает путь иноков. Духовный опыт мирян, отраженный в литературе, значительно беднее.

Конечно, Священное Писание и прежде всего Евангелие содержит всю полноту истины, необходимой для спасения мирян. Но истины евангельские и правильное приложение их к практике нашей жизни открываются нашим духовным очам через предание и разъяснение их св. отцами. К сожалению, приложение евангельских истин к разрешению вопросов о духовном воспитании детей освещено сравнительно слабо в духовной литературе.

Какова должна быть основная цель воспитания ребенка?

Некоторые матери главное внимание обращают на то, чтобы дети хорошо питались и выросли здоровыми. Другие родители стараются более всего дать детям хорошее образование. Третьи – прилагают особые усилия, чтобы развить в детях природные дарования, и мечтают увидеть в них талантливых музыкантов, художников или ученых.

У родителей-христиан не то должно быть первой и основной целью воспитания. Они прежде всего и более всего должны заботиться о том, чтобы дети выросли в непоколебимой вере живыми членами Церкви, чтобы в душе их «изобразился Христос» (*Гал. 4, 19*), чтобы более всего в мире они возлюбили Бога, а «ближнего своего, как самого себя» (*Мф. 22, 37–40*), и целью своей жизни ставили «стяжание Духа Святого Божия» (из слов прп. Серафима).

Если достигнут родители этого, то все остальное: и образование, и развитие дарований, и здоровье – все приложится само собою, так как Господь сказал: «Ищите же прежде Царства Божия и правды Его, и это все приложится вам» (*Мф. 6, 33*).

Прп. Серафим говорил одной матери:

«Матушка, матушка. Не торопись детей-то учить по-французски и по-немецки, а приготовь души-то их прежде, а прочее приложится им потом».

Как достигнуть этого, как «приготовить душу» детей? К этой цели следует подойти путем систематического подбора материала по этому вопросу, взятого из текста Священного Писания, творений отцов Церкви, жизнеописаний святых и подвижников благочестия и опыта благочестивых педагогов и мирян.

При решении всякой задачи следует, как говорят мудрецы, искать идеального решения. «Поставьте себе идеал как можно выше и стремитесь его достичь», – советует один из философов. И хотя бы такой идеал казался очень трудным для достижения в современных условиях жизни, все же к нему надо стремиться по мере сил и фактических возможностей.

В самом важном для родителей деле – деле духовного воспитания детей – следует также бояться той

«теплохладности», которая негодна Господу (Откр. 3, 15). И хотя бы в этом отношении указания отцов Церкви и опыт благочестивых мирян будут расходиться с современными взглядами – не будем отвергать эти указания и этот опыт.

Не будем повторять слова тех, которые некогда говорили, слушая Христа: «Какие странные слова! Кто может это слушать?» (Ин. 6, 60). Вспомним совет великого апостола: «Кто из вас думает быть мудрым в веке сем, тот будь безумным, чтобы быть мудрым» (1Кор. 3, 18).

Связь детей и родителей

Глава 1. Спасение души родителей более всего зависит от детей

Спасется через чадородие. 1Тим. 2, 15

Есть краткая формулировка о пути ко спасению, данная прп. Антонием Великим: «От ближнего зависит жизнь и смерть» (нашей души).

Но в степени служения ближним есть своя очередность. И для родителей, очевидно, на первом месте из ближних стоят дети и забота об их воспитании. Иначе говоря, нет у родителей более высокой задачи, как воспитать детей так, чтобы они стали истинными христианами и могли всю свою жизнь посвятить Господу и ревностно послужить Ему на тех путях, куда Он их поставит. Господь ищет на земле душ человеческих, до конца преданных и верных Ему, и великая благодать будет изливаться на тех родителей, которые сумеют так воспитать своих детей. Св. Иоанн Златоуст так говорит об этом: «Кто небрежен к своим детям, тот, хотя бы в других отношениях и порядочен, понесет крайнее наказание за этот грех». И далее: «Все у нас должно быть второстепенным в сравнении с заботой о детях и с тем, чтобы воспитывать их в учении и наставлении Господнем» (Еф. 6, 4).

Священное Писание во многих местах говорит об ответственности родителей за детей. Еще в Ветхом Завете имеются примеры наказания родителей за нечестие детей.

За это был наказан священник Илий, про которого Бог так говорит пророку Самуилу: «Я объявил ему, что Я накажу дом его навеки за ту вину, что он знал, как сыновья его нечествуют, и не обуздывал их» (1Цар. 3, 13). При этом следует сказать, что Илий не пренебрегал вовсе воспитанием сыновей. Нет, Илий обличал их, говоря: «Дети мои, нехороша молва, которую я слышу: вы развращаете народ Господень» (1Цар. 2, 24).

Но, очевидно, от Илия требовалось более, чем одни кроткие слова. От него требовалось рвение, наложение на

сыновей наказания, обуздания их. Так об этом говорит св. Иоанн Златоуст («О воспитании детей», т. XII.):

«Так как Илий не все сделал, что надлежало, то восстановил Бога против себя и против сыновей и, щадя неблагоприятно себя и детей, погубил вместе с детьми и собственное спасение. Кроме небрежности по отношению к детям, Богу не в чем было обвинить старца... Он был и священник, и старец, и знаменит, и двенадцать лет беспорочно начальствовал над еврейским народом. Однако он крайне бедственно погиб за то, что не заботился тщательно о детях, и грех его нерадения – точно суровая, громадная волна: все завалила и все подвиги его закрыла; какое же наказание ожидает нас, которые и в добродетели много ему уступаем, и детей не только не наставляем, но поступаем в отношении их жесточе всякого варвара...»

Это небрежение к детям, которое мы не замечаем, Златоуст поясняет такими словами:

«Когда ты видишь, что какой-нибудь бродяга заушает твоего ребенка, ты негодуешь, сердишься, злобствуешь и яростнее зверя подскакиваешь к лицу ударившего; а когда видишь, как диавол каждодневно его заушает, как демоны приводят его к порокам, ты спишь, не негодуешь, не сердишься, не отнимаешь сына от самого ужасного зверя».

В писаниях Нового Завета ап. Павел резко осуждает небрежение в заботе о близких: «Если же кто о своих и особенно о домашних не печется, тот отрекся от веры и хуже неверного» (1Тим. 5, 8).

При суждении о пригодности к должности епископа ап. Павел одним из важнейших признаков ставит отношение с семейными: «Епископ должен быть... хорошо управляющим домом своим, детей содержащим в послушании со всякою честностью» (1Тим. 2, 4). По заповедям ап. Павла, на родителях лежит и материальная забота о детях (2Кор. 12, 14), и духовная.

Условием для посвящения в пресвитеры он ставит: «Если кто... детей имеет верных, не укоряемых в распутстве или непокорности» (Тим. 1, 6). Первыми заповедями для молодых

жен ап. Павел ставит: «Любить мужей, любить детей... быть... попечительными о доме» (Тим. 2, 4–5).

Условие для спасения замужней женщины ап. Павел формулирует так: «Спасется через чадородие, если пребудет в вере и любви и в святости с целомудрием» (1Тим. 2, 15). Также вдовам, имеющим детей или внучат, ап. Павел велит прежде всего заниматься их воспитанием (1Тим. 5, 4).

Поэтому очевидно, что под заповедью для замужней женщины родить чад надо понимать и обязанность замужней женщины всю свою жизнь посвятить воспитанию этих чад. Эти чада посылаются от Господа не как бремя или наказание, а как благословенный Господом путь замужней женщины – как награда и утешение жизни. «Вот наследие от Господа: дети; награда от Него – плод чрева», – говорит в псалмах пророк Давид(Пс. 126, 3). И если родители или мать тяготятся детьми или ропщут на них – они тяжело грешат перед Господом.

Одна вдова приходила к прп. Серафиму и жаловалась и роптала на свою долю – на тяжесть воспитания трех маленьких детей. Через неделю после этого двое из ее детей умерли. В горе снова она идет к преподобному и, к ужасу своему, слышит, что сама была виноватой в смерти детей. «Клятвою детей своих ты много оскорбила их», – говорит ей преподобный и велит примириться с ними в душе и каяться в своем великом грехе пред Богом.

И если дети отнимаются у родителей смертью, пусть спрашивают родители свою совесть – не оскорбляли ли они детей и не прогневали ли Бога тем, что тяготились детьми, роптали на них явно или тайно, не хотели посвятить им всего своего сердца.

Оправданием пренебрежения своими обязанностями в отношении детей не могут служить для родителей другие благоугодные дела, даже такие, как уход в иночество. В этом случае не может иметь приложения завет Спасителя: «Кто оставит... детей... ради имени Моего, получит во сто крат и наследует жизнь вечную» (Мф. 19, 29). Оставление детей, очевидно, возможно лишь в том случае, когда дети взрослые или находятся на надежном попечении. Оставление же детей на

произвол судьбы – без материального обеспечения и надлежащего воспитания – не может быть угодно Господу.

В истории Старого Афона был такой случай. Приехал туда один русский помещик, вдовец, но имевший еще несовершеннолетних детей. Под влиянием Афона загорелась духом душа его, и он просил разрешения бросить мир, постричь его в иноки. Но не благословили старцы афонские его ревности и указали ему на его первый долг в жизни – воспитание еще несовершеннолетних детей – и отправили его обратно в Россию.

Правда, бывают иногда и исключения из этого общего правила. Первая старица дивеевская, блаженная Пелагея Ивановна, начиная юродствовать, оставила семью – мужа и двух еще малолетних детей. Но это она сделала по благословию преподобного Серафима. И такие случаи являются очень редкими исключениями из общего правила, совершаются по особому Промыслу Божию и с благословения духоносных старцев.

Не много спросится на будущем суде с матери, если только она с любовью и самоотвержением несла крест чадородия и воспитания детей.

Монахиня, заведующая Шамородинским детским приютом, жаловалась старцу Амвросию Оптинскому, что «Таньки и Машки» не оставляют ей времени, чтобы раскрыть духовную книгу. Старец успокоил ее и сказал, что именно забота о «Таньках и Машках» спасительна для ее души и на суд она явится не одна, а вместе с ними.

Между родителями и детьми имеется та же зависимость, что между духовными отцами и их духовными детьми. А про эту зависимость ап. Павел говорил так: «Ибо кто наша надежда, или радость, или венец похвалы? Не и вы ли пред Господом нашим Иисусом Христом в пришествие Его?» (1Фес. 2, 19).

На Страшном Суде для родителей не будет возможности предстать пред Господом одинокими. И как Каин услышал вопрос: «Где твой брат?» – так и они будут спрошены: «Где дети ваши?» Счастье и спасение их в том, если, представ пред Господом, они могли бы сказать спокойно и за себя и за детей: «Се аз и дети, которых (Ты) дал мне...» (Ис. 8, 18; Евр. 2, 13).

Приложение к главе 1-й

Влияние поведения детей на загробную участь родителей свидетельствуется следующим рассказом одного священника (Дьяченко, «Духовный мир», с. 109–111).

Сын благочестивых родителей, поступив в закрытое учебное заведение, под влиянием товарищей-безбожников потерял веру. Выйдя из заведения, он стал вести беспутную жизнь. По смерти родителей он поехал на родину и пошел посетить могилы родителей.

Но при приближении к ним дважды терял сознание. При третьей попытке подойти к могилам его разбил паралич. Но он не понимал Промысла Божия над ним. Тогда, лежа в параличе, он в забытии видит свою покойную мать, которая говорит ему:

«Твои беззакония и твоя распутная жизнь, полная неверия и безбожия, дошли до Господа. Ты не только погубил себя, но даже запятнал и нас, и это черное пятно на моей одежде – твои тяжкие грехи.

Господь хотел поразить тебя, но отец твой и я молились перед престолом Всевышнего о тебе, и Он захотел обратить тебя к Себе... Он знал, что одна могила наша для тебя дорога здесь, и поэтому он не допустил тебя к ней, поражая сверхъестественною болезнью, дабы ты признал над собою высшую силу, тобою отвергаемую, но ты не обратился.

Поэтому Господь послал меня к тебе... это последнее средство для твоего исправления...»

И в доказательство истинности своего явления мать оставила ему его крест, выброшенный им ранее. Через явление матери сын был спасен – выздоровел и телесно, и духовно.

Из рассказа видно, что это стоило усиленных загробных молитв родителей, и, несмотря на их веру и благочестие, их одежда была очернена грехами их сына.

Однако родителей следует предостеречь и от глубокого смущения и отчаяния при несправедливой жизни их взрослых детей. Об этом так пишет старец Амвросий Оптинский одной матери, скорбящей о неверии сына: «Вы сознаете, что во многом сами виноваты, что не умели воспитать сына как должно. Самоукорение это полезно, но, сознавая вину свою,

должно смириться и раскаиваться, а не смущаться и отчаиваться; также не должно очень тревожиться вам мыслью, будто вы одна являетесь причиною теперешнего положения вашего сына. Это не совсем правда; всякий человек одарен свободною волею, и сам за себя более и должен будет отвечать перед Богом».

Если нечестие детей является самым большим несчастьем для родителей как в этой жизни, так и в будущей, то наоборот, благочестие их является счастьем в этой и залогом спасения для них в будущей жизни. Одним из примеров этого является горячая любовь, которую имела к своему отцу игуменья Арсения (Усть-Медведицкого монастыря), подвижница благочестия. Вот как пишет матушка Арсения в одном письме о своем отношении к отцу:

«Ты знаешь, как я любила своего батюшку (т. е. родного отца): я любила его больше всех и всего на свете. Я молилась за него первого, когда подходила прикладываться к чудотворным иконам и мощам, когда дома подходила к образам, чтобы им помолиться; я призывала на помощь ему всех угодников, иконам которых молилась. Когда кончала читать Евангелие или Псалтирь, или акафист, я молилась во-первых за него».

Подчеркнем еще раз то, что надо помнить вступающим в брак. Основная задача христианского брака – иметь детей. И не только иметь детей, но и непременно воспитать их как истинных христиан, целью жизни которых было бы отвержение себя и служение от всего сердца Господу с горячей любовью к Нему.

Это их основное «дело», основное их «строительство», о которых так говорит ап. Павел: «Каждый смотри, как строит. Ибо никто не может положить другого основания, кроме положенного, которое есть Иисус Христос... Каждого дело обнаружится... У кого дело, которое он строил, устоит, тот получит награду. А у кого дело сгорит, тот потерпит урон; впрочем, сам спасется, но так, как бы из огня» (1Кор. 3, 10–15).

Горе, если у родителей дети «сгорят» в безбожии или пороке и в смертных грехах без покаяния...

Глава 2. Дети и родители – одно целое

Древо познается по плоду своему...Лк. 6, 44

Понимают ли родители, насколько формирование характера и склонностей ребенка зависит от них самих? И знают ли они, когда начинается влияние их на душу ребенка? Ответом на второй вопрос является следующий рассказ. В семье одного почтенного священника было 14 человек детей. Невеста одного из сыновей, также готовившегося стать священником, спросила однажды свою будущую свекровь: «У вас все дети такие хорошие, но почему М. (ее жених) – один какой-то особенный?» «Это не случайно, – ответила матушка, – перед зачатием М. батюшка надел на себя епитрахиль и особенно усердно помолился о будущем ребенке».

Вот когда начинается духовная забота родителей о своих детях. После того как произошло зачатие, жизнь ребенка неотделима от жизни матери не только в физическом отношении, но и всецело в душевном.

Образ жизни матери во время плодоношения, а также и во время кормления грудью накладывает глубокий отпечаток и на духовный лик будущего ребенка. Это хорошо знали в старину особо благочестивые матери. Так, мать прп. Сергия Радонежского после того, как младенец три раза вскричал в ее утробе во время торжественных мест литургии, перестала употреблять мясо, вино, рыбу, молоко и питалась хлебом, зеленью и водою.

Вот почему духовные пастыри рекомендуют матерям воздержание от супружеской жизни как в период беременности, так и в период кормления грудью.

По мнению одного старца, плотское невоздержание кормящей грудью отражается на развитии сладострастия в ребенке, которое может проявиться даже в очень раннем возрасте.

И, наблюдая в детях развитие дурных наклонностей, пусть спрашивают себя матери, не отразилась ли на их детях та духовная слабость и погрешности, которые владели ими во время беременности и кормления.

Следует отметить, что в благочестивых семьях особенно высокодуховные дети рождались уже в зрелом и даже престарелом возрасте родителей, когда у последних преодолевались страсти и дух был мирен. Так, детьми престарелых родителей была Божия Мать – Дева Мария, Иоанн Креститель Господень, патриарх Исаак и многие из великих святых.

Дух семьи – это то, что в первую очередь формирует душу подрастающего ребенка. Отсюда существует теснейшая связь души родителей и детей. Епископ Феофан Затворник пишет: «Есть непостижимая для нас связь души родителей с душою детей».

Яблочко от яблони недалеко падает – так гласит о том народная мудрость.

Оптинский старец Леонид при выборе жениха и невесты давал такой общий совет: о женихе судить по его отцу, а о невесте – по матери, считая, что у родителей уже в полной мере выявлены склонности те, которые еще недостаточно ясны в детях.

О глубокой связи между родителями и детьми говорится в Библии. В книге Премудрости Иисуса, сына Сирахова, написано: «Умер отец его – и как будто не умирал, ибо оставил по себе подобного себе» (30, 4). И далее: «Человек познается в детях своих» (11, 28).

Сам Господь в обличениях фарисеев говорит: «Вы сами против себя свидетельствуете, что вы сыновья тех, которые избили пророков» (Мф. 23, 31). В Нагорной проповеди Господь говорит: «По плодам их узнаете их. Собирают ли с терновника виноград, или с репейника смоквы? Так всякое дерево доброе приносит и плоды добрые, а худое дерево приносит и плоды худые» (Мф. 7, 16–18). Но по отношению к родителям детей следует рассматривать как их плоды, выращивать которые поручено им Самим Богом.

Многочисленные примеры прямой зависимости детей от достоинства родителей находятся в истории Вселенской Церкви. Глубокое благочестие родителей обычно имело следствием высокие духовные достоинства детей. История

рассказывает о целых семьях, в которых все дети отличались высоким благочестием.

Таковыми были, например, в Ветхом Завете семья семи мучеников Маккавейских(2Мак. 7), в Новом – семья мученицы Фелицаты (память 25 января), все семь сыновей которой умерли как исповедники Христа; три дочери мч. Софии (память 17 сентября); семья родителей Василия Великого, давшая из числа десяти детей трех святителей (Василия Великого, Григория Нисского и Петра Севастийского), преподобную Макрину и двух святых во втором и третьем поколении; семья родителей Григория Богослова; семья московского купца Путилова, давшая игуменов трех монастырей; семья схимонаха Филиппа, трое сыновей которого последовали за отцом в Троице-Сергиеву Лавру, и многие другие.

Можно найти примеры, что благочестивые дети были и от нечестивых родителей (например великомученица Варвара), но вряд ли можно найти случаи, когда благочестие обоих родителей не имело бы следствием высоких достоинств для их детей.

Следует учитывать, однако, что степень благочестия может быть разная и может случиться, что духовная слабость одного из супругов ослабит в какой-то мере всех или некоторых из детей.

В Деяниях св. апостолов рассказывается, как благочестивому язычнику – сотнику Корнилию, снискавшему милость у Бога молитвой и милостыней, является ангел, повелевает призвать ап. Петра и обещает: словами последнего «спасешься ты и весь дом твой» (Деян. 10, 6). Итак, милость Божия и залого спасения распространяются не только на праведника, но и на весь дом – его семью и его детей.

Поэтому для родителей главной заботой должно явиться снискание милости Божией и Его помощи и благословения. И это будет условием непрямого успеха многолетней работы и борьбы за спасение душ детей, подверженных греху вместе со всем падшим человеческим родом.

«Праведник ходит в своей непорочности: блаженны дети его после него!» – свидетельствует премудрый Соломон (Притч.

20, 7). А епископ Феофан Затворник пишет: «Дух веры и благочестия родителей должно почитать могущественнейшим средством к сохранению и воспитанию и укреплению благодатной жизни в детях» («Путь ко спасению»).

Условия успеха в деле воспитания

Глава 3. Упорный труд над ребенком – необходимое условие для успеха

В чем секрет великих достижений? Обычно принято думать, что великим людям присущи особые, выдающиеся способности и природные дарования. Не совсем так. Многие философы и мудрецы считают, что всякое достижение обуславливается прежде всего напряженным, целеустремленным трудом в течение длительного времени. Таким образом, значительных достижений в каком-либо отношении может добиться каждый при наличии средних способностей и дарований. И, очевидно, степень успеха будет прямо пропорциональна затраченной энергии.

Достижение цели как следствие упорного труда – это закон, данный Богом человеку после грехопадения: «В поте лица твоего будешь есть хлеб». И без пота нет успеха, без пота невозможно пропитание, невозможна сама жизнь. Хлеб добывается потом как для тела, так и для духа.

«Дай кровь – приими Дух», – говорят старцы, понимая под кровью усилия, измождение тела. «Немного поспишь, немного подремлешь, немного сложа руки полежишь, и придет, как прохожий, бедность твоя», – говорит премудрый Соломон(Прем. 6, 10–11). Бережно относиться ко времени рекомендует и ап. Павел, советуя поступать «дорожа временем, потому что дни лукавы» (Еф. 5, 16). Труд над ребенком как основа воспитания был заповедан еще евреям в Писаниях Ветхого Завета. «Учи сына твоего и трудись над ним, чтобы не иметь тебе огорчения от непристойных поступков его», – говорится в Книге Премудрости Иисуса, сына Сирахова(30, 13).

В Новом Завете ап. Павел так характеризует труд родителей: «Как отец детей своих, мы просили и убеждали и умоляли» (1Фес. 2, 11–12).

«Проклята земля за тебя... терния и волчцы произрастит она тебе», – услышал Адам от Бога после грехопадения(Быт.

3, 17–18). И мы знаем, как неудержимо склонны развиваться духовные тернии в душах и наших детей – тернии злых наклонностей и страстей. Упорный, длительный труд нужен для возделывания пашни и материальной и духовной, и непрерывно, и неослабно надо вырывать из ее среды быстро разрастающиеся тернии. Небрежность в воспитании не пройдет без последствий: в какой-то мере разросшееся в душах детей терние пороков будет глушить здоровые ростки добродетелей.

Целеустремленность связана неразрывно с самопожертвованием. Ради заботы о детях родителям необходимо оставить так называемую «личную жизнь» и «личные интересы», необходимо оставить развлечения, театры, праздные знакомства, потерю вечеров «в гостях», светскую, не питающую дух, литературу. Все это крадет у нас силы и время, которого мало, которое драгоценно, как вверенные нам от Господа «talанты», которого недостает для спасения и себя, и детей.

Труд и борьба нужны в деле воспитания детей и в «великом», и в «малом», так как из «малого» слагается «великое» и если «в малом ты был верен, над многим тебя поставлю» (Мф. 25, 21).

«Немного поспишь, немного полежишь» – и встретишься с бедностью духа, с нищетой добродетели, с ослаблением веры, угасанием любви в себе и в детях.

«Царство Небесное силою берется, и употребляющие усилие восхищают его» (Мф. 11, 12).

Когда должен начинаться труд родителей над душой ребенка? С самого раннего детства. Об этом так пишет о. Александр Ельчанинов:

«Почему важно торопиться наполнить сердце и ум ребенка светом и добром с самого раннего возраста? В детстве – сила доверия, простота, мягкость, способность к умилению, к состраданию, сила воображения, отсутствие жестокости и окаменелости. Это именно та почва, в которой посеянное дает урожай в 30, 60 и 100 крат. Потом, когда уже окаменеет, очерствеет душа, воспринятое в детстве может снова очистить, спасти человека. Оттого

так важно держать детей ближе к Церкви, это питает их на всю жизнь».

Глава 4. Самоотверженная любовь – основа воспитания

Любовь... не ищет своего. 1Кор. 13, 5

«Без Меня не можете делать ничего», – говорит Бог в Лице Христа (Ин. 15, 5). Но «Бог есть любовь» (1Ин. 4, 8). И поэтому без любви нет духовной жизни, нет целительного общения души с Богом и близкими, нет зарождения и развития веры, смирения, кротости, благочестия и других добродетелей, одухотворяющих душу.

Любовь в Лице Христа явилась в грешный, растленный мир и победила и возродила мир(Ин. 16, 33). Ею побеждали апостолы, ею во все времена побеждали пастыри Церкви и ученики Христовы. И ею, только ею можем и мы обеспечить себе доступ к сердцу нашего ребенка на всю нашу жизнь.

Когда ап. Иоанн, любимейший из учеников Христа, ослаб от старости и не мог более проповедовать, он только повторял всем: «Дети, любите друг друга». А святитель Амвросий Медиоланский говорил: «Люби – и делай, что хочешь». И, по словам Господа, на двух заповедях – любви к Богу и ближним – «утверждается весь закон и пророки» (Мф. 22, 37–40).

«Любовь... есть совокупность совершенства» (Кол. 3, 14), – говорит ап. Павел, написавший гимн любви – тринадцатую главу Первого послания к Коринфянам. Эта глава написана с неподражаемой силой и глубиной мысли. По ней мы можем определить и свое состояние в отношении любви – этой основы всех добродетелей.

Все мы думаем, что любим наших детей. Это кажется естественным, это благодатный закон природы, из которого мы не считаем себя исключением. Да и кого же любить, как не своих детей. Но ап. Павел глубоким анализом свойств любви обличает нас.

«Любовь не раздражается», – пишет ап. Павел. Проверим себя – так ли мы любим своих детей, чтобы никогда не

раздражаться на них?

«Любовь... не ищет своего». А наши запросы на свою «личную жизнь», «личные интересы», развлечения?

Не будем же удивляться, что путь к сердцу нашего ребенка не открыт для нас в полной мере. Признаем этот факт и, пока еще есть время, постараемся исправить наши упущения и овладеть сердцами наших детей. Для этого надо самих себя всецело отдать детям, сделаться не только их наставниками и воспитателями, но и ближайшими друзьями, сродниться с их интересами и запросами.

Проявление нежной, самоотверженной материнской любви к своим детям так характеризуется прп. Серафимом: «Чадолубивая мать не в свое угождение живет, но в угождение детей. Немощи немощных чад сносит с любовью; в нечистоту впадших очищает, оmyвает тихо, мирно, облачает в ризы белые и новые, обувает, согревает, питает, промывает, утешает и со всех сторон старается дух их покоить так, чтобы никогда не слышать ей малейшего их вопля. И таковые часто бывают благорасположены к матери своей».

Итак, надо окружить детей мудрой заботой, вниманием: когда надо – лаской и нежностью и, вместе с тем, когда надо – увещанием и взыскательностью. Ребенок оценит заботу и внимание, в каких бы формах они не проявлялись, если только «все у вас будет с любовью» (1Кор. 16, 14), если во всех словах наших он будет слышать и чувствовать любовь. Сердце детское чутко и отзывчиво, и когда мы все свое сердце ради Господа и Его заповедей отдадим детям, они отдадут нам свое.

Законы любви всюду одни. «Сын Мой! отдай сердце твое Мне», – требует Бог от человека, Бог-ревнитель(Притч. 23, 26). Он требует так потому, что любит человека Сам и хочет при ответной любви человека безмерно умножить к нему Свою благодать. Здесь приложение евангельского закона: «Давайте и дастся вам: мерою доброю, утрясенною, нагнетенною и переполненною отсыплют вам в лоно ваше» (Лк. 6, 38). Не будем же жалеть себя ради своих детей. Они все вернут нам в свое время сторицей. Пожертвуем им нашими пресловутыми

«личными интересами», «личной жизнью» и развлечениями. Оставим все, что только может отвлекать и отдалять от детей.

По установленному для человечества Богом закону муж – это питатель семьи и поэтому не может все свое время проводить в семье. Но мать должна принадлежать семье и детям. В их воспитании, в заботе о семье заключается ее долг перед Богом, государством, обществом и мужем.

Поучительна история мученика Мардария (память 13 декабря ст. ст.). Любовь ко Христу влечет его добровольно пострадать за Него. Но у Мардария семья – жена и еще малолетние дети. Но Бог помогает ему устранить все препятствия на пути к подвигу. Жена сама побуждает Мардария к мученичеству, а зажиточный и благочестивый горожанин соглашается на его просьбу – взять на себя заботу о его семье и быть детям вместо отца. Со спокойным сердцем Мардарий объявляет себя христианином и принимает мученический венец. Здесь оправдываются слова Священного Писания: «Ищите прежде всего Царствия Божия и правды Его, и это все приложится вам» (*Мф. 6, 33*).

Пророк Давид свидетельствует: «Я был молод, и состарился, и не видал праведника оставленным и потомков его просящими хлеба» (*Пс. 36, 25*). Но то, что имело место в Ветхом Завете, тем более осуществляется в Новом, когда безмерно приумножилась благодать.

Поэтому никто не может оторвать детей от матери в семье, с верою отдавшей себя в руки Промысла Божия и прежде всего ищущей Царствия Божия. Как в первые века христианства, такая семья будет представлять собою домашнюю церковь. В такой семье, связанной любовью в одно целое, будут господствовать иные, по сравнению с греховным миром, взаимоотношения, и не будет деления на поколения, не понимающие одно другое, – на «отцов» и «детей».

Семья – это крепость, на которую «враг человеков» не устает нападать. Страшно разделение семьи. Спаситель говорит: «И если дом разделится сам в себе, не может устоять дом тот» (*Мк. 3, 25*). Главным условием целостности семьи и прочности духовных основ, заложенных в детях, является

взаимная связь, любовь членов семьи. Будем же беречь любовное единство семьи, будем помнить и прежде всего в семье исполнять первую по значению и последнюю по времени заповедь Господа: «Любите друг друга, как Я возлюбил вас» (Ин. 13, 34).

Семья христианина – отец, мать, дети – это образ Святой Троицы на земле.

И как Святая Троица – одно целое, так спаянная любовью истинно христианская семья должна в духе и любви быть одним целым. В этом ее сила и ее счастье и здесь, на земле, и в этом залог ее бесконечной радости в вечности. И пусть незыблемое единство семьи будет и целью, и путеводным маяком в жизни родителей.

Постижение единства семьи подобно постижению Тайны Святой Троицы – с постижением антиномии Ее «неслиянности и нераздельности». Истинно любящий живет не собою и не для себя, а теми и для тех, кого любит: его чувства и мысли посвящены только жизни любимых. Его душа неотделима от них, и ни разность места, ни течение времени не отделяют ее от любимых. Любовь сильнее смерти, и ничто не может преодолеть или победить любовь.

Так, в истинно христианской, любящей семье отец живет не собою, но женою и детьми, а жена – мужем и детьми, а дети душою неотделимы от любимых родителей. Любовь стирает грани индивидуальности и соединяет частности в одно неразделимое целое. Так при совершенстве Божества и Любви торжествует нераздельность Святой Троицы при Ее предвечно существующей неслиянности.

Семь факторов духовного возрастания

Глава 5. Таинства

Пустите детей... приходить ко Мне. Мф. 19, 14

Мы знаем, как Господь любил детей. Своим апостолам Он повелел не мешать детям приходить к Нему. Не будем же и мы преградой для получения и нашими детьми вечно текущей благодати Христа. Будем послушны Его призыву и призыву Его Церкви и будем как можно чаще приносить наших детей ко Христу.

По обычаю Церкви первый раз мы приносим их ко Христу на восьмой день по рождении. В этот день в Таинстве крещения Господь оmyвает их от первородного греха, снимая с них проклятие, тяготеющее над падшим человеческим родом.

В Таинстве миропомазания, следующем непосредственно за крещением, Господь усыновляет ребенка Себе, даруя ему благодать, которая ставит его, по словам ап. Петра, в число «рода избранного, царственного священства, народа святого» (1Пет. 2, 9). В Ветхом Завете миропомазание совершалось лишь над царями и пророками; в Новом – «царственное священство» даровано каждому христианину.

Жизнь требует питания для своего поддержания. Требует его и зародившаяся в крещении духовная жизнь ребенка. Господь дарует ей питание в Таинстве причащения.

Как часто следует причащать ребенка? Господь призывает к этому за каждой литургией: «Приимите, ядите...». И если мы, взрослые, по своему недостоинству и неподготовленности не можем дерзать часто приобщаться Тела и Крови Христовых, то для невинных младенцев этого препятствия не существует. «Сколько можно часто приобщайте детей Святых Христовых Таин», – советует еп. Феофан Затворник. Поэтому причащать младенцев надо во время каждой литургии, на которой могут присутствовать родители, и по возможности не реже, как каждый праздник и воскресенье.

Старец Парфений Киевский однажды в благоговейном чувстве пламенной любви Божией долго повторял в себе

молитву: «Иисусе, живи во мне и мне даждь в Тебе жити», – и услышал тихий и сладкий голос: «Ядый Мою Плоть и пияй Мою Кровь во Мне пребывает и Аз в нем».

Поэтому благодать причащения Тела и Крови Господа необычайна: она возвращает, исцеляет и укрепляет ребенка духовно и физически. Поэтому частое причащение ребенка – залог его духовного и телесного здоровья.

По свидетельству одного доктора, ему редко приходилось прибегать к лекарствам в отношении тех детей, которых часто носили к причащению. Над часто причащающимися детьми не имеет силы даже закон плохой наследственности. Журнал «Поселянин» рассказывает о родителях, которые имели серьезное основание бояться плохой наследственности у ребенка. Чтобы избежать ее, они по совету одного духовного отца причащали ребенка каждое воскресенье. И ребенок вырос совершенно здоровым.

С причащением иногда связываются случаи чудесного исцеления детей. Так, известный учитель Церкви св. Андрей Критский (автор канона, читаемого на 1-й седмице Великого поста) в детстве долго не говорил. После горячей молитвы родителей об исцелении узды его языка разрешились во время причащения Святых Таин.

По наблюдениям еп. Феофана Затворника («Путь ко спасению»), «в тот день, когда причащается дитя, оно бывает погружено в глубокий покой, без сильных движений... И иногда оно исполняется радостью и игранием духа, в котором готово всякого обнимать, как своего».

По обычаю Церкви желательно, чтобы младенец начиная с четырех лет уже не вкушал с утра пищи или питья до причащения.

В возрасте семи лет младенец становится отроком и считается уже ответственным за свои поступки. С этого времени духовная одежда его начинает покрываться греховными пятнами.

Мы стараемся воспитать в ребенке физическую чистоплотность. Несравненно большее значение имеет воспитание в нем духовной чистоплотности – воспитание

потребности смывать всякий грех, всякое пятно на своей духовной одежде в Таинстве покаяния – исповеди, обычно предшествующей причащению.

Хорошая привычка – это духовный капитал, процентами с которого можно жить в течение всей жизни. И если ребенок с детства привыкает испрашивать себе прощение за вину вначале перед родителями и близкими, а с семи лет также и на исповеди – то душа его сохранится чистой на всю жизнь. С того момента, как ребенок научился писать, следует приучать его записывать свои грехи, чтобы исповедь была цельной и содержательной.

Начиная с отроческого возраста, дети могут причащаться (и исповедоваться) реже, но, по возможности, не реже, чем один раз в месяц, а также по большим праздникам. Эта норма была заповедана прп. Серафимом дивеевским сестрам.

Следует помнить слова прп. Макария Великого одной болящей женщине: «Ты подверглась напасти, потому что уже пять недель не приобщалась Святых Таин». Указанная норма причащения (1 раз в месяц) может быть изменена по согласованию с духовными отцами детей в сторону более частого причащения.

Разумеется, дети, приступающие к Таинствам, должны понимать их сущность и передаваемую через них благодать. Об этом следует вести с детьми беседы и по мере возрастания углублять в них понятия о значении Таинств.

Как пишет о. Валентин Свенцицкий:

«Таинства – это светлое небо на грешной земле. Это наступающее обетование. Это то, что нашу веру облекает в плоть и кровь, что, как огонь, согревает холод души нашей и размягчает окамененное нечувствие наших сердец. Это тот «невечерний свет», который озаряет застилающий нас мрак. Какая в них мудрость, какая правда, какая радость!

Воистину нисшел к нам Дух Утешитель, о котором сказал Господь Своим ученикам».

В Таинствах Церкви дети общаются с Самим Господом. Устраняя наших детей от Таинств или ограничивая их участие в Таинствах, мы нарушаем заповедь Спасителя. Будем помнить Его негодование на апостолов за устранение от Него детей и

повеление: «Пустите детей приходить ко Мне и не препятствуйте им, ибо таковых есть Царствие Божие» (Мк. 10, 14).

Глава 6. Молитва

Должно всегда молиться...Лк. 18, 1

Завет Спасителя – всегда молиться. Молитва – это дыхание духовной жизни. И как физическая жизнь прекращается с остановкой дыхания, так и духовная жизнь замирает с оставлением молитвы.

По ритму дыхания судят о здоровье, и как боятся родители, когда дыхание ребенка затрудняется и ему грозит удушье (болезнь «круп»). Но несравнимо более мы должны бояться отсутствия или прекращения у детей дыхания духовной жизни – молитвы. Чтобы помешать этому, следует начинать и развивать молитву ребенка с самого раннего младенческого возраста и непрерывно поддерживать и углублять ее.

С первым пробуждением сознания, т. е. в возрасте около двух лет, надо прививать ребенку понятие о Боге как Источнике жизни, всех благ и добра и начать учить его молиться. Пусть ребенок усвоит на всю жизнь, что первым движением его по пробуждении его есть сложение перстов и крестное знамение; первые слова – хвала Творцу («Слава Тебе, Господи, слава Тебе»); первая беседа – молитва, приношение Богу в положенной мере своих славословий и приношений; первое вкушение в течение дня – это причастие или принятие святой воды и освященного хлеба (просфора, антидор, артос).

При возрастании ребенка первым чтением в течение дня должно быть Евангелие и первым посещением в праздник – Божий храм.

Еще в Ветхом Завете Бог требовал от человека всего первородного – посвящения Ему первенцев и приношения Ему всех начатков (Лев. 2, 12; Исх. 13, 2).

Св. Иероним так пишет к вдове Лидии: «Радость матери-христианки должна состоять в том, чтобы научить свое дитя произносить сладчайшее имя Иисуса в то время, когда и голос его слаб, и язык его еще нем. Помни, что начатки всего

исключительно должны принадлежать Господу, поэтому первые мысли, первые слова дитя должны быть освящены благочестием».

Молитва проявляется у нас в трех формах: в выполнении молитвенных домашних правил; в вознесении Богу кратких молитв в течение всего дня, в посещении церковного богослужения. Ко всем этим трем формам молитвы необходимо с детства приучать и детей.

Обычно дитя начинают учить молиться с «Богородице Дево, радуйся...». И это правильно: Матерь Христа – Матерь всего христианского рода. И как первые слова в лексиконе ребенка «мама» и «папа», так и первые его беседы с Богом должны состояться из «Богородицы» и затем из «Отче наш». Одновременно следует начать приучать его молиться за близких. Вместе с началом молитвы должно начаться приучение ребенка к крестному знамению. Это надо делать еще ранее того, когда ребенок сможет сам делать его самостоятельно.

Св. Иоанн Златоуст дает такое наставление матерям: «Учите вы, матери, ваших малюток изображать рукою крестное знамение прежде, чем они сами в состоянии будут делать это; запечатлевайте это знамение на челе их вашими собственными руками». Когда дети подрастут, необходимо следить за тем, чтобы крестное знамение было у них широким, неторопливым и делалось тщательно.

С ростом ребенка должно непрерывно расти и его молитвенное правило. Прп. Серафим учит мирян совершать правило три раза в день – утром, в середине дня и вечером. Для людей, может быть, слишком обремененных трудом и имеющих мало времени, это правило как известный минимум включает в себя: три раза «Отче наш», три раза «Богородице» и один раз «Верую».

Для отроков, вполне овладевших грамотой, для утра и вечера могут быть взяты установленные церковью утреннее и вечернее правила, а для середины дня оставлено правило прп. Серафима. Последнее, по указанию преподобного, должно читаться хотя бы среди дела, на ходу, если невозможно выбрать днем время для уединения.

Совершение утреннего и вечернего правил потребует от детей при неторопливом чтении около 10–15 минут для каждого правила. Не будет ли это слишком трудно и долго? Выше уже указывалось, что количество молитв надо увеличивать постепенно по мере роста ребенка. Искусство воспитания детей (как и перевоспитание взрослых) требует, чтобы усилия в определенном направлении совершались постепенно и вместе с тем непрерывно. Вспомним, с какой постепенностью авва Дорофей приучал своего ученика Досифея к воздержанию в пище. Авва убавлял его порцию очень понемногу и лишь после того, как Досифей привыкал к предыдущему сокращению количества пищи. Так и в данном случае – постепенный рост молитвенного правила незаметно приучит к нему детей, и оно не будет казаться им длинным.

Вместе с тем следует предостеречь тех родителей, которые, основываясь на неправильном толковании слов Спасителя «Не говорите лишнего, как язычники, ибо они думают, что в многословии своем будут услышаны» (*Мф. 6, 7*), считают, что продолжительности молитвословия не требуется и нужно лишь качество. Св. отцы (Макарий Великий, Исихий, Каллист, Игнатий и др.) указывают нам, что качество нашей молитвы низко, и что низкое качество нам надо восполнить количеством, и что именно через количество можно восходить к качеству.

Один из святых отцов говорит: «Делайте, делайте внешнее, ибо внешнее принадлежит нам, а внутреннее Богу. А за внешнее Господь даст нам и внутреннее» (т. е. видя наше терпение в совершении длительного правила Господь даст нам и внимательность в молитве и теплоту чувства).

При добавлении в правило новых молитв они должны быть объяснены детям. Когда дети подрастут, им следует рассказать историю происхождения молитв и познакомить с жизнеописанием авторов. Это оживит молитву детей. Читая «Святый Боже», они будут в этих словах слышать песнь ангельских хоров, виденных мальчиком в Константинополе при патриархе Прокле; начиная «Достойно», они будут переноситься в убогую афонскую келью, где впервые раздалось начало этой

молитвы в устах архангела Гавриила, а читая внимательно 24 прошения в вечернем правиле, они вспомнят о великом Златоусте.

В первые века христианства молитва в семье была общей и на нее собирались все члены семьи вместе с домашними слугами. Обычно при этом молитву читал хозяин дома, а все присутствующие тихо за ним повторяли. Нам следует подражать этому обычаю, и вечернее, а если возможно, то и утреннее правила сделать общими для всех членов семьи.

В этом случае чтение правила может быть поручаемо подросткам, чтобы они принимали в молитве живое участие. Если взрослых детей несколько, то каждый из них читает в очередной для него день. Родители при этом должны научить детей правильному и внятному чтению и следить за тем, чтобы оно было неторопливым.

С отроческого возраста необходимо приучать детей к поклонам – поясным и земным. Поклоны восполняют нашу рассеянность в молитве. Усилиями тела дополняется слабость внимания и нечувствие сердца. Обычай коленопреклонения в молитве установлен Самим Господом, Который в Гефсиманском саду «пал на землю и молился» (*Мф. 26, 39*). Поэтому коленопреклонение во время молитвы существует со времен первых христиан.

Следует обращать внимание также на внешнюю манеру держаться при молитве, приучая детей стоять прямо и со взором, устремленным на иконы. Платье молящихся должно быть также в порядке. Внешняя собранность помогает и внутренней. Древние христиане тщательно готовили себя к молитве и считали необходимым мыть перед нею свои руки; они живо переживали чувство, что являются перед лицом Небесного Царя, и нельзя предстать перед Ним со следами небрежности и нечистоты как с внутренней, так и с внешней стороны.

Очень хорошо общее правило заканчивать общим пением таких, например, молитв, как «Заступнице усердная», «Под Твою милость», тропарей семейных святых, «Все упование

мое» и т. п. Это оживляет молитву и заставляет принимать в ней участие всех присутствующих.

Чтобы оживить усердие детей к молитве, их следует знакомить со случаями, когда усердная детская молитва исполнялась Богом, сопровождаясь иногда чудесами.

Такой случай был, например, в детстве с преподобным Александром Свирским. Ему, как и прп. Сергию, не давалась грамота. Это сильно огорчало отрока.

Однажды со слезами он молился в храме о раскрытии своего разума и услышал голос: «Встань, ты получил, чего просил». С этого времени он легко стал понимать книжную мудрость.

Когда у детей появится самостоятельная молитва, им следует рассказать, о чем можно и нужно и о чем нельзя молиться. В «Детстве и отрочестве» Л. Н. Толстого есть описание детской молитвы. Ребенок молится между прочим о том, чтобы завтра была хорошая погода и чтобы можно было идти гулять.

В «Войне и мире» имеются также воспоминания Ростовых, как они молились в детстве, чтобы снег сделался сахаром, и затем выбегали на улицу, чтобы посмотреть, совершилось ли чудо по их молитве. Можно думать, что эти рассказы являются воспоминаниями Л. Н. Толстого из своего детства и пожалеть, что он не получал тогда наставлений, что такое молитва и о чем надо молиться.

Помимо утреннего и вечернего правил детям следует заучить ряд молитв для чтения при различных случаях в течение дня. Сюда относятся молитвы перед едой и после нее, перед ученьем и после него, перед всяким делом и после него, перед дорогой, благодарение за благодеяния Божии, тропарь своего святого. Старец Амвросий Оптинский в одном письме советует подросткам заучить псалмы «Живый в помощи Вышняго» (Пс. 90) и «Господь – свет мой» (Пс. 26).

Чтобы приучить ребенка к церковной молитве, необходимо с раннего детства брать его в церковь для посещения богослужений. Он не будет тяготиться богослужениями, если привыкнет с детства бывать на них и от начала до конца,

вначале сидя, а с возрастом и стоя. Для отроков необходимо посещение воскресных и праздничных всенощных и литургий. Следует помнить, что христианские семьи первых веков молитве посвящали ночи.

Если детям будет трудно при длительных богослужениях, то им следует указать, что Господь требует от нас терпения, и сказать им, что «тесны врата и узок путь, ведущие в жизнь» (*Мф. 7, 14*).

Не следует устранять подросших детей и от ночных богослужений, когда они положены Церковью (например, на Страстной седмице, на Пасху, перед Рождеством). Следует вспомнить при этом случай со св. Григорием Нисским, когда тот был еще мальчиком. Все семейство Григория участвовало в торжественном ночном богослужении, устроенном в часовне при их доме, в честь перенесения туда мощей сорока мучеников.

Отягченный сном, Григорий ушел с богослужения и уснул в ближайшей беседке. Но он был разбужен страшным для него сновидением. Во сне он видит, что хочет пойти в сад и принять участие в богослужении, но его встретили воины-мученики, которые не пускали его и даже хотели наказать его жезлами, если бы один не вступился за него. Устрашенный мальчик прибежал к урне с мощами и с плачем просил у Бога и у мучеников простить его прегрешение и леность.

При приходе из церкви детям надо объяснить то, что они не поняли из слышанного. Мать Задонского затворника Георгия имела обыкновение по возвращении домой из церкви спрашивать мальчика Георгия, какое было за литургией чтение из Евангелия и Апостола. Она ласкала мальчика, когда видела из его ответов, что он был в церкви внимателен и слегка наказывала за невниманье.

Кроме праздничных дней детям надо посещать службы Страстной и Святой недель и богослужения в дни своего ангела, своего рождения и семейных событий (похорон, крестин и т. п.). Сюда следует добавить посещение церкви перед началом учебного года, молебнов, водосвятия. Ребенок должен сродниться с богослужебным кругом и усвоить, что вся его

жизнь благословляется, держится и освящается через молитвы Церкви.

Трогательные песнопения и обряды нашей Православной Церкви необычайно живо и на всю жизнь запечатлеваются в детском сердце. Кто не помнит посещения в детстве Пасхальной заутрени с ее непередаваемым торжеством богослужения – торжеством жизни над смертью; весенних вечеров Вербной субботы, когда улицы были полны богомольцами, идущими из церкви с вербами и зажженными свечами, торжественных крестных ходов с праздничным перезвоном колоколов; моментов богослужения, когда первый раз в году запевают: «Христос рождается – славите...» или «Чертог Твой вижу, Спасе мой, украшенный...»?

Участие в церковных богослужениях приучает, вместе с тем, детей объединяться с народом в его простой глубокой вере.

К. П. Победоносцев так пишет об этом:

«Счастлив, кого с детства добрые и благочестивые родители приучали к храму Божию и ставили в нем посреди народа молиться всенародной молитвой, праздновать всенародному празднику. Они собрали ему сокровище на целую жизнь, они ввели его подлинно в разум духа народного и в любовь сердца народного, сделав для него церковь родным домом и местом полного, чистого и истинного соединения с народом».

И нужно позаботиться, чтобы дети понимали песнопения и церковное чтение, и переводить им труднопонимаемые славянские слова и обороты. Со взрослыми детьми следует проводить беседы о значении и порядке церковных богослужений и знакомить с историей их возникновения.

Нам следует помнить, что Господь учит нас постоянной молитве (Лк. 18, 1). «Непрестанно молитесь...», – пишет и апостол Павел (Фес. 5, 17). «Кроме непрестанной молитвы мы приблизиться к Богу не можем», – говорит прп. Исаак Сириянин. Поэтому недостаточно только исполнения домашних правил и посещения богослужений. И себя и детей мы должны, по заповеди Спасителя, приучать к непрестанной молитве. Как это

сделать? На этот вопрос так отвечает еп. Феофан Затворник («Четыре слова о молитве».):

«Надо в продолжение дня чаще к Богу из сердца зывать краткими словами, судя по нужде души и текущим делам. Начинаешь что, например, говори: «Благослови, Господи», кончишь дело – говори: «Слава Тебе, Господи», – и не языком только, но и чувством сердца...

Так и во всяком случае. Или просто почаще повторяй: «Господи, помилуй», «Владычице Богородице, помилуй мя», «Ангеле Божий, хранителю мой святой, защити меня» – или другими какими словами зывай. Только сколько можно чаще делай эти воззвания, всегда стараясь, чтобы они из сердца исходили...»

Еп. Феофан научает нас такому состоянию, при котором все дела в течение дня должны быть совершены с мыслью о Боге, с сердечным чувством зависимости от Него и в непрестанной мысленной беседе – молитве с Ним, чувствуя себя всегда в Его присутствии.

К привычке постоянно молитвенно обращаться к Богу следует приучать и детей. Так, например, приучена была к этому с детства преподобная Макрина – сестра Василия Великого (память 19 июля).

В ее жизнеописании говорится, что на устах девочки молитвенное пение было во всякое время дня. «Вставала она с постели или принималась за какое-либо дело, садилась обедать или вставала из-за стола, полдень и вечер – она не пропускала без пения псалмов».

В привычку детей с раннего возраста должна войти молитва перед всякой едой и после нее, перед началом занятий и после них, перед выходом из дома, перед началом всякого дела. Следует приучать их и к тому, чтобы перед уходом в школу или вообще из дома и перед отходом ко сну они подходили к родителям с просьбой перекрестить их. Крестное знамение родителей, совершаемое с верою и благоговением, имеет для ребенка великую охранительную силу (так же как, впрочем, и крестное знамение детей для родителей).

Не будем бояться того, что подобные установления будут обременительны для детского возраста. История Церкви дает примеры высокой духовной зрелости уже в раннем возрасте. Такими были, например, прп. Савва Освященный, основатель лавры близ Иерусалима, восьми лет покинувший близких, чтобы поступить в монастырь (память 5 декабря), прп. Феодор Сикеот, десяти лет начавший подвиги строгого поста и ночной молитвы и четырнадцати лет затворившийся в пещере (память 22 апреля); Московский митрополит Петр, двенадцати лет поступивший в монастырь.

Отроковица Муза, отказавшаяся в детстве от игр и забав ради богоугождения (память 16 мая), отроковица Мария Мелюкова, любимица прп. Серафима, тринадцати лет поступившая в Дивеевскую обитель и девятнадцати лет почившая в схиме, и многие другие, включая сюда многочисленный сонм юных мучеников и мучениц в возрасте от семи лет (Василиса, Вера, Надежда, Любовь, Кирик, Урван, Припидиан, Епполоний и др.)...

Кто знает, какой путь назначен Богом нашему ребенку? Не будем же мешать ему прийти ко Господу как можно ранее: в этом залог его быстрее духовного роста. Создадим такие условия, чтобы его сердце с самого раннего возраста было открыто для Господа, Который говорит нам: «Се, стою у двери и стучу: если кто услышит голос Мой и отворит дверь, войду к нему и буду вечерять с ним, и он со Мною» (*Откр. 3, 20*).

Приложение к главе 6-й

Есть еще совершенная форма непрестанной молитвы, которой занимаются преимущественно иноки. Это творение так называемой Иисусовой молитвы: «Господи, Иисусе Христе, помилуй меня грешного».

В первой части «Откровенных рассказов странника» имеется рассказ о том действии, которое оказала Иисусова молитва на одного мальчика. Мальчика вначале принуждали к молитве, но затем он сам стал охотнее ею заниматься. Он так привык к ней, что сам искал уединения, чтобы ему не мешали молиться. Молитва в корне изменила характер мальчика: из шаловливого и резвого она сделала его молчаливым и кротким.

По свидетельству еп. Игнатия (Брянчанинова), он уже в отрочестве усердно занимался Иисусовой умной молитвой. Когда ему было 16 лет, она творилась у него самодейственно: «Бывало, с вечера, – рассказывал он впоследствии о себе, – ляжешь в постель и, приподняв голову от подушки, начнешь читать молитву, да так, не изменяя положения, не прекращая молитвы, встанешь утром идти на службу в классы».

Естественно, что дети не могут приучаться к этой молитве без опытного руководителя. Но если это имеет место и если есть соответствующая склонность у отрока, то нет препятствий для насаждения в нем Духа Святого этим путем, обеспечивающим верное и быстрое достижение цели.

Глава 7. Пост

И тогда будут поститься. Мф. 9, 15

«Сей же род изгоняется только молитвою и постом» (Мф. 17, 21). Этими словами Сам Господь указал нам два вида оружия в борьбе с нашим врагом – родом темных духов.

Вместе с тем Он указал Своим ученикам на необходимость для них поста в то время, «когда отнимется у них Жених» (Мф. 9, 15). Светоч души христианской – Утешитель Дух Святой – отнимается от нас через наши грехи. А возвращение Его к нам достигается, по словам Спасителя, молитвою и постом.

Но если необходимость молитвы для спасения души признается всеми христианами, обязанность применения второго оружия – поста – часто или вовсе не признается, или бывает недостаточно осознана.

И это одна из последних побед темного духа над многими из современных христиан.

В прежнее, еще не далекое время, исповедание Христа было связано с исполнением всех установлений Церкви. Поэтому в быту старой русской семьи мы видим строгое исполнение постных дней – среды и пятницы – и установленных Церковью четырех постов. Благочестивые же миряне Древней Руси мало отставали в посте от иноков.

О совершенной необходимости для нашего духа и тела соблюдения постов говорит вся святоотеческая литература.

Но не только люди духовные говорят о необходимости поста. О благоприятном влиянии поста на здоровье тела говорят и люди науки – в том случае, если их дух просвещен светом учения Христа.

Как рано надо начинать детям поститься?

По учению древних отцов, здоровый младенец не постится лишь тогда, когда еще питается молоком матери, т. е. примерно до трех лет (в древности еврейские женщины кормили младенцев своим молоком до 3-х лет). Исключение поста может быть допущено лишь для больных детей.

Вместе с необходимостью соблюдения в той или иной мере поста, следует позаботиться и о предохранении детей от привычки пресыщения или слишком частого, не в установленное время, принятия пищи. В этом отношении еп. Феофан Затворник дает родителям такое указание:

«Должно так питать дитя, чтобы, развивая жизнь тела, доставляя ему крепость и здоровье, не разжечь в душе плотоугодия. Не должно смотреть, что дитя мало, надобно с первых лет начинать остепенять преклонную к грубому веществу плоть и приучать дитя к обладанию над нею, чтобы и в отрочестве, и в юности, и после них легко и свободно можно было управляться с этой потребностью. Первая закваска очень дорога. От детского питания многое зависит в последующем. Незаметно можно развить сладострастие и неумеренность в пище – два рода чревоугодия, эти губительные для тела и души склонности, прививающиеся к питанию... От установленного порядка питания без нужды не отступать. Это приучает дитя не всегда требовать пищи, как захочется есть, а ждать определенного часа; здесь же первые опыты упражнения в отказывании себе в своих желаниях. Где кормят дитя всякий раз, как оно заплачет, и потом всякий раз, как запросит есть, там до того расслабляют его, что после уже оно не иначе, как с болезнью, может отказаться от пищи. Вместе с тем оно привыкает к своенравию от того, что успевает выпрашивать или выплакивать все желаемое».

В дополнение к указаниям еп. Феофана следует сказать, что никогда нельзя заставлять ребенка есть насильно и время для принятия пищи должно назначаться не ранее появления у детей голода. Проголодавшийся ребенок не будет капризничать и отказываться от еды, даже тогда, когда она ему не совсем по вкусу.

Нельзя потакать и прихотям ребенка, давая ему лишь то, что он любит. Вредно также приучать детей к слишком вкусной и изысканной пище; пища должна быть простой: голод – лучший повар, говорит французская пословица.

Когда дети подрастут и определятся их характеры и склонности, родителям надо проявить тактичность в отношении нормы их поста. Нельзя, например, лишать их сладкого против их воли или проводить в постные дни такое снижение качества пищи, которое будет выходить за пределы обычной нормы церковного устава. Для слабых и больных детей, естественно, могут быть допущены и ослабления, и отступления от поста.

Точно так же взрослых детей (юношей и девушек) нельзя уже насильно держать на строгом выполнении всех норм поста, если они будут сильно тяготиться им. В этом случае пощение не даст пользы душе, а может ее ожесточить. Господь сказал: «Милости хочу, а не жертвы» (*Мф. 9, 13*). И весь смысл поста – в добровольном воздержании и ограничении себя. Чтобы для взрослых детей не были тяжелы обычные нормы поста, детей и следует приучать к посту с самого младшего возраста.

В качестве примера мудрого отношения к посту своих духовных детей приводим случай из жизни Пахомия Великого.

Посетив один из им основанных монастырей, он услышал жалобу от молодого инока, что за последнее время им перестали варить горячую пищу. Прп. Пахомий выяснил, что это было распоряжение главного повара, который заставлял поваров вместо приготовления пищи плести рогожи. Прп. Пахомий глубоко огорчился этим самоволием и приказал сжечь приготовленные поварями 500 рогож.

Прп. Пахомий сказал повару, что ему следовало бы, наоборот, готовить кушанья разных видов и варить всякие плоды, чтобы доставлять братьям возможность добровольно

отказаться от них, учась обуздывать свои желания, и что его (Пахомия) более всего беспокоит то, чтобы братия не предались унынию от непривычной для них строгости жизни, а немощные из них не ослабели бы телом.

Приложение к главе 7-й

Как надо приучать детей к посту, говорит следующий рассказ одной престарелой монахини.

«Моя семья была истинно христианская и строго соблюдала посты. Когда мне было уже 3 года, в прощенное воскресенье мама сказала мне: «С завтрашнего дня начнется первая неделя Великого поста. Не проси больше до субботы молока. А в субботу после причастия мы его тебе дадим, если батюшка разрешит».

А я очень любила молоко и, выслушав маму, тут же решила про себя: «А все равно его выпрошу». На другой день прошу молока. А мне его не дают. На слезы и просьбы мои никто и внимания не обращает. Крепко обиделась я и решила: «Ничего тогда есть не буду». И так не ела первый день. На другой день голод взял свое, и я чего-то немного поела. В тот же день почувствовала себя плохо и захворала.

Тут заговорила во мне совесть: ты хочешь грешить – пить молоко – вот Господь и наказывает тебя, и ты от болезни умрешь. Испугалась я и дала себе обет: не буду весь пост пить молока, только прости меня, Господи, не дай умереть.

От болезни я быстро поправилась. В субботу причастилась (у нас в селе в пятницу причащались старики, в субботу – дети, а взрослые – в воскресенье).

Дома говорят мне: «Батюшка разрешил тебе, пей, вот тебе стакан горячего молока».

«Не буду пить», – отвечала я.

«Вот глупости», – сказали мне и насильно заставили пить.

Но как только глотнула молоко, оно показалось мне таким противным, что я не стала больше пить и разрыдалась.

Больше пить меня не заставляли, и я сдержала мой первый обет – во весь пост не пила молока. А потом всю жизнь я легко могла соблюдать все посты».

Глава 8. Пример благочестия родителей

Духом пламенейте. Рим. 12, 11

Прп. Серафим Саровский в беседе с Николаем Александровичем Мотовиловым определил цель христианской жизни как «стяжание Духа Святого Божия».

Итак, и для нас, родителей, и для наших детей есть одна цель в жизни. Разница у нас с детьми лишь та, что мы, взрослые, можем сознательно стремиться к этой цели и сообразно с нею устраивать нашу жизнь, а душа ребенка будет произвольно формироваться в созданной для него нами духовной атмосфере.

Наше искусство воспитания состоит в том, чтобы это духовное формирование совершалось постепенно, но не прерываясь, и чтобы душа ребенка как цветок расцветала красотой христианских добродетелей под осиянием Божьего Духа.

Прп. Серафим говорил: «Стяжите дух мирен и около вас спасутся тысячи». И при наличии любви «дух мирен», дух праведности и веры супругов прежде всего захватит их детей, в которых они смогут заметить созревание плодов Духа Божия («плод же Духа, – говорит ап. Павел, – любовь, радость, мир, долготерпение, благость, милосердие, вера, кротость, воздержание» (*Гал. 5, 22–23*)).

Природа ребенка чиста в своей основе, мягка и восприимчива к добру. Если нам, взрослым, требуется много усилий в борьбе с нашими греховными склонностями, то в ребенке добродетели при определенных условиях могут развиваться легко и быстро. Одним из главных факторов их духовного роста будет подражание старшим и усвоение плодов Духа Божия из окружающей среды.

Горячо любящий ребенок вырастает таким лишь в атмосфере взаимной любви. Радость и душевный мир ему обеспечены, если эти чувства господствуют в его семье. В нем не зародится никаких сомнений, если сильна вера родителей. Отзывчивым и чутким к чужому страданию сформируется сердце ребенка, если он будет постоянным свидетелем, а с

годами и участником дел милосердия, широкой благотворительности, щедрой милостыни, деятельного служения и сострадания ко всем несчастным со стороны его родителей.

Дети, воспитанные в таком духе, обычно с большой радостью и охотой помогают родителям в подобном служении ближним, внося туда и свою лепту труда. Вспомним, с каким усердием приглашал семилетний отрок Варфоломей (будущий прп. Сергей) старца-инока в дом своих родителей, зная их любовь к странноприимству. Точно так же усердными помощниками показали себя сибирские дети в 5–6 лет, о которых так повествует странник – автор «Откровенных рассказов» о молитве Иисусовой.

«Я услышал за собой крик: «Нищенкой, нищенкой, постой». Это кричали и бежали ко мне виденные мною малютки – мальчик к девочка. Я остановился, а они, подбежав, схватили меня за руку. «Пойдем к маменьке, она нищих любит». – «Я не нищий, – говорю им, – а прохожий человек». – «А как же у тебя мешок? Нет... пойдем непременно, маменька даст тебе денег на дорогу»».

Во всем поведении и словах этих детей слышится горячее усердие к странноприимству и благотворительности, которое малые дети переняли у своих родителей.

На примере постоянной и усердной молитвы родителей вырастает молитва и их детей. Также лишь на живых примерах научаются дети добродетели страха Божия, смирения, кротости, терпения и воздержания (в словах, пище и т. д.). Вот те условия, при которых на основе закона подражания может созреть в нашем ребенке «сокровенный сердца человек в нетленной красоте кроткого и молчаливого духа» (*1Пет. 3, 4*).

Господь сказал: «Дух Святой, Которого пошлет Отец во имя Мое, научит вас всему» (*Ин. 14, 26*). И если только родители позаботятся об очищении своего сердца и о стяжании Духа Святого Божия, то Дух Божий Сам умудрит их и будет руководить ими в деле воспитания и приведет ко спасению и самих родителей, и их детей.

Как пишет о. Александр Ельчанинов:

«Для воспитания детей – самое важное, чтобы они видели своих родителей живущими большой внутренней жизнью».

Глава 9. Духовная среда

Вы – свет мира... Мф. 5, 14

Развитие жизни растений невозможно без солнечного света. Также и духовное возрастание человека невозможно без духовного света. Где найти этот свет для наших детей?

Ответ дает Сам Господь. Светом для мира был Он Сам, пока был на земле (Ин. 8, 12). Уходя, Он повелел светить миру Своим ученикам: «Так да светит свет ваш перед людьми» (Мф. 5, 16). Ученикам Своим Он говорит: «Вы – свет мира» (Мф. 5, 14), и мы знаем, что этим светом был просвещен древний языческий мир и избранные из сынов Израиля.

Итак, для духовного развития наших детей нужна среда света духоносных учеников Христовых, просвещающих светом истины окружающих их. Такая среда так же формирует душу, как физический свет обуславливает рост растений.

Взаимное влияние живых личностей чрезвычайно велико, и в особенности оно велико, если их связывает чувство любви и доверия.

С кем поведешься, от того и наберешься – гласит народная мудрость. «Если хочешь быть благочестивым, – говорят св. отцы, – то найди человека, боящегося Бога и служащего Ему всей душой, и живи с ним». Прп. Иосиф Волоколамский добавляет к этому: «Если нашел ты такого человека, будь покоен: ты нашел ключ к Царству Небесному».

Старец Амвросий Оптинский говорил, что «когда дикая лошадь присмотрится, что прочие лошади идут спокойно, и сама пойдет в ряд». «Так и человек», – добавлял старец.

Особенно сильное влияние на окружающих оказывают праведники – носители света Христова. В чем тайна их влияния?

Однажды ученик Пахомия Великого (память 15 мая) просил его рассказать какое-либо из видений его. Преподобный ответил: «Если ты желаешь иметь прекрасное и замечательное

видение, то я укажу тебе на одно из них: когда ты увидишь человека благочестивого, скромного сердцем, чистого – вот прекраснейшее из видений: ты видишь Бога невидимого в этом видимом человеке».

Очевидно, здесь осуществление обетования Господа, и сейчас пребывающего с нами во святых Своих: «Се, Я с вами во все дни до скончания века» (*Мф. 28, 20*).

Сделаем же все для нас возможное, чтобы дети наши росли в среде духовных лиц. И пусть двери дома нашего будут широко открыты для всех боголюбцев, чтобы дети могли с детства познакомиться и со всеми видами духовной красоты, и узнать все разнообразие подвигов и крестов, носимых ради Христа.

Из числа наиболее духовных пастырей для детей должны быть избраны их духовные отцы, с которыми они должны постоянно общаться и совместно с которыми должны решаться все важнейшие вопросы из жизни детей. Также и при выборе для новорожденного ребенка крестных родителей следует руководствоваться прежде всего возможностью их благотворного духовного влияния на крестных детей.

Не будем сомневаться в том, что можно найти для детей духовных руководителей. Господь сказал: «Ищите и обрящете».

Вспомним, как некогда Господь послал духовных наставников Феодору Сикеоту, Иоанну Дамаскину, Иосифу Царевичу, великомученику Пантелеимону, великомученице Варваре и множеству других достойных отроков и юношей.

Господь Сам строит Свою Церковь и Сам найдет тех, которые духовно просветят и наших детей.

«Огонь пришел Я низвесть на землю, и как желал бы, чтобы он уже возгорелся», – говорил Господь (*Лк. 12, 49*). И, как мы знаем, этот огонь возгорелся и горит не затухая уже около 2000 лет в живых светильниках Церкви, просвещая своим светом поколение за поколением.

Будем молить Господа, чтобы от этих светильников загорелись и сердца наших детей.

Счастье детей – если они с детства могли быть в тесном соприкосновении с жизнью Церкви и участвовать в ее праздниках, богослужениях и обрядах.

Как пишет основоположник русской педагогики К. Д. Ушинский:

«У ребенка на всю жизнь остаются воспоминания о тех мирных, сияющих торжествах, о тех то грустных, то торжественных мотивах, которые предлагает Православная Церковь в дни великих праздников. Для ребенка светлый праздник Пасхи и весна, Рождество и зимний пейзаж, «Спас» и спелые плоды, Троица и зеленые березки – все это сливается в одно могучее впечатление, свежее и полное жизни. Церковь со своими торжественными обрядами, природа со своими годовыми переменами и семья со своими праздничными обычаями – вот три элемента, озаряющие в памяти ребенка каждый праздник. Обряды Православной Церкви имеют великое воспитательное влияние уже и потому, что они сами собою, без посредствующих объяснений, обнимают детскую душу святым религиозным чувством, настраивающим ее на возвышенный торжественный лад».

Приложение к главе 9-й

Какое значение имеют для человека сказанные ему в детстве слова и как надо уберегать детей от дурного влияния и разговора, свидетельствует следующий рассказ о себе старца Силуана со Старого Афона, родившегося и выросшего в крестьянской семье.

«Однажды зашел к нам книгоноша, и я, будучи четырех лет, внимательно слушал беседу его с отцом. Книгоноша доказывал отцу, что Христос не Бог и что вообще Бога нет. Меня особенно поразили слова: «Где Он, Бог-то?» И я подумал: когда вырасту большой, то по всей земле пойду искать Бога.

Когда гость ушел, я спросил отца: «Ты меня учил молиться, а он говорил, что Бога нет». Отец ответил мне: «Я думал, что он умный человек, а он оказался дурак. Не слушай его». Но этот ответ отца не изгладил из души моей сомнения. До того как мне исполнилось 19 лет, мысль, сказанная книгоношей, тяготила меня и оставалась где-то в глубине сердца неразрешенной.

Разрешилась она от свидетельства одной крестьянки, которая посетила могилу подвижника-затворника Иоанна Сezenовского. Крестьянка рассказала о чудесах, которые

бывали на могиле, причем некоторые из присутствующих стариков подтвердили это. Тогда я подумал: если он святой, то значит, Бог с нами, и незачем мне ходить по всей земле – искать Его. И сразу при этой мысли мое сердце загорелось любовью к Богу».

Глава 10. Духовное чтение

Занимайся чтением. 1Тим. 4, 13

Согласно преданию, Матерь Господа Иисуса Христа – а отсюда и Матерь всех христиан Дева Мария – была большой любительницей чтения Священного Писания. Это была Ее духовная пища. И по словам Священного Писания и Самого Господа, «не хлебом одним будет жить человек, но всяким словом, исходящим из уст Божиих» (*Втор. 8, 3; Мф. 4, 4*).

Мы, конечно, заботимся о том, чтобы дети наши не голодали и пища их была бы питательна и вполне доброкачественна. Прилагаем ли мы вместе с тем достаточно попечения о том, чтобы они регулярно питались и духовно? А духовное питание несравнимо важнее питания физического, так как от духовного питания формируется душа ребенка.

Поэтому вместе с началом молитвы ребенок должен слушать духовные рассказы и чтения, а когда он начнет читать сам, необходимо обеспечить его книгами, питающими душу.

Вначале это будут повествования о евангельских событиях, изложенные языком, понятным для детей.

При ознакомлении детей со Священной Историей нужно следовать методике К. Д. Ушинского, который дает такие указания по этому вопросу:

«Первое ознакомление с евангельскими событиями всего удобнее совместить с объяснениями предстоящих праздников. Тогда и церковная служба, и рассказ матери, и праздничное чувство ребенка – все соединяется, чтобы оживить то или другое событие. Исторические рассказы надо проводить так, чтобы в первый раз были рассказаны только важнейшие черты событий, и когда эти черты запечатлеваются в памяти, тогда привязывать к ним другие черты и происшествия, носящие второстепенный характер.

Одна прочно залегшая черта в состоянии потом выдержать много привязанных к ней подробностей. Если же дать сначала подробный длинный рассказ, то ребенок заметит мелочи и не заметит главного. Рассказав детям событие, сделайте ударение на фактах, собственных именах, выражениях, составляющих сущность рассказа, а потом можно обратиться к детям с такими вопросами, в ответ на которые они передали бы вам главные черты события. Затем следуют вопросы, исчерпывающие событие».

Очень большое значение придавал Ушинский наглядности в обучении, т. е. дополнению рассказов картинками. Он пишет:

«Кто не замечал за собою, что в памяти нашей сохраняются с особенной прочностью те образы, которые мы восприняли сами посредством созерцания, и что к такой врезавшейся в нас картине мы легко и просто привязываем даже отвлеченные идеи, которые без того изгладились бы из памяти».

В школах Швейцарии Ушинский наблюдал, как проводились беседы с детьми на тему Священного Писания. Он так пишет об этом:

«Дети всегда принимают в них самое живое участие: спрашивают, добавляют, угадывают окончания, рассказывают, что случилось с ними. Иногда можно слышать один и тот же библейский рассказ и в малолетнем классе от ребенка пяти лет, и в выпускном от девушки 18 лет. Но какая разница! Там это наивный детский рассказ, здесь – критически разобранный, глубоко прочувствованный страница Библии».

После изучения Священного Писания детей следует ознакомить с жизнеописанием наиболее великих святых в собственных пересказах или по литературе, написанной для детей и юношества. Не жалея труда и времени, родителям надо усердно искать хорошие духовные книги, подходящие для детей, и давать их детям, сообразуясь с возрастом и индивидуальными склонностями.

Следует вспомнить, что благочестивые поколения Древней Руси с детства начинали чтение духовных книг – Псалтири и

других, на которых дети и обучались чтению. Также и во времена первых христиан Священное Писание не только читалось, но и изучалось детьми. В детстве его изучали, например, св. Григорий Богослов, св. Иоанн Златоуст, прп. Макария, Ориген и многие другие.

Блаженный Иероним дает одной матери (вдове Лидии) такой совет в отношении воспитания дочери ее:

«Пусть каждый день она прочитывает с тобою несколько страниц из Евангелия и писаний апостольских и таким образом подносит тебе каждое утро как бы букет из цветов, собранных ею в священных книгах. Пусть это будет самой главной заботой ее, самым привычным делом...»

Одновременно с чтением чисто духовной литературы дети должны читать и детскую, и юношескую литературу – рассказы и повести, описывающие жизнь святых или благочестивых детей. К таким книгам относятся, например, «Святая юность» Е. Поселянина; повести из жизни первых христиан Евгении Тур; «Камо грядеши», «Хижина дяди Тома» и другие.

Из таких книг дети должны черпать примеры жизни в Боге, жизни верою и примеры подвигов ради Христа.

Духовное чтение может идти понемногу, но систематически. Такое чтение лучше вести совместно с родителями, например, по вечерам, причем сопровождать его объяснениями и беседами. За такими чтениями дети должны изучать Новый и вкратце Ветхий Завет (в пересказе для детей) и знакомиться с церковной историей, жизнеописанием великих святых и прежде всего тех, имена которых носят.

Чтение с детьми Нового и Ветхого Заветов должно сопровождаться разбором прочитанного в приложении к жизни христианина.

Так, например, после чтения истории о жертвоприношении Каина и Авеля (Быт. 4, 3–5) следует задать детям вопрос: почему не была принята жертва Каина? И затем следует обратить внимание детей на необходимость подготовки себя к нашей ежедневной жертве Богу – молитве, на творение ее в неторопливости, тщательности, в примирении со всеми для

того, чтобы наша жертва – молитва – не была бы отвергнута Богом, как жертва Каина.

При разборе случая, когда Моисей держал свои руки поднятыми к небу и евреи побеждали тогда амаликитян (Исх. 17, 11), следует детям указать на ключ к успеху во всех жизненных делах – непрерывно обращаться к Богу за помощью, как бы держа внутренне руки свои в молитвенном обращении к Богу.

Со взрослыми детьми помимо более легкого чтения следует понемногу заниматься разбором основ катехизиса – Символа веры, заповедей Моисея и блаженства, значения и содержания Таинств, церковных богослужений и монашества. Родителям при этом следует по возможности самим заниматься с детьми их духовным образованием. Об этом так пишет старец Амвросий одной матери (в «Письмах к мирянам»):

«Вам кажется, что не имеете призвания учить и не можете говорить с должной силой убеждения об этом великом предмете (религии). Как мать чадолюбивая, сами передавайте сведения об этих предметах вашим детям, как умеете. Вас в этом заменить никто не может... другие не знают ваших детей и их душевное расположение и потребности: и при этом слова матери более могут действовать на них, нежели слова постороннего человека. Наставления других действуют на ум, а наставления матери – на сердце».

Вечерние чтения и беседы с детьми следует устраивать так, чтобы дети не тяготились ими. Для этого надо разрешить им во время чтения заниматься какой-либо ручной и интересной для них работой, как например рисованием, вырезанием и склеиванием игрушек, для девочек – вышиванием. Лишь бы занятия были не суетливы, без разговоров и не мешали слушать. Обстановка таких вечеров должна быть непринужденной, приятной и уютной. Чтобы чтение было выразительным, читать следует самим родителям или кому-либо из старших.

Если читаются жития святых, то следует читать их не подряд, а выбирать из них наиболее занимательные для детей

и богатые эпизодами, выпуская не подходящие для детей места. Чтобы оживить чтение, следует во время его задавать детям вопросы: «Как вы думаете, как поступил в этом случае святой?», или «Что вы помните про святого, имя которого здесь упоминается?», или «Что ответил на это святой?».

Игумен Феодосий из Оптиной пустыни в воспоминаниях о своей жизни рассказывает о том влиянии, которое оказали на него вечера, проведенные им в детстве около его благочестивой бабушки. Бабушка по вечерам собирала около себя семью, а сама, занимаясь рукоделием, кого-нибудь просила читать жития святых. Воспоминание об этих вечерах, согревавших его душу, осталось у игумена Феодосия на всю жизнь.

В семье родителей старицы Арсении, игумении Усть-Медведицкого монастыря, был обычай – в праздничные дни собираться в кабинете отца, где кто-нибудь из старших детей читал Евангелие или жития святых, а отец объяснял прочитанное. Чтение это и беседы производили на детей глубокое впечатление.

Когда нет живых духовных руководителей, их заменяют в какой-то мере книги. Преосвященный Игнатий (Брянчанинов) в дни своей юности любил читать жизнеописания великих святых. Это чтение оказало на него решающее влияние. В своих записках он пишет, обращаясь к Богу: «Твои Пимены, Сисои и Макарии пленили мою душу». И, рано поняв красоту души и подвига великих святых и полюбив их, еп. Игнатий не дал завлечь себя соблазнам мира и еще юношей вступил на иноческий путь.

Игуменья Арсения рассказывает, что в детстве ее так пленили подвиги Марии Египетской, что она однажды ночью сделала попытку бежать из дома в пустыню. По рассказу одной инокини, поворотным моментом в ее жизни было чтение книги еп. Феофана Затворника «Что такое духовная жизнь и как на нее настроиться», которую она с увлечением прочла 14-ти лет.

Хорошие книги – это лучшие наши друзья и наших детей. Будем сами посвящать им свое время и будем учить этому наших детей. Книги надо всегда предпочитать пустым разговорам. Хорошая духовная библиотека – это наиболее

ценное семейное сокровище. Не следует жалеть ни труда, ни средств, чтобы скопить этот духовный капитал. Она дает нам возможность в любое время беседовать с величайшими и мудрейшими из людей – с теми, в которых почивал Святой Дух. Этот духовный капитал неоскудевает: хорошие книги можно перечитывать много раз, и они не перестают питать нас духовно, согревать сердце и побуждать нас к добру примерами и обаянием духовной красоты.

Особенно это относится к чтению Священного Писания: сколько не перечитывай его, в нем будут находиться всегда новые, не замеченные ранее мысли – новая духовная пища. Священное Писание неисчерпаемо, как неисчерпаема истина. Поэтому истории из Священного Писания, так же как и жизнеописания святых, следует прочитывать с детьми не один раз, а периодически повторять их.

Следует выделить чтение Евангелия, которое производит особое действие на душу, как слова Самого Господа. Евангелие одухотворяет, как одухотворяет молитва. Прп. Серафим имел обыкновение каждый день прочитывать по одному евангелисту. Читал он Евангелие всегда стоя. Многие из подвижников так часто читали Евангелие, что знали его наизусть. Имеется много рассказов о том, как начало регулярного чтения Евангелия преображало и исцеляло душу человека.

Евангелие или лучше весь Новый Завет в хорошем переплете с соответствующими надписями-пожеланиями следует подарить каждому из детей как первый из подарков еще при крещении ребенка. И чтение Евангелия должно войти в ежедневную обязанность для взрослых детей. Если неудобно утром, то можно читать его вечером – перед молитвой.

«Кто сеет скуп, тот скуп и пожнет; а кто сеет щедро, тот щедро и пожнет», – говорит ап. Павел (2Кор. 9, 6). Каждая новая страница в духовной книге, прочитанная нашим ребенком – это доброе семя, брошенное в его душу.

Не будем же ленивы и беспечны: будем стараться усердно засеять эти семена. Господь Сам позаботится, чтобы эти семена взошли и созрела духовная жатва, когда, по Его

обетованию, «и сеющий и жнущий вместе радоваться будут» (Ин. 4, 36).

Глава 11. Освящение обстановки

Стан твой должен быть свят. Втор. 23, 14

Осквернение материи от действия темной силы и искусство наговора вещей, пищи и воды существовало давно и существует и поныне. Об этом имеются многочисленные рассказы в литературе, про это рассказывают и многие очевидцы. «Порча» – потеря здоровья, а часто и жизни; беды и несчастья распространяются от подобных оскверненных вещей, если им не была противопоставлена сила святости.

Учитываем ли мы все это в отношении обстановки, которая окружает наших детей? Освящены ли наши жилища? Вкушают ли наши дети освященный хлеб (просфоры, антидор, артос) и святую воду? Кто мешает нам давать их с утра детям каждый день, обеспечивая этим их здоровье, по словам старца Варнавы из Гефсиманского скита? Имеются ли в обстановке наших жилищ освященные предметы и изображения, невидимо действующие на наших детей, – крест, иконы, картины из Священной Истории, из жизни святых? Там, где нет в комнатах икон, там живут демоны, – говорят старцы.

Наличие подобной обстановки важно уже в младенческом возрасте, когда у ребенка складываются первые впечатления. Об этом так говорит еп. Феофан Затворник: «Пусть чувства получают первые впечатления от предметов освященных: икона и свет лампы – для глаз, священные песни – для слуха и проч. Дитя не понимает еще ничего из того, что у него перед глазами, но его глаз и слух привыкают к этим предметам, и они, предзанимая сердце, тем ставят вдали другие предметы. За чувствами и первые упражнения воображения будут освящены: ему легче будет воображать эти предметы, чем другие, таковы его первые сгибы».

С детства необходимо окружить ребенка знамением креста и как можно ранее приучить его владеть этим непобедимым оружием христианина: «Всякое дело начинайте крестным знамением», – советовал старец Варнава, упомянутый выше.

О том же пишет в «Письмах к мирянам» и старец Амвросий Оптинский:

«Необходимо позаботиться вкоренить в детях обычай почаще ограждать себя крестным знаменем и особенно перед принятием пищи и питья, ложась спать и вставая, перед выездом, перед выходом и перед входом куда-либо, и чтобы дети полагали крестное знамение не небрежно... а с точностью, начиная с чела и до персей, и на оба плеча, чтобы крест выходил правильно».

Применение крестного знамения вошло в практику уже с первых веков христианства. По свидетельству Тертуллиана, христиане полагали крестное знамение не только на себя – на чело, очи, уста и грудь, но также осеняли им одежду, постель, пищу, стаканы, утварь домашнюю и жилище; они делали его, если выходили из дома или снова возвращались домой, если начинали одеваться, садились за стол, ложились на постель, умывались или принимали баню.

О характере применения крестного знамения в IV веке имеется указание св. Ефрема Сирина, который пишет:

«Животворящим крестом осеняются наши дома, наши двери, наши уста, наша грудь, все наши члены. Этот крест вы, христиане, не оставляйте ни в какое время, ни в какой час; пусть он с вами будет во всех местах. Без креста ничего не предпринимайте; ложитесь ли спать или встаете, работаете или отдыхаете, едите или пьете, путешествуете на суше или плаваете по морю – постоянно украшайте все ваши члены этим живоносным крестом».

Поэтому будем всегда проверять: есть ли крест на груди у наших детей? Есть ли он у их кроваток вместе с изображением Божией Матери и святого, имя которого они носят? Будем вместе с тем приучать наших детей к такому применению креста, как это делали христиане в древности и как учит об этом св. Ефрем Сирин.

Следует помнить о том, что христиане первых веков старались иметь в доме или в специально устроенной при доме часовне мощи или частицы мощей мучеников. Эти святые мученики почитались как покровители семьи, и к ним

обращались члены семьи со всеми своими нуждами и невзгодами.

Очень поучителен для нас в отношении обстановки быт древнерусской благочестивой семьи. В домах такой семьи была особая молельная комната, в доме зажиточных – своя домашняя церковь. Весь красный угол каждой жилой комнаты посвящался многочисленным иконам. Иконы были в киотах, украшались драгоценными окладами, и перед ними теплились неугасимые лампы.

К большим праздникам все тщательно чистилось и украшалось. Картины и портреты в комнатах относились преимущественно к Священной Истории и духовным лицам. По существу, древнерусский быт благочестивой семьи был ближе к монастырскому укладу, чем к светской жизни.

Вот как описывается, например, быт царя Феодора Иоанновича:

«Феодор вставал обыкновенно в 4 часа утра и ждал духовника в спальне, наполненной иконами, освещенной днем и ночью лампадами. Духовник приходил к нему с крестом, благословением, святою водой и с иконою угодника Божия, празднуемого в тот день Церковью. Государь кланялся до земли, молился вслух минут десять или более, шел к царице и вместе с нею к утрени... в 9 часов ходил к литургии... вечером – ходил опять в церковь к вечерне... ночью, готовясь ко сну, опять долго молился с духовником и ложился с его благословением» (Рассказы о Русской Церкви. М. Толстой).

Как видно из этого описания, это был в значительной степени монастырь в миру. И стареющее поколение таких благочестивых семейств, как правило, принимало монашество на склоне лет или на одре – при опасной болезни.

Вот та среда, в которой возрастали молодые поколения древнерусского Православия. И, подражая древнерусскому благочестивому быту, родители всю жизнь ребенка должны обставлять обычаями Церкви. Сюда относятся, по указанию еп. Феофана Затворника («Путь ко спасению»), «частое ношение детей в церковь, прикладывание к св. кресту, Евангелию, иконам, накрывание воздухами; так же и дома – частое

подношение под иконы, частое осенение крестным знамением, окропление св. водою, курение ладаном, осенение крестом колыбели, пищи и всего прикасающегося к детям, благословение священника, приношение в дома икон из церкви и молебны.

Вообще все церковное чудным образом возгревает и питает благодатную жизнь дитяти и всегда есть самая безопасная и непроницаемая ограда от покушения невидимых темных сил, которые всюду готовы проникнуть к развивающейся только душе, чтобы своим дыханием заразить ее».

Эта зараза, на которую указывает еп. Феофан, может заключаться и в отдельных предметах, окружающих ребенка. И насколько необходимо отовсюду окружать нашего ребенка всем святым, настолько же нужно и оберегать его от всего нечистого и скверного – богоборческих и безнравственных книг, соблазнительных рисунков, картин и скульптурных изображений. Их недопустимо держать в доме. Известен рассказ про святого, которого обошла Божия Матерь (в видении) только потому, что на его полке лежала еретическая книга.

Будем же помнить, что святость и Дух Божий несовместимы со скверной. Необходима духовная чистота атмосферы, в которой растут наши дети, и тогда от них никогда не отступят их ангелы хранители и их будут посещать святые.

Особую заботу должны проявлять родители к обстановке тех комнат, в которых спят дети, и уголков, где они проводят свое время – играют или занимаются. Пусть жизнь их проходит под постоянным осенением образов, освещенных светом неугасимых лампад. Пусть перед своими глазами они всегда видят Господа Иисуса Христа, Божию Матерь, и своих ангелов, и семейных святых.

Одного старца спросили, как воспитывать в себе чувство всегдашнего присутствия Господа. Старец посоветовал поместить в комнате хорошее изображение Господа во весь рост в натуральную величину. Поэтому чем крупнее иконы, чем более места занимают они по стенам вместе с духовными картинами, тем прочнее будут в душе детей господствовать светлые образы.

Епископ Феофан Затворник пишет: «Когда таким образом родители оградят колыбель своего дитяти этим духом искреннего благочестия, когда при этом, с одной стороны, ангел хранитель, с другой – Святые Таины и все церковное будут действовать на него со вне и внутрь, то этим составитя вокруг зачинающейся жизни сродная ей духовная атмосфера, которая перельет в нее свой характер, подобно тому как и кровь, начало жизни животной, в свойствах своих много зависит от окружающего воздуха. Говорят, что вновь приготовленный сосуд хранит долго, если не всегда, запах того вещества, которое волеют в него в ту пору» («Путь ко спасению»).

«Стан твой должен быть свят», – заповедовал Господь Своим избранникам еще в Ветхом Завете. Очевидно, что то же условие имеет место и для пребывания и в наших семьях Духа Святого Божия.

Приложение к главе 11-й

Интересен рассказ – свидетельство одного священника о несовместимости святости и осквернения.

Ему в момент крещенского водоосвящения одной женщиной была подана бутылка с водой, с просьбой освятить и эту воду. Священник не мог погрузить крест в бутылку и поэтому влил в нее уже освященной ранее воды. Но едва святая вода коснулась воды, ранее бывшей в бутылке, как последняя разлетелась в руках священника.

На вопрос священника, что за вода была в бутылке, женщина сказала, что это была наговоренная вода. Эта вода предназначалась для сына женщины, чтобы приворожить его к одной девушке, на которой она хотела его женить. Но женщина побоялась применять наговоренную воду и для безопасности решила ее предварительно освятить.

Соблюдение детей от соблазнов мира

Глава 12. Ограждение от людей мира

Выходите из среды его...Ис. 52, 11

Вместе с заботой о создании светлой, духовной материальной среды в окружении детей следует также позаботиться и о возможности тщательного сбережения детей от разлагающей душу темной силы греха и душевного порока. Закон взаимного влияния одинаково приложим и для доброго и злого. «Обращающийся с мудрыми будет мудр, а кто дружит с глупыми, развратится», – было сказано еще около четырех тысячелетий назад Соломоном – мудрейшим из людей(Притч. 13, 20).

Душевная болезнь так же заразительна и опасна для окружающих, как и физическая, в особенности для слабых, неокрепших духовно организмов.

Может быть, некоторые думают, что душевному организму нужна, как и телесному, закалка. Но если телесная закалка при недостаточной осторожности может кончиться заболеванием, то душевная совершенно недопустима как связанная с опасностью погубить душу от соблазна. И хотя соблазны и попускаются людям, так как, по словам Господа «надобно прийти соблазнам», но вместе с тем Господь запрещает самим людям соблазнять – искушать друг друга, говоря: «Горе тому человеку, через которого соблазн приходит» (Мф. 18, 7).

Преосвященный Игнатий (Брянчанинов) сравнивает среду мира и среду монастыря с возрастанием растений в поле и в питомнике. Наилучшие и красивейшие экземпляры вырастают только в питомниках: там достигается это специально подобранными условиями для выращивания. Пусть цветы из питомника не так выносливы, но они прекрасны. Вместе с тем они защищены там от всех напастей, стихий.

Так Господь защищает души иноков от осквернения и соблазнов мира и очищенные души в свое время переносит в Свой вечный сад – в Небесное Царство. Он любит духовную красоту и Сам создает условия для ее развития: как некогда,

так и теперь «благая часть» не отнимется «от Марии» (Лк. 10, 42).

Будем же и мы оберегать, насколько можем, Господни цветы – чистые души наших детей – от всех скверн мира и от всех носителей скверны.

О сбережении себя от людей языческих воззрений наставляли первых христиан св. апостолы. Так, ап. Павел в Послании к Коринфянам пишет: «Не обманывайтесь: худые сообщества развращают добрые нравы» (1Кор. 15, 33), – и далее: «Какое общение праведности с беззаконием? Что общего у света с тьмою? Какое согласие между Христом и Велиаром? Или какое соучастие верного с неверным? Какая совместность храма Божия с идолами? Ибо вы храм Бога живаго...» (2Кор. 6, 14–17).

Так же пишет в послании ап. Иоанн (2Ин. 1, 10–11): «Кто приходит к вам и не приносит сего учения (т. е. исповедания Христа), того не принимайте в дом и не приветствуйте его. Ибо приветствующий его участвует в злых делах его».

Примером точного соблюдения апостольских указаний является благочестивая Нонна – мать Григория Богослова. По рассказу последнего, она никогда не обменивалась пожатием рук с языческой женщиной и не садилась за стол для вкушения пищи с язычниками. Следует вспомнить также, что в первые века христианам запрещалось участвовать в языческих пиршествах.

Если общение с активными атеистами небезопасно для мало просвещенных духовно христиан, то тем более оно опасно и может быть губительным для детей.

Заботу о чистоте веры, в которой росли их дети, прилагали многие праведники и подвижники благочестия. Так, например, внучка св. Филарета Милостивого (память 1 декабря), ставшая впоследствии женой Константинопольского императора Константина IV Порфирородного, воспитывалась в полном уединении. «До вас она не видела никого постороннего», – сказал про нее св. Филарет послам, объезжавшим Греческую империю для выбора достойнейшей невесты императору.

Московский благочестивый купец Путилов, живший в начале прошлого столетия, сам обучал своих сыновей, так как боялся дурного влияния на них в школе сверстников. Его заботы и труды оправдались в полной мере: все три его сына пошли в иноки и впоследствии стали известными игуменами трех монастырей (Исаия Саровский, Моисей Оптинский и Антоний Малоярославский). Такие примеры заслуживают внимания.

И если двери христианской семьи должны быть широко открыты для боголюбцев, то они должны быть закрыты для людей, живущих философией безбожия. Должны быть закрыты и для тех, кто, называя себя христианином, на деле распинают Христа, не гнушаясь смертными грехами. Об этом так пишет ап. Павел: «Я писал вам не сообщаться с тем, кто, называясь братом, остается блудником, или лихоимцем, или идолослужителем, или злоречивым... или пьяницею, или хищником; с таким даже и не есть вместе. Итак, извергните развращенного из среды вас» (1Кор. 5, 11–13).

При этом ап. Павел допускает поверхностное общение с окружающим нехристианским миром, «иначе, – пишет он там же, – надлежало бы вам выйти из мира сего» (5, 10). Очевидно, что здесь надо проводить резкую границу между вынужденными деловыми отношениями с людьми и добровольным тесным общением. Поэтому надо проявлять осторожность при приглашении в семью знакомых, при подборе для детей товарищей по играм и при приеме в семью домашних работников.

Оправданием общения с беззаконниками и атеистами не может служить и родственная связь: мы знаем, что Господь родство считает не по плоти, а по духу: «Ибо, кто будет исполнять волю Божию, тот Мне брат и сестра и мать» (Мк. 3, 35). Поэтому принятие, например, в семью для совместного жительства стариков, в том числе бабушек и дедушек или сирот из близких родных, можно делать лишь с благословения духовных отцов. И случается, что последние отказывают в благословении из-за опасности нарушения благочестивого и мирного уклада семьи близкими по плоти, но далекими по духу людьми.

И единственным оправданием нашего общения с близкими нам по плоти и не желающими знать Бога может быть лишь исполнение заповедей любви и милосердия, выполнение которых обязательно по отношению ко всем без исключения, по заповедям Спасителя (*Мф. 5, 42–48; Лк. 10, 36–37*). Однако, в этом случае мы не должны приближать к себе таких родных и общение с ними следует ограничить необходимостью.

Об осторожности в этом отношении так пишет в одном письме старец Амвросий Оптинский («Письма к мирянам»): «В большие толки с братом своим не пускайтесь. Желая ему принести душевную пользу, остерегайтесь, как бы не повредить и себе. Знайте, что вы через брата должны будете в таком случае выслушивать глубины сатанинские, т. е. пагубные вражия возражения и сомнения, которые он изобретал в продолжение восьми тысяч лет. В силах ли будем опровергать это? И можем ли без вреда выслушивать?»

Итак, осмотрительность в выборе тесных знакомств и связей необходима, как ради нас самих, так еще в большей мере ради наших детей. Она была обязательна еще для евреев Ветхого Завета. И за воздержание в этом отношении уже тогда была обещана высокая награда: «Выйдете из среды их и отделитесь, – говорит Господь, – и не прикасайтесь к нечистому и Я приму вас» (*Ис. 52, 11*). «И буду вам Отцем и вы будете Моими сынами и дщерями», – говорит Господь Вседержитель (*Иер. 3, 19; Ос. 1, 10; 2Кор. 6, 17–18*).

Глава 13. Ограждение от книг мира

Горе миру от соблазнов. *Мф. 18, 7*

Вместе с заботой о подборе для детей хорошей духовно питающей литературы следует оберегать их от книг, могущих неблагоприятно повлиять на их души.

Из литературы для детей младшего возраста следует обратить внимание на сказки. Есть много сказок и рассказов, где автор выводит бесов в шутливом тоне (например, Гоголь). На первый взгляд – что особенно плохого может быть в таких сказках?

Диавол и его темные полчища – враги человека, по словам Самого Господа(*Мф. 13, 28*), и поэтому нельзя рисовать их детям в качестве глуповатых или смешных существ. При правильной духовной настроенности христианин должен быть всегда бдительным против своего врага и не обманываться в отношении его силы, злобы, коварства. Прп. Серафим говорил, что если бы благодать Божия не охраняла людей, то сатана одним ногтем смел бы с лица земли все человечество.

Привитие же с детства пренебрежительного отношения к темной силе притупляет в дальнейшем нашу бдительность и ведет к тому, что христиане не учатся борьбе с темной силой, ставящей себе цель – лишить человека радости вечного блаженства. Кроме того, само произношение при чтении богопротивного имени нельзя одобрять, это может привести к привычке употреблять его легкомысленно в разговоре.

Вместе с тем детям младшего возраста нельзя рисовать бесов в их истинном свете, так как это будет устрашать детей и делать их пугливыми. Для маленьких детей вообще не должно существовать этой темной стороны жизни. Когда дети подрастут и не будут пугливы, тогда надобно рассказать им про истинный характер темных сил и про способы борьбы с ними, пользуясь для этого литературой с описанием богатого опыта святых и подвижников в этом отношении.

Особенно тщательно следует оберегать детей всякого возраста от чтения книг кощунственного характера, богоборческих, безнравственных и сеющих нечистые образы. Чтение богоборческих книг недопустимо не только для детей, но и для взрослых: наша вера – дар Божий, так как «никто не может назвать Иисуса Господом, как только Духом Святым», – пишет ап. Павел(*1Кор. 12, 3*).

Поэтому испытывать крепость своей веры чтением богоборческих книг грешно по заповеди Спасителя – «Не искушай Господа Бога Твоего» (*Мф. 4, 7*). Известен рассказ про Антония Великого, который убежал от пришедшего к нему еретика: таким образом, даже великий святой не рисковал испытывать крепость своей веры.

Нечистые же образы безнравственных книг способны так глубоко западать в душу, что могут жить там до смерти и не исчезают из памяти, грязня наше воображение. Поэтому один греческий мудрец говорил: «Я не столько хотел бы иметь дар хорошей памяти, сколько способность забывать».

Но не только подобная литература вредна для наших детей. Всякая книга, написанная безбожником, носит отпечаток безбожного мирозерцания ее автора и в какой-то мере побуждает читателей смотреть на мир его глазами. Блаженный Иероним так пишет одной матери: «Оберегайте дитя свое от всех чтений, которые вносят в недра христианской души понятия и вкусы языческие». Поэтому родителям следует учитывать отрицательное влияние значительной части современной детской литературы.

Возьмем, например, сочинения Марка Твена, который считается детским классиком и которым зачитываются все мальчики.

В произведениях «Приключения Тома Сойера» и «Приключения Гекльберри Финна» Марк Твен выводит яркие типы двух мальчиков, которые в глазах молодого поколения овеяны героизмом. На первый взгляд, им свойственен ряд положительных черт характера: мужество, самостоятельность, сострадание к обиженным. Этим мальчикам, вероятно, будут подражать многие молодые читатели.

Но на самом деле здесь выводятся дети антихристианского характера, у которых тление греха прикрыто личиной доблести. Для мальчиков не существует религии и Бога: непослушание и обман – основные черты их поведения по отношению к старикам. Мальчики курят, воруют куриц, вступают в яростные драки, и все это возводится автором в какую-то доблесть.

В книгах М. Твена встречаются рассуждения относительно молитв и Промысла Божия, полные насмешек над религией.

В произведении «Принц и нищий» Марк Твен среди ряда светских людей выводит одно духовное лицо – отшельника, но он выводится безумным и грозит смертью принцу.

В произведении «Гимназисты» Н. Г. Гарина описывается, как постепенно мальчик сбрасывал с себя «цепи религии».

Окончательно потеряв веру, гимназист (очевидно, сам автор) иронически говорит: «Мне говорили, что без религии нет морали; а вот я не верю, но не имею потребности ни убивать, ни грабить». И «оправдана премудрость чадами ее» (Мф. 11, 19). (Впрочем, в дальнейшем автор сам опровергает себя. Его герой-гимназист, ставший студентом, начинает свою половую жизнь насилием над горничной. Вероятно, здесь автор не постеснялся нарисовать картину из своей личной жизни, ярко характеризую героя, сбросившего «цепи религии». Прим. авт.)

Один из приемов сатаны для достижения обладания душой человека – это заставить его забыть о Боге. «Трепещу, – пишет св. Василий Великий, – чтобы по невнимательности ума или по занятию суетным не отпасть от любви к Богу. Ибо тот, кто ныне обольщает нас и мирскими приманками старается произвести в нас забвение о Благодетеле, к погибели душ наших ругается». И не ругается ли так громадная масса современной беллетристики, в том числе и детской?

И нельзя закрывать глаза на то, что подобная литература, написанная авторами безбожного мирозерцания, будет если не отравлять, то во всяком случае подавлять духовную жизнь детей.

Родители не в силах в полной мере уберечь от соблазна своих детей, и чем старше становятся дети, тем труднее это делать. Но и здесь, как и во всех сторонах воспитания, родители должны сделать все от них зависящее. Прежде всего они должны сами подбирать для детей ту литературу, о которой говорилось в 10-й главе и которая питала бы детей духовно. При недостатке такой литературы (а ее сравнительно мало) следует подбирать такие книги, которые были бы написаны если не живыми по духу христианами, то хотя бы не врагами христиан и были бы по духу близки к христианству (например, Диккенс). «Кто не против вас, тот за вас», – сказал Господь (Лк. 9, 50).

В отношении же писателей вроде Марка Твена, Уэлса и т. п. надо стараться, чтобы такой литературы дети читали меньше и по возможности менее, чем здоровой по духу.

Вместе с тем надо раскрывать детям истинное лицо ее авторов и ее героев, их безумие («Сказал безумец в сердце своем: нет Бога» , *Пс. 13, 1*) и порочность их мирозерцания. Книги же богоборческого духа, вроде «Гимназистов» и «Студентов» Н. Г. Гарина-Михайловского, должны тщательно устраниваться и не попадать в руки детям.

Говоря о современном увлечении светской литературой, старец Амвросий Оптинский дает такой совет одной воспитательнице: «В благие минуты можно сказать питомице, что она как христианка кроме журналов должна читать духовные книги и на слово не верить всякому вздору без разбора – что можно родиться из пыли и что люди прежде были обезьяны».

Из этих слов старца Амвросия видно, что опасность соблазна грозит нашим детям и от той части современной науки (точнее, лженауки), преподаваемой в школах, которая носит явно богоборческий характер, сеет ложь и оболъщение мнимым могуществом человеческого разума.

Современные христиане находятся в отношении обучения детей в том же положении, что и первая христианская Церковь среди господствовавшего языческого мира. И тогда христианские наставники предупреждали детей о необходимости критически относиться к материалу, который им преподавали.

В сочинении «К юношам о том, как пользоваться языческими сочинениями» св. Василий Великий пишет: «Не без разбора брать от языческих учителей, а только полезное. Ибо стыдно, отвергая вредное в пище, не делать никакого разбора в науках, которые питают нашу душу».

Основным противоядием языческой философии христианские родители считали благочестивое воспитание в семье и старались помимо школы сами давать духовное образование детям.

Так воспитывался, например, Ориген. Когда он был мальчиком, отец ежедневно заставлял его заучивать Священное Писание и потом пересказывать. Эти занятия увлекали Оригена, и он удивлял отца своими богословскими вопросами. Отец был счастлив успехами и духовным

настроением мальчика. По рассказам отца он нередко ночью тайком открывал грудь Оригена и целовал ее как «святилище Духа Божия».

Будучи еще 16-летним отроком, Ориген уже укреплял своего отца Леонида-исповедника и сам стал бы добровольно мучеником, если бы не был насильственно удержан от этого матерью, которая, не надеясь на свои уговоры, прятала его одежду. Не имея поэтому возможности выходить из дома, он писал в тюрьму своему отцу и просил не тревожиться за будущность его большой и материально бедной семьи. Когда Леонид был обезглавлен за исповедание Христа, 16-летний Ориген начал преподавать и стал опорой матери и шести младших братьев.

Для таких, каким был юноша Ориген, не могла быть опасной языческая школа. И у нас духовное воспитание детей должно стать основным средством для сбережения их от влияния атеизма из лженауки и литературы. Укрепляя веру наших детей всеми доступными нам способами (Таинства, молитва, духовная среда и духовное чтение), мы можем рассчитывать на обетование Спасителя для уверовавших в Него: «И если что смертоносное выпьют, не повредит им» (Мк. 16, 18).

Глава 14. Сохранение от пристрастий мира

Не сотвори себе кумира. Втор. 5, 8

«Никто не может служить двум господам: ибо или одного будет ненавидеть, а другого любить; или одному станет усердствовать, а о другом нерадеть. Не можете служить Богу и маммоне» (Мф. 6, 24). Так предупреждает нас Господь.

Маммона – золотой телец – один из кумиров падшего человечества. Пристрастием к земным благам могут заразиться наши дети и заразиться от нас, их родителей, если мы не свободны вполне от этого порока.

Собирание материальных ценностей под каким-либо предлогом – это недоверие Богу, это нарушение заповедей Господних. Копление – это ограбление тех бедных и нуждающихся, которые могли бы изжить свою нужду при

помощи скопленных ценностей. Это прямое нарушение повеления Спасителя «продавайте имущества ваши» (Лк. 12, 33). Поэтому страшно богатство для души христианина, по словам Господа (Мф. 19, 23).

Но не только маммона – богатство, пристрастие к роскоши и комфорту – является кумиром современного человечества. Для многих таким кумиром, заменяющим Бога, стали достижения науки и прогресс техники. Вот то, что, по мнению многих современников, может сделать человечество счастливым, чему следует отдавать все свои силы и все свое внимание, во что можно верить.

Молодежь склонна поддаваться подобным господствующим идеям и обольщаться «чудесами» техники. Пусть родители не забывают указывать детям на истинную ценность такого прогресса: человек овладел воздухом – и вот рушатся города от тысячи бомб, сброшенных с аэропланов; человек проник в воду – и тонут корабли от подводных лодок; человек проник в тайны строения материи – и создаются заводы по производству атомных бомб и отравляющих веществ.

Конечно, и наука может быть направлена не на служение сатане, но Богу. И нет сомнения, что истинная, не богоборческая наука расширяет наше познание о Творце мира. «Ибо, – по словам ап. Павла, – невидимое Его, вечная сила Его и Божество, от создания мира через рассматривание творений видимы» (Рим. 1, 20).

Но не в светской науке, однако, лежит кратчайший путь к цели жизни христианина – к стяжанию Духа Святого, к богообщению. И как один из видов богатства светская наука обольстительна и может стать кумиром, заменяющим Бога. И в этом случае «трудно богатому войти в Царство Небесное» (Мф. 19, 23).

Не напрасно обличает ап. Павел будущие для него и настоящие для нас поколения людей последнего времени, которые «противятся истине, люди, развращенные умом, невежды в вере» (2Тим. 3, 8). Следует помнить, что первыми встретили Христа на земле неученые пастухи; мудрые волхвы поклонились Ему много позднее.

Будем же опасаться за детей при их занятиях науками и молить Бога о том, чтобы, по словам ап. Павла, их «умы не повредились, уклонившись от простоты во Христе» (2Кор. 11, 3). Следует учитывать также, что усиленное занятие наукой может слишком много занять у детей времени и внимания, от чего может ослабнуть их духовная жизнь. Крайность в этом отношении вредна – не будем забывать заповеди Спасителя: «Отдавайте кесарево кесарю, а Божие Богу» (Лк. 20, 25).

Пусть же свято сохраняется у детей посвящение Богу воскресных и праздничных дней с обязательным посещением богослужения и пусть ненарушимы остаются те минуты в течение дня, которые посвящены утренней, вечерней молитве и духовному чтению.

Чрезмерные умственные занятия вредно отражаются на здоровье детей и ведут к переутомлению нервной системы. Противодействием этому должны служить прогулки и подвижные игры на воздухе в раннем возрасте и физический труд в более старшем.

Особенно осторожно надо загружать учением тех детей, в которых ясно замечается склонность к духовной жизни. Этим избранников Божиих надо питать всего более духовно.

Так, старец Амвросий Оптинский не позволял обучать французскому языку двух девочек-сироток, проявивших склонность к уединению и молитве.

Кроме науки дети и юноши могут увлечься занятиями искусством и поэзией. Здесь та же опасность: искусство и поэзия ревнивы так же, как и наука, и так же требуют очень многого от человека. Счастье, если наряду с талантом к музыке, живописи, поэзии или литературе в ребенке засеяны и растут всходы духовной жизни. Тогда он свой талант посвятит Богу и употребит с пользой для души, как употребляли его, например, св. Иоанн Дамаскин, художники Васнецов, Нестеров, Поленов и многие духовные композиторы.

Но горе, если его талант будет служить угождению низменного вкуса и прихотям толпы. Прп. Серафим говорил: «Только дела, совершаемые ради Христа, приносят пользу для христианина».

Пусть вспомнят тогда родители таких даровитых детей слова Христа: «И если правая твоя рука соблазняет тебя, отсеки ее и брось от себя, ибо лучше для тебя, чтобы погиб один из членов твоих, а не все тело твое было ввержено в геенну» (*Мф. 5, 30*).

Нам вспоминается судьба двух чистых молодых девушек, воспитанных благочестивой няней. После смерти няни их окружила типичная светская среда, которой не было дела до Бога. В талантливых девушках проявились склонности: у одной к балету, у другой к драматической сцене.

Но, видно, крепко любила их няня. Можно думать, что, уже будучи за гробом, она вымолила у Бога чистоту их девических душ. И обе они – одна за другой – в ранней юности были взяты от мира. Горько рыдала мать, а ей надо было бы благодарить Господа и скорбеть о своих ошибках воспитания.

Остается упомянуть об увлечении юношей спортом, понимая под последним усиленную тренировку каких-либо физических способностей. На бесполезность таких занятий указывает ап. Павел: «Телесное упражнение мало полезно, а благочестие на все полезно, имея обетование жизни настоящей и будущей» (*1Тим. 4, 8*).

Это, однако, не относится к подвижным детским играм на воздухе, катанью на коньках, на лыжах, на лодке, плаванью, которые укрепляют тело детей.

Св. Макарий Великий говорит: «К чему привязано сердце человека и к чему влечет его пожелание, то и бывает для него Богом».

И чем бы ни занимались дети: наукой, техникой, искусством – родители должны внимательно следить за тем, какое место занимают в сердце детей эти занятия.

Следует бояться того, чтобы что-либо не стало для детей кумиром, отдалило их от Бога, заглушило рост духовной жизни. Это признак духовной болезни, с которой надо бороться. Это признак нездоровой атмосферы, окружающей детей, недостаточности их духовного воспитания.

Пусть сделают родители в этом случае все возможное для исцеления, исправления сделанных ими ошибок или упущений,

усердно прося помощи у Бога.

Ап. Павел пишет: «Все мне позволительно, но не все полезно; все мне позволительно, но ничто не должно обладать мною» (1Кор. 6, 12).

Приложение к главе 14-й

Мальчик мой милый в коротких штанишках,
Я ухожу, а ты остаешься.

И будут твердить тебе устно и в книжках,
Что ты перестройки всемирной добьешься,
Что ты полетишь на другие планеты,
Поставишь на службу расщепленный атом,
У космоса новые вырвешь секреты

И сделаешь мир бесконечно богатым,
Что ты чудодейством техники брызнешь
На все, что подвержено смерти и горю,
И люди придут к ослепительной жизни
Не где-то, когда-то, но близко и вскоре.

Мой милый, мой бедный доверчивый мальчик,
Все это – игрушки, твое обольщение.

Чем дольше играешь, тем дальше и дальше
Отводится час твоего просветленья.

Но смерть приведет этот час за собою.

Поймешь ты – да поздно, уж силы иссякли, –

Что целую жизнь ты напрасно построил –
Удобное кресло к финалу спектакля,

Что путь твой был предков извечной тропинкой,

Что двигался, дедов своих не догнав, ты,

Хотя они шли в большинстве по-старинке,

А ты пролетел в корабле астронавта.

И вот уже смерти все сущие двери.

Войдешь в них и ты со всемирным теченьем

И скажешь: «Зачем я, зачем я не верил,

Что жизнь – это к Вечности приготовленье?

Зачем не собрал я богатство другое –

Сокровища сердца? Они б не иссякли...

Ведь целую жизнь я бессмысленно строил

Удобное кресло к финалу спектакля».

Глава 15. Ограничение развлечений

Чтобы жить тихо...1Фес. 4, 11

Общение Бога и человеческой души совершается лишь в условиях тишины, мира, глубокого спокойствия и сосредоточенности.

Для этого люди, особенно сильно стремившиеся к Богу, бежали в пустыни, уединялись в затворы, уходили от мира за монастырские стены. По свидетельству тайновидца, жена – Новозаветная Церковь Христова – бежала в пустыню, спасаясь от дракона (Откр. 12, 6).

Почему же трудно иметь общение с Богом среди мира?

Господь сказал апостолам: «Се, сатана просил, чтобы сеять вас, как пшеницу» (Лк. 22, 31). И это трясение мира в решете сатаны совершается чем далее, тем с большей яростью. Нарастают бедствия, пышно расцветают соблазны: мир богатеет благами и комфортом, а на фоне материального прогресса и развития светской науки ширится отступление и противоборство Христу.

И как имеются на земле два магнитных полюса – две противоположности, так существуют они и духовно в среде душ человеческих. Один полюс – это уход от мира душой, вместе с ап. Павлом распинание в себе мира (Гал. 6, 14), искание Царствия Божия внутри себя (Лк. 17, 21).

Другой – это погружение себя в решето сатаны – в вихрь мирской суеты с жадой развлечений и удовольствий, с боязнью остаться наедине с самим собою и заглянуть в свою душу.

Последнего не хочет позволить нам сатана. Как говорит св. Макарий Великий, цель сатаны в том, чтобы «отвлечь ум наш от памятования о Боге и от любви Божией, употребляя к тому земные приманки и от действительно прекрасного отвращать нас к мнимо прекрасному» («О хранении сердца»).

Сатана вместе с тем не хочет обнаружить свою власть над плененной им человеческой душой. Не замечает этой власти мир, находящийся в трясении. А воздействие сатаны можно увидеть лишь в тишине – в молитве. Тогда обнаруживается туча помыслов, препятствующих молитве, открывается «мысленный

шум», как называют наш умственный плен св. отцы. И лишь тогда может начаться «невидимая брань» с сатаной – стремление через двери сердца приблизиться к Царствию Божию, которое, по словам Спасителя, «внутри вас есть» (Лк. 17, 21).

Поэтому сатана ненавидит тишину и не хочет позволить человеку оставаться с самим собою, развлечениями отвлекая его от мыслей о цели жизни, смерти и суетности земных удовольствий.

Как должны мы, родители, ограждать наших детей от этого решета сатаны, как помочь им открыть наш внутренний плен и создать условия для успеха во внутренней «невидимой брани»?

Если у родителей есть возможность выбора жительства между городом и деревней, то предпочтительнее выбрать деревню. Там менее соблазнов, развлечений и суеты. Там легче создать для детей тихую трудовую жизнь, легче привить вкус к хорошей серьезной книге, сроднить с природой, приучить к нерассеянной молитве. Там больше будет у них времени, чтобы задуматься о Боге и о вечности. Там ближе к ним будет Небесная Торжествующая Церковь и образы великих святых и праведников. Старец Амвросий Оптинский часто говорил мирянам: «Жить можно и в миру, только не на юру, а жить тихо».

В истории Церкви можно встретить много примеров воспитания детей в уединении и тишине. Это обуславливало всегда высокие духовные достоинства детей. Следует вспомнить прежде всего, что Спасительница рода человеческого – Божия Матерь с трех лет жила при храме в полном уединении. Также при храме с трех лет рос и пророк Самуил, посвященный Господу своей матерью Анной еще до зачатия (1Цар. 1–2). В полном уединении воспитывалась дочь св. Филарета Милостивого – греческая царица, о которой говорилось уже ранее (в 12 главе).

Много труднее духовное воспитание детей в городе с его развлечениями – театрами, кино и т. п. Рано или поздно туда будут проситься и дети. Как относиться родителям к этим просьбам?

Подойдем к этому вопросу с осторожностью и сначала ответим себе: насколько развлечения для взрослых согласуются с духом учения Христа?

Первым призывом Христа при начале Его проповеди был призыв к покаянию: «Исполнилось время и приблизилось Царствие Божие: покайтесь» (Мк. 1, 15). Его первыми заповедями были заповеди блаженства, в которых говорится: «Блаженны плачущие» (Мф. 5, 4). И не только звал Господь, но и предупреждал отвергающих покаяние и ведущих легкомысленную жизнь: «Горе вам, смеющиеся ныне! ибо восплачете и возрыдаете» (Лк. 6, 25). В Царствие Божие Господь указывает путь лишь через тесные врата (Мф. 7, 13). Он говорит также: «Кто не возненавидит... и самой жизни своей, тот не может быть Моим учеником» (Лк. 14, 26). Что говорят эти слова, если глубоко вдуматься в них?

К отвержению от мира с его удовольствиями единодушно призывали и апостолы Христовы: «Юноши... не любите мира, ни того, что в мире: кто любит мир, в том нет любви Отчей. Ибо все, что в мире: похоть плоти, похоть очей и гордость житейская», – призывает ап. Иоанн (1Ин. 2, 14–16).

«Смех ваш да обратится в плач... дружба с миром есть вражда против Бога», – говорит ап. Иаков (4, 9, 4). «Я вам сказываю, братия... время уже коротко, так что... радующиеся должны быть как не радующиеся; и покупающие, как не приобретающие; и пользующиеся миром сим, как не пользующиеся: ибо проходит образ мира сего», – пишет ап. Павел (1Кор. 7, 29–31). Но относится ли все это к детям?

Здесь надо помнить, что лишь то разовьется у детей впоследствии, склонность к чему была заложена у них в раннем возрасте. Наша обязанность – приучить детей с раннего возраста к тихой жизни. Тогда в них может развиваться сосредоточенность, внимательность к своему внутреннему миру и появиться вкус к духовным переживаниям, к тихим радостям, к жизни в Боге. Всему этому нет места в жизни, полной шума, удовольствий и развлечений.

Епископ Феофан Затворник пишет:

«Молодой цветок, посаженный там, где со всех сторон дуют на него ветры, немного потерпит и засохнет; трава, по которой часто ходят, не растет; часть тела, которую подвергают долгому трению, немеет. То же бывает и с сердцем и с добрыми в нем расположениями, если предаться мечтам, или пустому чтению, или развлечению. Кто долго стоял на ветру, особенно сыром, тот, зашедши в затишье, чувствует, что все в нем, как не на своем месте; то же бывает и в душе, развлекшейся каким бы то ни было образом. Возвратившись из рассеяния в себя, юноша находит в душе своей все в извращенном порядке, а главное – некоторым покрывалом забвения задерживается все доброе, и на первом плане стоят одни прелести, оставленные в душе впечатлением... Отчего, возвратившись в себя после какого-нибудь рассеяния, душа начинает тосковать? Оттого, что находит себя обкраденною. Рассеянный сделал душу свою большою дорогою, по которой через воображение, как тени, проходят соблазнительные предметы и манят за собою душу» («Путь ко спасению»).

Однако из этого еще не следует, что все удовольствия и развлечения должны быть запрещены детям, как не могут быть запрещены им разумные игрушки, игры. Принуждение не в духе Христа: «Милости хочу, а не жертвы» (Мф. 9, 13), – говорит Господь и зовет к полной отданности Богу и чистоте жизни лишь «могущих вместить». И не запрещениями надо бороться с желаниями развлечения у детей.

Детям можно позволить ходить в театр или кино, однако не побуждая их к этому со своей стороны. «Ты гадишь своих детей», – упрекает старец Амвросий Оптинский одну женщину, толкавшую своих дочерей на развлечения и посещение театра. И, конечно, родители должны тщательно разбираться в постановках, выбирая те из них, которые наиболее подходящи, как, например, исторические пьесы и научные фильмы. Вместе с тем посещения детьми театра или кино должны быть не частыми и не совпадать с постами или канунами праздников.

Аналогично разрешается вопрос – надо ли учить детей танцам? Не надо запрещать им этого, если они этого хотят, но

отнюдь не побуждать их к этому. Св. отцы не благоволят к занятию танцами, вспоминая дочь Иродиады.

Внимательно должны следить родители за работой радио и телевизора, если они имеются в семье по просьбе детей. Нельзя допускать призыва к безбожию, безнравственных пьес или песен. Не должно звучать радио, когда дети занимаются уроками или читают: доказано, что раздвоение внимания очень вредно отражается на нервной системе.

При включении радио или телевизора следует учитывать то, что его принуждены будут слушать все в комнате (а часто и во всей квартире), в том числе те, кто этого не хочет. Эти члены семьи таким образом будут лишены тишины, возможности сосредоточиться, читать или молиться. Чтобы избежать этого, радио и телевизор должны выключаться по согласию всех членов семьи. Наличие в квартире телевизора может стать бедствием для христианской семьи и прежде всего для детей. Надо уберечь их от вредных для души фильмов и также соблазна постоянно развлекаться. Тем более, что длительное пребывание у телевизионного экрана вредит здоровью, в особенности зрению.

Во всем, и в отношении развлечений, родители прежде всего сами должны давать детям пример тихой, сосредоточенной жизни, посвященной самоотверженному служению ближним, жизни в страхе Божиим, жизни в Боге и с Богом.

И если нельзя в полной мере устранить детей от соблазнов мира, если нельзя наглухо запереть для них двери, уходящие вдаль от чистой, тихой радости духовной жизни, то пусть боятся родители сами толкать детей на развлечения мира, вспоминая слова Господа: «Горе миру от соблазнов, ибо надобно прийти соблазнам, но горе тому человеку, через которого соблазн приходит» (Мф. 18, 7).

Основы жизни христианина

Глава 16. Теснота пути

Входите тесными вратами. Мф. 7, 13

«Подвизайтесь войти сквозь тесные врата, ибо сказываю вам, многие поищут войти, и не возмогут» (Лк. 13, 24). Этими словами Господь предупреждает нас, что для достижения Царствия Небесного недостаточно одного желания, которое будут иметь многие, но необходимо обладать также навыком – умением идти в жизни тесным путем. В чем теснота этого пути?

Из воистину спасающихся христиан, идущих тесным путем, можно выделить две характерные категории, которые можно противопоставить и между которыми будут находиться все остальные христиане.

К одной из них принадлежат те христиане, которые сами, добровольно выбирают тесный путь духовного подвига – усиленной молитвы и воздержания, произвольной нищеты, самоотверженного служения ближним.

Старец Киево-Печерской Лавры иеросхимонах Парфений однажды обратился к Киевскому митрополиту Филарету с вопросом, который его тревожил: как он (Парфений) спасется, если не испытал ни от кого гонений, хотя Спаситель сказал: «Если Меня гнали, будут гнать и вас» (Ин. 15, 20)? То же подтвердили и апостолы: «Все, желающие жить благочестиво во Христе Иисусе, будут гонимы» (2Тим. 3, 12).

Высокопреосвященный успокоил старца, великого подвижника и аскета: «На что тебе гонения? Ты сам себя гонишь. Кто ныне пожелает жить твоей жизнью?»

И для этой категории спасающихся как для добровольных мучеников характерным является самопринуждение, которым они в той или иной мере избавляются от неизбежного для учеников Христа гонения со стороны.

Естественно, что характер принуждения будет различен в зависимости от того положения, которое христианин занимает в обществе. Для иноков – это подвиг усиленной молитвы, поста, уединения, затвора.

Для мирян это будут дела милосердия – самоотверженное служение ближним, забота о голодных, больных, заключенных. Такими, например, были жены, которые служили Господу «имением своим», Акила и Прискилла, которые «голову свою полагали» за душу ап. Павла (*Рим. 16, 4*), святой Филарет Милостивый, питатель нищих, сирот и убогих (память 1 декабря), доктор Гааз – печальник и отец заключенных.

Некоторые из таких мирян могли совмещать деятельное служение ближним и широкую благотворительность с подвигами поста и молитвы. Такими были, например, константинопольская чета – свв. Ксенофонт и Мария (память 26 января), св. Иулиания Лазаревская (жена воеводы), на которой лежала забота о 13-ти детях и хозяйство большого дома, благочестивая Нонна – мать св. Григория Богослова, которая напряженную практическую деятельность и любовь к делам милосердия умела сочетать с глубокой созерцательной жизнью, и многие другие.

Пример спасающихся из другой категории можно найти в жизнеописании прп. Серафима Саровского (Состав. Денисовым, с. 847.).

Его посетила одна мать многочисленного семейства, шедшая путем многих скорбей. Очень ласково встретил ее преподобный и говорил ей: «Нет тебе дороги хромать; тяжело тебе Ново терпение... все от Иова Господь взял, а потом все возвратил сторицею... Нет тебе дороги хромать».

По рассказу дочери этой многострадальной матери, вся ее жизнь сложилась на редкость многострадально: смерть мужа, несчастья с детьми, смерть многих из них, несчастные супружества дочерей, полное материальное разорение и нужда, как удар за ударом, поражали ее.

Но она не хромала, как духовно хромают те, которые идут в жизни легким путем или ропщут в скорбях. С полным смирением и терпением несла она свой тяжелый крест и с упованием вспоминала слова преподобного, что Господь все вернет ей, но, конечно, не как Иову – здесь, на земле, а там – в Небесном Царстве Христовом, где христианин собирает свои соколовища.

Вот пример нехромающего хождения тесным путем скорби, о неизбежности которого нас предупреждал Господь: «В мире будете иметь скорбь» (Ин. 16, 33). То же говорили и апостолы: «Многими скорбями надлежит нам войти в Царство Божие» (Деян. 14, 22).

О неизбежности тесного пути для христианина единодушно говорит и вся святоотеческая литература. Вот, например, слова прп. Исаака Сириянина(сл. 67 и 69):

«Путь Божий – ежедневный крест. Никто не восходил на небо, живя прохладно... Тем и отличаются сыны Божии от прочих, что живут они в скорбях; а мир гордится роскошью и покоем. Не благоволил Бог, чтобы возлюбленные его покоились, пока они в теле, но более восхотел, чтобы они, пока в мире, пребывали в скорби, в тяготе, в трудах и скудости, в наготе, в нужде, в унижении, в оскорблениях и утружденном теле... Живущим в покое невозможно пребывать в любви Господней, и поэтому Он отказывает им в покое...»

И поэтому там, где нет произвольного подвига – «самогонения», – там неизбежен путь скорбей. Прп. Серафим говорил: «Нет скорбей, нет и спасения». И пусть благодарят христиане Господа при встрече испытания, говоря: «Не забыл – посетил меня Господь. Слава Господу за все». Итак, и в одном, и в другом случае для христианина неизбежна теснота жизненного пути. Как должны мы, родители, подготовить детей к такому пути и избавить их от опасности – захотеть поднять крест и не иметь силы этого выполнить?

Как и при всяком обучении, здесь имеют место те же законы, о которых говорилось выше: начинать учить как можно ранее, вести учение на примерах и вести его непрерывно с последовательно возрастающей нагрузкой.

В основном это будет укрепление воли и самообладания, обучение искусству преодолевать свои желания, превозмогать лень и принуждать себя к послушанию.

В младенческом возрасте это будет прежде всего обучение терпению. Об этом так говорит епископ Феофан Затворник («Путь ко спасению»):

«Должно поставить правилом приучать тело (ребенка) безболезненно переносить всякого рода влияния внешние: от воздуха, воды, перемен температуры, сырости, жары, холода, уязвлений, болей и проч. Душа в таком случае является владычицей тела. Как счастлив приученный к этому с детства... главное – содержать тело не так, чтобы оно принимало одни только приятные впечатления, а напротив – более содержать под впечатлениями обеспокоивающими. Теми разнеживается тело, а этими укрепляется; при тех дитя всего боится, а при этих на все готово и способно стоять в начатом терпеливо».

Вот должное начало обучения хождению тесным путем. Затем следует обучать детей пересиливать себя, никогда не распускаться и держать себя как бы в известном напряжении и внимании. Сюда относится навык быстро встать с постели утром, не позволяя себе нежиться и валяться; мужественное преодоление усталости, голода и боли. Такое же значение имеет привитие привычек – прямо сидеть за столом, не разваливаясь, вставать при разговоре со старшими, если те стоят, уступать в транспорте место старикам, инвалидам или имеющим на руках детей.

Нам надо помнить всегда, что главным условием правильного воспитания является развитие у детей хороших и прочных навыков и привычек. Это – основа, «краеугольный камень» всякого воспитательного процесса.

Очень портит детей привычка пользоваться помощью слуг или старших. Поэтому дети с раннего возраста должны постепенно приучаться обслуживать себя в чем только возможно. Сюда относится приготовление себе постели вечером и уборка ее утром, чистка обуви и платья, уборка своего столика или уголка.

Чем раньше начинается посильный домашний детский труд, тем лучше. Для девочек это будет прежде всего шитье, вышивание, штопанье, вязанье, затем уборка комнат, мытье посуды, помощь старшим в приготовлении пищи. Для мальчиков – выполнение различных домашних поручений – починка утвари, покупка припасов и т. д. Летом, живя за городом,

следует приучать детей к труду, и во время прогулок терпеливо собирать ягоды и грибы, набирать хворост для печки, траву для домашних животных.

Очень хорошо, если семья имеет свой сад, огород и домашних животных. В этом случае детей можно очень рано приучать к такому труду, который будет для них и интересен, и необременителен. Во всех занятиях надо требовать от детей тщательности и аккуратности, напоминая им наставления ап. Павла: «И все, что делаете, делайте от души, как для Господа, а не для человеков» (*Кол. 3, 28*).

Суровая трудовая обстановка жизни семьи – лучше при лишениях, чем при избытке, – есть наиболее здоровая среда для воспитания ребенка. И горе ему, если он растет в богатстве, в окружении слуг, в баловстве, в изнеженности. Излишнее баловство, исполнение всех желаний ребенка – одна из постоянных и наиболее вредных ошибок воспитания. Рассказывают про обезьян, что они в порыве нежности и любви к своим детенышам иногда так крепко прижимают их к себе, что раздавливают насмерть. Так же точно, до духовной смерти, портят баловством детей неразумные родители.

В избалованном ребенке совершенно отсутствует способность к самопринуждению, он растет эгоистом, склонным к раздражительности и гневу, на что указывал еще Сенека, который говорил:

«Ничем нельзя так развить в человеке чувство гнева, как нежным воспитанием: тот не простит обиды, кому в детстве ни в чем не было отказа, кому заботливая мать всегда отирала слезы каприза и чью волю воспитатель исполнял беспрекословно и во всякое время».

Будем же знать строгую меру и время при подарках детям или выдаче им сластей и будем тщательно разбираться, какие из их просьб и желаний могут быть исполнены и какие – категорически и непреклонно отвергнуты.

Между двумя категориями спасающихся, о которых говорилось ранее, есть большое различие.

«Путь самопроизвольного подвига», «самогонения», воздержания и лишений может казаться непосильным и

трудным с внешней стороны. Но зато он преисполнен благодатных утешений и внутренней радости.

Будем же говорить нашим детям словами Самого Господа: «Жизнь и смерть предложил Я тебе, благословение и проклятие. Избери жизнь, дабы жил ты... любил Господа Бога твоего, слушал глас Его и прилеплялся к Нему; ибо в этом жизнь твоя» (*Втор. 30, 19–20*).

Приложение к главе 16-й

Мать, любившая свою нежную, хрупкую, чувствительную ко всему дочку превыше всего, высказывала свои опасения своему духовнику: ей нестерпимо думать, что дочь ее будет в жизни страдать, и хотелось оградить дочь от всякого горя и, если возможно, взять его на себя.

Духовник, к ее удивлению, упрекнул ее в эгоизме, в том, что, отнимая у дочери крест, она лишает ее спасения. Наоборот, он советовал приучать дочь к испытаниям, не развивать в ней излишней сентиментальности и впечатлительности.

«Лучше молитесь за нее и, целуя дочь, произносите тихонько спасительное имя Иисуса Христа, как лучшую опору в жизни.

Не разрешайте ей всего того, чего ей страстно хочется. Пусть она научится переносить неудачи не раздражаясь, приучится ждать терпеливо, лишая себя приятного без слез, и терпеть недостатки в жизни, не считая при этом все в жизни пропавшим.

Если у нее горе, не спешите тотчас же залечить ее рану. Вы лучше вместе с ней подойдите к распятию и на коленях помолитесь вместе, поцелуйте ее... Господь Сам сделает Свое, а вы свое дело... Укажите ей долг, работу, но не делайте эту работу за нее. Назначайте дело на каждый день и требуйте строго его исполнения. Дело, работа укрепляют душу...

Учите ее не опираться на вас, уметь обходиться без вас, а искать опоры всецело у Господа. И в час, когда вас не будет с ней, она не останется одинокой и беспомощной и без поддержки.

Сердце девушки, у которой нет возле нее матери и которая не умеет прибегать к Господу, это сердце падает, разбивается и

часто загрязняется...»

Духовник замолчал, мать плакала...

Глава 17. Совершенная радость

Всегда радуйтесь. 1Фес. 5, 16

Наряду с заповедью Господа: «Входите через тесные врата», – мы слышим призыв апостола: «Всегда радуйтесь». Здесь мы встречаемся с одной из тех антиномий (т. е. логически несовместимых понятий), которых много в христианстве.

Те, кто идет за Христом, всегда будут загадкой для мира, и живут они по законам, которые для мира являются парадоксами. На это указывает ап. Павел: «Нас огорчают, а мы всегда радуемся; мы нищи, но многих обогащаем; мы ничего не имеем, но всем обладаем» (2Кор. 6, 10).

Итак, для христианина характерна радость не при богатстве, славе и развлечениях.

«Радость Моя в вас пребудет и радость ваша будет совершенна» (Ин. 15, 11), – так обещал Господь Своим ученикам. И Он обещал им не просто радость, а совершенную, т. е. лучшую, идеальную радость, и об этом повторял и Он Сам, и св. апостолы: «Чтобы они имели в себе радость Мою совершенную» (Ин. 17, 13) и «...чтобы радость ваша была совершенна» (1Ин. 1, 4).

Эта радость совершенна, потому что она незыблема, не зависит от внешнего мира и внешних переживаний и будет сопровождать христианина в вечное Царство Христа. Эта радость не мимолетна, она постоянный спутник того Духа Святого, Который стяжала душа христианина.

«Радуйтесь всегда в Господе; и еще говорю: радуйтесь», – заповедовал филиппийцам ап. Павел (4, 4).

Отцы Церкви учат: с тех пор, как Христос искупил людей, нам надлежит только радоваться.

Один из величайших святых – прп. Серафим Саровский – являет образ необычайной радости, которой была переполнена его душа и которая изливалась на всех, посещавших его. Это был поистине «пасхальный святой». И радость эта была так

обильна, что и всех приходящих к нему он именовал «радость моя».

Другим образцом постоянной радости и ясности духа является старец Амвросий Оптинский. Несмотря на постоянную болезнь, немощь и частое истощение сил, он для всех был всегда воплощением радости и бодрости.

Он имел обыкновение часто шутить, говорил иногда в рифму и этим ободрял окружающих. И даже в те минуты, когда он совершенно изнемогал телом, окружающие видели его все таким же «веселеньким», так называли они его обычное состояние духа.

Даже такой суровый подвижник, как прп. Пахомий Великий, имел обыкновение иногда шутить со своими учениками, чтобы не допускать их до уныния.

Итак, не к печальной или мрачной жизни будем готовить мы наших детей, следуя заветам Христа, а к жизни, преисполненной радости, но радости особенной и совершенной.

Но не на шумных стезях мира – театрах, кино и светских развлечениях – смогут найти наши дети эту совершенную радость. Эта радость раскрывается в исполнении заповедей Господних, в тихие минуты молитвы и духовного чтения, в деятельном служении ближним, а для более крепких духом – в добровольном подвиге, понесенном ради Христа.

Обязанность наша, родителей, в том, чтобы у детей развивался вкус к этой совершенной радости, чтобы она не отравлялась и не заглушалась у детей нечистыми, мутными развлечениями мира. Эти два вида радости несовместимы, так как нельзя «служить двум господам», по словам Спасителя (*Мф. 6, 24*).

Итак, пусть тихая и чистая радость счастливого детства будет овеивать наших детей с самой колыбели. Пусть любовь, ласка и нежность постоянно согревают их сердца; пусть глубокий и нерушимый мир и согласие между родителями господствуют в семье, не омрачая ни единым облачком безмятежного детства.

Когда ребенок вырастет, то одни уже воспоминания своего счастливого детства, полного любви и духовной радости, будут

залогом его дальнейшей близости к Богу и успешного сопротивления тем соблазнам, которые неизбежно встретятся ему в жизни.

Вполне можно согласиться с древним мудрецом Демокритом, когда он говорит:

«Если бы сердце малюток имело, подобно городу Фивам, сто ворот, то пусть входит туда радость во все эти ворота, дабы они из сада юности как можно более вынесли добра на поле будущей деятельности».

Время детства – время игр. Игра ребенка – не пустое занятие. Это подготовка его к жизни, развитие его телесных, душевных и даже (как увидим ниже) его духовных способностей. Родители должны тщательно следить за детскими играми, направлять их, самим по возможности принимать в них участие; нельзя запрещать невинные детские игры, хотя бы они беспокоили взрослых.

Однажды к прп. Серафиму пришла женщина с маленьким ребенком. Пока преподобный разговаривал с матерью, ребенок начал бегать и резвиться. Мать хотела запретить ему, но преподобный остановил ее: «Оставь, – сказал он ей тихо, – с ним играет ангел хранитель». Очи преподобного видели более, чем видела то мать ребенка.

И пусть родители и взрослые снисходят в играх к детям, пусть говорят с ними их детским языком, умягаются сами до их возраста. Такой пример дал однажды старец Амвросий Оптинский.

Его тоже посетила одна мать с трехлетней дочкой. Пока мать разговаривала со старцем, девочка обошла и внимательно осмотрела все уголки и наконец встала посреди комнаты, сложила на груди ручки и, жалостливо глядя на старца, повела такую речь: «Бедненький старичок! Такой он старенький, все на постельке лежит, комнатка у него маленькая, игрушек у него нет, ножки у него болят, бегать не может; у меня игрушки есть. Хочешь, старичок, я игрушек привезу поиграть тебе?»

«Привези, привези, девочка, – отвечал старец, – вот какая ты хорошая, спасибо тебе, что старичка пожалела». Так старец умел говорить языком трехлетней девочки.

Когда дети растут в среде обычаев Церкви, при частом посещении богослужений, это может наложить отпечаток и на характер игр. В последних они будут, может быть, воспроизводить Таинства или обряды из богослужения. И если они играют серьезно, то в этом им мешать нельзя, хотя нельзя их и побуждать к этому. В истории Церкви был такой случай.

Однажды св. Александр, епископ Александрийский, смотрел на группу мальчиков, игравших на берегу моря. Он заметил, что мальчики тщательно воспроизводили обряд крещения. Когда игра была окончена, св. Александр призвал играющих и узнал, что крещаемые были языческими мальчиками, а крестившие – христианами. Епископ выяснил, что все возгласы, вопросы и ответы были произнесены вполне правильно.

Св. Александр созвал духовный совет для решения вопроса – за кого теперь считать языческих мальчиков: за христиан или за язычников? И совет решил, что Таинство было совершено действительно, и св. Александру оставалось лишь дополнить обряд миропомазанием. Он призвал затем родителей новокрещенных и сообщил им о факте крещения.

Родителям же тех мальчиков, которые крестили, предложил позаботиться о подготовке их к сану пресвитеров, которыми они и стали впоследствии. Мальчик, игравший роль священника, стал впоследствии епископом. Это был знаменитый защитник Православия св. Афанасий Александрийский.

Как видно отсюда, под внешностью игры совершалось Таинство, и на детей сходил Дух Святой.

Когда имеется к тому возможность, родители должны помочь детям в играх быть близкими к духовному миру. Так, например, рождественскую елку надо зажигать, начиная с пения рождественских песнопений (тропаря, кондака и ирмосов канона), исполненных особой красотой. Затем дети могут декламировать стихи, посвященные Рождеству, поклонению пастухов и волхвов, легендам о елке. Декламацию стихов с духовным содержанием можно устраивать вообще на всех детских семейных праздниках.

В таких случаях могут устраиваться и детские спектакли, но при обязательном условии, что для этого будет найдена пьеса, вполне отвечающая духу учения Христа.

Много радости дает детям участие в жизни Церкви и ее обрядах. Сюда относятся, например, украшение дома зеленью перед Троицей, крашение яиц перед Пасхой, помощь при богослужении – вынос свечей, подавание кадила.

Чистую, умиротворяющую радость дает всегда общение с природой. Природа ведет нас к богопознанию, когда «вечная сила Его» раскрывается для нас, по словам ап. Павла, «через рассмотрение творений...» Бога(*Рим. 1,20*).

Поэтому детей надо учить чувствовать среди природы Создавшего ее и постигать Его благодать, Промысл, всемогущество и непостижимую мудрость.

Насколько это только возможно, надо воспитать детей среди природы, и когда нельзя этого достигнуть на все время, то хотя бы увозить туда детей на возможно долгие сроки.

Чистую, возвышенную радость может давать и хорошая музыка. Духовные же музыка и пение приближаются по своему действию к молитве, возвышают и очищают душу; лира в руках Давида отгоняла беса от Саула(*1Цар. 16, 23*). Но бывает музыка и пение, исполненные пошлости, безнравственности и легкомыслия, и от такой музыки надо оберегать детей.

Какие игры и занятия следует поощрять у детей?

Для девочек ничего не может быть лучше игры в куклы, шитья для них и вышивания. Этим подготавливается будущая мать и хозяйка. Для мальчиков хороши все игры со стройками – кубики, кирпичики, строительные ящики. Не следует мешать всяким невинным подвижным играм – пряткам, жмуркам, догонялкам, хотя бы они и беспокоили старших.

Хорошо иметь в семье или при доме домашних животных – кошку, собаку и в клетках певчих птичек, за которыми дети должны ухаживать сами. Птичек следует выпускать на Благовещение, следуя в этом русскому обычаю, а осенью приобретать новых.

С рядом игр необходимо вести борьбу. Это, например, рогатка, хлопанье пистонами и рискованные химические опыты.

Это все просто опасно, и поэтому «не искушайте Господа, Бога вашего» (*Втор. 6, 16*).

Совершенно недопустимы игры в карты: их не следует даже и держать в доме. Всякая игра в карты азартна, т. е. развивает самые низкие чувства человека – желание унижить других и гордиться от своего выигрыша.

Чтобы предотвратить увлечение картами, следует рассказать детям ряд случаев, когда игра в карты на деньги вызвала материальное разорение семей или приводила к самоубийствам. Это поможет детям иметь против них предубеждение на всю жизнь.

Надо разбираться и в настольных играх и, если давать их детям, то преимущественно те, которые служат развитию способностей детей – памяти и сообразительности. Следует учитывать, что и здесь может иметь место проявление азарта, что бесполезно.

Родителям стоит позаботиться о том, чтобы при прогулках с младшими детьми время прогулок было использовано возможно целесообразнее. Так, при этом хорошо посещать с детьми больных и бедных, в чем возможно помогая последним. Так можно приучать детей к самому важному в жизни – искусству жить жизнью других: радоваться радостью ближних, утирать слезы скорбящих, утешать страждущих, кормить голодных.

При прогулках хорошо также заходить с детьми в церкви или часовни, давая им прикладываться к иконам.

Е. Поселянин в своем труде «Идеалы христианской жизни» рассказывает про свою встречу с девочкой лет четырех. Девочка с няней обходила иконы, к которым они стали ставить свечи, причем девочка набожно крестилась и целовала иконы. Поселянин спросил у няни, часто ли они бывают тут. «Да почти всякий день, – отвечала няня, – она все меня сюда тянет». – «Что же она, Богу любит молиться?» – «У-у... Такая богомолица, а уж иконы как любит, сколько их у кровати повешено, и чтобы непременно лампадка горела и не гасла. Огорчается очень, если погаснет. Вот, тоже до бедных большая

охотица. Не позволит ни одного нищего пропустить, чтобы не подать...»

Вот то твердое основание, на котором может быть построена жизнь, полная радости, – радости близости к Богу и деятельного служения ближним.

Дети любят путешествовать. И если есть возможность удовлетворять это желание, то надо выбирать для посещений места, которые были бы освящены благодатью и населены истинными рабами Божиими, т. е. монастыри.

Из летних занятий не надо поощрять собирание детьми коллекций насекомых – бабочек и жуков. Следует прививать детям мысль, что человек вправе отнимать жизнь животного или насекомого только по необходимости: святые обходили насекомое, если оно попадалось им на дороге, чтобы не лишить его жизни.

Жизнь христиан есть жизнь «агнцев среди волков» (Лк. 10, 3). И нашим детям встретятся случаи соблазна со стороны сверстников – привлечения к играм и развлечениям, не подходящим христианину. К числу таких игр относится, например, нескромная игра «во флирт», к которой привлекаются юноши и девушки. К недопустимым развлечениям относятся также гадания, спиритические сеансы с вызыванием духов – верчение блюдечка и т. п. Участие в таких занятиях является грехом и запрещено Священным Писанием, в котором написано: «Не должен находиться у тебя... прорицатель, гадатель, ворожея, чародей, обаятель (т. е. гипнотизер. – *Авт.*), вызывающий духов, волшебник и вопрошающий мертвых. Ибо мерзок пред Господом всякий, делающий это...» (Втор. 18, 10–11). Следует отметить также, что на спиритических сеансах «духи» часто требуют удаления тех из присутствующих, кто носит крест. Не всегда родители смогут сами предохранить детей от неподходящих или соблазнительных игр и развлечений. Ограничением детей в этих случаях может быть лишь правильное духовное воспитание, полученное в семье. Мы знаем многих детей, которые сами чуждались игр со сверстниками, не отвечающих их духовному устройству. Такими были в детстве многие из святых и

подвижников благочестия. Благодать Господня, пребывающая с детьми, живущими с Богом, сама в таких случаях умудряет их и предохраняет от всего нечистого. Об этом так пишет ап. Иоанн: «Помазание, которое вы получили от Него, в вас пребывает... и само сие помазание учит вас всему» (1Ин. 3, 27).

Повиновение и наказание

Глава 18. Повиновение

Дети, повинуйтесь своим родителям в Господе. Еф. 6, 1

Жизнь Господа на земле можно разделить на два периода: до тридцати лет Он был в повиновении у Своей Матери и св. Иосифа(Лк. 2, 51); после тридцати лет Он стал, как говорил Сам, творить волю пославшего Его Отца (Лк. 2, 51; Ин. 6, 38).

Итак, Сам Господь Бог всю Свою жизнь не имел Своей воли и в этом оставил образец всем христианам. И отсюда весь строй Христовой Церкви зиждется на послушании. Апостолы единодушно призывают христиан быть в послушании поставленным от Бога пастырям, пресвитерам, царям, правителям и начальникам(1Пет. 2, 13–14; Рим. 13; Тим. 3, 1). Ап. Павел пишет: «Повинуйтесь наставникам вашим и будьте покорны, ибо они неусыпно пекутся о душах ваших, как обязанные дать отчет» (Евр. 13, 17).

Наследники общинного строя первой Иерусалимской Церкви – монастырские братства – строят свою жизнь на всецелом и строгом послушании. Недаром сложилась известная монашеская поговорка: послушание паче (т. е. важнее) поста и молитвы.

Семья есть также маленькая Христова община, и по заповеди она также строится на послушании – жены мужу(Еф. 5, 22)и детей родителям. «Дети, повинуйтесь своим родителям в Господе» (Еф. 6, 1), – пишет ап. Павел и ставит эту заповедь как первую и важнейшую для детей.

Поэтому послушание – это царица детских добродетелей, и при наличии послушания за ним последует развитие в ребенке всех других душевных достоинств. И отсюда первой задачей родителей в их работе над детским характером есть насаждение в них полного послушания и искоренения самоволия.

Особенно важно позаботиться об этом в самом раннем возрасте, при начале пробуждения в ребенке сознания, когда духовные плевелы только еще начинают давать ростки. Воля

родителей должна стать основным законом во всех мелочах детской жизни, в том числе и в играх. Об этом так пишет еп. Феофан Затворник:

«Пусть дитя резвится, но в том месте и тем родом, как ему приказано. Воля родителей должна запечатлевать всякий его шаг – разумеется, в общем. Без этого легко может покривиться нрав дитяти. Самовольно порезвившееся дитя возвращается не с готовностью слушаться даже в каких-нибудь малостях. Напротив, дитя выходит преподвижным на всякое приказание, где с самого начала не дают воли его движениям».

Чтобы насадить в детях прочное послушание, родителям не следует забывать следующие десять положений:

1) Без крайней необходимости нельзя никогда отменять своих распоряжений и приказаний.

2) Распоряжения должны быть точно выражены и сказаны категорически.

3) Выполнения приказаний следует требовать немедленно и приучать детей слушаться с первого слова.

4) Родители должны всегда взаимно поддерживать у детей свой авторитет. Для этого в распоряжениях у родителей должно быть полное согласие между собой. Один из родителей не может отменять распоряжений другого, и при детях нельзя спорить о необходимости или характере распоряжений. В присутствии детей вообще не должно быть у родителей разногласий, чтобы авторитет их у детей ничем не колебался. Об этом так пишет в письме старец Амвросий Оптинский: «Никак не спорьте о своих разных взглядах при детях».

5) Не оставлять без наказания ослушание, усиливая наказание при повторном случае.

6) Не изменять требований, разрешая сегодня то, что было запрещено вчера.

7) Не командовать постоянно детьми и не давать им слишком частых приказаний, иначе будет притупляться их послушание.

8) Не требовать от детей чего-либо слишком трудного для исполнения или несправедливого в каком-либо отношении.

9) Не позволять детям фамиллярного к себе отношения. Любовь, ласка и нежность должны сочетаться с требованием полного к себе уважения и почтения. Маленьким детям нельзя позволять трепать себя за волосы или уши или ударять хотя бы в шутку.

10) Самим давать пример послушания – жены мужу и обоим – своему духовному отцу.

Если преодолены первые прилоги самоволия и дитя с раннего возраста навывкло послушанию, то в дальнейшем борьба с самоволием будет уже легче. Привычка – вторая натура, говорит пословица. При воспитании детей этот психологический закон будет помогать самоотверженно трудиться над ребенком родителям и усугублять беду нерадивых родителей, ищущих личной жизни и бросающих детей на нянек. Здесь приложение евангельской истины: «Всякому имеющему дастся и приумножится, а у не имеющего отнимется и то, что имеет» (*Мф. 25, 29*).

В отношении послушания древнерусская православная семья стояла твердо на основе евангельских заповедей. В такой семье свято читлось родительское благословение. Оно считалось, и не даром, залогом благоденствия и всякого успеха в жизни.

Многочисленные примеры полного послушания детей родителям можно найти в жизнеописаниях святых и подвижников благочестия.

Прп. Серафим, прежде чем поступить в монастырь, спрашивает для этого благословения у матери. А прп. Сергей, имея горячее желание уйти в пустыню, отсрочивает его исполнение ради просьбы родителей – дожидаться их смерти, следуя в этом отношении св. Иоанну Златоусту.

Будем же строги в полной мере в отношении сохранения послушания в детях. Их обычный распорядок дня, уход из дома, выбор товарищей по играм, знакомства – все это должно делаться при участии и с согласия родителей. С возрастом благословение родителей должно сопровождать детей при определении жизненного пути – при выборе профессии, вступлении в брак и других важнейших событиях жизни.

В особенности это относится к важнейшему для взрослых детей событию в их жизни – вступлению в брак. В этом случае родителям необходимо проявить всю свою жизненную мудрость и всю силу своей твердости. Если дети сами выбрали себе супруга, то благословение родителей может даваться лишь в том случае, когда они действительно одобряют выбор.

Если же родители не ждут счастья от брака, их долг – воспротивиться браку и отказать детям в своем благословении. В последнем их совесть будет чиста перед Богом при несчастной судьбе их детей: они сделали все, что возможно было сделать.

С другой стороны, со стороны родителей не должно быть и принуждения детей, когда те не согласны с предложением для них супруга по выбору самими родителями.

Естественно, что воля обоих родителей должна быть в таких случаях единодушна. А если бы и не так, то, по заповедям, главенство в семье принадлежит отцу (Еф. 5, 22; Кол. 3, 18). Но там, где царствует Христова любовь, разногласий и не может быть; как говорилось уже ранее, и истинно христианская семья являет собою образ Святой Троицы, нераздельной в любви.

С наступлением какого возраста должна кончиться зависимость детей от родителей? Она должна кончиться только в день смерти детей или родителей или ухода детей в монастырь.

В течение жизни христианина меняется только характер зависимости. Вначале дети находятся в полном послушании у родителей. С отроческого возраста дети входят в повиновение к духовному отцу, значение которого в жизни постепенно растет. Родители становятся как бы исполнителями воли духовного отца, его доверенными в деле воспитания своих детей. До смерти или поступления в монастырь не снимается с родителей ответственность перед Богом за своих детей.

Ап. Павел велит всем христианам: «Увещевайте друг друга и назидайте один другого» (1Фес. 5, 11). Очевидно, что эта обязанность в первую очередь относится к родителям в отношении детей, вне зависимости от возраста последних.

Следует указать, однако, что могут встретиться случаи, когда послушание детей родителям должно нарушаться. Ап. Павел заповедь детям о послушании заканчивает словами «в Господе». Это значит, что нельзя слушать даже родителей, когда их повеление идет против заповедей Господних. Конечно, это не относится к малым детям и к семьям, где родители и дети живут в Духе Господнем и в послушании своим духовным отцам, воля которых является для них высшим законом.

Но иногда случается, что в семье имеется третье поколение – дедушек и бабушек, которые хотят влиять на дела семьи, может быть, не всегда согласно с духом учения Христа.

В этом случае родители (среднее поколение) должны получить твердые установки о своем поведении от своего духовного отца, а в его отсутствие – руководствоваться голосом совести, вспоминая слова апостолов:

«Должно повиноваться больше Богу, нежели человекам» (Деян. 5, 29). Здесь побуждения дедушек и бабушек могут и не выполняться.

Также и в тех случаях, когда сами родители противятся взрослым детям в их стремлении последовать за Христом, детям остается подражать великомученице Варваре в ее противлении отцу или отроку Феодосию Печерскому – в его непослушании повелению матери.

Забота родителей о детях с годами может ослабнуть. Но это может быть оправдано лишь тогда, когда дети созреют духовно. А одним из признаков духовной зрелости является недоверие к себе, отвращение к самоволию и потребность искать во всем только воли Господней.

Эти черты характерны для всех святых и подвижников благочестия. Св. Макарий Великий говорит: «Самомнение – мерзость перед Господом». Даже такой светильник Церкви, как св. Антоний Великий, не всегда доверял верности своих решений.

И если родителям удастся с помощью Божией возрастить детей не только в чистоте веры, но и в добродетели послушания, в недоверии к себе, в умении подавлять свою волю ради исполнения заповедей Христовых, в искании всюду

воли Господней – то они могут быть спокойны за своих детей и в этом мире, и за их участь в жизни вечной.

Будем же проверять себя – все ли мы делаем так и так ли живем, чтобы насадить в наших детях послушание, ибо ап. Павел пишет: «Каждый смотри, как строит... У кого дело, которое он строил, устоит, тот получит награду. А у кого дело сгорит, тот потерпит урон; впрочем сам спасется, но так, как бы из огня» (1Кор. 3, 10, 14–15).

Приложение к главе 18-й

Насколько важна для детей забота о своих родителях и наличие благословения последних во всех делах и решениях детей, свидетельствует следующий рассказ, взятый из писем старца Амвросия Оптинского (к мирянам).

Для понимания письма следует вспомнить обычай иноков Старого Афона – открывать тела усопших братьев через три года после смерти. По виду останков афонцы судят о загробной судьбе брата: белые, чистые кости свидетельствуют о прощении грехов, а черные или же неистлевшие тела – наоборот, о скорбной судьбе за гробом.

В последнем случае афонцы всем монастырем усиленно молятся о прощении грехов усопшего. Приводим письмо:

«Бывают и грешные тела не растлевающимися. В одном монастыре случайно открыли тело одного иеродиакона, не растлевшее и темное.

Местный архиерей в это время ездил по епархии. Владыку попросили прочитать разрешительную молитву над этим телом. Но и по разрешительной молитве тело осталось в одинаковом положении. Владыка спросил: «Кто он был и что за причина такого положения?» В ответ получил, что он был единственный сын бедной вдовы и против воли матери пошел в монастырь, а мать по причине бедности всегда на него роптала; кто-то проговорил, что мать его и до сих пор жива.

Владыка приказал отыскать мать. Привели девяностолетнюю старуху, сгорбленную. Владыка, указывая на положение ее сына, сказал, чтобы она простила его. Но старуха отворачиваясь, не соглашалась, повторяя: «Я столько горя претерпела через него». Владыка продолжал убеждать старуху

и наконец сказал: «Если не простишь его, то и сама будешь связана». Убежденная старуха как бы нехотя сказала: «Ну, Бог его простит». Темное тело тотчас рассыпалось в прах».

Нужно думать, что в данном случае оставление сыном матери в нужде было делом, неугодным Богу, хотя это было сделано ради такого благого дела, как уход в иночество (Здесь имеет место приложение указания ап. Павла: «Если же кто и подвизается, не увенчивается, если незаконно будет подвизаться» (2Тим. 2, 5). (Прим. авт.)

Нарушение родительской воли рассматривалось в Древней Руси, как тяжкий грех. В некоторых наиболее важных случаях это нарушение влекло за собой родительское проклятие.

Какова может быть цель проклятия? Ап. Павел применил однажды проклятие для одного христианина из Коринфа, согрешившего тяжким грехом(1Кор. 5, 1–5). У ап. Павла в этом случае было намерение, как пишет он сам, «силою Господа нашего Иисуса Христа предать (грешника) сатане во измождение плоти, чтобы дух был спасен в день Господа нашего Иисуса Христа».

Как свидетельствует история Церкви, еще со времени Ветхого Завета Господом дана власть родителям проклинать своих детей за тяжкие грехи. В книге Премудрости Иисуса, сына Сирахова, написано: «Благословение отца утверждает дом детей, а клятва матери разрушает до основания» (3, 9).

Однако, проклятие есть крайняя и страшная мера, которая ввергает в большие несчастья прокливаемых. И часто неосторожное и необдуманное проклятие несет бедствия и тем, кто проклинает. Так, например, блаженный Августин рассказывает о следующем случае.(«О граде Божьем», из проповеди блж. Августина. Прим. авт.):

Одна вдова была избита своим сыном в присутствии других детей, которые не заступились за нее. Возбужденная мать идет перед рассветом к крещальной купели своих детей, чтобы проклясть сына. По пути она встретила демона в образе своего деверя, и он убедил ее проклясть и всех остальных детей, не заступившихся за нее.

И мать стала умолять Бога, чтобы дети ее были изгнаны из родного города и своим видом устрашали бы людей. После этого в течение одного года всех детей ее поразил трясучий паралич начиная с главного виновника. Стыдясь своих сограждан, они расходятся из дома и становятся скитальцами.

Мать, пораженная исполнением своей немилосердной молитвы, не вынесла горя и удавилась.

Впоследствии двое из ее детей исцелились на глазах блаженного Августина у мощей первомученика Стефана.

Интересен также рассказ игумена Феодосия, насельника Оптиной пустыни. Рано лишившись родителей, Феодосий остался вместо отца своему младшему брату.

Брат Феодосия быстро преуспевал в практической жизни. Необычайные жизненные успехи в торговле развили в нем самомнение, и он стал приписывать их своим талантам и забыл о Боге. При встрече Феодосий стал обличать брата.

Тот ответил, что во всем обязан только себе, и на глазах у Феодосия совершил кощунственный поступок с иконой. Не смог перенести этого Феодосий и проклял брата. С этого момента как бы обрезана была жизнь последнего. Все стало у него разваливаться, он быстро потерял все свое состояние и жалко кончил жизнь. Горько плакал и каялся потом Феодосий за свою горячность.

Материальный успех в жизни не является, конечно, видимым показателем Божьего благословения: часто успех в материальных благах бывает у совершенно нечестивых людей и наоборот. Но в данном случае можно думать, что за молитвы Феодосия о брате Господь вызывал последнего на покаяние, поражая его ударами и видимым для него образом наказывая его за его самомнение, пренебрежение старшим братом, неверие и кощунство.

По существу, нарушение воли родительской как бы само несет проклятие детям. Непослушание есть нарушение заповедей Господних, а за это отходят от детей Дух Святой и благословение Божие во всех делах. А это есть сущность проклятия.

Родителям надо помнить также, что не только проклятие может навести на их детей несчастье. Господь близок к заботе родителей о своих детях и часто немедленно исполняет их слова и пожелания, если они направлены на исправление детей.

Вот свидетельство к тому, взятое из жизни недавнего времени.

Взрослый сын стал плохо себя вести, грубо нарушал христианские заповеди и не слушал увещаний родителей. Потерявший терпение отец как-то сказал ему: «Смотри, Ваня, Бог долго терпит, да больно бьет». В тот же вечер сын, заряжая охотничье ружье, нечаянно выстрелил и себя поранил.

Слова отца запали ему в душу, а их немедленное исполнение поразило его.

С этого времени он оставил порочную жизнь и стал истинным христианином.

Глава 19. Наказание и награды

Кого Я люблю, тех обличаю и наказываю. Откр. 3, 19

Детям, как Божьим цветам, нужны нежно греющее солнце, т. е. любовь, нежность, ласка родителей, но вместе с теми влага – наставления и вразумления, а подчас и гроза – наказание.

Наказание детей есть не только право родителей – это их обязанность по отношению к провинившимся детям. Вспомним, что именно за пренебрежение наказанием порочных сыновей был сам наказан Богом священник Илий (1Цар. 3, 13).

Св. Иоанн Златоуст так говорит о необходимости наказывать детей («О воспитании детей»):

«А те отцы, которые не заботятся о благопристойности и скромности детей, бывают детоубийцами, и жесточе детоубийц, поскольку здесь дело идет о гибели и смерти души. Поэтому подобно тому, как если ты видишь лошадь, несущуюся к пропасти, то набрасываешь на уста ее узду, с силою поднимаешь ее на дыбы, нередко и бьешь, что, правда, составляет наказание, но ведь наказание – это мать спасения, – так точно поступай и с детьми твоими, если они погрешают: связывай

грешника, пока не умилиставишь Бога; не оставляй его развязанным, чтобы ему еще более не быть связану гневом Божиим. Если ты свяжешь, Бог затем не свяжет, если же не свяжешь, то его ожидают невыразимые цепи».

Как видно из слов св. Златоуста, наказание есть признак деятельной заботы о согрешившем – оно есть проявление любви. «Господь кого любит, того наказывает», – говорится в Притчах Соломона(3, 11), подтверждается ап. Павлом(Евр. 12, 6)и ап. Иоанном(Откр. 3, 19).

Для любящего сердца приятнее и легче баловать детей; тяжело и трудно их наказывать. Поэтому наложение наказаний есть признак глубокой, деятельной любви, любви, жертвующей своим душевным миром ради очищения запятнанной грехом духовной одежды ребенка.

Каково основное назначение увещаний и наказаний? То же, что очищение от плевел.

По словам Самого Господа, сатана постоянно засеивает страсти, злые склонности и пожелания в души наши и наших детей с самого раннего возраста(Мф. 13, 25). Родители и воспитатели призваны вырывать злые ростки от этого посева внушениями и наказаниями. Вырывать их тем легче, чем ранее злой росток замечен, чем менее укоренился. При этом, если души ребенка и воспитателя соединены любовью и ребенок осознает вину и от сердца раскаивается, то злой росток вырван с корнем.

Но если в ребенке, отроке или юноше уже господствуют в той или иной мере сомнение и самоуправство (порождение гордости) и он не сознает в полной мере своей вины, оправдывается или смягчает ее в своих глазах, то злой росток не будет вырван взысканием, а только примят и заглушен, лишь страх нового наказания может приостановить в этом случае рост плевела – злой склонности.

В этом случае наказание должно быть серьезным, чтобы надолго запомниться. Поэтому надо осмотрительно выбирать для детей характер и меры наказания, ставя их в зависимость от духовного состояния, восприимчивости, степени осознания своей вины и глубины раскаяния в проступке. Ап. Иуда

указывает: «К одним будьте милостивы, с рассмотрением, а других страхом спасайте» (22, 23).

Как рано надо начинать наказывать детей и как это делать? Послушаем об этом Соломона, которому премудрость была дарована в полной мере как особый Божий дар. Соломон пишет: «Наказывай сына своего, доколе есть надежда, и не возмущайся криком его». И далее: «Кто жалеет розги своей, тот ненавидит сына, а кто любит, тот с детства наказывает его» (*Притч. 19, 18 и 13, 25*). То же можно прочесть и в другой книге Библии – Премудрости Иисуса, сына Сирахова.

«Не давай ему (т. е. ребенку) воли в юности и не потворствуй неразумию его. Нагибай выю его в юности и сокрушай ребра его, доколе оно (дитя) молодо, дабы, сделавшись упорным, оно не вышло из повиновения тебе» (30, 11–12).

О том же говорит и народная мудрость: «Наказывай дитя, пока оно лежит поперек лавки, поздно будет, когда оно ляжет вдоль лавки».

Итак, наказание за проступки обязательно уже для самого раннего возраста. Однако формы наказаний Нового Завета иные по сравнению со Старым, как иные Дух и заповеди Нового Завета (*Лк. 9, 54–55; Мф. 5, 21–48*). Воспитание детей в Новом Завете должно совершаться в духе любви, кротости и милосердия.

Поэтому ударять или бить ребенка не надо. Если же детям нужно серьезное наказание, то его нетрудно найти для всякого ребенка. При этом наказание может быть более чувствительным и действенным, чем удары. Такими наказаниями могут быть, например, лишение на определенное время игр, книг, развлечений, удовольствий, сладостей, посещения знакомых, а для более младшего возраста – постановка в угол, принудительное сажание на стул на известное время.

Мать затворника Георгия Задонского имела, например, обыкновение наказывать мальчика Георгия за невнимание в церкви земными поклонами и непозволением обедать с собою.

Другая мать за непослушание сына приходивший домой не позднее 11 часов вечера наказала его тем, что три дня с ним не

разговаривала. Сын смирился и с этого времени более не опаздывал.

А вот и еще пример, как наказывали и исправляли своих детей благочестивые родители.

Старец архимандрит Гавриил (Спасо-Елеазаровской пустыни) так рассказывал, как отучила его матушка от шалостей:

«Бывало, нашалишь, а матушка и скажет: «Гоня, не шали, вот ты все не слушаешь, шалишь, а мне ответ надо за тебя отдать Богу. Ты своими шалостями грехи выращиваешь – потом и сам с ними не сладишь»».

А молодость берет свое: как ни удерживаюсь – опять и нашалю... Тут матушка бывало станет на колени перед образами и начинает со слезами вслух жаловаться на меня Богу и молиться: «Господи, вот я вымолила у Тебя сына, а он все шалит, не слушает меня. Что же мне с ним делать?.. И сам погибнуть может, и меня погубить... Господи, не оставь, вразуми его, чтобы не шалил...» И все в этом роде, молится вслух, плачет. А я стою возле, притихну, слушаю ее жалобы. Стыдно мне станет, да и матушку жаль.

«Матушка, а матушка... я больше не буду», – шепчу ей несмело. А она все просит Бога обо мне. Я опять обещаю не шалить, да и сам уж начну молиться рядом с матушкой».

Следует учитывать, что строгое внушение и длительный разговор с ребенком с подробным разбором его проступка может быть для детей наиболее неприятным наказанием, если такие внушения проводить умело. Правда, это потребует от родителей больше времени и будет много труднее, чем удар ребенка или битье, но последние могут принести больше вреда, чем пользы.

Я задал вопрос одному мальчику: какие меры воздействия оказывали на него наибольшее влияние? Мальчик ответил: «Когда перетерпишь наказание, то переживаешь чувство, что ты расквитался за свою погрешность, и более не беспокоишься за происшедшее. Когда же тебя только пристыдят, а не накажут, то чувствуешь смущение и раскаяние, и вина беспокоит совесть значительно сильнее, чем в первом случае».

В связи с этим рассуждением надо вспомнить св. Пимена Великого, который милосердием и кротким обличением умел врачевать такие пороки, которые не поддавались исцелению ни от упреков и осуждения братии, ни от страха наказания и изгнания.

Не следует пренебрегать и самыми малыми проступками детей. Малога нет, по Священному Писанию: «В малом был ты верен, над многим тебя поставлю», – говорит Господь (Мф. 25, 21). Пусть будет мало наказание (за малые проступки), хотя бы выговор или замечание, но они должны иметь место при всяком проступке ребенка.

По духовному закону, если мы не пострадаем и не постыдимся за свои грехи на земле, то они останутся неизглаженными из книги жизни и нам придется потерпеть за них на том свете. На этом основано Таинство покаяния – исповеди.

При наложении наказания на детей совершенно необходимо, чтобы родители были в полном спокойствии и мирном состоянии духа. При раздражении человека покидает Святой Дух и теряется любовное единение душ ребенка и родителей. В результате ребенок также может озлобиться, и для его души от наказания получится более вреда, чем пользы. Кроме того, в раздражении легко погрешить несправедливостью и жестокостью под влиянием лукавого духа, владеющего раздраженным человеком.

Поэтому в тех случаях, когда чувствуется гнев или раздражение на детей, нельзя сразу накладывать на них взыскание. Даже разговор с ними и внушение надо откладывать до того времени, когда успокоится дух и чувство любви к ним не будет затемнено раздражением. При таких случаях св. отцы напоминают нам, что «сатана не изгоняет сатану» (Мк. 3, 23).

На опасность ожесточить детей обращением или наказанием, связанными с раздражением, указывает нам ап. Павел: «Вы, отцы, не раздражайте детей ваших, дабы они не унывали, но воспитывайте их в учении и наставлении Господнем» (Еф. 6, 4; Кол. 3, 21).

Образец любовного, кроткого вразумления ребенку дает само Евангелие.

Отрок Иисус, по мнению Матери, провинился перед Нею и Иосифом: не сказав им ничего, Он остался в Иерусалиме после праздника Пасхи, когда они отправились домой в Назарет. Его Мать и Иосиф разыскивали Его в течение трех дней. Прочтем в Евангелии укор Матери: «Чад, что Ты сделал с нами? Вот, отец Твой и Я с великой скорбью искали Тебя» (Лк. 2, 48). Здесь изложение вины Отрока. Здесь укор. Но какой нежный укор, какая любовь слышится в каждом слове Матери!

И когда мы увидим наших детей в чем-либо виновными, когда нам понадобится вразумить их, то вспомним этот евангельский образец любовного обличения и будем подражать ему. Ведь только любовь может провести наши слова до сердца наших детей.

Прп. Серафим Саровский так говорил одному игумену: «Будь к детям своим (духовным) не отцом, а матерью». Этими словами преподобный указывал на необходимость проявления не столько суровости и строгости отцов, сколько нежной любви и снисходительности матери.

Поэтому нам следует бояться как своей слабости – излишнего снисхождения и пренебрежения поступками, так и духовного разрыва – отчуждения от нас детей и их ожесточения.

Такое ожесточение сердца еще не так опасно в более раннем возрасте: ребенка тогда легче уговорить, переупрямить, смягчить лаской или наказанием. Но для юношей это может иногда не иметь успеха, и они будут в чем-либо настаивать на своем и не слушаться. Иногда дело может быть очень серьезным, и тогда родителям остается применять средство, которое можно назвать подвигом любви.

Характерный пример такого воздействия имеется в летописях Оптиной пустыни.

Один скитский брат перестал ходить на ночное бдение, оправдывая себя тем, что сам скитоначальник – игумен Антоний, тоже не ходит на бдение. А у последнего в это время так болели ноги, что он не в силах был стоять. Много раз увещевал игумен Антоний нерадивого брата, но тот говорил, что

посещение ночного бдения свыше его сил и он скорее выйдет из монастыря, чем будет ходить на бдение.

Тогда игумен Антоний применил такое средство. Несмотря на свою болезнь, он сам пошел на бдение, а оттуда в келию брата. «Прости, брат, – сказал Антоний, – если ты не думаешь о своей душе, то я сам пришел вместо тебя на бдение». И поклонился брату в ноги. А когда он кланялся, то из голенищ его сапог ручьем полилась кровь, т. к. сапоги были полны крови от открывшихся ран на ногах. Ужаснулся брат, сам бросился в ноги игумену, прося прощения за свою вину, и с тех пор всегда стал вставать на бдение.

Пусть вспомнят родители этот случай, когда они исчерпают решительно все доступные для них обычные средства воздействия и все же не смогут заставить послушаться своих взрослых детей. И пусть просят они тогда мудрости у Бога, чтобы найти тот подвиг любви, который вернул бы им сердца их детей. В отдельных случаях, при ожесточении детей старшего юношеского возраста, они могут быть смягчены сердцем и исправлены лишь в результате снисхождения к их душевному состоянию и проявлению временной уступчивости. При этом родителям надо соединить любовь к детям с мудростью обращения с ними.

Пример подобной мудрой уступчивости дает прп. Пахомий Великий.

В одном из египетских монастырей один из монахов добивался должности, которой не был достоин. Игумен не считал достойным его и однажды сказал, что прп. Пахомий не считает достойным его этой должности (хотя преподобный и не говорил этого игумену монастыря).

Монах в сильном гневе почти насильно повел игумена для объяснения с прп. Пахомием. Они пришли к последнему, когда тот был на стене, которую он сам возводил вокруг монастыря. С гневом монах начал кричать преподобному: «Сойди, чтобы доказать мой грех, Пахомий-лжец».

Кроткий Пахомий вначале ничего не отвечал грубому монаху, но тот продолжал свою брань.

Поняв душевное состояние инока, преподобный спокойно сказал: «Прости меня, я согрешил, а ты никогда не согрешал?» Гнев монаха утих. Отведя в сторону игумена, преподобный узнал, в чем дело, и затем дал такой совет игумену: «Послушайся меня и исполни его просьбу, чтобы душу его вырвать из рук врага».

Получив то, чего домогался, монах через несколько дней раскаялся в своей грубости в отношении преподобного и пошел к нему просить прощения. Он сказал преподобному: «Бог знает, что если бы ты не был великодушен ко мне и сказал бы мне одно грубое слово, то я, грешный, оставил бы монашество и снова сделался бы мирянином. Будь же благословен, человек Божий, потому что Господь оживил меня через твое великодушие».

Будем помнить, что лишь любовь будет прокладывать родителям путь к сердцу детей, и не отталкивать их и при наказаниях. Если детское сердце не ожесточено, то совесть ребенка сама будет изобличать его в таких случаях.

И если ребенку привита мысль о необходимости претерпеть за проступок, то он сам будет чувствовать удовлетворение, перетерпев наказание: ведь солнце особенно приятно светит и особенно нежно греет именно после грозы. Наказание есть страдание, а страдание очищает и просветляет душу, если переносится со смирением.

При частом наказании детей может, однако, возникнуть опасность ожесточения их сердца, угасания их любви, отчуждения от родителей и проявления уныния. Это большая опасность, и родителям надо тщательно избегать ее.

И если нельзя избежать наказаний, то надо иметь в руках средство, чтобы не допустить все перечисленные выше дурные последствия, которые могут проявиться после наказаний. Такими средствами (помимо горячей любви) являются похвала, различные поощрения и награды.

Но похвала может приносить вред и развивать в детях тщеславие и самомнение? Это, действительно, так, если детей всегда только хвалят. Поэтому на похвалу нужно смотреть как на лекарство, которое можно и должно применять, но

применять умеренно – с рассудительностью. Вместе с тем она является и могучим средством поощрения ребенка к трудолюбию, старанию, аккуратности, послушанию. Без нее не обойтись при воспитании. А тот вред, который приносит похвала (развивая тщеславие и самомнение), надо уничтожать развитием в детях христианского смирения. Это достигается примерами из жизни благочестивых христиан, изучением Евангелия и образцами смирения из жизни святых и подвижников благочестия.

Детям надо внушать также, что все таланты и способности даны нам от Бога и ими нечего гордиться. От способных же больше и требуется, так как «от всякого, кому дано много, много и потребуется» (Лк. 12, 48). В некоторых случаях, может быть, потребуются уроки, подобно описанному ниже.

В Дивеевском монастыре жила вдова со своей дочкой. Девочка была красива и часто слышала похвалу своей наружности. Это развило в ней тщеславие и склонность наряжаться. Чтобы исправить девочку, мать попросила одну из инокинь дать девочке урок в этом отношении. При встрече с девочкой эта сестра говорит ей в присутствии других: «Что с тобой, как ты подурнела?» Слова произвели на девочку глубокое впечатление, и она оставила страсть к нарядам.

Чтобы согревать в детях ревность к добродетелям, кроме похвалы нужны также и различные поощрения – подарки, сласти (в умеренном количестве), разумные развлечения, посещения знакомых. Все это должно даваться детям как следствие их достойного поведения и прилежания.

Пусть дети чувствуют, что от родителей они имеют всегда внимательную и справедливую оценку своего поведения. И что если все их проступки не остаются без наказания, то и все доброе в их поведении принесет им утешение и награду.

Приложение к главе 19-й

Как уже говорилось выше, целью увещевания и обличения ребенка является пробуждение в нем сознания своей вины и желания исправления. Если это достигается, то духовная одежда ребенка убеляется его покаянием.

Наглядным примером такого просветления души ребенка является нижеследующее письмо восьмилетней девочки своей матери (приводится в орфографии оригинала).

«Каюсь во всем. Каюсь в том, что я тебя и папу не слушала. Каюсь я, что Витю обижала. Сознаюсь в том, что когда ты уходила, то я, как будто жулик, встаю на Витину кровать и отрезаю я кусочек хлеба и ем. Каюсь я в том. Каюсь во всем. Ты дорогая мама моя, извини, ты родная моя, больше не буду, не буду я, нет. Ты не вари мне больше обед, нет не вари. А я всегда буду я варить вам обед. Буду варить и я буду любить вас, маму и папу и Витю и всех. Ты извини и прости и люби. Буду и я тебя также любить. Буду любить. Любить и любить».

Правила и обстановка воспитания

Глава 20. Работа над словом

Слово здоровое, не укоризненное... Тит. 2, 8

«От избытка сердца говорят уста» (Мф. 12, 34), – указывает Господь. Поэтому слово человека есть показатель состояния его сердца. Духовное состояние и наших детей мы можем определять, прислушиваясь к их словам, и разбираясь в тех побуждениях сердца, которые вызывали эти слова. Работая над фруктовым садом, садовник обрезает у молодых дичков бесплодные ветки и прививает к ним плодоносные. Так же должны работать родители над детьми – обрезать и искоренять недолжные слова и порывы и прививать добродетели научением доброму слову.

В чем должен заключаться этот труд? Первое, чему следует учить детей, – это серьезности отношения к словам: «От слов своих оправдаешься и от слов своих осудишься», – говорит Господь (Мф. 12, 37).

Поэтому слова наши – это те гири, которые вместе с делами будут класться на чаши весов при решении нашей судьбы на Страшном Суде. Поэтому и ап. Иаков говорит: «Всякий человек да будет скор на слышание, медлен на слова» и «Кто не обуздывает своего языка... у того пустое благочестие» (Иак. 1, 19–26).

Второе, чему надо учить детей, – это скупости в словах. Господь предупреждает нас: «Говорю же вам, что за всякое праздное слово, какое скажут люди, дадут они ответ в день суда» (Мф. 12, 36). Поэтому ап. Петр считает молчаливость за одну из основных добродетелей (1Пет. 3, 4), а премудрый Соломон говорит: «Кто хранит уста свои, тот бережет душу свою» (Притч. 13, 3).

Один старец говорил также: «Много раз жалел я о том, что сказал, и ни разу – о том, что промолчал».

Третье – это достижение у детей абсолютной правдивости в словах. Ложь отвратительна для чистой души, как отвратительны физическая грязь и вонь. И следует сказать, что

сохранение в ребенке правдивости не будет трудным делом, если дитя растет в чистой среде с верой в Бога и если сами родители никогда не допускают греха лжи на своих устах, всегда показывая в этом пример детям.

Хороший ребенок всегда покраснеет, если скажет неправду нечаянно и заметит это. Но кроме лжи грубой, бывает ложь тонкая, и от такой надо предостерегать детей. Это манера приукрашивания в разговоре, преувеличения, неточность изложения фактов или преднамеренное одностороннее освещение дела. И в этом надо всегда уличать детей; христианин должен быть щепетильным в духовной чистоплотности.

Подобная щепетильность должна наблюдаться при выполнении детьми своего слова или обещания. Эти обещания должны выполняться точно: уклонение от них или просрочка (например, времени возвращения домой, начала времени домашних учебных занятий и т. п.) должны рассматриваться как обман, и дети в этих случаях должны получать замечания и затем наказываться до тех пор, пока не приучатся к аккуратности.

Широко распространен грех осуждения и в среде христиан. Нелегко побеждается этот порок, но за преодоление его Господь обещает великую милость – прощение всех грехов: «Не судите, да не судимы будете» (Мф. 7, 1). Чтобы запечатлеть в детской душе серьезность греха осуждения, детям следует рассказывать истории, как наказывает Господь за осуждение. Таких рассказов много в духовной литературе. Вот один из таких рассказов. Один старец мысленно осудил согрешившего брата. Ночью слетел к нему ангел, неся душу осужденного. «Брат, которого ты осудил, умер, – говорит ангел. – Господь спрашивает тебя, куда низвергнуть его душу за тот грех, за который ты его осудил вчера?» Тогда понял старец свое жестокосердие.

Не надо позволять детям делать друг другу замечания, если они не умеют это делать с любовью и кротостью. Пусть в этом случае они руководствуются словами игумена Феодосия из Оптиной пустыни: «Смотри на себя, и будет с тебя».

В особенности строго надо следить за тем, чтобы дети не осуждали самих родителей и не вступали на путь критического к ним отношения.

Однажды к прп. Серафиму пришла мать с сыном, и сын начал жаловаться на слабость матери в отношении вина. Прп. Серафим заградил уста сына своею рукою, считая недопустимым осуждение матери сыном, даже и в том случае, когда для этого имелось основание.

Чтобы предохранить себя от критики детей, родители должны строго воздерживаться при детях от взаимного осуждения, укоров и споров.

Как на духовную язву надо смотреть на склонность детей дразнить друг друга или называть обидными именами. Это тяжкий грех против любви, и с ним надо бороться решительно, не останавливаясь перед серьезными наказаниями, до искоренения этого порока.

Следует удерживать детей и от споров. Спор в обычной форме несет раздражение и, как лишаящий душу мирного устройства, всегда бывает вреден. Вместе с тем спор бывает безрезультатным, если спорящим руководит желание настоять на своем, а не найти истину.

Надо приучать детей также к вежливости в разговоре – чтобы не перебивать говорящего, ожидая удобного времени, когда можно вступить в разговор.

Склонность в детях к хвастовству и неумеренным рассказам о себе указывает на наличие в них гордости и тщеславия. Развитию последних мы часто способствуем сами, когда неумеренно хвалим детей.

С самого раннего возраста, как только дети начнут говорить, их следует приучать к постоянному употреблению трех слов: «прости», «спасибо» и «пожалуйста».

В слове «прости» заключается великая сила. Оно утишает душевные бури гнева и раздражения, примиряет души, возвращая им любовь, и снимает грех с души обиженного или в чем-либо погрешившего против ближнего.

Родителям следует тщательно следить за тем, чтобы все ссоры детей кончались полным примирением и испрошением

прощения виновным у обиженного или взаимным прощением. При этом родителям следует не жалеть своего времени и внимательно разбирать причину ссоры, каждому из детей указывать на его погрешности и при необходимости накладывать взыскание на виновного или на обоих поссорившихся. Этим будут излечиваться те духовные недостатки в детях, которые вызывали ссоры между ними.

Не только за подарки, но и за малейшие услуги, поданную вещь и т. п. дети должны всегда говорить «спасибо». Также и просьбы свои они должны сопровождать словом «пожалуйста». В этом случае просьба будет всегда вежливой, лишенной элемента требовательности, которая совершенно недопустима. Слова «прости», «спасибо» и «пожалуйста» должны как можно чаще и совершенно легко сходить с детского языка.

К имени Бога, Господа Иисуса Христа, Божией Матери и святых у детей должно быть благоговейное отношение. Эти слова Божественны. Произнесение их с верою освящает душу и ненавистно сатане. В имени Иисуса Христа вся сила молитвы Иисусовой. И Его имя есть оружие, которым, по обетованию Господа, мы должны и можем бороться против наших невидимых врагов: «Именем Моим будут изгонять бесов» (Мк. 16, 17).

Поэтому произнесение Божественных имен допустимо у детей только в серьезном разговоре. Нельзя позволять детям перенимать от взрослых поговорки, включающие святые имена, как например: «Ради Бога», «О, Господи!», «Мать Божия!» Все это произносится без внимания, часто с раздражением и есть прямое нарушение заповеди Ветхого Завета:

«Не произноси имени Господа, Бога твоего, напрасно» (Втор. 5, 11).

Детям следует объяснять сущность слова «спасибо». И при произнесении этого слова дети должны чувствовать, что в этом слове они произносят краткую молитву за сделавшего им добро.

Московский старец о. Алексей М. своим духовным детям говорил о необходимости произнесения открытой, полной формы этой молитвы – «Спаси тебя Бог».

Никогда не должны произноситься детьми имена врагов человека – сатаны и бесов, кроме необходимости в том при серьезном разговоре. Эти имена должны быть ненавистны и противны христианину, ищущему спасения.

Основным условием успеха в работе над детским языком, как и во всем деле воспитания, является пример самих родителей.

И счастливы те семьи, в которых родители могли бы дерзновенно сказать детям вместе с ап. Павлом: «Подражайте нам, как мы Христу» (1Кор. 4, 16).

Глава 21. Порядок жизни

Все должно быть благопристойно и чинно. 1Кор. 14, 40

После падения Адама в человеке явился стыд – стремление прикрыть запятнанное грехом тело. Стыд – это сознание порочности своего естества. И вместе с лишением человека радости постоянного богообщения, «сделал Господь Бог Адаму и жене его одежды кожаные и одел их» (Быт. 3, 21).

И пока вера и понятие о грехе сохранялись в людях, до тех пор у них был стыд и считалось бесстыдством обнажать свое или смотреть на чужое обнаженное тело. Так, сыновья Ноя, чтобы не смотреть на обнаженное тело отца, входили в палатку, пятась задом, чтобы накрыть Ноя одеждой (Быт. 9, 23).

Как следствие отступления от Бога и утери веры исчезает и чувство стыда, воцаряется бесстыдство – культ обнаженного тела, вводимый под разными благовидными предложениями.

Христианин не должен поддаваться проповеди бесстыдства и должен беречь от него и себя, и своих детей. С пробуждением в ребенке сознания его надо учить стыдливости. Нельзя обычную одежду детей заменять летом одними трусиками, хотя бы это было не в городе. В особенности надо беречь стыдливость девочек и не приучать их ходить в нескромных платьях.

Нельзя также позволять девочкам купаться без купальных костюмов, а мальчикам – без трусиков, а взрослым детям – купаться девочкам и мальчикам вместе. Целомудренная

стыдливость оценивается у Бога как одна из добродетелей человека.

Грехом против целомудрия является также одевание (хотя бы в шутку) девочек или девушек в мужские костюмы (или наоборот). Об этом есть категорическое указание в Священном Писании: «На женщине не должно быть мужской одежды, а мужчина не должен одеваться в женское платье, ибо мерзок пред Господом Богом твоим всякий делающий сие» (Втор. 22, 5).

В будничные, обычные дни одежда детей должна быть скромна и проста. Дорогие наряды вообще противоречат духу учения Христа и Его апостолов, запрещавших наряжаться в «многоценные одежды» (1Тим. 2, 9). Одежда более нарядная, чем у других, в будничные дни будет питать у детей тщеславие и гордость. И в обычные дни христианские дети не должны выделяться по одежде от окружающих, за исключением только чистоты и опрятности, которые всегда и во всем обязательны.

Как в отношении одежды, так и в отношении вообще всех вещей надо учить детей бережному и бережливому отношению к ним.

Св. авва Дорофей учит беречь свою совесть не только по отношению к Богу и людям, но и к вещам: последние есть Божии дары, и поэтому их надо беречь.

Таково же отношение должно быть у детей к хлебу и всякой пище. Для этого надо напоминать детям слова Спасителя об остатках хлеба: «Соберите оставшиеся куски, чтобы ничего не пропало» (Ин. 6, 12). Поэтому детей надо учить благоговейному отношению к хлебу и никогда не позволять детям играть с хлебом, бросать и оставлять корки или делать из хлеба катышки.

Подобное благоговейное отношение к хлебу было привито в детстве одному известному нам лицу его благочестивой няней. Юношей он потерял на время веру и стал атеистом. Но даже в эти годы ему вспоминались наставления его няни, и он всегда относился к хлебу с каким-то благоговейным чувством. Так важны семена учения и добра, посеваемые в душе в раннем детстве.

Вкушение пищи христианами есть не просто удовлетворение своей физической потребности, как это имеет место у людей, не знающих Бога. Московский старец о. Алексей Мечев так говорил о принятии пищи:

«Во время обеда представляй Отца Небесного, отверзающего руку Свою, чтобы напитать тебя... и что Иисус обедает с тобою... Во время ужина вспоминай о последней вечере Иисуса Христа, моля Его, чтобы Он сподобил тебя вечери Небесной».

Если сами родители так будут относиться к принятию пищи, то это передастся и детям и скажется на их поведении за столом. Вставать из-за стола можно позволять детям лишь после молитвы.

Следует помнить, как принимали пищу первые христиане. Вкушение пищи – так называемые «агапы» – следовало у них непосредственно за богослужением и совершалось в притворе храма.

По свидетельству Климента Александрийского, агапы не только начинались и кончались молитвословиями, но и сопровождались пением псалмов; разговоры за столом не рекомендовались даже взрослым. Как известно, у иноков трапеза сопровождается и теперь чтением духовной литературы, чаще всего житий святых. Как много принесло бы пользы возобновление этого древнехристианского обычая и в быту православной семьи!

Очень важно приучить детей к уступчивости при взаимном обращении и в играх. Для этого им постоянно надо напоминать заповедь Господню: «Кто хочет между вами быть большим, да будет вам слугою» (Мф. 20, 26). В этом отношении большое преимущество имеют многодетные семьи. Здесь старшие дети естественно приучаются уступать и жертвовать своими интересами ради младших.

В таких семьях старшие дети должны также приучаться помогать матери в уходе за младшими; таким образом будет естественно преодолеваться их эгоизм.

Самое трудное – воспитать правильно одного ребенка. Такая семья – это почти «не семья» в настоящем, полном

смысле этого слова. Здесь ребенок является всегда центром внимания, и все его балуют.

От этого велика опасность того, что он вырастет эгоистом с резко выраженными тщеславием и самомнением. Пусть же радуются родители, если Господь им даровал много детей: чем больше детей, тем более Божьего благословения на семью, тем легче будет правильно воспитать детей в духовном отношении. И здесь нечего бояться материальной нужды: вспомним еще раз наблюдение царя и пророка Давида: «Я был молод и состарился, и не видал праведника оставленным и потомков его просящими хлеба...» (*Пс. 36, 25*). Тщательно следует обучать детей и внешней манере держаться. Внешняя сдержанность и собранность помогают и внутренней собранности.

Старец Амвросий Оптинский пишет в одном письме:

«Внешнее обучение и видимое благоприличие предшествуют душевному благоустроению».

Дерзость в обращении и развязность в манерах несовместимы со званием христианина. По учению отцов Церкви, не только толчок или удар, но всякое грубое или фамильярное прикосновение к другому человеку является дерзостью.

Родители также должны следить за тем, прямо ли сидят дети за столом, не допуская их разваливаться или расставлять локти.

Когда св. Арсений Великий прибыл в Египет, чтобы сменить титул «отца государя и его детей» на звание смиренного отшельника, то получил от старцев замечание за свою манеру – сидеть, положив ногу на ногу. Подобная развязность считалась иноками несовместимой с пребыванием в человеке Святого Духа.

Не надо допускать у детей привычки держать руки в карманах, ходить с незастегнутым платьем, мальчикам быть в комнатах в шапках. Недопустимы также привычки бросать на пол сор, свистеть, хлопать дверью, плевать.

Следует следить также за тем, чтобы дети со всеми и всегда были вежливы и к старикам почтительны и внимательны,

подавая им стул, помогая надеть верхнее платье, поднимая упавшую вещь.

При разговоре со старшими дети должны стоять, повернувшись к говорящему лицом, и отвечать обстоятельно на вопросы, не ограничиваясь односложными ответами или, что еще хуже, неопределенными звуками вроде «ага» или хмыканьем.

«Всему свое время и время всякой вещи под небом», – учит премудрый Соломон(*Еккл. 3, 1*). Этой истины не следует забывать при распределении времени детей. Детский день должен быть точно распределен, и дети должны быть приучены к соблюдению его расписания. Особенно точно должно соблюдаться время, когда дети ложатся спать, встают с постели и принимают пищу.

Праздность должна быть исключена с раннего детства: ребенок должен быть чем-либо всегда занят – или игрой, или (с возрастом) учением, или другим делом. Периоды отдыха, игр или гулянья должны следовать в течение дня за временем занятий, детского труда, исполнения своих домашних обязанностей и поручений родителей. Поэтому поговорка «Кончил дело – гуляй смело» должна стать для детей одним из ненарушимых правил.

Надо приучать детей также просить родителей перекрестить их, когда они уходят в школу или ненадолго из дома. Когда родители осеняют крестным знамением детей, то следует читать, по совету старцев, следующую молитву: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, благослови, освяти, сохрани силою Животворящего Креста Твоего».

В промежуток времени между принятием пищи нельзя позволять детям что-либо кушать. Сласти должны приниматься лишь после другой пищи. Выдача их и вообще улучшенный стол должны быть приурочены к церковным и семейным праздникам. В эти дни дети должны по возможности освобождаться от занятий и труда, и их время должно посвящаться посещению храма и отдыху.

Надо стараться приучать детей по возможности точно соблюдать заповедь Божию: «Помни день субботний, чтобы

святить его. Шесть дней работай и делай всякие дела твои. А день седьмой – суббота Господу, Богу твоему...» (*Исх. 20, 8, 10*). В старой Руси эта заповедь строго соблюдалась, до самого последнего времени держалась она и в русской деревне. В праздничные дни и одежда детей должна по возможности отличаться от обычной. Нарядность в одежде будет празднично настраивать детей и умерять резкость их порывов и движений.

К семейным и большим церковным праздникам следует приурочивать выдачу детям подарков.

Здесь следует вспомнить один прекрасный обычай – это преподнесение взаимных подарков на рождественской елке и в семейные праздники виновнику торжества.

В приготовлении подарка участвуют все подросшие дети, которые сами готовят подарки: девочки – какое-либо вышивание, мальчики – поделки из дерева, картона и бумаги с художественной раскраской и т. п. В одной православной русской семье дети (их было шестеро) перед рождественской елкой устраивали «съезды», на которых детально обсуждались пожелания и вкусы родителей и вырабатывались планы приготовления подарков.

Если были неясности, то за столом дети старались с помощью наводящих (но осторожных, чтобы не выдать цели) вопросов узнавать, что было бы приятно получить родителям. Затем производились заготовки и закупки материала, из которых тайно готовились подарки.

Такие же подарки готовились детьми в дни именин и рождения как родителей, так и крестных отцов и матерей.

В той же семье был введен следующий порядок выдачи денег подрастающим детям. Каждому выдавалось на месяц 3 рубля. Из этих денег дети должны были обслуживать свои почтовые расходы, делать все закупки на подарки, подавать нищим и оплачивать потерю и порчу всех своих вещей, если это происходило по их вине.

Так, один из мальчиков этой семьи потерял носки при купании. Его заставили самого пойти в город и на свои деньги купить новые носки. Тот же мальчик помнил всю свою жизнь, как

его пробирали за то, что он выбросил за окно вагона обкусанное яблоко.

Семья христианина как с внутренней, так и с внешней стороны должна быть всегда образцом благопристойности, чистоты и порядка. На этом настаивал еще ап. Павел в своем послании к Коринфской Церкви(1Кор. 14, 40).

Приложение к главе 21-й

Насколько важны для детей хорошие навыки, их дисциплинированность, аккуратность, вежливость, собранность и умение держаться, говорит следующий рассказ из английской жизни.

Одному начальнику торговой конторы нужен был молодой человек для выполнения разных поручений. Он поместил об этом объявление в газету. В назначенный час в его приемной собралось несколько десятков молодых людей, желавших поступить к нему на работу.

Англичанин вызывал их по очереди к себе в кабинет, беседовал с ними и в результате без колебания остановился на одном мальчике.

Присутствовавший при этом друг англичанина был удивлен его выбором и спросил: «Почему вы выбрали этого мальчика? Ведь у него не было ни одной рекомендации, в то время как у многих были прекрасные рекомендации от солидных лиц?»

«Вы ошибаетесь, мой друг, – отвечал англичанин, – у этого мальчика было много ценных и совершенно достоверных рекомендаций, таких, которых не было у других. Я перечислю их:

1) когда этот мальчик вошел в кабинет, то тихо затворил за собою дверь, которую другие или вовсе не затворяли, или делали это со стуком;

2) хотя мальчик был одет бедно, но все платье было на нем чистое, без дыр, ботинки были вычищены и во всей одежде была заметна аккуратность, чего не доставало многим другим;

3) волосы у мальчика были подстрижены и причесаны, лицо и руки совершенно чистые, ногти на пальцах обрезаны и не имели на концах «траура» – темных каемок, как у многих других;

4) мальчик остался стоять до тех пор, пока я не предложил ему сесть, в то время как другие сами садились без приглашения;

5) когда я уронил со стола бумагу, он тотчас же поднял ее с полу, чего не делали другие;

6) когда в кабинет вошла женщина, мальчик немедленно встал и предложил ей свой стул у моего стола;

7) когда он вошел в комнату, он тотчас же снял фуражку и держал ее все время в своей руке, в то время как другие попросту клали ее ко мне на стол;

8) мальчик сидел на стуле прямо, не развалясь, как это делали другие;

9) он ясно, точно и достаточно громко отвечал на мои вопросы, глядя мне в лицо и не говоря ничего лишнего;

10) когда я предложил мальчику дать мне свой адрес, то он написал его хорошим почерком, аккуратно и без ошибок.

– Как видите, мой друг, – закончил англичанин, – я получил от этого мальчика целых десять совершенно надежных рекомендаций».

Как было бы хорошо, если бы родители постоянно проверяли своих детей – умеют ли они держаться так, как мальчик, избранный англичанином. А этот рассказ следует прочесть детям.

Глава 22. Забота о чистоте души

Больше всего хранимого храни сердце твое. Притч. 4, 23

Апостол Иоанн описывает в Откровении будущую столицу Царства Иисуса Христа – Новый Иерусалим, куда будет принесена слава и честь народов (21, 26). Но об этом Новом Царстве Господь предупреждает нас, что «не войдет в него ничто нечистое» (Откр. 21, 27).

Следует помнить, что человека сквернит не только нечистота телесная, но и мысленная.

Как пишет прп. Макарий Великий:

«Есть блуд, совершаемый телесно, а есть блуд души, вступающей в общение с сатаною».

И насколько страшна нечистота мысли, дает представление следующий рассказ, приводимый в письмах Серафима Святогорца, который следует знать всем детям, вступающим в юношеский возраст.

В одном монастыре при игумении жила племянница – молоденькая девушка, прекрасная собою и безупречного поведения. И все сестры монастыря радовались на ее ангельскую жизнь и истинно иноческую скромность. Но вот девушка внезапно умирает. Сильно любила игуменью свою племянницу и ей захотелось узнать, какой славы Небесного Царства достигла ее племянница, скончавшаяся в девственной чистоте.

Игуменья наложила на себя строгий пост и начала усиленно молиться об исполнении своего желания. Господь исполнил ее просьбу и однажды во время ночной молитвы она узнала участь своей племянницы. Но не в светлой радости рая она увидела ее, а среди пламени ада. «Ты ли это? – в ужасе воскликнула игуменья, – и за что ты попала сюда? Ведь я надеялась увидеть тебя среди ликів ангельских и среди непорочных агниц Христовых».

«За то, – отвечала осужденная, – что при непорочности моего тела я не сумела сохранить в чистоте мою душу и мои мысли сердечные. Я питала привязанность к одному юноше и услаждалась в моих мыслях нечистыми мечтаниями. Считаю это за грех, я совестились, однако, рассказать про это на исповеди духовнику. И по смерти моей ангелы Божии возгнушались мною и оставили меня в демонских руках».

«От тайных моих очисти меня», – поет псалмопевец(Пс. 18, 13). Ранее уже указывалось на опасности, которые грозят целомудрию детей и юношей – книги с нечистыми образами и рассказами, нескромные иллюстрации и картины. Все это должно быть тщательно устранено от детей. Не меньшая опасность грозит от товарищей и подруг с нечистыми вкусами и разговорами, склонными к рассказам грязных анекдотов и историй. Всё возможное должны делать родители, чтобы у детей не было соприкосновения с таким обществом.

Рано или поздно понадобится узнать детям про природные законы размножения. Однако не надо торопиться рассказывать детям об этом, а делать это лишь тогда, когда они подрастут и сами будут задавать вопросы. Об этом блж. Иероним так пишет одной матери: «Удаляйся того мнения, будто юности полезно измлада приобрести некоторые сведения, которые впоследствии приходят сами собой».

Разъяснение этих вопросов должно быть осторожным, постепенным и даваться мальчикам отцом, а девочкам – матерью. Вместе с тем нельзя допускать, чтобы эти разъяснения дети получали со стороны или от сверстников: они могут быть получены тогда в грязных, безнравственных, а порой – и извращенных формах.

Когда дети будут переходить из отроческого в юношеский возраст, родителям надо познакомить их с церковными установлениями о тех днях и условиях, при которых нельзя принимать Причастия, пить святую воду, вкушать освященный хлеб и пищу и целовать крест и иконы (*Лев. 15, 16–17, 19*).

Оберегая целомудрие детей, им нельзя разрешать лежать утром в постели после пробуждения и не надо делать для них слишком мягких и теплых постелей.

Детям, особенно взрослым, бесполезно слишком сытно есть на ночь, им следует более есть днем. Для юношей пища не должна быть слишком богата белками (рыба, молочное), и в особенности умеренным должно быть употребление мяса.

Родителям надо помнить в этом отношении библейскую историю о пророке Данииле и трех отроках еврейских, которые во дворце Навуходоносора захотели питаться только зеленью и пить только воду.

При испытании, «лица их оказались красивее, и телом они были полнее всех отроков, которые питались царскими яствами». Таким образом, зелень и вода оказались для отроков наиболее полезной пищей, сохранившей их целомудренную свежесть и силу тела.

Также благотворно повлияла эта пища и на их занятия наукой и их дух. Об этом так говорится в Библии: «И даровал Бог четырем сим отрокам знание и разумение всякой книги и

мудрости, а Даниилу еще даровал разуметь всякие видения и сны» (Дан. 1, 8–17).

Чтобы дольше не просыпалось в юношестве чувство полового влечения, в идеале родителям надо позаботиться о том, чтобы в жизни не было, по возможности, тесного соприкосновения подрастающих девочек с мальчиками. Так, им не надо отводить общую спальню, а в одной квартире не следует жить девушкам и юношам (за исключением, естественно, родных по крови).

Также, по возможности, и обучение девочек и мальчиков должно быть организовано отдельно. И такую систему возможного разделения полов следует проводить во всем, следуя в этом традиции старой русской семьи, основанной на Православии и на выработанном многовековым опытом.

Чем в большей чистоте мысли удастся сберечь родителям своих детей, тем ближе они будут к Царствию Божию. А чем ближе к нему будут дети, тем доступнее оно будет и для родителей, как об этом уже говорилось ранее. И если поискать на земле счастливых родителей, то это не будут родители знаменитостей – ученых, поэтов, музыкантов, изобретателей, общественных деятелей, ибо «что высоко у людей, то мерзость пред Богом», – говорит Господь (Лк. 16, 15). Но это будут те родители, которые вырастили крепких молитвенников за себя перед Престолом Божиим, родители угодников Божиих – преподобных, исповедников, мучеников и святителей. Недаром в первые века христианства считалось счастьем иметь мучеником кого-либо из членов семьи или близких родственников.

Следует отметить, что о родителях прп. Серафима – Исидоре и Агафье – молился и молится не только преподобный, но все почитатели преподобного, так как он всех относящихся к нему просил молиться за его родителей.

Пример молитвы за своих родителей дает также упоминаемая ранее игумения Арсения. Трогательно ее отношение к своему отцу, с которым связывала ее горячая любовь. В своих записках м. Арсения пишет (передается не дословно): «Батюшка, я вспоминала и молилась о тебе всегда,

когда целовала Евангелие и когда прикладывалась к иконе Богородицы. Каждый день утром, вечером и днем я молилась о тебе Господу...» И надо думать, что праведница много помогла отцу своими молитвами: он скончался как истинный христианин со всеми признаками спасения души.

Счастливы также родители детей, в девственности и непорочности сердца взятых к Себе Богом от земли.

Прп. Серафим говорил: «Велик перед Богом подвиг девства». Поэтому мудрые родители должны радоваться, если их дети пойдут путем девственного уневещения себя Христу. По словам ап. Павла, кто «решился в сердце своем соблюдать свою деву, тот хорошо поступает. Посему выдающий замуж свою девицу поступает хорошо, а не выдающий поступает лучше» (1Кор. 7, 37–38).

Так воспитывала, например, св. Григория Богослова его мать Нонна. Ее старание было утверждено помощью Божией через чудесное сновидение отрока. Он увидел двух прекраснейших дев в длинных белых одеждах. На его вопрос: «Как их зовут?» – они сказали ему, что их имена Чистота и Целомудрие и что они спутники Иисуса и подруги тех, кто хочет всецело посвятить себя благочестивой жизни. Сон произвел на отрока такое впечатление, что он решил посвятить себя безбрачной жизни.

И благо тем родителям, чьи дети будут стремиться стать среди тех 144 000 девственников, одетых в белые одежды, у «которых имя Агнца написано на челах», «поющих новую песнь пред престолом» Бога, которой никто, кроме них, не мог научиться, и следующих за Агнцем «куда бы Он ни пошел» (Откр. 14, 1–4).

Глава 23. Образование и трудовые навыки

Слова мудрых – как иглы и как вбитые гвозди, и составители их – от единого пастыря. А что сверх всего этого, сын мой, того берегись: составлять много книг – конца не будет, и много читать – утомительно для тела. Еккл. 12, 11–12

В условиях современной жизни для родителей обычно остается мало возможностей влиять на светское образование

детей: для младшего и среднего возраста программа образования довольно стандартна.

Было бы бесполезно сейчас обсуждать – что из этой программы образования является действительно необходимым и что является ненужным балластом. Будем считаться с государственной программой обучения как с фактом, реагируя на него так, как делали это христиане первых веков – времен господства язычества, о чем говорилось уже выше (см. гл. 13).

Вопрос в этом отношении для родителей состоит только в том – нужно ли дополнять чем-либо обычное школьное образование (сверх духовного воспитания). Этот вопрос следует решать строго индивидуально – в зависимости от склонностей ребенка.

В общем случае – этого делать не надо, и все свободное время, которое остается у школьников и их родителей употреблять на дополнение светского образования духовным (изучение Священного Писания, истории Церкви, жизни св. отцов и богослужения) путем соответствующего чтения и бесед с детьми (см. гл. 10).

Нужно помнить, что всякое светское дополнение школьного образования будет отнимать время и силы и отразится ослаблением духовного образования, о значении которого для души ребенка говорить излишне. И не будут ли подобные – дополнительные к школе – занятия (светскими науками) теми «заботами житейскими», которыми не следует отягчать свои сердца по заповеди Самого Господа (Лк. 21, 34).

Приобретение истинной мудрости не зависит от количества прочитанных книг. Об этом же пишет еп. Феофан Затворник: «Пусть считается главным – изучение веры, пусть лучше время назначается на дела благочестия и, в случае столкновения, преимуществуют последние над ученостью» («Путь ко спасению»).

Но для некоторых детей могут быть сделаны исключения. Это будет тогда, когда у ребенка с детства проявляются определенные склонности, например, к музыке, живописи, поэзии, изучению природы. В этом случае родителям надо способствовать развитию в ребенке данных ему от Бога

талантов и искать соответствующих учителей. Занятия с последними подготовят ребенка для соответствующей будущей специальности.

Также важно развитие в ребенке специальных трудовых навыков. Этой стороной образования в интеллигентных семьях обычно пренебрегают.

Выше (см гл. 16) уже говорилось о необходимости приучения детей с самого раннего детства к труду и привычке по возможности самим обслуживать себя. Воспитывая детей, родители могут постепенно развивать у них специальные трудовые навыки и знания, которые в дальнейшей жизни пригодятся, будут облегчать жизнь, сделают их более полезными членами общества, а может быть, и будут давать кусок хлеба в трудные минуты жизни или в тяжелые години.

Как правило, каждая мать должна научить своих дочерей уметь шить простые платья и белье, вязать и производить перешивку, ремонт одежды и стирку белья. Каждая девочка должна вместе с тем быть обучена уметь готовить пищу и хорошо разбираться в сортах и качестве продуктов питания.

Для мальчиков очень важно овладеть начатками ремесла столяра, слесаря, плотника, электромонтера.

При наличии склонностей девочек можно научить и художественному шитью, и вышиванию. И мальчикам, и девочкам очень полезно приобрести начатки знаний и навыков из области медицины, как то: уметь перевязывать и бинтовать раны, оказывать первую помощь в несчастных случаях.

Если в распоряжении семьи имеется клочок земли, то всех детей следует приучать и к практике огородного дела и садоводства.

Чем глубже удастся дать знания детям по каким-либо из вышеперечисленных профессий, тем лучше: родители могут быть спокойны за дальнейшую участь их детей в практическом отношении. Они всюду будут полезны и никогда не будут нуждаться в хлебе насущном.

Глава 24. Выбор для детей профессии

Одни в почетном, а другие в низком употреблении. 1Тим. 2, 20

Вот и уходит в даль светлое, безмятежное детство. Отцветает юность... Перед молодой душой встают жизненные задачи, вопросы и трудности. Вот первый и серьезный вопрос – выбор профессии, определение себя на какое-либо занятие в течение большей половины каждого трудового дня.

Царь Давид говорит: «Дней лет наших – семьдесят лет, а при большей крепости – восемьдесят лет, и самая лучшая пора их – труд и болезнь...» (Пс. 89, 10).

Итак, доля и роль труда в жизни велика. Он заповедан Адаму (а с ним и его потомкам) после грехопадения как наказание: «В поте лица твоего будешь есть хлеб» (Быт. 3, 19).

Но характер труда может быть различен. Для одних этот труд может быть благословенным, легким для их духа (хотя может быть и тяжелым для тела) и служить главной целью жизни христианина – спасению своей души. Но для других труд может оказаться тяжелым и быть в какой-то мере препятствием к достижению Царства Небесного.

Поэтому выбор профессии – очень серьезный вопрос, который часто приходится решать один раз и на всю жизнь. Перемена профессии доступна лишь для наиболее простых видов труда, не требующих длительной подготовки.

Если же на последнюю затрачено много лет, то перемена профессии практически очень трудна.

Непременная обязанность родителей – помочь детям правильно выбрать себе профессию.

Для христианина есть один путь для решения всех жизненных вопросов – это искание во всем воли Небесного Любящего и Премудрого Отца, предание себя Его благому Промыслу, ибо «если Господь не созиждет дома, напрасно трудятся строящие его» (Пс. 126, 1).

Если у решающего есть духовный отец или старец и благочестивые родители, то воля Божия будет говорить их устами. И тогда не может быть места колебаниям или сомнениям: послушание может принести многие скорби, когда

поздно будет уже говорить себе: «Маловерный! зачем ты усомнился?» (Мф. 14, 31).

Но какими основами должны руководствоваться родители, давая указание детям о выборе ими будущей профессии?

У христианина в жизни нет случайностей: у него «и волосы на голове все сочтены» (Мф. 10, 30). И как говорилось уже ранее, Всеблагий Отец премудро направляет ко благу наши пути внешними обстоятельствами нашей жизни.

И если юноше или девушке от Бога дарованы особые способности, то последние и определяют будущую профессию. Так определяются профессии художника, скульптора, музыканта, певца, поэта, писателя.

Если в молодой душе горят любовь и сочувствие к страждущей и болящей меньшей братии Христа, если ей понятны наивысшие и чистейшие радости земли – стирать слезы несчастным, то пусть идет она по пути «возлюбленного врача» (Кол. 4, 14) и апостола Луки, целителя Пантелеимона, св. врачей Космы и Дамиана и друзей человечества – доктора Гааза, Лешко-Попела и т. д. Это – благословенная профессия, дающая чувство глубокого духовного удовлетворения.

Следует руководствоваться при выборе для детей профессии и склонностью их к чему-либо, например к какому-либо ремеслу или к какой-либо отрасли науки, техники, при условии, что это – давно сложившаяся прочная склонность.

Но бывают временные поверхностные увлечения, которые быстро проходят. Поэтому и при наличии склонности с решением не надо торопиться, как во всех затруднительных и неясных вопросах, когда воля Господня не так очевидна. И в этих случаях надо прибегнуть к усердной молитве – да откроет Небесный Отец Свою благую волю в видимых для родителей и юной души признаках.

Как осуществляется исполнение молитвы?

Конечно, нельзя ждать ничего чудесного – какого-либо сновидения и т. п. Мы по своей греховности недостойны прямых откровений. Поэтому, как говорилось уже ранее, нам надо научиться распознавать выявление воли Господней по внешним признакам.

Чаще всего случается, что эту волю мы услышим в советах близких и опытных в жизни людей. К словам последних надо быть всегда очень внимательными и чутко к ним прислушиваться.

И в том случае, когда совету предшествует усиленная молитва, Господь Сам положит на сердце тому, у кого мы просим совета, сказать нам Его святую волю.

Нет сомнения, что наиболее высокий и достойный путь для христианина – это путь пастырский.

Здесь вместе с тем следует упомянуть, что, как пишет о. Александр Ельчанинов:

«Священство – единственная профессия, где люди поворачиваются к тебе своей самой серьезной стороной и где ты все время живешь «всерьез»».

Здесь христианин выполняет наиболее великое из предначертанного человеку, которое так определяется епископом Михаилом Таврическим: «Всюду, где только можно, насаждать царство любви и гармонического развития личности в духе при помощи Христа».

Ап. Павел пишет: «Если кто епископства желает, доброго дела желает» (1Тим. 3, 1). Но здесь неуместно побуждение. Пастыри избираются Самим Богом. «Не вы Меня избрали, а Я вас избрал и поставил вас», – сказал Господь апостолам(Ин. 15, 16). И Своих избранных Господь Сам приведет к Себе, и ничто в жизни не заглушит у Божия избранника внутреннего зовущего голоса – настойчивого стука Высокого Гостя(Откр. 3, 20).

Часто думают, что умственный труд – это высший, наиболее почетный труд для человека, а физический – низший. Так ли это?

Какую профессию выбрал Себе на земле Сам Строитель и Творец Мира и занимался ею до тех пор, пока не вышел на Свое верховное служение?

Как мы знаем, Он был плотником (Мк. 6, 3).

А из кого выбрал Он Себе первых учеников и апостолов?

Можно было бы думать, что их следовало выбирать из мудрецов, книжников, учителей. Но нет – это были простые

неученые рыбаки. И ап. Павел пишет: «Но Бог избрал немудрое мира, чтобы посрамить мудрых, и немощное мира избрал Бог, чтобы посрамить сильное; и незнатное мира и уничиженное и ничего не значащее избрал Бог, чтобы упразднить значащее» (1Кор. 1, 27–28).

Есть, вместе с тем, одно преимущество у простого физического труда или ремесла перед умственным трудом. Последний требует всего человека – и его рук, и ума, а через ум завладевает чаще всего и сердцем.

Физический труд или привычное ремесло занимает преимущественно руки, оставляя в значительной мере свободным ум и не затрагивая сердца. И если в человеке есть склонность к молитве, то такой труд менее другого помешает ему заниматься молитвой и богомыслием, оставляя свободу отдавать ум и сердце Единому и Вечному.

Правда, для Господа нужны Свои рабы во всех слоях общества. Но тем, кому на долю выпал умственный труд с необходимостью непрерывного совершенствования в какой-либо специальности и постоянной заботы – следить за новейшими достижениями в данной отрасли науки или техники, тем можно сказать слова ап. Павла: «А мне вас жаль» (1Кор. 7, 28).

Вместе с тем таким христианам надо знать, что книжная мудрость и эрудиция – богатство познаниями в науке или технике – представляют ту же опасность, как и всякое богатство. Они чаще всего всецело овладевают человеком и его сердцем.

Св. отцы даже опасаются утонченности ума. Так, св. Исаак Сириянин пишет:

«Ходи перед Богом в простоте, а не в мудровании ума. За простотой следует вера, а за утонченностью и изворотливостью мудрования – самомнение, за самомнением же – удаление от Бога».

Следует предостеречь также от часто напрасной затраты времени и сил у девушек, стремящихся к профессиям, требующим длительной подготовки.

Если девушка имеет склонность к семейной жизни (а таких громадное большинство), то ее подготовка (помимо изучения Закона Божия) должна быть направлена более всего на воспитание детей и мудрое ведение всех дел семьи и семейного хозяйства. Для этого от нее потребуются умение хорошо шить, готовить пищу, хорошо разбираться в медицинских вопросах.

И если даже такие девушки останутся одинокими, то и в этом случае незачем им затрачивать много сил и времени для подготовки к трудным профессиям. Для одинокой много ли надо в жизни? Ведь «жизнь человека не зависит от изобилия его имения», – сказал Господь (Лк. 12, 15).

И почему бы девушке не выбрать скромное ремесло медицинской сестры или даже швеи, которое всюду нужно, дает верный кусок хлеба и опыт, что может быть использовано и в семейной жизни.

Часто при выборе профессии следует принимать во внимание и состояние здоровья: в современной промышленности есть много предприятий, на которых атмосфера такова, что и крепкое здоровье быстро разрушается.

Поэтому родителям и самим юношам необходимо предварительно хорошенько разузнать про условия работы, которую они выбирают.

Против ряда профессий следует решительно предостеречь. Со званием христианина в современных условиях вряд ли допустима, например, профессия артиста.

В Древней Руси считалось недопустимым и позорным «надевать на себя личину». Ведь человек сотворен по образу и подобию Божию (Быт. 1, 20), а христианин призван быть в чине «царственного священства народа святого» (1Пет. 2, 9).

Совместимо ли это со многими ролями, которые будут поручаться актеру? И может ли «образ Божий» служить угождению часто низких вкусов и прихотей толпы? В первые века христианства актеров отлучали от Церкви, а св. Иоанн Златоуст даже запрещал христианам общение с ними или вкушение с ними пищи.

Казалось бы, что всякое звание не противоречит званию христианина. Так, мы знаем святых из воинов (мученик Иоанн Воин, мученик Меркурий, благоверный князь Александр Невский и многие другие).

Но надо вспомнить царя Давида. Давид был Помазанником Божиим, пророком и псалмопевцем, и все же Господь не захотел, чтобы первый Иерусалимский храм был построен его руками: на них было слишком много пролитой им человеческой крови. Поэтому храм был построен сыном Давида – Соломоном.

Надо помнить слова ап. Павла о сосудах, из которых одни «в почетном, а другие в низком употреблении» (2Тим. 3, 20). И поскольку это в нашей воле – зачем избирать себе путь для более «низкого употребления»?

Пусть избегают также юноши горделивых мечтаний о высоком положении в мире. «Что высоко у людей, то мерзость пред Богом» (Лк. 16, 15), – говорит Господь.

И чем выше на земном поприще стоит человек, тем ему бывает труднее и тем опаснее для его души, а иногда и для тела: «Подальше от царей – голова целей», – говорит пословица. На высоких местах требуется или большая мудрость, которой может не хватить, или требуется «прислуживаться», т. е. кривить душой, лицемерить, льстить, а все это – неправда перед Богом, это может повести к гибели души.

Глава 25. Молитва родителей о детях – залог успеха воспитания

Просите и дано будет вам. Лк. 11, 9

Глубокий знаток духовной жизни св. Исаак Сириянин основным условием для успеха всякого дела человека считал нижеследующее:

«Всякую вещь, малую и великую, должно ему в молитве испрашивать себе у Создателя своего».

Итак, первым условием успеха воспитания детей является усиленная молитва о них родителей. А если мы чувствуем слабость и невнимательность нашей молитвы, то, по учению св.

отцов, качество нашей молитвы мы должны, как говорилось выше, восполнять количеством ее. Так советовал прп. Серафим. Он рекомендовал родителям не ограничиваться в своей молитве обычными правилами, но, подражая инокам, вставать на молитву и в полунощный час.

Примеры усиленной молитвы за своих детей мы видим еще у праведников Ветхого Завета.

Так, Иов, «вставая рано утром, возносил всесожжения по числу всех детей своих, говоря: «Может быть, сыновья мои согрешили» и так делал Иов во все дни» (*Иов. 1,5*).

В своей молитве за детей Иов был близок духу Христову – духу посредничества между Богом и людьми.

Как и всякая молитва, молитва родителей за детей может быть разумной и неразумной. Ап. Иаков говорит: «Просите и не получаете, потому что просите не на добро» (*Иак. 4, 3*).

О чем же прежде всего должны молиться родители в отношении детей?

Очевидно, что основное стремление родителей должно быть направлено к воспитанию ребенка живым членом воинствующей Церкви Христовой. И молитву об этом Господь исполнит в свое время. Но когда придет это время, нам не дано знать; бывают случаи, что Господь вел юношей не прямым путем, но, спасая их от гордости, допускал временно уклонения их с прямого пути и падения. Пусть в таких случаях не отчаиваются родители, но еще прилежнее умоляют Всемогущего («утомляют своею молитвою Неутомимого»).

Надо помнить в таких случаях пример горячей молитвы Моники за своего сына – блаженного Августина. Последний в юношеские годы попал в дурную среду, стал вести порочную жизнь и присоединился к ереси манихеев.

Все, что могла, – все сделала Моника для исправления сына. Она не только увещевала его, но одно время даже лишила его общения с собою, удалив из своего дома, несмотря на безграничную любовь к нему. Моника оплакивала своего сына, как мертвеца, и непрестанно молилась о его возвращении к истинной вере.

Обращение его случилось не скоро, но до этого Господь не оставил ее без утешения, и в одном сновидении она видела ангела, предсказавшего ей о будущем обращении сына. Не оставляя своих увещеваний, она просила одного епископа повлиять на сына.

Епископ, однако, отказался от этого, учитывая, очевидно, безнадежность такой попытки при том состоянии духа, в котором был тогда Августин. Он посоветовал Монике не уговаривать его более, а лишь усердно молиться о нем Богу. Вместе с тем видя силу ее горя, он как бы предсказал ей: «Не может быть, чтобы погиб сын таких слез».

Действительно, Августин был спасен этими горячими слезами и молитвами и стал впоследствии в ряды великих учителей Церкви. И, упоминая значение в его жизни молитв матери, его часто называют «сыном слез».

Св. отцы говорят: «Осторожно молитесь о внешних судьбах жизни христианина».

Это относится и к молитве родителей и, в частности, к тому случаю, когда родители молятся о выздоровлении смертельно болящего ребенка. Случается, что Господь спасает родителей от будущего горя тем, что отнимает у них детей в раннем возрасте. Поэтому родителям нужна в этих случаях смиренная покорность всеблаговому Промыслу Божию, и молитва их о болящем, как бы горяча она ни была, всегда должна кончаться словами Господа в Гефсиманском саду: «Впрочем, не Моя воля, но Твоя да будет» (Лк. 22, 42). В таких случаях надо помнить рассказ о том, как с отчаянием молилась одна мать о выздоровлении двух своих сыновей, лежавших в смертельной горячке. В тонком сне Господь открыл ей будущее ее сыновей на земле. Она видит их взрослыми за разгульной пирушкой в кабаке. В ссоре они бросаются друг на друга и ножами наносят друг другу смертельные раны.

Очевидно, не с матери этих двух сыновей надо брать пример родителям, а с матери Людовика Французского (католического святого), которая говорила ему: «Мне легче видеть тебя умирающим на моих глазах, чем совершающим смертный грех».

Поэтому нельзя предаваться отчаянию при смертельной болезни ребенка, но брать пример с царя Давида при болезни его сына. Неделью молился царь и ничего не ел, говоря: «Кто знает, не помилует ли меня Господь, и дитя останется живо?». Но когда дитя умерло, то Давид успокоился и стал есть, так объясняя свое поведение окружающим: «Теперь оно умерло, зачем же мне поститься? Разве я могу возвратить его? Я пойду к нему, а оно не возвратится ко мне» (2Цар. 12, 22–23).

Конечно, помимо случаев, когда по воле Божией дети умирают, несмотря на мольбы родителей, имеется еще более случаев, когда усердная молитва родителей чудесно спасала смертельно заболевшее дитя.

Надо помнить, что молитва родителей за детей имеет перед Богом особую силу: горячая любовь движет и горячую молитву. А горячая молитва не останется не услышанной Богом.

Я слышал такой рассказ из жизни наших дней. Родители отпускали своего сына от себя на три года в среду, полную опасности и для его тела, и для его духа. «Сын наш, – сказал ему отец, – где бы ты ни был, в 12 часов ночи всегда вспоминай, что твои родители в это время молятся за тебя преподобному Серафиму». И в полунощный час, когда все затихало, сын вспоминал своих родителей.

Он знал, что родители свято исполняли свое обещание и в это время возносили свою ночную молитву за него к преподобному. Будучи во многих опасностях, он всегда чувствовал охранительную силу родительских молитв. И когда он вернулся через три года разлуки, то первыми его словами своему отцу были: «Папа, преподобный Серафим спас меня вашими молитвами».

Сила родительской молитвы такова, что бывают случаи, когда Господь не отказывает родителям даже тогда, когда им следовало бы отказать.

Свидетельством этому является случай из рода московского купца Азурина. За страшный грех – клятвопреступление – был наказан не только сам Азурин, но и его потомство: все мужское поколение Азуриных постигало или самоубийство, или сумасшествие. На этом роду оправдались

слова Священного Писания: «Я – Господь Бог твой, Бог ревнитель, наказывающий детей за вину отцов до третьего и четвертого рода, ненавидящих Меня; и творящий милость до тысячи родов любящим Меня и соблюдающим заповеди Мои» (Исх. 20, 5–6).

Одна из Азуриных при смертельной болезни ребенка всю ночь в исступлении молилась и рыдала перед образом святого, особо почитаемого семьей, умоляя спасти сына. Под утро в полусне она видит, что святой вышел из иконы и сказал ей: «Неразумна твоя молитва, ты не знаешь, кем будет ребенок. Но если ты так просишь, то пусть будет по твоей просьбе». Сын выздоровел, вырос, и жизнь его стала проклятием для его матери.

Как к тяжелой, так и ко всякой болезни ребенка родители должны относиться спокойно.

«Здоровье есть дар Божий», – говорил прп. Серафим. Но не всегда бывает полезен этот дар. Как и всякое страдание, болезнь имеет силу очищать нас от душевной скверны, заглаживать наши грехи, смирать и смягчать нашу душу, заставляет одумываться, сознавать свою немощь и вспоминать о Боге. Поэтому болезни нужны и нам, и нашим детям. О болезнях последних так пишет в одном письме старец Амвросий Оптинский: «Не должно забывать и мудреного настоящего времени, в котором и малые дети получают душевное повреждение от того, что видят, и от того, что слышат, и поэтому требуется очищение, которое без страданий не бывает; очищение же душевное по большей части бывает через страдания телесные... Посмотрите – и самые грудные младенцы не без болезней ли или страданий переходят в будущую жизнь?»

Тяжело видеть страдание детей. Но знаем ли мы, что в некоторых случаях виновниками этих страданий бываем мы сами?

Однажды к старцу Амвросию подошел крестьянин, на руках у которого бился бесноватый мальчик, и попросил старца об исцелении ребенка. «Чужое брал?» – строго спросил старец. – «Брал, грешил, батюшка», – отвечал крестьянин. – «Вот тебе и

наказание», – сказал старец и отошел от несчастного отца, оставив его без помощи в беде.

Точно так же в житии прп. Аммона (память 4 октября) рассказывается про отрока, укушенного бешеной собакой в наказание родителям за их грех – кражу вола.

Смерть сына царя Давида последовала также, как наказание за вину отца (2Цар. 12, 14).

Страдания невинных детей так объясняются св. Нифонтом, еп. Кипрским (память 23 декабря):

«Многие живущие в мире... в грехах своих не каются и о душах своих попечения не имеют.

По этой-то причине Господь наказывает как детей, так и самих родителей различными бедами, чтобы болезнью детей очистить родительские беззакония и возбудить самих родителей к принесению покаяния и тем оправдать их на Страшном Суде Своем...

Знай, что младенцы без греха страдают для того, чтобы им за напрасную их смерть получить жизнь нетленную, а родителям их удостоиться за их страдания целомудрия истинного покаяния».

Поэтому при страдании ребенка нам следует спрашивать свою совесть: не покарал ли Господь за мой грех моего ребенка?

Может быть, часто единственным средством, служащим для выздоровления ребенка, является покаяние его родителей.

Здесь, как и ранее, мы приходим все к тому же основному выводу, который должен глубоко запасть в наше сердце – сердце родителей: судьба, счастье, спасенье наших детей зависят прежде всего от нас – их родителей.

Поэтому с полным самоотвержением и любовью, трудясь «в поте лица» и идя «узким путем», путем «безумной» мудрости (1Кор. 3, 18) постараемся спасти себя покаянием и «стяжанием Духа Святого Божия», а через это мы спасем и наших детей.

Прежде всего на деле докажем нашу действительную деятельную любовь к ним и прибегнем к теплой, постоянной, усердной молитве к Богу за наших детей и о даровании нам

мудрости в важнейшем для нас деле – в деле их духовного воспитания.

Ибо, по словам псалмопевца, «если Господь не созиждет дома, напрасно трудятся строящие его; если Господь не охранит города, напрасно бодрствует страж» (Пс. 126, 1).

Приложения к главе 25-й

К сожалению, в практике Православной Церкви не имеется общепринятых образцов молитвы о своих детях.

Такую молитву мы нашли у Одной христианской матери – супруги священника, так молящейся о своих детях: «Милосердный Господи, Иисусе Христе, Тебе вручаю детей наших, которых Ты даровал нам, исполнив наши моления.

Прошу Тебя, Господи, спаси их путями, которые Ты Сам знаешь. Сохрани их от пороков, зла, гордости, и да не коснется души их ничто, противное Тебе. Но веру, любовь и надежду на спасение даруй им, и да будут они у Тебя избранными сосудами Духа Святого, и да будет свят и непорочен пред Богом их жизненный путь.

Благослови их, Господи, да стремятся они каждую минуту жизни своей исполнить волю Твою святую, дабы Ты, Господи, мог всегда пребывать с ними Духом Своим Святым.

Господи, научи их молиться Тебе, дабы молитва была им опорой и отрадою в скорбях и утешением жизни их, и да молитвою их спаслись и мы, их родители. Ангелы Твои да охраняют их всегда.

Да будут дети наши чутки к горю ближних своих и да исполнят они Твою заповедь любви. И если согрешат они, то сподоби их, Господи, принести покаяние Тебе, и Ты по Своей неизреченной милости прости их.

Когда же окончится жизнь их земная, то возьми их в Свои небесные обители, куда пусть ведут они с собою других рабов Твоих избранных.

Молитвою Пречистыя Твоея Матери Богородицы и Приснодевы Марии и святых Твоих (перечисляются все святые семьи), Господи, помилуй и спаси нас, яко препрославлен еси со Безначальным Твоим Отцом и Пресвятым Благим

Животворящим Твоим Духом, ныне и присно и во веки веков. Аминь».

Следует добавить к вышеописанному еще несколько предупреждений. Учитывая современную обстановку, рекомендуется проявлять осторожность при требованиях к детям, которые могут давать в ряде случаев не положительные, а отрицательные результаты.

Религия есть соль. «Соль – добрая вещь», – сказано Христом. Но что бывает с пищей, если ее пересолить? Поэтому в воспитании детей в наше время нужны осторожность и осмотрительность, а не строгая схема «диссертации», потому что в нашей жизни наблюдается следующее.

Ребенок встает утром в школу с трудом, как это бывает у большинства детей. Никакой физзарядки он не делает, но родители следят, чтобы он встал на молитву. Так пусть же молитва крошки будет простая, но горячая, идущая от сердца: «Господи! Я иду в школу! Помоги мне быть внимательным, быть прилежным, сообразительным. Сохрани меня от злых людей, от бед, от ошибок. Пошли мне, Господи, ангела святого, чтобы он мне помог и хранил меня. Я иду по Твоей воле, так благослови же меня, Господи!» И, перекрестясь благоговейно, пусть бежит малыш с сознанием, что идет исполнять дело, порученное ему Богом.

Но что мы наблюдаем на деле? Малыш наспех твердит заученные, непонятные ему молитвы, небрежно крестится, кладет поклоны и косится на часы. «Ах, как длинна эта молитва!» – думает он. Но сократить нельзя, его слушает бабушка. Вдруг телефонный звонок. Бабушка уходит. Какое счастье! Можно уйти поскорее, чтобы порезвиться с ребятами лишние минуты на школьном дворе. Малыш упустил длинный ряд поминальных молитв и имен, но зачем ему они? Он не знал этих людей, имена которых ему велено произносить, так не все ли равно для крошки, что ждет за гробом их души. «Да притом же они и так в раю, ведь бабушка говорит, что они были хорошие люди», – рассуждает он.

В школе ребята аппетитно завтракают сосисками, колбасой и т. д. А наш малыш смотрит на них с завистью и с осуждением:

«Греховодники! Ведь сегодня пост!» Постепенно недоброжелательство к товарищам, рожденное завистью и осуждением, растет у малыша. Он охотно дерется с товарищами и слывет за «нервного» и «недотрогу». Но проходит некоторое время, и вот малыш уже дома не всегда и не сразу слушает родителей. Его наказывают, и он боится уже этих наказаний. Приходится ему скрывать свои проступки, опоздания, лень, шалости; приходится обманывать мать и отца. Так за чем же дело стало? Он вскоре купит себе в буфете сосисок, ведь «они» не узнают; а Бог? «Да я покаюсь на исповеди, скажу в общем: «Не слушался», – ну и все. Батюшка отпустит. Бог простит».

Так понемногу внутренне дитя «отделяется» от строгости и подвигов религии и начинает чувствовать себя бодрее и веселее. А кто как не родители виновен в том, что это стало ребенку непосильным и он стремится его сбросить? Лучше бы они дали ему возможность питаться наравне с другими, играть и гулять вместе с товарищами, чем вынудили дитя свое скрывать, обманывать, лукавить и лицемерно молиться!

То же происходит и с телевизором, и с книгами. «Грех» не впускается в дом, и поэтому дитя стремится уйти из дома и насладиться тем, чем живут его товарищи. Длинные, непонятные церковные службы часто тяготят детей, они вздыхают и думают про себя: «Опять праздник! Опять пост! Как счастлив сосед, который часто ходит в кино и смотрит дома ТВ! Скорее бы вырасти и бежать из дома!» Но эти мысли ребенок носит в глубине души, никому не говоря, ибо знает, что последуют нотации, длинные внушения, а то и наказания. До поры до времени, пока дитя боится ремня, оно терпит. Но вот уже 13–14 лет, и сын стал выше матери ростом. «С ним сладу нет – переходный возраст», – жалуется мать. О, нет, дорогая, теперь он вырвался, но жажда этой свободы зрела в нем давно – с 5–6 лет, и теперь родителям уже не взять его в руки. Надо было в 7–8 лет узнать душу его, не журить и таскать за собой по церквям, а пойти навстречу желаниям ребенка: купить ему ТВ, отменить (не следовало бы и начинать) посты и молитвословия, ибо молитве-то настоящей его не научили. Молитва есть беседа

души с Богом, как с любящим Другом, а вашему сыну религия и Бог были преподносимы, как бесконечные ограничения, томления и страдания. Вера, которая должна бы его окрылять и делать счастливейшим из людей, стала с детства его бичом, отнимающим радости жизни, он рассуждал так: «Из-за того, что я верующий, мне нельзя, как всем, смотреть телевизор, а как это интересно! Нельзя читать ряд книг, а все о них говорят, все рассуждают, кроме меня. Я какой-то отщепенец. Из-за длинных бесконечных церковных служб не хватает времени на спорт, на гулянье – вот я слаб и не закален, я стал из-за этого посмешищем для товарищей! К тому же я не могу позвать к себе моих школьных друзей, не могу быть ни с кем откровенным: родители меня не понимают, а от друзей я вынужден скрывать свою веру, иначе меня засмеют».

Подросток становится мрачен, озлоблен и скрытен, отказывается вскоре от всех внешних проявлений веры: от постов, от молитв, от церкви. Ужас родителей нельзя передать, но этого следовало ожидать с того дня, как они увидели скуку и тоску в глазах ребенка в ответ на их призыв к молитве и церкви.

«Диссертация» толкует о благодатных утешениях, которые должны заменить верующей душе земные блага. Но ведь до благодатных-то утешений надо дорасти! Дух-то Божий надо стяжать! Надо побороть в себе дурные наклонности, а борец-то должен быть прежде всего с умом. А ума-то как раз и нет у дитяти. Поэтому «иго» религии его тяготит и ломит, если оно возложено на него с детства и не осторожно, а со строгой требовательностью.

Надо бояться «пересолить» больше, чем недосолить. Не всякой душе дано с детства ощущать веяние Духа Святого. Насильно благодать душе не привьешь. Если тот, кому даны четыре таланта, чувствует Бога и отраду пребывания с Ним с младенчества, то тот, кому даны лишь два, почувствует эту же благодать лишь на краю могилы, свершив уже свой жизненный путь, полный подвига. Так не надо нагружать дитя всеми внешними формами религии, чтобы отрок не отбросил свои «два таланта», не закопал их, решив, что пять ему все равно не приобрести, так стоит ли стараться приобретать четыре? Но

Господь дал второму ту же награду, что и первому, потому что у Него в «хозяйстве» нужны всякие сосуды – и глина, и металл, и фарфор, и хрусталь. Так и у всякого своя мерка на молитву, лишь бы она шла от сердца и горела любовью к Богу, чтобы религия была юной душе отрадой, опорой, руководством в жизни, а не тяжким бременем, мешающим идти. Помоги Бог воспитателям, поистине мудрость «змеиная» нужна им, о чем да просят они Бога усердно и горячо. Нельзя подходить всегда лишь схематично к вопросу воспитания детей. Надо учитывать наследственность и то, что сами родители – грешные люди. Ведь в притче Своей Господь сказал: одному дано пять талантов, другому – два, иному – один. Если требовать с ребенка, которому дано два, то же, что с того, кому дано пять, то воспитатель промахнется: сломится его душа от излишнего напряжения. А статьи «диссертации» написаны так, как будто родители уже святы и должны быть святы их плоды. На самом-то деле родители сами без конца падают (греховно), и дети с пеленок видят вокруг себя грех. Так как же их наказывать тем, кто сам не мог искоренить грех в себе и сам испортил своего дитя?

Не услышим ли мы голос Господа: «Сначала вынь бревно из своего глаза...»

Поэтому основное внимание родителей должно быть направлено на свой духовный рост, на воспитание себя самого. Кто себя не сумел воспитать, как сумеет воспитать другую душу? До семи лет, пока ребенок слов не понимает, его можно заставить силой повиноваться, т. е. применить наказание. Но в отроческом возрасте надо действовать лишь убеждением, иначе будет одно зло: кончится дружба между воспитателями и детьми, кончится и влияние старших. Надо твердо помнить: насильно мил не будешь. Если ребенок не любит отца и мать, то зря они стараются подбирать ему книги, общество и т. п. Он ускользнет от их влияния. Поэтому прежде всего надо беречь любовь и уважение к себе детей. Потеряв это – потеряешь и детей. Поэтому можно зачастую и сделать ослабление к своим требованиям, т. е. быть снисходительными и прощать, как и Христос прощает нас.

Бог есть любовь. Если нарушен этот принцип – нарушено все в семье. Напрасны тогда иконы, лампы, посты, кресты, духовное чтение и молитвословия. Нет любви в семье – значит, нет среди нас и Бога. А любовь не раздражается, не гордится, не ищет своего. А в какой семье нет подобного греха? Дети все чувствуют, чувствуют и уход благодати из семьи. Остается внешнее, без внутреннего содержания. Соль, потерявшая силу.

Слава Богу, что у нас есть Таинство покаяния, после которого надо начинать все сначала. Прежде всего надо воззвать к Богу и попросить Его от всей души помочь подняться из той пропасти, в которой мы находимся. А с ребенком нужно идти нога в ногу: вникать в его желания, объяснять их ему, помогать разбираться в картине, в книге, в жизни, указать, к чему что ведет, ибо грех в жизни часто украшен красивой, обольстительной оболочкой а потому сильно влечет немудреную, простую душу ребенка. Пусть лучше дети смотрят фильмы дома, чем на стороне, ибо дома есть родители. Если запрещать то, что дети желают, то они начнут обманывать, и один грех повлечет за собой другие. Наказание отшатнет детей окончательно, и все слова родителей будут, «как об стенку горох».

Родителям надо учитывать, что враг беспрестанно сеет плевелы в душе неокрепшей, неразумной, податливой. Поэтому надо засеивать самим душу, интересоваться всем, чем интересуются дети, и помогать им разбираться, что на пользу душе, а что во вред. Поэтому главное – контакт с детьми и добрая совесть перед Богом.

Родителям всегда надо учитывать, что душа изменчива и всю жизнь свою способна принимать как хорошие семена, так и плохие. Что касается «духовных радостей», то до этих радостей надо детям еще дорасти духовно, а пока надо дать им доступную радость.

Родителям всегда надо учитывать, что душа изменчива и всю жизнь свою способна принимать как хорошие семена, так и плохие. Что касается «духовных радостей», то до этих радостей надо детям еще дорасти духовно, а пока надо дать им доступную радость.

Примечания

1. Естественно, что степень воздержания будет сильно зависеть от духовной зрелости, от возраста, социального положения, профессии, природных талантов, общественной деятельности и т. д. – прим. авт.

2. Действительно, для престарелых людей бывает трудно для поста менять свой привычный режим питания. Такая перемена часто несет за собою желудочные заболевания и потерю в какой-то мере трудоспособности. Последнее же, по указанию св. Варсонофия Великого, указывает уже на неправильность поста. прим. авт.

3. Среди смертных грехов имеется и хула на Духа Святого, которая, по словам Спасителя, «не простится ни в сем веке, ни в будущем» (Мф. 12, 31–32). По мнению затворника Георгия Задонского, к этому тяжкому греху относятся: 1) сознательное оскорбление святыни, 2) грех отчаяния (самоубийство), 3) расчет на милость Божию при сознательном проведении жизни в тяжких грехах.

4. Здесь следует упомянуть о некоторых и довольно редких исключениях. Как человек, так и животные бывают бесноватыми. Из Евангелия мы знаем о бесах в стаде свиней. Бесноватых животных можно узнать по их особенной злобе и ярости. прим авт.

5. этот рассказ заимствован из книги святителя Иоанна Тобольского «Илиотропион», или «Сообразование человеческой воли с Божественной волей». Эта книга оказывает могущественное действие на душу, успокаивая ее, примиряя с Богом, миром и своей судьбой, вселяя неизменную веру в благодать Божьего Промысла.